АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

Л. Ю. ЯНИТС

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА В ПРИУСТЬЕ Р. ЭМАЙЫГИ

(ЭСТОНСКАЯ ССР)

1/128781

1 В-216 III

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Л. Ю. ЯНИТС

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА В ПРИУСТЬЕ р. ЭМАЙЫГИ

(ЭСТОНСКАЯ ССР)

ТАЛЛИН 1959

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР

*

РИСО № 298

*

Редактор М. Х. Шмидехельм

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
128781

Эпоха неолита оставалась до недавнего времени одним из наиболее слабо изученных периодов древней истории Эстонии, несмотря на то, что в музеях накопилось значительное количество каменных предметов, добытых главным образом путем случайных находок. В обобщающих трудах неолит рассматривался как нечто суммарное, замкнутое в себе, без достаточного прослеживания изменений, совершившихся за этот долгий промежуток времени. Не хватало и материала для того, чтобы увязать неолит как с предшествовавшим, так и с последующим периодами. Ввиду немногочисленности материалов, относящихся к периоду раннего металла, бытовала даже такая точка зрения, будто бы территория Эстонии в это время была почти покинута населением.

В Советской Эстонии изучение памятников эпохи неолита и раннего металла было выдвинуто в качестве одной из основных задач археологического исследования. Сектор археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР в течение ряда лет производил раскопки на поселениях названного периода. Изучение накопленного раскопками материала дало возможность детальнее, чем до сих пор, проследить развитие материальной культуры. Выяснилось также, что это развитие продолжалось беспрерывно и в последующее время; поэтому теперь уже не приходится говорить о каком-то «разрыве» между неолитом и периодом раннего металла. На основании новых материалов в настоящей работе делается попытка дать более подробную периодизацию эпохи неолита и раннего металла, что является необходимой предпосылкой для дальнейших углубленных исследований. Наконец, удалось в некоторой мере осветить и этнические вопросы рассматриваемого времени.

Часть результатов этих работ уже опубликована в виде отдельных небольших статей. Эти результаты учтены и в соответствующих разделах обобщающих трудов, например в первом разделе I тома трехтомной «Истории Эстонской ССР» (Таллин, 1955). Настоящая же работа представляет собой первое монографическое исследование по эпохе неолита и раннего металла в Эстонии.

Работа была выполнена в Институте истории АН ЭССР, где хранятся и использованные в ней материалы. Кроме того, были привлечены соответствующие материалы как музеев Эстонии, так и фондохранилищ Москвы, Ленинграда, Риги, Вильнюса и Каунаса. В ходе работы рукопись многократно обсуждалась в секторе археологии, а также на Ученом совете Института истории и в Президиуме АН ЭССР. В 1954 г. автор защитил эту работу в качестве кандидатской диссертации при Тартуском госу-

дарственном университете. Позже рукопись была дополнена новыми материалами и местами переработана.

Неоценимую помощь автору оказали его научные руководители академик АН ЭССР Х. А. Моора и доктор исторических наук М. Х. Шмидехельм. Много ценных указаний сделал проф. А. Я. Брюсов (Москва), которому автор благодарен и за литературную обработку рукописи. В большей или меньшей мере автору оказывал содействие весь коллектив Института истории АН ЭССР, в особенности работники сектора археологии.

По вопросам, касающимся геологического развития и природных условий приустья р. Эмайыги в рассматриваемый период, автор в значительной мере использовал помощь академика АН ЭССР К. К. Орвику, который просмотрел и соответствующую главу рукописи. Пыльцевые анализы были произведены в Московском торфяном институте при любезном содействии проф. С. Н. Тюремнова. Кости животных определены проф. В. И. Цалкиным (Москва) и заведующим сектором зоологии Института зоологии и ботаники АН ЭССР К. Л. Паавером, а кости рыб — В. Д. Лебедевым (Ихтиологическая лаборатория Московского государственного университета).

Работу перевел на русский язык И. А. Бахмат. Иллюстрации изготовлены художниками Л. Ю. Калво, К. Ю. Мей, В. О. Пильтер и Э. П. Руйзо.

Автор выражает свою искреннюю признательность всем лицам, содействовавшим выполнению и опубликованию настоящего труда.

Январь 1959 г. **Автор**

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Рассматриваемые в настоящей работе поселения по всем своим характерным признакам, по расположению и инвентарю, а также по отражающемуся в нем уровню развития материальной культуры, относятся к типичным неолитическим памятникам лесной зоны СССР. Эти поселения, однако, существовали очень долго, и надо думать, что позднейший период их существования совпадает уже с ранней эпохой металла.

О знакомстве обитателей этих поселений с металлом свидетельствуют бронзовые предметы, которые, по сообщению местных жителей, находили на них, но которые, к сожалению, не сохранились. Об этом свидетельствуют также некоторые особенности полученного при раскопках материала позднейшего времени, который мы на основании параллелей из других местонахождений должны отнести к бронзовому веку.

Хотя описываемые поселения были обитаемы в течение очень продолжительного времени, их тип в основном не изменялся. Поэтому надо полагать, что характерные для лесного неолита способы добывания средств существования — рыболовство, охота и собирание растительной пищи — сохраняли свое значение на протяжении всего времени существования поселений. Исследованные в приустье р. Эмайыги поселения прекратили свое существование лишь тогда, когда новые способы добывания средств к существованию, в первую очередь скотоводство, начали вытеснять прежние типы хозяйства. Лишь в результате коренных изменений в способе производства изменился и тип поселений: возникли укрепленные поселения. Таким образом, стоянки в районе устья р. Эмайыги продолжали существовать до ранней эпохи металла, до появления укрепленных поселений. Рассматриваемые в настоящей работе памятники охватывают период времени с III по I тысячелетие до нашей эры.

К планомерному археологическому исследованию памятников этого периода на территории Эстонской ССР приступили лишь после восстановления здесь советского строя. До этого ни прибалтийско-немецкие, ни буржуазные эстонские археологи не уделяли достаточно внимания памятникам этого периода.

До Великой Октябрьской социалистической революции археология в Прибалтийских губерниях являлась главным образом монополией прибалтийских немцев. Только они имели в своем распоряжении необходимые для проведения археологических работ материальные средства.

Первым местным исследователем каменного века следует считать профессора Тартуского университета К. Гревингка (1819—1887). Его специальностью была минералогия, но, изучая геологическое прошлое страны, он приходил в соприкосновение и с археологическими памятниками. Под конец археология стала основной областью интересов Гревингка. В 1865 г. он опубликовал свою первую обобщающую работу,[1] в которой дается перечень и описание всех обнаруженных на территории Эстонии и Латвии каменных предметов, а также их сравнение с соответствующими материалами соседних территорий. Делается также попытка дать на их основе некоторые исторические выводы. Хотя эти выводы сами по себе очень беспомощны, все же в них явно проглядывала цель, свойственная вообще всей прибалтийско-немецкой историографии: показать коренное население Восточной Прибалтики диким и отсталым, с тем чтобы оправдать таким образом захватнические действия немецких феодалов в XIII веке и позднее жестокую эксплуатацию местного крестьянства со стороны потомков этих «культуртрегеров». Гревингк растягивал период существования каменного века на территории Восточной Прибалтики до VI века, а началом железного века считал лишь XIII век нашей эры, т. е. время появления чужеземных завоевателей. Следует отметить, что такие извращения были возможны благодаря очень слабо разработанной к тому времени хронологии, согласно которой железо появилось в Северной Европе сравнительно поздно.

Несколько лет спустя Гревингк в своей новой работе [2] дополнил опубликованный им в упомянутом первом труде список каменных предметов новыми находками. В работе «Zur Archäologie des Balticum und Russlands» («К археологии Прибалтики и России») он сделал попытку дать более детальный обзор всей археологии Восточной Прибалтики.[3] Конец каменного века он датирует теперь уже началом нашей эры, учитывая факт открытия нового типа могильников с оградками, или, как он их называл, «ладьевидных могил», инвентарь которых свидетельствовал о том, что уже начиная с первых веков нашей эры железо вошло в широкий обиход. Могильники с оградками Гревингк считал памятниками древних германцев — готов.[4]

Впоследствии Гревингк уделил большое внимание исследованию обнаруженного в 1870-х годах местонахождения у Кунда. Он установил су-

---

[1] C. Grewingk, Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften GEG Nr. 4, Dorpat 1865.

[2] C. Grewingk, Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Verh. GEG VII : 1, Dorpat 1871, стр. 1—56.

[3] C. Grewingk, Zur Archäologie des Balticum und Russlands I, II. Archiv für Anthropologie VII, X, Braunschweig 1874, 1877.

[4] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 7 и сл.

ществование древнего озера Кунда, проследил условия залегания находок в болоте Кунда и, сделав разведывательные раскопки на холме Ламмасмяги,[1] обнаружил там остатки древнего поселения, которое он правильно связал с болотными находками. Местонахождению Кунда Гревингк посвятил и свои последующие крупные работы.[2] В них он приводит подробное описание археологического материала и геологических условий залегания его, применяет далеко идущие сравнения, но в хронологических и этнических вопросах он повторяет свои прежние необоснованные положения. Обитателями поселения Кунда, по его мнению, были финно-угры, которые стояли на низком уровне культурного развития, прибыли сюда по морю с территории Финляндии или Швеции и жили здесь в течение продолжительного времени. Сравнивая Кунда с другими, примерно в то же время обнаруженными по соседству неолитическими местонахождениями, он считает ладожские находки древнее кундаских, а Риннюкалнс на севере современной Латвии относит к несколько более позднему времени. Гревингк считал, что финно-угорское население обитало в Восточной Прибалтике и позже, вместе с готами, прибывшими сюда в начале нашей эры. Им-то якобы и принадлежали «ладьевидные» могилы с оградками. Для подтверждения «низкого» культурного уровня местного коренного населения еще и в более позднее время он опирался на известное описание путешествий Олеария в XVII веке. Преемственную связь древнейших обитателей каменного века с населением позднейших времен, когда появились первые письменные источники, он все же ставит под вопрос, так как в его время еще не были известны археологические памятники VII—VIII вв.

В меньшей степени Гревингк занимался исследованием поздненеолитических могильников с боевыми топорами.[3] Соответствующий материал был тогда еще крайне отрывочен. Гревингк относил проушные каменные топоры к сравнительно позднему периоду. Он не сумел разглядеть то особое положение, которое занимают эти могильники среди других памятников каменного века. Гревингк является также автором первой археологической карты Прибалтийских губерний.[4]

Заслугой Гревингка следует считать собирание и первое систематизирование археологического материала. Составленные им описания предметов отличаются точностью и подробностью. Как минералог, он опре-

---

[1] C. Grewingk, Archäologische Ausflüge in Liv- und Estland. Sb. GEG 1886, Dorpat 1887, стр. 169 и сл.

[2] C. Grewingk, Geologie und Archaeologie des Mergellagers von Kunda in Estland. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, I Serie IX : 1, Dorpat 1882. C. Grewingk, Die Neolithischen Bewohner von Kunda in Estland und deren Nachbarn. Verh. GEG XII, Dorpat 1884, стр. 1—88.

[3] Sb. GEG 1876, Dorpat 1877, стр. 184 и сл. C. Grewingk, Archäologische Ausflüge in Liv- und Estland, стр. 173 и сл.

[4] C. Grewingk, Archaeologische Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Erläuterungen zur Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Verh. GEG XII, Dorpat 1884, стр. 89—133.

делил материал каменных предметов, учитывая в большой степени и геологические условия мест находок. Однако в хронологии каменного века он еще не разобрался. Весь материал каменного века он рассматривал как одно целое, а если и делал попытки различить более древние и поздние комплексы, то это ему не всегда удавалось. Каменный век в Восточной Прибалтике охватывал, по его мнению, сравнительно короткий период времени. В отношении абсолютной хронологии он считал его к тому же поздним периодом.

Концепции Гревингка в области этнических вопросов, которых он часто касался, псевдонаучны и не выдерживают критики. Очень уж рельефно выступает тенденция во что бы то ни стало оправдать привилегированное положение прибалтийских немцев. Аналогичные устремления характерны для всего господствовавшего тогда в прибалтийско-немецкой историографии апологетического направления, ставившего себе целью защитить феодальные привилегии своего класса от попыток русского правительства ограничить эти права.[1]

Под влиянием Гревингка некоторые местные помещики стали также заниматься археологией. В связи с рассматриваемым периодом следует отметить, в частности, имя К. Сиверса (1814—1879), открывшего неолитические стоянки Риннюкалнс и Звейниеки у Буртниекского озера. На первой стоянке он произвел раскопки в 1875 и 1877 гг., позднее — совместно с немецким антропологом Р. Вирховым. В течение продолжительного времени стоянка Риннюкалнс оставалась единственной неолитической стоянкой в Восточной Прибалтике, основной материал которой был добыт путем раскопок. Методика раскопок, как известно, была тогда еще весьма примитивной.

Первым эстонцем, проявившим активный интерес к археологическим памятникам, был сельский учитель из Абья Я. Юнг (1835—1900). Начиная с конца 1870-х годов, он произвел ряд раскопок (правда, на более поздних памятниках), опубликовал их описания и выступил с сообщениями о результатах своих работ. Как диллетант и к тому же представитель интересов развивающейся эстонской сельской буржуазии, Юнг перенял без всякой критики реакционные концепции прибалтийско-немецких археологов и не создал своей собственной точки зрения. Основная же деятельность Юнга заключалась в регистрации всякого рода археологических памятников и распространенных в народе сведений о них. Эта работа была проведена им на всей территории Эстонии. Ему удалось создать довольно многочисленную сеть корреспондентов, с помощью которых он собрал богатый материал. Основная часть полученных материалов опубликована в несистематизированном виде по кихелькондам.[2]

---

[1] Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии. Часть I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, стр. 166 и сл.

[2] J. Jung, Muinasaja teadus Eestlaste maalt. I. Üleüldine muinasaja kirjeldus. Jurjew 1899. II. Kohalised muinasaja kirjeldused Liivimaalt, Pernu ja Viljandi maakonnast. Jurjew 1898. III. Kohalised muinasaja kirjeldused Tallinnamaalt. Tallinn 1910.

Среди этих материалов имеются и сведения о находках каменного века. Собранный Юнгом археологический материал совершенно сырой, он содержит всевозможные сведения, которые приводятся без выбора и критики. Все же основная ценность работы Юнга заключается в том, что, зарегистрировав почти все доступные в то время данные, он их сохранил для изучения в будущем. Одновременно деятельность Юнга способствовала популяризации археологических памятников среди широких народных масс — работа, к которой прибалтийские немцы не проявляли ни малейшего интереса.

После смерти Гревингка в течение ряда лет никто специально не занимался вопросами каменного века Прибалтики. Внимание прибалтийско-немецких исследователей было сосредоточено на памятниках более позднего периода, связанных, как они полагали, с проникновением сюда готов. Каменный и бронзовый века были затронуты лишь в некоторых сводных работах Р. Гаусмана (1842—1918), профессора истории Тартуского университета. Гаусман стал заниматься археологией в конце XIX века и занял вскоре центральное положение среди исследователей древнейшей истории Прибалтики. Свой первый обзор археологии Прибалтики он составил в виде вступления к каталогу обширной выставки, устроенной в связи с X Археологическим съездом в Риге в 1896 г.[1]

Как справочник этот иллюстрированный каталог и по настоящее время сохранил известное значение, обзор же, написанный Гаусманом, а также последующие его сводные работы [2] дали сравнительно мало нового материала по каменному и бронзовому векам и ничего существенного не внесли в исследование этих периодов. Гаусман относил каменные могильники с ящиками, датируемые в действительности поздней эпохой бронзы и началом железного века, к неолиту и предполагал, что многие городища восходят к той же эпохе. В своей последней популярной сводной работе (1910 г.) он все же располагает важнейшие известные к тому времени неолитические местонахождения в правильном хронологическом порядке, считая наиболее древней стоянку Кунда, несколько более поздней — Пярну и относя Риннюкалнс к еще значительно более позднему периоду. В этнических вопросах он высказывается более осторожно, чем Гревингк. В то время как последний почти уверенно утверждал, что население каменного века в Восточной Прибалтике составляли финно-угры (разумеется, в намерении противопоставить их низкий уровень развития «высокой» культуре проникших, по его мнению, сюда позднее готов), то Гаусман считал принадлежность населения каменного века к финно-уграм лишь гипотезой.

---

[1] Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896, стр. IX—LXXXV.

[2] R. Hausmann, Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908, Riga 1909, стр. 1—52. R. Hausmann, Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland. Dorpat 1910.

X Археологический съезд в Риге привлек к вопросам археологии Восточной Прибалтики также и внимание русских ученых. Некоторые русские археологи производили здесь раскопки, изучая, однако, памятники, не относящиеся к интересующему нас периоду. Московский этнограф и археолог Н. Н. Харузин (1865—1900) написал на основании всей опубликованной до того времени археологической литературы критический обзор состояния археологического исследования Восточной Прибалтики.[1] Будучи прогрессивным ученым, Харузин освещает многие вопросы более многосторонне и объективно, чем местные прибалтийские немцы. Харузин подчеркивает, что так как Прибалтийские губернии географически составляют естественное продолжение северных и западных областей России, то памятники Прибалтики следует изучать в тесной связи с археологией этих областей. Местных же археологов нисколько не интересовала исследовательская работа, проводившаяся в других областях России. Они изолировали себя и вследствие этого неизбежно проявили односторонность при оценке материала, строя легкомысленно гипотезы, которые не имели под собой достаточного основания. Далее, Харузин отмечает, что археология должна выяснить историю местных племен и их взаимоотношения в таком виде, как они сложились в результате внутреннего развития. Это шло в разрез с установкой прибалтийско-немецких исследователей, которые считали, что местные племена вообще не были способны к развитию, и пытались в соответствии с этим объяснить все более или менее значительные новые явления в их жизни влиянием западных «культуртрегеров». Рассматривая вопросы каменного века, Харузин разоблачает несостоятельность концепций Гревингка и показывает, что материал этой эпохи еще слишком скуден и слабо изучен, чтобы можно было делать на его основании какие-либо серьезные выводы.

В начале XX века, в результате деятельности некоторых коллекционеров, материалы по каменному веку значительно увеличились, особенно на территории Эстонии. В качестве областей, наиболее богатых находками, стали выделяться бассейн реки Пярну и северное побережье озера Выртсъярв. Начиная с 1904 г., при выемке со дна реки Пярну гравия для строительства было обнаружено много находок, главным образом костяных предметов.[2] Этот материал, полученный из разных районов нижнего течения реки, далеко не синхронен. Случайные находки в виде каменных предметов были обнаружены и в других местах бассейна р. Пярну и на побережье оз. Выртсъярв. Собиранием археологического материала занимались и теперь главным образом местные немцы. В качестве особенно усердного и довольно точного коллекционера следует от-

---

[1] Н. Харузин, Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. Временник Эстляндской губернии. Труды Эстляндского губернского статистического комитета, том IX, книга I, Ревель, 1894, стр. 86—236.

[2] E. Glück, Ueber neolithische Funde in der Pernau und die Urbewohner der Pernau-Gegend. Sb. Pernau IV, Pernau 1906, стр. 259—318.

метить вана-вяндраского врача М. Больца (1868—1917).[1] В то время был обнаружен также ряд могильников позднего неолита и эпохи бронзы (например, Коогу, Кыльяла, Кяо, Кивисааре, Карлова). Из некоторых могильников были собраны довольно подробные сведения, а на отдельных из них проведены даже археологические раскопки.[2]

Перед первой мировой войной появилась еще одна обобщающая работа по археологии Прибалтики. Ее автором был приглашенный местным прибалтийским дворянством из Германии в Ригу немецкий археолог М. Эберт (1879—1929). Работа Эберта[3] содержит конспективную классификацию предметов. Каменный век он рассматривает довольно обстоятельно, уделяя особое внимание новым материалам. Новое в его работе — это широкое применение типологии, при помощи которой он пытается привести прибалтийский неолитический материал в соответствие с хронологической классификацией О. Монтелиуса. Однако разработанная Эбертом типологическая схема не подходила для материала Восточной Прибалтики и оказалась в отношении его искусственной.

Таким образом, характерным для дореволюционного периода является то, что археологией Прибалтики занимались в основном прибалтийские немцы. Никто из них (если не считать археолога Эберта) не имел необходимой специальной подготовки, а поэтому их работы носят более или менее любительский характер. Являясь апологетами сословных привилегий господствовавшего в Прибалтике немецкого дворянства, они в археологическом материале соответственно этому искали оправдания привилегированному положению этого класса. Умышленно изолируясь и игнорируя результаты археологических исследований других районов России, они пытались показать все новые явления в жизни местного населения как результат «благотворного» влияния Запада. Они надеялись доказать таким образом, что прибалтийские земли уже с древнейших времен входили якобы в сферу германского «культурного круга» и показать, что прибалтийские немцы имеют историческое право занимать здесь господствующее положение. Этим и объясняется их интерес преимущественно к памятникам более поздних периодов. В части же каменного века деятельность прибалтийских немцев выразилась главным образом в сборе материала, а интерпретация этого материала, поскольку они ею вообще занимались, вела к необоснованным и в значительной

---

[1] M. Bolz, Neolithische Steingeräte aus dem Pernau-Fellinschen Kreise und dessen Umgebung. Sb. Pernau VII, Pernau 1914, стр. I—CXVI.

[2] R. Hausmann, Ueber Gräber aus der Steinzeit im Ostbaltikum: Grabfunde in Woisek und Kölljal. Sb. GEG 1903, Jurjew 1904, стр. 71—81. R. Hausmann, Das Steinzeitgrab von Karlowa bei Dorpat. Sb. GEG 1911, Jurjew-Dorpat 1912, стр. 60—66. M. Bolz, Das neolithische Gräberfeld von Kiwisaare in Livland. Балтийский сборник исследований по археологии и истории. Труды Балтийского предварительного комитета по устройству XVI Археологического съезда в Пскове 1914 г., Рига, 1914, стр. 15—32.

[3] M. Ebert, Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland 1913. Praehistorische Zeitschrift V, Leipzig 1913, стр. 498—559.

степени тенденциозным выводам. Позднее эти «теории» были использованы для сколачивания исторического «обоснования» с целью захвата Прибалтики немецко-фашистскими агрессорами.

В буржуазной Эстонии археология, как и другие науки, была поставлена на службу классовых интересов националистической буржуазии. Это не могло не сказаться на направленности археологических работ. Связи с археологической исследовательской деятельностью в СССР были крайне слабы. Археологическая литература того времени характеризуется антисоветской, а также антирусской ориентацией в открытой или скрытой форме. Это нашло свое выражение в замалчивании или умалении значения восточных культурных связей или в тенденциозном подчеркивании «отсталости» культуры восточных соседей, в особенности славянских племен. В то же время преувеличивалась роль культурных связей с Западом. Буржуазные археологи не отрицали, правда, самобытности местной культуры, но при этом они все же пытались представить якобы высокий уровень западной культуры как фактор, оказавший благотворное влияние на развитие местной культуры. Эстонские буржуазные археологи явно отдавали дань реакционной теории «культурных кругов», согласно которой развитие местной культуры происходило не в результате роста производительных сил, а якобы под влиянием внешних, более высоких культур.

В этот период эстонская археология тем не менее сделала, по сравнению с предшествующим, известный шаг вперед. Возникли свои национальные научные кадры, получившие соответствующую требованиям того времени специальную подготовку. При Тартуском университете был создан в виде кабинета археологии центр, руководивший археологическими исследованиями. Этим учреждением была произведена систематическая регистрация и описание всех известных к тому времени по республике археологических памятников. Была проведена также каталогизация музейных фондов. Таким образом, были созданы необходимые предпосылки для дальнейших научно-исследовательских работ.

Основу археологической исследовательской работы в буржуазной Эстонии заложил известный финский археолог А. М. Тальгрен (1885—1945), который в 1920—1923 гг. состоял профессором археологии в Тартуском университете. На основании разработки всего накопленного до того времени археологического материала он опубликовал обобщающий труд «Zur Archäologie Eestis».[1]

В части каменного века Тальгрен в этой работе дал типологическую классификацию вещественного материала, следуя в основном схеме, разработанной для Финляндии финскими исследователями Ю. Айлио и А. Эйряпя. Новой чертой, отличающей труд Тальгрена от работ предше-

---

[1] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis. I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B III : 6, VIII : 1, Dorpat 1922, 1925.

ствующих исследователей, явилось систематическое прослеживание им топографии памятников, что позволяло установить связь между их размещением и природными условиями. Он отметил древний возраст находок из Кунда, высказав предположение, что они относятся к мезолиту. Он установил наличие на территории Эстонии культуры ямочно-гребенчатой керамики, а также памятников культуры ладьевидных боевых топоров. Тем не менее разработка вопросов неолита носила в его трудах суммарный характер. Он располагал почти исключительно подъемным материалом, из неолитических поселений к тому времени было раскопано, и то частично, лишь одно в Ягала. Отрывочность и односторонний характер материала не позволили Тальгрену сделать сколько-нибудь существенных исторических выводов по неолиту и эпохе раннего металла. Причиной этого являлось ненаучное, идеалистическое понимание им истории. Так, например, он считал, что редкость металлических предметов в эпоху бронзы в Эстонии была обусловлена тем, что страна обезлюдела, население якобы переселилось в другие, более богатые металлом районы. Относительно этнической принадлежности неолитического населения Тальгрен определенно не высказался, однако, согласно установившемуся среди языковедов взгляду, он полагал, что предки эстонцев проникли в Прибалтику за несколько сот лет до нашей эры.

Эстонские буржуазные археологи следовали взятому Тальгреном направлению. Материальные средства для проведения полевых исследований были весьма ограничены, вследствие чего объем археологических раскопок, в особенности в первом десятилетии существования буржуазной Эстонии был незначительным. Недоставало также кадров. В результате этого эстонские археологи не могли уделять внимания в равной мере памятникам всех периодов. В части каменного века изучались преимущественно отдельные памятники мезолита. В течение ряда лет производились раскопки стоянки Кунда-Ламмасмяги, давшие относительно богатый материал.[1] Раскапывались укрепленные поселения эпохи поздней бронзы—раннего железа в Асва на острове Сааремаа и в Иру близ Таллина, производились также раскопки каменных курганов с ящиками.[2]

---

[1] R. Indreko, Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. OESA 1934, Tartu 1936, стр. 225—298. R. Indreko, Die mittlere Steinzeit in Estland. KVHAA Handlingar, del 66, Stockholm 1948.

В последней из названных работ Р. Индреко пытается показать, что Восточная Прибалтика и даже все северные районы Союза ССР якобы были в древности заселены и получили свою культуру с запада. См. критику этих положений: А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 31 и сл., стр. 168—169. А. Я. Брюсов, К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. КСИИМК XLIX, М., 1953, стр. 8 и сл.

[2] R. Indreko, Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused. Tartu 1939, стр. 17—52. A. Vassar, Iru Linnapära. Muistse Eesti linnused. Tartu 1939, стр. 53—100. A. Vassar, Drei Steinkistengräber aus Nordestland. OESA 1937 I, Tartu 1938, стр. 304—364. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.), стр. 18—48.

Исследование же памятников неолита было отодвинуто на задний план. Вплоть до 30-х годов единственным археологически более или менее исследованным поселением оставалась стоянка Ягала.[1] Раскопки небольшого объема были произведены на некоторых позднеолитических могильниках (Сопе, Арду, Кивисааре); эти работы ограничивались, однако, лишь вскрытием отдельных могил. Лишь в конце 30-х годов в Эстонии стали уделять некоторое внимание также изучению неолитических памятников. В 1938—1939 гг. были начаты раскопки поселения Акали и небольшими предварительными раскопками было установлено существование некоторых других поселений (Тамула, Кулламяги).

В результате того, что археологическому изучению памятников рассматриваемого периода уделялось очень мало внимания, по ним не было опубликовано ни одного более или менее обстоятельного монографического исследования. Были напечатаны лишь отдельные небольшие статьи.[2] В настоящее время эти работы имеют ценность лишь постольку, поскольку в них опубликован фактический материал. В обобщающих трудах того периода картина культурных условий в эпоху неолита и раннего металла дана главным образом на основании подъемного материала и использования результатов исследования соответствующих памятников на соседних территориях. В известной мере учитывалась, как мы уже упоминали, топография памятников.[3]

Таким образом, буржуазный период мало что внес в эстонскую археологию в области исследования неолита, как в отношении накопления нового материала, так и его научной разработки. Неолит продолжал оставаться в археологии «белым пятном», периодом, материал по которому был добыт лишь в очень небольшой части путем раскопок и который к тому же был весьма слабо изучен.

Восстановление советского строя в Эстонии в 1940 году ознаменовало начало коренного перелома во всей нашей исторической науке, в том числе и в археологии. Уже в том же году резко увеличился объем полевых исследований. Из неолитических памятников было начато исследование стоянки Ломми (Ленинградская область). Началась перестройка научной работы на основе марксизма-ленинизма.

Процесс перестройки эстонской археологии был, однако, прерван трехлетней немецко-фашистской оккупацией, в период которой научная работа на территории республики замерла. Было осуществлено всего лишь несколько небольших археологических раскопок (на стоянках Тамула и Ундва). Оккупанты намеревались увезти археологические коллекции в Германию. Только лишь благодаря быстрому освобождению Эстонской

---

[1] A. Spreckelsen, Der Burgberg in Jaggowal, Ksp. Jeglecht, Estland. Beiträge zur Kunde Estlands X : 1, 1924/1925, стр. 16—32.

[2] Важнейшие из этих статей перечислены в обзоре Г. Моора, Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК X, М., 1941, стр. 91—92.

[3] См., напр., H. Moora, Die Vorzeit Estlands. Tartu 1932, стр. 13—28. Eesti ajalugu I. Tegevtoimetaja H. Moora. Peatoimetaja H. Kruus. Tartu 1935, стр. 18—77.

ССР Советской Армией летом 1944 года этот план провалился. Все же некоторая часть материалов была расхищена или погибла. Погибло, между прочим, некоторое количество находок со стоянки Акали, материалы которой положены в основу данной работы.

В освобожденной Эстонии были вновь созданы все необходимые условия для развития науки. Особенно большое значение имело основание Академии наук Эстонской ССР в 1946 году, в систему которой входит и Институт истории с особым сектором археологии. С созданием этого сектора археологические исследования приняли планомерный характер. Исследование неолита и ранней эпохи металла было включено в план сектора в качестве одной из основных проблем. Так как для изучения рассматриваемого в настоящей работе периода необходим был в первую очередь новый материал, то было решено сразу же приступить к систематическим раскопкам. Начиная с 1946 года производились раскопки на поселениях Тамула, Акали, Кулламяги, Валма, Вилла, Лоона, Нарва, а также на поздненеолитическом могильнике Кунила. Кроме того, Институтом истории материальной культуры АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной были проведены исследования поселений Нарва-Рийгикюла.

В то же время перед археологами Советской Эстонии встали большие задачи по перестройке теоретических основ всей их работы. Надо было поставить всю работу на подлинно научную основу, на основу марксистско-ленинской методологии. Необходимо было путем острой критики и самокритики вскрыть дворянские и буржуазные извращения и лжеучения. Надо было дать марксистское освещение древнейшей истории Эстонии и ее отдельных этапов. Встала совершенно новая задача, которую буржуазная наука вообще не была в состоянии правильно поставить, — изучение вопросов этногенеза древнего населения Эстонии и соседних территорий.

Большую роль в перестройке эстонской археологии и в развитии ее как советской исторической науки сыграли ведущие научно-исследовательские учреждения Москвы и Ленинграда и их сотрудники. Тесный контакт, установившийся с Институтом истории материальной культуры АН СССР и другими исследовательскими центрами страны, оказал плодотворное влияние. Благодаря ознакомлению с археологической исследовательской работой в общесоюзном масштабе, задачи изучения археологических памятников территории Эстонской ССР предстали перед нами в более широкой перспективе. Была налажена тесная связь также и с археологами Латвийской и Литовской ССР. Углублению творческого сотрудничества значительно способствовали два пленума Института истории материальной культуры АН СССР, посвященных археологии Прибалтики (в 1949 г. в Ленинграде и в 1951 г. в Тарту), и объединенная конференция Отделения исторических наук АН СССР и отделений общественных наук академий наук Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской ССР по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (в 1955 г. в Вильнюсе). Решения этих пленумов и конференций указали направление всей

археологической исследовательской работе в Прибалтийских республиках.[1] В этих решениях подчеркивается также необходимость исследования неолита и ранней эпохи металла.

Некоторые итоги изучения памятников рассматриваемого периода подведены в ряде статей.[2] Настоящая работа представляет собой первый опыт монографического исследования отдельных поселений данного периода.

Несмотря на то, что имеющийся в нашем распоряжении археологический материал в последнее время значительно возрос, следует все же признать, что наши сведения о неолите и эпохе раннего металла в целом еще очень скудны. Мы можем говорить об этом периоде преимущественно лишь в общих чертах; при этом остаются многие пробелы, для восполнения которых приходится прибегать к предположениям. В качестве древнейших неолитических памятников на территории Эстонской ССР нам известны поселения охотников-рыболовов, инвентарь которых характеризуется ямочно-гребенчатой керамикой. Эти поселения пока рассмотрены лишь суммарно и датированы концом III тысячелетия и началом II тысячелетия; только в отношении отдельных из них указывается несколько более продолжительное существование. В первой половине II тысячелетия на территории Эстонии появились памятники так называемой культуры ладьевидных топоров, представленные до сих пор преимущественно могильниками и случайными находками; что касается поселений, то пока обнаружены лишь следы их существования. Культуру ладьевидных топоров связывают с проникновением в Восточную Прибалтику новых этнических элементов, с появлением которых здесь распространилось первобытное скотоводство и земледелие. Очевидно, прежнее население и проникшие сюда новые элементы жили в Прибалтике некоторое время рядом друг с другом. В середине или третьей четверти II тысячелетия боевые топоры, характерные для названной культуры, вышли из употребления. О поселениях последующего периода у нас имеются лишь скудные данные. Предполагают, что обе этнические группы в конце II тысячелетия и начале I тысячелетия постепенно смешались и слились, но для конкретного прослеживания этого процесса материалов пока нет. Вновь можно проследить археологические памятники без перерыва лишь начиная с середины или второй четверти I тысячелетия. В этот период на территории Эстонии появились укрепленные поселения и могильники в виде каменных курганов с ящиками. Население занималось скотоводством и первобытным земледелием. Начиная с этого времени можно, в первую очередь на основании

---

[1] Г. Федоров, За передовую советскую археологию Прибалтики. Вестник древней истории, 1950, № 1, стр. 221—226. Г. Б. Федоров, Сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная археологии Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 3—12. С. А. Тараканова, Изучение этнической истории народов Прибалтики. Вестник Академии наук СССР, 1955, № 8, стр. 99—101.

[2] Краткий обзор вопросов, затронутых в этих статьях, дается с соответствующими библиографическими указаниями в сборнике «Десять лет Академии наук Эстонской ССР (1946—1956)». Таллин, 1956, стр. 145—148, LXVII—LXXIX.

могильников, установить этническую границу между различными племенами, обитавшими в Восточной Прибалтике. Эта граница проходила примерно по рекам Даугаве и Абаве на территории Латвии, причем к северу от этих рек обитали эстонско-ливские племена, а к югу — балтийские.

Существует целый ряд вопросов, без разрешения которых невозможно дать конкретное и основывающееся на фактах изложение древнейшей истории Эстонской ССР. Прежде всего надо отметить, что неолит на территории Эстонии до сих пор рассматривался в отрыве как от предыдущих, так и от последующих периодов. Неолитические памятники выделялись в отдельную хронологическую группу, причем нам, с одной стороны, еще были недостаточно ясны ее связи с мезолитической культурой Кунда, а с другой стороны, не удалось проследить также ее связи с культурой эпохи раннего металла, для которой характерны укрепленные поселения и каменные курганы с ящиками. Археологический материал обоих промежуточных периодов мы знаем пока еще мало.

Далее, как уже указывалось, и сам неолит еще детально не изучен. Нам известно лишь, что поселения с ямочно-гребенчатой керамикой и могильники с боевыми топорами по своему инвентарю резко отличаются друг от друга, и что оба вида памятников принадлежали, следовательно, этнически разнородным племенам с разным экономическим базисом. Эти племена, очевидно, все же в какой-то мере общались между собой. Однако конкретной истории указанных племен мы еще далеко не знаем. Необходимо выяснить происхождение этих племенных групп, а также их взаимоотношения между собой и с соседними племенами. Большое значение имеет выяснение основных этапов хозяйственного и общественного развития древнего населения Эстонии. Надо исследовать, какую роль сыграло общение этих племен между собой, как и в каких формах развивались эти отношения. Для выяснения вопросов этногенеза особенно важно установить, не проникали ли позже, примерно в конце II тысячелетия — начале I тысячелетия, в Восточную Прибалтику еще какие-нибудь новые этнические элементы. Таковы важнейшие из стоящих перед нами вопросов. Одной из необходимых предпосылок для их решения является уточнение хронологии рассматриваемого периода.

Разрешение указанных проблем потребует, разумеется, более длительного срока. Для этого необходимо собрать значительно больше материала, чем имеется в нашем распоряжении, и не только с территории Эстонской ССР, но и с ближайших соседних территорий. Однако уже и те материалы, которые были получены в результате раскопок последних лет, позволяют предварительно ответить на некоторые из указанных вопросов. В особенности это относится к материалу, обнаруженному в ходе исследования описываемых ниже поселений в устье реки Эмайыги. Этот материал содержит, наряду с комплексом с ямочно-гребенчатой керамикой, предметы более позднего периода, вплоть до эпохи раннего металла.

Настоящая работа имеет целью дать анализ этих материалов и сделать на их основе некоторые предварительные обобщающие выводы.

II. ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Река Эмайыги, текущая с запада на восток, соединяет два крупнейших озера Эстонской ССР — Выртсъярв и Пейпси (Чудское оз.). Эмайыги — наиболее многоводная река нашей республики. В среднем течении она течет по дну древней доледниковой долины, имеющей местами ширину в несколько километров и окаймленной высокими склонами красного девонского песчаника. Пойма реки представляет собой в основном заболоченную, заросшую торфом полосу, большая часть которой в весеннее половодье затопляется. В нижнем течении реки пойма расширяется, образуя широкую низменность, простирающуюся до западного побережья озера Пейпси. Эта низменность и называется в данной работе приустьем р. Эмайыги. В административном отношении приустье р. Эмайыги входит в Тартуский район.

Приустье р. Эмайыги представляет собой широкое низинное болото, на котором и в настоящее время происходит торфообразование.[1] Рельеф поверхности ровный, с очень слабым наклоном в сторону оз. Пейпси. Коренные породы, сложенные красным девонским песчаником, нигде не выходят на поверхность. Непосредственно под торфом обычно залегает песок. В этой местности имеется большое число рек и озер (рис. 1). Сама р. Эмайыги разветвляется в своем нижнем течении на два рукава, из которых меньший, северный, носит название реки Кооза. С юга в Эмайыги впадает р. Ахья, образуя примерную западную границу южной части заболоченной низменности устья р. Эмайыги. В северной части устья находится озеро Кооза, воды которого стекают через небольшой ручей в реку того же названия. В южной части этой местности расположены два небольших озера — Калли и Лээго. Их воды стекают через реку Калли в озеро Пейпси. Реки Эмайыги и Калли соединяются рекой Акали. Часть устья реки Калли, от места впадения р. Акали до озера Пейпси, называется рекой Каэванду. Существует предание, что эта часть реки была искусственно прорыта (или углублена) во время одной из русско-шведских

---

[1] При составлении обзора природы в приустье р. Эмайыги использована работа V. Sirgo, Emajõe alamjooksul Peipsi-äärsel madalikul asuvaist taimeühinguist. Acta Instituti et Horti Botanici Universitatis Tartuensis V : 1—2, Tartu 1936.

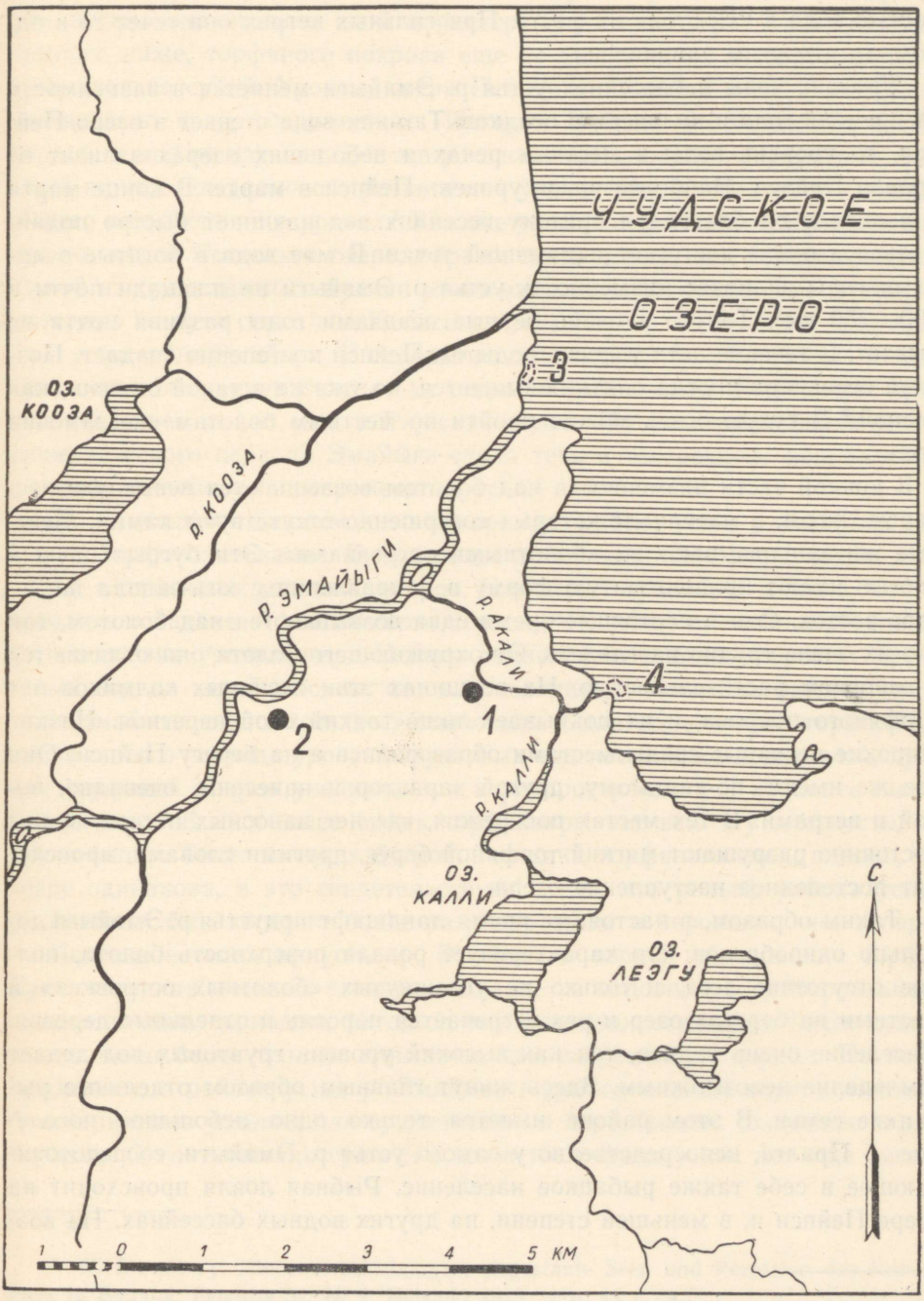


Рис. 1. Схематическая карта приустья р. Эмайыги с археологическими памятниками. *1* — поселение Акали, *2* — поселение Кулламяги, *3*, *4* — местонахождения, размытые водами оз. Пейпси.

войн, откуда и происходит название реки (каэвама — рыть). До этого Калли и Акали текли в Эмайыги якобы в виде одной реки.[1] В настоящее время река Акали не имеет течения в постоянном направлении. Большей частью вода в ней стоит на месте. При сильных ветрах она течет то в одном, то в другом направлении.

Уровень воды в бассейнах устья р. Эмайыги меняется в зависимости от времени года и количества осадков. Так как вода стекает в озеро Пейпси, то уровень воды в местных реках и небольших озерах зависит от уровня Пейпси. Наиболее низок уровень Пейпси в марте. В конце марта и в апреле он благодаря притоку весенних вод начинает быстро подниматься и в мае достигает наивысшей точки. В мае вода в богатые осадками годы заливает низменность устья р. Эмайыги на площади почти в 200—250 км². Только в очень бедные осадками годы разлива почти не бывает. В течение лета уровень воды оз. Пейпси постепенно спадает. Поздней осенью он иногда опять повышается, но уже не в такой степени, как весной.[2] В сухую осень можно пройти по местным болотам «не замочив ног».

В южной части низменности над болотом возвышаются невысокие песчаные бугры, в материале которых совершенно отсутствуют камни. Местные жители называют их «болотными островками». Эти бугры большей частью имеют продолговатую форму в направлении с юга-запада на северо-восток. Они в настоящее время едва возвышаются над болотом, так что их очень трудно разглядеть. От окружающего болота они отличаются в основном растительностью. На вершинах этих песчаных холмиков нет торфяного покрова, и их покрывает лишь тонкий слой перегноя. Низкие широкие песчаные гряды местами образовались и на берегу Пейпси. Они все же имеют, по-видимому, другой характер и нанесены, очевидно, водой и ветрами. В тех местах побережья, где нет наносных песков, волны постоянно разрушают мягкий торфяной берег, другими словами, происходит постепенное наступление озера.

Таким образом, в настоящее время ландшафт приустья р. Эмайыги довольно однообразен: его характеризует ровная поверхность болота, полное отсутствие леса, и только на упомянутых «болотных островках» и местами на берегах озер и рек встречается поросль и отдельные деревья. Население очень редкое, так как высокий уровень грунтовых вод делает земледелие невозможным. Здесь живут главным образом отдельные рыбацкие семьи. В этом районе имеется только одно небольшое поселение — Праага, непосредственно у самого устья р. Эмайыги, сосредоточивающее в себе также рыбацкое население. Рыбная ловля происходит на озере Пейпси и, в меньшей степени, на других водных бассейнах. На воз-

---

[1] Следует отметить, что направление этих рек подтверждает это мнение. Р. Калли образует естественное продолжение р. Акали, а та часть реки, которую называют рекой Каэванду, ответвляется от р. Калли под неестественно резким углом.

[2] A. Wellner, Peipsi pinna alandamise tööde hüdroloogilised alused. Eesti Loodus 1936, № 1, стр. 2, рис. 1.

вышающихся над болотом «островках» рыбаки заложили небольшие огороды.

Как показывают геологические данные, устье реки Эмайыги в прошлом носило значительно иной характер. Грунтовые воды располагались намного ниже, торфяного покрова еще не было, почва была песчаной и сравнительно сухой. Уровень озера Пейпси в то время лежал, очевидно, значительно ниже современного. История Пейпси, к сожалению, более подробно еще не изучена. Все же установлено основное направление процесса его послеледникового развития — увеличение площади в результате общего повышения его уровня.[1] Южные части современного озера Пейпси, так же как и Псковское озеро, образовались позже, чем северная часть. Одной из существенных причин этого явилось послеледниковое поднятие материка на пути стока вод Пейпси по реке Нарове. Изменения произошли и в бассейне Эмайыги. В субарктический период Эмайыги текла в противоположном направлении — из озера Пейпси в озеро Выртсъярв, причем последнее имело сток в Рижский залив. По окончании бореального климатического периода Эмайыги стала течь в теперешнем направлении и вошла постепенно в современное русло.[2]

По имеющимся данным, в то же время в районе устья р. Эмайыги началось торфообразование. В настоящее время мощность слоев торфа достигает в отдельных местах 6 метров. Наиболее глубокие отложения образовались в начале атлантического периода.[3] К этому времени в результате повышения уровня озера Пейпси поднялся, очевидно, и уровень грунтовых вод до такой высоты, что в более низких впадинах района устья реки Эмайыги накопилось достаточно влаги для образования торфа. Начиная с этого периода уровень грунтовых вод постепенно повышался, причем торфяной покров увеличивался и распространялся и на более высокие участки. В настоящее время торф покрывает всю эту местность, за исключением более высоких бугров. Толщина торфяного слоя, однако, не везде одинакова, а это свидетельствует о том, что рельеф района устья р. Эмайыги был когда-то более разнообразным и неровным, чем теперь.

Человек заселил приустье р. Эмайыги в период образования торфа. Существование местных стоянок совпадает в основном с суббореальным климатическим периодом, который, как известно, отличался более сухим и несколько более теплым климатом, чем современный период. По всем признакам, в районе устья р. Эмайыги в суббореальный период имелись благоприятные условия для существования первобытных охотников и рыболовов. О соотношении суши и воды в тот период у нас нет еще досто-

---

[1] W. Ramsay, Niveauverschiebungen, eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Estland. Fennina 52, № 2, Helsinki 1929, стр. 44 и сл.

[2] P. W. Thomson, Die regionale Entwickelungsgeschichte der Wälder Estlands. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis A XVII : 2, Tartu 1929, стр. 51 и сл.

[3] P. W. Thomson, Moorstratigraphische Notizen aus Estland. Beiträge zur Kunde Estlands XVIII : 3, Reval 1933, стр. 174 и сл. P. W. Thomson, Ülevaade Eesti soodest. Eesti Loodus 1939, № 2/3, стр. 93.

верных данных.[1] С большой степенью вероятности можно предполагать, что южная часть озера Пейпси еще не достигла тогда своих современных размеров. Западное побережье Пейпси простиралось, очевидно, дальше на восток (или северо-восток), так как к югу от устья р. Эмайыги современное побережье Пейпси имеет сравнительно низкие берега, и оно образовалось здесь, по всей вероятности, позже, в результате размыва и затопления берега. В соответствии с этим и устье Эмайыги должно было находиться дальше к востоку или северо-востоку, и территория, которую мы называем приустьем р. Эмайыги, была, следовательно, несколько более обширной. В каких размерах существовало в то время Псковское озеро, отделился ли уже тогда остров Пийрисаар от западных берегов Пейпси, — эти и ряд других вопросов ждут еще разрешения. Нет еще также сведений о том, изменились ли и в какой степени русла рек в районе устья Эмайыги и в каком состоянии находились местные небольшие озера.

Наиболее низкие участки культурного слоя поселения Акали лежат в настоящее время под торфяным покровом мощностью в 2,5 м. Весь этот слой торфа образовался после возникновения поселения. В наиболее низких местах торф, несомненно, образовался уже раньше. Но все те места, на которых в настоящее время мощность торфяного покрова не достигает 2,5 м, были на начальном этапе существования поселения еще свободны от торфа. Такие участки занимают довольно большую часть площади района устья р. Эмайыги. В тот период, когда заболачиванию подвергались лишь наиболее низменные места, значительная часть современного приустья Эмайыги представляла собой песчаные участки, над которыми в виде холмиков выступали современные «болотные островки».

В соответствии с более разнообразной почвой и несколько иными климатическими условиями, растительность приустья р. Эмайыги также отличалась от современной. Представление о растительности того времени дает спорово-пыльцевой анализ культурного слоя и находящегося поверх него торфа.[2] Как показал анализ наиболее глубоких горизонтов культурного слоя, на древнейших этапах существования поселения Акали здесь рос лес (рис. 2 : I, II). Большое место занимала сосна. Из других видов деревьев встречались ель, ольха, береза, липа, в меньшей степени орешник, дуб, вяз, ива и граб. В лесу росло много папоротника и гипновых мхов. Надо полагать, что мы имеем здесь дело, в первую очередь, с топяным лесом, который в тот период покрывал в виде рощ более высокие участки. В более позднее время произошли некоторые изменения в составе лесов. Количество ели возросло за счет других видов деревьев, количество которых уменьшилось. Изменение состава лесов находится, с одной стороны, в связи с изменением климатических условий, а с другой стороны, несомненно,

---

[1] Автор весьма признателен академику АН ЭССР К. К. Орвику за консультацию по вопросу геологического развития района устья реки Эмайыги.

[2] Спорово-пыльцевые анализы образцов торфа с поселения Акали выполнены в Московском торфяном институте. Кроме того анализы некоторых образцов с нижних горизонтов раскопов М и Р произведены в пыльцевой лаборатории Института геологических наук АН СССР.

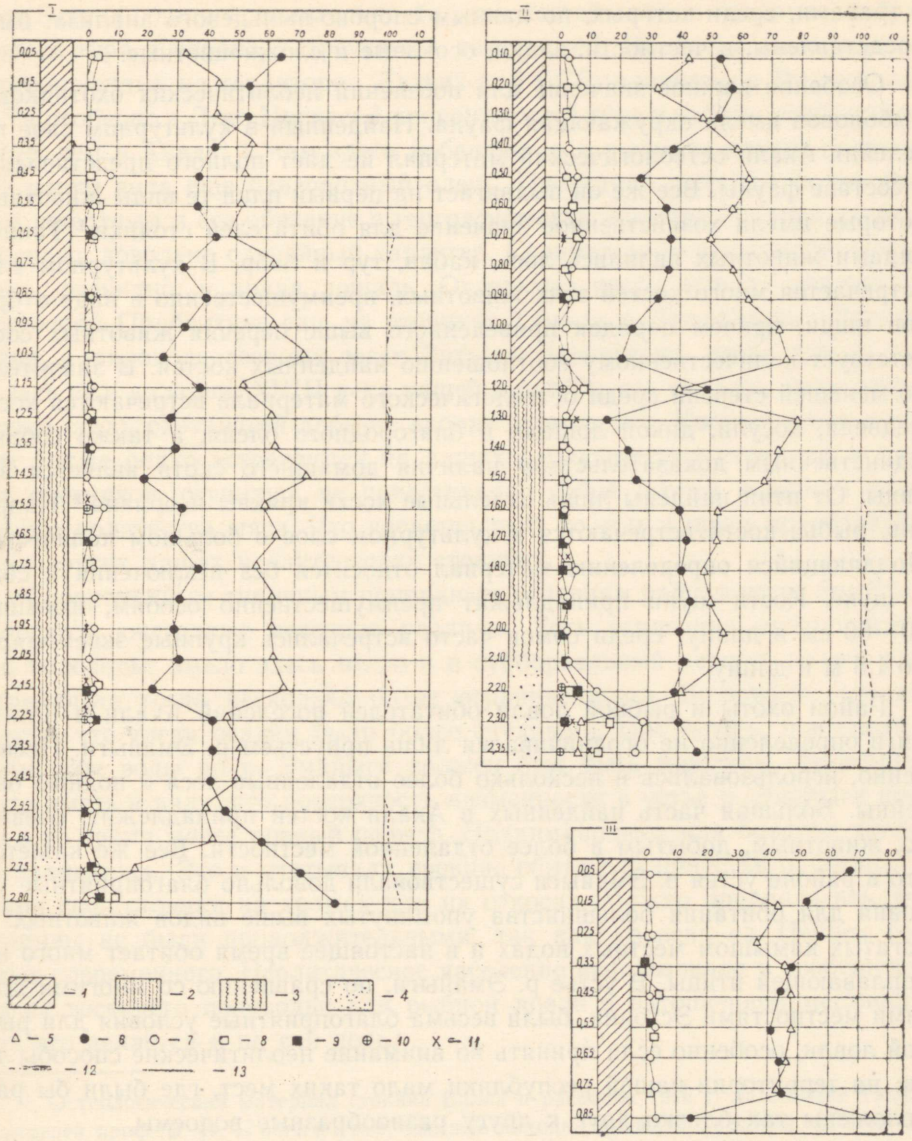


Рис. 2. Пыльцевые диаграммы из поселения Акали. I — с раскопа Р, II — с раскопа М, III — с раскопа Н. Условные обозначения: *1* — осоковый торф, *2* — древесно-тростниковый торф, *3* — тростниковый торф, *4* — песок, *5* — ель, *6* — сосна, *7* — береза, *8* — ольха, *9* — смешанный дубовый лес, *10* — ива, *11* — орешник, *12* — липа, *13* — дуб.

в связи с продолжавшимся заболачиванием. Можно предполагать, что полное заболачивание приустья Эмайыги произошло позже, в субатлантический климатический период. В условиях сравнительно сухого суббореального периода процесс торфообразования протекал, очевидно, медленнее. Возможно, что заболоченные уже участки были тогда несколько более сухими, так что пространства между лесами были покрыты порослью

и травами, среди которых, по данным спорово-пыльцевого анализа, были представлены, в частности, злаки, осоковые и сложноцветные.

Особенно важное значение для поселений неолитических охотников и рыболовов имела окружающая фауна. Найденный в культурном слое поселения Акали остеологический материал не дает полного представления о составе фауны. Все же он выдвигает на первый план те виды животных, которые имели хозяйственное значение для обитателей стоянки.[1] Такими видами животных являлись лось, кабан, тур и бобр. В культурном слое встречается много костей этих животных, преимущественно в виде отбросов пищи, причем порядок приведенного выше перечня животных соответствует количественному соотношению найденных костей. В значительно меньшей степени среди остеологического материала встречаются кости медведя, косули, дикой лошади и благородного оленя, а также собаки. Единственным доказательством наличия домашнего скота является зуб овцы. От птиц найдены лишь отдельные кости кряквы и орлана.[2] Напротив, рыбьи кости встречаются в культурном слое в большом количестве. Поддающийся определению материал относится без исключения к сому и щуке. Кости щуки принадлежат преимущественно особям, имевшим 40—60 см в длину; среди сомов часто встречались крупные экземпляры, до 1,5 м в длину.[3]

Район охоты и рыбной ловли обитателей поселений Акали и Кулламяги определенно не ограничивался лишь приустьем р. Эмайыги. Несомненно, использовались и несколько более отдаленные леса и водные бассейны. Бóльшая часть найденных в Акали костей принадлежит, очевидно, животным, добытым в более отдаленной местности. Все же кажется, что в районе устья р. Эмайыги существовали довольно благоприятные условия для обитания большинства упомянутых выше видов животных. В богатых камышом местных водах и в настоящее время обитает много водоплавающей птицы. В устье р. Эмайыги, по сравнению со многими другими местностями Эстонии, были весьма благоприятные условия для рыбной ловли, особенно если принять во внимание неолитические способы лова; на территории нашей республики мало таких мест, где были бы расположены так близко друг к другу разнообразные водоемы.

Остеологический материал стоянки Акали дает в общих чертах такую же картину, как и материал других неолитических стоянок территории Эстонской ССР. Предметом охоты служили преимущественно те же животные. Можно лишь отметить, что стоянки Тамула и Вилла на юго-вос-

---

[1] Кости животных, найденные при раскопках Акали в 1949—1950 гг., определил проф. В. И. Цалкин, а остеологический материал предыдущих раскопок — И. Лепиксаар.

[2] Следует отметить, что преобладающее большинство попавших в культурный слой костей птиц, как и на многих других древних стоянках, не сохранилось. Также не сохранились в достаточном количестве кости мелкой рыбы.

[3] Кости рыб, найденные в 1949 г. в Акали, определил В. Д. Лебедев в Ихтиологической лаборатории Московского государственного университета.

токе Эстонии дали сравнительно больше костей лося и особенно бобра, а кости тура и кабана встречаются там реже.[1] Напротив, на стоянках, расположенных на территории Латвийской ССР, например в Риннюкалнсе [2] и особенно в Леяс-Цискасе [3] процент костей тура и кабана значительно выше, чем в Акали; к ним здесь добавляется в качестве нового важного для охоты вида еще благородный олень. Последний является более южным животным и его обитание в географических широтах Эстонии носило, вероятно, довольно случайный характер. Сравнительно редко встречалась здесь, очевидно, и дикая лошадь. Отдельные кости лошади найдены в Восточной Прибалтике еще на стоянках Тамула и Леяс-Цискас. Дальше к югу, в широколиственных лесах Литвы и Белоруссии, дикая лошадь водилась еще до конца XVIII века нашей эры.[4] То, что медведь реже встречается среди охотничьей добычи, вполне естественно. Косули, кости которых также редко встречаются на наших неолитических стоянках, в глазах охотников, очевидно, не представляли собой особой ценности из-за малого количества мяса. Что касается рыб, то сом и щука преобладают и на других наших неолитических стоянках.

К современным типичным природным условиям района устья Эмайыги относятся ежегодные весенние разливы. Есть основание предполагать, что половодье имело здесь место и в суббореальный период, но его размеры были тогда несколько более ограниченными. Во-первых, следует учесть, что тогда осадки были более скудными, чем теперь, и в связи с этим сток воды по р. Эмайыги должен был быть меньшим. Во-вторых, надо иметь в виду, что поверхность низменности в устье р. Эмайыги имела в то время менее ровный рельеф. Поднимавшиеся над болотом холмы не заливались. Это и учитывали древние обитатели приустья р. Эмайыги, строя свои стоянки на холмах или их откосах. Можно предполагать, что разливы не были продолжительными, так как уровень оз. Пейпси был ниже современного. Неолитическое население использовало в особенности время весеннего половодья для рыбной ловли в затопленной местности, как это делается и по сей день.

---

[1] Остеологический материал стоянки Вилла и раскопок 1946 г. на стоянке Тамула определен проф. В. И. Цалкиным, костные находки прежних раскопок стоянки Тамула — И. Лепиксаароом, а раскопок 1955—1956 гг. — К. Паавером.

[2] RK, стр. 1 и сл.

[3] Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Acta Universitatis Latviensis, Philologorum et Philosophorum ordinis series, tomus I, supplementum I, Rigae 1931, стр. 413 и сл.

[4] С. В. Кириков, Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX веках. Известия Академии наук СССР. Серия географическая, 1952, № 6, стр. 34, рис. 2.

III. ПОСЕЛЕНИЕ АКАЛИ

Поселение Акали расположено на юго-западном берегу реки Акали, на расстоянии примерно 2 км от реки Эмайыги и около 1 км от места соединения реки Акали с рекой Калли (см. рис. 1). У места древнего поселения река делает небольшой коленчатый поворот. До 1941 года здесь, на самом берегу реки, стоял хутор рыбака Яана Конза, по имени которого стоянка первоначально и вошла в литературу.[1] В настоящее время здесь нет никаких построек.

Это место, как и весь район устья реки Эмайыги, представляет собой ровный, заболоченный торфяник. Исключение составляет лишь небольшой песчаный бугор, один из «болотных островков». Бугор начинается на расстоянии примерно 120 м от реки и простирается в направлении с северо-востока на юго-запад, достигая в длину около 160 м и в ширину до 100 м (рис. 3). Самая высокая часть бугра поднимается над окрестностью всего лишь на полметра. Почва здесь значительно более твердая, чем на болоте. Торфа в центральной части бугра вообще нет. Местные жители используют поэтому этот маленький, более высокий и сухой участок под огороды. После закладки огородов поверхность бугра была много раз основательно вскопана. При этом часто находили черепки глиняных сосудов, однако им не уделялось тогда должного внимания. Были обнаружены также и отдельные бронзовые предметы. Их, правда, подбирали, но со временем они затерялись. Из бронзовых предметов особенно запомнилась одна булавка. Она якобы имела спиральную, скрученную из проволоки головку.[2]

Интерес к находкам усилился, когда в 1937 г. при нарезке торфа на участке между огородом и домом наткнулись на залегавшую глубоко под торфом керамику. Некоторые черепки глиняных сосудов были доставлены в Тарту, в Археологический музей.[3] Оказалось, что найденные черепки относятся к ямочно-гребенчатой керамике, что давало повод пред-

---

[1] См. М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА 29, М., 1952, стр. 44, 68 и т. д. Естественнее называть стоянку по имени реки Акали.

[2] Я. Конза утверждает, что эта вещь была похожа на булавку, изображенную на рис. 14 : 9 в книге Н. Моога, Die Vorzeit Estlands. Следовательно, эта булавка может датироваться I тысячелетием до н. э.

[3] ИИ № 3573.

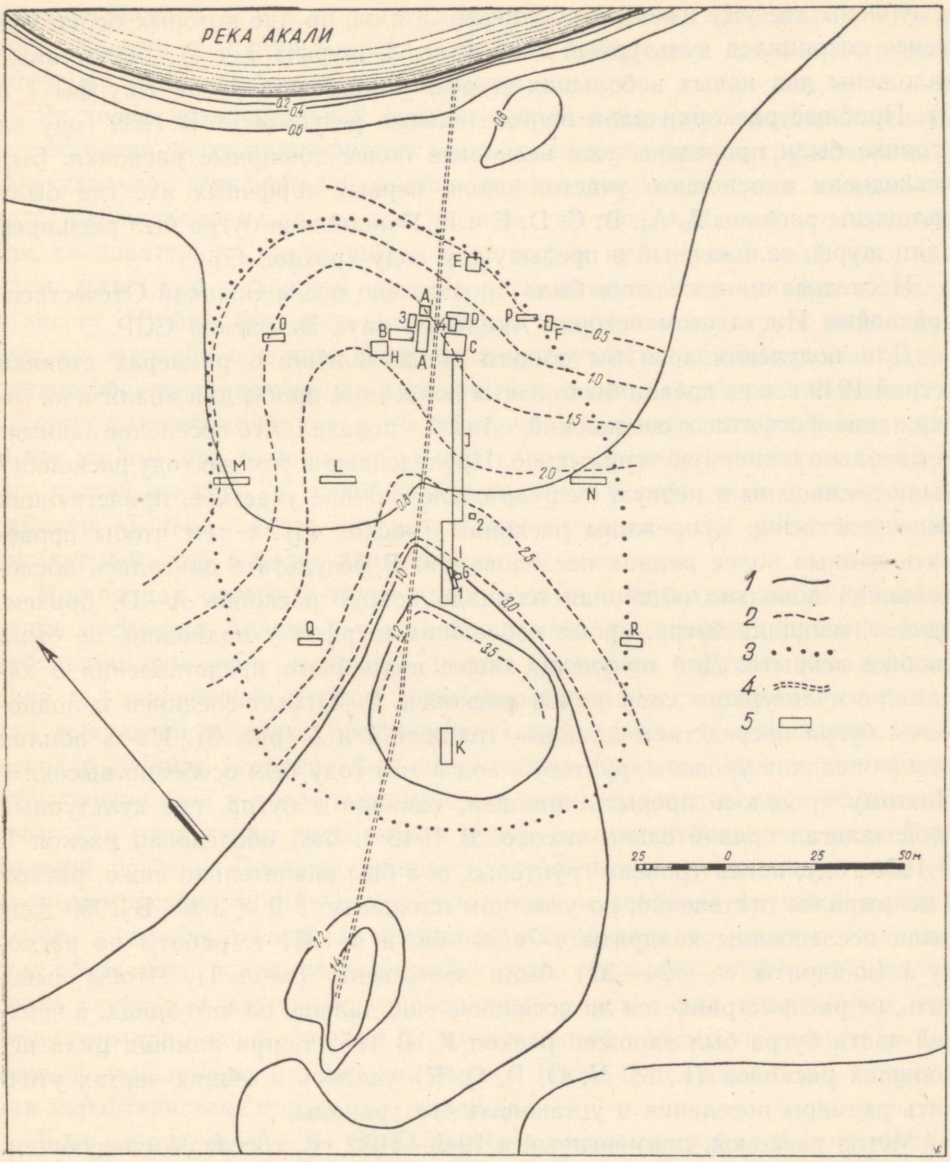


Рис. 3. Общий план поселения Акали. *1* — современный рельеф поверхности (сечение горизонталей 0,2 м), *2* — рельеф поверхности начального времени существования поселения (сечение горизонталей 0,5 м), *3* — приблизительная граница поселения, *4* — дорожка, *5* — раскоп.

полагать здесь существование неолитической стоянки. Поэтому летом 1938 г. на этом месте были произведены пробные раскопки Археологическим музеем Тартуского университета.[1] Во время первых раскопок были

[1] Раскопками на поселении Акали в 1938—1939 гг. руководил Р. Индреко. Отчеты об этих и следующих раскопках поселения Акали хранятся в секторе археологии Института истории АН ЭССР.

углублены две уже имеющиеся торфяные ямы, на дне которых более или менее сохранился культурный слой (рис. 3, шурфы 3 и 4). Были также заложены два новых небольших шурфа у подножия бугра (шурфы 1 и 2). Пробные раскопки дали положительные результаты. В 1939 году на стоянке были проведены уже несколько более обширные раскопки. Был исследован в основном участок около первых торфяных ям, где были заложены раскопы A, A_1, B, C, D, E и F. У подножия бугра был расширен один шурф, заложенный в предыдущем году (раскоп G).

Исследование поселения было продолжено после Великой Отечественной войны Институтом истории Академии наук Эстонской ССР.

Для получения хотя бы общего представления о размерах стоянки весной 1949 г. с ее ареала были взяты почвенные пробы для анализа на содержание фосфатных соединений.[1] Анализ показал, что поселение занимает довольно обширную территорию. Проведенные в том же году раскопки [2] были посвящены в первую очередь обследованию участков, прилегающих непосредственно к прежним раскопам (раскоп H), с тем чтобы проверить данные более ранних исследований. В результате оказалась обследованной довольно обширная площадь вокруг раскопов A—D, причем, однако, площадь бугра, кроме небольших шурфов у подножия, не была вообще вскрыта. Для получения более подробного представления о характере культурного слоя район раскопов A—D был соединен с подножием бугра посредством длинных траншей I и J (рис. 3). Из-за обилия летних осадков уровень грунтовых вод в том году был особенно высоким. Поэтому пришлось прорыть траншеи, начиная с бугра, где культурный слой залегал сравнительно высоко. В 1949 г. был обследован раскоп I. В 1950 году, когда уровень грунтовых вод был значительно ниже, раскоп J вскрывался постепенно, по участкам площадью в 9×3 м^2. В 1950 году были исследованы квадраты c—e/33—68, а в 1951 г. работы по раскопу J (квадраты c—e/24—32) были завершены (табл. I). Чтобы выяснить, не распространяется ли поселение еще дальше на юго-запад, в верхней части бугра был заложен раскоп K. В 1952 г. при помощи ряда небольших раскопов (L, M, N, O, P, Q, R) удалось в общих чертах уточнить размеры поселения и установить его границы.

Метод раскопок, примененный в 1949—1952 гг., состоял в следующем. Прежде всего лопатами снимались верхние слои почвы — дерн и торфяные слои, не содержащие находок. Обследование залегающего под ними культурного слоя производилось при помощи ручных лопаточек. Обнаруженные находки снабжались номерами, и место их нахождения наносилось на план раскопа. Промерялась также глубина залегания про-

---

[1] Об определении размеров древних поселений при помощи анализа почвы на фосфат см. Л. Веллесте, Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 135—140. Анализ почвенных проб с Акали был произведен Л. Веллесте в лаборатории сектора археологии Института истории АН ЭССР.

[2] Раскопками поселений Акали и Кулламяги в 1949—1952 гг. руководил Л. Яните.

нумерованных находок. Лишь самые мелкие черепки глиняных сосудов, куски кремня и кварца и кости животных собирались без более точных обмеров, только с обозначением раскопа.

Раскопки в значительной степени затруднялись тем обстоятельством, что бóльшая часть культурного слоя лежала ниже уровня грунтовых вод. Для удаления стекающих в раскоп вод приходилось все время их выкачивать; насос ставился на том конце раскопа, где торфяной слой утолщался и где, следовательно, находящийся под торфом культурный слой имел наклон. Даже при малейшем наклоне раскапываемой почвы вода стекала к насосу. Чтобы обеспечить достаточное количество воды для выкачивания, не затопляя при этом раскапываемый участок, производилось ускоренное обследование участка размером примерно в 1 м^2, расположенного у конца насосного шланга, и на этом месте выкапывалась глубокая яма. В эту же яму при помощи небольших канавок отводилась вода и из других частей раскопа. С углублением раскопа углублялись постепенно и канавки. Только таким путем удавалось удерживать раскапываемый культурный слой в более или менее сухом состоянии.

Постоянная борьба с грунтовыми водами вынуждала вести обследование поселения Акали, а также Кулламяги при помощи сравнительно небольших раскопов. Вскрытие целого большого участка, несомненно, дало бы значительно лучшие возможности для исследования, особенно для выявления остатков построек и их комплексов. К сожалению, этот метод в данных условиях был неприменим. Средства для выкачивания воды, имевшиеся в распоряжении экспедиции, оказались мало эффективными для того, чтобы содержать в сухом состоянии более или менее обширные участки. Поэтому пришлось ограничиться небольшими разрозненными раскопами. Как уже указывалось, и наиболее крупный из раскопов, а именно раскоп J, пришлось обследовать по частям. Сначала был обследован конец, обращенный к реке, где культурный слой залегал более глубоко, а затем этот раскопанный участок был использован как резервуар для накопления вод из других частей раскопа, в которых культурный слой залегал на большей высоте. Ниже будет дана более подробная характеристика отдельных раскопов.[1]

Раскопы A, A_1 B, C, D и H, а также шурфы 3 и 4 расположены рядом в приречной полосе стоянки (рис. 3). В этих раскопах слои почвы располагались в следующем порядке: коричневый торф, черный торф, болотная почва, песок. Четких переходов от одного слоя к другому не наблюдалось. Под дерном залегал коричневый торф, мощность которого увеличивалась в восточном направлении. В нижней части коричневого торфа стали встречаться темноватые полосы. Несколько глубже торф становился совершенно черным, одновременно в нем стали попадаться отдельные песчинки. На еще большей глубине содержание пес-

[1] Обзор шурфов 1—4 и раскопов A—G составлен по отчетам и планам раскопок 1938 и 1939 гг.

ка постепенно возрастало так, что слои вначале был «болотистым», а затем уже полностью переходил в песок. В верхней части песок имел темно-серую окраску, а затем становился все более светлым. На самом низу располагался чистый желтоватый грунтовой песок. На границе серого и желтого песка находился тонкий слой песка смешанной окраски со светло-серыми и желтоватыми пятнами.

Как отмечалось выше, слой коричневого торфа на рассматриваемом участке в восточном направлении утолщался. Если в западном углу раскопа Н коричневый торф заканчивался на глубине 60 см, то в восточном углу раскопа D он достигал 120 см в глубину. Слой черного торфа был значительно тоньше и более равномерной толщины. В большинстве раскопов черный торф имел 25—30 см в толщину и только в раскопе D, расположенном дальше других на восток, он достигал толщины в 40 см. Болотная почва во всех раскопах представляла собой более или менее однородный слой в 50—60 см толщины. Под ним залегал обычно сероватый песок, толщиной в несколько десятков сантиметров. Желтоватый подстилающий песок начинался в западном углу раскопа Н уже на глубине 140 см от поверхности. В восточном направлении подстилающий песок постепенно опускался ниже, по мере того, как утолщались покрывающие его слои торфа. В восточном углу раскопа D желтоватый песок начинался только на глубине 220 см. При этом поверхность подстилающего песка была не вполне ровной, а волнистой.

Культурный слой составляла в основном болотная почва, которая имела, как правило, очень темную, почти черную окраску. В нем встречались крупинки угля, местами зольные пятна и мелкие куски рыбьих костей. Культурный слой содержал в виде светлых пятен кусочки обгорелых костей и раздробленные ракушки. Болотная почва была также густо насыщена находками. В большинстве раскопов они стали попадаться в большом количестве уже в нижней части черного торфа, а отдельные находки встречались еще под болотной почвой, в сероватом песке. Таким образом, самый низкий и самый высокий горизонт культурного слоя несколько выходил за пределы слоя болотной почвы. Желтый подстилающий песок, как и коричневый торф, ни в одном раскопе не содержал находок. Мощность культурного слоя большей частью составляла 60—80 см, и только в раскопе D, где отдельные находки стали попадаться уже выше, непосредственно под коричневым торфом, она достигла 1 м.

В самом культурном слое можно было проследить сероватую прослойку толщиной 2—5 см, содержавшую много золы, а местами и другие следы горения (головешки, скопления угля и обгорелые, раскрошившиеся кости) в большем количестве, чем другие части культурного слоя. Эта сильно перемешанная с золой прослойка залегала на верхнем горизонте болотной почвы. Она встречалась во всех раскопах рассматриваемой группы, однако не везде в одинаковом виде. Так, например, в раскопе С зольная прослойка имела значительную толщину и ясно прослеживалась, в раскопе же Н она не была сплошной, а выделялась в виде зольных

пятен на одной и той же глубине. Заслуживает внимания тот факт, что наиболее богатый находками горизонт культурного слоя располагался непосредственно под прослойкой золы, в то время как над этой прослойкой находки попадались значительно реже.

Камни встречались в культурном слое очень редко и главным образом в виде отдельных кусков с разрыхленной поверхностью. Некоторые камни, величиной с кулак, обнаружены в раскопах А и В в перемешанной с золой прослойке и непосредственно над ней. В северо-восточной части раскопа А в самой золе лежали рядом три камня с обгорелой поверхностью. В раскопе Н, в нижней части культурного слоя, найдены два рядом лежащих камня.

Привлекают внимание обнаруженные в нескольких раскопах вбитые в землю деревянные сваи с заостренными концами. Так, в центральной части раскопа А найдены три конца свай, из которых два, диаметром 7 см, располагались на расстоянии 15 см друг от друга, а третий примерно на расстоянии 1,7 м от них к востоку. Заостренные концы первых двух свай проходили через зольную прослойку, верхние концы их были обломаны, но находились уже в культурном слое. Третья, расположенная поодаль свая начиналась на верхней границе культурного слоя, а ее заостренный конец доходил почти до зольной прослойки. В раскопе В были также обнаружены три конца свай, однако они как будто не все относятся к одному и тому же времени. Сохранившиеся части двух, находившихся друг от друга на расстоянии 1,2 м свай начинались в расположенном над культурным слоем черном торфе, в то время как их заостренные концы доходили до верхней части культурного слоя, выше зольной прослойки. По своему стратиграфическому положению эти сваи могут быть одного возраста со сваями, найденными в раскопе А, от которых они расположены на расстоянии около 5 м к северо-северо-западу. Конец третьей сваи, достигавшей в толщину 9 см, найден недалеко от вышеупомянутых, но на значительно большей глубине. Нижний конец сваи находился в расположенном под культурным слоем светло-сером песке, а другой конец — на 25 см выше, в нижней части культурного слоя. Вокруг сваи радиусом примерно в 35 см наблюдалось много золы, местами пластом толщиной в 15 см. Еще один глубоко залегавший конец сваи, но толщиной лишь в 5 см, извлечен из раскопа Н. Он начинался у нижней границы культурного слоя, и его четырехугольно обтесанный конец проникал на 30 см в подстилающий песок. Эта свая располагалась на расстоянии примерно 10 м к северо-западу от свай, найденных в раскопе В.

Во всех рассматриваемых раскопах обнаружено много находок. Подавляющую часть материала составляет керамика. Бóльшая часть ее относится к ямочно-гребенчатой керамике, найденной на всех глубинах культурного слоя. В глубоких горизонтах культурного слоя, помимо обычной ямочно-гребенчатой керамики, встречалась также пористая слабо орнаментированная керамика нарвского типа. Она сравнительно чаще встречалась в раскопе D. В верхних пластах культурного слоя рядом с

ямочно-гребенчатой керамикой обнаружены черепки шнуровой (раскопы A, B, C, H, шурф 4) и текстильной (раскопы A, H) керамики. Во всех раскопах найдены каменные и костяные предметы, куски кремня и кости животных, а в большинстве раскопов (A, A_1, C, D, H) — также и янтарь. В некоторых раскопах встречались комки обожженной глины (раскопы A, B), куски дерева и сосновой коры (раскопы A, D); в раскопе D найден обломок поплавка из сосновой коры, а в раскопе A — куски свернутой бересты.[1]

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе H[2]

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
73—75	—	1	—	1	—	—	2
76—80	—	—	—	1	—	—	1
81—85	—	2	—	2	—	—	4
86—90	—	5	4	4	2	—	15
91—95	—	5	15	6	2	—	28
96—100	—	5	9	10	2	1	27
101—105	—	13	19	9	1	—	42
106—110	—	6	21	7	3	—	37
111—115	1	9	8	6	1	—	25
116—120	2	31	35	7	1	—	76
121—125	2	87	35	5	—	—	129
126—130	4	113	40	7	—	—	164
131—135	16	116	24	3	—	—	159
136—140	10	106	6	2	—	—	124
141—145	17	52	6	—	—	—	75
146—150	3	18	3	—	—	—	24
151—155	3	3	—	—	—	—	6
156—160	1	1	—	—	—	—	2
161—165	2	3	—	—	—	—	5
166—169	—	1	—	—	—	—	1
Всего	61	577	225	70	12	1	946

Раскоп E расположен несколько поодаль от рассмотренной выше группы раскопов. Он находится на расстоянии 11,7 м к северо-востоку от раскопа D, ближе к реке, чем все предыдущие раскопы. Мощность слоя коричневатого торфа достигала на юго-западном конце этого раскопа

[1] Находки хранятся под следующими номерами: Шурфы 3 и 4 — ИИ № 3573; 3661 : 5—115; 3800 : 411. Раскоп A — ИИ № 3800 : 1—148, 413, 415—429, 498—506. Раскоп A_1 — ИИ № 3800 : 376—379, 384, 386, 391, 393—396, 399—406, 430—432, 507. Раскоп B — ИИ № 3800 : 149—231, 433—437, 508—512. Раскоп C — ИИ № 3800 : 232—334, 336—343, 347—355, 438—478, 513—523. Раскоп D — ИИ № 3800 : 335, 344, 356—370, 374, 375, 380—383, 385, 387—390, 397, 398, 479—496, 524—527. Раскоп H — ИИ № 4013 : 1 — 820, 2992—2995, 6900с. Из раскопов A—D происходят, по-видимому, и находки ИИ № 3800 : 407—410, 412, 414, 497, 528—535.

[2] В этой и в последующих таблицах распространения типов керамики по раскопам учтены только черепки, поддающиеся определению.

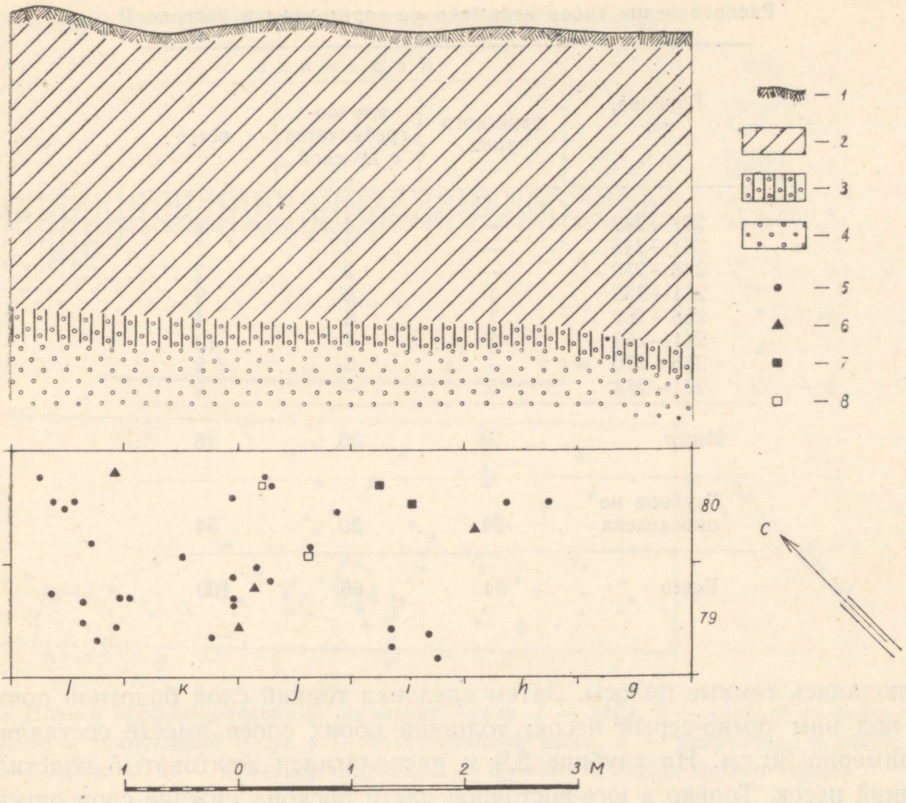


Рис. 4. План и профиль раскопа Р поселения Акали. *1* — дерн, *2* — торф, *3* — болотная почва и темно-серый песок, *4* — подстилающий песок, *5* — керамика, *6* — каменное изделие, *7* — костяное изделие, *8* — обработанный кусок дерева.

2 м. Залегавший под ним черноватый торф простирался в глубину до 2,6 м; ниже его находился тонкий слой болотной почвы. Последний уже на глубине 2,8 м от поверхности сменялся желтоватым грунтовым песком. На северо-восточном краю раскопа указанные слои залегали на 10 см глубже. Никакой смешанной с золой прослойки в этом раскопе не отмечалось. Находок в этом раскопе было очень мало, а именно: 4 черепка керамики, долото из рога, фрагмент костяного изделия и кусок шлифовального камня.[1] Все указанные предметы были извлечены в юго-восточном крае раскопа, где они залегали в нижней части черноватого торфа и в верхней части болотной почвы. Судя по небольшому количеству обнаруженных в раскопе Е находок, последний находится, по-видимому, на прилегающей к реке границе поселения.

Раскопы F и P были заложены с тем, чтобы установить границу поселения в северо-восточном направлении. Раскоп Р расположен на расстоянии примерно 14 м от раскопа D. Коричневый торф в этом раскопе достигал 2,6 м глубины от поверхности, причем в его нижней части на-

[1] ИИ № 3800.: 345, 346, 371—373.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе Р

Глубина, см	Керамика		
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	всего
237—240	—	4	4
241—245	—	7	7
246—250	—	2	2
251—255	1	8	9
256—260	1	3	4
261—265	3	7	10
266—270	—	5	5
271—274	5	—	5
Итого	10	36	46
Глубина не определена	24	30	54
Всего	34	66	100

блюдались темные полосы. Затем следовал тонкий слой болотной почвы, а под ним темно-серый песок; толщина обоих слоев вместе составляла примерно 30 см. На глубине 2,9 м располагался желтоватый подстилающий песок. Только в юго-восточной части раскопа нижние слои опускались еще глубже, так что подстилающий песок обнаруживался там лишь на глубине 3,05 м (рис. 4).

Раскоп Р был сравнительно беден находками.[1] Большинство их извлечено из слоя болотной почвы и из нижней части торфа, но некоторые встречались и ниже, вплоть до сероватого песка. Большинство черепков глиняных сосудов принадлежит к ямочно-гребенчатой керамике, а часть глубже залегавших черепков относится еще к керамике нарвского типа, предшествующей ямочно-гребенчатой. Между прочим, в раскопе было найдено несколько кусков дерева со следами обработки и свертки бересты.

В раскопе F за торфяными слоями следовал непосредственно подстилающий песок. Только в юго-западном конце раскопа между торфяным и песчаным слоем прослеживался особый слой, толщиной не более нескольких сантиметров, содержавший остатки обгорелого дерева, кости и несколько черепков глиняных сосудов.[2] Таким образом, в своей основной части раскоп F остался вне границ стоянки.

Раскоп О был заложен для выяснения границ поселения в северо-западном направлении. Он находится на расстоянии 24 м от раскопа Н.

---

[1] ИИ № 4013 : 8418—8456.

[2] Обнаруженные в раскопе F находки не сохранились.

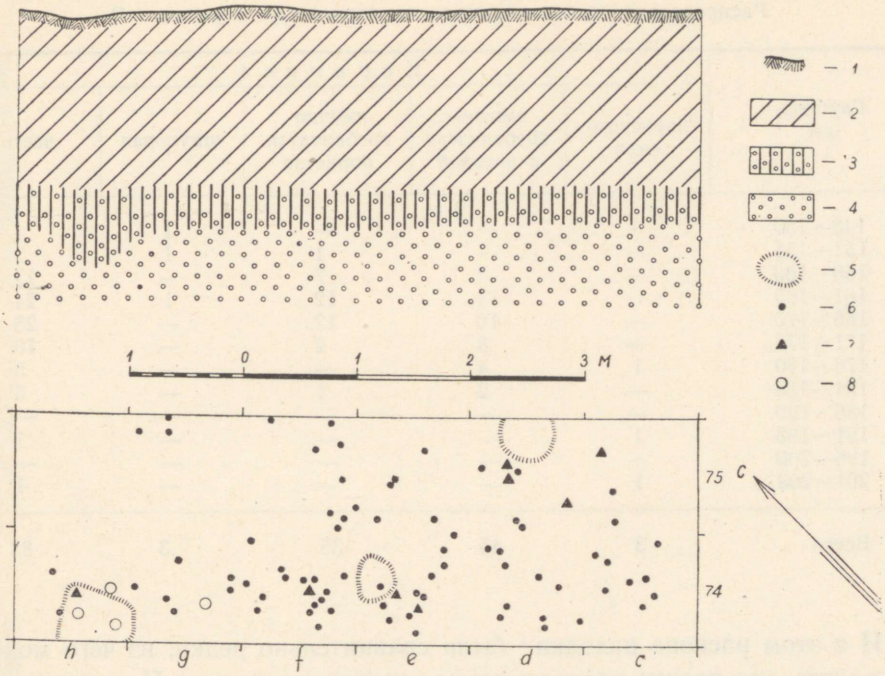


Рис. 5. План и профиль раскопа О поселения Акали. *1* — дерн, *2* — торф, *3* — болотная почва и темно-серый песок, *4* — подстилающий песок, *5* — углубление в песке, *6* — керамика, *7* — каменное изделие, *8* — фрагменты человеческого черепа.

За коричневым, в нижней части с черноватыми прослойками торфом следовал слой толщиной 35—40 см вверху черноватого с примесью торфа, а ниже более светлого песка. На глубине 190 см от поверхности залегал желтоватый подстилающий песок (рис. 5). В него вдавалось несколько заполненных черноватым песком углублений. Наибольшее из них обнаружено на северо-западном конце раскопа. Его контуры вырисовывались в виде округло-четырехугольного участка размером 80 × 50 см, причем часть углубления осталась вне раскопа и не обследовалась. Ниже углубление суживалось и в средней части опускалось на 30 см в подстилающий песок. В средней части раскопа было обнаружено второе углубление размером всего лишь 35 × 30 см, трапециевидной формы; оно вдавалось на 20 см в подстилающий песок и содержало несколько черепков керамики.[1] Третье, несколько большее по размерам углубление было найдено в юго-восточной части раскопа. Оно также проникало на 20 см в желтоватый песок, но в основном осталось за пределами раскопа.

Следует отметить, что в этом раскопе было обнаружено около десятка фрагментов человеческого черепа. Они были найдены на месте расположения первого описанного углубления, но значительно выше него, в верхней части культурного слоя, где они залегали в основном на участке радиусом в 20 см, и только отдельные из них лежали несколько дальше.

---

[1] ИИ № 4013 : 8412.

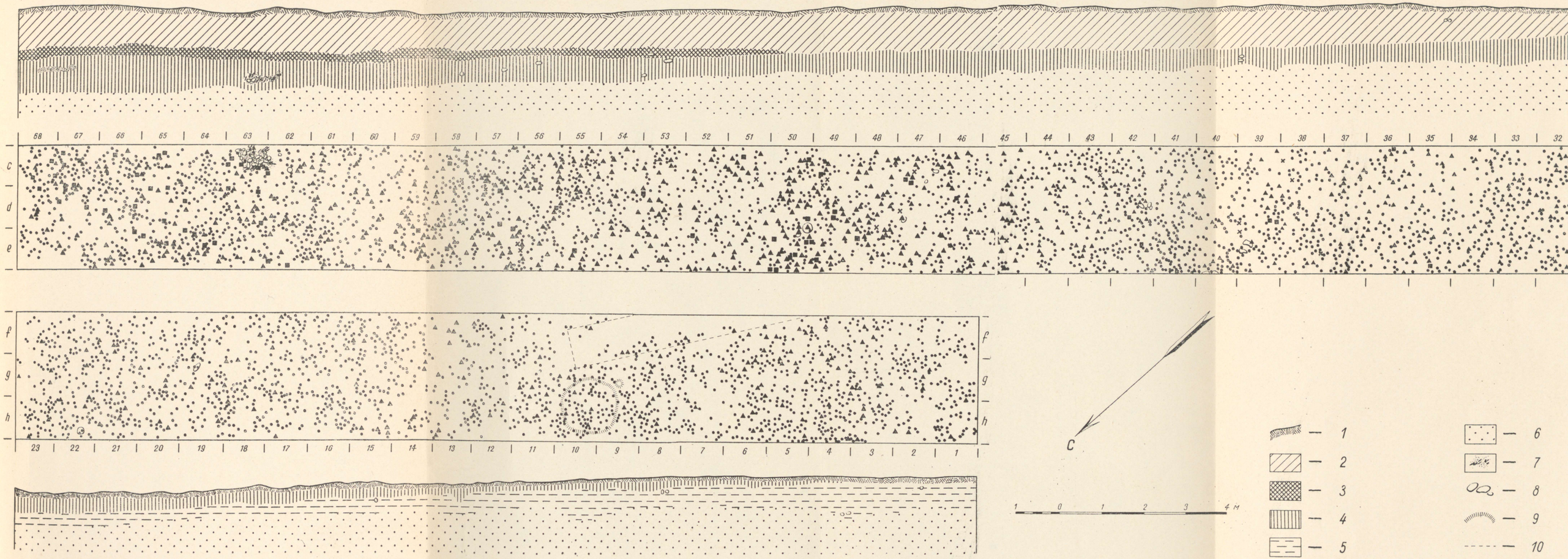
Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе О

Глубина, см	Керамика				
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	всего
148—150	—	—	—	1	1
151—155	—	—	1	1	2
156—160	—	4	7	—	11
161—165	—	11	12	1	24
166—170	—	16	12	—	28
171—175	—	8	2	—	10
176—180	1	4	—	—	5
181—185	—	2	1	—	3
186—190	—	—	—	—	—
191—195	1	—	—	—	1
196—200	—	—	—	—	—
201—203	1	—	—	—	1
Всего	3	45	35	3	86

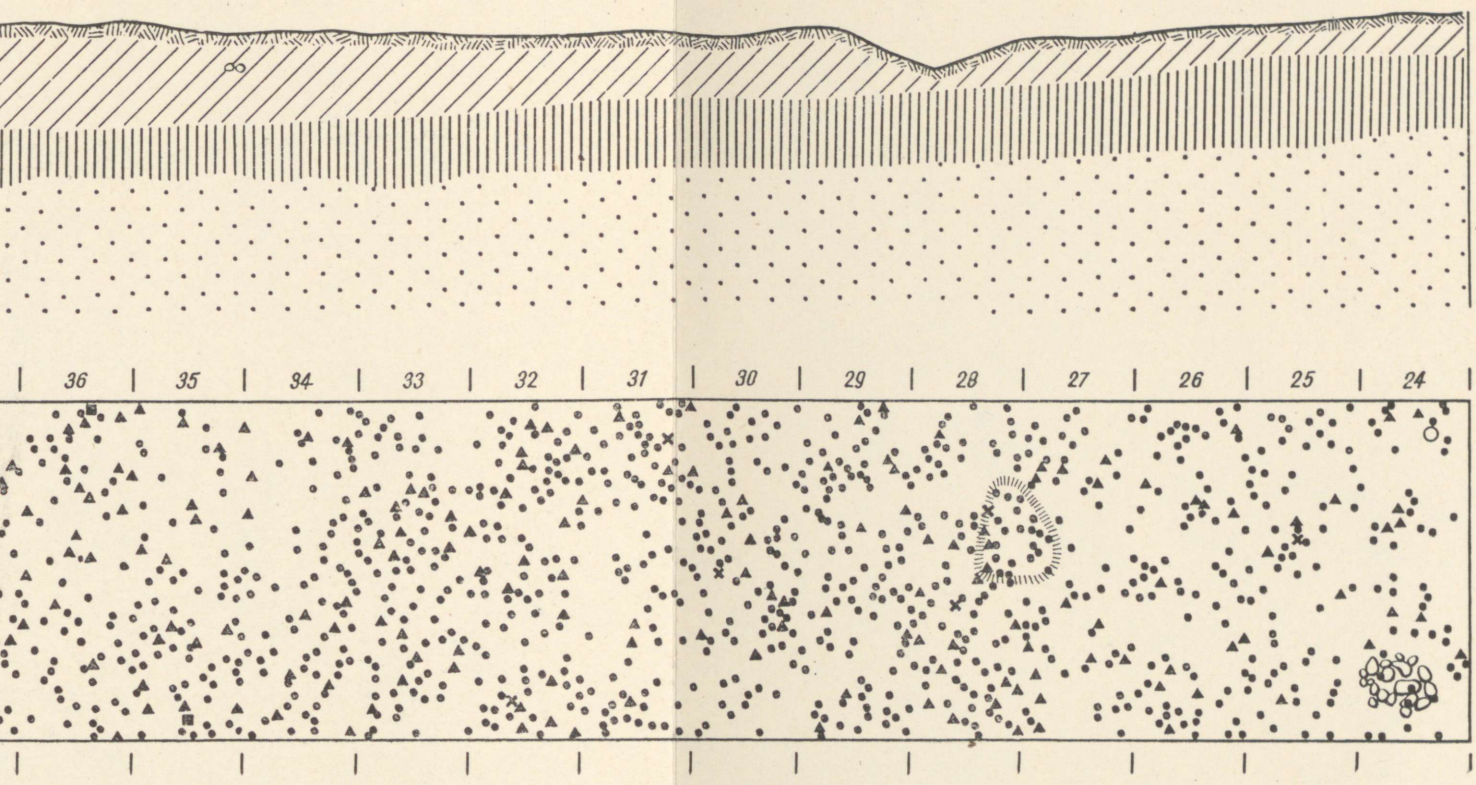
И в этом раскопе находки [1] были сравнительно редки, из чего можно заключить, что раскоп расположен на окраине поселения. Находки встречены преимущественно в черноватом песке, только немногие из них залегали чуть повыше, в находящихся под коричневым торфом черных торфяных прослойках или же на еще большей глубине, в сероватом песке. Большинство черепков принадлежит к ямочно-гребенчатой керамике, только в черном торфе обнаружено несколько черепков шнуровой керамики, а в самой низкой части культурного слоя — несколько фрагментов пористой керамики, предшествовавшей ямочно-гребенчатой.

О центральной части стоянки дает представление раскоп J. Последний начинается у раскопа С, от которого его отделяет неисследованная полоса шириной примерно в 70 см, и тянется до подножия бугра. Раскоп J, длиной в 45 м, прорезывает центральную часть стоянки. В этом раскопе встречались те же слои, что и в раскопах около реки (табл. I). На северо-восточном конце раскопа находился слой коричневатого торфа, мощностью примерно в один метр. За ним до глубины 120 см следовал черноватый торф, который переходил затем в болотную почву. На глубине примерно 2 м начинался желтоватый подстилающий песок. По направлению к юго-западу поверхность подстилающего песка постепенно повышалась, так что на юго-западном конце рассматриваемого раскопа он залегал на 1,2 м выше, чем на северо-восточном конце. Так как мощность слоев, покрывающих грунтовой песок, в частности торфа, по направлению к юго-западу соответственно убывала, то современная поверхность показывает здесь только очень незначительный подъем, заметный главным образом на юго-западном конце раскопа J, там, где начиналось

[1] ИИ № 4013 : 8330—8417.



Планы и профили *1* (наверху) и *1* (внизу) поселения Акали. *1* — дерн, *2* — коричневый торф, *3* — черный торф, *4* — болотная почва, *5* — коричневая земля, *6* — подстилающий песок, *7* — зола и головешки, *8* — камни, *9* — углубление в песке, *10* — приблизительная граница шурфа. *1*, *11* — керамика, *12* — каменное изделие, *13* — фрагменты человеческого черепа, *14* — костяное изделие, *15* — янтарь.



6 — 11

7 — 12

8 — 13

9 — 14

10 — 15

ешки, *8* — камни, *9* — углубление в

подножие бугра, используемое под огород. Этот подъем на протяжении всего раскопа составлял всего лишь 20 см. Таким образом, мощность слоев, лежащих над подстилающим песком, убавилась на 1 м, особенно, как уже отмечалось, за счет слоев торфа. На расстоянии 20 м от северо-восточного конца раскопа черноватый торф уже больше не выделялся отдельным слоем. Он сливался здесь со слоем болотной почвы, в то время как над ним, в нижней части коричневатого торфа, встречались только единичные более темные прослойки. Мощность коричневого торфа в этом месте составляла примерно 90 см, а болотной почвы — около 60 см. Особенно быстро уменьшался слой коричневого торфа в юго-западной части рассматриваемого участка, на протяжении последних 10 метров. На юго-западном конце коричневатый торф достигал всего лишь 40 см в толщину, в то время как слой болотной почвы, который содержал здесь больше песку, чем в северо-восточной части раскопа, по-прежнему достигал 60 см.

Находки располагались главным образом в болотной почве, а отдельные встречались выше, в черноватом торфе. Находки прекращались большей частью уже чуть повыше желтоватого подстилающего песка; в находившемся над ним светло-сером песке лишь изредка попадались единичные фрагменты керамики. Культурный слой имел толщину в среднем около 50—70 см, причем мощность его несколько уменьшалась в юго-западной части раскопа. Характер культурного слоя был такой же, что и в раскопе Н. Отмеченный в примыкающих к реке раскопах слой с примесью золы был в северо-восточной части раскопа еще более прерывистым, чем в раскопе Н. Его можно было проследить только в виде нескольких зольных пятен на соответствующей глубине, причем они встречались не более чем на протяжении нескольких метров от конца раскопа. Изредка в культурном слое встречались булыжники, обычно по одному и только в двух случаях по 2—3 рядом.

В квадрате с 63, в наиболее глубокой части культурного слоя, на глубине 160—165 см, был обнаружен сложенный из камней очаг (табл. II : 1). Небольшие, диаметром в 10—15 см, булыжники были сложены в один ярус на площади в 85 × 60 см. Между камнями и вокруг них было много золы, угля и полуобуглившихся головешек. Иного вида скопление камней имелось на юго-западном конце раскопа, в квадрате е 24 (табл. II : 2). В этом месте также и в нижнем горизонте культурного слоя, в среднем на глубине 75 см, лежали тесной кладкой булыжники, среди них несколько больших, диаметром свыше 20 см. Камни занимали площадь в 70 × 55 см. Поверхность камней была рыхлой, очевидно под действием гуминовых кислот, так как около них не обнаружено ни золы, ни других признаков горения. На поверхности некоторых камней, у которых она не была полностью разрушена, можно было заметить слабые следы шлифовки, как если бы эти камни употреблялись в качестве шлифовальных.[1]

---

[1] ИИ № 4013 : 7506, 7507, 7509, 7515, 7522.

Вероятно, мы имеем здесь дело с каким-то запасом булыжников, собранных в разных местах и принесенных на стоянку. Так как камни редко встречаются в окрестностях поселения, то вполне мыслимо, что пригодные для употребления камни доставлялись на стоянку и в случае необходимости использовались в качестве шлифовальных камней, грузил, для изготовления дресвы, примешиваемой к тесту глиняной посуды, и для других целей.

В 3 м к северо-востоку от кучи камней, в квадратах с 27, с 28, d 27 и d 28, черноватая земля чуть вдавалась в желтоватый подстилающий песок в виде углубления размером 95 х 80 см. Это углубление треугольной формы имело плоское дно. Только в центральной части оно опускалось несколько глубже, сантиметров на 25 ниже обычной границы культурного слоя. В углублении найдено несколько черепков керамики.[1]

В квадрате с 54, в среднем горизонте культурного слоя, на глубине 126—146 см, был обнаружен конец вбитой вертикально в землю сваи толщиной 6—7 см. Как и в приречных раскопах, свая имела заостренный конец.

Привлекает внимание нахождение в культурном слое фрагментов человеческого черепа. В квадрате с 62, около очага, но значительно выше его, их было найдено несколько десятков на участке радиусом примерно 10 см.[2] Эти фрагменты находились в средней части культурного слоя на глубине 133 см от поверхности. Отдельный фрагмент черепа был обнаружен в квадрате с 24, также в среднем горизонте культурного слоя, на глубине 65 см.[3] Нахождение остатков черепов намекает на наличие на стоянке погребений.

Раскоп J был богат находками.[4] Подавляющее число черепков принадлежит к ямочно-гребенчатой керамике. В глубоких горизонтах культурного слоя в небольшом количестве встречались фрагменты керамики, предшествовавшей ямочно-гребенчатой, наподобие той, которая имелась и в глубоких пластах раскопов, примыкающих к реке. В верхнем горизонте культурного слоя этого участка обнаружено немного шнуровой и текстильной керамики. На юго-западном конце раскопа шнуровая и текстильная керамика встречалась уже в средней части культурного слоя; в верхнем горизонте культурного слоя обнаружены отдельные черепки нового типа керамики с грубым текстильным узором или со штрихованной поверхностью. Расположенный около раскопа J небольшой ш у р ф 2 дал преимущественно ямочно-гребенчатую керамику.[5]

---

[1] ИИ № 4013 : 7713, 7716.

[2] ИИ № 4013 : 3412.

[3] ИИ № 4013 : 6975.

[4] ИИ № 4013 : 2998—6900, 6940—7716.

[5] ИИ № 3661 : 1—4.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе J

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
	Квадраты с—е/66—68						
100—105	—	—	1	—	—	—	1
106—110	—	—	—	—	—	—	—
111—115	—	1	3	1	—	—	5
116—120	—	4	5	1	—	—	10
121—125	—	1	1	2	—	—	4
126—130	—	4	8	—	—	1	13
131—135	—	9	5	—	—	—	14
136—140	—	3	12	1	—	—	16
141—145	—	14	56	—	—	—	70
146—150	—	24	29	—	—	—	53
151—155	—	65	15	—	—	—	80
156—160	4	109	25	—	—	—	138
161—165	2	88	19	—	—	—	109
166—170	3	77	12	—	—	—	92
171—175	5	34	3	—	—	—	42
176—180	10	14	2	—	—	—	26
181—185	3	36	1	—	—	—	40
186—190	3	6	—	—	—	—	9
191—195	—	—	—	—	—	—	—
196—200	—	1	—	—	—	—	1
Всего	30	490	197	5	—	1	723
	Квадраты с—е/63—65						
76—80	—	1	—	—	—	—	1
81—85	—	—	—	—	—	—	—
86—90	—	—	—	—	—	—	—
91—95	—	—	2	—	—	—	2
96—100	—	—	1	—	—	—	1
101—105	—	1	1	—	—	—	2
106—110	—	—	1	—	—	—	1
111—115	—	—	7	—	—	—	7
116—120	—	1	9	3	—	—	13
121—125	—	3	9	—	—	—	12
126—130	—	—	7	1	1	—	9
131—135	—	7	9	—	—	—	16
136—140	—	8	13	—	—	—	21
141—145	2	31	22	—	—	—	55
146—150	4	47	25	—	—	—	76
151—155	3	73	15	—	—	—	91
156—160	3	61	24	—	—	—	88
161—165	7	33	7	—	—	—	47
166—170	4	14	1	—	—	—	19
171—175	2	3	1	—	—	—	6
176—180	1	4	—	—	—	—	5
181—185	—	2	—	—	—	—	2
186—191	—	1	—	—	—	—	1
Всего	26	290	154	4	1	—	475

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
Квадраты с—е/60—62							
82—85	—	—	—	1	—	—	1
86—90	—	—	—	—	—	—	—
91—95	—	3	1	1	—	—	5
96—100	—	1	—	1	—	—	2
101—105	—	4	2	—	—	—	6
106—110	—	1	—	—	—	—	1
111—115	—	4	2	1	—	—	7
116—120	—	10	7	3	—	—	20
121—125	—	13	15	1	—	—	29
126—130	1	13	7	—	—	—	21
131—135	—	51	8	—	—	—	59
136—140	1	44	11	1	—	—	57
141—145	3	78	5	—	—	—	86
146—150	5	27	5	—	—	—	37
151—155	6	46	2	—	—	—	54
156—160	10	31	1	—	—	—	42
161—165	8	4	1	—	—	—	13
166—170	—	2	—	—	—	—	2
171—176	3	1	—	—	—	—	4
Всего	37	333	67	9	—	—	446
Квадраты с—е/57—59							
83—85	—	1	—	—	—	6	7
86—90	—	—	—	—	—	1	1
91—95	—	3	1	1	—	1	6
96—100	—	3	2	1	1	—	7
101—105	—	6	3	3	—	—	12
106—110	—	8	3	1	—	—	12
111—115	—	4	2	3	—	—	9
116—120	1	11	2	2	—	—	16
121—125	2	14	11	1	1	—	29
126—130	1	33	12	1	—	—	47
131—135	4	37	9	—	—	—	50
136—140	2	42	3	—	—	—	47
141—145	6	15	1	—	—	—	22
146—150	10	6	—	1	—	—	17
151—155	4	1	—	—	—	—	5
156—160	2	—	—	—	—	—	2
161—162	1	—	—	—	—	—	1
Всего	33	184	49	14	2	8	290

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
			Квадраты с—е/54—56				
89—95	—	—	2	3	—	—	5
96—100	—	4	1	2	—	—	7
101—105	—	5	2	3	—	—	10
106—110	—	5	2	3	—	—	10
111—115	1	11	11	1	—	—	24
116—120	2	32	16	1	—	—	51
121—125	2	37	15	1	—	—	55
126—130	6	47	17	—	—	—	70
131—135	6	71	9	—	—	—	86
136—140	1	48	3	—	—	—	52
141—145	9	9	1	—	—	—	19
146—150	6	5	—	—	—	—	11
Всего	33	274	79	14	—	—	400
			Квадраты с—е/51—53				
90—95	—	—	1	—	—	1	2
96—100	1	5	5	—	—	—	11
101—105	—	3	—	—	—	—	3
106—110	1	9	4	—	—	—	14
111—115	1	24	6	1	—	—	32
116—120	—	23	4	1	—	—	28
121—125	2	30	5	—	—	—	37
126—130	1	33	6	—	—	—	40
131—135	1	34	3	—	—	—	38
136—140	48	12	—	—	—	—	60
141—145	9	4	1	—	—	—	14
146—150	3	2	—	—	—	—	5
151—155	1	2	—	—	—	—	3
156—159	1	—	—	—	—	—	1
Всего	69	181	35	2	—	1	288
			Квадраты с—е/48—50				
88—90	—	1	1	—	—	—	2
91—95	—	6	2	—	—	—	8
96—100	—	15	6	1	—	—	22
101—105	—	13	2	—	—	—	15
106—110	—	14	5	—	—	—	19
111—115	3	26	7	1	—	—	37
116—120	1	22	5	—	—	—	28
121—125	—	28	24	1	10	—	63
126—130	7	23	10	—	10	—	50
131—135	4	15	5	—	—	—	24
136—140	2	17	2	—	—	—	21
141—145	—	6	—	—	—	—	6
146—150	—	5	—	—	—	—	5
151—155	—	—	—	—	—	—	—
156—159	—	2	—	—	—	—	2
Всего	17	193	69	3	20	—	302

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
			Квадраты с—е/45—47				
92—95	—	—	2	1	—	—	3
96—100	—	5	7	1	—	—	13
101—105	—	10	8	—	—	—	18
106—110	—	9	11	—	—	—	20
111—115	—	20	12	—	—	—	32
116—120	2	26	12	—	—	—	40
121—125	3	37	11	—	—	—	51
126—130	1	19	2	—	—	—	22
131—135	1	9	3	—	—	—	13
136—140	2	10	—	—	—	—	12
141—145	3	7	—	—	—	—	10
146—150	1	2	—	—	—	—	3
151—155	1	1	—	—	—	—	2
156—157	1	2	—	—	—	—	3
Всего	15	157	68	2	—	—	242
			Квадраты с—е/42—44				
91—95	—	10	2	—	—	—	12
96—100	—	7	3	—	2	—	12
101—105	—	15	10	—	—	—	25
106—110	—	32	16	—	—	—	48
111—115	—	44	13	1	—	—	58
116—120	5	30	10	1	—	—	46
121—125	3	49	8	—	—	—	60
126—130	3	18	4	—	—	—	25
131—135	3	8	3	—	—	—	14
136—140	—	9	2	—	—	—	11
141—146	—	5	—	—	—	—	5
Всего	14	227	71	2	2	—	316
			Квадраты с—е/39—41				
83—85	—	8	2	—	—	—	10
86—90	—	10	6	—	1	—	17
91—95	—	17	14	—	—	—	31
96—100	1	22	14	—	—	—	37
101—105	—	38	21	—	2	—	61
106—110	1	36	33	—	—	—	70
111—115	2	29	26	—	—	—	57
116—120	12	35	10	—	—	—	57
121—125	3	8	5	—	—	—	16
126—130	1	4	2	—	—	—	7
131—135	2	3	—	—	—	—	5
136—140	—	—	—	—	—	—	—
141—145	—	—	—	—	—	—	—
146—147	—	7	—	—	—	—	7
Всего	22	217	133	—	3	—	375

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
Квадраты с—е/36—38							
77—80	—	5	1	—	—	—	6
81—85	—	7	5	1	3	—	16
86—90	—	12	7	1	41	—	61
91—95	—	13	16	1	1	—	31
96—100	—	17	14	—	—	—	31
101—105	—	35	22	—	—	—	57
106—110	1	28	20	1	—	—	50
111—115	—	37	14	—	—	—	51
116—120	2	16	12	—	—	—	30
121—125	1	7	—	—	—	—	8
126—129	—	2	—	—	—	—	2
Всего	4	179	111	4	45	—	343
Квадраты с—е/33—35							
80—85	—	9	4	1	3	—	17
86—90	—	11	15	—	3	—	29
91—95	—	30	20	1	1	—	52
96—100	—	26	20	1	1	—	48
101—105	1	37	10	—	—	—	48
106—110	—	18	15	—	—	—	33
111—115	2	6	8	—	—	—	16
116—120	1	4	5	—	—	—	10
121—123	1	2	—	—	—	—	3
Всего	5	143	97	3	8	—	256
Квадраты с—е/30—32							
62—65	—	2	3	—	—	—	5
66—70	—	11	5	1	2	—	19
71—75	—	14	7	1	—	—	22
76—80	—	17	18	2	—	—	37
81—85	—	21	18	3	—	—	42
86—90	—	26	14	2	—	—	42
91—95	1	20	24	2	—	—	47
96—100	—	18	9	—	—	—	27
101—105	1	11	10	—	—	—	22
106—110	4	22	4	—	—	—	30
111—115	—	8	—	—	—	—	8
116—120	1	6	1	—	—	—	8
121—125	—	1	—	—	—	—	1
126—130	1	—	—	—	—	—	1
Всего	8	177	113	11	2	—	311

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
			Квадраты с—е/27—29				
40—45	—	1	—	—	—	1	2
46—50	—	1	1	—	—	5	7
51—55	—	—	2	1	—	—	3
56—60	—	1	3	—	1	—	5
61—65	—	1	3	2	1	—	7
66—70	—	6	8	9	1	—	24
71—75	—	11	10	6	—	—	27
76—80	—	13	12	8	—	—	33
81—85	—	17	12	6	—	—	35
86—90	—	20	19	—	1	—	40
91—95	2	24	15	1	—	—	42
96—100	3	17	10	—	—	—	30
101—105	1	12	11	—	—	—	24
106—111	2	7	1	—	—	—	10
Всего	8	131	107	33	4	6	289
			Квадраты с—е/24—26				
47—50	—	—	—	1	—	3	4
51—55	—	2	3	4	1	1	11
56—60	—	5	6	7	2	3	23
61—65	—	11	7	6	1	—	25
66—70	—	14	11	5	—	—	30
71—75	—	7	10	3	—	—	20
76—80	—	12	17	3	—	—	32
81—85	—	10	12	1	—	—	23
86—90	1	7	7	—	—	—	15
91—95	1	4	8	1	—	—	14
96—100	2	6	1	1	—	—	10
101—102	1	—	—	—	—	—	1
Всего	5	78	82	32	4	7	208

Раскопы L, M и N заложены с целью определения размеров поселения в западном и восточном направлениях. Раскоп L расположен в 27 м к северо-западу от раскопа J. За обычными торфяными слоями здесь следовал культурный слой — болотная почва, которая обнаруживалась на юго-восточном конце раскопа на глубине 60 см, а на северо-западном конце на глубине 80 см и доходила соответственно до глубины 105—130 см от современной поверхности. Находки встречались преимущественно в этом слое, толщиной около 50 см, лишь единичные черепки керамики залегали глубже, в серовато-желтоватом пятнистом песке, ниже которого уже находился чистый подстилающий песок. В юго-восточном конце раскопа, в нижней части культурного слоя имелись камни диамет-

ром около 15 см, три из них находились рядом, соприкасаясь краями, один на другом. Под камнями оказалась жидкая глина и черепки керамики.[1] Находок в раскопе было довольно много.[2] В верхнем горизонте культурного слоя найдена преимущественно текстильная и ямочно-гребенчатая керамика. Обнаружено и несколько фрагментов шнуровой керамики. В нижнем горизонте культурного слоя преобладала ямочно-гребенчатая керамика. На самом дне культурного слоя найдено несколько черепков пористой глиняной посуды, принадлежащих, очевидно, к доямочно-гребенчатой керамике.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе L

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
60—65	—	1	—	—	—	—	1
66—70	—	2	—	—	1	2	5
71—75	—	4	2	5	4	—	15
76—80	—	18	7	3	33	1	62
81—85	—	24	6	5	24	—	59
86—90	—	33	28	—	22	2	85
91—95	—	38	21	1	55	—	115
96—100	—	48	41	1	10	—	100
101—105	—	44	13	—	3	—	60
106—110	—	43	21	—	—	—	64
111—115	1	30	12	—	—	—	43
116—120	—	15	3	—	—	—	18
121—125	1	7	1	—	—	—	9
126—130	6	11	1	—	—	—	18
131—135	2	1	—	—	—	—	3
136—140	—	—	—	—	—	—	—
141—145	—	—	—	—	—	—	—
146—150	—	—	—	—	—	—	—
151—153	—	1	—	—	—	—	1
Всего	10	320	156	15	152	5	658

Раскоп М находится на 20 м дальше к северо-западу от предыдущего. Верхний слой этого раскопа представлен коричневатым торфом, в нижнем горизонте которого попадались черноватые прослойки. Этот торф был здесь значительно толще, чем в предыдущих раскопах, доходя на юго-восточном конце раскопа М до 2 м, а на северо-западном до 2,2 м в глубину. За ним следовал черноватый песок с примесью торфа, слоем толщиной в 30—40 см, который вглубь становился все светлее, переходя

[1] ИИ № 4013 : 8188.
[2] ИИ № 4013 : 7717—8220.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе М

Глубина, см	Керамика		
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	всего
207—210	—	14	14
211—215	1	13	14
216—220	1	14	15
221—225	—	11	11
226—230	3	5	8
231—235	4	6	10
236—240	8	1	9
241—242	1	—	1
Итого	18	64	82
Глубина не определена	22	13	35
Всего	40	77	117

на юго-восточном конце раскопа на глубине 2,4 м, а на северо-западном конце на глубине 2,5 м в желтоватый подстилающий песок. Находки[1] в раскопе, особенно в его северо-западной части, встречались редко. Раскоп, очевидно, расположен на самой границе стоянки. Все находки залегали в черноватом песке, за исключением двух каменных долот,[2] найденных в коричневом торфе в юго-восточной части раскопа на глубине 140 и 172 см от поверхности. В нижнем горизонте культурного слоя было обнаружено скопление нескольких десятков осколков кремня, принадлежащих одному большому желваку, который был раздроблен на этом месте. Из черепков глиняных сосудов часть принадлежит к ямочно-гребенчатой керамике, а другая часть — к предшествующей ей керамике. Последняя находилась преимущественно в самом глубоком горизонте культурного слоя.

Раскоп N находится на расстоянии 30 м к юго-востоку от раскопа J. Толщина коричневатого торфа вместе с дерном достигла здесь 110—115 см. За ним следовал слой черноватого песка толщиной в 25 см, в нижней части более светлый и переходящий постепенно в желтоватый подстилающий песок (рис. 6). Поверхность последнего в этом раскопе была особенно неровная. В ней имелся ряд суживающихся книзу ямочек, в которых черноватый песок довольно глубоко вдавался в грунтовой песок. В северо-западной части раскопа можно было отметить три таких углубления. Одно из них, округлой формы, диаметром около 60 см, уходило до глубины 60 см в желтоватый песок. Второе, расположенное на

[1] ИИ № 4013 : 8221—8279.
[2] ИИ № 4013 : 8221, 8222.

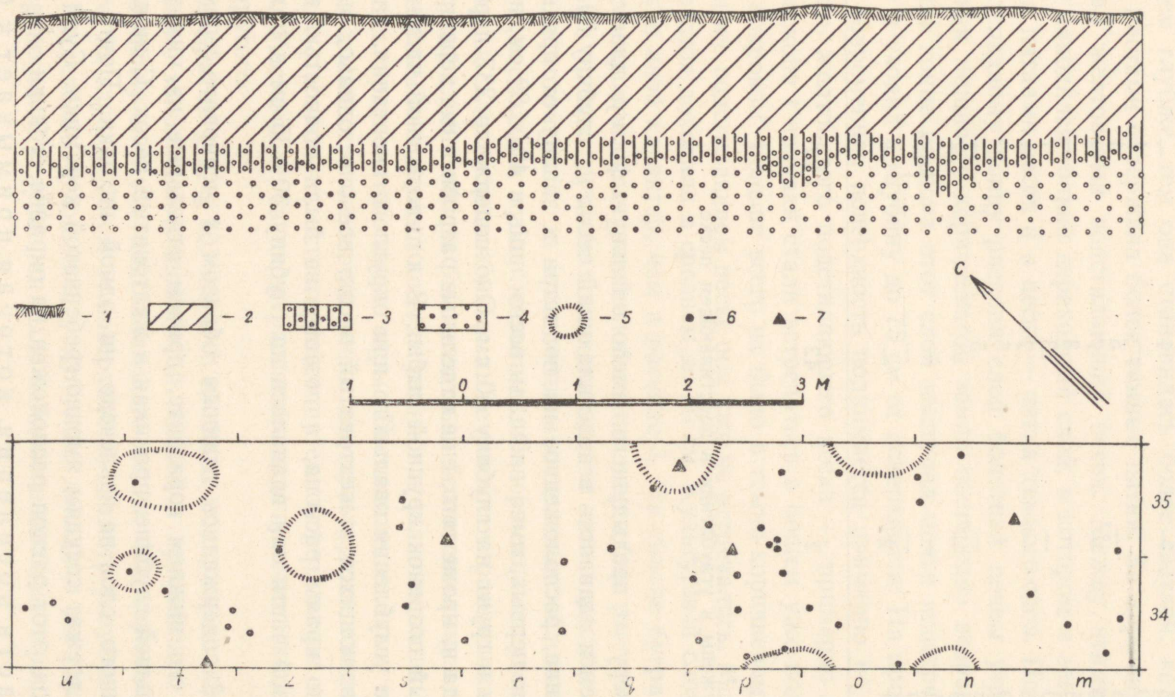


Рис. 6. План и профиль раскопа N поселения Акали. *1* — дерн, *2* — торф, *3* — болотная почва и темно-серый песок, *4* — подстилающий песок, *5* — углубление в песке, *6* —керамика, *7* — каменное изделие.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе N

Глубина, см	Керамика			
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	всего
112—115	—	1	—	1
116—120	—	—	1	1
121—125	—	5	1	6
126—130	—	7	4	11
131—135	—	3	—	3
136—140	—	13	1	14
141—145	—	2	3	5
146—150	—	6	2	8
151—155	—	5	—	5
156—160	—	—	—	—
161—165	—	—	10*	10
166—170	—	—		
171—175	2	—	—	2
Всего	2	42	22	66

* Обнаружены в углублении в подстилающем песке.

80 см к северу от предыдущего, имело овальную форму, длину 90 см и ширину 50 см и вдавалось в подстилающий песок на глубину 50 см. Третье углубление, расположенное на полметра к западу от предыдущего, было меньше первых, имея площадь всего лишь в 40 × 30 см, но вдавалось все же в грунт на глубину 40 см. Оно содержало 237 черепков от одного сосуда и, кроме того, еще отдельные разрозненные черепки, а также обгорелый позвонок крупной рыбы.[1] В юго-восточной части раскопа было четыре углубления овального или округлого очертания, диаметром 60—90 см, вдающихся в желтоватый песок; все они, однако, были расположены по краям раскопа, а поэтому не были полностью вскрыты. В раскопанной части они вдавались на глубину 30—35 см в подстилающий песок.

Находки[2] содержались главным образом в черновато-сером песке, особенно в его нижнем горизонте, причем отдельные из них залегали даже на большей глубине, проникая в желтоватый песок. С нижней границы торфяного слоя не извлечено ни одной находки. Почти все черепки принадлежат сосудам ямочно-гребенчатой керамики. Судя по редкости находок, этот раскоп расположен на окраине стоянки.

О той части поселения, которая примыкает к бугру, можно получить некоторое представление по раскопу I, расположенному на склоне бугра. По сравнению с юго-западной частью раско-

[1] ИИ № 4013 : 8327.

[2] ИИ № 4013 : 8280—8329.

па J раскоп I показывает довольно резкое изменение характера почвенных слоев (табл. I).[1] В раскопе I коричневатого торфа совершенно не было. Непосредственно под дерновым покровом толщиной в 15—20 см находилась болотная почва, достигавшая в северо-восточном конце раскопа толщины в 25—30 см. Под ней залегала темно-коричневая земля, толщиной примерно в 40 см, сверху гумусовидная с черноватым оттенком. Чем глубже, тем она становилась более светлой, коричневатой, и только местами содержала более темные пятна. За коричневатой землей следовал желтоватый подстилающий песок. Между этими последними слоями находился тонкий переходный слой, в котором в земле попадался густыми пятнами песок и в песке — пятна темного слоя. По направлению к юго-западному концу раскопа слой болотной почвы утончался, в то время как мощность коричневатой земли постепенно возрастала; в юго-западном конце раскопа этот слой выступал почти непосредственно под дерном и уходил в глубину до 75 см от поверхности. На протяжении раскопа I современная поверхность поднимается примерно на 40 см, а поверхность желтоватого подстилающего песка — примерно на 50 см.

В раскопе I находки стали встречаться в общем уже под самым дерновым покровом. Больше всего их было в темно-коричневом слое, в желтоватом же подстилающем песке они уже не встречались. Мощность культурного слоя доходила в среднем до 50 см. Культурный слой носил здесь несколько иной характер, чем в раскопе J. На склоне бугра почти отсутствовал покров, и культурный слой в этом месте был расположен в основном выше уровня грунтовых вод, вследствие чего в раскопе костный материал не сохранился, за исключением отдельных обломков обгорелых костей и нескольких зубов животных. Совершенно отсутствовали здесь характерные для расположенных ниже раскопов раскрошившиеся кости. Культурный слой в общем был несколько более светлым, в нижней части коричневатым и содержал кое-где угольки и зольные пятна. Местами наблюдались красноватые куски охры. Последние, однако, встречались в большем количестве непосредственно под культурным слоем, где они образовались, возможно, естественным путем, в результате окисления камешков. Местами зерна охры располагались густыми скоплениями одно возле другого.

В квадратах g 9, g 10, h 9 и h 10 было обнаружено конусообразное углубление, заполненное черноватой землей и проходящее через коричневатую почву в глубь подстилающего песка. На верхней границе последнего, на глубине 75 см от поверхности, диаметр углубления составлял 1,3 м. Постепенно суживаясь, углубление доходило до глубины 128 см от поверхности. В углублении было найдено несколько черепков глиняных

---

[1] При этом, однако, нужно учесть и то обстоятельство, что профиль раскопа J был заснят со стороны его юго-восточной стенки, а профиль заложенного уже раньше раскопа I — со стороны его северо-западной стенки. Таким образом, зарисованные профили раскопов I и J не соприкасаются непосредственно, а между ними остается промежуток в 6 м.

сосудов,[1] принадлежащих к керамике, встречаемой в самом верхнем горизонте культурного слоя. Рядом с упомянутым углублением, всего лишь на расстоянии около десяти сантиметров от его края, в квадрате g 9 было обнаружено второе углубление диаметром в 12 см, заполненное черной землей. Это углубление, несмотря на свои небольшие размеры, уходило вертикально вниз в подстилающий песок, достигая глубины 30 см. По своей форме оно напоминало ямку от столба.

Находки[2] в раскопе I встречались более редко, чем в раскопе J. Происходящий из раскопа I вещественный материал был более однообразным, в нем, как уже отмечалось выше, не обнаружено костяных изделий. Каменные предметы здесь также встречались сравнительно редко. Среди черепков сосудов было много грубой текстильной керамики, керамики со штрихованной поверхностью и позднейшей шнуровой керамики. Ямочно-гребенчатая керамика встречалась реже и преимущественно в самом нижнем горизонте культурного слоя. В верхнем же горизонте его находились среди прочих и черепки с гладкой или очень слабо заштрихованной поверхностью, которые следует отнести к самой поздней керамике поселения. Аналогичные виды керамики извлечены из небольшого раскопа G[3] и шурфа 1,[4] расположенных непосредственно около раскопа I.

Верхняя часть бугра на юго-западе от раскопа I используется под огород, вследствие чего верхний горизонт культурного слоя здесь сильно перемешан. Для выяснения размеров стоянки на бугре был заложен раскоп K на расстоянии 35 м от раскопа I. Под дерном залегал тонкий слой болотной почвы, доходивший до 25—30 см глубины от поверхности, а под ним — коричневатый песок мощностью 15—20 см и на глубине 45 см — желтоватый подстилающий песок. Находки, главным образом мелкие фрагменты керамики, встречались сравнительно редко.[5] Больше всего их найдено в нижней части перемешанного слоя, на глубине 20—30 см. Ниже, в коричневатом песке, они встречались еще реже, а в желтоватом песке находились лишь единичные черепки. Черепки раскопа K принадлежат к самой поздней керамике поселения, которая прослеживается в юго-западной части раскопа I. Среди этих черепков встречаются отдельные фрагменты текстильной керамики. Небольшое количество находок в рассматриваемом раскопе может быть обусловлено тем, что неглубоко залегающий культурный слой неоднократно перемешивался; поэтому вполне возможно, что территория поселения на бугре простиралась еще дальше на юго-запад.

---

[1] ИИ № 4013 : 2582, 2630, 2631, 2701, 2710.

[2] ИИ № 4013 : 821—2989, 2991, 2996.

[3] Извлеченные из раскопа G находки не сохранились.

[4] ИИ № 3661 : 116—118.

[5] ИИ № 4013 : 6901—6939. Из раскопа извлечено и несколько железных предметов, однако явно современного происхождения (железный гвоздь, две скобы от лодки); они обнаружены непосредственно под дерном.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе I

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
			Квадраты f—h/21—23				
13—15	—	—	—	1	—	1	2
16—20	—	—	1	2	—	3	6
21—25	—	—	1	4	1	9	15
26—30	—	—	2	4	4	6	16
31—35	—	—	4	4	—	2	10
36—40	—	4	13	14	6	1	38
41—45	—	2	12	17	3	—	34
46—50	—	10	18	15	10	—	53
51—55	—	14	19	16	2	—	51
56—60	—	13	18	9	—	—	40
61—65	—	29	16	8	1	—	54
66—70	—	8	6	4	—	—	18
71—75	—	6	3	2	—	—	11
76—80	—	6	1	1	—	—	8
81—85	1	3	1	—	—	—	5
86—89	—	1	—	—	—	—	1
Всего	1	96	115	101	27	22	362
			Квадраты f—h/18—20				
11—15	—	—	—	—	1	1	2
16—20	—	—	—	2	1	5	8
21—25	—	—	4	5	—	19	28
26—30	—	1	6	11	13	14	45
31—35	—	2	9	14	7	26	58
36—40	—	5	15	27	5	2	54
41—45	—	4	11	20	4	—	39
46—50	—	3	8	4	2	—	17
51—55	—	8	9	8	1	—	26
56—60	—	21	17	2	—	—	40
61—65	—	3	1	3	1	—	8
66—70	—	4	5	3	—	—	12
71—74	—	—	3	—	—	—	3
Всего	—	51	88	99	35	67	340
			Квадраты f—h/15—17				
16—20	—	—	—	—	16	11	27
21—25	—	2	11	7	18	19	57
26—30	—	2	8	10	9	10	39
31—35	—	4	15	20	14	7	60
36—40	—	3	10	23	15	1	52
41—45	—	2	13	22	15	3	55
46—50	—	2	11	21	5	2	41
51—55	—	3	6	17	9	1	36
56—60	—	5	4	10	2	1	22
61—65	—	—	2	2	—	—	4
66—70	—	—	2	—	—	—	2
71—74	—	—	1	—	—	—	1
Всего	—	23	83	132	103	55	396

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
			Квадраты f—h/12—14				
14—15	—	—	—	1	—	2	3
16—20	—	3	1	1	12	21	38
21—25	—	—	1	7	16	38	62
26—30	—	2	2	10	14	23	51
31—35	—	1	4	6	3	8	22
36—40	—	2	8	14	4	3	31
41—45	—	3	6	11	4	1	25
46—50	—	1	4	8	—	—	13
51—55	—	2	13	4	3	—	22
56—60	—	1	—	2	2	—	5
61—63	—	—	—	2	—	—	2
Всего	—	15	39	66	58	96	274
			Квадраты f—h/9—11				
13—15	—	1	2	—	3	7	13
16—20	—	1	—	4	5	51	61
21—25	—	—	—	2	9	54	65
26—30	—	2	1	10	18	54	85
31—35	—	1	4	9	8	16	38
36—40	—	1	2	10	8	1	22
41—45	—	2	1	14	5	4	26
46—50	—	—	1	8	—	—	9
51—55	—	—	2	4	3	3	12
56—60	—	1	5	5	4	4	19
61—65	—	1	—	5	1	1	8
66—70	—	—	—	2	1	—	3
71—75	—	—	—	—	2	—	2
76—80	—	—	—	2	—	1	3
81—85	—	—	—	—	1	—	1
86—90	—	—	—	—	—	—	—
91—95	—	—	—	2	—	—	2
96—100	—	—	—	—	1	—	1
101—105	—	—	—	—	—	—	—
106—110	—	—	—	—	1	—	1
111—113	—	—	—	—	—	1	1
Всего	—	10	18	77	70	197	372
			Квадраты f—h/5—8				
11—15	—	—	1	—	—	11	12
16—20	—	2	3	4	3	67	79
21—25	—	2	—	5	11	99	117
26—30	—	2	—	14	21	109	146
31—35	—	1	3	18	5	27	54
36—40	—	1	7	16	11	11	46

Продолжение

Глубина, см	Керамика						
	нарвского типа	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
41—45	—	2	4	13	6	2	27
46—50	—	1	86	10	12	4	113
51—55	—	1	10	1	1	—	13
56—60	—	1	4	5	1	—	11
61—65	—	1	1	1	1	—	4
66—70	—	—	—	—	1	—	1
71—76	—	—	—	1	—	—	1
Всего	—	14	119	88	73	330	624
Квадраты f—h/1—4							
10—15	—	—	—	—	2	15	17
16—20	—	1	—	3	6	111	121
21—25	—	3	3	3	11	115	135
26—30	—	1	—	5	14	84	104
31—35	—	—	1	7	8	19	35
36—40	—	—	4	6	8	16	34
41—45	—	1	1	4	4	7	17
46—50	—	3	4	3	5	1	16
51—55	—	6	5	1	3	4	19
56—60	—	1	1	2	1	1	6
61—65	—	1	1	1	8	1	12
66—71	—	—	—	1	1	1	3
Всего	—	17	20	36	71	375	519

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе К

Глубина, см	Керамика				
	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
15—20	1	—	—	16	17
21—25	1	—	—	6	7
26—30	—	—	2	4	6
31—35	—	1	3	2	6
36—40	—	—	—	1	1
41—45	1	—	1	—	2
46—48	—	—	1	—	1
Всего	3	1	7	29	40

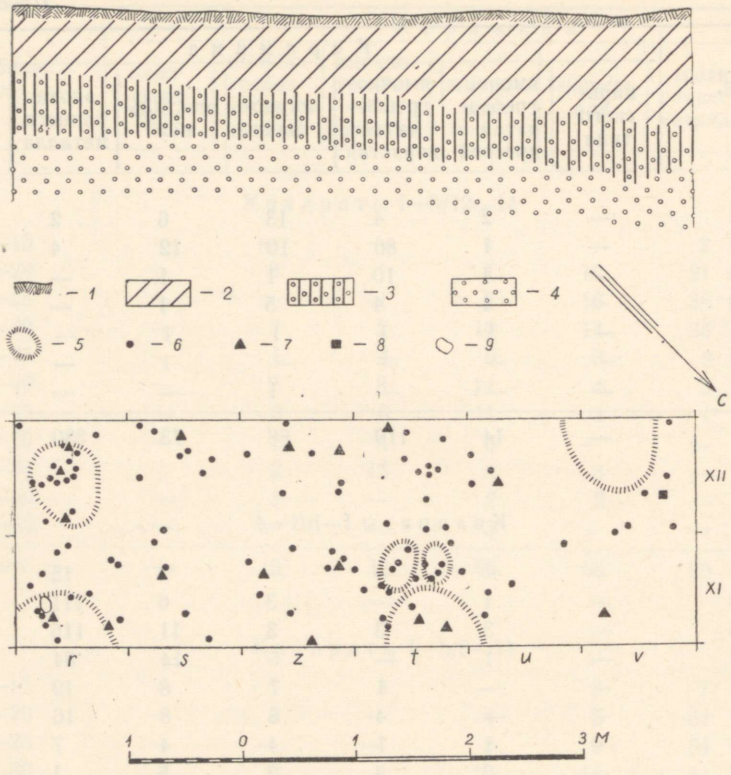


Рис. 7. План и профиль раскопа Q поселения Акали. *1* — дерн, *2* — торф, *3* — болотная почва и темно-серый песок, *4* — подстилающий песок, *5* — углубление в песке, *6* — керамика, *7* — каменное изделие, *8* — костяное изделие, *9* — камень.

Для определения размеров поселения на западном склоне бугра был заложен раскоп Q, на расстоянии 34 м к северо-западу от линии, соединяющей северо-западные края раскопов I и K. Под дерном и здесь находился коричневый торф, достигавший в юго-восточной части раскопа глубины 0,6 м. Под ним залегал культурный слой — сверху черноватый, перемешанный с болотной почвой, ниже сероватый песок. Под последним на глубине 1,1 м располагался желтоватый подстилающий песок. По направлению к северо-западу культурный слой довольно круто опускался, так что в северо-западном конце раскопа коричневый торф достигал глубины 1 м, а подстилающий песок появлялся лишь на глубине 1,4 м от поверхности (рис. 7).

И в данном раскопе было замечено несколько суживающихся книзу углублений, уходящих в желтоватый песок и наполненных черноватой почвой. Два из них находились в юго-восточном конце раскопа, на расстоянии около 70 см друг от друга. Одно овальное углубление размером 70 × 60 см вдавалось примерно на 20 см в подстилающий песок и содержало несколько черепков керамики, а также обломки каменного до-

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе Q

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
72—75	—	—	—	8	—	8
76—80	—	—	—	8	1	9
81—85	—	1	—	14	—	15
86—90	—	—	1	14	1	16
91—95	—	7	—	15	1	23
96—100	—	7	—	16	—	23
101—105	—	2	—	5	—	7
106—110	1	1	—	9	—	11
111—115	—	1	—	4	—	5
116—120	—	6	—	4	—	10
121—125	—	5	—	3	—	8
126—130	—	—	—	1	—	1
131—135	—	—	—	3	—	3
136—140	—	—	—	2	—	2
141—145	—	—	—	—	—	—
146—150	—	—	—	—	—	—
151—155	—	1	—	—	—	1
Всего	1	31	1	106	3	142

лота.[1] Соседнее с ним углубление было крупным, диаметром свыше 80 см, и проникало в подстилающий песок на глубину 35 см. Но так как оно заходило под стенки раскопа, то бóльшая его часть осталась нераскопанной. В средней части раскопа были обнаружены три углубления, расположенные друг от друга на расстоянии всего около 10 сантиметров. Наибольшее из них, диаметром 80 см, вдавалось на 40 см в желтоватый песок и лежало частично вне раскопа. Два остальных углубления были меньших размеров, площадью 40 × 25 см и 35 × 20 см и проникали в подстилающий песок примерно до 20 см глубины. На самом дне последнего углубления был найден черепок глиняного сосуда.[2] На северо-западном конце раскопа было обнаружено еще одно, сравнительно большое углубление, очевидно овальной формы, около половины которого, однако, осталось вне границ раскопа. Раскопанная часть углубления размером 80 × 60 см проникала на глубину 20 см в подстилающий песок.

Судя по густоте находок,[3] край поселения в этом месте располагался, очевидно, несколько дальше на запад. Бóльшая часть найденных черепков принадлежит к текстильной керамике, наряду с которой попадалась и ямочно-гребенчатая керамика.

---

[1] ИИ № 4013 : 8561, 8563—8568.
[2] ИИ № 4013 : 8527.
[3] ИИ № 4013 : 8457—8569.

Раскоп R, заложенный для выяснения размеров поселения на юго-восточном склоне бугра, расположен в 80 м к юго-востоку от предыдущего раскопа. Коричневатый торф достигал на северо-западном конце раскопа 80 см, а на юго-восточном конце 115 см глубины от современной поверхности. Под этим слоем залегал темно-серый песчанистый слой толщиной в 30—40 см. Этот слой, становясь постепенно все более светлым, переходил в желтоватый подстилающий песок. В раскопе были обнаружены лишь единичные находки, располагавшиеся в северо-западной части раскопа, в сероватом песке. Всего было найдено 15 черепков глиняных сосудов и 3 изделия из кремня.[1] Черепки небольших размеров и принадлежат к относительно поздней керамике. По-видимому, поселение на юго-восточном склоне бугра дальше не простиралось.

В дополнение к находкам из раскопов, 88 черепков керамики и обломок точила были собраны в 1949 г. на огородных грядках между раскопами I и K, куда они были выброшены при обработке земли.[2] Черепки хорошо обожжены, имеют гладкую поверхность и профилированную в виде буквы S шейку. Они принадлежат, очевидно, к самой поздней керамике поселения, к керамике эпохи раннего металла.

Таким образом на поселении Акали в итоге раскопана площадь примерно в 515 м². Помимо богатого вещественного материала, раскопки дают также указания о границах и размере поселения, о древнем рельефе поверхности территории поселения и его позднейших изменениях.

Распределение находок по раскопам представлено в таблице на стр. 57. Как видно, наиболее густо находки залегали в раскопах J, I, H и L. Богаты находками близко друг к другу расположенные раскопы A_1, A, B, C и D. Хотя инвентарь последних, поскольку он сохранился, сравнительно немногочислен, однако следует учесть, во-первых, что часть материала из этих раскопов погибла во время войны и, во-вторых, что при раскопках 1939 г. был собран явно не весь материал, особенно в отношении мелких черепков керамики. В упомянутых раскопах был зафиксирован также наиболее мощный и обладающий наиболее характерными признаками культурный слой. Несомненно, эти раскопы охватывают центральные части стоянки. Из остальных раскопов K, O и Q дали значительно меньше вещей, M, N и P — еще меньше, в то время как раскопы R, E и F почти совершенно не содержали находок. Эти раскопы расположены, следовательно, в краевых частях поселения, а три последних — на самом краю.

Таким образом, уже по одному только распределению количества находок в раскопах можно получить некоторое представление о границах поселения. Эти границы можно еще больше уточнить, если на основании промера глубины залегания желтоватого подстилающего песка выяснить

---

[1] ИИ № 4013 : 8570—8574.

[2] ИИ № 4013 : 2990, 2997.

Распределение находок поселения Акали по раскопам

Зона поселения	Раскоп или шурф	Площадь, м²	Мощность культурного слоя, см	Керамика	Кремневые изделия	Изделия из других пород камня	Изделия из кости и рога	Глиняные изделия	Янтарь	Осколки кремня
Возле реки	E	16	?	4	—	1	2	—	—	—
	P	12	30	118	1	3	1	—	—	—
	F	6	?	?	—	—	—	—	—	—
	A	27	70	357	66	41	29	—	6	71
	A_1	9,6	?	44	5	3	12	—	3	7
	B	21,75	60	357	26	13	18	—	—	53
	C	36	80	718	32	30	37	1	3	34
	D	15	100	234	11	4	15	—	2	6
	A—D*				5	2	10			3
	H	20	70	2993	87	62	36	1	5	91
	3	8	?	47	5	6	12	—	—	?
	4	5,6	?	69	5	4	7	—	—	?
	3—4*			6	1					
	O	12	30	228	5	3	—	—	—	23
Средняя часть	J	135	50—70	15212	735	167	95	6	36	621
	В том числе в квадратах									
	c—e/60—68	27	70	3777	145	47	53	3	4	102
	c—e/ 51—59	27	70	4507	194	28	17	1	12	207
	c—e/ 42—50	27	60	1964	190	48	18	1	9	57
	c—e/ 33—41	27	60	2380	113	20	6	—	5	76
	c—e/ 24—32	27	50	2397	93	24	1	1	6	85
	c—e/ 33—68*			187						94
	N	20	30	361	4	—	—	—	—	29
	L	20	50	1749	52	25	3	3	—	48
	M	20	30	177	—	2	—	—	—	24
	2	1,5	?	12	—	—	—	—	—	1
Возле бугра	I	69	50	3280	77	19	—	—	—	84
	R	12	?	15	3	—	—	—	—	—
	Q	12	40	407	9	7	1	—	—	12
	K	30	30	234	2	3	—	—	—	3
	G	3,6	?	?	—	—	—	—	—	?
	1	5,2	?	41	—	—	—	—	—	1
	Между раскопами I и K			88		1				
Всего		Около 515**		26751	1131	396	278	11	55	1111

* Без точного местонахождения.

** Учитывая частичное совпадение раскопа I и шурфа 1.

прежний рельеф поверхности на территории поселения. Как видно из описания раскопов, глубина залегания подстилающего песка в разных раскопах различна. На основании показателей глубины залегания подстилающего песка, а также данных нивелировки современного рельефа местности удалось до некоторой степени восстановить рельеф поверхности времени существования стоянки. Последний нанесен на общий план поселения Акали при помощи горизонталей с сечением 0,5 м (см. рис. 3). За исходную высоту горизонталей взят уровень подстилающего песка на берегу реки Акали, который, по имеющимся данным, не опускается ниже чем на полметра от глубины его, зафиксированной в раскопах E, F и P.[1] В этих последних находки встречались редко, из чего можно заключить, что стоянка почти нигде не располагалась ниже этого уровня. В общем же культурный слой лежал на 1 м выше исходной высоты. Это обстоятельство и было принято во внимание при определении северо-восточной границы поселения. Обозначенная на плане граница (см. рис. 3) является, конечно, только приближенной, так как точно определить горизонталь в 1 м из-за скудности данных было невозможно. Такой же приблизительной является и нанесенная на план юго-западная граница поселения, где находки могут изредка попадаться и еще дальше в пределах бугра. Зато более длинную, северо-западную и юго-восточную часть границы поселения удалось проследить более точно.

Территорией поселения является, таким образом, продолговатый в направлении ССВ-ЮЮЗ участок, общая длина которого составляет примерно 170 м, а ширина в центральной части — около 110 м. Площадь этого участка — около 17 000 м², из которых раскопано 515 м², т. е. всего лишь 3%.

Первоначальный рельеф подстилающего песка указывает, что поселение было заложено на северо-восточном конце склона песчаного холма, расположенного на берегу реки. Холм в то время имел значительно бóльшие размеры и выделялся в окрестности значительно больше, чем в настоящее время. Торф покрывал только наиболее низкие места вокруг этого холма. Центральная часть его поднималась над окружающей местностью по меньшей мере на 3 м. Нижний горизонт культурного слоя залегает на всем протяжении поселения в песке сероватого или коричневатого цвета, расположенном над желтоватым. Следует отметить, что коричневатый песок встречается лишь на бугре, где не образовалось торфяного покрова, тогда как на участках более глубокого залегания подстилающий песок имеет повсюду темно-серую окраску. Последнюю он получил, вероятно, позднее, вследствие нарастания на нем торфа, откуда в песок просачивались воды, окрашивая верхний слой песка в темно-серый цвет. Это подтверждается и тем обстоятельством, что там, где нет культурного слоя, такого цвета песчаный слой встречается между торфом и светлым песком, на бугре же, где торф отсутствует, на подстилающем

---

[1] По сообщению местного жителя Аугуста Конза.

песке залегает коричневатый песок. Характерно, что темно-серый слой песка и особенно расположенный над ним слой болотной почвы имеют наибольшую мощность в центральных частях поселения, где болотная почва образует главный горизонт культурного слоя. В бедных же находками раскопах слой болотной почвы весьма тонкий или почти отсутствует, и за торфом непосредственно следует темно-серый песок. Очевидно, что слой болотной почвы достиг наибольшей мощности в центральной части поселения в значительной степени при содействии обитателей в тот период, когда в условиях повышенной влажности на склонах холма происходил процесс заболачивания.

За время существования стоянки происходило постепенное накопление торфа. Имеющийся здесь низинный торф нарастал ровным слоем, соответственно повышению уровня грунтовых вод. Благодаря этому возвышавшийся над окрестностью холм становился все ниже и меньше. Нарастание торфа продолжается до настоящего времени, так что от торфа свободен лишь небольшой бугор высотой в полметра.

При рассмотрении плана (см. рис. 3) привлекают внимание несколько необычные очертания площади поселения и величина последней. В большинстве случаев неолитические стоянки лесной зоны находятся в непосредственной близости от водоемов и расположены вдоль берега последних. Стоянка же Акали, наоборот, расположена перпендикулярно к реке, причем только один ее конец подходит близко к современному речному руслу, от которого ее отделяет расстояние в 30—40 м. Площадь стоянки превышает площадь большинства однотипных стоянок, достигающих обычно только нескольких тысяч квадратных метров.[1] Особенности рассматриваемого поселения находят свое объяснение в том, что поселение находится на холме, расположенном перпендикулярно к реке, а также в том, что оно в течение весьма продолжительного периода своего существования постепенно перемещалось с более низкой части на более высокую центральную часть.

При описании раскопов указывалось, что в поселении были обнаружены различные типы керамики, несомненно относящиеся к разным периодам времени. Одновременно выяснилось, что более древние виды керамики, т. е. ямочно-гребенчатая и предшествовавшая ей керамика, найдены преимущественно в приречной части поселения, на склоне холма. Более же поздние виды керамики — текстильная, шнуровая и др. — преобладали в более отдаленной от реки части поселения, где культурный слой залегает значительно выше. На этих последних участках встречалось мало ямочно-гребенчатой керамики и она относилась как будто к более позднему времени. В приречных раскопах, правда в небольшом количестве, попадалась также и более поздняя керамика, но только в

---

[1] П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Сборник «Из истории родового общества на территории СССР». Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 103.

верхнем горизонте культурного слоя, который, по сравнению с более глубоким горизонтом тех же раскопов, содержал незначительное количество вещей.

Такое распределение находок указывает, что не вся площадь поселения использовалась в одно и то же время. В начальном периоде существования поселения его площадь ограничивалась приречной частью склона холма, и только окраина доходила до средней части склона. Повышение уровня грунтовых вод и связанное с этим нарастание торфа изменили условия обитания человека на склоне холма, более низкие участки которого покрывались все более толстым слоем влажного торфа и делались непригодными для постоянного проживания на этом месте. Это обстоятельство обусловило передвижение поселения вверх по склону холма, на участки, еще не заросшие торфом, где вследствие более сухой почвы имелись лучшие возможности для обитания. Прежние, расположенные ниже центры поселения, покрывающиеся торфом, превращались в окраины, в то время как центральный район поселения передвигался на прежние окраины. Этим и объясняется тот факт, что в более высоких слоях приречных раскопов в черном торфе, а также в некоторых наиболее низко расположенных раскопах (P и M) даже в нижней части коричневого торфа иногда попадается поздняя керамика и другие предметы. Отступление поселения происходило, конечно, очень медленно, так же медленно, как и наступление торфа вверх по склону холма. Происходившее в течение продолжительного времени передвижение поселения вверх по холму и обусловило форму его территории и ее сравнительно большие размеры.

Культурный слой Акали образовывался, таким образом, в течение продолжительного времени. Условия возникновения культурного слоя не были одинаковы на всем протяжении поселения. В качестве материка, правда, повсюду выступает желтоватый подстилающий песок, но отложившийся на нем культурный слой и образовавшиеся над последним покровные слои носят в отдельных частях поселения несколько различный характер. В приречной зоне поселения, на месте прежнего подножия холма, культурный слой появился тогда, когда на этой высоте стала образовываться болотная почва. Этот слой вскоре оказался ниже уровня грунтовых вод и после перемещения центральной части поселения вверх по склону холма он сравнительно быстро покрылся торфом, о чем свидетельствуют находки единичных предметов в нижних горизонтах торфа некоторых наиболее низко расположенных раскопов. Благодаря быстрому возникновению торфяного покрова, в культурном слое в этих местах сохранились костяные предметы и остеологический материал.

В следующей зоне поселения, расположенной несколько выше на склоне холма, например в средней части раскопа J и в раскопе L, слой болотной почвы более тонкий и содержит больше песка. Очевидно, заболачивание началось здесь позже, хотя также уже во время возникновения культурного слоя. Все же создается впечатление, что накопление

торфа в этот период происходило медленнее и что эта зона поселения оставалась некоторое время без существенного торфяного покрова и после того, как центральная часть поселения передвинулась еще выше на холм. На это указывает, видимо, плохая сохранность костяного инвентаря. В соответствующих раскопах найдены лишь отдельные полуистлевшие остатки костей. Если бы возникновение торфяного покрова протекало быстрее, то остеологический материал должен был бы, по всем расчетам, сохраниться. Так как этого не наблюдается, то следует предположить, что образование торфа в известном периоде значительно замедлилось или даже приостановилось [1] и что торфяные слои на этих участках поселения возникли позднее.

Третью зону поселения составляет сам бугор, где расположены юго-западная часть раскопа I и раскоп К. Культурный слой возник здесь в более сухих условиях и состоит в своих верхних горизонтах из болотной почвы, постепенно переходящей в темно-коричневый песок. Так как на бугре торфяной покров отсутствует, то костяной инвентарь здесь не сохранился, за исключением единичных обломков зубов и кусочков обгорелых костей.

Культурный слой характеризуется вообще темной окраской и наличием вкраплений угля, местами также небольших скоплений сажи и золы, а иногда и обгорелых костей. В тех местах, где сохранился остеологический материал, в культурном слое встречается много раскрошившихся рыбьих костей. Отдельными светлыми крапинками выделяются осколки ракушек. Все эти остатки сильно перемешаны с керамикой и различными изделиями и придают культурному слою характерный для него вид.

На поселении до сих пор обнаружен лишь один не вызывающий сомнения очаг. Он находился на северо-восточном конце раскопа J, в нижнем горизонте культурного слоя, и был сложен из мелких, величиной с кулак, булыжников. Найденные кое-где в раскопах камни, расположенные большей частью по одному, реже по два-три вместе, являются иногда, по-видимому, остатками ранее уничтоженных очагов. Ввиду того, что камни приходилось доставлять издалека и что они в культурном слое встречаются редко, надо полагать, что большинство костров разводилось на голой земле, без камней. Об этом свидетельствуют встречающиеся в культурном слое вкрапления угля, небольшие пятна золы и обгорелые остатки костей. На протяжении существования поселения огонь разводился во многих местах, но с течением времени вода и деятельность человека разрушили остатки этих очагов, основательно перемешав их с почвой культурного слоя, в результате чего последний и получил пепельный оттенок.

---

[1] Можно предполагать, что мы имеем здесь дело с известным сухим подпериодом суббореального периода, связанным с возникновением пограничного горизонта на торфяных болотах.

К сожалению, до сих пор не обнаружено достоверных следов жилищ. Возможно, что с жилищами связаны некоторые углубления, наблюдавшиеся в раскопах I, J, N, O и Q и проникающие в подстилающий песок. Эти углубления служили, очевидно, для различных целей, так как они имеют разную величину и форму. Некоторые из них, как, например, суживающиеся книзу углубления, которые обнаружены в раскопах N и Q, имеют в диаметре 60—90 см и проникают зачастую в глубь подстилающего песка на полметра, и особенно большая яма в раскопе I, могли служить местом хранения запасов. Часть меньших углублений предназначалась, вероятно, для глиняной посуды с выпуклым донышком, о чем свидетельствует одна обнаруженная в раскопе N небольшая ямка, в которой найден разбитый на многие черепки глиняный сосуд. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что углубления часто располагались по несколько вместе, причем входящие в одну группу углубления находились на одном и том же уровне, принадлежа, очевидно, к одному и тому же комплексу. Вполне возможно, что групповое расположение углублений было связано с домашним хозяйством и что эти углубления находились или вблизи жилища, или отчасти также внутри его. Расположенный возле большой ямы столб мог служить подпоркой для крыши. Хозяйственные ямы известны из целого ряда поселений лесной зоны Восточной Европы. На территории Эстонской ССР такие углубления были обнаружены на неолитической стоянке Нарва-Рийгикюла II, но непосредственных остатков жилищ не удалось установить и там.[1]

С жилищами связаны, возможно, и некоторые найденные в культурном слое концы свай. В раскопах A, B и H находилось 7 расположенных сравнительно близко друг к другу свай, но не все они датируются одним и тем же временем. Сваи употреблялись, конечно, не только для постройки жилищ, но также и для всевозможных навесов, в качестве стоек для сушил, для чистки и просушки рыболовных сетей.

На неолитических стоянках сваи обнаруживаются часто около очагов.[2] Возможно, что одна обнаруженная в раскопе B свая связана с очагом, так как вокруг нее было замечено много золы.

Таким образом, имеющиеся данные не дают пока возможности судить о характере жилищ поселения Акали. С большой достоверностью можно предполагать употребление легких наземных жилищ, которыми пользовались летом. Отсутствие достоверных доказательств существования жилищ с углубленным в землю основанием еще не означает, что таковых здесь не было. Следы более или менее углубленных в землю жилищ нередко обнаруживались при раскопках на неолитических поселениях лес-

---

[1] Н. Н. Гурина, Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 155, рис. 47.

[2] М. Е. Фосс, Стоянка Кубенино. СА V, М.—Л., 1940. стр. 37. S. Pälsi, Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. SMYA XXVIII : 1. Helsinki 1915, стр. 107, рис. 12 : A, B, C; 16 : c.

ной зоны Союза ССР.[1] В последние годы их существование доказано и на территории Эстонской ССР.[2] Сохранению остатков жилищ препятствовала, несомненно, продолжительность существования поселения: основания старых жилищ уничтожались при сооружении новых, при рытье ям для хранения запасов, и почва просто перемешивалась. Проследить же сохранившиеся слабые следы жилищ очень трудно из-за компактности культурного слоя, а также из-за постоянно надвигающихся во время раскопок грунтовых вод. До сих пор раскопана всего лишь незначительная часть поселения, к тому же в виде небольших, отдаленных друг от друга раскопов. Для выяснения характера жилищ следовало бы вскрыть значительно бóльшие площади.

В приречной части поселения наблюдалась перегорелая прослойка с остатками углей и золы, которая местами достигала толщины в несколько сантиметров. Эта прослойка была вскрыта в раскопах A, A_1, B, C и D. В раскопе H и в северо-восточном конце раскопа J также была обнаружена зольная прослойка, но более слабая и не сплошная. Упомянутая прослойка располагалась на более или менее одинаковом уровне в верхней части культурного слоя. Находки сосредоточивались наиболее густо в нижнем горизонте культурного слоя, под прослойкой с остатками горения, тогда как над этой прослойкой находки попадались значительно реже. Прослойка с содержанием остатков горения занимает, таким образом, довольно обширный участок площадью не менее 30×20 м. Вероятно, эта площадь была еще больше, так как северные и южные границы горелой прослойки еще не установлены. Этот участок слишком велик для того, чтобы его можно было принять за место расположения очага. Скорее всего мы имеем здесь дело со следами пожара, охватившего приречную часть поселения. Об этом свидетельствуют, между прочим, и найденные на этом участке фрагменты костяных изделий, часто со следами горения. Так как культурный слой, залегающий над горелой прослойкой, беден находками, то можно полагать, что после пожара центр поселения был перенесен с этого участка несколько вверх по склону холма. Край поселения все же еще долго существовал на опустошенном огнем участке.

Особо следует отметить наличие фрагментов человеческих черепов в культурном слое. Они были найдены в раскопах J и O. Хотя эти фрагменты очень невелики, и ни одно местонахождение их не дало достаточного материала для реконструкции целого черепа, они все же намекают на возможность наличия погребений на стоянке. Археологические исследования последних десятилетий показывают со все большей ясностью, что

---

[1] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 31. Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА 20, М.—Л., 1951, стр. 85, 117.

[2] Основания двух углубленных в землю жилищ обнаружены в 1952 г. Н. Н. Гуриной на стоянке Нарва-Рийгикюла I. Ср. Древние поселения и городища, стр. 160 и сл., рис. 48, 49, табл. XXXVII.

в лесной полосе Союза ССР обычай погребения покойников на поселениях имел в неолитическую эпоху сравнительно широкое распространение. Известен уже целый ряд поселений с могильниками, относящихся к III и главным образом ко II тысячелетию до н. э. На территории Эстонии погребения обнаружены на поселениях Тамула [1], Валма [2] и Нарва-Рийгикюла I [3]. На стоянках с могильниками можно часто встретить полуразрушенные скелеты, а также отдельные человеческие кости, разбросанные при разрушении погребений.[4] С разрушением погребений связаны, возможно, и найденные в Акали фрагменты черепов. Можно надеятся, что при более обширных раскопках здесь будут обнаружены и целые погребения.

Среди остальных неолитических поселений на территории Эстонской ССР поселение Акали заслуживает внимание благодаря своему сравнительно мощному и насыщенному инвентарем культурному слою и продолжительности своего существования. Здесь до сих пор найдено, учитывая фрагменты керамики и осколки кремня и кварца, около 30 000 отдельных предметов. Так как поселение существовало в течение очень долгого времени, то все находки не могут относиться к одному и тому же периоду На разный их возраст указывает уже хотя бы поверхностный обзор предметов, особенно керамики. Возникает вопрос, что дает для определения возраста предметов расположение находок в культурном слое? Мы имеем здесь дело с однородным, постоянно нарастающим культурным слоем, в котором отсутствуют стерильные прослойки. Некоторую точку опоры могла бы дать обнаруженная в культурном слое прослойка с остатками горения, но, как уже отмечалось, последняя прослеживалась главным образом при раскопках прежних лет, когда условия залегания большинства находок не фиксировались. Кроме того, зольный слой встречается лишь в приречной части поселения и поэтому имеет ограниченное значение.

Как видно из описанного выше в общих чертах хода образования культурного слоя, перемещение поселения протекало очень медленно и при том по этапам, так что на каждом месте, где центральная часть поселения существовала в течение более продолжительного времени, нарастал довольно мощный культурный слой. Образовавшийся за определенный промежуток времени культурный слой должен был покрыть собой слой, возникший в предыдущий период, перекрывая его по направлению к хол-

---

[1] Л. И. Янитс, Новые данные по неолиту Прибалтики. СА XIX, М., 1954, стр. 168—178. L. Jaanits, Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää 21. 10. 1957. SMYA 58, Helsinki 1957, стр. 80—100.

[2] L. Jaanits, Neoliitilised asulad Eesti NSV territooriumil. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 190.

[3] Гурина, Новые неолит. памятники в Вост. Эстонии, стр. 161.

[4] См., например, М. Е. Фосс, Погребения на стоянке Кубенино. Труды ГИМ VIII, М., 1938, стр. 74 и сл., стр. 80. Разрушенные погребения и отдельные человеческие кости были найдены также на стоянке Тамула.

му по крайней мере своим краем. Этот слой должен был, в свою очередь, покрыться отложением, образовавшимся на последующем этапе и расположенным по сравнению с лежащими под ним отложениями опять-таки несколько выше по склону холма. Хотя уже в период существования поселения в культурном слое, несомненно, происходило известное перемешивание слоев и, следовательно, могло изменяться стратиграфическое положение некоторых предметов, все же нормальное чередование отложений разных возрастов в основном сохранилось. Это обстоятельство и учитывается при нижеследующем рассмотрении вещественного материала, причем на основании наличия в известных слоях разных типов предметов, особенно разных видов керамики, делается попытка определить, с одной стороны, относительную хронологию рассматриваемых предметов, а с другой — отложения культурного слоя и их размеры.

IV. ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЛАМЯГИ

Под названием Кулламяги среди местного населения известен бугор, находящийся в пойме реки Эмайыги, недалеко от ее правого берега, на расстоянии примерно 3 км вверх от устья реки Акали. Река образует в этом месте дугообразную извилину (см. рис. 1). Самый бугор издали в глаза не бросается. От берега реки он отстоит примерно на 180 м. Мы имеем здесь дело с очень низким бугром, длиной около 100 м и шириной 30 м, простирающимся с северо-востока на юго-запад и возвышающимся над ближайшей окрестностью примерно на полметра (рис. 8). Единственно чем этот бугор отличается от окрестностей речной поймы, это отсутствием на нем торфа, так что, вступив на него, сразу чувствуешь твердую почву под ногами. При внимательном осмотре можно также заметить некоторую разницу в травяной растительности, произрастающей на бугре и на болотистой пойме реки. По этому признаку можно примерно определить границы бугра. Растительность в окрестности Кулламяги в общем несколько более разнообразная, чем дальше, на болоте. Встречается березовый и ивовый кустарник.

Возможно, что на Кулламягиском бугре когда-то находилась какая-то постройка. По мнению местных жителей, там будто бы и сейчас должна еще находиться колодезная яма. Согласно народному преданию, бугор получил свое наименование по зарытой там некогда бочке с золотом (Кулламяги = «Холм золота»).

В связи с открытием неолитического поселения на берегу реки Акали возник вопрос, нет ли следов древних поселений и на некоторых других «болотных островках» района устья р. Эмайыги. В 1939 году начались археологические поиски на Кулламяги. Было заложено 7 небольших шурфов, из них некоторые на бугре, а другие чуть поодаль. Шурфы дали 29 черепков керамики, 1 кремневый скребок, 1 шлифовальный камень с желобком, 3 куска булыжника, 3 кремневых и 1 кварцевый осколок.[1] В раскопах был замечен уголь. Таким образом было установлено наличие древнего культурного слоя на Кулламяги.

---

[1] ИИ № 3808 : 1—7. Отчеты как об этих, так и о других раскопках поселения Кулламяги хранятся в секторе археологии Института истории АН ЭССР. В отчете 1939 г. не указывается точное месторасположение шурфов. В последующих раскопках были найдены места 4 шурфов, которые нанесены на общий план поселения в виде маленьких четырехугольничков (рис. 8).

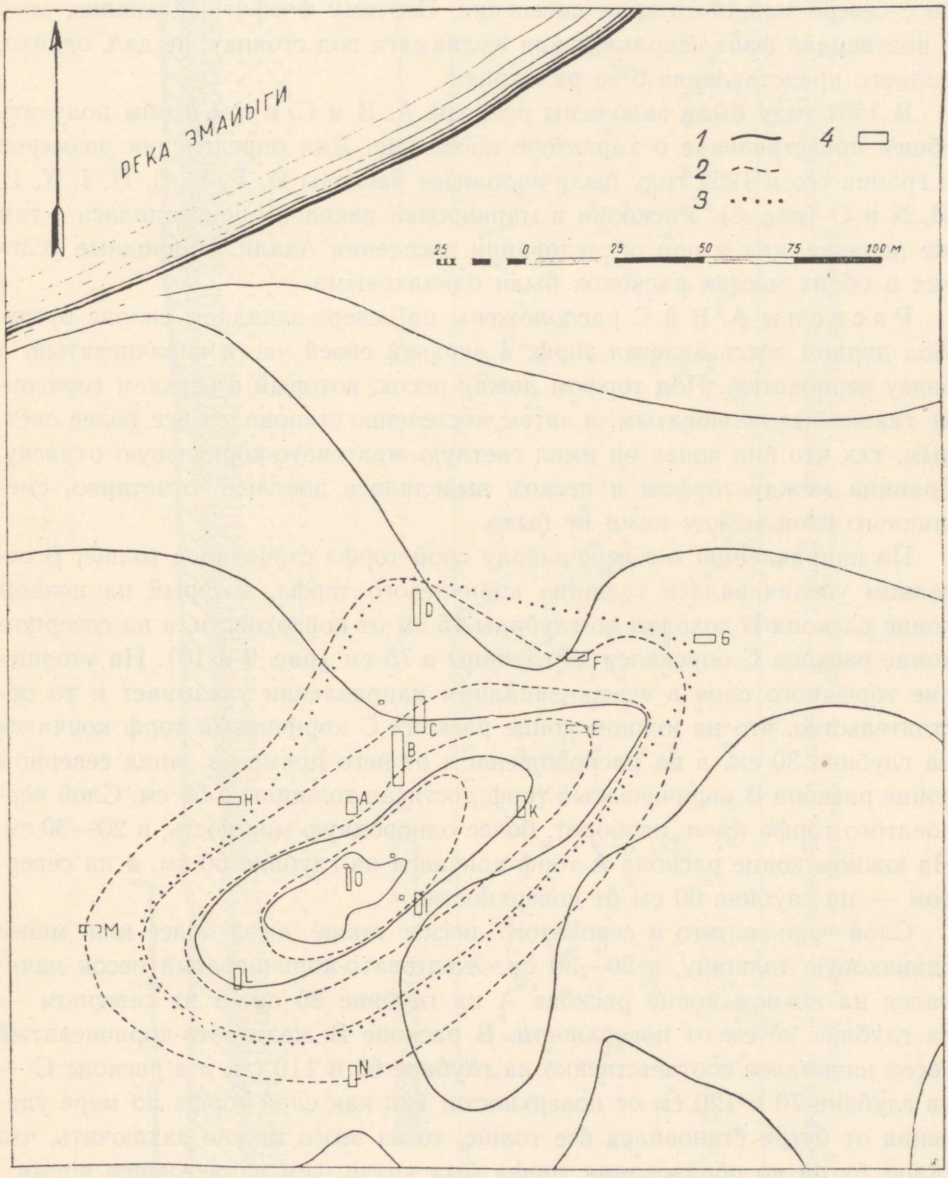


Рис. 8. Общий план поселения Кулламяги. *1* — современный рельеф поверхности (сечение горизонталей 0,2 м), *2* — рельеф поверхности начального времени существования поселения (сечение горизонталей 0,5 м), *3* — приблизительная граница поселения, *4* — раскоп.

Для определения размеров стоянки в 1949 году на бугре Кулламяги, так же как и на поселении Акали, сотрудниками сектора археологии Института истории АН ЭССР были взяты почвенные пробы для анализа их на содержание фосфата в почве. Как показали проведенные позднее раскопки, пробы были взяты с очень небольшого участка, преимущественно с северо-западного края поселения. Поэтому фосфатный анализ, хотя и подтвердил факт использования Кулламяги под стоянку, не дал, однако, полного представления о ее размерах.[1]

В 1951 году были заложены раскопы A, B и C, с тем чтобы получить общее представление о характере поселения. Для определения размеров и границ его в 1952 году были заложены раскопы D, E, F, G, H, I, K, L, M, N и O (рис. 8). Раскопки и маркировка находок производилась в том же порядке, как и при обследовании поселения Акали. Природные условия в обоих местах раскопок были одинаковыми.

Раскопы A, B и C расположены на северо-западном склоне бугра. Под дерном здесь залегал торф, в верхней своей части коричневатый, а внизу черноватый. Под торфом лежал песок, который в верхнем горизонте также был черноватым, а затем постепенно становился все более светлым, так что под конец он имел светлую желтовато-коричневую окраску. Граница между торфом и песком выделялась довольно отчетливо, смешанного слоя между ними не было.

По направлению к северо-западу слой торфа становился толще. В основном увеличивалась толщина коричневого торфа, который на южном конце раскопа B доходил до глубины 15 см от поверхности, а на северном конце раскопа C опускался до глубины в 75 см (рис. 9 и 10). На утолщение торфяного слоя в северо-западном направлении указывает и то обстоятельство, что на южном конце раскопа C коричневый торф кончался на глубине 30 см, а на расположенном от него прямо на запад северном конце раскопа B коричневатый торф достигал толщины в 50 см. Слой черноватого торфа имел, наоборот, более однородную мощность, в 20—30 см. На южном конце раскопа A торф кончался на глубине 50 см, а на северном — на глубине 60 см от поверхности.

Слой черноватого и сероватого песка также имел более или менее одинаковую толщину, в 20—30 см. Желтовато-коричневатый песок начинался на южном конце раскопа A на глубине 80 см, а на северном — на глубине 90 см от поверхности. В раскопе B желтовато-коричневатый песок начинался соответственно на глубине 60 и 110 см, а в раскопе C — на глубине 70 и 120 см от поверхности. Так как слой торфа по мере удаления от бугра становился все толще, то из этого можно заключить, что склон бугра до образования торфа был круче, чем в настоящее время.

Все без исключения находки залегали в песке, притом не только в темноватом и сероватом, а проникали также в верхний горизонт желто-

---

[1] Анализы почвы Кулламяги были произведены Л. Веллесте в лаборатории сектора археологии Института истории АН ЭССР.

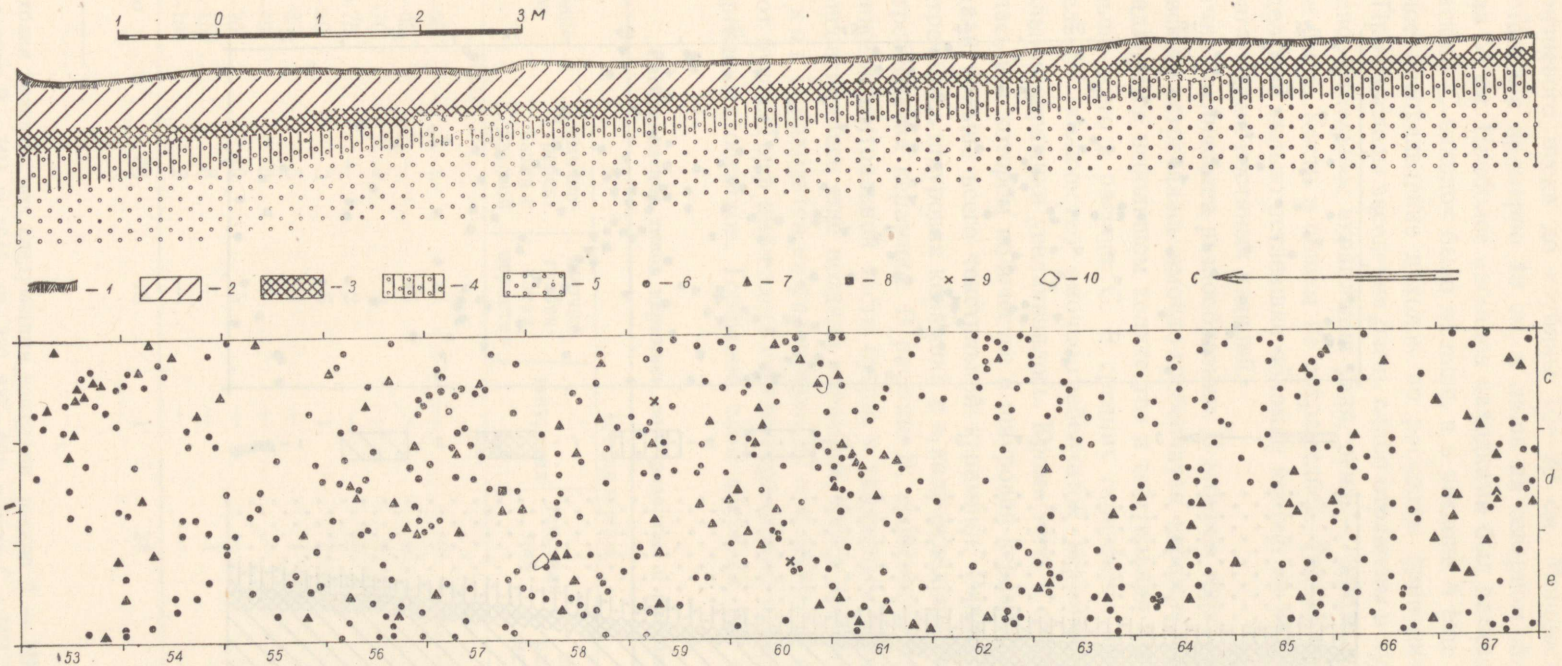


Рис. 9. План и профиль раскопа В поселения Кулламяги. *1* — дерн, *2* — коричневый торф, *3* — черный торф, *4* — темно-серый песок, *5* — светлый песок, *6* — керамика, *7* — каменное изделие, *8* — костяное изделие, *9* — янтарь, *10* — камень.

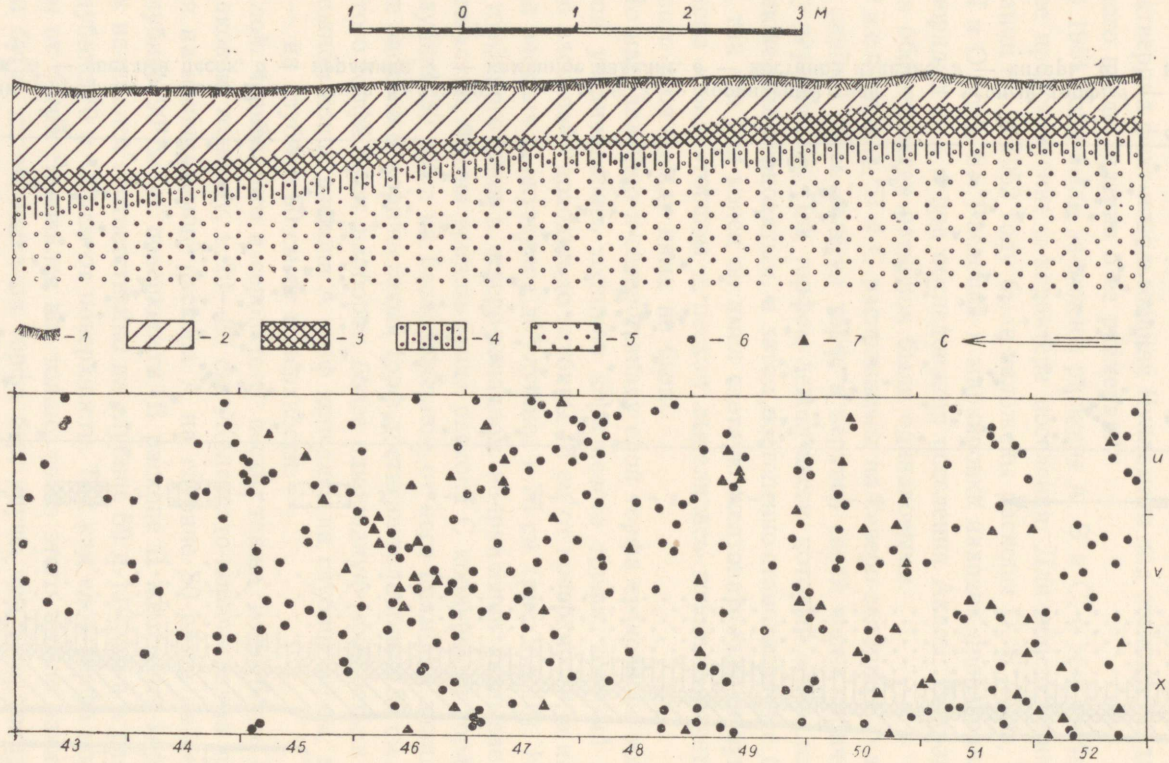


Рис. 10. План и профиль раскопа С поселения Кулламяги. *1* — дерн, *2* — коричневый торф, *3* — черный торф, *4* — темно-серый песок, *5* — светлый песок, *6* — керамика, *7* — каменное изделие.

вато-коричневого песка до глубины 10—20 см. Мощность культурного слоя составляла примерно 40 см, и лишь на северном конце раскопа В достигала 50 см. Наиболее насыщен находками был раскоп В, в то время как в раскопе С находок было меньше, а в раскопе А еще меньше. Количественное распределение находок по раскопам приводится в табл. на стр. 81. Прочие следы заселения очень слабо отражены в культурном слое. Попадались отдельные вкрапления угля, реже — зольные пятна, камней почти не было. Кости в общем не сохранились. Только изредка встречались отдельные сильно истлевшие обломки костей, из которых два оказались фрагментами костяных изделий.

Керамика отличается разнообразием. В нижнем горизонте культурного слоя повсюду встречалась ямочно-гребенчатая керамика, наряду с которой попадалась в небольшом количестве и текстильная керамика, последняя больше всего в раскопе С. В средних горизонтах культурного слоя относительное количество ямочно-гребенчатой керамики уменьшалось, а текстильной керамики увеличивалось. Кроме того, в средних горизонтах встречалась в некотором количестве и шнуровая керамика. Верхние горизонты дали больше всего текстильной керамики. Рядом с последней и здесь встречалась шнуровая керамика и в виде отдельных черепков также ямочно-гребенчатая керамика. В раскопе В, особенно в его южном участке, ближе к центральной части бугра, к указанным выше видам керамики присоединилась еще поздняя керамика эпохи раннего металла.[1]

Раскоп D находится на расстоянии 20 м к северу от раскопа С, еще дальше от бугра. Торф имел здесь светло-коричневую окраску и содержал много древесных остатков. Торфяной слой достигал 115 см глубины от

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе А

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
57—60	1	—	—	2	—	3
61—65	—	1	—	6	2	9
66—70	1	2	—	1	1	5
71—75	—	2	—	10	—	12
76—80	3	5	1	7	—	16
81—85	5	1	—	1	—	7
86—90	3	—	—	—	—	3
91—95	10	5	—	—	—	15
96—100	8	—	—	1	—	9
101—104	2	—	—	—	—	2
Всего	33	16	1	28	3	81

[1] Находки хранятся под следующими номерами: раскоп А — ИИ № 4045 : 1—47, 902—934; раскоп В — ИИ № 4045 : 48—336, 637—901; раскоп С — ИИ № 4045 : 337—636.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе В

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
	Квадраты с—е/63—67					
22—25	—	—	—	—	4	4
26—30	—	—	3	2	10	15
31—35	—	1	1	6	24	32
36—40	1	1	2	11	23	38
41—45	—	3	—	33	22	58
46—50	3	1	—	9	3	16
51—55	2	3	3	11	1	20
56—60	2	—	—	5	—	7
61—65	7	4	1	5	1	18
66—68	—	—	—	2	—	2
Всего	15	13	10	84	88	210
	Квадраты с—е/58—62					
30—35	—	—	—	1	5	6
36—40	1	1	—	7	17	26
41—45	1	1	—	5	58	65
46—50	1	—	—	11	20	32
51—55	1	2	—	12	11	26
56—60	3	—	1	15	14	33
61—65	4	5	3	4	6	22
66—70	6	7	1	3	2	19
71—75	3	1	1	5	—	10
76—80	5	—	1	—	—	6
81—85	5	2	—	—	—	7
86—90	2	1	—	—	—	3
91—95	—	—	—	—	—	—
96—100	—	—	—	—	—	—
101—105	—	—	—	—	—	—
106—111	1	—	—	—	—	1
Всего	33	20	7	63	133	256
	Квадраты с—е/53—57					
50—55	—	—	—	1	4	5
56—60	—	—	1	4	3	8
61—65	—	—	1	7	19	27
66—70	1	2	2	10	4	19
71—75	2	2	—	4	9	17
76—80	3	2	2	64	3	74
81—85	—	—	1	45	2	48
86—90	7	3	1	3	—	14
91—95	5	6	1	—	—	12
96—100	7	—	—	32	1	40
101—105	6	—	—	—	1	7
106—110	9	—	—	2	—	11
111—115	4	—	—	—	—	4
116—118	4	—	—	—	—	4
Всего	48	15	9	172	46	290

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе С

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
	Квадраты u—x/48—52					
45—50	—	—	1	2	—	3
51—55	—	—	2	14	5	21
56—60	—	—	3	10	—	13
61—65	1	2	6	20	—	29
66—70	1	2	1	23	—	27
71—75	—	1	3	18	—	22
76—80	1	1	4	20	—	26
81—85	—	1	4	10	—	15
86—90	1	—	—	1	—	2
91—95	3	—	—	—	—	3
96—97	2	—	—	—	—	2
Всего	9	7	24	118	5	163
	Квадраты u—x/43—47					
65—70	1	—	—	8	—	9
71—75	—	—	3	34	—	37
76—80	1	—	1	22	—	24
81—85	1	2	5	52	2	62
86—90	2	2	8	27	2	41
91—95	—	1	1	21	—	23
96—100	—	1	2	3	—	6
101—105	1	—	2	1	—	4
106—110	2	1	1	—	—	4
111—115	5	—	—	—	—	5
Всего	13	7	23	168	4	215

поверхности. Под ним залегал темно-серый песок мощностью примерно 30 см, который ниже переходил в желтовато-коричневый песок.

Находки [1] встречались в сероватом песке и только отдельные из них доходили до поверхности желтовато-коричневого песка. Культурный слой мощностью 30 см был значительно менее насыщен инвентарем, чем в предыдущих раскопах. Раскоп D явно расположен на окраине поселения. Найденные черепки глиняных сосудов, за исключением некоторых из них, принадлежат к ямочно-гребенчатой керамике.

Раскопы E, F и G расположены к северо-востоку от бугра. Они были заложены с целью выяснения размеров поселения в этом направлении. Раскопы E и F находятся на расстоянии 40 м к востоку от раскопа С, а раскоп G — на расстоянии 30 м к востоку от них.

[1] ИИ № 4045 : 935—957.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе D

Глубина, см	Керамика			
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	всего
113—115	—	—	1	1
116—120	—	—	—	—
121—125	2	1	—	3
126—130	1	3	1	5
131—135	—	2	2	4
136—140	1	2	—	3
141—145	4	—	—	4
146—150	1	1	—	2
Всего	9	9	4	22

Культурный слой в раскопе F оказался мощным и насыщенным находками. Коричневый торф здесь достигал глубины 80—90 см от поверхности. За коричневым торфом следовал тонкий слой черноватого торфа толщиной 10—20 см, а под ним черноватый песок толщиной 45—60 см, в нижнем горизонте несколько более светлый. На восточном конце раскопа на глубине 140 см, а на западном 160 см от поверхности начинался желтовато-коричневый песок. Находки располагались, как обычно, в черноватом и сероватом песке, отдельные из них доходили и до верхнего горизонта желтовато-коричневого песка. Культурный слой достигал 60 см толщины.

В раскопе были обнаружены нижние концы нескольких вертикальных свай. К сожалению, они очень прогнили и поэтому нельзя было проследить, были ли они заострены или нет. Два обломка свай толщиной 6 и 4 см находились рядом на восточном конце раскопа, всего лишь на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга. Остатки этих свай начинались в нижней части культурного слоя и заходили на несколько сантиметров в подстилающий песок, причем более тонкая свая заходила глубже. Конец третьей сваи толщиной примерно в 6 см был обнаружен на западном конце раскопа, на расстоянии 4,8 м от предыдущих. Эта свая целиком находилась в нижнем горизонте культурного слоя. Помимо прочих находок,[1] в культурном слое встречались куски древесины и сосновой коры. В нижнем горизонте культурного слоя преобладала ямочно-гребенчатая керамика, а выше было найдено больше всего текстильной керамики.

В раскопе E, расположенном на расстоянии 18 м к югу от предыдущего раскопа, коричневый торф отсутствовал. Под дерном залегал слой черного торфа толщиной 50—55 см, а под ним сероватый песок (рис. 11). Как обычно, песок в верхней части имел более темную окраску, а в нижней более светлую. Толщина слоя сероватого песка в этом раскопе колебалась от 10 до 30 см. На западном конце раскопа песок принимал жел-

[1] ИИ № 4045: 1042—1184.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе F

Глубина, см	Керамика				
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	всего
90—95	—	—	—	6	6
96—100	—	—	2	23	25
101—105	—	—	1	15	16
106—110	2	2	3	31	38
111—115	—	—	—	6	6
116—120	1	—	1	14	16
121—125	—	3	1	7	11
126—130	—	1	2	1	4
131—135	21	5	—	—	26
136—140	5	6	1	1	13
141—145	9	2	—	—	11
146—150	2	3	—	—	5
151—155	—	—	—	1	1
Всего	40	22	11	105	178

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе E

Глубина, см	Керамика				
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	всего
39—45	—	—	2	13	15
46—50	5	—	1	7	13
51—55	3	7	2	11	23
56—60	6	1	—	7	14
61—65	2	2	3	—	7
66—70	2	—	—	—	2
71—75	1	1	—	1	3
76—77	1	—	1	—	2
Всего	20	11	9	39	79

товато-коричневую окраску на глубине 65 см, а на восточном конце — на глубине 80 см от поверхности. Находки[1] располагались в сероватом песке. Толщина культурного слоя достигала 30 см. Черепки принадлежат к ямочно-гребенчатой, шнуровой и текстильной керамике, причем все эти виды керамики залегали в культурном слое вперемешку.

В раскопе G коричневый торф прекращался на глубине 150—160 см от поверхности. Под ним находился черноватый торф, затем следовал

[1] ИИ № 4045 : 958—1041.

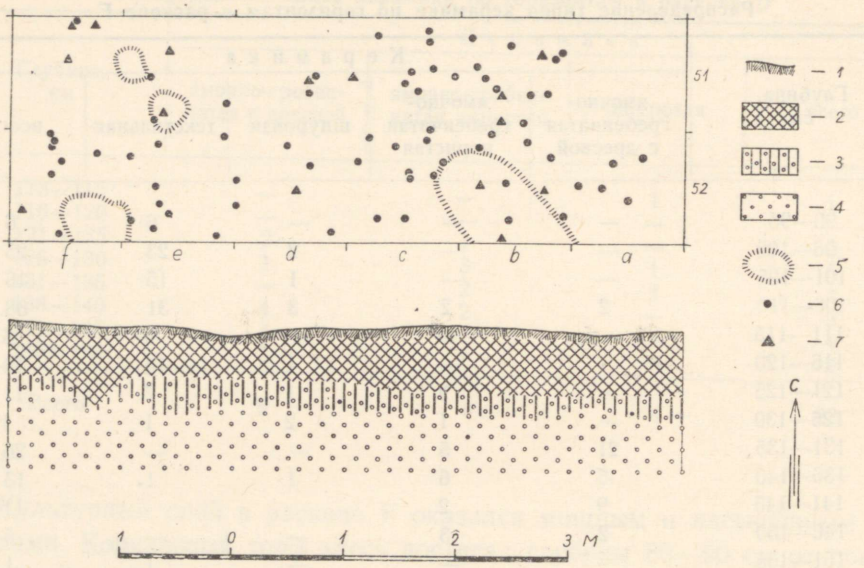


Рис. 11. План и профиль раскопа Е поселения Кулламяги. *1* — дерн, *2* — черный торф, *3* — темно-серый песок, *4* — светлый песок, *5* — углубление в песке, *6* — керамика, *7* — каменное изделие.

слой темно-серого песка толщиной 20—30 см, а под последним на глубине примерно 2 м начинался желтовато-коричневый подстилающий песок. Культурного слоя в раскопе не оказалось. Найденные в черноватом торфе кусок шлифовального камня, а в сероватом песке 2 маленьких черепка глиняных сосудов, кремневый скребок и несколько кремневых осколков [1] являются единственными свидетелями близости границ стоянки.

Раскопы I, K и L были заложены на юго-восточном склоне бугра с целью проследить, простирается ли культурный слой так далеко. Раскоп K расположен у северо-восточного конца бугра, раскоп L — у юго-западного конца, а раскоп I — в центральной части бугра. В этих раскопах, так же как и в раскопе E, отсутствовал коричневый торф. Под дерном сразу залегал слой черноватого торфа.

На северном конце раскопа K черноватый торф достигал глубины 25 см, а на южном — 45 см от поверхности. Залегавший под ним слой черновато-сероватого песка, наоборот, по направлению к южному концу раскопа становился тоньше. Желтовато-коричневый песок на протяжении всего раскопа начинался на глубине 65 см. Этот раскоп дал незначительное количество находок,[2] обнаруженных без исключения в черновато-сероватом песке. Мощность культурного слоя составляла здесь всего лишь 15 см. Среди черепков представлена шнуровая и текстильная керамика. Некоторые черепки, лежавшие наиболее глубоко, относятся к ямочно-гре-

[1] ИИ № 4045 : 1185—1187.
[2] ИИ № 4045 : 1237—1256.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе К

Глубина, см	Керамика				
	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
39—45	—	1	5	2	8
46—50	1	2	1	—	4
51—55	2	2	—	—	4
Всего	3	5	6	2	16

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе I

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
40—45	—	—	—	—	6	6
46—50	—	3	1	2	12	18
51—55	1	—	5	—	—	6
56—60	2	2	9	1	—	14
61—65	—	1	10	1	—	12
66—70	—	2	2	2	—	6
71—76	—	2	2	1	—	5
Всего	3	10	29	7	18	67

бенчатой керамике, в то время как из самого верхнего горизонта культурного слоя происходят два черепка от позднего сосуда эпохи раннего металла.

На северном конце раскопа I черноватый торф достигал глубины 20 см, а на южном — 30 см. Под торфяным слоем находился слой черноватого песка, который, в отличие от предыдущего, утончался в южном направлении. На глубине 60—70 см от поверхности начинался желтовато-коричневый песок. Находки[1] лежали главным образом в нижней части черноватого песка, местами несколько вклиниваясь в желтовато-коричневый песок. Их было мало, но все же больше, чем в предыдущем раскопе. Мощность культурного слоя доходила до 30 см. Бóльшая часть черепков глиняных сосудов относится к шнуровой керамике. Наряду с ней встречалась и ямочно-гребенчатая керамика и в виде отдельных черепков текстильная керамика. В самом верхнем горизонте культурного слоя упомянутые выше виды керамики дополнялись еще поздней керамикой эпохи раннего металла.

[1] ИИ № 4045 : 1188—1236.

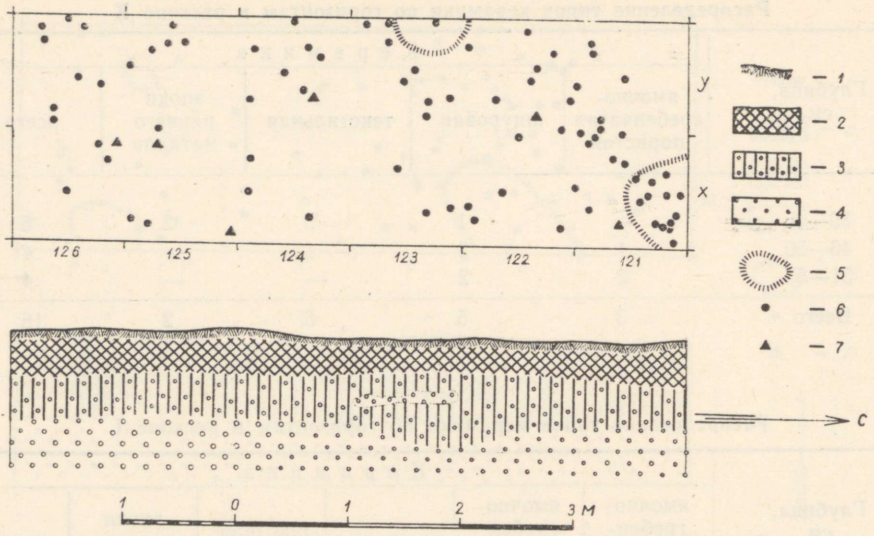


Рис. 12. План и профиль раскопа L поселения Кулламяги. *1* — дерн, *2* — черный торф, *3* — темно-серый песок, *4* — светлый песок, *5* — углубление в песке, *6* — керамика, *7* — каменное изделие.

В раскопе L мы имеем дело с теми же почвенными слоями, что и в предыдущих раскопах. Черноватый торф доходил здесь до глубины 30—40 см от поверхности; находящийся под ним слой черновато-сероватого песка имел мощность 40—50 см, а желтовато-коричневый песок начинался на глубине 80 см от поверхности (рис. 12).

В этом раскопе были замечены два углубления, вдающиеся в желтовато-коричневый песок и наполненные черноватым песком. Одно из них, диаметром не меньше 80 см, находилось в северо-восточном углу раскопа, проникая примерно на 35 см в глубь подстилающего песка. Бóльшая же часть углубления выходила за пределы раскопа и осталась нераскопанной. В углублении обнаружено несколько черепков шнуровой керамики.[1] Второе углубление находилось на западном краю раскопа, на расстоянии 2 м от предыдущего и также частично за пределами раскопа. Диаметр углубления не превышал 60 см, причем оно проникало в желтовато-коричневый песок на глубину до 20 см. На уровне примерно 40 см от дна углубления, в слое черноватого песка, было замечено пятно беловатого песка диаметром около 90 см и толщиной около 10 см. Густота находок[2] в культурном слое была такая же, как и в предыдущем раскопе. Они залегали в черновато-сероватом песке. Культурный слой имел в общем мощность 40 см. Черепки глиняных сосудов относятся преимущественно к шнуровой и к поздней ямочно-гребенчатой керамике. Текстильная керамика представлена только одним черепком.

---

[1] ИИ № 4045 : 1324, 1327, 1330, 1338, 1339, 1341.

[2] ИИ № 4045 : 1257—1342.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе L

Глубина, см	Керамика				
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	всего
40—45	—	—	1	—	1
46—50	1	—	1	—	2
51—55	4	4	3	—	11
56—60	6	6	4	—	16
61—65	5	2	5	1	13
66—70	8	11	6	—	25
71—75	1	4	6	—	11
76—80	3	2	15	—	20
81—85	—	—	2	—	2
86—90	—	—	—	—	—
91—95	—	—	1	—	1
96—98	—	1	2	—	3
Всего	28	30	46	1	105

В раскопах N, M и H, расположенных далее на юг, запад и северо-запад от бугра, культурного слоя не было. Из этих раскопов не получено ни одной находки. Коричневый торф залегал здесь мощным слоем в 150—165 см. Под ним находились тонкие слои черного торфа и сероватого песка, а еще ниже — желтовато-коричневый песок. Эти раскопы определенно расположены вне границ стоянки.

Раскоп O расположен на самом гребне бугра, на расстоянии 15 м к югу от раскопа A. Его площадь составляет всего 6 м². Дерновой покров лежал здесь непосредственно на темно-коричневом песке, который на всем протяжении раскопа уходил в глубину до 70 см. В нижнем горизонте коричневого песка попадались более светлые пятна. На упомянутой глубине начинался подстилающий песок. Находки стали попадаться под дерном начиная с глубины 17 см и встречались до глубины свыше 60 см от современной поверхности. Культурный слой имел, таким образом, толщину более 40 см.

Находки [1] встречались в раскопе O значительно чаще, чем в раскопах, расположенных на юго-восточном склоне бугра. Большинство черепков глиняных сосудов сравнительно позднего происхождения, они содержат в своем тесте много дресвы, слабо орнаментированы и, несомненно, принадлежат к керамике эпохи раннего металла. В небольшом количестве попадалась ямочно-гребенчатая, шнуровая и текстильная керамика.

Таким образом, на поселении Кулламяги обследована территория в 224 м², с которой получено около 6000 находок, включая черепки керамики и осколки кремня и кварца. Данные о распределении инвентаря по

[1] ИИ № 4045 : 1343—1405.

Распределение типов керамики по горизонтам в раскопе О

Глубина, см	Керамика					
	ямочно-гребенчатая с дресвой	ямочно-гребенчатая пористая	шнуровая	текстильная	эпохи раннего металла	всего
17—20	—	—	—	—	12	12
21—25	1	—	—	1	16	18
26—30	2	1	—	—	2	5
31—35	1	—	—	—	11	12
36—40	1	1	2	—	4	8
41—45	—	—	1	—	2	3
46—50	—	—	2	—	1	3
51—55	—	—	—	—	—	—
56—60	1	—	2	—	1	4
61—66	—	—	—	1	1	2
Всего	6	2	7	2	50	67

отдельным раскопам приведены в таблице на стр. 81. Гуще всего находки залегали в раскопах B, C и F, находящихся к северу от северо-восточной части бугра. В раскопах A, E, I, L и O, расположенных на бугре или непосредственно возле него, находки встречались несколько реже. Раскопы D и K содержали довольно мало инвентаря, но все же и в их пределах был установлен культурный слой. Раскопы G, H, M и N не дали находок или в них были обнаружены лишь единичные предметы. В этих раскопах отсутствовал также культурный слой, из чего можно заключить, что они находились уже вне границ поселения.

По глубине подстилающего песка в раскопах удалось установить, — правда, только в общих чертах, — прежний рельеф местности в окрестности бугра. Выяснилось, что Кулламягиский холм в период его заселения был значительно крупнее и больше возвышался над окружающей местностью, чем в настоящее время. Прежний рельеф холма нанесен на общий план поселения (см. рис. 8) при помощи горизонталей с сечением 0,5 м. За исходную высоту принят примерный уровень подстилающего песка на берегу р. Эмайыги вблизи поселения, где толщина слоя торфа не превышает 3 м.[1]

Так как на приречном краю поселения подстилающий песок залегает примерно на 2 м выше, чем на берегу реки, то из этого можно заключить, что холм до появления на нем поселения имел еще бóльшие размеры, чем во время начала заселения его, когда более низкие участки успели уже покрыться торфом. Можно полагать, что холм имел в то время указанную на плане продолговатую форму и тянулся с северо-востока на юго-запад, имея длину 180—190 м, ширину до 100 м и высоту 1,5—2 м.

[1] По данным, полученным от проф. К. К. Орвику, который проводил исследования в окрестности Кулламяги.

Распределение находок поселения Кулламяги по раскопам

Расположение раскопа по отношению к бугру	Раскоп	Площадь, м²	Мощность культурного слоя, см	Керамика	Кремневые изделия	Изделия из других пород камня	Изделия из кости	Янтарь	Осколки кремня
На северо-западном склоне	A	15	40	303	7	7	1	—	25
	B	45	40 - 50	2674	82	36	1	2	162
	C	30	40	1123	55	9	—	1	81
	D	20	30	48	4	1	—	—	2
	H	12	—	—	—	—	—	—	—
	M	12	—	—	—	—	—	—	—
На северо-восточном конце	F	12	60	386	15	18	—	—	12
	E	12	30	264	11	4	—	—	53
	G	12	—	2	1	1	—	—	4
На юго-восточном склоне	K	12	15	28	1	2	—	—	5
	I	12	30	123	2	2	—	—	10
	L	12	40	180	3	1	—	—	12
	N	12	—	—	—	—	—	—	—
На верхушке	O	6	40	158	1	3	—	—	7
	Шурфы, заложенные в 1939 году	?	?	29	1	4	—	—	3
Всего		224		5318	183	88	2	3	376

Исходя из прежнего рельефа местности и распределения находок, можно установить примерные границы поселения (рис. 8). Как уже указывалось выше, раскопы G, H, M и N лежали вне пределов поселения. Раскоп D, содержавший мало находок, располагался, видимо, на окраине поселения. Из раскопов, давших больше всего находок, наиболее низкий уровень подстилающего песка имел раскоп F. Кажется, что поселение нигде, кроме северо-восточного края холма, не лежит ниже горизонтали в 2 м, а на юго-восточном крае и юго-западном конце даже ниже горизонтали в 2,5 м. В намеченных границах поселение занимает максимально участок длиной в 170—180 м и шириной в 80—90 м, площадь которого равна 10 000 м². Без учета раскопов, расположенных вне границ поселения, площадь последнего вскрыта пока лишь в пределах менее чем 2%.

При выборе места для поселения Кулламяги явно принимались во внимание те же природные предпосылки, что и для поселения Акали. Стоянка была заложена на песчаном холме, расположенном в пойме реки, на прилегающем первоначально, очевидно, к реке склоне. Все же поселение от-

стояло от реки не менее чем на 120 м.[1] Более близкому расположению поселения к реке препятствовал торф, успевший уже образоваться на более низких участках. Таким образом, сравнительная удаленность стоянки от реки находит свое объяснение в природных условиях.

Несмотря на большое сходство между обоими древнейшими поселениями в районе устья реки Эмайыги как в их месторасположении, так — в еще большей мере — в характере их вещественного материала, все же между ними имеются и некоторые различия. Наиболее существенное отличие заключается в количестве находок и других следов заселения, обнаруженных в культурных слоях обоих поселений. Сопоставляя наиболее богато представленные находками раскопы Акали с такими же раскопами в Кулламяги, например раскоп Н в Акали с раскопом В в Кулламяги, можно убедиться, что центральная часть поселения Акали насыщена инвентарем в два с лишним раза больше, чем в Кулламяги. Такая же разница обнаруживается и при сравнении наличия в культурном слое остатков горения — золы, угля, обгорелых костей и т. д. В раскопах Акали различных следов горения встречается значительно больше, чем в Кулламяги. Наконец, в Акали культурный слой значительной мощности простирается на довольно большое пространство, тогда как в Кулламяги культурный слой достигает большой мощности лишь в отдельных раскопах. В общем, культурный слой поселения Кулламяги менее однороден, чем в Акали, как в отношении мощности, так и степени насыщенности различными остатками. Указанные отличия носят квантитативный характер. Их можно объяснить более коротким сроком, а возможно также некоторой прерывностью существования поселения Кулламяги.

Второе важное отличие между рассматриваемыми поселениями заключается в самом характере культурного слоя. Инвентарь поселения Кулламяги обнаружен почти без исключения в песчаных слоях, преимущественно в черновато-сероватом песке, залегающем под торфяным слоем. Более глубоко лежавшие находки доходили часто до желтовато-коричневого подстилающего песка. Таким образом, культурный слой в Кулламяги лежит целиком в песке, а торф на склонах бугра нарос только после того, как соответствующие части стоянки были покинуты. В приречной же полосе поселения Акали культурный слой захватывает болотную почву, залегающую между торфом и песком и содержавшую большинство находок. Только наиболее глубоко залегавшие находки доходили там до сероватого песка. Образование культурного слоя разного состава указывает на различия в условиях заселения. В Акали поселение возникло на песке и продолжало существовать на этих же местах еще и в течение некоторого времени после того, как там начался процесс заболачивания. В Кулламяги же поселение с самого начала располагалось на песчаной почве сравнительно более высокой части холма, куда торф еще

[1] По исследованиям проф. К. К. Орвику, русло реки Эмайыги в этом месте никогда не подходило ближе к Кулламяги.

не проник. Это обстоятельство оказало влияние на условия сохранения инвентаря в обоих поселениях. В приречной полосе Акали, благодаря быстрому, по-видимому, нарастанию торфа, сохранилось некоторое количество костяных предметов и остеологического материала. В Кулламяги же, где формирование торфяного покрова происходило более медленно, костяные предметы, а также кости животных лежали в течение продолжительного времени открыто на поверхности земли или в песке и поэтому почти полностью разрушились. Здесь были найдены лишь единичные фрагменты зубов животных и несколько обломков полуистлевших костяных предметов. Ввиду отсутствия костяных предметов инвентарь стоянки Кулламяги в целом менее разнообразен, чем инвентарь Акали. Но как уже было указано в предыдущей главе, поселение Акали впоследствии также продвинулось на более высокие части бугра, оставшиеся и позже свободными от торфяного покрова, где культурный слой также залегал главным образом в песке. Таким образом, можно констатировать, что условия возникновения культурного слоя, как и условия обитания, имели в Кулламяги общие черты с соответствующими условиями в поселении Акали в более поздний период.

В отношении остатков жилищ поселение Кулламяги оказалось еще беднее, чем Акали. При раскопках не удалось вскрыть ни одного очага и в культурном слое даже почти не попадалось камней, которые могли бы происходить от уничтоженных очагов. Некоторые концы свай и вдающиеся в подстилающий песок углубления дают слишком скудный материал для заключения о характере жилищ. В отношении последних нельзя ничего прибавить к тем предположениям, которые были сделаны выше на основании аналогичных находок на поселении Акали.

Хотя поселение Кулламяги существовало не так долго, как Акали, все же и им пользовались в течение довольно продолжительного времени. На это указывает наличие в Кулламяги различных видов керамики, которые, конечно, не все относятся к одному времени. Все найденные здесь виды керамики имеют параллели и в Акали. Благодаря этому открывается возможность для сравнения стратиграфического отношения и условий залегания как керамики, так и других предметов на обеих стоянках и получения более достоверных результатов.

*

Кроме Акали и Кулламяги, имеются сведения о наличии еще нескольких неолитических местонахождений в приустье реки Эмайыги. К сожалению, нет возможности проверить эти сведения, так как эти места размыты водами оз. Пейпси.

В начале 1930-х годов на берегу озера Пейпси, примерно на расстоянии 0,5 км к северу от устья Эмайыги (рис. 1 : 3), были найдены якобы каменные изделия. По описанию нашедшего их лица, это были, очевидно, долота. Предметы находились на ступенчатом песчаном берегу. Так

как нашедшие их лица не имели представления о ценности этих предметов, то они их бросили и не заявили об этой находке.[1]

На прибрежном выступе между южным берегом реки Каэванду и озером Пейпси (рис. 1 : 4) несколько десятков лет тому назад были якобы замечены шероховатые черепки керамики с примесью дресвы в тесте. Там же было найдено несколько бронзовых украшений, среди них подковообразная фибула (по описанию — позднего происхождения) и шведская медная монета. Предметы впоследствии пропали.[2] Хотя место находок в устье реки Каэванду, по-видимому, имеет более позднее происхождение и относится, быть может, к XVI—XVII векам и к сообщениям о нахождении каменных орудий к северу от устья р. Эмайыги следует относиться с некоторой осторожностью, все же приведенные выше сведения указывают на то, что в районе устья реки Эмайыги находилось, возможно, еще несколько стоянок, относящихся к рассматриваемому периоду и расположенных ближе к Пейпси, а потом затопленных озером. Янтарная подвеска (рис. 61 : 11) неолитического типа, найденная летом 1950 года на берегу Пейпси, между устьями рек Эмайыги и Каэванду, принадлежит, возможно, инвентарю одной из предполагаемых стоянок. Этот предмет находился среди ракушек, выброшенных вместе с ним на берег бурей.

Следует отметить, что большинство бугров, расположенных в районе устья реки Эмайыги, еще не обследовано, и вполне возможно, что здесь в будущем будут обнаружены новые стоянки. На это указывают случаи нахождения керамики в южной части этого района — на «болотном острове» Вирвисаар, представляющем собой, по сравнению с другими «болотными островками», холм несколько бóльших размеров, используемый отчасти даже под пашню. Один из найденных там при вспашке черепков был доставлен осенью 1953 года в Институт истории Академии наук Эстонской ССР.[3] Этот черепок, несомненно, относится к эпохе металла, однако пока нет возможности точно датировать это место находки.

---

[1] Сообщение получено от рыбака деревни Праага Самуэля Хиндо.

[2] Сообщение сделано местным жителем Акселем Конза.

[3] ИИ № 4071.

V. ОБЗОР ОСТАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ III—II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР И НА СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Прежде чем приступить к анализу вещественного материала из поселений Акали и Кулламяги, целесообразно коротко остановиться на остальных синхроничных поселениях, расположенных в близком или более далеком соседстве с районом устья реки Эмайыги. Инвентарь их является основным сравнительным материалом для находок из Акали и Кулламяги, поэтому некоторое знакомство с ними является необходимым, тем более, что большая часть этих материалов еще не опубликована.

Археологический материал эпохи неолита и раннего металла, найденный на территории Эстонской ССР и в остальной Советской Прибалтике, представляет собой большей частью случайные находки. Поселений и могильников известно пока мало, и они еще недостаточно исследованы.[1] Естественно, что случайные находки дают для исследования лишь односторонний материал, состоящий преимущественно из каменных предметов. В музеях Эстонской ССР хранится свыше 1000 каменных топоров и долот; довольно большое число их найдено в Латвийской и Литовской ССР. Среди топоров преобладают сверленые, следовательно более поздние типы. Несомненно, что большинство случайно найденных каменных орудий относится к позднему неолиту и ранней эпохе металла, т. е. к концу III тысячелетия, ко II и даже к I тысячелетиям до н. э.

Как показывает распространение случайных находок (рис. 13), население в рассматриваемый период концентрировалось большей частью в местах, прилегающих к водным бассейнам, которые предоставляли благоприятные возможности для рыбной ловли и охоты и где были также естественные луга для примитивного скотоводства. По густоте распространения случайных находок можно определить основные заселенные районы. Наиболее заселенной территорией оказывается бассейн реки Пярну, откуда получено каменных предметов больше, чем из какой-либо

[1] Краткий обзор могильников и поселений неолита и ранней эпохи металла на территории Эстонской ССР дается в статьях Л. Янитс, Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 53—65. Л. Ю. Янитс, Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК 54, М., 1954, стр. 3—23. Jaanits, Neoliitilised asulad Eesti NSV territooriumil.

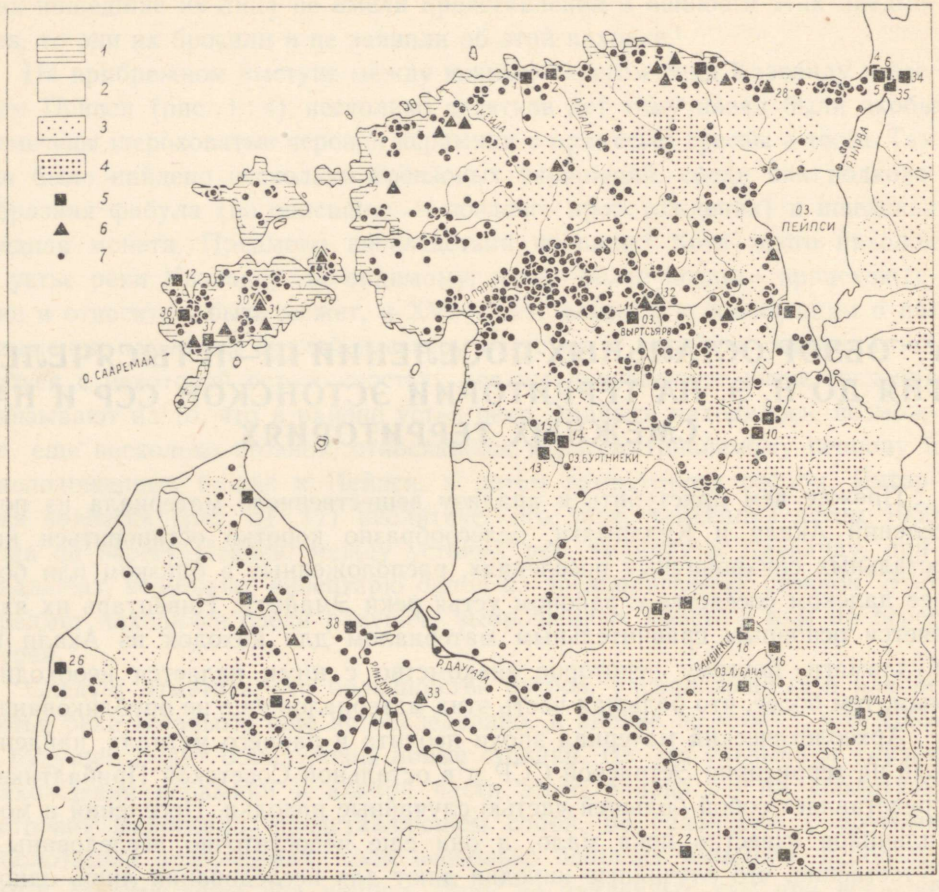


Рис. 13. Схема размещения неолитических памятников на территории Эстонской ССР и Латвийской ССР. Условные знаки: *1* — прибрежная полоса, лежавшая в неолите под водой, *2* — высота 0—50 м над у. м., *3* — высота 50—100 м над у. м., *4* — высота свыше 100 м над у. м., *5* — поселение, *6* — могильник, *7* — случайная находка. Поселения и могильники на карте: *1* — Крооди, *2* — Ягала, *3* — Кунда, *4* — Нарва-Рийгикюла II, *5* — Нарва-Рийгикюла III, *6* — Нарва-Рийгикюла I, *7* — Акали, *8* — Кулламяги, *9* — Вилла, *10* — Тамула, *11* — Валма, *12* — Ундва, *13* — Риннюкалнс, *14* — Звейниеки (у оз. Буртниеки), *15* — Кауленкалнс, *16* — Ича, *17* — Рамслава, *18* — Личагалс, *19* — Лиезере, *20* — Звейниеки (у оз. Виране), *21* — Лубана, *22* — Двиете, *23* — Адамова, *24* — Пурциемс, *25* — Леяс-Цискас, *26* — Сарнате, *27* — Тояти, *28* — Сопе, *29* — Арду, *30* — Тутку, *31* — Тика, *32* — Кивисааре, *33* — Рутениеки, *34* — Ломми, *35* — Нарва, *36* — Лоона, *37* — Наакамяэ, *38* — Силиньупе, *39* — Лудза.

другой части Эстонии.[1] Очевидно, обитателей привлекала сюда морская рыба, поднимавшаяся во время метания икры вверх по реке, а также богатые зверем и птицей окрестные леса и болота.

[1] Найденные в районе бассейна реки Пярну предметы хранятся главным образом в Пярнуском межрайонном краеведческом музее. Несомненно, что и некоторое количество костяных орудий, обнаруженных в районе р. Пярну, относится к рассматриваемому периоду.

Второй густонаселенной территорией был остров Сааремаа, где места находок прилегают к береговой линии того времени. На острове Сааремаа нет крупных внутренних водоемов, и поэтому можно полагать, что наряду с охотой большое значение имели здесь морская рыбная ловля и охота на тюленей. Третьим довольно богатым находками районом является окрестность озера Выртсъярв, особенно его северная прибрежная низменность, где находилось, очевидно, много более или менее крупных реликтовых озер, образовавшихся после отступления вод озера Выртсъярв, которое занимало раньше значительно бóльшую площадь. Далее, довольно много находок обнаружено на побережье озера Пейпси и на морском побережье, в первую очередь в окрестностях впадающих в море рек (Нарва, Ягала, Кейла, Казари и др.). Судя по случайным находкам, наиболее заселенными были, таким образом, богатая водными бассейнами Средне-Эстонская низменность и морское побережье как на островах, так и на материке. Более высокие, бедные водными бассейнами районы северной и южной Эстонии были заселены значительно реже, а местами, возможно, и совершенно не заселены.

Аналогичную картину дает распространение случайных находок на территории Латвийской ССР. И здесь находки сосредоточиваются преимущественно на богатых водными бассейнами прибрежных низменностях. Наибольшее количество находок обнаружено в бассейнах рек Даугавы и Лиелупе и у озер юго-восточной Латвии.

Можно полагать, что известное количество случайных находок, обнаруженных на территории Эстонской ССР, происходит непосредственно из поселений или же, — в особенности ладьевидные топоры, — из могильников. При случайном обнаружении каменных предметов остальные культурные остатки обыкновенно оставались незамеченными и уничтожались. Вследствие этого число известных нам поселений довольно невелико.

На территории Эстонской ССР в настоящее время насчитывается 15 относящихся к рассматриваемому периоду поселений. Часто стоянки расположены недалеко друг от друга, как, например, в приустье р. Эмайыги. Два поселения, расположенные на расстоянии примерно 3 км одно от другого, мы имеем в юго-восточной Эстонии около города Выру — Тамула и Вилла. В северо-восточной Эстонии, в нижнем течении реки Нарвы, известны три расположенных недалеко друг от друга поселения (Нарва-Рийгикюла I, II, III); четвертая стоянка открыта в самом городе Нарве. К этой же группе памятников принадлежит и расположенное несколько поодаль от них поселение Ломми, находящееся уже в пределах Ленинградской области. В северной Эстонии, на побережье Финского залива, находятся отстоящие друг от друга на десяток километров стоянки Крооди и Ягала. Поселения Ундва, Лоона и Наакамяэ на о. Сааремаа расположены на расстоянии 15—30 км друг от друга. Зато в непосредственной близости к стоянкам Кунда (неолитический слой) в северной Эстонии и Валма на берегу озера Выртсъярв других поселений пока не обнаружено. К сожалению, до сих пор не удалось более точно установить рас-

положение стоянок в самом богатом находками районе Эстонской ССР — в бассейне реки Пярну. Там существовало, по-видимому, несколько неолитических поселений. Одно из них находилось, очевидно, где-то вблизи устья реки Рейу, где, помимо костяных и каменных орудий, на реке найдена также немногочисленная ямочно-гребенчатая керамика.[1]

Рассмотрим эти поселения несколько подробнее, начиная с северной Эстонии.

Поселение Крооди находится в Харьюском районе, в 15 км к востоку от Таллина. Мы имеем здесь дело с песчаной грядой — береговым валом литоринового моря.[2] В настоящее время эту гряду прорезает русло ручья, вытекающего из озера Маарду. Поселение расположено на морской дюне у берега ручья. Ветер от поры до времени уносит песок и обнажает сложенные из камней очаги, а затем снова покрывает их песком. Всего на дюне насчитывается до 40 очагов. Вблизи них попадаются обломки шлифовальных камней, мелкие изделия из кремня и кварца и осколки сырого материала. На территории поселения обнаружены также один отшлифованный, без сверлины, каменный топор и хорошо обработанный овально-ромбический наконечник стрелы из кремня. На расстоянии примерно 50 м от очагов на ограниченном участке найдено несколько десятков грузил. В качестве последних были использованы плоские гальки из песчаника, на противоположных концах которых сделаны выемки для их привязывания. Здесь найдены лишь небольшие фрагменты двух типов керамики. Сосуды одного типа имели пористый состав и поверхность, заштрихованную каким-то орудием вроде гребенчатого штампа. Керамика другого типа — ломкая и содержит много дресвы; орнамента не видно, так как поверхность черепков сильно сглажена наносным песком; только на одном осколке можно заметить слабые следы гребенчатого штампа. Следует отметить, что в Крооди научных раскопок не производилось. Имеющиеся находки собраны на поверхности земли.[3] Судя по количеству очагов, существовавшее здесь поселение имело довольно большие размеры.

На расстоянии десятка километров к востоку от Крооди известно неолитическое поселение Ягала,[4] расположенное примерно в 1 км к югу от устья реки Ягала, на возвышенном правом ее берегу. На этой прибрежной естественной возвышенности позже было построено городище. Под слоем песка, насыпанного в связи с постройкой городища, залегал культурный слой, относящийся к неолиту. В начале 20-х годов здесь в двух местах были заложены шурфы, а именно в северо-западном углу и в средней части западного края городища, примерно на расстоянии 100 м к югу от первого раскопа. В северном раскопе были найдены 5 сложен-

---

[1] Ebert, Die baltischen Provinzen, стр. 510 и сл., рис. 18 : a. Следует отметить, что не весь материал из реки Пярну синхроничен.

[2] Ramsay, Niveauverschiebungen, eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Estland, рис. 3.

[3] ИИ № 3500 : 1—53; 3896; 4181 : 1—2.

[4] Spreckelsen, Der Burgberg in Jaggowal, стр. 16—32.

ных из камней очагов. Четыре из них представляли собой кучи камней, диаметром 25—50 см и высотой 20—35 см, которые в нижних своих частях содержали много угля. На пятом очаге камни были расположены кру́гом. Песок в середине круга и к юго-востоку от очага имел черноватый от огня цвет и содержал кусочки угля. В очагах и вокруг них попадались отдельные фрагменты обгорелых костей, много кварцевых и кремневых осколков и в изобилии черепки глиняных сосудов. В этом же раскопе были найдены два куска янтаря, один из них в виде ромбовидной подвески.

Керамика составляет основной материал поселения Ягала. Большинство черепков принадлежит крупным толстостенным сосудам с круглым дном. Один такой котловидный сосуд удалось реконструировать. Его высота и диаметр венчика равны примерно 40 см. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта перемежающимися поясками гребенчатых отпечатков и ямочек, с преобладанием следов гребенчатого штампа. Ямочно-гребенчатый орнамент встречается и на большинстве черепков других глиняных сосудов, происходящих из южного раскопа. Наряду с обычными поясками встречаются образованные гребенчатым штампом ромбы и зигзагообразные линии.[1] Особо надо отметить два черепка с ромбическими ямочками.[2] Керамика этого типа обнаружена, однако, только в южном раскопе. Керамика из северного раскопа украшена преимущественно ямочным и линейным орнаментом. Среди черепков имеются экземпляры, орнамент которых состоит из комбинаций одних только ямочек разной величины. Далее, встречается орнамент из ямочек и вдавленных линий, а также плоских линий, расположенных параллельными зонами.[3] Можно отметить еще керамику, украшенную процарапанными длинными узкими линиями.[4] Особым видом орнамента являются небольшие вдавления в виде точек, которые расположены на поверхности сосуда рядами один за другим, как бы имитируя гребенчатый штамп. Этого вида вдавления комбинируются с обычными небольшими ямочками.[5] Характерные для северного раскопа черепки глиняных сосудов попадались и в южном раскопе, но, за исключением керамики с процарапанными линиями, их было здесь значительно меньше. Керамика же со следами гребенчатого штампа в северном раскопе отсутствовала. Участок между обоими раскопами не обследован. Ввиду того, что на поселении обнаружена керамика разного характера, надо считать, что оно было заселено или в течение продолжительного времени, или же повторно в разные периоды.

Находящийся в Раквереском районе, близ города Кунда, холм К у н д а - Л а м м а с м я г и известен в общем как местонахождение мезоли-

---

[1] S p r e c k e l s e n, Der Burgberg in Jaggowal, рис. 1, 11—15.
[2] Там же, рис. 10.
[3] Там же, рис. 2—4, 6—8, 20.
[4] Там же, рис. 5.
[5] Там же, рис. 16—19.

тической стоянки.[1] Ламмасмяги представляет собой холм длиной около 110 м и шириной 70 м, поднимающийся на 4 м над окружающим болотом. После отступления материкового льда на месте современного болота образовалось озеро диаметром 3—4 км. Ламмасмяги представлял собой остров на нем. Как показывают геологические исследования, в конце бореального или в начале атлантического периода, т. е. около 5000 лет до н. э., образование озерных отложений прекратилось, так как озерные воды нашли выход, и озеро сравнительно быстро стекло. По дну прежнего озера проложила русло река Кунда, которая протекает в нескольких сотнях метров к востоку от Ламмасмяги.

Изучение истории озера Кунда дало основу для датировки обнаруженных там археологических находок. Из грунтовых слоев прежнего озера извлечены многочисленные костяные изделия, главным образом наконечники острог и гарпунов, попавшие туда при рыбной ловле. Эти предметы, датированные при помощи пыльцевого анализа VIII—VI тысячелетиями до н. э.,[2] точно соответствуют типам гарпунов и острог, найденным на самой стоянке Ламмасмяги. Кроме этих предметов, на Ламмасмяги представлены и другие виды костяных изделий, а также каменные и кремневые орудия. Можно отметить известные различия между материалом, происходящим из нижних и из верхних горизонтов культурного слоя. Материал верхних горизонтов характеризуется хорошо отшлифованными каменными долотами, среди которых имеются отдельные экземпляры с желобчатым лезвием; обнаружено даже несколько обломков сверленых каменных орудий. Вместе с тем в верхних горизонтах наблюдается значительное увеличение количества шлифовальных камней. В верхних горизонтах стоянки мелкие кремневые орудия, скребки, ножички и пр. встречаются в большем количестве, чем в нижних, где соответствующие предметы изготовлены преимущественно из кварца. Далее, в верхних горизонтах культурного слоя найдено несколько янтарных изделий, среди них пуговицы с V-образным сверлением и несколько десятков черепков керамики. На некоторых черепках имеются ямочки и следы гребенчатого штампа, но поскольку черепки очень малы, то по ним нельзя получить ясного представления об орнаментике сосудов.[3] Костяной инвентарь в верхних частях культурного слоя сохранился в очень незначительном количестве.

Наличие керамики, янтаря, а также хорошо отшлифованных каменных предметов указывает, что культурный слой Ламмасмяги в хронологическом отношении нельзя рассматривать как единое целое, и что он, кроме

---

[1] Indreko, Die mittlere Steinzeit.

[2] Относительно результатов новейших пыльцевых анализов Кунда см. Г. Н. Лисицына, К вопросу об аллероде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда. Советская археология, 1958, № 3, стр. 90—96. В этой, в общем ценной статье вызывает возражение датировка мезолитической стоянки Ламмасмяги на основании стратиграфического расположения культурного слоя у подножия холма, куда этот слой был занесен после прекращения существования стоянки.

[3] Indreko, Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde, рис. 20:7, 9, 10.

ясно выраженного мезолитического материала, содержит и неолитические предметы. К сожалению, с достаточной ясностью различить разновременные слои невозможно, так как между ними отсутствуют стерильные прослойки; кроме того в культурном слое происходили, по-видимому, довольно значительные смещения в результате воздействия природных условий и деятельности человека. Определение характера неолитической стоянки в Кунда-Ламмасмяги особенно затрудняет крайняя скудность найденной там керамики, что до некоторой степени является загадочным, так как керамика обычно представляет собой основной материал позднеолитических стоянок. Своеобразно и расположение этой неолитической стоянки — вдали от реки, на холме в отличие от других неолитических поселений, которые, как правило, расположены непосредственно у воды.

На левом берегу реки Нарвы, примерно в 6 км вверх от устья реки, находятся недалеко друг от друга три поселения — Нарва-Рийгикюла I, II и III. Эти памятники открыты и исследованы Н. Н. Гуриной в 1951—1953 гг.[1] Все стоянки расположены на высокой песчаной речной террасе, на 8—11 м выше современного уровня воды. Русло реки прорезает здесь, очевидно, береговой вал литоринового моря.[2]

Культурный слой поселения Нарва-Рийгикюла II залегает под тонкой прослойкой серого подзола, в песке, достигая в среднем толщины 30 см. Раскопками здесь был обнаружен сложенный из камней очаг. Составляющие его камни, диаметром 10—20 см, расположены в виде круга, диаметр которого около 1,5 м. Камней не было лишь в южной части круга, где находилось устье очага. Земля внутри каменного круга обгорелая и весьма углистая. Около устья очага углистая земля выходила за пределы круга. В песке вблизи очага находился ряд углублений диаметром 0,4—2 м. Инвентарь стоянки состоит в основном из керамики и мелких кремневых изделий. Встречаются многочисленные осколки кремня. Костный материал, вследствие незначительной глубины культурного слоя, почти не сохранился. Сосуды в большинстве случаев изготовлены из глиняного теста с примесью дресвы и имеют толстые стенки, покрытые доверху ямочками и отпечатками гребенчатого штампа. Меньшая группа черепков имеет пористый состав и украшена преимущественно гребенчатыми вдавлениями.

Поселение Нарва-Рийгикюла I находится примерно на расстоянии 250 м к юго-востоку от предыдущего. Оно занимает довольно обширную площадь и имеет мощный культурный слой, часть которого, однако, нарушена при строительстве шоссейной дороги и позднейшими постройками. Здесь открыты остатки двух жилищ с углубленным в землю основанием. Основание одного из них имело, как полагает Н. Н. Гурина, по-

---

[1] Гурина, Новые неолит. памятники в Вост. Эстонии, стр. 153—175. В 1952 г. автор имел возможность некоторое время участвовать в раскопках стоянок Нарва-Рийгикюла I и II, за что он приносит благодарность Н. Н. Гуриной.

[2] Ср. Ramsay, Niveauverschiebungen, eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Estland, стр. 4.

видимому, округлые очертания и диаметр около 6,5 м. Другое жилище, овальной формы с основанием размером 6 × 7 м, имело выход к реке; на его южном конце выделялся небольшой выступ. В обоих жилищах находились открытые очаги без камней (кострища). В полу жилищ и в непосредственной близости от них обнаружены скопления раковин (*Unio*). Последние образовали в культурном слое как бы самостоятельное отложение, причем верхняя часть культурного слоя имела более светлую окраску, а нижняя — более темную. Ракушник имел наибольшую толщину в районе жилищ, где благодаря этому и культурный слой достигал своей наибольшей мощности — примерно 1 метра. По мере удаления от жилищ слой раковин постепенно выклинивался и, наконец, вовсе исчезал. В тех местах, где раковин не было, культурный слой достигал в толщину в среднем 50 см. Среди раковин попадались кости животных, керамика и другие предметы.

В обоих жилищах при вскрытии их оснований было обнаружено по скелету, в первом — взрослого мужчины, во втором — ребенка. Оба лежали вытянуто на спине, головой на север; руки их были вытянуты вдоль туловища. Достоверного могильного инвентаря не удалось установить. Около ног детского скелета были найдены черепки большого глиняного сосуда, который, возможно, связан с погребением.

На стоянке было обнаружено много изделий из кости и рога. Среди них имеются шилья, иглы, кочедыки, наконечники стрел и гарпунов, рыболовные крючки, привески и др. предметы. Сравнительно много найдено костяных и роговых долот разной формы. Встречаются орудия, изготовленные из крепких трубчатых костей, известные под данным им А. А. Иностранцевым названием «заострения под углом около 45°». Из каменных предметов найдены топоры без проухов и долота, а также пилы и грузила. Мелких кремневых орудий встречалось сравнительно мало, значительно меньше, чем на ранее описанной соседней стоянке.

Культурный слой был насыщен фрагментами керамики разных видов. Кроме тех же двух групп керамики, что и на стоянке Нарва-Рийгикюла II, здесь встречалась третья группа керамики, аналогии которой на стоянке Нарва-Рийгикюла II отсутствуют. Принадлежащие к этой группе глиняные сосуды изготовлены из теста со значительной примесью ракушек. Их поверхность покрыта ясно выраженными и сравнительно аккуратно расположенными следами штриховки, нанесенной инструментом, похожим на гребенчатый штамп, или при помощи какого-то пучка палочек. Изредка встречается орнамент преимущественно в виде слабых оттисков гребня или других вдавлений. Днища этих сосудов круглые, иногда с маленьким заостренным кончиком; сосуды имели утончающиеся, по сравнению со стенками, и часто вогнутые внутрь венчики. У некоторых сосудов около края имеются просверленные в стенке дырочки.

Кроме этих групп керамики, на стоянке встречаются еще черепки немногочисленных глиняных сосудов из теста с примесью мелкозернистого песка. Они принадлежат к сильно обожженным сосудам со следа-

ми штриховки главным образом на внутренней поверхности, в то время как внешняя поверхность их почти гладкая. Орнамент не установлен. Эти черепки следует, вероятно, выделить в отдельную группу керамики, которую можно сопоставить с поздней шнуровой керамикой поселений Акали и Кулламяги.[1]

Особого внимания заслуживает остеологический материал стоянки, среди которого определены кости разного вида диких животных, птиц и рыб. В большом количестве представлены кости тюленя. Большой интерес представляет нахождение костей домашних животных — крупного рогатого скота и овцы, не считая собаки. Это дает автору раскопок основание предполагать, что обитатели стоянки в более позднем периоде ее существования занимались скотоводством.[2]

Поселение Нарва-Рийгикюла III расположено на расстоянии 170 м к югу от предыдущего. Культурный слой здесь большей частью уничтожен, но в сохранившихся нетронутыми местах мощность его достигает в среднем 40—45 см. На поселении были вскрыты две проникающие в подстилающий песок ямы, культурный слой в которых достигал 0,8—1 м. Вблизи от этих ям был обнаружен очаг, сложенный из камней. На территории поселения обнаружены остатки детского скелета.

На поселении сохранились костяные предметы. Костяные и роговые долота разных типов соответствуют по форме экземплярам со стоянки Нарва-Рийгикюла I. Был найден также обломок костяного гарпуна и фрагмент, очевидно, игловидного, наконечника стрелы из кости. Керамика однородна, хотя черепки принадлежат по меньшей мере 30 отдельным сосудам. Она имеет полную аналогию с третьей группой керамики с поселения Нарва-Рийгикюла I.

В остеологическом материале, полученном при раскопках этой стоянки, также встречаются кости домашних животных (собаки и крупного рогатого скота).[3]

Поселения Нарва-Рийгикюла имеют большое значение для выяснения сравнительной хронологии видов керамики. Н. Н. Гурина, исследовавшая эти поселения, на основании некоторых соображений типологического характера полагает, что наиболее древним из них является самое северное, Нарва-Рийгикюла II, для которого характерна ямочно-гребенчатая кера-

---

[1] По свидетельству Н. Н. Гуриной, эти черепки были найдены выше культурного слоя. По-видимому, представленная ими керамика не относится к основному комплексу инвентаря неолитической стоянки; зато они указывают на возможность ее вторичного заселения.

[2] При раскопках были собраны все кости без различения их по отдельным пластам. Поэтому принадлежность костей крупного рогатого скота и овцы к инвентарю древнего поселения нельзя еще считать вполне достоверной. Возможно, что они относятся ко времени существования более поздней керамики или связаны с сельским поселением нового времени.

[3] Ввиду того, что культурный слой здесь в значительной мере перемешан и что на территории этого поселения существовала современная деревня, найденные здесь кости крупного рогатого скота могут относиться к более позднему времени.

мика. Самое южное поселение, Нарва-Рийгикюла III, со свойственной ему особой керамикой, которую Н. Н. Гурина относит к бронзовому веку, является по ее мнению, наиболее поздним, тогда как поселение Нарва-Рийгикюла I, где найдена керамика обоих типов, представляет собой как бы связующее звено между этими двумя поселениями. Однако нужно отметить, что исследования неолитических поселений в самом городе Нарве (см. ниже) и в Акали показали, что типичная ямочно-гребенчатая керамика была в употреблении позже, чем керамика нарвского типа, как мы можем назвать керамику, типичную для стоянки Нарва-Рийгикюла III, по ее распространению в бассейне р. Нарвы.[1] Соответственно этому, хронологическая последовательность поселений Нарва-Рийгикюла получается как раз обратной той, которая установлена Н. Н. Гуриной, то есть: Нарва-Рийгикюла III — I — II. В пользу такой хронологической последовательности поселений говорят, между прочим, и их высотные отношения. Поселение Нарва-Рийгикюла III расположено на высоте 11 м над уровнем реки, стоянка I — на высоте 8,5 м и стоянка II — на высоте 8 м. Так как эти стоянки расположены в области послеледникового поднятия суши и так как стоянки этого времени обычно следовали передвижению береговой линии, естественно предполагать, что более ранние стоянки расположены выше, а более поздние ниже. В отношении абсолютной хронологии можно отметить, что в инвентаре поселений Нарва-Рийгикюла нет ничего такого, что заставляло бы непременно отнести их к эпохе бронзы. Большинство предметов имеет аналогии в материале неолитических стоянок на территории Эстонской ССР, некоторые же типы предметов (например, пешни — так наз. «заострения под углом около 45°», — роговые долота, топоры без проухов) близки к мезолитическим орудиям, указывая таким образом скорее на ранний, чем на поздний неолит. Вопрос о хронологии поселений Нарва-Рийгикюла требует, несомненно, еще дальнейших исследований.

Нарвское поселение расположено примерно в 8 км к югу от упомянутых выше поселений, на левом берегу реки Нарвы, непосредственно в самом городе. Река имеет в этом месте высокие берега, но между ними и теперешним речным руслом тянется узкой полосой низменная пойма. На этой узкой прибрежной полосе и расположено поселение, которое все же возвышается на несколько метров над современным уровнем воды. Территория поселения довольно обширна, но на значительной части его площади культурный слой нарушен, а местами размыт речными водами.

В 1954 и 1957 г. здесь были произведены раскопки разведочного характера.[2] Было заложено девять небольших шурфов общей площадью

---

[1] К сожалению, в поселении Нарва-Рийгикюла I, где были представлены разные типы керамики, их стратиграфическое положение не было в достаточной мере прослежено.

[2] Отчет о раскопках хранится в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Находки — ИИ № 4101.

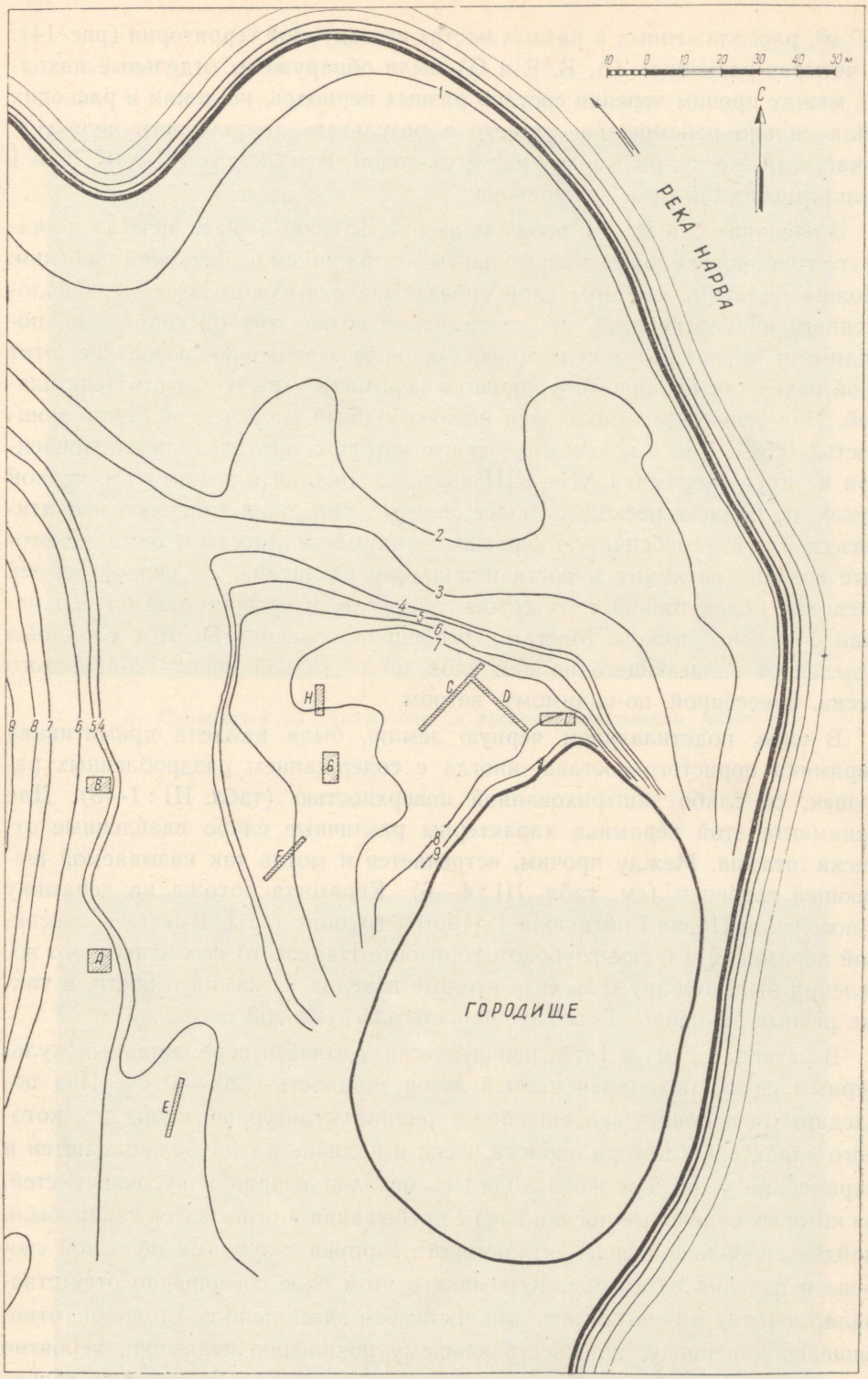


Рис. 14. План раскопок поселения в г. Нарве. Сечение горизонталей 1 м. Раскопанные площади заштрихованы.

210 м², расположенных в разных местах исследуемой территории (рис. 14). В четырех раскопках (A, B, E и G) были обнаружены отдельные находки, между прочим черепки сосудов разных периодов, но земля в раскопах была сильно перемешана, отчасти в результате деятельности человека, отчасти также, по-видимому, размыта водой. В раскопах C, D, F, H и I культурный слой был неповрежден.

В раскопах C и D (см. профиль на рис. 15) под дерном залегал песчанисто-гравийный слой со значительным содержанием известковой щебенки. Можно полагать, что этот слой сполз сюда с высокого холма, расположенного на берегу реки, непосредственно возле этих раскопов, где, по-видимому, в свое время существовало раннее укрепленное поселение. Этот слой содержал единичные фрагменты керамики, между прочим текстильной. Под этим слоем находился неравномерный слой черной земли мощностью 0,5—1,5 м, в верхнем горизонте которого преобладала изготовленная на кругу керамика XII—XIII вв. н. э. Нижний горизонт этой черной земли, по окраске несколько более светлый, содержал типичную неолитическую ямочно-гребенчатую керамику с примесью дресвы в тесте, некоторые изделия из камня и кости и подвеску из янтаря. За черной землей следовал более тонкий слой сероватой земли, в котором подзол перемешан с мелким песком. Местами, особенно в раскопе D, этот слой был отделен от залегающего на нем слоя земли тонкой прослойкой чистого песка, нанесенной, по-видимому, ветром.

В слое, подстилающем черную землю, была найдена примитивная керамика пористого состава, иногда с содержанием раздробленных ракушек, со слабо заштрихованной поверхностью (табл. III : 1—8). Для орнамента этой керамики характерны различные слабо вдавленные оттиски штампа. Между прочим, встречается и мотив так называемой шагающей гребенки (см. табл. III : 4—6). Керамика похожа на керамику с поселений Нарва-Рийгикюла I (третья группа) и III. Вместе с описанной керамикой в более глубоком горизонте Нарвского неолитического поселения были обнаружены и некоторые изделия из камня и кости, а также речные раковины. Еще глубже залегал грунтовой песок.

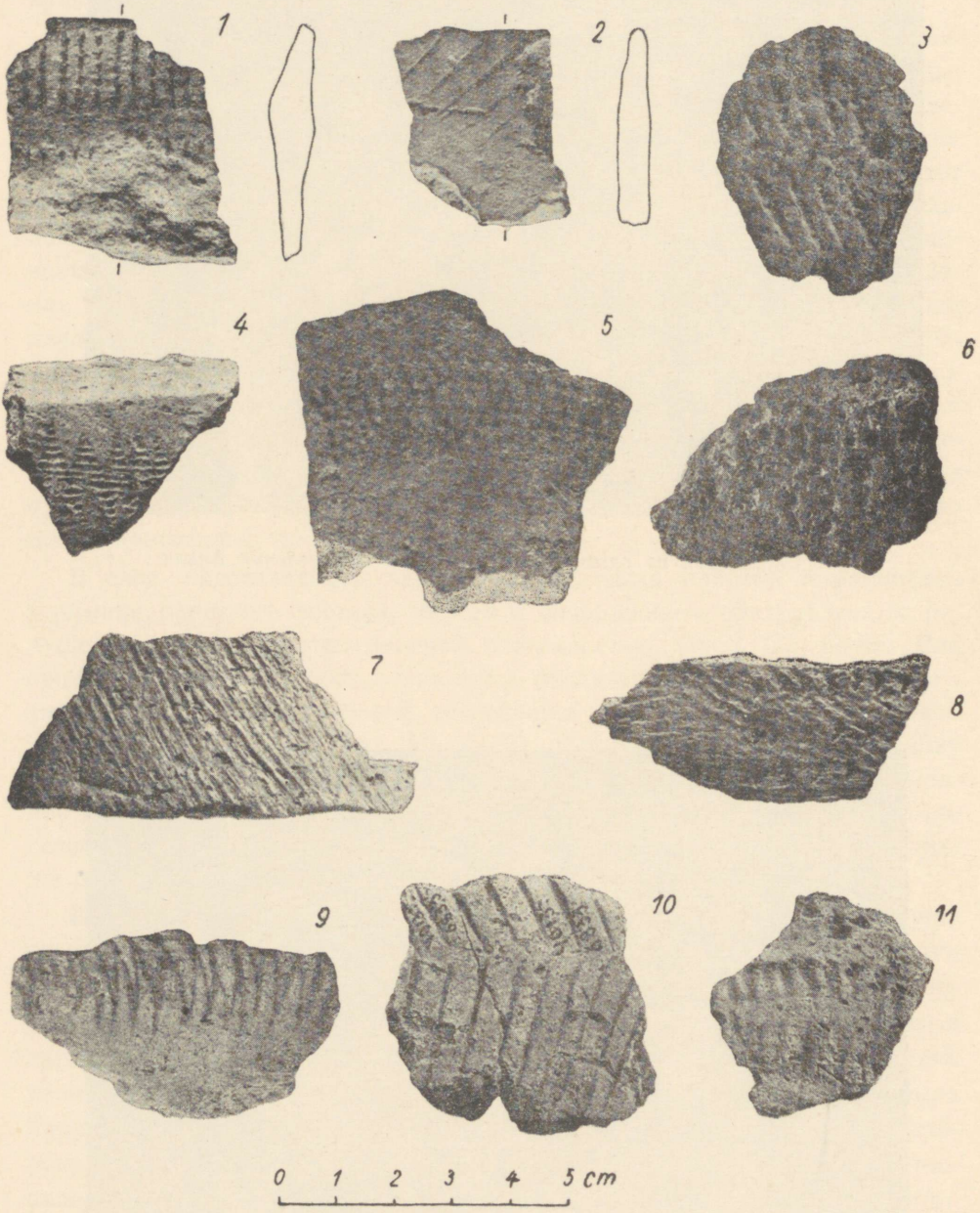
В раскопах F, H и I под неолитическим, отчасти перемешанным культурным слоем находился чистый песок мощностью 20—50 см. Под последним был обнаружен еще более ранний культурный слой, для которого характерны темная окраска песка и наличие в слое зольных пятен и вкраплений угля. Тут же находились осколки кварца и кусочки костей, из которых отдельные носили следы пребывания в огне. Здесь также были найдены небольшой фрагмент костяного гарпуна с зубцами по одной стороне и изделия из кварца. Керамика в этом слое совершенно отсутствовала, поэтому можно думать, что мы имеем здесь дело со стоянкой, относящейся к периоду, предшествовавшему появлению керамики, вероятно к мезолиту. К сожалению, этот культурный слой удалось вскрыть только на очень ограниченных участках, так что более подробное выяснение его характера является делом будущего.



1. Сложенный из камней очаг в раскопе J поселения Акали.



2. Скопление камней в раскопе J поселения Акали.



Керамика с поселения в Нарве *(1—8)* и с поселения Акали *(9—11)*. *1—8* — ИИ № 4101. *9* — 4013 : 6705 (раскоп *I*), *10* — 4013 : 6833 (*I*), *11* — 4013 : 7695 (*I*).

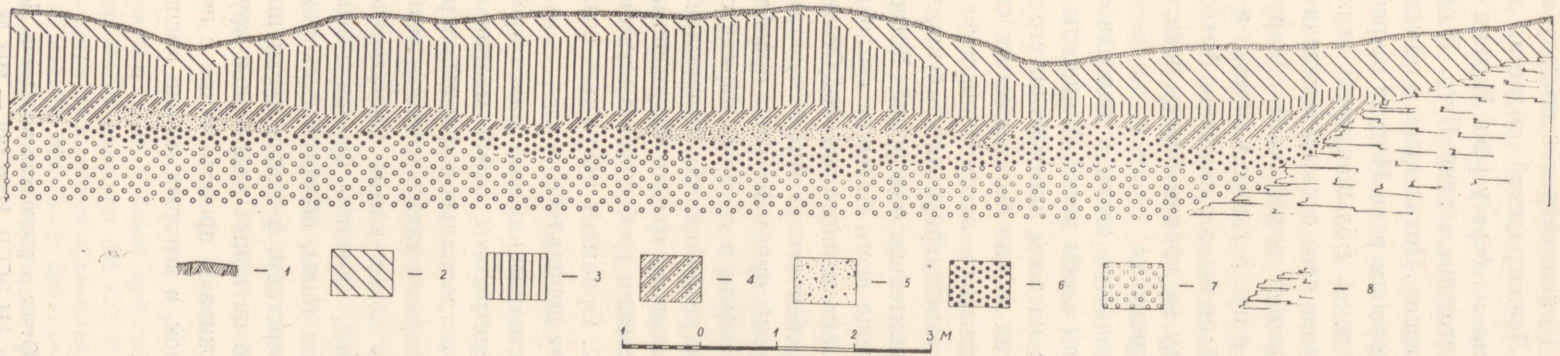


Рис. 15. Поселение в г. Нарве. Профиль раскопа D. *1* — дерн, *2* — песчанисто-гравийный слой с содержанием известковой щебенки, *3* — черная земля, *4* — черная земля (несколько более светлая), *5* — чистый песок, *6* — подзол, перемешанный с мелкозернистым песком, *7* — грунтовой песок, *8* — известняк.

На расстоянии около 10 километров к востоку от поселений на реке Нарве, на территории Ленинградской области, находится поселение Л о м м и. Оно расположено на берегу реки Нотики — небольшого притока, впадающего с левой стороны в реку Лугу. В окрестности находятся болота, по-видимому заросшие. Почва здесь в общем глинистая, но в местах находок по обеим сторонам реки Нотики встречаются песчаные бугры, которые и были обитаемы. Бóльшая часть этих бугров снесена для заполнения дорог, вследствие чего остатки поселения в значительной степени разрушены. При выемке песка были обнаружены сложенные из камней очаги, головешки и пр., а также керамика и каменные орудия, но более точных наблюдений не было проведено. Археологические раскопки производились в 1940 году на правом берегу реки, где внешняя поверхность поселения была нетронута.[1]

Культурный слой начинается почти у поверхности и прикрыт лишь тонким, нанесенным ветром слоем песка. Мощность культурного слоя местами достигает 1 метра; на всем протяжении его в песке наблюдается копоть. В некоторых местах можно было заметить скопления углей, головешек и копоти. Мы имеем здесь, несомненно, дело с очагами, около которых обломки керамики концентрировались гуще, чем в других местах.

Керамика Ломми сравнительно однородна. Встречаются глиняные сосуды разной величины, чаще всего большие котловидные, диаметром до 50 см. К тесту их примешано немного дресвы. Обжиг относительно хороший. Сосуды украшены гребенчатыми отпечатками и глубокими круглыми ямками, причем гребенчатый орнамент явно преобладает. Орнамент нанесен горизонтальными зонами, в которых наряду с полосками обычных вдавлений очень часто встречаются геометрические мотивы: ромбы, нанесенные гребенчатым штампом, треугольники, зигзагообразные полоски. На одном черепке при помощи гребенчатого штампа изображена фигурка водоплавающей птицы. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда; черепков без орнамента не попадалось.

Кроме керамики, на стоянке найдено много кремневых изделий. Все они без исключения представляют собой мелкие орудия: наконечники стрел, главным образом остроовальной формы, скребки, ножи, резцы и т. д. Культурный слой содержал также многочисленные кремневые осколки. Предметов из других пород камня значительно меньше: несколько небольших долот из сланца, каменная булава с вышлифованным желобком для насадки, обломок пилы, обломки нескольких колец из сланца, каменная подвеска с отверстием, а также куски шлифовальных камней. Найдено также несколько янтарных подвесок и круглые янтарные бусы. Особого внимания заслуживают происходящие с поселения обломки небольших глиняных фигурок, в которых можно распознать головы птиц и животных.

---

[1] Раскопки Р. Индреко. Отчет о раскопках поселения Ломми хранится в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Находки — ИИ № 3810 : 1—36; 3867 : 1—558.

Стоянка дала, так сказать, чистый комплекс находок. Этот бугор был заселен, несомненно, в течение довольно продолжительного времени, о чем свидетельствует мощный культурный слой, но за все это время в орнаментации керамики не произошло существенных изменений.

Как уже указывалось, в Ломми культурный слой имеется и на некоторых других всхолмлениях. В 1950-х годах Н. Н. Гуриной на одном из них был заложен небольшой шурф, давший, между прочим, пористую керамику, по-видимому с примесью растительных остатков в тесте.[1] Это заставляет предполагать, что в Ломми, так же как в Нарве и Нарва-Рийгикюла, мы имеем дело с несколькими стоянками разного возраста.

В юго-восточной Эстонии, кроме поселений в районе устья реки Эмайыги, известны еще два неолитических поселения в Выруском районе. Поверхность юго-восточной Эстонии, по сравнению с другими частями Эстонской ССР, имеет более возвышенный и неровный рельеф. Среди холмистых возвышенностей тянется и Выру-Харглаская древняя долина, на дне которой рядом расположены два озера — Вагула и Тамула, соединенные между собой мелким ручейком. Из озера Тамула вытекает река Выханду, впадающая в Псковское озеро. Поселение Тамула расположено на берегу озера того же наименования. Поселение Вилла находится на правом берегу реки Выханду, на несколько километров ниже озера Тамула.

Поселение В и л л а было открыто при углублении русла реки благодаря найденной там керамике и костям животных. В 1951 году на этом месте были произведены раскопки разведочного характера, которыми была вскрыта площадь в 60 м².[2] Культурный слой мощностью 50—70 см на берегу реки покрыт торфом. Несколько поодаль от реки поверхность земли поднимается на высоту более 2 метров над современным уровнем воды. Здесь торф отсутствует, и культурный слой начинается почти непосредственно под дерном.

Инвентарь поселения разнообразный. Как обычно, преобладает керамика, представленная несколькими видами. Из них шнуровая керамика обнаружена преимущественно на верхнем, более удаленном от реки участке стоянки. Большинство же черепков относится к ямочно-гребенчатой керамике. Часто встречаются черепки, на которых при помощи гребенчатого штампа изображены геометрические мотивы: ромбы, треугольники, зигзаговидные полоски. Встречаются также фрагменты с обычным зональным орнаментом из чередующихся рядов гребенчатых отпечатков и круглых ямок. Эта керамика изготовлена из состава с примесью дресвы и сравнительно хорошо обожжена. Ямочно-гребенчатая керамика из Вил-

---

[1] Материалы из раскопок Н. Н. Гуриной хранятся в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР.

[2] Отчет о раскопках хранится в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Находки — ИИ № 4037 : 1—1489; 2687 : 1—2; 3660 : 1—7. Некоторые вещи опубликованы в сборнике «Древние поселения и городища», рис. 51, 52, табл. XLVII : 1—3, 5, 6, 8—12.

ла аналогична керамике Ломми. Отличительной чертой керамики Вилла является то обстоятельство, что для ее украшения часто применялся более тонкий гребенчатый штамп, чем в Ломми, и что встречающиеся в орнаменте геометрические изображения обведены контурами, нанесенными также гребенчатым штампом. На некоторых черепках узор расположен решеткой, образованной перекрещивающимися гребенчатыми вдавлениями. Такой узор в Ломми не встречался.

Другой вид ямочно-гребенчатой керамики поселения Вилла имеет пористое тесто, в котором иногда попадаются кусочки раковин. Эта керамика, по-видимому, имеет более слабый обжиг. Орнамент ее также состоит из узких гребенчатых вдавлений и ямочек, но они нанесены реже и менее тщательно. Вдавления расположены реже, геометрические изображения почти не встречаются. Аналогичную керамику можно встретить на соседнем с Вилла поселении Тамула.

К ямочно-гребенчатой керамике следует отнести и черепки, поверхность которых покрыта ромбовидными ямочками. Такой узор имеется, однако, только на пяти черепках.

Шнуровая керамика представлена прежде всего несколькими небольшими черепками, принадлежащими сосудам с профилированной горловой частью. Часть черепков украшена поясами параллельных штрихов, так называемым елочным орнаментом. Остальная часть черепков принадлежит сосуду, на шейке которого имелся украшенный насечками валик. Большинство черепков шнуровой керамики, — а их было довольно много, — имеет слабо заштрихованную поверхность, на которой иногда слегка вырисовываются процарапанные неправильные черточки. Полная аналогия описанной керамике имеется в поздней шнуровой керамике поселения Акали.

Остальной инвентарь поселения Вилла составляют главным образом каменные и костяные предметы. Встречаются обычные мелкие кремневые изделия — наконечники стрел, скребки, ножи, резцы, а также кремневые осколки. Некоторые мелкие вещи сделаны из кварца. Каменные долота, преимущественно из сланца, также имеют часто очень небольшие размеры. Среди них встречаются желобчатые и когтевидные. Попадаются кольца из сланца. Из костяных изделий следует упомянуть наконечник гарпуна с большими редкими зубцами, наконечник остроги с двойными зубцами, стройный наконечник дротика иволистной формы, конусообразный наконечник стрелы, кинжал, ножи из бивней кабана и ряд проколок. На стоянке найдены также янтарные привески, среди них одна пуговица с V-образным сверлением.

Обнаруженный в культурном слое остеологический материал принадлежит рыбам и диким животным.[1] Представлена также собака. Костей

---

[1] Найденные на стоянке кости животных определены проф. В. И. Цалкиным, а рыбные кости — В. Д. Лебедевым в Ихтиологической лаборатории Московского государственного университета.

других домашних животных не найдено. Следует все же отметить, что в верхних горизонтах наиболее отдаленной от реки части поселения костный материал не сохранился. Однако именно там была найдена более поздняя керамика.

Как свидетельствует добытый до сих пор материал, население в Вилла обитало в течение продолжительного времени, за которое произошли изменения в керамике. Судя по расположению в слое разных видов керамики, кажется вероятным, что и это поселение с течением времени, в связи с повышением уровня воды, продвинулось несколько дальше вверх на более сухой участок. Более ранняя часть стоянки, которая в свое время была расположена на самом берегу реки, позже оказалась под водой, как на это указывают находки, обнаруженные на дне реки. Заключается ли причина этого явления только в повышении уровня воды или здесь имело место также известное перемещение русла реки, пока не выяснено. Возможно, что перемещение поселения было связано и с некоторыми изменениями в способах добывания средств к существованию обитателей поселения.

На поселении Тамула до сих пор раскопана площадь в 356 м². Здесь добыт интересный и разнообразный материал.[1] Культурный слой, достигающий мощности 30—40 см, лежит в торфе, на низком мысу берега озера и покрыт слоем черного торфа толщиной 20—70 см. Непосредственно под культурным слоем залегает коричневатый травяной торф, под которым находится озерный мергель. Торф, покрывающий культурный слой на обращенной к берегу части поселения толще, а дальше от озера выклинивается. На стрелке мыса культурный слой доходит непосредственно до воды, так что волны частично разрушили край поселения, лежащий ниже современного уровня озера. От оконечности мыса в глубь суши поселение простиралось, по-видимому, на расстояние около 50 м. Раскопки производились преимущественно на конце мыса. В обращенной к озеру части раскопа были вскрыты остатки очагов в виде пятен крупного песка с золой и с вкраплениями угля, где встречались и 10—20-сантиметровые камни. Непосредственно возле одного из очагов находился нижний конец вбитой вертикально в землю свай. На поселении встречались концы еще многих других вбитых в землю свай. Можно думать, что эти сваи представляют собой остатки легких жилищ. Но вследствие небольших размеров раскопанной площади у нас еще нет определенных данных для их реконструкции.

Кроме обычного инвентаря, в Тамула были обнаружены и погребения. Костяки располагались или в культурном слое, или непосредственно под ним. Двенадцать костяков лежали на спине в вытянутом положении, шесть — в скорченном виде, а три погребения сохранились только ча-

---

[1] Материал из раскопок 1938—1946 гг. опубликован в работе: Янитс, Новые данные, стр. 159—204. Отчет о раскопках 1955 и 1956 гг. хранится в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Инвентарь — ИИ № 4118.

стично, в разрушенном виде.[1] В некоторых погребениях удалось установить могильный инвентарь, который аналогичен другим находкам со стоянки. Покойники, несомненно, были погребены во время существования поселения.

Благодаря торфяному покрову над культурным слоем, на стоянке наряду с каменными предметами хорошо сохранился и костяной инвентарь. Керамики найдено сравнительно мало. Сосуды хрупкие, изготовлены из массы, содержащей иногда озерные ракушки, и слабо обожжены. Поэтому здесь встречались преимущественно мелкие пористые черепки, которые в большинстве случаев не позволяют определить ни величину сосудов, ни их форму. Орнамент состоит главным образом из узких гребенчатых отпечатков и расположенных без определенного порядка ямочек. Для орнаментации применялся своеобразный гребенчатый штамп с овальными в сечении зубцами, характерный для керамики со стоянки Риннюкалнс в Латвийской ССР. Особого внимания заслуживает другой вид черепков, принадлежащих к шнуровой керамике. Они происходят от лучше обожженных плоскодонных сосудов, имеющих твердый, с примесью дресвы состав и более тонкие стенки; сосуды орнаментированы отпечатками шнура, идущими вокруг слегка профилированной горловой части. Под отпечатками шнура иногда встречается ряд небольших плоских ямочек. Шнуровая керамика встречается лишь в верхнем горизонте культурного слоя, где она залегает рядом с характерной для поселения поздней ямочно-гребенчатой керамикой плохого качества, уступая последней в количестве.

Орудий охоты и рыбной ловли также найдено мало. Большинство из них составляют наконечники стрел, среди которых имеются тонкие иволистные костяные и разной формы кремневые. Попадаются отдельные обломки наконечников гарпунов с редкими зубцами и просверленным отверстием на конце стержня, а также костяных наконечников копий. Из орудий рыбной ловли заслуживают внимания изготовленный из бивня кабана рыболовный крючок и часть составного костяного крючка с несколькими зубцами.

Довольно много найдено на поселении орудий для обработки разного вида сырья. Особенно бросается в глаза количество орудий для обработки кожи и дерева, в то время как орудий для обработки камня мало. Для обработки дерева служили в первую очередь долота; здесь встречаются долота, изготовленные как из камня, так и из кости. Для Тамула характерны небольшие короткие, но широкие долота из сланца, среди которых имеется несколько желобчатых экземпляров и целый ряд когтевидных. Из кости изготовлены долота с узким лезвием. Из орудий для обработки кожи следует упомянуть костяные шилья, кремневые скребки и ножи. Большинство кремневых предметов в Тамула имеют небольшие, а иногда и совсем миниатюрные размеры. Встречается целый ряд скребков диаметром около 1 см и еще меньше. Найдены также резцы, употреблявшие-

---

[1] Jaanits, Neue Gräberfunde, стр. 80—100.

ся для обработки кости и рога. Фрагментов шлифовальных камней сравнительно мало.

Среди инвентаря поселения встречается довольно много украшений и предметов, связанных с религией. Первым долгом следует упомянуть небольшие фигурки, изготовленные из костяных пластинок, которые носили в качестве подвесок. К сожалению, они найдены большей частью в поломанном виде. Три такие фигурки изображают человека, по-видимому мужчину, судя по ясно различаемым усам и бороде на одной, наиболее детально обработанной фигурке. Несколько костяных фигурок, изображают животных: кабана, лося, змею, водоплавающих птиц. Некоторые из этих фигурок связаны с погребениями. Кроме костяных фигурок, на стоянке найдена схематическая глиняная фигурка, в которой антропоморфные черты как бы сочетаются с зооморфными.

На стоянке обнаружено много привесок с просверленными отверстиями. Они изготовлены из зубов животных, костяных пластинок, тонких трубчатых костей птиц и из янтаря. Многие из них относятся к погребениям, где их расположение около лежащих в вытянутом положении скелетов указывает на то, что их носили главным образом прикрепленными к одежде. По сравнению с другими стоянками Эстонской ССР, Тамула особенно богата янтарем. Всего здесь найдено примерно 100 кусков янтаря, в основном в виде пластинок с просверленным отверстием. Среди других предметов из янтаря следует отметить пронизки и пуговки с V-образным сверлением. Семь больших янтарных привесок, среди них треугольная пластинка с четырьмя просверленными отверстиями, находились близко друг от друга непосредственно в нижнем горизонте культурного слоя. Там же найдены костяной кинжал с орнаментом, костяная игла и около десятка привесок из зубов. Очевидно, эти предметы представляют собой зарытый на территории стоянки клад. Янтарные вещи находились обыкновенно в наиболее глубоких горизонтах культурного слоя, где они залегали вместе с ямочно-гребенчатой керамикой. В верхних горизонтах культурного слоя, содержащих шнуровую керамику, янтаря почти не было.

В центральной Эстонии, на северо-западном берегу озера Выртсъярв, в Вильяндиском районе, расположена стоянка В а л м а, на которой производились раскопки в 1950 г. и в 1953—1955 гг.[1] Стоянка расположена на участке, несколько вдающемся в озеро, на невысоком бугре, который в своей западной части соединяется с береговым валом. Во время весенних паводков окрестность часто затапливается; бугор же, как об этом свидетельствуют местные жители, остается над водой. Бугор продолжительное время использовался под поле. При вспашке там попадалась керамика, в прежнее время довольно большими черепками. Следовательно,

---

[1] Отчет о раскопках хранится в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Находки — ИИ № 3996 : 1—8; 4022 : 1—5870. Некоторые вещи опубликованы в сборнике «Древние поселения и городища», рис. 53, 54, табл. XLVII : 4, 7. См. также КСИИМК 54, стр. 13, рис. 5 и Известия АН ЭССР, т. III, 1954, стр. 368, рис. 1; т. IV, 1955, стр. 39, рис. 1 (О. В. Саадре).

культурный слой располагался непосредственно под дерновым покровом, и его верхние горизонты до глубины 20—25 см сильно перемешаны. Более глубокие же пласты культурного слоя сохранились почти нетронутыми.

Во время раскопок обследована площадь в 992 м², которая охватывает почти всю территорию поселения.

На бугре под верхним слоем гумуса залегал песчанисто-гравийный слой, в котором было много булыжника. Содержание последнего возрастает по направлению к береговой линии. Камни залегают в 3—4 слоя. На самой береговой линии и вблизи нее встречаются отдельные более крупные валуны, которые проходят через слой гумуса и несколько слоев булыжника. Большинство камней, по-видимому, принесено сюда льдом с озера еще до возникновения стоянки, так как культурный слой охватывает верхние слои камней и располагается над ними. Только на береговой линии некоторые камни, среди них довольно крупные, лежат выше культурного слоя. На остальных склонах бугра песчанисто-гравийный слой, содержащий булыжник, постепенно выклинивается и совершенно исчезает. Подстилающий слой состоит повсюду из мелкого белого песка.

Находки встречаются в гумусовом слое и между расположенными под ним камнями. Местами находки встречаются и в подстилающем песке. На бугре культурный слой достигает мощности 40—50 см, на склонах же мощность его значительно меньше и он менее насыщен инвентарем. Обращенная к озеру часть стоянки доходит до берегового вала, где культурный слой достигает наибольшей мощности — 1 м. Возможно, что прилегающий к озеру край стоянки с течением времени был размыт водой.

Стоянка Валма была повторно заселена. Глубже всего отложился культурный слой, относящийся к неолиту, для которого характерной является типичная ямочно-гребенчатая керамика. Позже на этом же бугре некоторое время обитала древняя скотоводческая община, о чем свидетельствует наличие здесь шнуровой керамики, свойственной культуре боевых топоров, и обушная часть ладьевидного топора.[1] Последний найден на поле при вспашке, тогда как шнуровая керамика залегала в общем в более высоком горизонте, чем ямочно-гребенчатая керамика. Еще выше, особенно в пахотном слое, встречалась поздняя керамика I—II тысячелетий н. э., в том числе изготовленная на кругу, и некоторые металлические вещи.

Наибольшей мощностью и наилучшей сохранностью отличается неолитический слой.

Хотя поселение раскопано почти полностью, все же непосредственных следов жилищ не найдено. Вскрыто лишь несколько очагов, часть которых могла находиться и в жилищах. Очаги древнейшего поселения представляли собой углубления в песке, заполненные вследствие долгого употребления раскрошившимися угольками. В верхнем горизонте культурного слоя имелись очаги округлой формы, сложенные из камней. Пока не-

---

[1] ИИ № 4022 : 3006.

возможно сказать, связаны ли эти последние с культурой боевых топоров или с комплексом ямочно-гребенчатой керамики.

На краю поселения было обнаружено два погребения. Покойники — мужчина средних лет и молодая женщина — были захоронены в вытянутом положении и покрыты только тонким слоем песка. Под черепом мужчины лежали две костяные фигурки животных, а под черепом женщины — такая же фигурка из янтаря.

Бóльшую часть инвентаря поселения составляет ямочно-гребенчатая керамика. Глиняные сосуды хорошо обожжены, тверды и обычно содержат в своем тесте много дресвы. Черепки принадлежат круглодонным сосудам разной величины. Орнамент их довольно однородный и состоит из оттисков гребенчатого штампа и глубоких круглых ямочек, нанесенных преимущественно попеременными зонами. Наряду с рядами простых вдавлений встречаются и образованные гребенчатым штампом ромбы и треугольники или же зигзагообразные линии из маленьких ямочек. Встречаются черепки, на которых гребенчатые оттиски заменены рядами вдавленных линий, перемежающимися с поясками ямочек. Небольшое количество черепков сосудов украшено только ямочками разных размеров или ямочками и кольцеобразными вдавлениями. Наряду с горизонтальными поясками иногда встречается и вертикальное расположение орнаментальных мотивов. Только небольшая часть керамики имеет пористый состав и орнамент, характерный для поздней ямочно-гребенчатой керамики.

Черепки шнуровой керамики, отличающиеся от предыдущих более тонким составом, обнаружены в меньшем количестве. Ряд черепков этого типа украшен елочным орнаментом. Точно такая же керамика представлена на территории Эстонской ССР в могилах с ладьевидными топорами.[1] На горловой части некоторых других сосудов встречаются отпечатки шнура, различные ямочки или валики.

Наряду с керамикой в инвентаре стоянки попадаются небольшие кремневые изделия: скребки, ножи, резцы и острия. Кремневые наконечники стрел и дротиков имеют большей частью заостренно-овальную или продолговато-треугольную форму и суживающийся черешок. Для изготовления предметов частично использовался местный кремень, встречающийся в непосредственной близости к поселению. В культурном слое имеется также довольно много кремневых осколков. Из шлифованных каменных предметов следует отметить несколько небольших долот, в том числе когтевидные. Встречаются и шлифовальные камни, большей частью, однако, в виде фрагментов. Изделий из кости, так же как и необработанных костей животных, сохранилось мало. Найден десяток фрагментов рыболовных крючков, которые в своем большинстве являются, очевидно, составными крючками. В виде фрагментов найдены узкое

---

[1] Я н и т с, Поздненеолит. могильники, стр. 55, 57, рис. 15 : 5; 16 : 8.

долото, ряд проколок и подвески из зубов животных. Из рога изготовлено тесло и несколько рукояток для небольших орудий.

Сохранившийся остеологический материал принадлежит рыбам и диким зверям.[1] В инвентаре стоянки имеется и несколько десятков кусков янтаря, среди них пуговицы с V-образным сверлением.

Судя по комплексу ямочно-гребенчатой керамики, инвентарь стоянки Валма был довольно однообразным. Все же керамика здесь несколько более разнообразна, чем, например, в Ломми (из раскопок 1940 г.). В типичной, в основном геометрической орнаментике ямочно-гребенчатой керамики начинают проявляться уже некоторые черты, наиболее ясно выраженные, например, в керамике из северного раскопа стоянки Ягала.

Поселение Ундва расположено в Кингисеппском районе, в северо-западной части острова Сааремаа, на полуострове Таганээме, вдающемся в Балтийское море. В настоящее время это место находится на расстоянии 1,5 км от берега моря, но вполне вероятно, что поселение в период своего существования непосредственно омывалось морем, так как в течение последних 4000 лет материк поднялся здесь на 12—13 м. Примерно 2000 лет до н. э. окрестность поселения представляла собой островок длиной около 1 км, отделенный от основного острова проливом.

Культурный слой на склоне спускающейся к морю дюны, по-видимому на прежней береговой линии, в значительной степени перемешан действием ветра. Здесь в течение продолжительного времени были найдены отдельные каменные долота, кремневые осколки, черепки глиняных сосудов и кусок янтаря.[2] Границы стоянки точно не установлены, но по данным фосфатного анализа почвы культурный слой занимает по склону площадь длиной примерно в 200 м и шириной в несколько десятков метров.[3]

Произведенные на стоянке раскопки дали главным образом керамику.[4] Бóльшая часть черепков принадлежит круглодонным сосудам со стенками толщиной в 1—2 см, на днище даже до 3 см. Глиняное тесто насыщено песком; черепки твердые и сравнительно хорошо обожжены. В орнаменте встречаются угловатые неправильной формы ямочки, следы гребенчатого штампа с редкими зубцами и вдавленные линии. Орнамент редкий и состоит только из одного или двух поясков под краем сосуда. Часто встречаются вертикальные зигзагообразные мотивы, обычно образованные гребенчатыми оттисками или вдавленными линиями, располо-

---

[1] В Валма найдены и некоторые кости домашних животных. Хотя неизвестно, из какого горизонта культурного слоя они происходят, все же кажется, что они относятся к одному из более поздних комплексов находок. Определены К. Паавером.

[2] Н. Моога, Saaremaa muinasaeg. Tartu 1933, стр. 32, рис. 18 : 1.

[3] Анализы почвенных проб Ундва произведены Л. Х. Веллесте в лаборатории сектора археологии Института истории АН ЭССР.

[4] Раскопки Р. Индреко. Планы раскопок хранятся в секторе археологии Института истории АН ЭССР. Находки — ИИ № 2491 : 1—5; 3822 : 8—9; 3951 : 1—455. Некоторые вещи опубликованы в КСИИМК 54, стр. 9, рис. 3 и стр. 11, рис. 4.

женные вперемежку с горизонтальными поясами вдавлений. Края сосудов сверху узкие, простые и большей частью без украшения. Довольно часто внешняя и внутренняя поверхности сосудов заштрихованы. Особенно ясные следы штриховки имеются на нижней, неорнаментированной части наружной поверхности. По сравнению с ямочно-гребенчатой керамикой из поселений материковой части Эстонии, керамика Ундва имеет ярко выраженные своеобразные черты.

Среди найденных на стоянке каменных предметов имеются 4 небольших долота, одно из них с желобчатым лезвием. Кремневых изделий, как и кремневых осколков, в инвентаре стоянки очень мало. Для изготовления скребков, скребел, ножей, сверл и других орудий, которые обычно делались из кремня, здесь употреблялись кварц и другие местные породы. Костяные изделия не сохранились, за исключением одного долота с узким лезвием. На стоянке Ундва найдено также несколько рыхлых кусочков янтаря, которые происходят, очевидно, с побережья самого острова Сааремаа, где янтарь местами встречается в небольшом количестве.

Примерно в 15 км к югу от поселения Ундва, на западном берегу о. Сааремаа находится поселение Лоона. Оно расположено на низкой гравийной гряде, которая во время использования поселения, по-видимому, представляла собой береговой вал. В 1956 и 1957 г. здесь была вскрыта площадь в 245 м^2, охватывающая большую часть сохранившейся от поселения территории.[1]

Культурный слой поселения Лоона начинается непосредственно под дерновым покровом и имеет толщину в среднем 30—40 см. Остатков построек не было обнаружено и даже не было вскрыто ни одного целиком сохранившегося очага. Инвентарь поселения состоит преимущественно из керамики. Последняя содержит в своем составе значительное количество дресвы. Сосуды обычно толстостенные и имеют прямой или чуть отогнутый наружу край. Книзу они суживаются и имеют обыкновенно, по-видимому, плоское дно. По своей форме, поскольку последнюю можно установить, эти сосуды напоминают керамику культуры Киукайнен в юго-западной Финляндии.[2] Орнамент имеется обычно только с внешней стороны под краем сосуда и состоит из небольших ямочек, гребенчатых и желобчатых отпечатков. Орнамент в общем редок и вдавлен слабо. Чаще всего поверхность сосудов покрыта штриховкой. Эта керамика представляет собой как бы дальнейший этап развития керамики, типич-

---

[1] В 1956 г. раскопки на поселении Лоона велись в связи с раскопками могильника XIII в. В 1956 г. они производились под руководством научного сотрудника сектора археологии А. Кустин, а в 1957 г. под руководством Л. Янитса. Отчеты о раскопках и находки хранятся в секторе археологии Института истории АН ЭССР под номером ИИ № 4129 : 1—1369. Культурный слой поселения был частью разрушен при прокладке дороги, частью постройками и погребениями XIII в. Однако поселение и первоначально имело незначительные размеры.

[2] C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur. SMYA 53, Helsinki 1954, рис. 77—82.

ной для Ундва, причем она имеет некоторые сходные черты с керамикой типа Киукайнен в Финляндии.

Из каменных изделий в Лоона были найдены тесло и ряд долот, в том числе некоторые когтевидные и одно желобчатое. Эти предметы изготовлены в основном из кристаллических пород, а некоторые также из сланца. Кремень на этом поселении почти отсутствует. Мелкие изделия — скребки, ножи, резцы — изготовлены из кварца. Найден также наконечник дротика из кварца. Костный материал в общем сохранился в нижней части культурного слоя. Среди костяных изделий имеется сравнительно много фрагментов наконечников гарпунов с крупными зубцами. Это свидетельствует о том, что население Лоона занималось охотой на морского зверя. Довольно много встречается также костяных шильев и долот, изготовленных из трубчатых костей. Из украшений можно отметить пластичные привески с волнистым краем, треугольные бляшки из клыков кабана и пронизки из трубчатых костей птиц. Аналогии обоим последним видам украшений имеются в могильном инвентаре из Тамула.[1] На поселении найдено также около десятка кусков янтаря. Эти куски специально не обрабатывались, но некоторые из них имеют сверлины, следовательно их носили в качестве привесок. Среди остеологического материала много костей рыб, а также тюленей и кабанов.[2]

Летом 1958 года на острове Сааремаа было обнаружено еще третье неолитическое поселение, расположенное в юго-западной части острова, в деревне Хирмусте на холме Наакамяэ. В результате произведенных на поселении предварительных раскопок были обнаружены поздняя ямочно-гребенчатая керамика, предметы из камня и кости, а также кости животных.[3] Судя по керамике, поселение Наакамяэ является более древним, чем оба вышеназванных поселения на острове Сааремаа.

Также и на территории Латвийской ССР поселения нередко расположены группами. Одна такая группа находится в северной Латвии, в бассейне Буртниекского озера, и включает стоянки Риннюкалнс, Звейниеки и Кауленкалнс. Более крупная группа стоянок зарегистрирована в восточной Латвии, в Лубанско-Айвиекстской низине, где обнаружен целый ряд стоянок, как Звейниеки, Лиезере, Личагалс, Рамслава и Ича. Стоянки существовали, несомненно, и на берегу Лубанского озера, где собрано много костяных изделий. Ряд поселений за последние годы был вскрыт в окрестностях озера Лудза. В юго-восточной Латвии известны стоянки на берегу реки Даугавы в Адамове и на берегу реки Двиете. В западной части Латвийской ССР исследованы стоянки на западном берегу Рижского залива в Пурциемсе. Остальные стоянки западной Латвии, Сарнате на берегу Балтийского моря, Силиньупе на побережье Рижского залива

---

[1] Jaanits, Neue Gräberfunde, рис. 4 : 14, 15.

[2] Определены К. Паавером.

[3] Находки — ИИ № 4211 : 1—114.

и Леяс-Цискас на берегу оз. Зебрус, по имеющимся данным, расположены поодиночке.[1]

Еще в 1870-х годах были открыты стоянки на берегу Буртниекского озера. Из них внимание исследователей привлекла прежде всего стоянка Риннюкалнс[2] своим мощным нагромождением раковин и хорошо сохранившимися изделиями из кости. На стоянке повторно были произведены раскопки, но отчеты о них не сохранились. Были найдены главным образом керамика и костяные изделия, довольно много янтаря, но каменных изделий оказалось там довольно мало. В культурном слое, между прочим, открыт ряд захоронений, большинство которых, судя по найденным в могильном инвентаре монетам, относится к XV—XVI векам н. э. Все же возможно, что некоторые захоронения, инвентарь которых не удалось установить, относятся к неолиту.[3]

Керамика Риннюкалнса довольно однообразна. Сосуды изготовлены из теста со значительной примесью озерных ракушек, имеют толстые стенки и неровную поверхность, на которой довольно часто видны легкие следы штриховки. Для нанесения орнамента применялся своеобразный гребенчатый штамп с редкими овальными в сечении зубцами, расположенными перпендикулярно направлению штампа. Вдавления такого штампа выглядят как ряд овальных точек. Часто под краем сосуда расположены две горизонтальные линии, образованные гребенчатыми вдавлениями, а под ними, как обычно, поперечные вдавления гребенчатого штампа, расположенные поясами; между последними встречается ряд неглубоких ямочек. Иногда гребенчатый штамп образует вертикальные зигзагообразные линии, которые по своему расположению напоминают соответствующий орнамент на керамике из Ундва и Ягала. Только изредка встречаются другие узоры, образованные оттисками гребенки или ямочками. Кроме оттисков гребенчатого штампа, в Риннюкалнсе

---

[1] Обзор стоянок Латвийской ССР дает H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952, стр. 13 и сл. См. тоже RK, стр. IX—XI, стр. 1—4, табл. 1 : 1—34, 41—51. Katalog der Ausstellung zur Konferenz Baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga 1930, стр. 8 и сл. Ebert, Die baltischen Provinzen, стр. 507 и сл., стр. 522 и сл. E. Šturms, Akmenslaikmets Latvijā. I. Dzīvesvietas. Latvijas Vēstures Pirmavoti V, Rīgā 1927. Брюсов, Очерки по истории племен, стр. 169 и сл.

[2] Ebert, Reallexicon IX, стр. 145 и сл., где имеются ссылки и на другую литературу. Большая часть находок из Риннюкалнса хранится в ИИ (№ 1169 : 1—9; 1185 : 1—5; 1234 : 1—140; 1368 : 1—224; 1392 : 1—397). Находки из Риннюкалнса имеются и в МИЛ и др.

[3] A. Sommer, Der Rinne-Kalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands. Separatabdruck aus dem Archiv für die Naturkunde Liv-, Ehst- und Kurlands, Serie II, B. IX, Lief. 5, Dorpat 1884, стр. 5 и сл. По мнению Зоммера, все захоронения относятся к позднему периоду (указ. соч., стр. 27 и сл.), но, принимая во внимание открытые в последние годы могильники на неолитических стоянках на территории Восточной Прибалтики, кажется возможным, что и некоторые захоронения Риннюкалнса принадлежат к неолиту. Однако выделить последние из числа других невозможно.

применялись также оттиски так называмой перевитой веревочки и ряды овальных точек, имитирующих гребенчатые вдавления. Последние встречались также в северном раскопе Ягала. Как правило, орнамент на поверхности сосуда редкий, и пока еще не выяснено, доходил ли он до нижней части сосуда. Среди хранящихся в музеях материалов с Риннюкалнса имеется очень мало керамики, притом только крупные черепки, хотя стоянка раскопана целиком. Поэтому можно полагать, что при прежних раскопках на керамику не обращалось достаточно внимания и собирались лишь более крупные орнаментированные черепки.

Разнообразные костяные изделия Риннюкалнса неоднократно рассматривались в литературе. Не останавливаясь здесь подробно на них, укажем лишь на большое сходство некоторых форм костяных предметов с таковыми с Лубанского озера (конические наконечники стрел, птичьи фигурки, ножи или булавки с фигуркой птицы на конце и т. п.) и со стоянки Тамула (иволистные наконечники стрел, кинжалы, узколезвийные долота, птичьи фигурки, привески из птичьих трубчатых костей).

Вторая, находящаяся вблизи Буртниекского озера стоянка — Звейниеки дает отличный от инвентаря Риннюкалнса материал. Преобладают мелкие кремневые изделия и кремневые осколки, изделия же из кристаллических пород и кости, а также керамика встречаются в значительно меньшем количестве.[1] Это, несомненно, частично обусловлено тем, что материал получен не путем систематических раскопок, а в качестве подъемного.

На основании имеющегося материала можно утверждать, что в Звейниеки мы имеем дело с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, украшенной чередующимися поясами аккуратно нанесенных оттисков гребенчатого штампа и глубоких круглых ямок. Часто встречаются ромбы, образованные гребенчатыми вдавлениями; наблюдаются и горизонтальные зигзагообразные линии. Сосуды хорошо обожжены и большей частью изготовлены из глиняного теста с примесью дресвы. Однако не вся происходящая из Звейниеки керамика однообразна. Встречаются отдельные черепки, украшенные только ямками и кольцеобразными вдавлениями. Аналогичные черепки были найдены и в Валма. Среди находок из Звейниеки имеются черепки, по своему тесту и орнаменту похожие на керамику Риннюкалнса.

Обильный кремневый инвентарь стоянки Звейниеки состоит почти целиком из мелких орудий. Помимо нескольких дротиков, он содержит овально-ромбические и треугольные наконечники стрел, скребки разной формы, ножи, резцы и много маленьких кремневых пластинок, которые употреблялись, возможно, в качестве вкладышей для костяных орудий. Самих костяных изделий сохранилось очень мало. Имеющиеся фрагменты этих изделий (конический наконечник стрелы, проколки) похожи на соот-

---

[1] Большая часть находок из Звейниеки хранится в ИИ № 1183 : 1—83; 1235 : 1—462; 1391 : 1—168. Они имеются и в МИЛ и др.

ветствующие орудия из Риннюкалнса. В Звейниеки встречается отдельными кусочками и янтарь. Из каменных изделий можно указать на несколько долот и на кусок крупного сланцевого кольца с зубчатым краем.

Третьей стоянкой, находящейся на берегу Буртниекского озера, является Кауленкалнс. Она находится между обеими ранее рассмотренными стоянками, как в отношении своего местоположения, так, повидимому, и хронологически. Подъемный материал, собранный с этой стоянки, очень немногочислен.[1] Керамика Кауленкалнса содержит в тесте озерные ракушки. По орнаментике одна часть черепков совершенно похожа на керамику Риннюкалнса, а другая украшена обычными поясами гребенчатых оттисков и ямочек и, таким образом, скорее похожа на керамику из Звейниеки.

Из группы стоянок Лубано-Айвиекстской низины в восточной Латвии более или менее значительные археологические раскопки проведены на поселении Ича. Однако и здесь большинство предметов собрано при рытье канала для выпрямления русла реки. Инвентарь поселения весьма разнообразен и имеет много общего с материалом поселений района устья реки Эмайыги.[2] Как свидетельствуют найденные в Ича материалы, жизнь на этой стоянке существовала в течение очень продолжительного времени и в основном в тот же период, что и на поселениях приустья реки Эмайыги. К сожалению, культурный слой здесь в значительной мере поврежден более поздними погребениями и поэтому при раскопках установить стратиграфию не удалось.

Преобладающая часть керамики Ича является ямочно-гребенчатой. Типичная ямочно-гребенчатая керамика изготовлена из глиняного теста с примесью дресвы. Черепки украшены чередующимися поясками оттисков гребенчатого штампа и ямочек. Орнамент нанесен тщательно и покрывает как будто всю поверхность сосуда.[3] Встречаются геометрические мотивы, образованные гребенчатым штампом. Попадаются вдавления, сделанные перевитым шнуром, а также следы шнурового штампа. Наряду с этой типичной ямочно-гребенчатой керамикой встречается много пористых черепков без содержания дресвы. Эти фрагменты украшены или желобчатыми вдавлениями, или только ямочками; часто они и вовсе не украшены. Среди этой группы керамики встречаются сосуды в виде небольших продолговатых блюдечек. Часть черепков глиняных сосудов напоминает своим орнаментом керамику Риннюкалнса. Среди имеющегося материала встречаются в виде отдельных фрагментов и другие виды керамики — шнуровая, текстильная и керамика с жилистой поверхностью.

Кроме керамики, на стоянке найдено много изделий из кремня и кости. Все без исключения кремневые предметы представляют собой мелкие орудия — наконечники стрел, скребки, ножи и т. п. Одних толь-

---

[1] МИЛ № 6204—6205.

[2] Материалы стоянки Ича хранятся в МИЛ № 64138—64164; 64169—64207; 64211.

[3] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 3.

ко наконечников стрел насчитывается 60 экземпляров. Каменных долот пока найдено только 6. Среди костяных изделий имеется около 30 наконечников стрел, в том числе сравнительно много конических. В большом количестве представлены разные костяные орудия труда, как-то: проколки, долота, кочедыки и т. д. Много долот из рога, аналогичных экземплярам, найденным в Акали и на дне реки Пярну. Наконечники гарпунов и острог представлены лишь 3—4 фрагментами. Из редко встречающихся предметов следует указать на два рыболовных крючка и на костяной гребень. Материал из Ича содержит очень много янтаря — 48 обработанных и 76 необработанных кусков. По образцу янтарных привесок на стоянке изготовлялись такой же формы костяные привески. Наконец, нельзя не упомянуть фрагмент костяной скульптуры, изображающей голову человека или какой-то птицы.

Поселение Ича, существовавшее, по-видимому, в течение очень продолжительного времени, заслуживает дальнейшего внимательного исследования.

Археологический материал с остальных стоянок восточной Латвии пока очень немногочислен и имеет пробелы. Поэтому он не дает достаточного основания для суждения о продолжительности существования этих поселений. Небольшие раскопки производились на стоянках Личагалс, Звейниеки и Лиезере. Керамика Личагалса[1] сравнительно однотипна, украшена ямочно-гребенчатым орнаментом. Встречаются образованные гребенчатым штампом геометрические мотивы. Наряду с круглыми ямками наблюдаются продолговатые и четырехугольные. Кремневый инвентарь довольно обилен и содержит ряд мелких орудий, среди них ромбические и треугольные наконечники стрел и кремневых отщепов. На месте расположения стоянки собраны каменные долота и фрагмент проушного топора. Найдено несколько кусков янтаря.

Стоянка Звейниеки (на берегу озера Вирапе)[2] также дала главным образом типичную ямочно-гребенчатую керамику. Вследствие значительного содержания дресвы в составе глиняных сосудов орнамент на них вдавлен сравнительно слабо, но часто и аккуратно. Наряду с такими черепками встречается и пористая керамика плохого обжига с неровной и неорнаментированной поверхностью. Найдено довольно много обычных мелких кремневых орудий и осколков кремня. Среди каменных изделий можно отметить одно небольшое долото, а из янтарных предметов найден лишь фрагмент просверленной привески.

При раскопках на стоянке Лиезере[3] найдены три сложенных из камней очага, диаметром около 60 см. Культурный слой здесь содержал керамику и кости животных. Фрагменты керамики украшены преимуще-

---

[1] МИЛ № 439—442; 2937—2942; 4995; 4996; 5000; 5002—5006; 6201—6203; 8401; 8928; 9113—9120; 9184.

[2] МИЛ № 8404—8419; 9102.

[3] Часть находок из Лиезере хранится в МИЛ № 7426. Находки из раскопок хранятся в том же музее (в коллекциях бывшего Рижского Домского музея).

ственно зонами из оттисков гребенчатого штампа; встречаются ямки и линии. Орнамент редкий, приближается по расположению к керамике Риннюкалнса. Часть черепков не имеет орнамента. Помимо ямочно-гребенчатой керамики, в Лиезере обнаружено довольно значительное количество более поздней керамики. Число же каменных и костяных изделий стоянки небольшое. Из каменных изделий привлекает внимание небольшое когтевидное долото.

Стоянка Рамслава известна лишь по немногим собранным на ней случайным находкам.[1] Черепки глиняных сосудов густо покрыты поясами аккуратно вдавленных оттисков гребенчатого штампа, между которыми иногда встречаются нанесенные концом этого же штампа четырехугольные ямочки. На некоторых черепках орнамент более редкий, другие же не имеют орнамента. Вместе с керамикой найдены кремневые наконечники стрел вытянутой ромбической формы.

Отдельные случайные находки известны также со стоянки Адамова в юго-восточной Латвии, на среднем течении реки Даугавы.[2] Обнаруженные там черепки глиняных сосудов принадлежат к типичной ямочно-гребенчатой керамике.

Очень большое количество случайных находок, особенно костяных предметов, получено с Лубанского озера и реки Двиете.[3] Как свидетельствует подъемный материал, на берегах этих водоемов существовали разновременные стоянки, начиная с мезолита и кончая эпохой металла. Оба местонахождения нуждаются еще в дальнейшем исследовании.

В результате работ латышских археологов в последние годы была вскрыта группа поселений в районе озера Лудза, исследование которых ведется в настоящее время. Возле одного поселения был обнаружен и отчасти исследован неолитический могильник. На берегу оз. Цирма, около деревни Кивти, при раскопках позднего могильника были обнаружены остатки поселения, содержавшие текстильную керамику.[4]

В западной Латвии пока известны лишь немногие неолитические стоянки. Группа стоянок расположена на дюнах западного побережья Рижского залива в Пурциемсе.[5] Их культурные слои занесены песком. Находки обнаружены здесь в шести разных местах. Не все стоянки относятся к одному и тому же периоду. Наиболее древней среди них следует считать Пурциемс Е.[6] Происходящие с этой стоянки черепки глиняных сосудов нередко украшены чередующимися поясками оттисков гребенчатого штампа и круглых ямочек, причем довольно часто встречаются

---

[1] МИЛ № 5541—5545; 9107; 9401.

[2] Находки из Адамова хранятся в Екабпилсском музее.

[3] Sen. un M. 1938 I, стр. 71 и сл.; 1939, стр. 31 и сл.

[4] Вещи хранятся в Институте истории и материальной культуры АН Латвийской ССР и в краеведческом музее в Лудзе. Сведения о находках получены от Э. и Р. Шноре и Ф. Загорскиса.

[5] Sen. un M. 1937 I, стр. 46 и сл.; 1937 IV, стр. 83 и сл.

[6] МИЛ № 9125.

образованные гребенчатыми вдавлениями ряды ромбов. Но здесь встречается и другой орнамент: на некоторых черепках, например, имеются лишь небольшие ямки. Большая же часть черепков не имеет вовсе орнамента. Кажется вероятным, что культурный слой стоянки не сохранился в неприкосновенном виде, и что к нему, возможно под действием ветра или воды, примешан поздний материал. Со стоянки получено довольно много мелких кремневых изделий, среди них наконечник стрелы продолговато-треугольной формы с суживающейся черешковой частью, и кремневых осколков. Из каменных изделий найден обломок совсем маленького желобчатого долота из сланца.

Стоянка Пурциемс С дала другого вида керамику.[1] Здесь встречаются сосуды различной формы: наряду с сосудами, суживающимися книзу и имеющими прямые стенки, попадаются черепки сосудов с профилированной горловой частью. Поверхность сосудов почти всегда неровная, нередко грубо заштрихованная. Орнамент редкий. Он состоит главным образом из маленьких неправильной формы ямок, расположенных редкими рядами. В единичных случаях попадаются кольцеобразные вдавления, насечки и отпечатки гребенки с редкими зубцами. Особо следует упомянуть группу черепков, украшенных тонкими линиями. Последние размещены в виде одного или двух горизонтальных поясков под краем, на самом же краю имеются Z-образные вдавления. Эти черепки также имеют заштрихованную поверхность и сходны по составу и обжигу с прочей керамикой стоянки. Помимо черепков, на стоянке найдены 3 глиняные человеческие фигурки, украшенные таким же орнаментом из насечек и ямок, как и фрагменты сосудов. Каменных изделий пока не обнаружено, зато найдено много янтаря, в том числе пластинчатые привески и пуговицы с V-образным сверлением. Большинство же кусочков янтаря не обработано.

Керамика стоянки Пурциемс D[2] в общем сходна с керамикой из Пурциемс С, но она еще слабее орнаментирована. Для украшения применялись только неглубокие ямки, расположенные большей частью беспорядочными рядами. Часто поверхность глиняных сосудов покрыта штриховкой, но также сравнительно слабой. И здесь найдено много кусков янтаря, бóльшая часть которых не обработана. Кроме того, стоянка дала много кальцинированных костей животных и рыб. Единственным каменным орудием является резец из кварца.

Со стоянок Пурциемс А[3], В[4] и F[5] получено немного керамики, а со стоянки F также необработанные куски янтаря. Керамика почти без орнамента и имеет неровную поверхность, на которой иногда видны слабые следы штриховки.

---

[1] МИЛ № 9123.
[2] МИЛ № 9124; 9158.
[3] МИЛ № 9121.
[4] МИЛ № 9122.
[5] МИЛ № 9126.

Керамика со стоянок Пурциемс имеет заметно однородный, мелкозернистый, несколько пористый состав. Сильнее всего обожжена керамика стоянок A, B и F, слабее — сосуды стоянки E.

Недавно на южном побережье Рижского залива, в Тукумском районе, примерно в 40 км к западу от Риги, было обнаружено еще одно поселение, на котором были произведены предварительные раскопки сотрудником Музея истории Латвийской ССР Л. В. Ванкиной.[1] Поселение Силиньупе расположено на берегу небольшой речки, примерно на расстоянии 0,5 км от берега моря. Культурный слой довольно значительной мощности залегает в песке; в нем обнаружены очаги без камней. При раскопках была найдена очень пористая керамика со слабо профилированной шейкой и иногда с сильно выгнутым наружу краем венчика. Черепки орнаментированы главным образом редкими рядами ямок; встречаются также вдавления гребенчатого штампа типичной для Риннюкалнса формы и насечка. Довольно часто поверхность сосудов покрыта легкой штриховкой. Керамика, найденная в нижнем горизонте, имеет простой профиль венчика, хотя она по составу теста и по характеру своего орнамента не отличается от керамики верхних горизонтов. Найдены также фрагменты костяных изделий, кремневый наконечник стрелы треугольной формы и небольшой поплавок из сосновой коры. В значительном количестве в инвентаре стоянки представлен янтарь как в виде необработанных кусков, так и в виде плоских привесок и пуговиц с V-образным сверлением.

В юго-западной части Латвии, в Добельском районе, на берегу озера Зебрус, расположено поселение Леяс-Цискас.[2] Археологические раскопки на этом поселении произведены на площади в 99 м². Инвентарь поселения состоит из керамики, каменных и костяных изделий, янтаря и остеологического материала. Представлено несколько видов керамики. К типичной ямочно-гребенчатой керамике, покрытой поясками из оттисков гребенчатого штампа и ямок, принадлежит сравнительно небольшая часть черепков. Геометрические мотивы встречаются на них редко. В Леяс-Цискасе преобладает керамика, орнаментированная различными ямками и насечкой, причем ямки и насечки обыкновенно встречаются на одном и том же сосуде. И эти вдавления размещены на сосудах поясками, но довольно редко и, по-видимому, лишь в верхней части, под самым краем сосуда. На одном черепке заметны тонкие нарезные линии, напоминающие орнамент на соответствующих черепках из Пурциемса. Небольшим количеством фрагментов представлена шнуровая керамика, у которой орнамент расположен под самым краем сосуда. Шнуровая керамика отличается от остальной керамики поселения также своим

---

[1] Сведения получены Л. В. Ванкиной. Вещи в МИЛ № 65239; 65251.

[2] E. Šturms, Ein steinzeitlicher Wohnplatz am Zebrus-See in Kurzeme. Congressus Secundus, стр. 411—422. Находки — МИЛ № 7853; 8596—8602.

составом. Она содержит дресву, в то время как остальные сосуды изготовлены из более мелкозернистого теста. Почти 90% найденных черепков не имеет орнамента. По-видимому, большинство их принадлежит нижним, неорнаментированным частям сосудов.

Кремневых изделий найдено сравнительно мало. Это наконечники стрел, нередко треугольной формы. Зато осколков найдено довольно много. Прочие каменные изделия, а также костяные, сохранились главным образом в виде фрагментов. Янтарь часто представлен пластинчатыми привесками, частично необработанными кусками. Остеологический материал принадлежит диким зверям.[1]

Большого внимания заслуживает поселение Сарнате, расположенное недалеко от берега Балтийского моря, к северу от города Лиепая. Не касаясь вскрытых здесь раскопками остатков жилищ и очагов, а также найденных в большом количестве деревянных изделий, которые неоднократно трактовались уже в археологической литературе,[2] остановимся коротко на остальном инвентаре. Последний состоит главным образом из керамики.[3] Сосуды из главного местонахождения — Сарнатского торфяника — имеют выпуклые или острые днища; их наибольший диаметр — в средней части; к краю они несколько суживаются. Иногда сосуд имеет под краем еще более узкое горлышко. Глиняное тесто без примеси дресвы. Поверхность сосудов, как правило, неровная и покрыта почти всегда более или менее резкими следами штриховки. Для штриховки часто применялось орудие наподобие гребенчатого штампа, на что указывают одинаковые, параллельные вдавления. Иногда для этой цели употреблялись орудия, оставляющие иные, менее однородные следы штриховки. Однако для украшения сосудов гребенчатый штамп применялся редко. Главным мотивом орнамента являются слабо вдавленные ямки, большей частью округлой или овальной, а иногда и угловатой формы, часто с неясно выраженными контурами. Ямки располагаются на поверхности сосуда в один или несколько параллельных, но редких рядов, так что бóльшая часть поверхности сосуда остается без орнамента. Попадаются и вертикальные зигзагообразные полосы, образованные небольшими ямками, а также ямки, расположенные диагональными рядами. Чаще всего ямками или вдавлениями неопределенной формы украшен край сосудов. На некоторых черепках встречаются ряды овальных точек или вдавления гребенчатого штампа с редкими зубцами. Эти ряды точек похожи на те, которые встречались на керамике из Ягала и Риннюкалнса. В редких случаях можно отметить желобковидные вдавления или процарапанные мелкие линии. Большая часть сосудов не имеет особого орнамента. В общем, керамика Сарнате довольно однородна. Из материала

---

[1] Все же возможно, что в небольшом количестве имеются кости и домашнего быка. См. C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme I. Königsberg 1935, стр. 162.

[2] Л. В. Ванкина, Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 138—152. Брюсов, Очерки по истории племен, стр. 175 и сл. Sen. un M. 1940 I, стр. 41 и сл.

[3] Находки из Сарнате хранятся в МИЛ.

других стоянок на территории Латвийской ССР ближе всего к керамике Сарнате стоит керамика из Пурциемс С и D, отчасти и керамика со стоянки Силиньупе.

Все же следует отметить, что территория поселения (или поселений) на Сарнатском торфянике занимала весьма обширную площадь. Поселеине существовало здесь, по-видимому, в течение продолжительного времени, вследствие чего там встречается керамика и иного характера. Летом 1953 г. Л. В. Ванкина вскрыла примерно в 0,5 км к северу от места заложенных до этого раскопов остатки большого очага, вокруг которого в значительном количестве были рассеяны отбросы обработки янтаря и кремня. Найденные здесь черепки глиняных сосудов соответствуют по составу теста вышеописанной керамике, но имеют края более простой формы и украшены в основном узкими гребенчатыми вдавлениями. При раскопках 1954 г. недалеко от указанного очага Л. В. Ванкиной был обнаружен культурный слой, содержавший типичную ямочно-гребенчатую керамику, покрытую густым орнаментом из отпечатков гребенчатого штампа и глубоких ямок. Эти фрагменты имеют такой же состав теста, как и остальная керамика из Сарнате.[1]

Каменных изделий в Сарнате обнаружено сравнительно мало. Найдены мелкие кремневые изделия, а также осколки кремня. Костяные изделия и вообще костный материал в большинстве раскопов не сохранились. Найдено много янтаря, который обрабатывался на самой стоянке.

Следует упомянуть еще несколько мест находок на территории Латвийской ССР, характер которых еще не вполне ясен, хотя они в литературе иногда упоминаются под названием поселений. К таким памятникам относится в центральной Латвии Варнас-Крогс близ города Риги, далее, расположенная к югу отсюда, в Иелгавском районе, стоянка Рутениеки и в западной Латвии, в Кандавском районе, — Тояти.[2] Все эти места известны только по немногочисленному подъемному материалу.

В Рутениеки найдены черепки глиняных сосудов, ладьевидный каменный топор, узкое каменное долото с четырехугольным сечением, кремневый наконечник стрелы и три ножа из кремневых отщепов.[3] Черепки украшены характерными для шнуровой керамики орнаментами и принадлежат довольно большому количеству отдельных сосудов. Большинство черепков имеет тонкий состав глины и хороший обжиг. Некото-

---

[1] По сведениям, полученным от Л. В. Ванкиной, в Сарнате при раскопках 1955 г. были найдены, между прочим, фрагмент текстильной керамики и черепок от сосуда с типичным для шнуровой керамики профилем шейки и елочным орнаментом. Стенки этого сосуда, однако, были значительно толще, чем обыкновенно у сосудов шнуровой керамики. Оба сосуда имели обычный для сарнатской керамики состав. Кроме того, в 1955 г. было обнаружено несколько небольших черепков иного состава, а именно твердых, с содержанием дресвы. Они имеют гладкую, неорнаментированную поверхность.

[2] Latviešu kultūra senatnē. Rīgā 1937, табл. IV, V.

[3] МИЛ № 8363; 9179.

рые черепки указывают на легкую S-овидную профилировку горловой части, причем на горлышке заметны следы шнура или елочный орнамент. Между отпечатками шнура иногда расположен ряд плоских треугольных ямочек. Толщина стенок различная. Наряду с описанными черепками встречаются и черепки от сосудов иной формы, с иным орнаментом, состоящим из ряда продолговатых насечек ниже края на наружной поверхности сосуда и горизонтальных неровных насечек под ними. На другом черепке от сосуда такой же формы имеются ряды четырехугольных ямок. Часть черепков без орнамента, а некоторые из них имеют сильно заштрихованную поверхность. Наконец, имеется несколько черепков сосудов с оттисками шнура, но иного состава, с содержанием дресвы.

Материал, найденный в Тояти, состоит из керамики, небольшого кремневого наконечника стрелы и нескольких кусков кремня.[1] Керамика изготовлена из глины со значительной примесью дресвы. Сосуды большей частью имеют простой непрофилированный край и прямые стенки. Исключение составляют черепки сосудов, край которых имеет расширяющуюся наружу кайму, а также несколько черепков, принадлежащих сосудам с круто, почти под прямым углом суживающимся горлышком. Орнаментом большей частью служат оттиски шнура, но встречаются и перекрещивающиеся линии, образующие решетчатый узор. Большинство черепков не имеет орнамента, а поверхность некоторых из них покрыта глубокой штриховкой.

Из местонахождения, известного под именем Варнас-Крогс, происходит ряд кремневых изделий и большое число необработанных кусков янтаря.[2] Керамика пока не обнаружена. Среди кремневых предметов имеется примерно десяток наконечников стрел треугольной формы, с черешком или вогнутым основанием, два наконечника дротиков, несколько скребков и длинных ножей из отщепов.

Первые два памятника рассматривались то как стоянка, то как могильник. За то, чтобы считать Рутениеки могильником, говорит наличие среди находок ладьевидного топора и долота четырехугольного поперечного сечения, т. е. предметов, типичных для позднеолитических могильников на территории Эстонской ССР, а также и других территорий.[3] С другой стороны, найденные в Рутениеки черепки принадлежат целому ряду разнообразных сосудов. Наличие же большого числа глиняных сосудов в одном могильнике — необычное явление в Восточной Прибалтике, где могильники с боевыми топорами бедны керамикой.[4] Поэтому вопрос о Рутениеки следует пока оставить открытым, хотя трактовка этого памятника как могильника имеет некоторые преимущества. Тояти же, инвентарь которого состоит лишь из мелких фрагментов керамики и кремневого ма-

---

[1] МИЛ № 2222—2232; 5963; 6329.
[2] МИЛ № 2510—2511; 6621; 9180.
[3] Янитс, Позднеолит. могильники, стр. 55, 57, 60, 64.
[4] Там же, стр. 60. Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 178.

териала, можно скорее считать за стоянку, чем за могильник. В комплексе находок из Варнас-Крогс привлекает внимание полное отсутствие керамики. Учитывая характер находок (только готовые кремневые изделия, среди них преобладающее большинство наконечников стрел, янтарь), кажется вероятным, что мы имеем здесь дело с кладом.[1]

Значительно слабее исследованы неолитические памятники на территории Литовской ССР. Только в последние годы стали поступать оттуда сведения об открытии неолитических стоянок.[2] Последние расположены в основном в южной Литве, на песках. Однако здесь произведено еще очень мало раскопок. Обнаруженный инвентарь состоит преимущественно из шнуровой и еще более поздней керамики без всякого орнамента, с примесью дресвы в тесте. Вместе с черепками глиняных сосудов здесь встречаются маленькие кремневые наконечники стрел, часто треугольной формы, и осколки кремня.[3] Ряд костяных изделий происходит с разных озер и рек Литвы; среди них, так же как и в Латвийской ССР, представлены предметы, относящиеся к мезолиту, неолиту, а также к эпохе бронзы.[4] Случайных находок собрано больше всего на Куршской косе.[5] Наибольшего внимания заслуживают здесь находки из Юодкранте (бывшее Шварцорт), где обнаружено большое количество янтарных изделий.[6] Значительная часть прочего материала, найденного на Куршской косе, состоит из керамики, среди которой преобладает шнуровая. Такая же керамика встречается на Куршской косе и южнее, на территории Калининградской области, а также еще дальше на юго-западе, в пределах Польской Народной Республики.[7] В Калининградской области также обнаружены некоторые сравнительно ранние неолитические стоянки.[8]

---

[1] Клад с аналогичным содержанием кремневых изделий найден, например, в Финляндии (Кихлиэ). См. SM XXXII, 1925, стр. 44 и сл., рис. 14 (A. Europaeus).

[2] П. З. Куликаускас, Изучение археологических памятников Литовской ССР в 1948—1950 годах. Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 год. М., 1951, стр. 17 и сл. A. Bernotaitė, Versminio upelio I (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovykla. Iš lietovių kultūros istorijos I. Vilnius 1958, стр. 5—19, 289—290.

[3] Вещи хранятся в КГХМ и в Институте истории АН Литовской ССР (в Вильнюсе).

[4] J. Puzinas, Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys (1918—1938 metų Lietuvos proistorinių tyrinėjimų apžvalga). Kaunas 1938, стр. 11 и сл., рис. 2—5.

[5] Х. А. Моора, Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 28.

[6] R. Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Beiträge zur Naturkunde Preussens 5, Königsberg 1882.

[7] Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 171 и сл. J. Kostrzewski, Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste. Congressus Secundus, стр. 55 и сл. L. Kilian, Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn. 1955.

[8] Ф. Д. Гуревич, Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК XLII, стр. 17. K. Stadie, Die Steinzeitdörfer der Zedmar. Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14. April 1921 dargebracht von seinen Freunden und

Недостаточно внимания уделяется исследованию памятников эпохи неолита и раннего металла и на ближайших соседних территориях, расположенных восточнее Эстонской и Латвийской ССР. До сих пор не известно ни одной стоянки этого периода на восточном побережье озер Пейпси и Псковского. Ямочно-гребенчатая керамика обнаружена в некоторых местах в бассейнах рек Великой и Обдыха, впадающих в Псковское озеро с юга, но детальных раскопок на неолитических памятниках там не произведено.[1] Несколько дальше на восток, однако, обнаружено много стоянок эпохи неолита и раннего металла в верхнем течении Западной Двины, на Валдайской возвышенности, на реках Мсте и Волхове.[2] На северо-востоке территориально ближе всего к стоянкам Эстонии расположены стоянки в окрестности Ленинграда.[3] К сожалению, бóльшая часть этих материалов, собранных главным образом в последние годы, еще полностью не опубликована.

Schülern. Göttingen 1921, стр. 148 и сл. Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 158 и сл. W. Gaerte, Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg 1927, стр. 45—46. L. Kilian, Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen. Alt-Preussen, 3. Jg., Königsberg 1938, стр. 85—87. H. Gross, Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. Prussia, Bd. 33, H. 1—2, Königsberg 1939, стр. 100—168, особенно стр. 135.

[1] По сведениям, полученным от С. А. Тараканової, Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздилова.

[2] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 165. Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Сборник «Древние поселения и городища», стр. 96—99, табл. XV, XVI, рис. 28. Н. Н. Гурина, Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. СА XIII, М.—Л., 1950, стр. 292 и сл. Н. Н. Гурина, Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР. КСИИМК XLIX, М., 1953, стр. 65 и сл. Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура. Советская археология, 1958, № 3, М., 1958, стр. 31 и сл.

[3] А. Я. Брюсов, История древней Карелии. Труды ГИМ IX, М., 1940, стр. 257, № 94 (Лахта); стр. 260, № 183 (Тарховка), № 184 (Токсово); там же ссылки на соответствующую литературу.

VI. ВЕЩЕСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ

Инвентарь поселений приустья р. Эмайыги состоит из керамики, каменных и костяных изделий и из янтаря. Данные о количестве найденных предметов по отдельным поселениям и раскопам с указанием материала их изготовления приводятся в таблицах на стр. 57 и 81. В наибольшем количестве в обоих поселениях представлена керамика — всего около 32 000 черепков.[1] Каменных предметов и их фрагментов найдено около 1800; почти три четверти из них — предметы из кремня. На поселениях обнаружено довольно много мелких осколков кремня, представляющих собой производственные отбросы; куски более крупных размеров встречаются очень редко. Это объясняется тем, что кремень употреблялся исключительно для изготовления мелких орудий: наконечников стрел и дротиков, скребков, ножей, резцов и сверл. Более крупные орудия, в первую очередь топоры и долота, изготовлялись из различных кристаллических пород. В качестве шлифовальных камней нередко употреблялся песчаник. Значительно меньше, чем каменных орудий, найдено предметов из кости и рога, а именно 280 (вместе с фрагментами). Небольшое количество костяных предметов обусловлено плохой сохранностью костей, особенно в тех частях поселений, которые расположены дальше от рек, где предметы из кости и рога почти полностью погибли. Нет сомнения, что в качестве материала для изготовления орудий труда и быта широко применялось и дерево, но, за исключением нескольких концов свай, поплавка из сосновой коры и свитков бересты, от деревянных изделий не осталось никаких следов. Бесследно погибли и другие предметы, изготовленные из органического вещества.

Таким образом, инвентарь рассматриваемых поселений сохранился недостаточно полно. Но несмотря на пробелы, вещественный материал дает все же известное представление о главнейших отраслях производства населения и о важнейших работах, производившихся на стоянках. К тому же он проливает некоторый свет и на верования охотников и рыболовов того времени.

Инвентарь Акали и Кулламяги имеет много общего, и поэтому вещественный материал обеих стоянок будет рассмотрен совместно.

---

[1] Подсчитаны черепки величиной не меньше 1 см².

Рассмотрение инвентаря поселений мы начнем с керамики, так как последняя в рассматриваемый период подвергалась изменениям значительно быстрее, чем любой другой материал, включая орудия труда и быта. Керамику поэтому можно считать наиболее достоверной основой для определения относительной хронологии. Керамика является также наиболее массовым видом материала, встречающимся во всех зонах поселений и во всех горизонтах культурного слоя, а поэтому на керамике можно проследить и все изменения, происшедшие со временем в территориальном размещении поселений. Результаты анализа керамики будут в дальнейшем использованы для датировки и прочего вещественного материала.

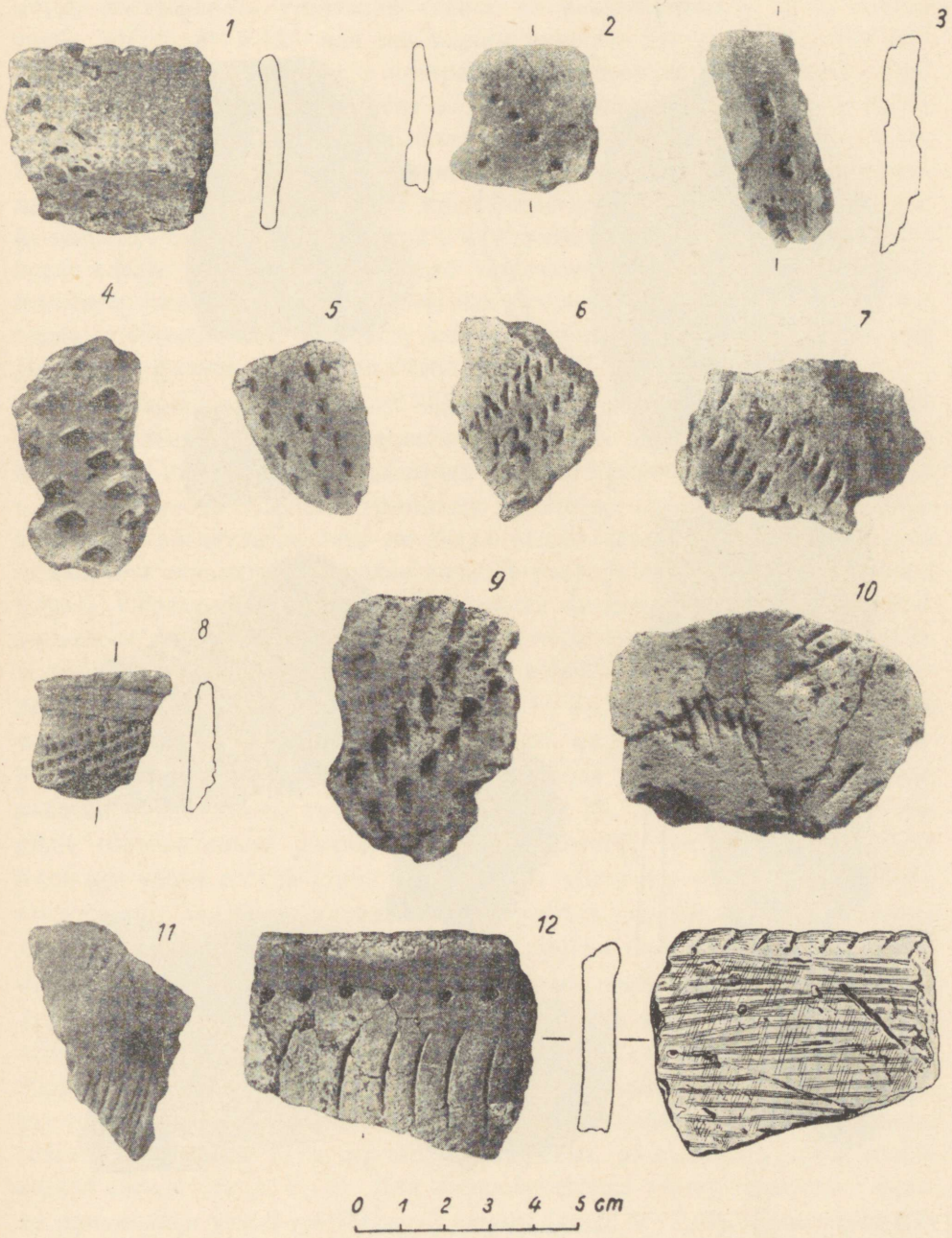
А. КЕРАМИКА

На поселениях приустья реки Эмайыги керамика сохранилась сравнительно плохо. Вследствие продолжительного непрерывного существования поселений значительное число глиняных сосудов разломалось на столь мелкие черепки, что нет возможности установить ни размеры, ни форму сосудов, а часто и орнамент. Ни один сосуд не удалось восстановить полностью. Поэтому трудно выяснить и назначение сосудов. Все же имеется сравнительно много более крупных черепков, которые дают общее представление о керамике.

Керамика обоих поселений очень разнообразна и среди нее можно выделить целый ряд четко отличающихся друг от друга групп. Основные из них следующие: 1) стратиграфически древнейшая керамика, которую на основании ее сходства с керамикой, характерной для поселений на р. Нарве, мы будем называть керамикой нарвского типа; 2) ямочно-гребенчатая керамика; 3) текстильная керамика; 4) шнуровая керамика; 5) керамика эпохи раннего металла. Ниже дается обзор керамики по отдельным ее видам.

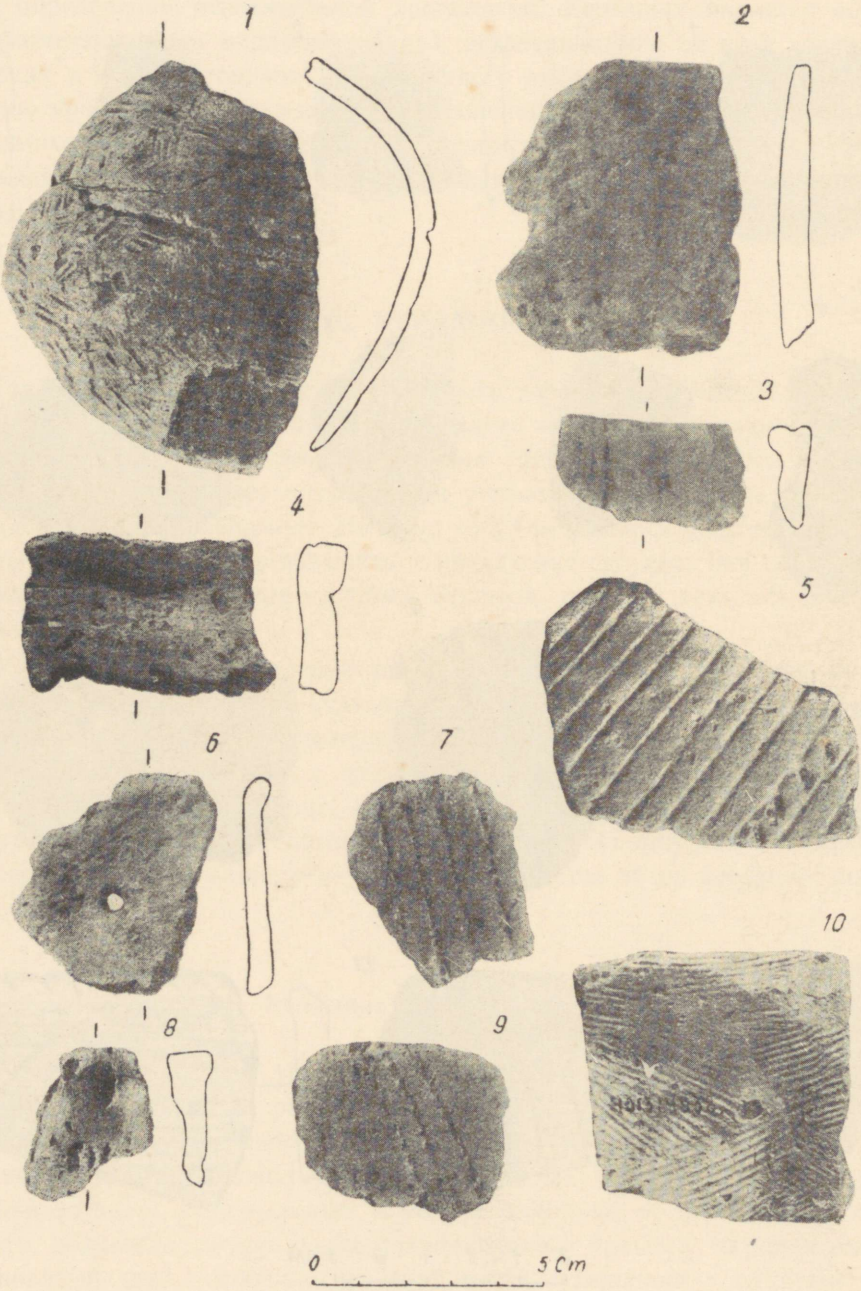
Керамика нарвского типа

Керамика нарвского типа по своему стратиграфическому расположению является наиболее ранней из всех видов керамики, бытовавших на поселении Акали. Количество глиняных черепков, принадлежащих к этому виду керамики, довольно немногочисленно. Сосуды изготовлены из глиняного теста, содержащего толченые раковины и, судя по их пористости, возможно, другие плохо сохраняющиеся примеси. Черепки имеют темноватый цвет, особенно на внутренней поверхности; снаружи они иногда покрыты более светлым, серовато-коричневым слоем. Последний очень тонок и неравномерен. Это вызвано, очевидно, слабым и неровным обжигом. Судя по найденным черепкам, мы имеем дело с котловидными сосудами, имеющими круглое днище и горло диаметром от 14 до 45 см.



Керамика нарвского типа с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 4753 (раскоп J), *2* — 4013 : 6857 (J), *3* — 4013 : 620 (H), *4* — 3800 : 363 (D), *5* — 4013 : 8453 (P), *6* — 4013 : 4732 (J), *7* — 4013 : 7528 (J), *8* — 3800 : 110 (A), *9* — 4013 : 499 (H), *10* — 3800 : 136 (A), *11* — 4013 : 3932 (J), *12* — 4013 : 8452 (P).

ТАБЛИЦА V



Керамика нарвского типа с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 108 (раскоп А), *2* — 3800 : 451 (С), *3* — 4013 : 496 (Н), *4* — 4013 : 448 (Н), *5* — 3800 : 383 (D), *6* — 3800 : 468 (С), *7* — 4013 : 8239 (М), *8* — 4013 : 4826 (J), *9* — 4013 : 8440 (Р), *10* — 4013 : 4938 (J).

Книзу сосуды, очевидно, несколько суживались. Профилированных стенок нет. Особо следует упомянуть продолговатый тазовидный сосуд, один конец которого удалось склеить (табл. V : 1). Для рассматриваемой керамики характерен тонкий край, образованный в большинстве случаев путем постепенного утончения стенок по направлению к краю сосуда (табл. IV : 2, 8; V : 2) или же резким откосом внутрь (табл. IV : 12). Реже встречаются сосуды, у которых край выровнен сверху путем приплющивания, в результате чего он имеет поверхность, несколько более широкую, чем толщина расположенной ниже стенки (табл. V : 3, 4, 8). По направлению к днищу толщина стенок, как правило, увеличивается, не превышая, однако, 1,1 см. У края более тонкие сосуды имеют толщину лишь 0,4 см. Как внешняя, так и внутренняя поверхности сосудов часто носят следы легкой, сравнительно правильной штриховки, нанесенной штампом, наподобие гребенчатого, или пучком связанных палочек. Штриховка производилась, очевидно, для выравнивания поверхности, так как последняя далеко не гладкая (табл. IV : 12; V : 10).

Рассматриваемая керамика очень слабо орнаментирована. Встречаются небольшие слабые вдавления: ямки или насечки, реже зубчатые вдавления. Украшения на отдельных сосудах различны, причем на одном и том же сосуде обычно встречаются вдавления одной и той же формы. Создается впечатление, что не была выработана определенная форма штампов и орнамент наносился каждый раз другим штампом случайной формы. Нередко вдавления располагаются на поверхности сосуда диагональными рядами, группирующимися в несколько параллельных рядов. В таком именно порядке расположены небольшие четырехугольные или неопределенной формы ямки (табл. IV : 1—5), продолговатые вдавления в виде насечек (табл. IV : 6, 7, 9) и очень маленькие штриховидные зарубки (табл. IV : 8). Иногда несколько более длинные, желобковидные насечки расположены группами (табл. IV : 10, 11). Реже наблюдаются ряды горизонтально расположенных вдавлений, состоящие из плоских ямок под краем сосуда (табл. V : 3, 8). На одном черепке под рядом ямок имеется еще ряд более длинных, дугообразных желобков, напоминающих гребенчатые оттиски (табл. IV : 12). На другом черепке мы видим мотив «шагающей гребенки», образованный узкими гребенчатыми вдавлениями (табл. III : 9). Редко встречаются слабые штрихи или разные другие вдавления, расположенные горизонтальными рядами (табл. III : 10, 11). Своеобразный орнамент образуют плоские, вдавленные по частям при помощи продолговато-четырехугольного штампа желобки, которые, располагаясь параллельно один другому, покрывали, по-видимому, всю поверхность сосуда (табл. V : 5). Для воспроизведения такого орнамента иногда применялся узкий гребенчатый штамп (табл. V : 7, 9). Края глиняных сосудов украшены небольшими насечками или узкими линиями. Некоторые более тонкие края принимают от насечек волнистую форму (табл. IV : 1). В редких случаях на краю сосудов прослеживаются неглубокие ямки.

Как уже отмечалось, керамика этой группы имеет в общем довольно скудный орнамент. Узор редкий и покрывает обычно только небольшую часть поверхности сосуда. Многие крупные черепки вообще не имеют орнамента. У них можно заметить просверлины (табл. V : 6), расположенные на несколько сантиметров ниже края сосуда. Каждый такой сосуд имел несколько просверлин, отстоящих довольно далеко друг от друга. Сверление производилось с наружной стороны после обжига сосуда. Диаметр просверлин достигает на наружной поверхности 0,7—0,9 см, а на внутренней всего лишь 0,4—0,5 см. Эти просверлины имели, очевидно, какое-то практическое назначение. Возможно, что они использовались для подвешивания сосуда при помощи веревки. Принимая во внимание, что просверлинами снабжены главным образом неорнаментированные сосуды, можно полагать, что последние имели иное назначение, чем сосуды с орнаментацией. Однако для выяснения способов употребления этой керамики имеющийся материал еще слишком недостаточен.

В Кулламяги этот вид керамики не найден. Он представлен только в Акали, где наблюдается лишь в приречной части стоянки. Черепки такой керамики найдены в раскопах A, A_1, B, C, D, H, J, L, M, N, O и P, повсюду в нижних горизонтах культурного слоя. Таким образом, мы несомненно, имеем дело с древнейшим видом керамики.

К сожалению, керамика нарвского типа представлена пока слишком небольшим количеством черепков, к тому же плохо сохранившихся, поэтому наше представление о ней еще очень неполно.

На других неолитических поселениях территории Эстонской ССР керамика, близкая по своим признакам к рассматриваемой, найдена лишь в Нарва-Рийгикюла I и III, а также на поселении в самом городе Нарве.[1] В Нарва-Рийгикюла III другие виды керамики почти не обнаружены, в то время как на поселении Нарва-Рийгикюла I упомянутая выше керамика представляет собой особую группу, названную выше третьей группой керамики.[2] Сосуды последнего типа с поселений Нарва-Рийгикюла также изготовлены из глины со значительной примесью толченых раковин. Сходна также форма сосудов. Поверхность сосудов часто покрыта следами сглаживания, похожими на следы штриховки на древнейшей керамике поселения Акали. Редкий и слабо нанесенный орнамент имеется только на небольшом количестве черепков. Элементами орнамента являются слабые оттиски гребенчатых штампов, короткие вдавления в виде насечек и линий, неопределенной, а иногда четырехугольной формы ямки. На одном и том же сосуде встречаются обыкновенно вдавления только одной формы, расположенные редкими рядами. У некоторых сосудов имеются просверлины под краем. Все признаки говорят за то, что древ-

---

[1] Ср. описание поселения Нарва-Рийгикюла I в V главе настоящей работы.

[2] Возможно, что и некоторые черепки из Крооди относятся к керамике нарвского типа. Этих черепков, однако, пока найдено слишком мало для того, чтобы определенно решить этот вопрос.

нейшая керамика Акали и соответствующая группа сосудов со стоянок Нарва-Рийгикюла относятся к одному и тому же типу керамики. Остальные группы керамики из Нарва-Рийгикюла имеют параллели среди более поздних видов керамики поселений района устья реки Эмайыги, а поэтому кажется вероятным, что рассматриваемая группа представляет собой древнейшую керамику на реке Нарве.[1] Это подтверждается стратиграфическим расположением керамики нарвского типа на поселении в г. Нарве, где эта керамика залегала глубже типичной ямочно-гребенчатой керамики.

На территории Латвийской ССР аналогичная керамика пока не обнаружена.[2] В восточной части Калининградской области, на неолитической стоянке близ дер. Серово, найдены фрагменты керамики, напоминающие формой и орнаментом керамику нарвского типа. Многие исследователи считают эту керамику очень ранней и сопоставляют ее с керамикой датских кьёккенмёддингов.[3] Древнейшая керамика Акали имеет в своем орнаменте некоторые общие черты и с материалом других смежных территорий — с древнейшей керамикой Карелии (I группа керамики по Н. Н. Гуриной) [4] и Финляндии (стиль I по А. Эйряпя).[5] Как в Акали, так и на упомянутых территориях для украшения керамики применялись оттиски небольших штампов разной формы, которые наносились параллельными рядами; встречаются и продольные параллельные линии.[6] Крупные ямки применялись редко. Различия наблюдаются в расположении орнамента. На древнейшей керамике Карелии и Финляндии орнамент нанесен густо и покрывает, очевидно, бóльшую часть поверхности сосуда. Керамика же из Акали имеет редкий орнамент. По способу нанесения орнамента к керамике Акали довольно близко примыкает керамика со стоянки Медвежья Гора № 2 на северном побережье Онежского озера, которая среди стоянок, давших керамику этого же типа, относится к сравнительно позднему периоду. На керамике этой стоянки орнамент также более редок и выполнен менее аккуратно, чем на более ранней керамике. Встречаются ям-

---

[1] Как уже указывалось, Н. Н. Гурина, исследовавшая стоянки Нарва-Рийгикюла, придерживается иной точки зрения в отношении вопроса о хронологической последовательности групп керамики этих стоянок.

[2] Возможно, что керамика этого типа имеется в Ича. Но так как на этом поселении пока не вскрыто слоев, стратиграфия которых не была бы нарушена, и так как большинство керамики происходит из подъемного материала, то отличить эту керамику от поздней ямочно-гребенчатой керамики, с которой она имеет ряд общих черт, очень трудно.

[3] Gaerte, Keramik, стр. 45—46. Gross, Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch, стр. 135. A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. AA XXI, København 1950, стр. 22.

[4] Гурина, Поселения на Онежском оз., стр. 80 и сл.

[5] A. Europaeus-Äyräpää, Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I. AA I, København 1930, стр. 171 и сл.

[6] Гурина, Поселения на Онежском оз., рис. 7, 10, 11. Äyräpää, Chronologie, рис. 1—10. A. Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. FM LXII, Helsingfors 1955, рис. 6—8, 22, 24—26, 32, 36—38.

ки неопределенной формы, ряды беспорядочно нанесенных насечек, четырехугольные вдавления, напоминающие гребенчатые оттиски, и неглубокие линии, вдавленные по частям.[1] На стоянке Медвежья Гора № 2 отсутствует орнамент со следами «перевитого шнура», характерный для самой ранней ступени развития древнейшей керамики Карелии и Финляндии. Следы «перевитого шнура» на соответствующей керамике Акали также не встречаются. Керамика нарвского типа имеет, по-видимому, некоторые общие черты также с поздней керамикой типа Сперрингс (стиль I : 2 по А. Эйряпя), бытовавшей на северном побережье Финского залива.[2] Это обстоятельство подтверждает предположение, что древнейшая керамика Акали, обладая известными общими чертами с группой наиболее древней, по имеющимся пока данным, керамики Карелии и Финляндии, может быть хронологически сопоставлена со сравнительно поздними сосудами этой группы и что она непосредственно предшествовала типичной ямочно-гребенчатой керамике.

Еще не выяснено, как далеко на восток простиралась область распространения керамики нарвского типа. Отмечалась близость этого типа сосудов к керамике, обнаруженной при прорытии канала на южном побережье Ладожского озера в конце прошлого столетия.[3] Автор настоящей работы ладожской керамики сам не видел, но после ознакомления с работой А. А. Иностранцева пришел к убеждению, что керамика нарвского типа действительно встречалась в южном Приладожье. Иностранцев отличает в собранном им материале, наряду с черепками из чистой глины и черепками с примесью дресвы в тесте, еще керамику, состав которой содержит значительную примесь ракушек; эта керамика составляет 63,5% всего добытого им керамического материала. По сравнению с остальной керамикой эти сосуды отличаются более слабым обжигом. Орнамента на них нет, но под краем сосудов имеются просверленные дырочки, предназначенные, по мнению Иностранцева, для подвешивания сосудов. Края этих сосудов, по сравнению со стенками, более тонкие. Судя по имеющимся фотоснимкам, эти сосуды весьма похожи на керамику нарвского типа.[4]

Сходный в некоторой степени с рассматриваемой группой керамики материал дала и Бологовская стоянка на Валдайской возвышенности.[5] В орнаменте древнейшей керамики этой стоянки встречаются элементы, близкие к орнаменту керамики нарвского типа. Однако эти элементы здесь

---

[1] Гурина, Поселения на Онежском оз., стр. 85, 93, рис. 10, особенно 10 : 3, 5, 6, 12.

[2] По мнению К. Ф. Мейнандера, имевшего в 1956 г. в Таллине возможность ознакомиться с керамикой нарвского типа.

[3] Гурина, Новые неолит. памятники в Вост. Эстонии, стр. 167, 169—171.

[4] А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 167—170, табл. XII : 10, 11, 13.

[5] А. Спицын, Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, том V, вып. 1, СПб., 1903, табл. XXXIX : 1—13.

часто встречаются вместе с более поздним, зональным орнаментом. Таким образом, керамика Бологовской стоянки, вероятно, более позднего происхождения, причем присущие ей элементы, связывающие ее с керамикой нарвского типа, свидетельствуют, может быть, лишь о том, что область распространения этой керамики раньше доходила до района Валдайской возвышенности.[1]

Существование особой керамики нарвского типа обнаружено только в последние годы. Возможно, что поселения, давшие эту керамику, входили в область распространения ранненеолитической культуры, бытовавшей к югу от Финского залива и Ладожского озера, доходя, может быть, до Валдайской возвышенности и Калининградской области (Серово). Севернее Финского залива и в Приладожье была в то же время распространена поздняя керамика типа Сперрингс, с которой керамика нарвского типа, по-видимому, имела некоторые соприкосновения. В настоящее время эта керамика и остальной связанный с ней археологический материал известны все же слишком мало, для того чтобы прийти к каким-либо достоверным выводам.

Ямочно-гребенчатая керамика

Ямочно-гребенчатая керамика составляет преобладающую часть найденных на поселении Акали черепков глиняных сосудов. Она изготовлялась здесь в течение очень продолжительного времени. Ямочно-гребенчатая керамика обнаружена почти во всех раскопах, где только встречались находки. Только в расположенных на бугре крайних раскопах K и Q и на юго-западном конце раскопа I ямочно-гребенчатая керамика представлена немногочисленными фрагментами, которые попали в культурный слой в тот период, когда склон бугра представлял собой еще окраину поселения. В приречных же раскопах ямочно-гребенчатая керамика являлась основным инвентарем. На стоянке Кулламяги ямочно-гребенчатая керамика в сравнении с другими видами керамики составляет значительно меньший процент, чем в Акали, но и в Кулламяги она найдена во всех раскопах, где вообще встречались находки.

Ямочно-гребенчатая керамика поселений приустья р. Эмайыги разнообразна как по орнаменту, так отчасти и по составу глиняного теста. На основании этих признаков она может быть разделена на несколько подгрупп. Чтобы лучше ориентироваться в материале, ямочно-гребенчатая керамика в дальнейшем и будет рассматриваться по отдельным подгруппам.

---

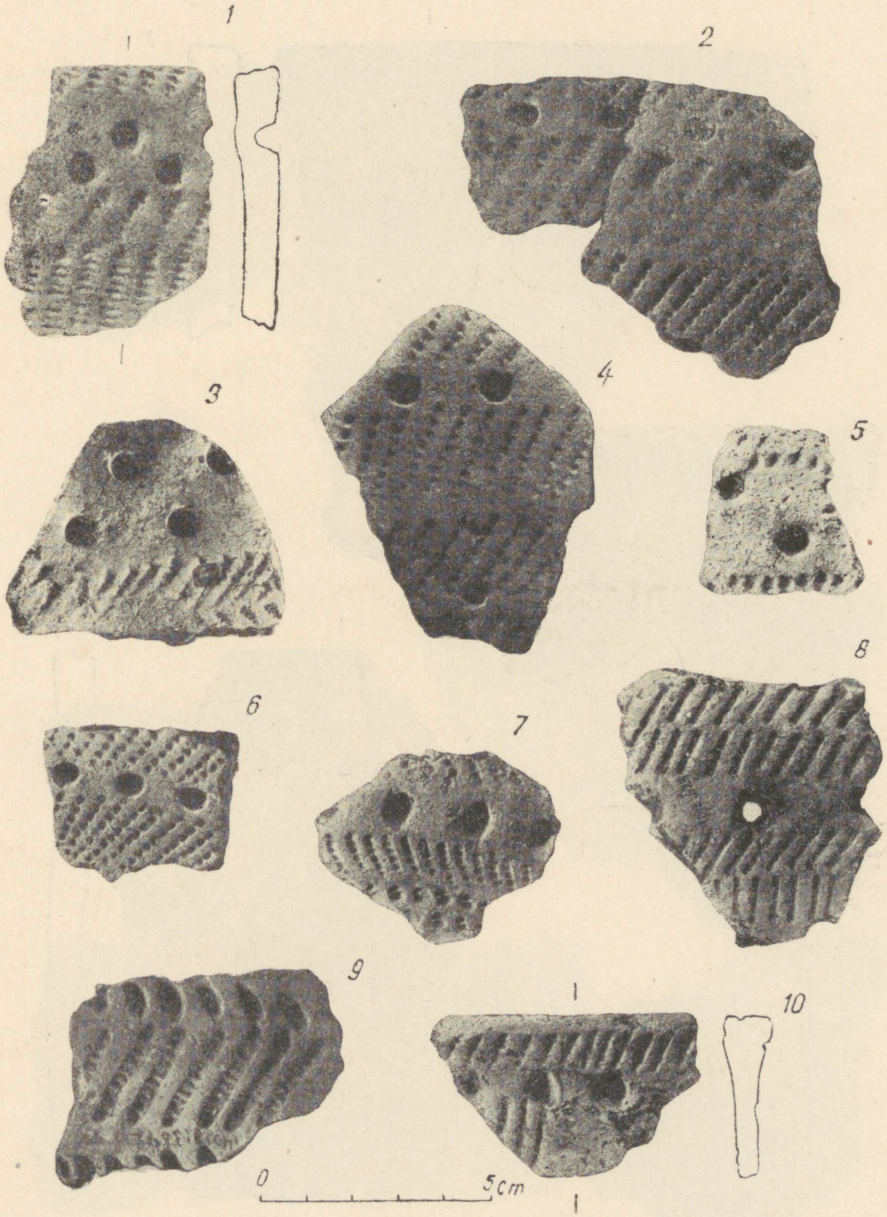
[1] О возрасте и положении бологовской керамики мнения археологов расходятся. Так, Н. Н. Гурина объединяет ее с древнейшей керамикой Карелии и Финляндии, а М. Е. Фосс — с керамикой типа Волосово. Ср. Гурина, Поселения на Онежском оз., стр. 94; Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 165.

В первую очередь обратимся к керамике, в глиняное тесто которой введено много дресвы или, реже, крупнозернистого песка; изредка в составе глины наблюдаются кусочки красной охры. По сравнению с керамикой нарвского типа описываемая здесь ямочно-гребенчатая керамика имеет значительно лучший обжиг, черепки ее более твердые и лучшей сохранности, хотя некоторые из них благодаря значительному содержанию дресвы довольно хрупки. Окраска их не одинакова и зависит часто от места залегания черепков в культурном слое.[1] Преобладают сероватo-коричневые тона, причем встречается много светлых черепков желтоватого оттенка, а некоторые, наоборот, очень темные, черноватые. На более темных черепках часто наблюдается сильно обгорелый слой, обычно на внутренней поверхности, но иногда и на наружной. Преобладающее большинство черепков происходит от крупных толстостенных глиняных сосудов. Толщина стенок их чаще всего колеблется от 0,8 до 1,2 см, и лишь изредка попадаются несколько более тонкие или же более толстые черепки. Судя по фрагментам, происходящим от нижних частей сосудов, последние имели круглые днища (табл. VIII : 2). Таким образом, как правило, мы имеем дело с котловидными сосудами, которые достигали наибольшей ширины у верхнего края. Как указывают обломки краев, диаметр отверстия составлял 35—50 см. Значительно меньше найдено черепков от сосудов меньших размеров, диаметром 20 см, и лишь отдельные черепки принадлежат совсем маленьким чашевидным сосудам. Следует полагать, что различные по величине сосуды употреблялись для разных целей. Часть более крупных сосудов предназначалась, по-видимому, для хранения продовольственных запасов. В крупных сосудах варили, очевидно, и пищу, так как и на черепках этих сосудов отмечается иногда нагар. Сосуды средних и малых размеров служили, вероятно, для еды.

При изготовлении глиняных сосудов уделялось большое внимание оформлению их края. Верхний край сосудов сплюснут и выравнен. Образовавшаяся таким образом ровная поверхность края иногда срезана прямо (табл. VI : 10), но в большинстве случаев она слегка скошена внутрь (табл. VI : 1; XIII : 4). От сплющивания края сосуда он стал несколько толще самой стенки и достигает в некоторых случаях толщины 1,5 см. Очень тщательно заглаживалась и наружная поверхность сосудов. Обработке края и наружной поверхности сосудов уделялось особое внимание, очевидно специально для того, чтобы нанести на них орнамент. Ямочно-гребенчатую керамику, изготовленную из теста с примесью дресвы, можно разделить по орнаменту на четыре подгруппы, которые можно пополнить еще пятой подгруппой ямочно-гребенчатой керамики, имеющей пористый состав без примеси дресвы.

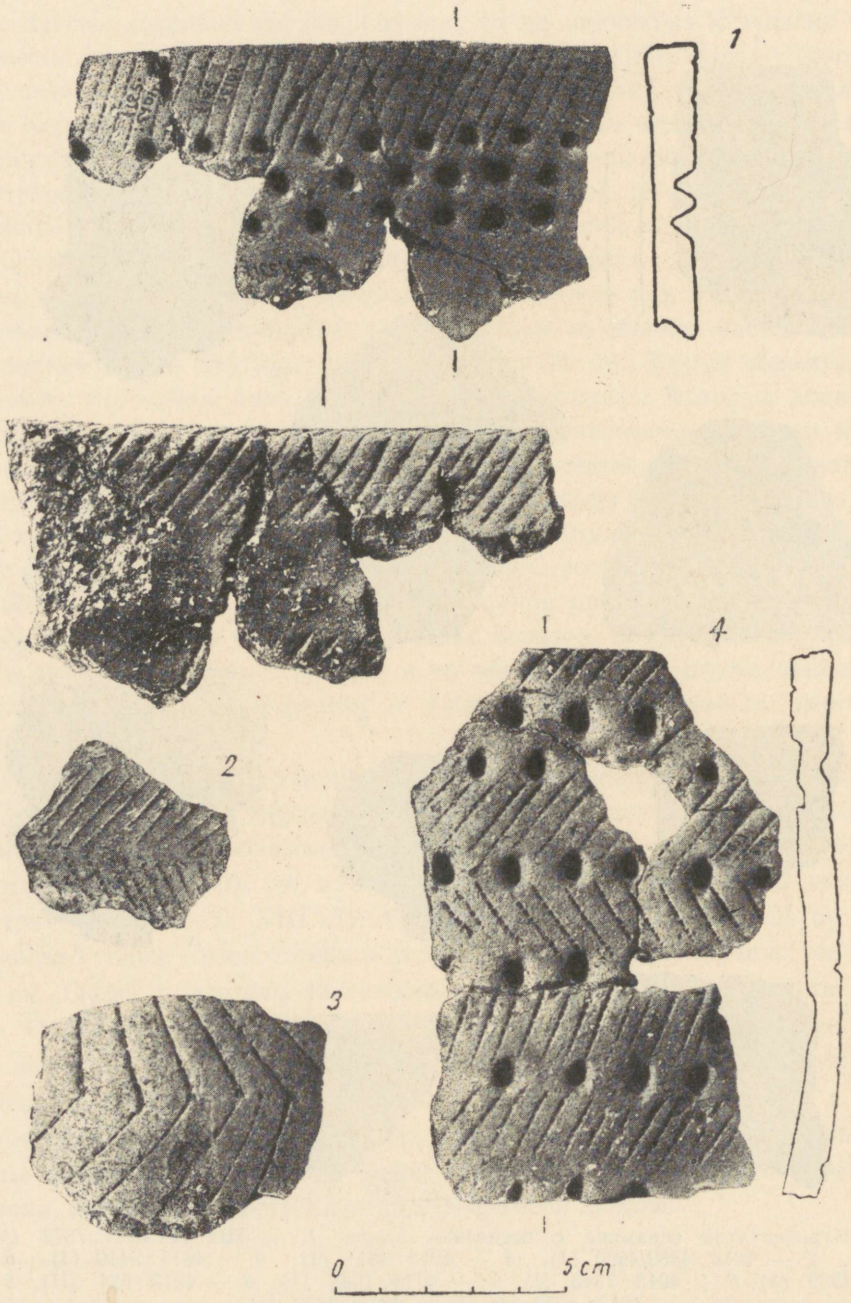
---

[1] Ср. М. В. Воеводский, К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА I, М.—Л., 1936, стр. 65.

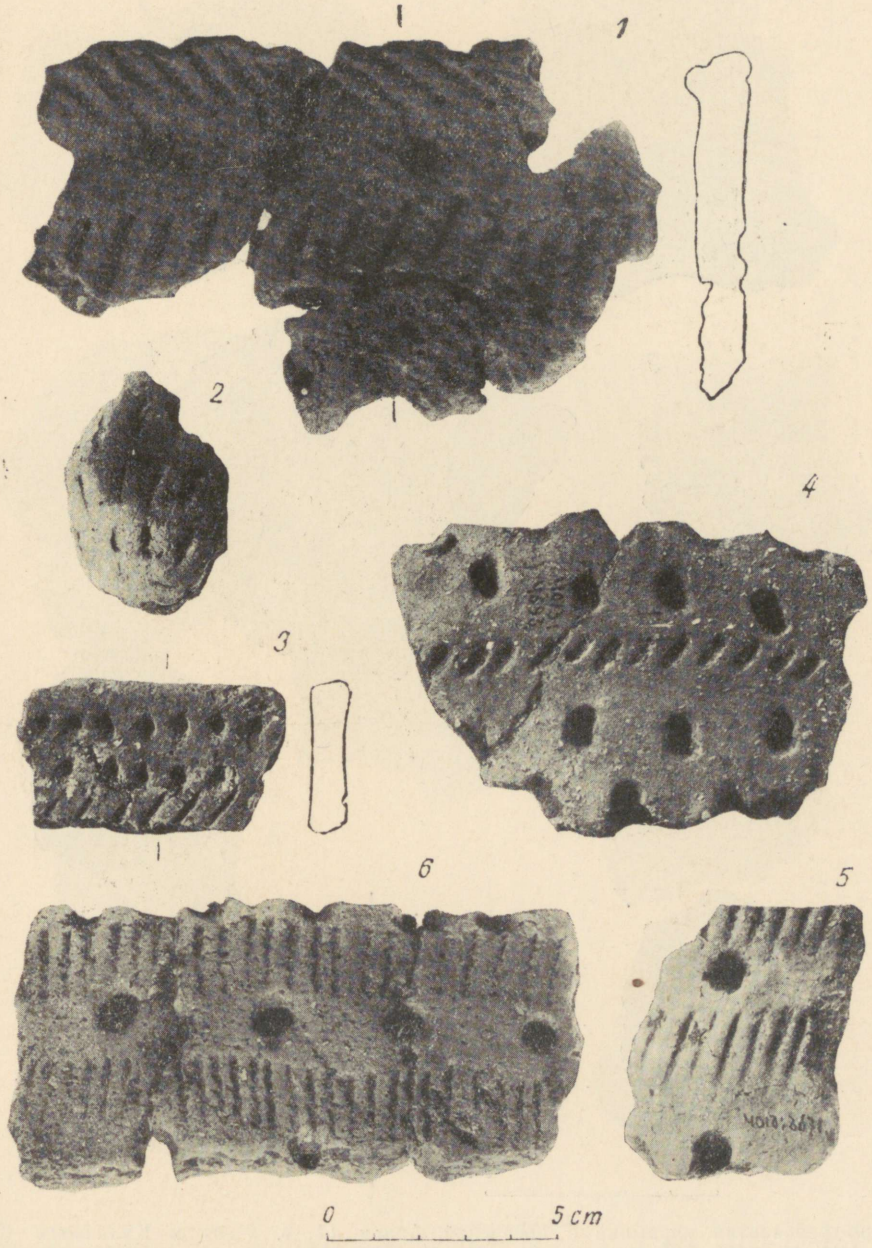


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 7372 (раскоп J), *2* — 4013 : 4889/4990 (J), *3* — 4013 : 4911 (J), *4* — 4013 : 5419 (J), *5* — 4013 : 4259 (J), *6* — 4013 : 7343 (J), *7* — 4013 : 1588 (I), *8* — 4013 : 624 (H), *9* — 4013 : 3642 (J), *10* — 4013 : 3373 (J).

ТАБЛИЦА VII

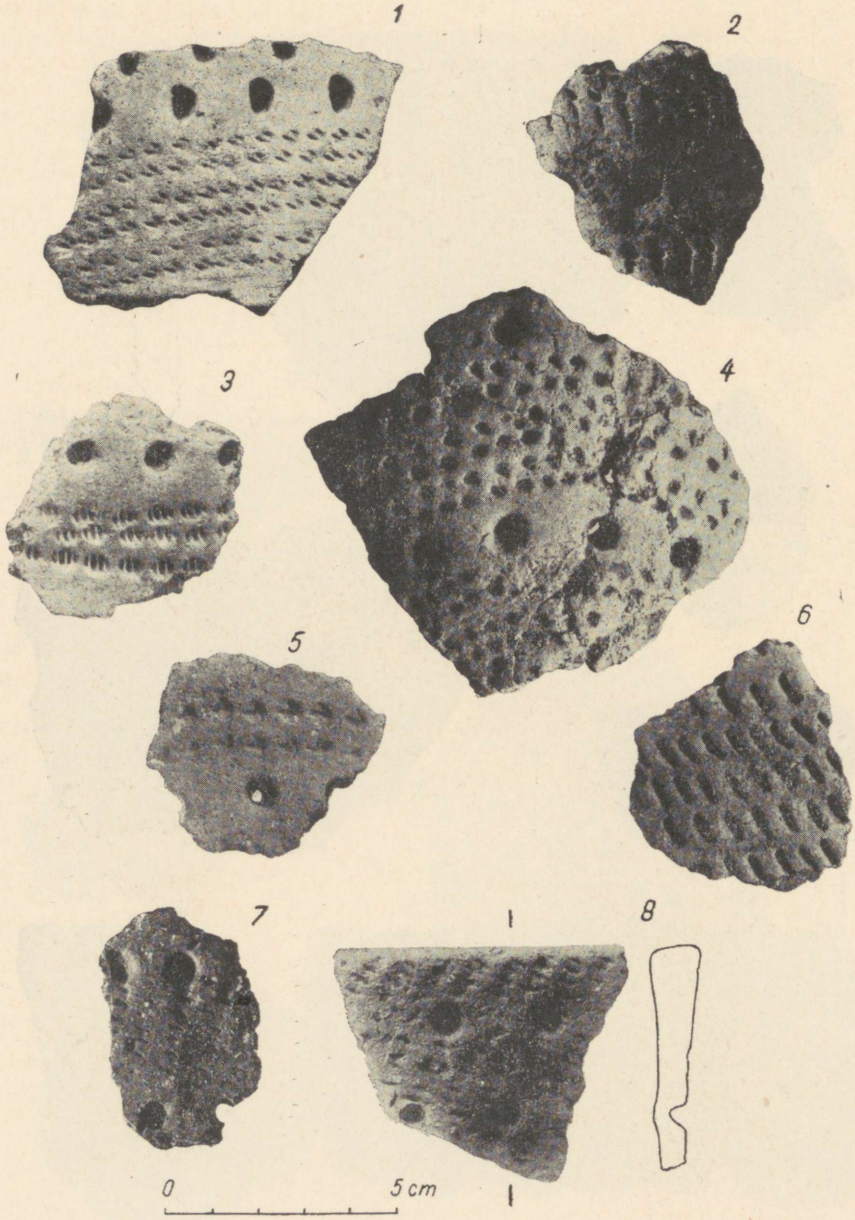


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 5317 (раскоп J), *2* — 4013 : 6466 (J), *3* — 4013 : 8102 (L), *4* — 4013 : 5844 (J).

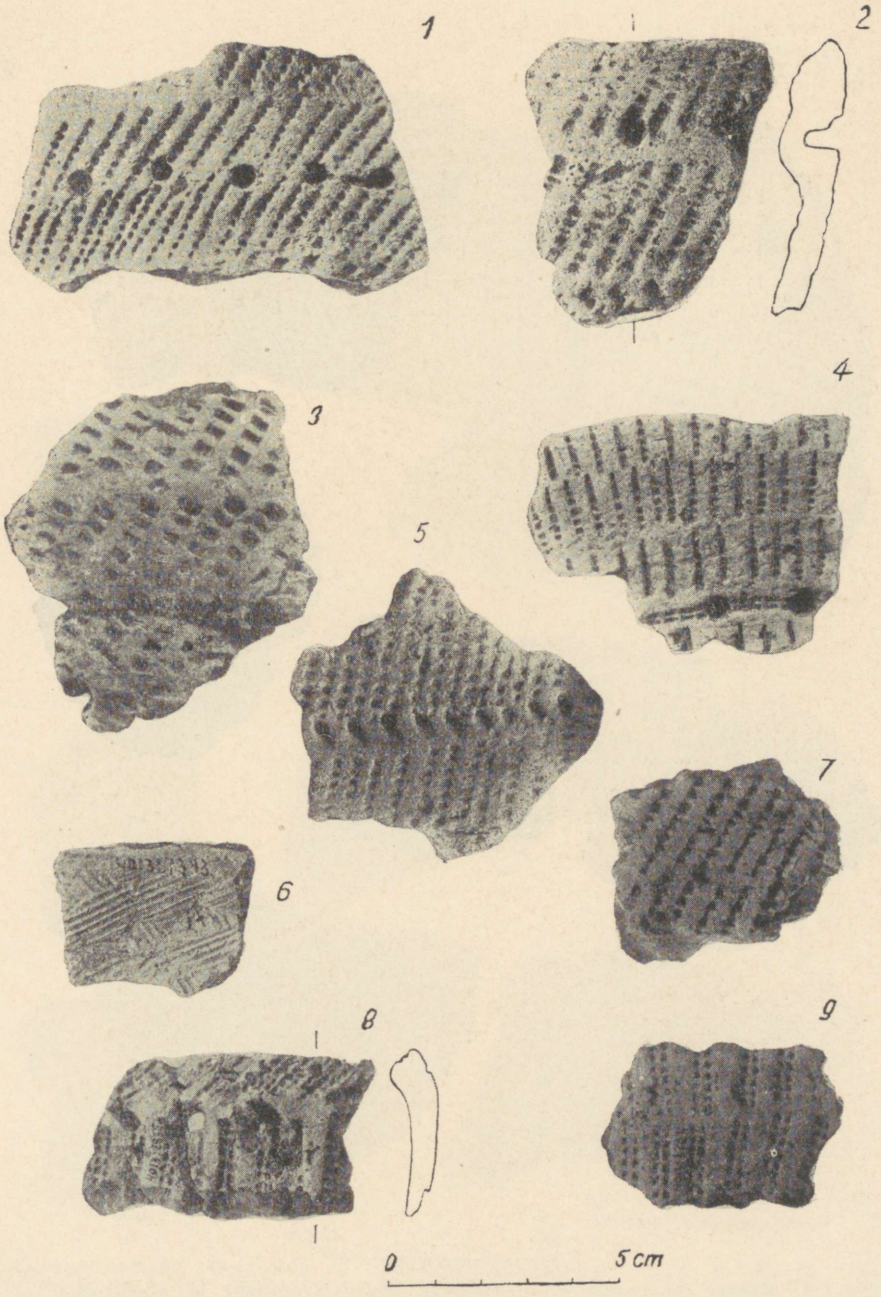


Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1—5*) и Кулламяги (*6*). *1* — ИИ № 4013 : 8302 (раскоп N), *2* — 4013 : 4490 (J), *3* — 4013 : 3828 (J), *4* — 4013 : 4693 (J), *5* — 4013 : 3671 (J), *6* — 4045 : 648/714 (B).

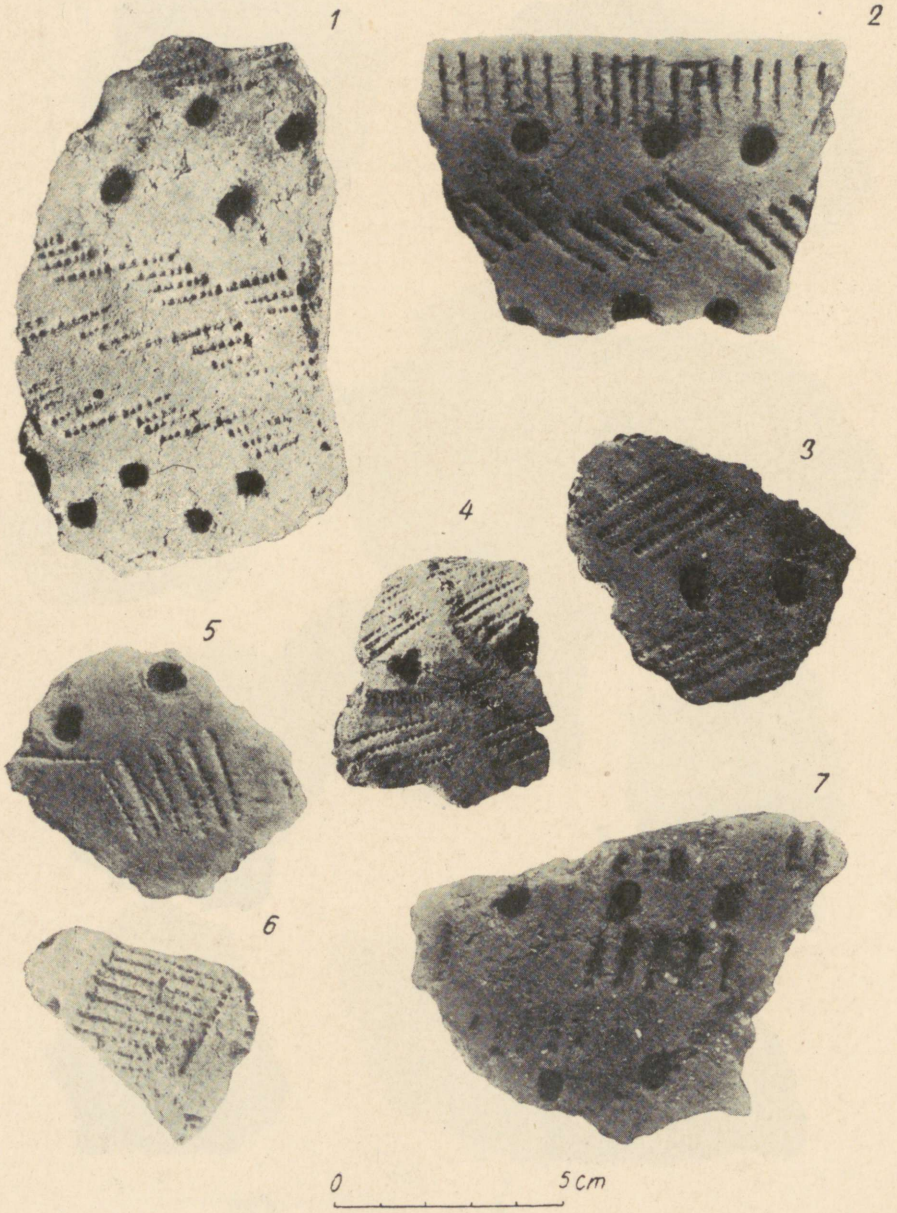
ТАБЛИЦА IX



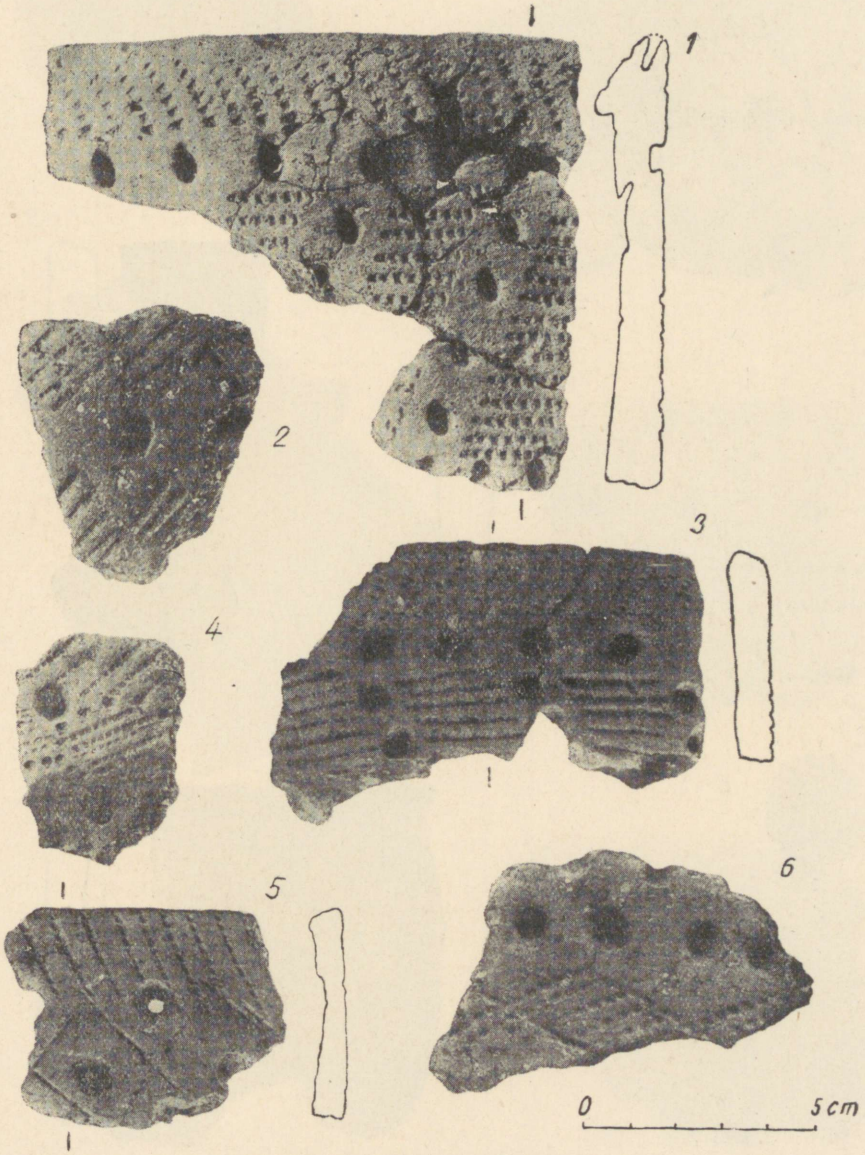
Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1—4*, *6—8*) и Кулламяги (*5*). *1* — ИИ № 3800 : 299 (раскоп С), *2* — 4013 : 3974 (J), *3* — 3800 : 469 (С), *4* — 3800 : 285 (С), *5* — 4045 : 1034 (Е), *6* — 4013 : 7391 (J), *7* — 4013 : 4271 (J), *8* — 4013 : 5729 (J).



Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1—6, 8, 9*) и Кулламяги (*7*). *1* — ИИ № 4013 : 6407 (раскоп J), *2* — 4013 : 6426 (J), *3* — 4013 : 1307 (I), *4* — 4013 : 372 (H), *5* — 4013 : 5296 (J), *6* — 4013 : 7343 (J), *7* — 4045 : 798 (B), *8* — 4013 : 2835 (I), *9* — 4013 : 2764 (I).

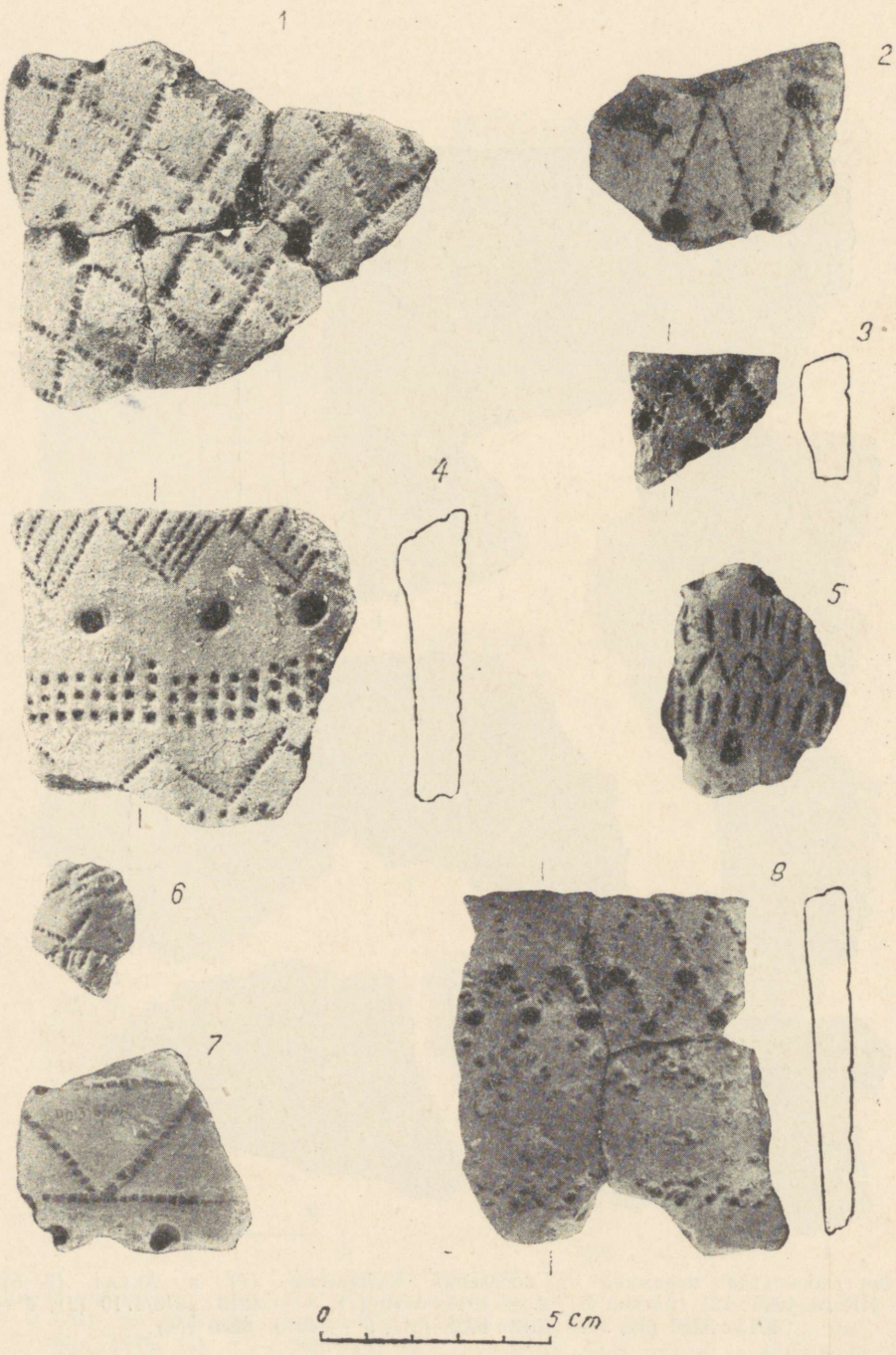


Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1*, *3—6*) и Кулламяги (*2*, *7*). *1* — ИИ № 3800 : 365 (раскоп D), *2* — 4045 : 669 (B), *3* — 4013 : 4041 (J), *4* — 4013 : 6276 (J), *5* — 3800 : 450 (C), *6* — 4013 : 4879 (J), *7* — 4045 : 1145 (F).

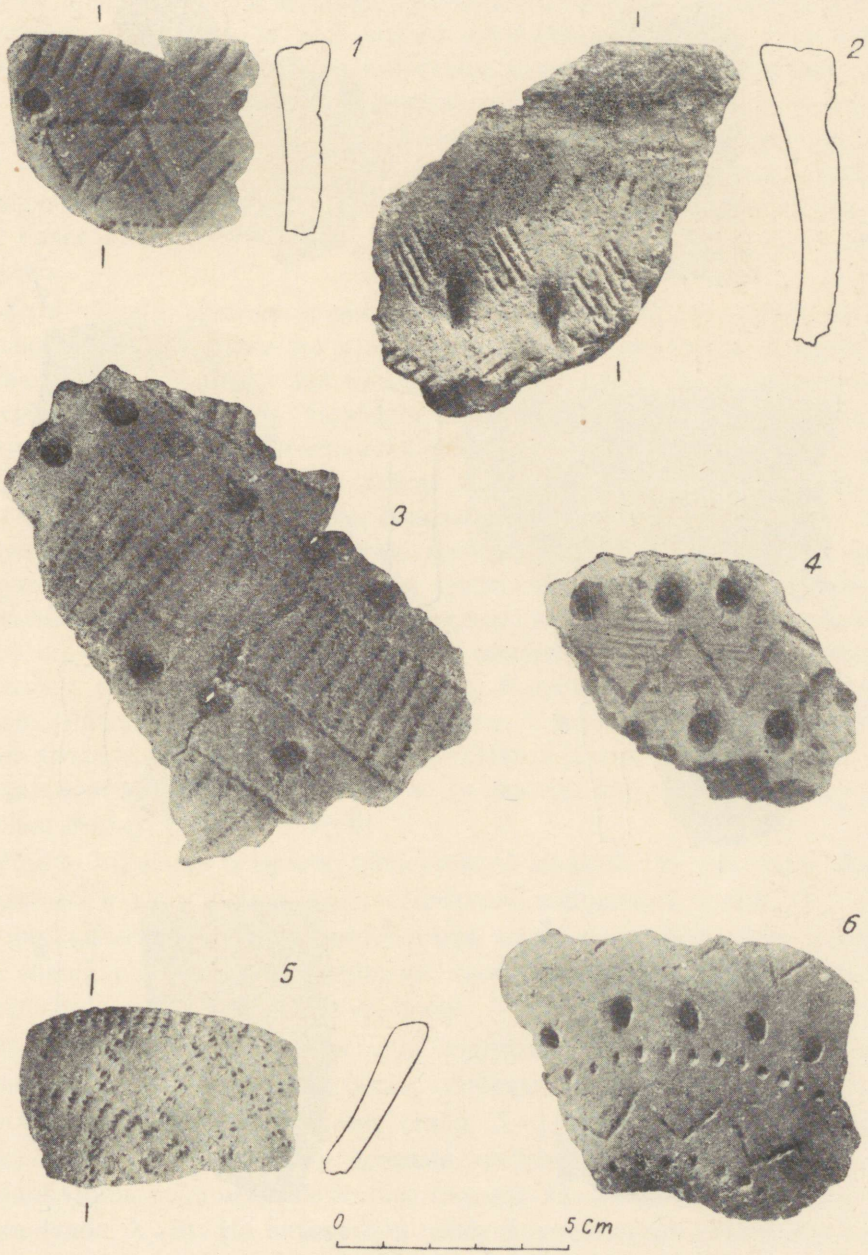


Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Кулламяги (*1*) и Акали (*2—6*). *1* — ИИ № 4045 : 121 (раскоп В), *2* — 4013 : 5746 (J), *3* — 4013 : 4643/4710 (J), *4* — 4013 : 3289 (J), *5* — 4013 : 8229 (M), *6* — 4013 : 8226 (M).

ТАБЛИЦА XIII

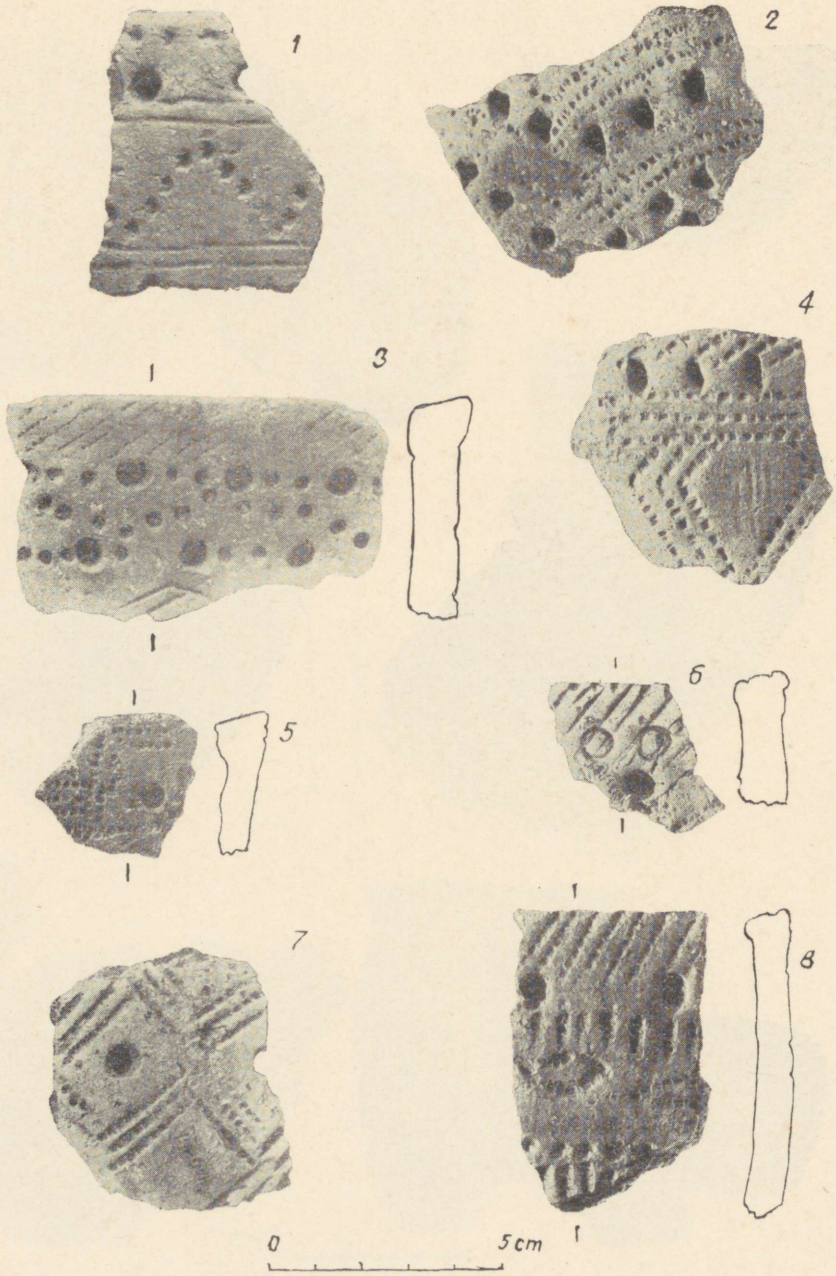


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 3144/3283 (раскоп J), *2* — 4013 : 8294 (N), *3* — 4013 : 7560 (J), *4* — 4013 : 4917 (J), *5* — 3800 : 214 (B), *6* — 4013 : 7338 (J), *7* — 4013 : 630 (H), *8* — 4013 : 6692/6770 (J).



Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1*, *2*, *4—6*) и Кулламяги (*3*). *1* — ИИ № 4013 : 4440 (раскоп J), *2* — 3800 : 274 (C), *3* — 4045 : 1005 (E), *4* — 4013 : 362 (H), *5* — 3800 : 306 (C), *6* — 4013 : 5486 (J).

ТАБЛИЦА XV



Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 142 (раскоп А), *2* — 4013 : 5190 (J), *3* — 4013 : 3453 (J), *4* — 4013 : 6523 (J), *5* — 4013 : 7294 (J), *6* — 4013 : 1184 (I), *7* — 4013 : 911 (I), *8* — 4013 : 1357 (I).

Черепки глиняных сосудов первой подгруппы украшены чередующимися горизонтальными поясами оттисков гребенчатого штампа и ямок. Преобладают гребенчатые отпечатки, густыми рядами покрывающие поверхность сосуда, часто в несколько поясов. Расположенные между ними пояса ямок в основном значительно более редкие и узкие. Орнамент начинается у края сосуда, причем на плоскую наружную поверхность края нанесена первая полоса гребенчатых оттисков. По обрезу края часто нанесены небольшие насечки, вдавленные гребенчатым штампом. В большинстве случаев как снаружи, так и изнутри под краем сосуда расположен ряд оттисков гребенчатого штампа. Орнамент внутренней поверхности этим обыкновенно и ограничивается. На наружной же поверхности пояса орнамента продолжаются, видимо, до самого дна, так как более или менее крупных неорнаментированных черепков не обнаружено.

Хотя общий характер орнамента рассматриваемой подгруппы сравнительно однообразен, все же в нем встречаются и варианты, которые отличаются друг от друга как по отдельным деталям, так и, частично, по способу нанесения узора. Наиболее тщательно и правильно нанесен орнамент, состоящий из гребенчатых оттисков средней ширины (2—3 мм) и средней или еще меньшей длины и круглых ямочек (табл. VI). На других черепках наблюдаются довольно узкие (шириной около 1 мм) и сравнительно длинные оттиски гребенки и также более или менее округлые ямки (табл. VII). Здесь гребенчатые отпечатки расположены несколько реже и иногда не так правильно, как у предыдущего варианта; ямок по числу несколько больше, но обычно они меньших размеров и вдавлены слабее, иногда чуть наискось. Встречаются также черепки сосудов, украшенные гребенчатым штампом с очень слабыми зазубринками и продолговатыми ямками (табл. VIII). На некоторых черепках гребенчатые оттиски довольно короткие (в два или три зубца) и имеют различную форму (табл. IX : 1—5).

Кроме обычных оттисков гребенчатого штампа, на керамике Акали встречаются иногда вдавления «перевитой веревочки» (табл. IX : 7, 8). На них похожи оттиски особого штампа, представляющие собой вдавленные линии с редкими поперечными насечками. Такие отпечатки встречаются только на единичных черепках.

В орнаменте тех черепков этой подгруппы, которые изготовлены из глиняного теста с примесью песка, особенно заметно преобладание гребенчатых оттисков над ямками (табл. X : 1—7). Встречаются и такие черепки, на которых между поясами гребенчатых оттисков вместо настоящих ямок концом гребенчатого штампа вдавлены продолговатые насечки (табл. X : 5). На внутренней поверхности сосудов встречаются глубокие следы заглаживания поверхности гребенчатым штампом. Иногда они образуют орнамент наподобие плетенки (табл. X : 6).

Среди черепков из Акали с примесью песка в тесте некоторые украшены рамчатым штампом (табл. X : 8, 9). Эти черепки принадлежат со-

судам, имеющим несколько вогнутый внутрь край и диаметр примерно 20 см. По орнаменту, а также по форме эти сосуды отличаются от прочей керамики поселения, но они имеют параллели на стоянках Валдайской возвышенности.[1]

Ко второй подгруппе ямочно-гребенчатой керамики отнесены черепки сосудов, в орнаменте которых, кроме обычных поясов из гребенчатых оттисков и ямочек, встречаются и геометрические мотивы. Последние образованы главным образом гребенчатыми отпечатками. Наиболее часто встречаются ромбы, которые, соприкасаясь вершинами, образуют один или несколько горизонтальных поясов вокруг сосуда. Между этими поясами остается зигзаговидная неорнаментированная полоса. Между зонами ромбов часто встречаются и вдавления из глубоких ямок (табл. XI : 1—4). Кроме ромбов, наблюдаются и квадраты, образующие иногда как бы узор шахматной доски (табл. XI : 5, 6), а также продолговатые четырехугольники (табл. XI : 7; XII : 1, 3). Большинство четырехугольных фигур образовано просто из групп гребенчатых оттисков без особого контура. На некоторых черепках, однако, контуры ромбов явно очерчены отпечатками гребенчатого штампа или рядами небольших ямок (табл. XII : 2, 4, 6). Попадаются также незаполненные ромбы, у которых группа гребенчатых штампов заменена одной только ямкой, вдавленной в середине ромба (табл. XII : 5). Из незаполненных ромбов состоит также решетчатый узор, покрывающий большую часть поверхности сосуда (табл. XIII : 1; XIV : 5).

Наряду с четырехугольниками другим обычным мотивом является горизонтальная зигзагообразная линия, опоясывающая сосуд. Эта линия располагается обычно под краем, но иногда и ниже, между остальными поясами орнамента (табл. XIII : 2—8). Часто зигзагообразная линия встречается на самом крае сосуда. На некоторых черепках наблюдаются рядом две такие параллельные линии, образующие зигзагообразную ленту (табл. XIV : 1). На отдельных сосудах зигзагообразные ленты заполнены гребенчатыми оттисками и ямками (табл. XIV : 3; XV : 2). Иногда зигзагообразные мотивы образованы из вдавленных линий и ямок (табл. XIV : 4, 6; XV : 1, 3). В некоторых случаях зигзагообразные линии комбинируются с треугольниками. Последние образованы путем заполнения частей зигзагообразных линий гребенчатыми оттисками, создавая, особенно под краем сосуда, узор наподобие зубцов пилы (табл. XIII : 4; XIV : 2).

Особо следует отметить небольшую группу черепков сосудов из поселения Акали, имеющих своеобразный геометрический орнамент. Эти черепки украшены нанесенными гребенчатым штампом ромбами и нерегулярными угловатыми фигурами, рядом с которыми встречаются пояса гребенчатых оттисков, круглые и продолговатые ямки, а на одном че-

---

[1] Спицын, Бологовская стоянка каменного века, табл. XXXIII : 1, 4, 6, 8, 10, 12. Эрмитаж № 120 : 2, 4, 7, 61, 68, 72, 82, 121 (Кончанское).

репке вдавленные кружки (табл. XV : 4, 6—8). Привлекает внимание то обстоятельство, что контуры ромбов и промежутки между поясами обозначены параллельными гребенчатыми вдавлениями в 3—4 ряда. Сами гребенчатые оттиски также своеобразны. Они нанесены штампами, имеющими очень ясно выраженные, но часто довольно узкие промежутки между зубцами. Возможно, что нарезка на этих штампах делалась металлическим ножом. Судя по условиям залегания черепков, они принадлежат к поздней ямочно-гребенчатой керамике стоянки.

По сравнению с прочей керамикой поселений в районе устья реки Эмайыги, а также с ямочно-гребенчатой керамикой ближайших территорий, орнамент этих сосудов отличается своеобразием. Интересно, что на некоторых глиняных сосудах из могильников фатьяновской культуры, например в Великом Селе [1] и Говядинове,[2] также встречаются ромбы, образованные аналогичными параллельными оттисками гребенчатого штампа. Как мы увидим ниже, некоторые элементы фатьяновской культуры представлены и в текстильной керамике поселений района устья реки Эмайыги.

На одном черепке имеется изображение водоплавающей птицы (табл. XV : 5), выполненное также гребенчатым штампом. Изображение птицы расположено под краем сосуда. Оно сохранилось в несколько фрагментарном состоянии, но, учитывая параллели из других поздненеолитических стоянок, можно не сомневаться, что мы имеем здесь дело именно со стилизованным изображением водоплавающей птицы.[3] Судя по проходящей под ним линии, образованной горизонтальными гребенчатыми оттисками, на сосуде имелся целый пояс таких же изображений. Упомянутый черепок также принадлежит, очевидно, к поздней ямочно-гребенчатой керамике.

Третью подгруппу ямочно-гребенчатой керамики составляют черепки, в орнаментике которых вместо гребенчатых оттисков употреблялись вдавленные линии. Общее расположение орнамента на поверхности сосуда в основном такое же, как и у первой подгруппы: чередующиеся зоны линий и ямок. Различия между обеими группами проявляются в способе нанесения орнамента. На керамике первой подгруппы гребенчатые оттиски нанесены в определенном порядке, тщательно и расположены густо, в то время как на черепках третьей подгруппы отпечатки размещены в пределах орнаментальных зон значительно реже и не так правильно, вдавления более слабые (табл. XVI). По способу нанесения орнамента керамика этой подгруппы примыкает ближе всего к черепкам первой подгруппы, украшенным узкими длинными гребенчатыми оттисками (табл. VII).

---

[1] А. А. Спицын, Медный век в верхнем Поволжье. ЗОРСА, том V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 87 и сл., табл. XXV : 5, 7, 8.

[2] В. И. Смирнов, Говядиновский могильник. СА IX, М.—Л., 1947, табл. II : 7.

[3] Ср. Гурина, Поселения на Онежском оз., рис. 21, 22. A. Äyräpää, Kampakeramiikan linnunkuvat. SM LX, 1953, Helsinki 1953, стр. 34—44.

На сосудах с линейным орнаментом встречается и другое расположение последнего: на некоторых черепках вдавления, примыкая друг к другу, окружают сосуд горизонтальным кольцом (табл. XVI : 6). Иногда нанесены и вертикальные вдавления, так что между горизонтальными зонами образовались группы длинных вертикальных линий (табл. XVI : 8).

На сосудах третьей подгруппы встречаются местами участки, не покрытые орнаментом. Вероятно, у некоторых сосудов нижние части оставались без орнамента, так как, по сравнению с ранее описанными подгруппами, черепков, имеющих типичный для третьей подгруппы орнамент, найдено в значительно меньшем количестве.

К четвертой подгруппе ямочно-гребенчатой керамики принадлежат черепки сосудов, украшенных главным образом ямками. Часть этих черепков принадлежит, несомненно, керамике рассмотренных выше подгрупп, происходя от тех частей сосудов, на которых отсутствовал гребенчатый или линейный орнамент. Сосуды с исключительно ямочным орнаментом мало употреблялись на рассматриваемых поселениях. На одном и том же черепке ямки в большинстве случаев имеют одинаковую форму, но почти на каждом сосуде они различны. Совершенно круглые ямки встречаются редко, чаще всего они имеют округлую или округло-продолговатую, а иногда и угловатую форму. Ямки чаще всего расположены на поверхности сосудов беспорядочными рядами (табл. XVII : 1—6). Некоторые более толстые черепки украшены крупными глубокими ямками, расположенными более или менее правильными рядами, иногда в виде шахматной доски. Обрез края сосудов, украшенных этим орнаментом, сделан волнистым (табл. XVII : 4). Довольно часто края сосудов этой подгруппы лишены всякого орнамента.

Отдельные черепки орнаментированы продолговатыми ромбическими ямками. Последние покрывали, возможно, всю поверхность сосуда (табл. XVIII : 1, 2). На ряде черепков встречаются небольшие продолговатые ямки, по форме и расположению напоминающие ромбические (табл. XVIII : 3, 4). На некоторых черепках имеется орнамент из коротких дуговидных оттисков (табл. IX : 6). По своей глубине они похожи на ямки.

На сосудах рассматриваемой подгруппы встречается и более сложный орнамент, составленный из ямок разной величины и формы. Этот орнамент имеет обычно зональное расположение, причем между зонами, образованными ямками разной формы, находятся неорнаментированные полосы. Крупные ямки встречаются сравнительно редко, чаще всего это маленькие ямочки различной формы, среди них и раздвоенные (табл. XVII : 7, 8; XVIII : 5, 7—9).

На отдельных черепках наряду с ямками встречаются линии, глубокие насечки или вдавленные кружочки (табл. XVIII : 6).

К пятой подгруппе ямочно-гребенчатой керамики отнесены черепки, состав которых не содержит дресвы. Они, однако, неоднородны по составу своего глиняного теста, которое может быть или мелкозернистым, или более грубым, содержа иногда разные примеси, например толченые

раковины. Общим же для всей этой подгруппы является отсутствие дресвы в составе теста. Эти черепки сохранились в пористом виде, но все же не в такой степени, как черепки керамики нарвского типа. Окраска их большей частью светлая, преимущественно сероватая или коричневатая. В изломе они часто имеют более темную окраску, чем на поверхности. Поверхность этих сосудов в общем хуже сглажена, чем у керамики с содержанием дресвы.

Форму сосудов трудно точно определить, так как количество более крупных фрагментов, особенно днищ, невелико. Судя по имеющемуся материалу, можно полагать, что сосуды кверху расширялись достигая наибольшей ширины у верхнего края или чуть пониже его. Днища сосудов в большинстве случаев были, по-видимому, круглыми, если судить по общему сходству формы сосудов с ямочно-гребенчатой керамикой, содержащей дресву. В этой подгруппе встречаются все же и плоскодонные сосуды, как об этом свидетельствуют некоторые черепки от краев днищ (табл. XXII : 8). Верхние края сделаны плоскими и выравнены; иногда они значительно толще, чем расположенные ниже их части стенок.

Размеры сосудов и толщина стенок различны. Толщина черепков варьирует в пределах 0,6—1,3 см и у отдельных из них достигает 1,7 см. Верхнее отверстие более крупных сосудов достигает в диаметре 50 см (напр., табл. XIX : 1). Самые маленькие сосуды имели отверстие диаметром 8—9 см (напр., табл. XIX : 3).

В орнаментике керамики пятой подгруппы встречаются почти все элементы, что и в ранее рассмотренных подгруппах. Попадаются отпечатки гребенки, ямки, линии, насечки, оттиски «перевитой веревочки» и т. д. Эти элементы орнаментики связывают керамику пятой подгруппы с вышеописанными подгруппами. Однако способ нанесения орнамента и его расположение на поверхности сосуда несколько отличны. Последние признаки объединяют черепки с пористым составом в одну подгруппу и отличают их от ранее рассмотренных, особенно первых двух подгрупп ямочно-гребенчатой керамики. На основании этого черепки с пористым составом можно считать самостоятельной подгруппой.

Характерной чертой орнамента является сравнительно небрежный способ его нанесения и слабые неровные вдавления. Зональность в орнаменте не выдержана с достаточной последовательностью. Наряду с горизонтальными поясами часто встречаются вертикальные и расположенные по диагонали мотивы. Орнамент редкий; как между отдельными вдавлениями, так и между их поясами имеются довольно большие промежутки. Наличие неорнаментированных черепков свидетельствует о том, что нижняя часть сосуда пористого состава иногда вообще не покрывалась орнаментом.

Геометрические изображения очень редко встречаются в орнаментике этих сосудов, притом они сделаны небрежно, как и весь орнамент в целом. Так, например, один сосуд украшен рядом ромбов. Ромбы неправильного очертания и представляют собой двойные отпечатки гребенча-

того штампа (табл. XIX : 2). На другом сосуде видна зигзаговидная линия такого же характера (табл. XIX : 4). На третьем сосуде имеется ряд своеобразных вертикальных изображений, напоминающих елочки (табл. XIX : 1).

Иногда гребенчатые отпечатки встречаются в комбинациях с ямками (табл. XIX; XX : 2, 4; XXII : 1), большей же частью без них. Ряд черепков имеет орнамент, состоящий исключительно из гребенчатых оттисков. Оттиски обычно слабые и располагаются на поверхности сосуда горизонтальными поясами без определенного порядка (табл. XX : 1, 3, 5, 6). Соответствующие черепки имеют мучнистый, часто рыхлый состав и нередко значительную толщину (до 1,7 см).

На некоторых черепках отпечатки гребенчатого штампа расположены горизонтально, примыкая один к другому и образуя под краем сосуда особый орнаментальный пояс, в котором встречаются и небольшие ямки (табл. XIX : 5). В некоторых случаях использованы оттиски «перевитой веревочки» (табл. XXII : 9), а также похожие на них оттиски гребенчатого штампа с овальными в сечении зубцами. Оттиски последнего на верхней части сосуда расположены горизонтально, а на нижней — вертикально, так что орнамент состоит из двух зон вдавлений разного направления (табл. XXII : 7).

Встречаются черепки, на которых гребенчатые оттиски имитируют текстильный узор. Эти черепки принадлежат плоскодонным сосудам. На наружной поверхности стенок у днища сосуда расположены в два ряда небольшие ямки, а над ними поверхность густо покрыта слабыми отпечатками гребенчатого штампа, которые, заходя частично друг на друга, вдавлены в разных направлениях (табл. XXII : 8).

Значительное количество сосудов пористого состава орнаментировано насечками и линейными вдавлениями. Линии преимущественно короткие и расположены рядами, нередко вместе с ямками (табл. XXI). Наряду с горизонтальными поясами часто встречается диагонально расположенный орнамент (табл. XXI : 2—4). На некоторых фрагментах линейные оттиски образуют ромбовидные фигуры неправильного очертания (табл. XXI : 6, 9). Края сосудов также украшены преимущественно короткими линиями, изредка — небольшими ямками. На отдельных черепках встречаются более длинные узкие линии, напоминающие по своему расположению елочный орнамент шнуровой керамики (табл. XXI : 7). Встречаются и кольцеобразные вдавления (табл. XXI : 10).

Среди черепков пористого состава довольно много фрагментов керамики, украшенных только ямками. Почти все ямки небольших размеров, округлой или продолговатой формы и расположены на поверхности сосуда редкими горизонтальными или вертикальными рядами (табл. XXII : 2—5). В виде исключения встречаются образованные из ямок треугольники (табл. XXII : 6). Края сосудов украшены ямками или линиями. Наружная поверхность сосудов с ямочным орнаментом покрыта иногда беспорядочной штриховкой (табл. XXII : 2, 3).

Как видно из приведенного выше описания, ямочно-гребенчатая керамика поселений района устья реки Эмайыги довольно разнообразна. Эта керамика была здесь в употреблении, по-видимому, в течение продолжительного времени, причем подвергались изменениям как способ нанесения орнамента, так и состав глиняного теста, употреблявшегося для изготовления сосудов. Наша задача заключается в том, чтобы проследить ход этих изменений и тем самым осветить вопросы развития местной ямочно-гребенчатой керамики, что даст нам точки опоры для выяснения ее относительной хронологии. Для этого необходимо проследить распространение и стратиграфическое расположение черепков глиняных сосудов в культурных слоях стоянок.

Во всех приречных раскопах и на северо-восточном конце раскопа J поселения Акали наиболее глубокие и средние горизонты культурного слоя содержали черепки, имеющие в своем составе дресву и принадлежащие к первой, второй и четвертой подгруппам ямочно-гребенчатой керамики. В самом глубоком горизонте культурного слоя эти черепки залегали частично вперемешку с черепками древнейшей керамики нарвского типа. В следующих горизонтах культурного слоя они представляли собой преобладающий вид керамики. Таким образом, ямочно-гребенчатая керамика с дресвой хронологически следует после керамики нарвского типа.

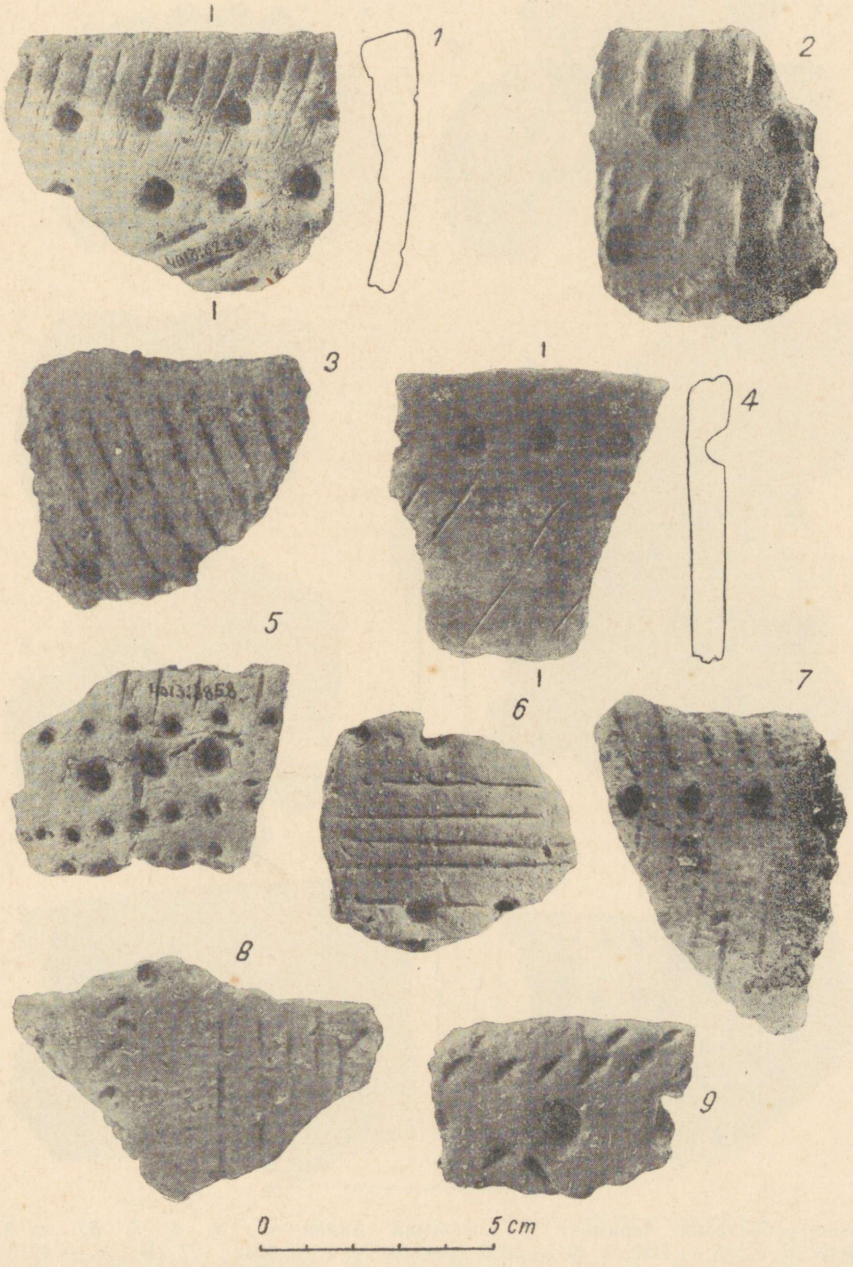
Сказанное выше еще не значит, что вся ямочно-гребенчатая керамика этого состава совершенно одинакового возраста. Можно проследить развитие ее орнамента, но пока лишь в общих чертах.

Наиболее ранняя ямочно-гребенчатая керамика Акали орнаментирована очень тщательно, показывая правильный зональный орнамент с геометрическими изображениями в виде ромбов (обычно без контуров) и зигзагообразных линий (табл. VI; IX : 1—4; XI : 1, 3; XII : 5, 6; XIII : 5). Об этом свидетельствует стратиграфическое расположение этих черепков в раскопах P и M, где культурный слой, возникший в начальном периоде существования стоянки, залегал очень глубоко и имел относительно небольшую мощность. В этих раскопах встречались только керамика нарвского типа и ямочно-гребенчатая керамика вышеупомянутого вида, в то время как черепки более позднего происхождения здесь не обнаружены. Геометрические мотивы наблюдаются только в сочетании с обычным зональным орнаментом и сами подчинены зональному расположению. Имеются сосуды, поверхность которых покрыта одними лишь чередующимися зонами простых оттисков гребенчатого штампа и ямок. Доминирующим элементом орнамента являются отпечатки гребенки. По стратиграфическому расположению к тому же периоду относятся и некоторые черепки сосудов, украшенных крупными ямками (табл. XVII : 4); они являются, однако, исключением и не меняют характера орнаментики.

На дальнейшей стадии развития орнамент ямочно-гребенчатой керамики обогащается новыми элементами и становится более разнообразным. В то же время для изготовления сосудов начинают применять глиняное тесто неоднородного состава. Сосуды с содержанием дресвы все

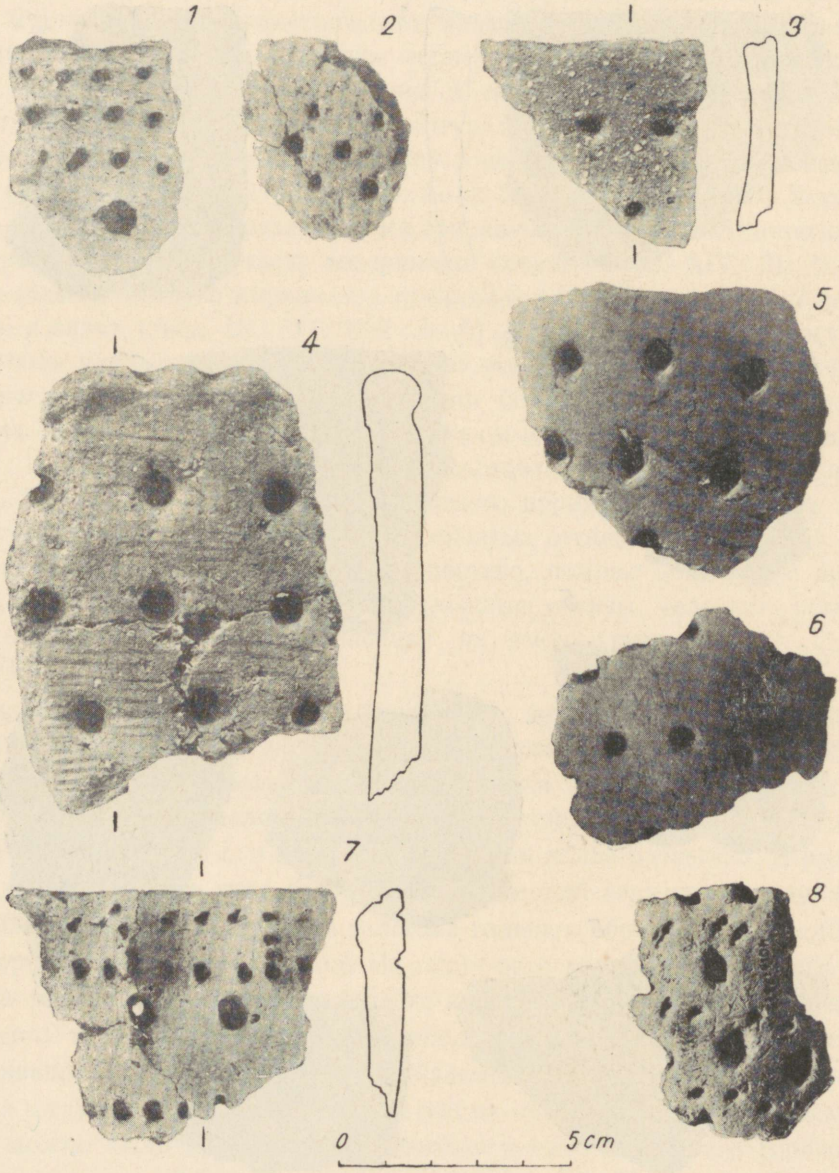
еще продолжают доминировать в керамике, но наряду с ними начинают изготовляться сосуды с примесью песка в тесте, а на конечной стадии развития появляются и отдельные пористые сосуды, в состав которых иногда введены толченые раковины. В орнаменте начинают занимать все большее место длинные узкие гребенчатые оттиски, пояса которых чередуются с ямками несколько меньших размеров, чем у керамики предыдущей стадии (табл. VII; X : 1—7). Узкий гребенчатый штамп применялся и для нанесения геометрических мотивов. На данной стадии развития ямочно-гребенчатой керамики геометрический орнамент достигает своей кульминационной точки. Ромбы и треугольники, нанесенные гребенчатым штампом, окаймляются контурами, параллельные зигзагообразные линии располагаются отдельной зоной, обрамленной горизонтальными оттисками гребенки (табл. XII : 1—4; XIII; XIV; XV : 1—3). В некоторых случаях зигзагообразные пояса заполнены гребенчатыми оттисками и покрывают бóльшую часть поверхности сосуда (табл. XIV : 3). В качестве новых элементов в орнаменте появляются оттиски «перевитой веревочки» и линии (табл. IX : 7, 8; XVI : 4—6). Увеличивается число сосудов с ямочным орнаментом, ямки принимают все более разнообразную форму; иногда они делаются продолговатыми (табл. XVIII). В этот же период на стоянке появляются сосуды с узором из ромбических ямок (табл. XVIII : 1, 2). Наряду с крупными представлены и небольшие ямки (табл. XIV : 6; XV : 3), а также вдавления, произведенные концом гребенчатого штампа между поясами гребенчатых оттисков (табл. X : 5). На немногочисленных сосудах пористого состава, помимо зонального орнамента, встречаются некоторые более сложные мотивы: «елочки», ромбы, зигзагообразные линии, треугольники из ямок (табл. XIX : 1, 2, 4; XXII : 6).

Рассматриваемая керамика обнаружена, как правило, в приречных раскопах стоянки Акали, причем на тех окраинах стоянки, где культурный слой залегал наиболее глубоко, керамики этого типа в общем не было. Лучше всего удалось проследить ее стратиграфическое расположение в раскопах H и L и на северо-восточном конце раскопа J. В раскопе H керамику этого типа содержал весь средний горизонт культурного слоя. В раскопе L эта керамика залегала главным образом в самом нижнем горизонте культурного слоя. На приречном конце раскопа J эта керамика располагалась в средней части культурного слоя, над керамикой нарвского типа и ранней ямочно-гребенчатой. В более отдаленных от реки квадратах раскопа J рассматриваемый вид керамики постепенно уходил в глубь культурного слоя, так что на юго-западном конце раскопа J его можно было проследить в основном в самом глубоком горизонте культурного слоя. В раскопе I эта керамика залегала лишь отдельными черепками на дне культурного слоя. В раскопах N и Q в самых нижних горизонтах культурного слоя также встречались лишь отдельные черепки, которые могут быть отнесены к ямочно-гребенчатой керамике этой стадии.

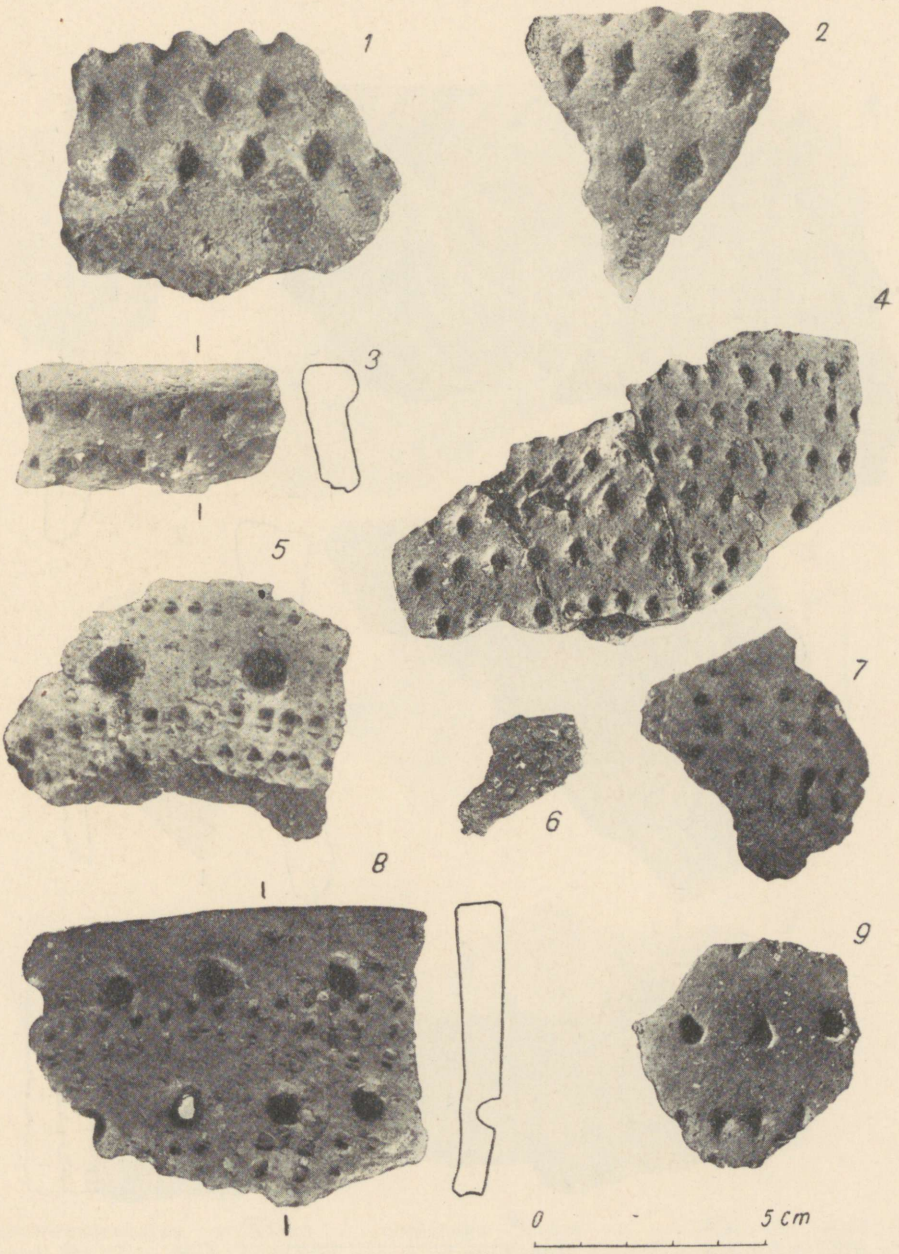


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 6228 (раскоп J), *2* — 4013 : 6587 (J), *3* — 4013 : 7647 (J), *4* — 4013 : 3487 (J), *5* — 4013 : 3858 (J), *6* — 4013 : 3466 (J), *7* — 4013 : 6742 (J), *8* — 4013 : 7595 (J), *9* — 4013 : 3220 (J).

ТАБЛИЦА XVII

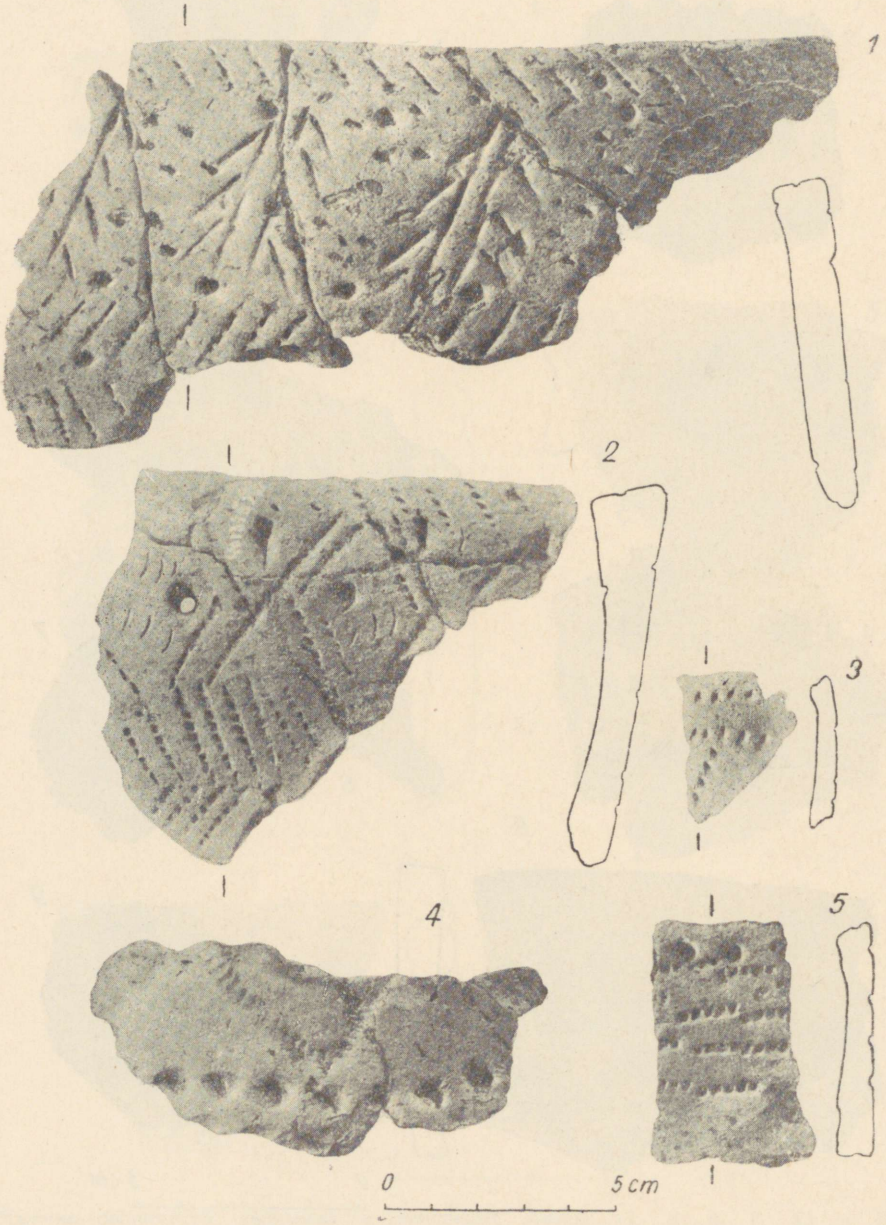


Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали (*1, 3, 4, 7, 8*) и Кулламяги (*2, 5, 6*). *1* — ИИ № 4013 : 6636 (раскоп J), *2* — 4045 : 127 (B), *3* — 4013 : 3406 (J), *4* — 4013 : 3370 (J), *5* — 4045 : 1294 (L), *6* — 4045 : 1285 (L), *7* — 4013 : 7639 (J), *8* — 4013 : 2879 (I).

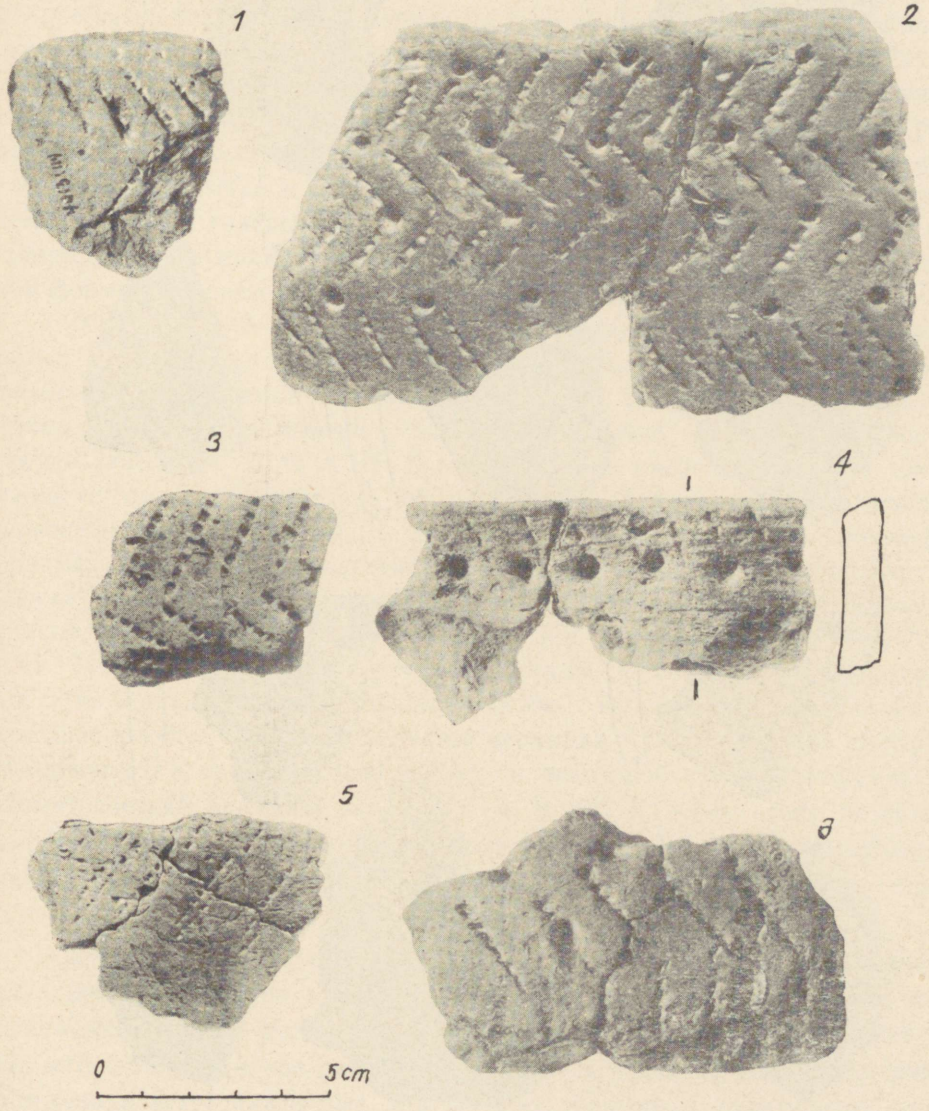


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 141 (раскоп А), *2* — 4013 : 3689 (J), *3* — 4013 : 3553 (J), *4* — 4013 : 3072/3079 (J), *5* — 4013 : 7344 (J), *6* — 4013 : 5079 (J), *7* — 4013 : 6620 (J), *8* — 4013 : 7932 (L), 4013 : 6754 (J).

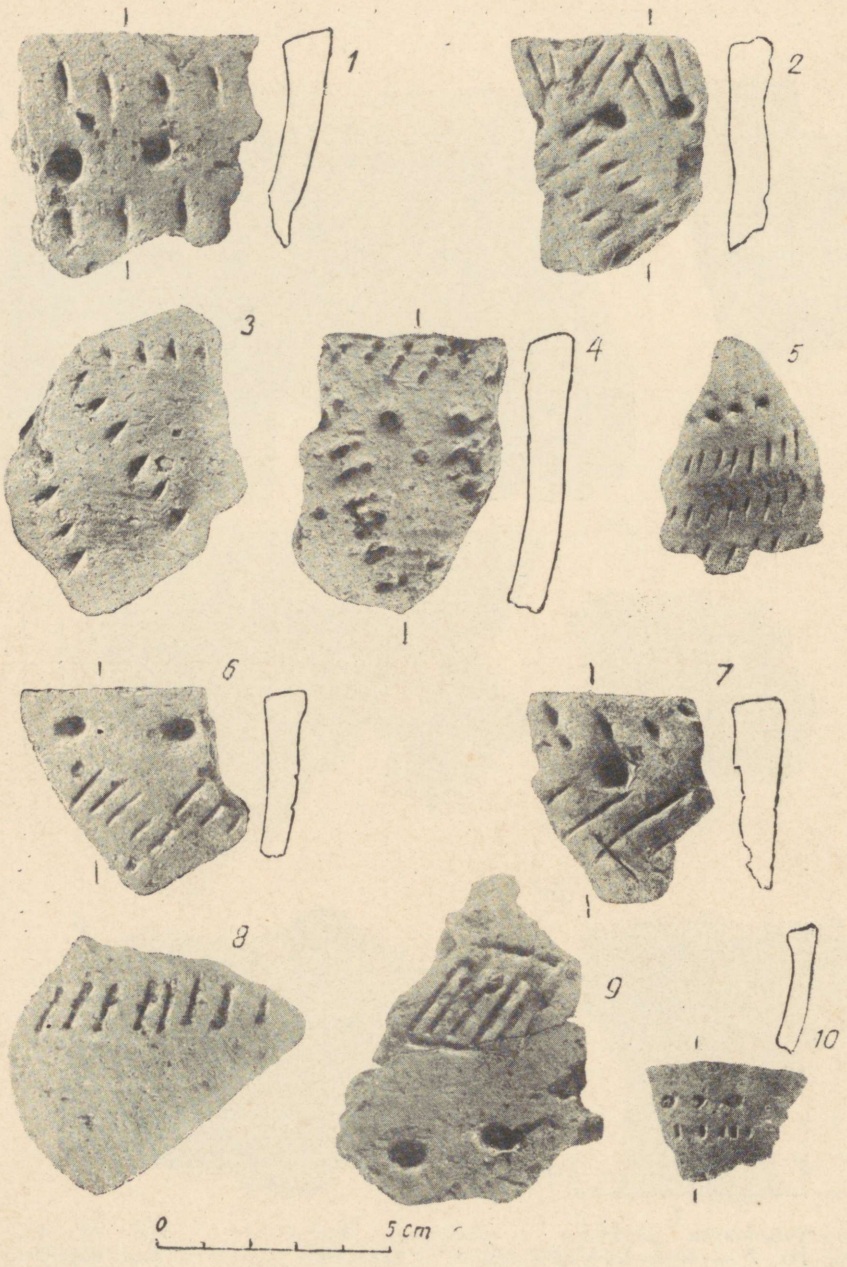
ТАБЛИЦА XIX



Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 3316/3719/3724 (раскоп J), *2* — 4013 : 5954 (J), *3* — 4013 : 6459 (J), *4* — 4013 : 3603 (J), *5* — 4013 : 7435 (J).



Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 114 (раскоп Н), *2* — 4013 : 3355/3359 (J), *3* — 4013 : 6481 (J), *4* — 4013 : 6544/6575 (J), *5* — 4013 : 3054 (J), *6* — 4013 : 3917 (J).



Ямочно-гребенчатая керамика с поселений Акали *(1—8, 10)* и Кулламяги *(9)*. *1* — ИИ № 4013 : 6569 (раскоп J), *2* — 4013 : 4909 (J), *3* — 4013 : 5351 (J), *4* — 3800 : 390 (D), *5* — 4013 : 5322 (J), *6* — 4013 : 3095 (J), *7* — 4013 : 3365 (J), *8* — 4013 : 8042 (L), *9* — 4045 : 977 (E), *10* — 4013 : 6276 (J).

Вторая стадия развития ямочно-гребенчатой керамики поселения Акали следует хронологически за первой. По сравнению с предыдущей стадией следует опять-таки отметить появление в орнаменте еще большего разнообразия и новых элементов, причем доминирующим элементом продолжают оставаться отпечатки гребенчатого штампа. Способ выполнения орнамента в общем стал несколько менее тщательным, а узора — менее правильным.

Прослеживание стратиграфии залегания черепков на стоянках в районе устья реки Эмайыги дает возможность выделить в развитии ямочно-гребенчатой керамики еще и третью стадию. На этом этапе в значительной степени возрастает количество сосудов пористого состава. Некоторые сосуды изготовлены из довольно тонкой массы, их черепки сохранились в разрыхленном мучнистом состоянии. Однако продолжается изготовление керамики и из теста с примесью дресвы. Черепки из такого теста относятся главным образом к описанным выше третьей и частично четвертой подгруппам. Для орнамента характерно употребление различной формы линейных вдавлений, насечек и мелких ямок (табл. XVI : 1—3, 7—9; XVII : 1—3, 5—8; XXI; XXII). По-прежнему используется гребенчатый штамп, но в меньшей степени, чем раньше; часто промежутки между зубцами штампа выражены очень слабо. Встречаются оттиски различных гребенчатых штампов, вдавленные обычно слабо в поверхность сосуда (табл. XX : 5, 6; XXII : 7). Нередко они расположены не в сочетании с ямками, а отдельно от последних, образуя небрежно расположенные пояса (табл. XX : 1, 3). Прежняя строго зональная структура орнамента начинает разлагаться. Вдавления нанесены на поверхность сосуда редкими рядами, которые, как правило, расположены горизонтально, но довольно часто и вертикально или диагонально (табл. XVI : 8; XXI : 2—4; XXII : 1, 5). Встречаются сосуды, у которых часть поверхности не покрыта орнаментом. Поверхность сосудов менее ровная, чем у предшествующей ямочно-гребенчатой керамики. Тем не менее на сосудах, содержащих в своем составе дресву, в некоторой степени сохраняется геометрический орнамент (табл. XV : 4, 6—8). К этому этапу развития ямочно-гребенчатой керамики принадлежит сосуд, в орнамент которого входят сделанные гребенчатыми оттисками изображения птиц (табл. XV : 5).

В приречных раскопах стоянки Акали рассмотренная керамика залегала преимущественно в верхнем горизонте культурного слоя. Это особенно выявилось в раскопе H и на северо-восточном конце раскопа J. На юго-западном конце раскопа J, а также в раскопах L и N керамика этого вида встречалась уже и в средних горизонтах культурного слоя. В раскопах I и Q соответствующие черепки попадались в небольшом количестве и в самом нижнем отложении культурного слоя, под позднейшими типами керамики.

Дальнейшее развитие ямочно-гребенчатой керамики на стоянках приустья реки Эмайыги уже не протекало самостоятельно, а находи-

лось под некоторым воздействием новых, появившихся здесь типов керамики. Вместе с тем ямочно-гребенчатая керамика в своем прежнем виде фактически перестала бытовать, однако некоторые элементы ее орнаментики перешли на новую керамику. Традиции ямочно-гребенчатой керамики проявляются в новой керамике в виде таких элементов орнамента, как маленькие ямки и отдельные гребенчатые оттиски (табл. XXXIII).

Как уже указывалось, на стоянке Кулламяги ямочно-гребенчатой керамики, по сравнению с более поздними типами керамики, найдено значительно меньше, чем на стоянке Акали. На стоянке Кулламяги не обнаружено черепков, сходных с черепками самой ранней стадии ямочно-гребенчатой керамики Акали. Здесь представлены лишь вторая и третья стадии развития ямочно-гребенчатой керамики (табл. VIII : 6; IX : 5; X : 7; XI : 2, 7; XII : 1; XIV : 3; XVII : 2, 5, 6; XXI : 9). При этом черепки глиняных сосудов второй стадии найдены преимущественно в раскопах A, B, C, D и F, где они залегали в нижнем горизонте культурного слоя. Поздняя ямочно-гребенчатая керамика (третья стадия) найдена во всех раскопах, где вообще имелись находки, при этом, однако, в меньшем количестве в тех раскопах, которые расположены на бугре и его юго-восточном склоне (раскопы O, L, I, K). Поздняя ямочно-гребенчатая керамика залегала в нижних и средних горизонтах культурного слоя, часто вперемешку с черепками других типов керамики. Таким образом, условия залегания черепков в Кулламяги подтверждают, в свою очередь, приведенную выше схему развития ямочно-гребенчатой керамики в районе устья реки Эмайыги.

Ямочно-гребенчатая керамика, аналогичная керамике Акали и Кулламяги, встречается и на других неолитических поселениях Эстонской ССР и смежных территорий. Керамика из Ломми [1] своим однородным зональным орнаментом, в котором встречается много геометрических мотивов, соответствует ранней ямочно-гребенчатой керамике Акали. Ямочно-гребенчатая керамика, характерная для поселений Нарва-Рийгикюла I и II, примыкает к ямочно-гребенчатой керамике первой и второй стадии из Акали. То же самое можно сказать и относительно керамики из поселения в самом г. Нарве.[2] Из южного раскопа Ягала получено много черепков керамики, близкой к ранней ямочно-гребенчатой керамике Акали.[3] В северном раскопе Ягала найдены черепки, которые, по-видимому, в основном синхронны с ямочно-гребенчатой керамикой Акали третьей стадии, но несколько отличаются от последней.[4] Основную часть керамики стоянки Валма [5] можно сравнить с керамикой второй стадии Акали. Незначительная часть керамики из Валма все же, возможно, имеет более раннее происхождение и соответствует наиболее ранней ямочно-гребен-

---

[1] ИИ № 3810 : 1—36; 3867 : 1—558.
[2] ИИ № 4101.
[3] Spreckelsen, Der Burgberg in Jaggowal, рис. 1, 9—15.
[4] Там же, рис. 2—4, 6—8, 16—20.
[5] ИИ № 4022 : 1—5870.

чатой керамике Акали, тогда как еще меньшее количество черепков относится к более позднему времени, приближаясь к ямочно-гребенчатой керамике третьей стадии. Керамика из Наакамяэ,[1] Ундва [2] и Лоона [3] значительно отличается от керамики со стоянок приустья реки Эмайыги и не может быть сопоставлена с последней. По уровню своего развития она, видимо, примыкает ближе всего к ямочно-гребенчатой керамике третьей стадии из Акали. Керамика, обнаруженная на стоянке Вилла,[4] имеет больше всего аналогий среди керамики второй и третьей стадий из Акали. Ямочно-гребенчатая керамика из Тамула [5] соответствует в основном керамике третьей стадии из Акали, особенно ее позднейшей части.

На территории Латвийской ССР стоянка Звейниеки на берегу Буртниекского озера дала черепки глиняных сосудов,[6] довольно близко примыкающих к керамике Валма и относящихся к ямочно-гребенчатой керамике поселения Акали примерно так же, как последняя. Керамика из Риннюкалнса имеет, по сравнению с материалом из Акали, своеобразные черты.[7] По общему характеру орнамента она наиболее близка ямочно-гребенчатой керамике третьей стадии из Акали. Среди поздней ямочно-гребенчатой керамики из Акали встречаются некоторые черепки, полностью соответствующие типичной керамике Риннюкалнса (табл. XXII : 7) [8]. На одном черепке из Риннюкалнса имеется, однако, ряд «елочек»,[9] образованных оттисками гребенчатого штампа, аналогичных орнаменту на черепках сосудов пористого состава из Акали, которые относятся к концу второй стадии ямочно-гребенчатой керамики (табл. XIX : 1).

Из стоянок восточной Латвии Ича дала ямочно-гребенчатую керамику разнообразных типов, сходную в общем с керамикой, обнаруженной на стоянках района устья реки Эмайыги.[10] Хотя стратиграфия находок в Ича нам неизвестна, можно все же полагать, что ямочно-гребенчатая керамика развивалась там в общих чертах тем же путем, что и в районе устья р. Эмайыги. С других стоянок восточной Латвии керамики собрано пока слишком мало для того, чтобы получить о ней достаточно ясное представление. Имеющийся материал из Личагалса,[11] Звейниеки (на бе-

---

[1] ИИ № 4211 : 1—114.
[2] ИИ № 3951 : 1—455.
[3] ИИ № 4129 : 1—1369.
[4] ИИ № 4037 : 1—1489.
[5] ИИ № 3659 : 1—33; 3932 : 1—332; 3960 : 1—396; 4118 : 1—1804.
[6] RK 1930, табл. 2 : 6—11. Šturms, Akmenslaikmets Latvijā I, рис. 3 : r—t.
[7] RK 1930, табл. 4 : 33, 35. Šturms, Akmenslaikmets Latvijā I, рис. 2 : m, o—s.
[8] Ср. RK 1930, табл. 4 : 35.
[9] RK 1930, табл. 4 : 33.
[10] МИЛ № 64138—64164; 64169—64207.
[11] RK 1930, табл. 2 : 2—4. Šturms, Akmenslaikmets Latvijā I, рис. 4 : h—o. МИЛ № 439—442; 2937—2942; 4995; 4996; 5000; 5002—5006; 6201—6203; 8401; 8928; 9113—9120; 9184.

регу озера Виране) [1] и Рамслава [2] в общих чертах соответствует как будто ямочно-гребенчатой керамике из Акали второй, а частично, и третьей стадии. Керамика из Лиезере [3] не старше, по-видимому, ямочно-гребенчатой керамики третьей стадии из Акали.

Из поселений Пурциемс наиболее древней является стоянка E, где часть керамики, украшенной зональным орнаментом и ромбами из оттисков гребенчатого штампа, синхронна, по-видимому, с ямочно-гребенчатой керамикой второй стадии из Акали.[4] Керамика со стоянок Пурциемс C и D имеет очень редкий, разбросанный по поверхности сосуда орнамент, состоящий из ямок, насечек и линейных вдавлений. Зональности здесь почти не наблюдалось, а своей заштрихованной поверхностью эта керамика напоминает позднюю часть ямочно-гребенчатой керамики третьей стадии из Акали.[5] Скорее всего упомянутые стоянки Пурциемс относятся к еще несколько более позднему периоду. Керамика остальных стоянок Пурциемс уже совершенно лишена орнамента.

Небольшая часть керамики из Леяс-Цискаса довольно близко примыкает к ямочно-гребенчатой керамике второй стадии из Акали.[6] Основная же масса керамики сравнительно сходна с материалом стоянок Пурциемс C и D и, вероятно, лишь несколько старше его.[7] Таким образом, большая часть керамики Леяс-Цискаса в общих чертах синхронна, по-видимому, с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии из Акали. Керамика обеих стоянок не лишена и общих черт, особенно орнамента в виде ямок и насечек.

Керамика Сарнате имеет меньше общих черт с керамикой Акали, но по своему общему характеру ее можно все же сравнить с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии из Акали и частично с другими, еще более поздними группами керамики.[8]

На расстоянии 0,5 км от главного поселения Сарнате найдена и ранняя ямочно-гребенчатая керамика, которая по своему орнаменту соответствует керамике Акали первой или второй стадии.[9]

Ямочно-гребенчатая керамика обнаружена также в разных местах территории Калининградской области. Из местонахождений, давших большое количество материала, следует упомянуть стоянки близ деревни Серово (быв. Цедмар) Озерского района и стоянку в самом городе Калининграде. Последняя дала типичную ямочно-гребенчатую керамику,[10] кото-

---

[1] МИЛ № 8404—8419; 9102.

[2] RK 1930, табл. 2 : 1. МИЛ № 5541—5545; 9107; 9401.

[3] RK 1930, табл. 2 : 12—15. Sturms, Akmenslaikmets Latvijā I, рис. 5.

[4] Sen. un M. 1937 I, стр. 49, рис. 4.

[5] Sen. un M. 1937 I, стр. 50, рис. 5; стр. 51, рис. 6; стр. 53, рис. 8; Sen. un M. 1937 IV, стр. 87, рис. 4.

[6] Sturms, Zebrus-See, табл. I : 1—4.

[7] Там же, табл. I : 5—14; IV : 8—10, 12.

[8] Sen. un M. 1940 I стр. 48, рис. 7.

[9] Из раскопок Л. В. Ванкиной 1954 г.; хранится в МИЛ.

[10] Engel, Altpreuss. Stämme, табл. 35.

рая во многом совпадает с ямочно-гребенчатой керамикой первой и второй стадий из Акали. Керамика стоянок A и D близ Серова более разнообразна. Хронологически она, по всей вероятности, соответствует всем стадиям ямочно-гребенчатой керамики Акали и Кулламяги.[1]

Как видно из приведенного обзора, ранняя, типичная ямочно-гребенчатая керамика представляет собой в Восточной Прибалтике довольно однородную группу, для которой характерны последовательно выдержанная зональность орнамента со значительным преобладанием гребенчатых оттисков, по сравнению с ямками, и частое употребление геометрических мотивов, особенно ромбов и зигзаговидных линий. Развитие керамики идет в направлении разложения зональности в орнаменте, более редкого расположения элементов орнамента на поверхности сосудов и увеличения удельного веса небольших ямок, насечек и линейных вдавлений. Вместе с тем поздняя ямочно-гребенчатая керамика теряет в значительной степени свою однородность. Складываются более ограниченные местные группы, и даже при сравнении керамики отдельных близко расположенных друг к другу стоянок можно нередко подметить значительные расхождения. Появление здесь новых типов керамики, в свою очередь, содействует углублению дифференциации керамики, о чем речь будет еще впереди.

Ранняя, типичная ямочно-гребенчатая керамика Восточной Прибалтики принадлежит к крупной группе керамики, областью распространения которой являются западные районы лесной полосы Восточной Европы. Для того чтобы отличить эту керамику от керамики, характерной для восточных районов лесной полосы Восточной Европы, в частности бассейна р. Оки и Верхнего Поволжья, М. Е. Фосс назвала первую гребенчато-ямочной, а вторую — ямочно-гребенчатой.[2] Согласно М. Е. Фосс, типичная для западных районов ямочно-гребенчатая керамика распространена, помимо Восточной Прибалтики, еще на территории смежных с ней областей РСФСР, Белорусской ССР, западной Карелии и Финляндии.[3] Ранняя ямочно-гребенчатая керамика Восточной Прибалтики очень

---

[1] К сожалению, керамика из Серова (Цедмара) полностью не опубликована. См. Gaerte, Keramik, рис. 68—70. Engel, Altpreuss. Stämme, табл. 36; 37 : k. Gross, Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch, стр. 130.

[2] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 65.

[3] Там же, стр. 165 и сл., рис. 86—88. Однако следует отметить, что автору настоящей работы на территории Белорусской ССР типичная для Восточной Прибалтики ранняя ямочно-гребенчатая керамика неизвестна. Правда, неолитические памятники Белорусской ССР исследованы еще очень недостаточно, но опубликованная уже раньше оттуда неолитическая керамика отличается от соответствующей керамики Восточной Прибалтики. См. К. М. Палікарповіч, Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. (Па досьледах 1926 г.). Інстытут Беларускае Культуры. Запіскі Аддзелу Гуманітарных Навук, кніга 5. Працы Катэдры Археолёгіі, том I, Менск, 1928, стр. 123—252. К. М. Палікарповіч, Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледваньня 1927 г. Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі Аддзелу Гуманітарных Навук, кніга II. Працы Археолёгічнай Камісіі, том II, Менск, 1930, стр. 383—478.

близка к соответствующей керамике западной Карелии и восточной Финляндии (стиль II по А. Эйряпя), можно даже сказать, совершенно сходна с ней. Также и развитие керамики в определенный период на обеих территориях шло в одинаковом направлении, а именно, в начале геометрический зональный орнамент утончается и усложняется, а затем его зональная структура начинает разлагаться, орнамент становится более редким и неправильным. Даже состав глиняного теста, употреблявшегося для изготовления сосудов, меняется: оно становится все более пористым и содержит меньше дресвы.[1]

Вопрос о том, где возникла типичная для Восточной Прибалтики ямочно-гребенчатая керамика, еще не разрешен. Материал из Акали говорит против того, чтобы типичная ямочно-гребенчатая керамика могла возникнуть здесь на месте, как продукт развития местной древнейшей керамики нарвского типа. От последней ямочно-гребенчатая керамика с самого начала резко отличается не только по орнаменту, но и по способу обжига и составу. Полученный материал не отражает постепенного перехода одного вида керамики в другой. На стоянке Акали типичная ямочно-гребенчатая керамика появляется не постепенно, а сразу, и одновременно с ее появлением, или несколько позже, здесь как будто прекращается изготовление прежней керамики более низкого качества.

Создается впечатление, что этот тип керамики возник в каком-то ограниченном районе, откуда он сравнительно быстро распространился на обширную территорию от Финляндии до юго-восточного побережья Балтийского моря, по-видимому в связи с расселением изготовлявших ее племен. До этого на этой территории существовали местные группы керамики: в Финляндии, Карелии и Ленинградской области была представлена керамика типа Сперрингс, на территории Эстонии — керамика нарвского типа, в теперешней Калининградской области — керамика серовского типа. Ясно, что типичная ямочно-гребенчатая керамика не могла в одно и то же время возникать повсюду самостоятельно на базе этих разнообразных керамических групп. А. Эйряпя отмечает, что типичная ямочно-гребенчатая керамика в Финляндии представляет собой восточное явление, которое проникло в западную ее часть, где керамика типа Сперрингс бытовала более длительное время, позже, чем в восточную часть. В то же время А. Эйряпя считает возможным, что типичная ямочно-гребенчатая керамика возникла из поздней керамики типа Сперрингс где-то в Приладожье, где керамика неолитических стоянок показывает непрерывное развитие от типа Сперрингс (стиль I по Эйряпя) к типичной ямочно-гребенчатой керамике (стиль II).[2] Все же нужно заметить, что типичная ямочно-гребенчатая керамика, по сравнению с керамикой типа Сперрингс, содержит с самого начала новые элементы, которые, по-видимому, могут быть объяснены проникшими извне влияниями. В то же

---

[1] Äyräpää, Chronologie, стр. 179 и сл., рис. 42—63.

[2] Там же, стр. 179—183.

время кажется вероятным, что территория возникновения типичной ямочно-гребенчатой керамики была более обширной, чем только ближайшие окрестности Ладожского озера. Возможно, что эту территорию следует искать на промежуточном пространстве между Ладожским озером и Валдайской возвышенностью, где известны стоянки с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, как Коломцы на Ильменском озере, Городно и др. К сожалению, неолитические памятники этой территории исследованы еще очень слабо, и поэтому наши сведения о них еще весьма ограничены.

На более позднем этапе развития ямочно-гребенчатой керамики, характеризующемся в Восточной Прибалтике образованием более ограниченных местных групп, ослабевает и общность в развитии керамики между Восточной Прибалтикой и областями юго-западной Карелии и юго-восточной Финляндии. На развитие керамики последних территорий в этот период начинает как бы оказывать влияние керамика, украшенная главным образом ямками,[1] распространенная на территории Карелии и характерная для района Оки и Верхнего Поволжья. О связях с восточными областями свидетельствуют также найденные на ряде стоянок территории Эстонской ССР (Акали, Вилла, Ягала, Нарва-Рийгикюла I и II) черепки сосудов с ямочным орнаментом, в том числе и с ромбическими ямками, появившихся здесь, очевидно, уже в период второй стадии ямочно-гребенчатой керамики из Акали. Этот типичный для восточной керамики ямочный орнамент, однако, как будто не оказывает сколько-либо решающего влияния на развитие керамики Восточной Прибалтики, так как широко распространенный здесь позднее ямочный орнамент носит иной характер. Участившееся применение ямок связано, очевидно, с общим направлением развития местной керамики. На восточных же территориях, наоборот, позднее заметна тенденция меньшего использования в орнаменте ямок по сравнению с гребенчатыми оттисками и прочими элементами орнамента.[2] Среди поздней ямочно-гребенчатой керамики Восточной Прибалтики также встречаются часто сосуды, украшенные только гребенчатым штампом. В общем, поздняя ямочно-гребенчатая керамика в Восточной Прибалтике становится несколько более разнообразной, но в то же время и более раздробленной, чем ранняя керамика этого же вида.

Текстильная керамика

Текстильная керамика характеризуется вдавленными в поверхность сосудов оттисками ткани. Этот вид керамики также имеет несколько подгрупп, отличающихся друг от друга по характеру текстиля, составу глиняного теста, форме сосудов и некоторым элементам орнамента.

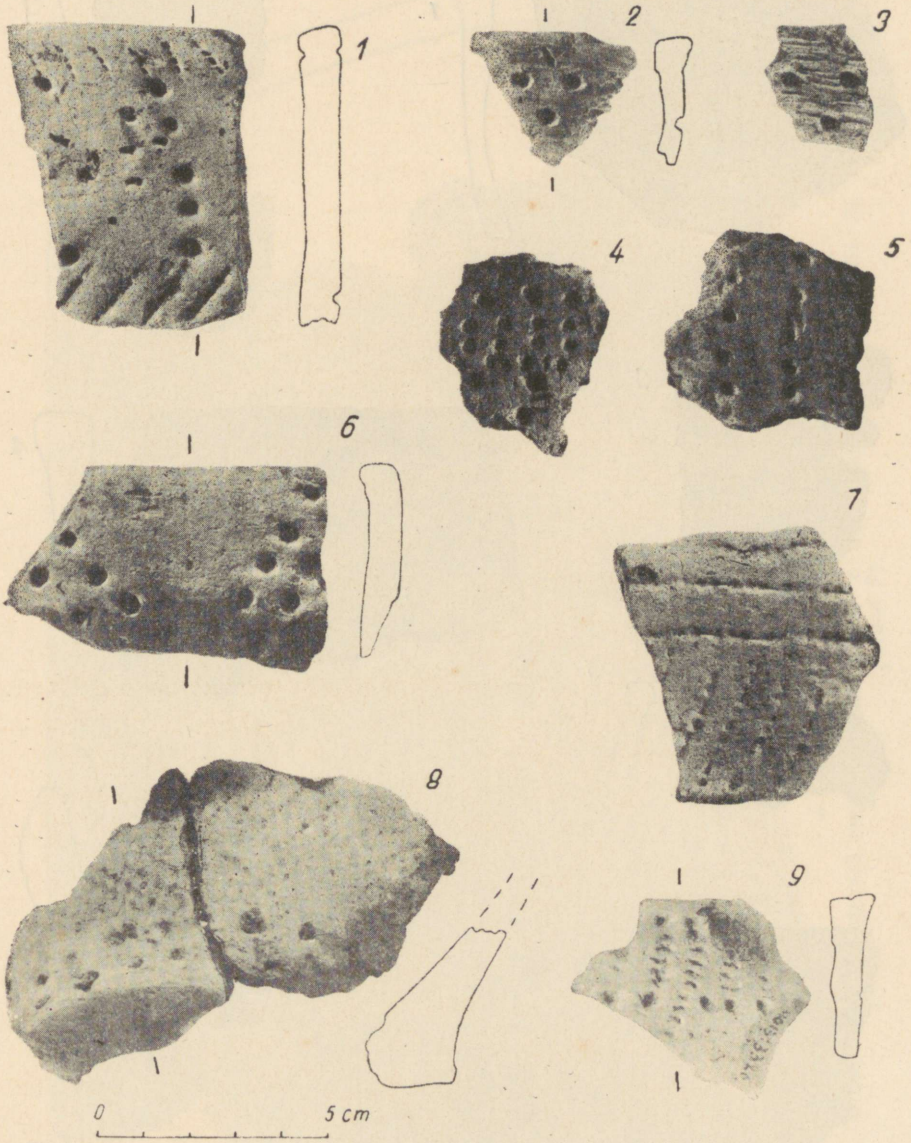
---

[1] Äyräpää, Chronologie, стр. 187 и сл., рис. 77—82.

[2] П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА 5, М.—Л., 1941, стр. 15. Брюсов, Очерки по истории племен, стр. 60, 63, 67, 77 и сл. Гурина, Поселения на Онежском оз., рис. 20, 28, 36.

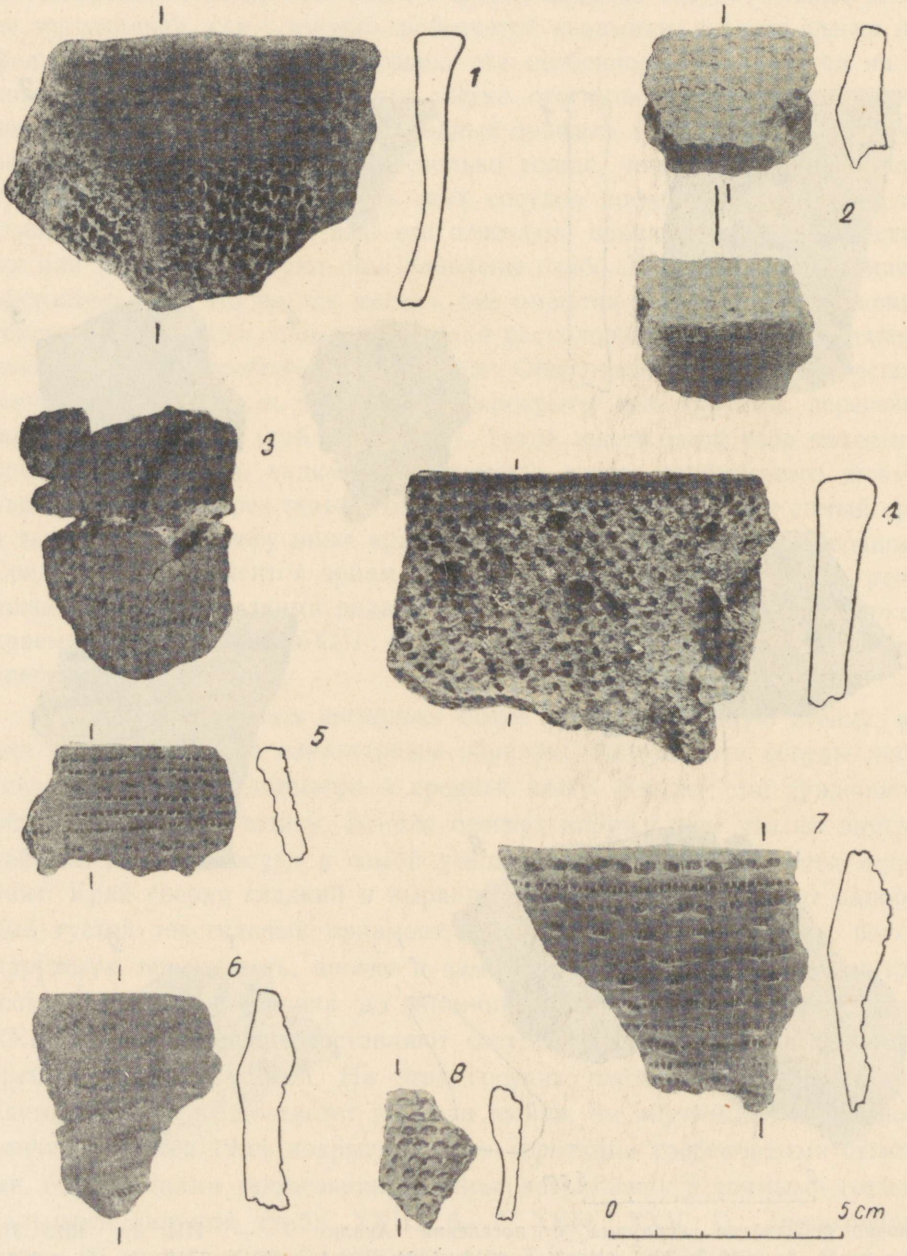
Особого внимания заслуживают глиняные сосуды, на которых текстильный узор сочетается с гребенчатым орнаментом. Эти сосуды имеют пористый состав. В глиняное тесто их введены различные примеси, по-видимому и толченые ракушки, и слюда. Обжиг такой же, как у ямочно-гребенчатой керамики. Форма сосудов, однако, несколько отлична. Различие проявляется прежде всего в форме венчика сосуда. Стенка сосуда не вертикальна, как у ямочно-гребенчатой керамики, а часто слегка профилирована. Наиболее примитивно эта особенность проявляется на некоторых сосудах, края которых слегка отогнуты наружу, в результате чего стенка имеет несколько S-овидный профиль (табл. XXIII : 1). Самый венчик совершенно простой, несколько толще, чем нижележащая часть стенки. Наружная поверхность этих сосудов носит неравномерные текстильные отпечатки. Местами эти отпечатки вдавлены сильнее, местами же или вовсе отсутствуют, или вдавлены слабо. Привлекает внимание то обстоятельство, что на тех местах, где имеются более ясно выраженные текстильные оттиски, они оказываются расположенными рядами, напоминающими ряды гребенчатых оттисков. Обыкновенно эти ряды расположены параллельно, но иногда они перекрыты еще другими, пересекающими их оттисками (табл. XXIII : 3). Такой текстильный узор нанесен на поверхность сосуда, видимо, при помощи узкого гребенчатого штампа, надавливаемого через ткань. Иногда вдавления покрывают и самый край, а также узкую полосу ниже края сосуда на его внутренней поверхности. Среди прочих элементов орнамента встречаются небольшие ямки, расположенные двумя редкими рядами на наружной поверхности под верхним краем сосудов (табл. XXIII : 4), а на одном черепке имеются оттиски «перевитой веревочки».

У сосудов, имеющих несколько более профилированную стенку, венчик оформлен более характерным образом. Видимо, эти сосуды достигают наибольшего диаметра в средней части. Кверху они суживаются, образуя короткую шейку. Венчик отогнут наружу, так что на внутренней поверхности сосуда в самой узкой части шейки образуется острый рант. Край сверху гладкий и выравненный. Эти сосуды имеют однородный густой текстильный орнамент, покрывавший, по-видимому, всю их наружную поверхность, иногда и самый край сосуда, а также внутреннюю поверхность венчика до упомянутого выше ранта шейки (табл. XXIII : 2). Исключение составляют сосуды, у которых шейка украшена гребенчатыми оттисками. На этих сосудах текстильный узор заканчивается ниже и не достигает ни края шейки, ни внутренней поверхности венчика. Шейка здесь покрыта узкими короткими гребенчатыми оттисками, образующими зигзаговидные линии вперемежку с прямыми горизонтальными линиями (табл. XXIII : 5—7; XXIV; XXV : 1). Зигзаговидная линия из таких же гребенчатых оттисков встречается иногда и на крае и на внутренней поверхности венчика. Под поясом гребенчатых оттисков, в том месте, где начинается текстильный узор, иногда имеется ряд вертикальных гребенчатых оттисков, образующих как бы «бахрому». Под

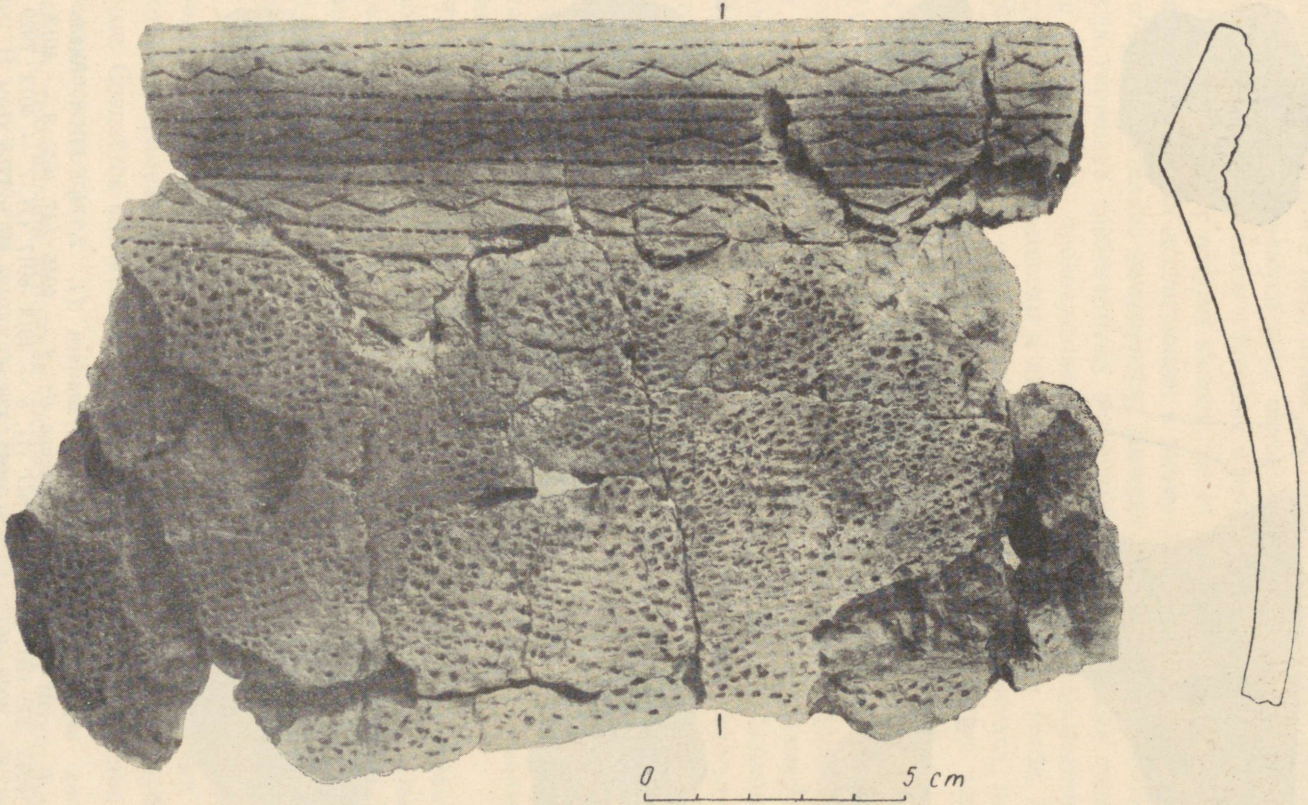


Ямочно-гребенчатая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 3156 (раскоп J), *2* — 4013 : 7391 (J), *3* — 4013 : 1304 (I), *4* — 4013 : 7712 (J), *5* — 4013 : 8327 (N), *6* — 4013 : 3355 (J), *7* — 4013 : 3064 (J), *8* — 4013 : 3061 (J), *9* — 4013 : 3326 (J).

ТАБЛИЦА XXIII

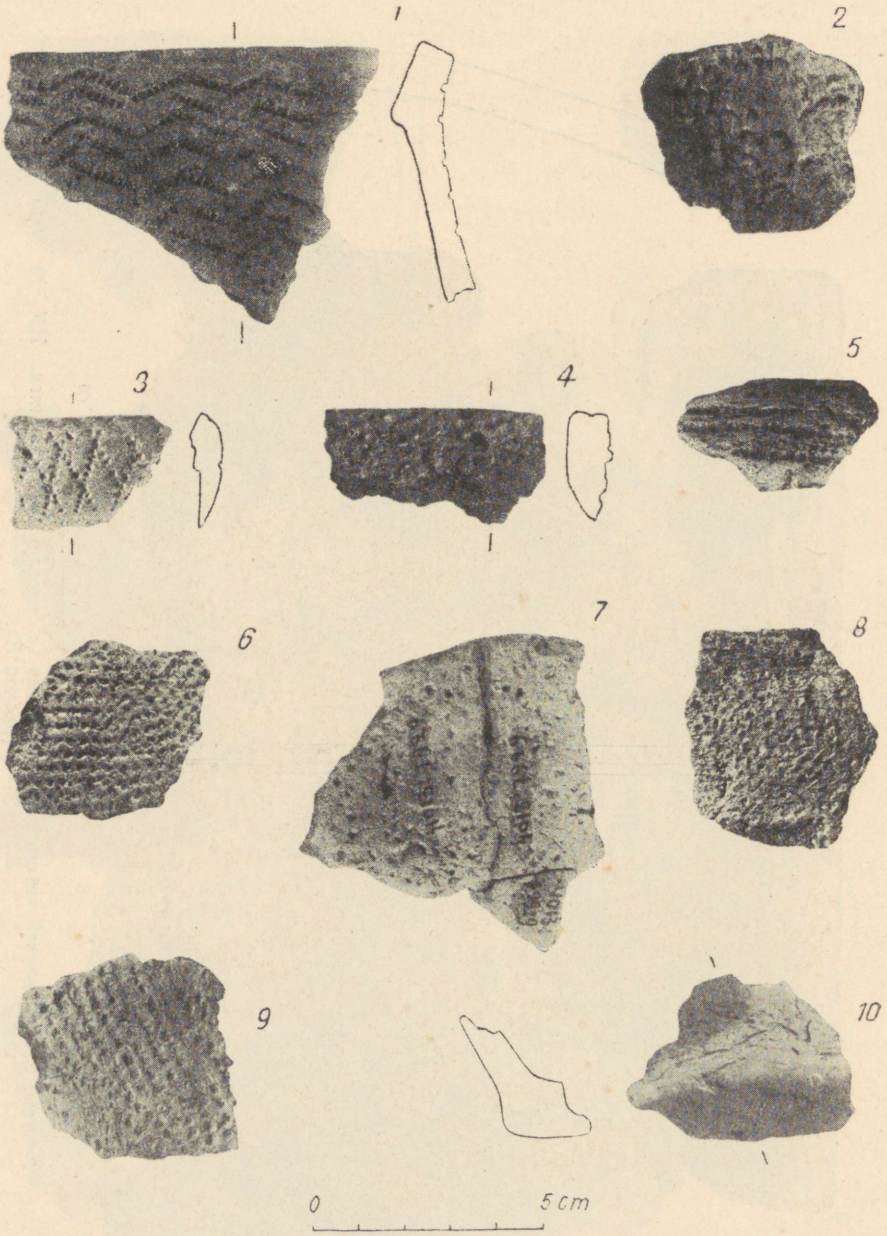


Текстильная керамика с поселений Акали *(1, 3, 4, 8)* и Кулламяги *(2, 5—7)*. *1* — ИИ № 4013 : 5391 (раскоп J), *2* — 4045 : 508 (C), *3* — 3800 : 357 (D), *4* — 4013 : 8521 (Q), *5* — 4045 : 412 (C), *6* — 4045 : 538 (C), *7* — 4045 : 122 (B), *8* — 4013 : 153 (H).



Фрагмент сосуда ранней текстильной керамики с поселения Кулламяги. ИИ № 4045 : 1109 (раскоп F).

ТАБЛИЦА XXV



Текстильная керамика с поселений Кулламяги *(1, 2, 4, 9)* и Акали *(3, 5—8, 10)*. *1* — ИИ № 4045 : 1052 (раскоп F), *2* — 4045 : 547 (C), *3* — 4013 : 2164 (I), *4* — 4045 : 209 (B), *5* — 4013 : 877 (I), *6* — 4013 : 6017 (J), *7* — 4013 : 7929 (L), *8* — 4013 : 1617 (I), *9* — 4045 : 438 (C), *10* — 4013 : 7768 (L).

ними гребенчатым штампом через отпечатки текстиля вдавлен еще один ряд орнамента (табл. XXIII : 5; XXV : 1). У некоторых сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом, шейка и венчик имеют несколько иной профиль, они сначала немного утолщаются, имеют снаружи выпуклую поверхность и заканчиваются узким краем (табл. XXIII : 7; XXIV).

Глиняные сосуды с текстильным узором имели, таким образом, слегка профилированные в виде буквы S стенки и суживались книзу. О форме днища по имеющемуся пока материалу судить нельзя. У одного сосуда, упомянутого в связи с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, днище было плоским, с острым кантом, но со сравнительно небольшой площадью опоры, едва достигающей в диаметре десяти сантиметров. Кверху сосуд значительно расширялся. Нижняя часть наружной поверхности сосуда украшена гребенчатыми оттисками, имитирующими текстильный узор (может быть, продавленными через текстиль). Непосредственно над кантом днища расположены в два ряда небольшие ямки (табл. XXII : 8). Попадаются черепки и других плоских днищ того же состава, но без орнамента. Таким образом, можно полагать, что по крайней мере часть рассматриваемой текстильной керамики была плоскодонной.

Сосуды были довольно крупных размеров. Изображенный на табл. XXIV фрагмент принадлежит сосуду, имевшему отверстие диаметром около 45 см. Некоторые другие фрагменты венчиков принадлежат сосудам таких же размеров. Отверстия других, меньших по размеру сосудов имели диаметр примерно 25 см (напр., табл. XXIII : 5). Толщина стенок колеблется в среднем в пределах 0,7—1 см. Наиболее толстые венчики достигают толщины 1,5 см. Поверхность сосудов в большинстве случаев имеет темно-коричневую окраску. Нередко она покрыта черноватым обгорелым слоем, на основании чего можно заключить, что эти сосуды употреблялись для варки пищи. У некоторых сосудов под краем имеются просверлины. Так как последние все же встречаются очень редко, то можно думать, что они предназначались, видимо, не для подвешивания, а для скрепления треснувших сосудов (табл. XXV : 1).

Текстильные оттиски на глиняных сосудах сделаны, по-видимому, при помощи грубой двухремизной ткани. Ткань имела неровную поверхность, на которой бугорками выступали отдельные пучки. Вязка была довольно ровной. Определить, из какого материала ткань изготовлена, к сожалению, невозможно.

Встречающиеся на текстильной керамике гребенчатые оттиски, если они только не сделаны через текстиль, привлекают внимание своими резко выраженными, ясными контурами. Они нанесены при помощи штампа, у которого промежутки между зубцами довольно узкие, но глубоко врезанные. Создается впечатление, что эти штампы изготовлены при помощи металлического ножа.

Часть текстильной керамики состоит из глиняного теста другого состава. В массу уже не вводились толченые раковины или другие примеси, распадающиеся при обжиге. Глиняное тесто более мелкозернистое и

содержит главным образом мелкий песок. Соответствующие черепки сосудов значительно тверже предыдущих. Как свидетельствует стратиграфия залегания, — о чем более подробно будет сказано ниже, — изменение состава глины относится к хронологическим явлениям: текстильная керамика песчанистого, более твердого состава имеет несколько более позднее происхождение, чем пористая.

Текстильная керамика с содержанием песка, к сожалению, сохранилась только в виде небольших фрагментов, не дающих достаточно полного представления о форме сосудов. Плоское днище, судя по ряду черепков от днищ диаметром 10—15 см, стало теперь, очевидно, общим явлением. Иногда встречаются текстильные оттиски и на самом днище (табл. XXV : 7). Выше дна сосуды расширяются (табл. XXV : 10). Черепков от венчика найдено мало; некоторые из них указывают на наличие и теперь утолщенного края (табл. XXV : 3, 4). Текстильные оттиски на внешней поверхности сосудов носят прежний характер, но иногда они все же немного более тонкие, свидетельствуя о наличии более тонких тканей (табл. XXV : 6, 8). Под краем сосуда изредка встречаются гребенчатые оттиски, расположенные горизонтальными рядами (табл. XXV : 5) или образующие продолговатые ромбы (табл. XXV : 3). Эти гребенчатые оттиски вдавлены штампом, зубцы которого уже не вырабатывались так аккуратно и правильно, как прежде. В качестве нового явления можно отметить штриховку поверхности сосудов. Чаще всего штриховка наблюдается на внутренней поверхности сосудов, тогда как наружная поверхность покрыта текстильными отпечатками. На внутренней поверхности некоторых черепков прослеживаются отпечатки как бы от кончиков небольших палочек, расположенные без какого-либо порядка. Очевидно, при нанесении текстильного узора на наружную поверхность стенка сосуда с внутренней стороны подпиралась палочкой. Кроме того, на поверхности черепков встречаются слегка процарапанные штрихи. Они кривые и расположены без всякого порядка, не образуя никакой ясно выраженной фигуры (табл. XXV : 9, 10).

От упомянутых выше подгрупп отличается третья подгруппа текстильной керамики, появление которой, если судить по данным стратиграфии, относится к еще более позднему времени. В глиняное тесто сосудов этой подгруппы, помимо песка, введена в большом количестве дресва. Примесь последней настолько значительна, что она обусловила хрупкость сосудов, которые рассыпаются на очень мелкие фрагменты. Эта керамика обожжена сильнее, чем предыдущие подгруппы текстильной керамики. Сосуды имеют совершенно плоские днища диаметром 15—20 см, т. е. довольно большую площадь опоры (табл. XXXII). От днища стенки сосудов поднимаются довольно отвесно вверх, все же несколько выгибаясь наружу, так что сосуды кверху несколько расширяются, достигая наибольшей ширины у плечик. Между плечиками и венчиком имеется довольно резко суживающееся короткое горлышко (табл. XXXI : 4). Отверстие, повидимому, не намного шире днища. Стенки сравнительно толстые, осо-

бенно в нижней части. Толщина днища в среднем 1,3 см, толщина стенки в нижней части 0,9—1,1 см. Кверху стенки становятся более тонкими и имеют у краев толщину 0,6—0,7 см.

В текстильном узоре встречаются крупные, глубокие, но прерывающиеся вдавления шнура. Текстиль, возможно, был не соткан, а состоял, очевидно, из слабо соединенных между собой шнурков. Мы имеем здесь дело с очень грубым, неровным рогожевидным текстилем. Текстильные отпечатки покрывают наружную поверхность сосуда до плечиков. Часто узор наблюдается и на днище сосуда, как на наружной, так и на внутренней поверхности его (табл. XXXII). Учитывая твердый состав сосудов со значительной примесью дресвы, можно думать, что вдавление таких глубоких текстильных оттисков должно было происходить под довольно большим нажимом.

На отдельных черепках сосудов того же состава текстильные оттиски несколько более плоские (табл. XXXI : 8). Можно полагать, что более слабые текстильные вдавления, наблюдающиеся на позднейшей керамике, вызваны более твердым составом массы.

Текстильная керамика обнаружена на сравнительно ограниченном участке стоянки Акали. Более всего ее найдено в раскопах I, J, L и Q. В некоторых приречных раскопах (A, H и др.) обнаружены только отдельные фрагменты текстильной керамики, залегавшие в верхних горизонтах культурного слоя. Таким образом, текстильная керамика находилась в употреблении только в течение ограниченного отрезка времени, за который в характере керамики и произошли вышеописанные изменения. О хронологическом порядке чередования отдельных подгрупп текстильной керамики можно судить по стратиграфическим данным. В раскопе L текстильная керамика залегала в верхнем горизонте культурного слоя, причем черепки с пористым составом, как правило, лежали глубже, чем черепки с песчанистым составом. Аналогичную картину дал раскоп Q, в котором пористая текстильная керамика залегала в более глубоком горизонте, а керамика с примесью песка в тесте находилась выше, главным образом в среднем горизонте. К обеим упомянутым подгруппам относятся и отдельные черепки текстильной керамики из раскопов A и H. В северо-восточной части раскопа J аналогичная текстильная керамика также встречалась только в виде небольших фрагментов в верхнем горизонте культурного слоя. Количество текстильной керамики стало возрастать на юго-западном конце раскопа J, начиная примерно с 30-х квадратов, где текстильная керамика с примесью песка залегала сравнительно глубоко в культурном слое, тогда как в верхнем горизонте последнего встречались отдельные черепки грубой текстильной керамики со значительным содержанием дресвы. В раскопе I текстильная керамика с содержанием песка находилась в глубоком горизонте, в то время как черепки с примесью дресвы отложились выше ее. Отдельные черепки текстильной керамики с примесью дресвы обнаружены и в раскопе K, в нижнем и среднем горизонтах культурного слоя.

По сравнению с ямочно-гребенчатой керамикой, текстильной керамики найдено на стоянке Акали значительно меньше. Сравнительно много найдено ее в Кулламяги, где она обнаружена в большинстве раскопов (A, B, C, E, F, I, K, O). Особенно хорошо представлена в материале Кулламяги древнейшая подгруппа текстильной керамики, на которой наряду с текстильным узором встречаются и гребенчатые оттиски. На поздних же черепках, содержащих в своем составе дресву, текстильные оттиски в Кулламяги пока не прослеживались. В Акали также найдено сравнительно мало поздней текстильной керамики. Условия залегания пористой текстильной керамики и керамики с примесью дресвы, которые удалось проследить в некоторых раскопах Кулламяги (особенно в раскопах C и F), подтверждают хронологическую последовательность, установленную на основании раскопок Акали.

Акали и Кулламяги являются первыми поселениями неолитического облика на территории Эстонии, где найдена текстильная керамика.[1] На территории Латвии она обнаружена в Ича и Сарнате;[2] правда, в имеющемся материале эта керамика представлена слабо. В незначительном количестве текстильная керамика найдена также на прибрежных стоянках Куршской косы, где она залегает в сочетании с поздней шнуровой керамикой, а также на островной стоянке A близ деревни Серово (бывш. Цедмар).[3] На востоке, в лесной полосе Союза ССР известно много текстильной керамики со стоянок II—I тысячелетий до н. э.[4] Черепки с текстильными оттисками встречаются уже вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой,[5] но больший удельный вес они приобретают в инвентаре стоянок бронзового века.[6] На стоянках конца II и начала I тысячелетия до н. э., а также на следующих хронологически за ним городищах дьякова типа текстильная керамика занимает преобладающее положение.[7] Появление текстильной керамики в Восточной Прибалтике, таким образом, следует, по-видимому, объяснить связями с востоком.

Анализируя керамику поселений района Верхнего Поволжья, П. Н. Третьяков отмечает появление на поселениях бронзового века особых бомбовидных сосудов с вертикальной шейкой. Нижняя часть этих сосудов покрыта иногда, текстильными отпечатками, а верхняя часть

---

[1] В 1958 г. недалеко от поселения Лоона, под культурным слоем каменного могильника был обнаружен фрагмент сосуда текстильной керамики (ИИ № 4210 : 649), который, по всей вероятности, может быть связан с поздненеолитическим поселением.

[2] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, стр. 18. По данным Л. В. Ванкиной.

[3] Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 174, табл. 47 : g. Gaerte, Keramik, стр. 88, рис. 269, 270. Ebert, Reallexicon XIV, стр. 520.

[4] А. Я. Брюсов, «Сетчатая» керамика. СА XIV, М.—Л., 1950, стр. 287 и сл.

[5] О. Н. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 52. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 85 и сл.

[6] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 15 и сл.

[7] Там же, стр. 17, 22, 43. П. Н. Третьяков, Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА IX, М.—Л., 1947, стр. 74 и сл.

украшена поясом тонкого гребенчатого орнамента.[1] Появление аналогичной формы сосудов и орнамента прослежено и на поселениях, расположенных на берегах Галичского озера,[2] на реке Мсте[3] и в других местах. Возникновение такой керамики связывают с влиянием фатьяновской керамики на ямочно-гребенчатую керамику стоянок.[4] Следует отметить, что форма сосудов древнейшей текстильной керамики стоянок приустья реки Эмайыги, судя по сохранившимся фрагментам венчиков и стенок сосудов, также близко примыкает к бомбовидной форме сосудов (табл. XXIV). В орнаменте этих сосудов, ограничивающемся одним только поясом, расположенным под краем сосуда, и выполненным при помощи тонкого зубчатого штампа, также прослеживаются черты, присущие бомбовидным сосудам,[5] а в некоторых случаях — непосредственно керамике фатьяновских могильников.[6] Хотя в Акали тонкий зубчатый штамп употреблялся уже на ямочно-гребенчатой керамике с геометрическим орнаментом (табл. XII : 5), форма рассматриваемых глиняных сосудов и воспроизведенный на них текстильный узор указывают на то, что возникновение местной текстильной керамики связано с восточными влияниями.

Дальнейшее развитие текстильной керамики на стоянках района устья реки Эмайыги протекало одновременно с развитием встречающейся в большом количестве в слоях этого периода поздней шнуровой керамики, которая будет рассмотрена ниже. Текстильная керамика с примесью песка в тесте и шнуровая керамика того же периода имеют совершенно одинаковый состав. Кроме того, в обработке поверхности текстильной керамики можно заметить приемы, свойственные поздней шнуровой керамике, — следы штриховки, особенно заметные на внутренней поверхности сосудов, тогда как наружная покрыта текстильным узором, и на некоторых фрагментах тонкие, процарапанные кривые линии. Упомянутые общие признаки указывают, что текстильная и шнуровая керамика изготовлялись одними и теми же людьми. До сих пор, однако, не найдено ни одного черепка, на котором имелись бы как шнуровые, так и текстильные вдавления. Рассматриваемая подгруппа текстильной керамики крайне бедна и другими элементами орнамента. Помимо встречающихся на отдельных фрагментах гребенчатых оттисков, нет ни одного другого орнаментального узорного вдавления, совершенно отсутствуют

---

[1] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 15 и сл.

[2] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 189 и сл., рис. 99. М. Е. Фосс, Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК XVII, М.—Л., 1947, рис. 27 : 15, 16.

[3] Гурина, Результ. археол. обсл. р. Мсты, стр. 297 и сл.

[4] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 15. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер, стр. 51. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 190 и сл.

[5] Ср. Фосс, Древнейшая история Севера, рис. 99 : 7, 9, 10.

[6] Ср. О. Н. Бадер, Фатьяновские могильники Северного Подмосковья. МИА 13, М.—Л., 1950, рис. 12 : 6. Смирнов, Говядиновский могильник, табл. II : 12.

даже ямки, которые часто встречаются на текстильной керамике восточной лесной полосы.[1]

Позднейшая текстильная керамика Акали имеет опять-таки другой состав. Тесто грубое, содержит много дресвы. Текстильный узор также стал более грубым, сильно вдавленным. Позднейшая текстильная керамика встречается на стоянке вместе с черепками, на которых нет текстильного узора, но которые зато снаружи покрыты грубой штриховкой. По составу глиняного теста и по форме сосудов обе упомянутые группы керамики совершенно одинаковы (табл. XXXI; XXXII), а поэтому их можно считать синхронными. На керамике с грубо заштрихованной поверхностью мы остановимся еще ниже, здесь же можно отметить, что как позднейшая текстильная керамика, так и керамика с грубо заштрихованной поверхностью развились, по-видимому, из текстильной керамики с примесью песка в тесте и из поздней шнуровой керамики. На их генетическую связь указывает форма сосудов, стенки которых теперь сильно профилированы, а также текстильный узор и штриховка поверхности. При этом керамика развивалась в том же направлении, как и в восточных областях — в районе Верхнего Поволжья, на Мсте, Волхове и др., где керамика, происходящая с поздних стоянок, имеет более рыхлый состав теста и покрыта также грубыми оттисками текстиля.[2]

Текстильная керамика встречается и на ранних укрепленных поселениях, и в каменных курганах с ящиками в Эстонской и Латвийской ССР. Она найдена на укрепленном поселении Асва (о. Сааремаа) и в древнейших слоях городищ Иру и Отепя.[3] В каменных курганах с ящиками текстильная керамика найдена в Муукси Харьюского района на севере Эстонии[4] и в Буллюмуйже Лимбажского района в северной Латвии.[5] Текстильная керамика из указанных мест имеет общие черты с позднейшей текстильной керамикой из Акали, однако полного сходства установить не удалось. Состав глины большей частью тоже грубый и содержит много дресвы, но в форме сосудов и в характере текстильных оттисков замечаются некоторые отличия. Глиняные сосуды из укрепленных

---

[1] Спицын, Бологовская стоянка каменного века, стр. 255, табл. XLII. Фосс, Новые памятники в районе Галичской культуры, рис. 26 : 1, 4, 6, 9. Воеводский, К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР, стр. 73, табл. IV : 1, 2.

[2] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 17, 22, 43 и сл. Третьяков, Древнейшие городища Верхнего Поволжья, стр. 64. М. Е. Фосс, Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК XX, М.—Л., 1948, стр. 58 и сл. Гурина, Результ. археол. обсл. р. Мсты, стр. 303. Гурина, Археол. исслед. на северо-западе, стр. 71 и сл., рис. 16, 17.

[3] А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Сборник «Древние поселения и городища», стр. 120, 123, табл. XXIV : 8, 12. Muistse Eesti linnused, стр. 29 и сл., рис. 12 : 4, 5; 15; стр. 79 и сл., рис. 42 : 3. ИИ № 4036.

[4] Vassar, Drei Steinkistengräber, стр. 357, рис. 20 : 2.

[5] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, стр. 54. V. Ginters, Die Steinkistenhügelgräber von Buļļu muiža. Congressus Secundus. Rigae 1931, стр. 423—436, табл. VIII.

поселений и каменных курганов с ящиками в своем преобладающем большинстве имеют как будто слабее профилированную шейку, т. е. более баночную форму.[1] Текстильные оттиски более тонкие, ровные, расположены теснее и образуют значительно более правильный узор, чем на поздней текстильной керамике Акали. Текстильная керамика из местонахождений еще более позднего времени, как, например, с городища Койла в Ракверескоm районе на северо-востоке Эстонии[2] и из каменного могильника с оградками в Паали Эльваского района на юго-востоке Эстонии,[3] стоит довольно близко к керамике укрепленных поселений и каменных курганов с ящиками, но отличается несколько больше от позднейшей текстильной керамики Акали. Поэтому создается впечатление, что в последней представлен тот этап развития текстильной керамики, который на территории Эстонской ССР предшествовал соответствующей керамике укрепленных поселений и каменных курганов.

Шнуровая керамика

Характерным орнаментом поздненеолитической шнуровой керамики Восточной Прибалтики являются шнуровые оттиски и елочный орнамент, состоящий из редко процарапанных линий, расположенных горизонтальными поясами на шейке в переменном направлении. На шнуровой керамике рассматриваемых поселений встречаются и другие орнаментальные мотивы; сосуды различаются также и по форме. Заметной стабильностью отличается состав глиняного теста шнуровой керамики, в котором прослеживаются лишь небольшие изменения. Мелкозернистое, плотное тесто содержит в качестве единственной примеси мелкий песок. К тесту ранней шнуровой керамики примешано больше песка, тогда как более поздние черепки содержат меньше, причем еще более мелкого песка. Шнуровая керамика, особенно более поздняя, сравнительно хорошо обожжена.

Черепков глиняных сосудов с елочным орнаментом найдено на рассматриваемых стоянках пока всего лишь четыре, из них три на стоянке Акали. Один небольшой обломок принадлежит венчику сосуда (табл. XXVI : 1) и имеет характерный для шнуровой керамики S-овидный профиль. Орнамент располагается непосредственно под краем. Толщина венчика достигает 0,8 см, причем край его утончается. Остальные найденные на стоянке Акали черепки принадлежат шейке другого сосуда, толщиной 0,4—0,6 см (табл. XXVI : 2, 3). Небольшой черепок, найденный на стоянке

---

[1] Изредка попадаются и сосуды с профилированным краем, которые довольно близко примыкают к поздней текстильной керамике Акали. См., например, Vassar, Drei Steinkistengräber, рис. 19 : 1.

[2] Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.), стр. 169—172, табл. XVII : 1—4, 9.

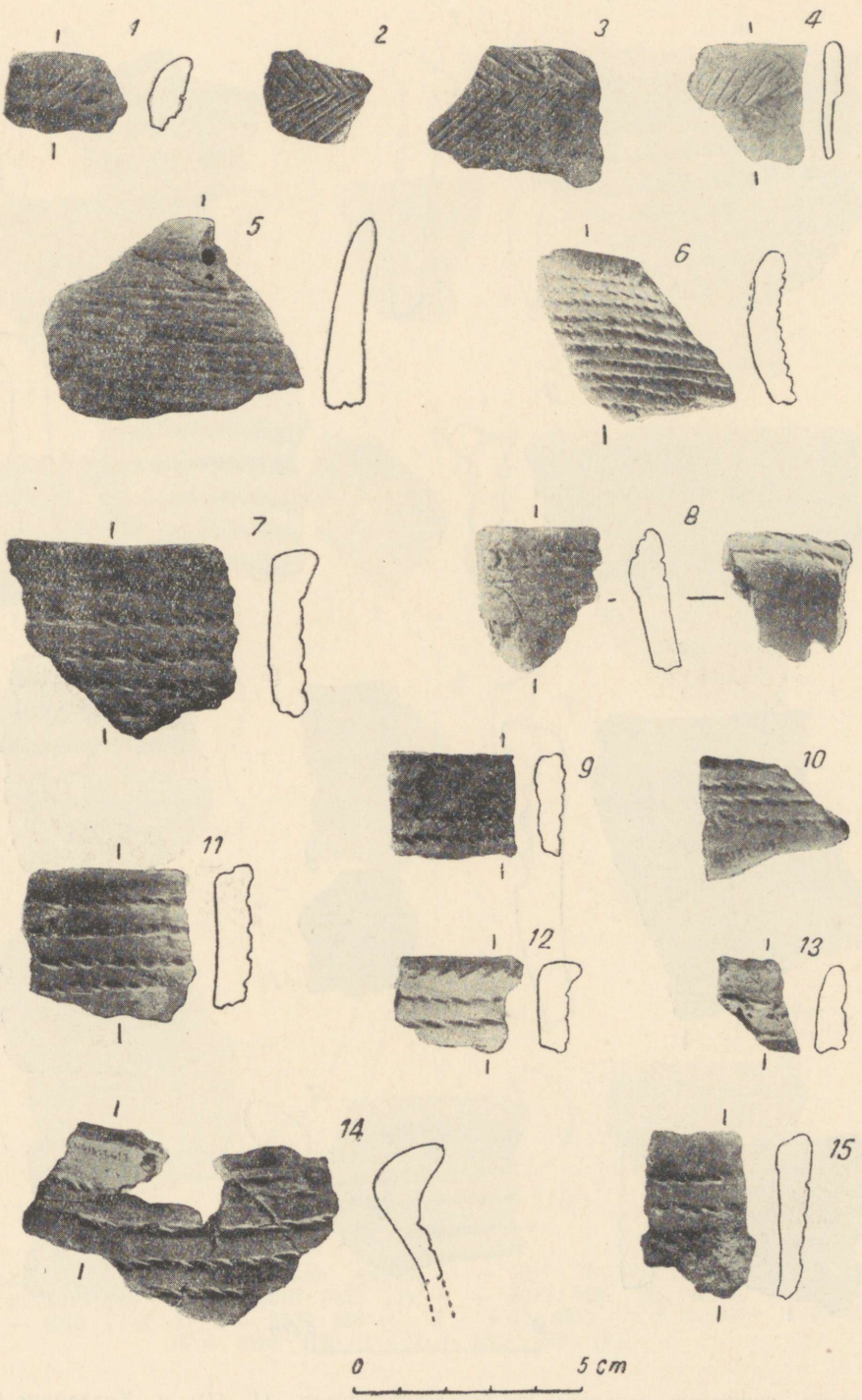
[3] ИИ № 3235 : 11, 163, 167, 195.

Кулламяги, имеет в толщину только 0,4 см и не обнаруживает признаков профилировки (табл. XXVI : 4). Нанесенные на него линии слабые и расположены без особого порядка.

Черепков со шнуровыми отпечатками найдено примерно 30, из них только два из Кулламяги. При этом следует отметить, что упомянутые черепки принадлежат почти такому же числу разных сосудов. Черепки свидетельствуют о наличии сосудов разных форм.

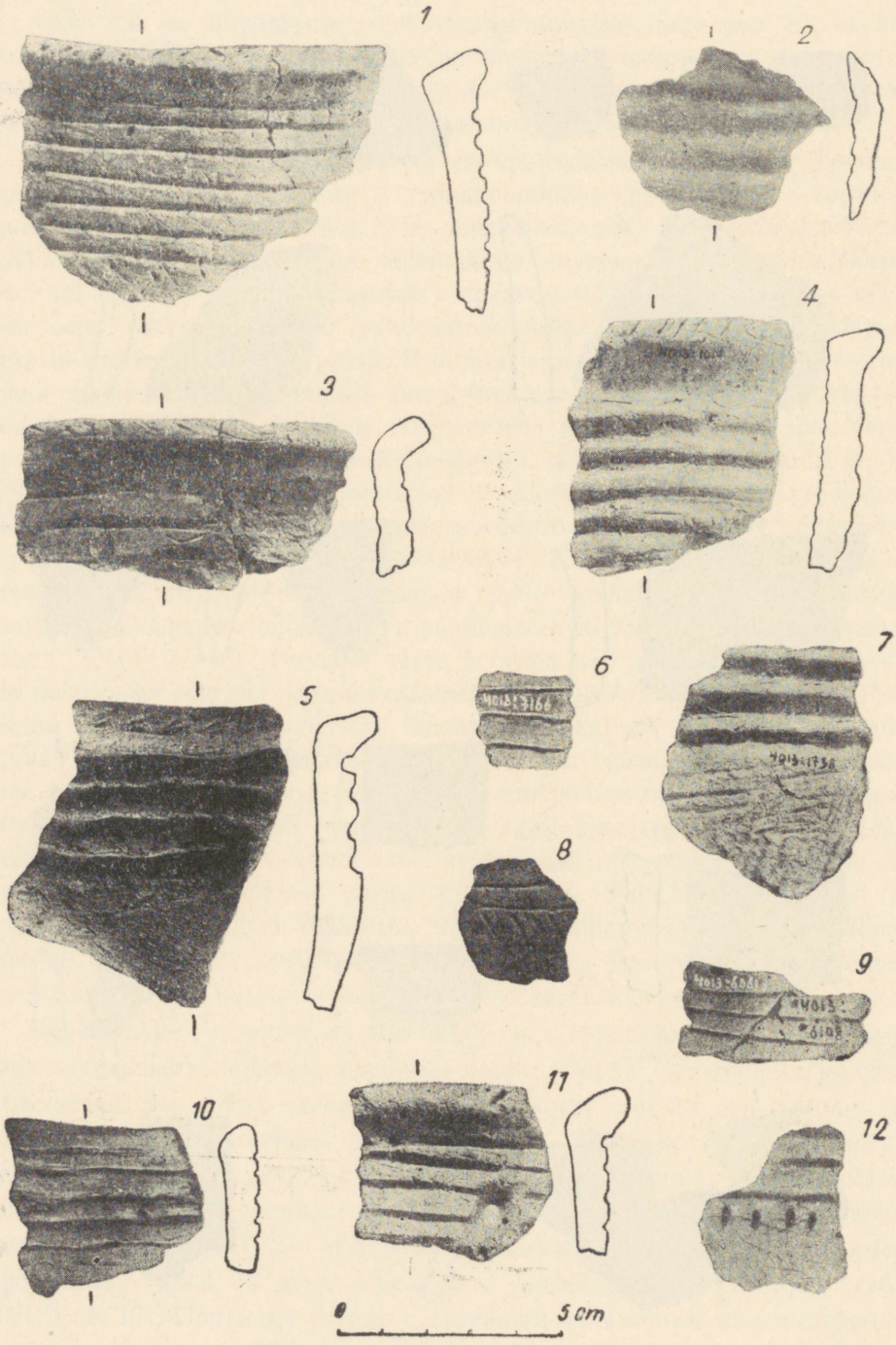
Два черепка толщиной 1,1 и 0,8 см принадлежат сосудам с S-овидно профилированными стенками и утолщающимся краем. Тонкие горизонтальные шнуровые отпечатки густо покрывают всю шейку сосуда (табл. XXVI : 5, 6). Большинство же черепков со шнуровым орнаментом указывает на прямые стенки толщиной в среднем 0,7—0,9 см. У таких сосудов верх часто несколько утолщается (табл. XXVI : 7—12), образуя острый отогнутый наружу край. Плоская поверхность края обычно украшена одним или двумя рядами тянущихся вдоль края шнуровых отпечатков (табл. XXVI : 8), изредка отпечатками, вдавленными поперек через край (табл. XXVI : 13), или небольшими, неглубокими ямками (табл. XXVI : 9). На нескольких черепках с особенно сильно выступающим внешним краем верхняя поверхность самого края не имеет орнамента, но обрез украшен насечками (табл. XXVI : 12). Шнуровые отпечатки на стенках этих сосудов большей частью грубее и вдавлены глубже, чем на сосудах с S-овидным профилем, и размещены по поверхности более редко (табл. XXVI : 7—15). Нижняя часть сосудов по-прежнему не украшена. На некоторых сосудах орнаментальный пояс окаймлен с нижней стороны рядом небольших вертикальных вдавлений, так наз. «бахромой» (табл. XXVI : 10; XXX : 9). Неорнаментированные части поверхности сосудов ровные и гладкие. На многих черепках со шнуровым орнаментом, главным образом на их внешней поверхности, ясно видны редкие, небольшие, резко процарапанные линии. На внутренней поверхности сосудов сохранились незаглаженные следы штриховки, образовавшиеся при ее выравнивании. Следует отметить, что процарапанные линии не наблюдаются на сосудах, профилированных в виде буквы S. На последних следы штриховки на внутренней поверхности сглажены.

Ряд сосудов украшен вместо шнуровых отпечатков параллельными горизонтальными линиями, идущими вокруг сосуда наподобие шнуровых отпечатков. Эти линии нанесены на поверхность сосудов при помощи какой-то палочки с несовсем ровным концом. Встречаются линии разной ширины и глубины (табл. XXVII). На некоторых черепках сосудов вместо линий встречаются широкие мелкие желобки, вдавленные в поверхность сосуда (табл. XXVII : 2). «Бахрома», образованная из линий или ямок, прослежена лишь на двух черепках с линейным орнаментом (табл. XXVII : 8, 12). Почти все сосуды с линейным орнаментом имели широкий, аккуратно выравненный сверху венчик с отогнутым наружу краем. Стенка спускается вниз более или менее вертикально (табл. XXVII : 4), но иногда несколько выгнута наружу, указывая на расширение сосуда в средней

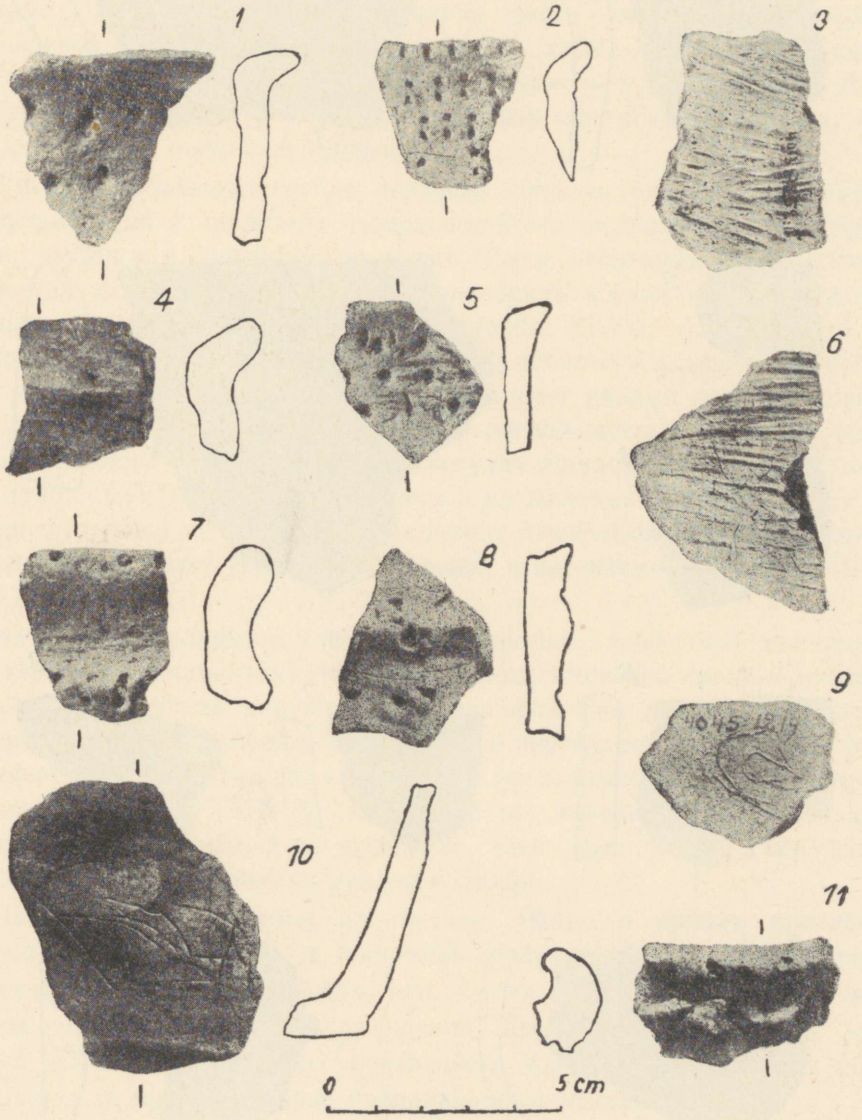


Шнуровая керамика с поселений Акали *(1—3, 5—11, 13—15)* и Кулламяги *(4, 12)*. *1* — ИИ № 4013 : 3813 (раскоп J), *2* — 4013 : 206 (H), *3* — 3800 : 512 (B), *4* — 4045 : 238 (B), *5* — 3661 : 88 (шурф 3), *6* — 4013 : 34 (J), *7* — 3800 : 117 (A), *8* — 4013 : 2615 (I), *9* — 4013 : 809 (H), *10* — 4013 : 429 (H), *11* — 4013 : 7085 (J), *12* — 4045 : 814 (B), *13* — 4013 : 1663 (I), *14* — 4013 : 2617 (I), *15* — 3800 : 502 (A).

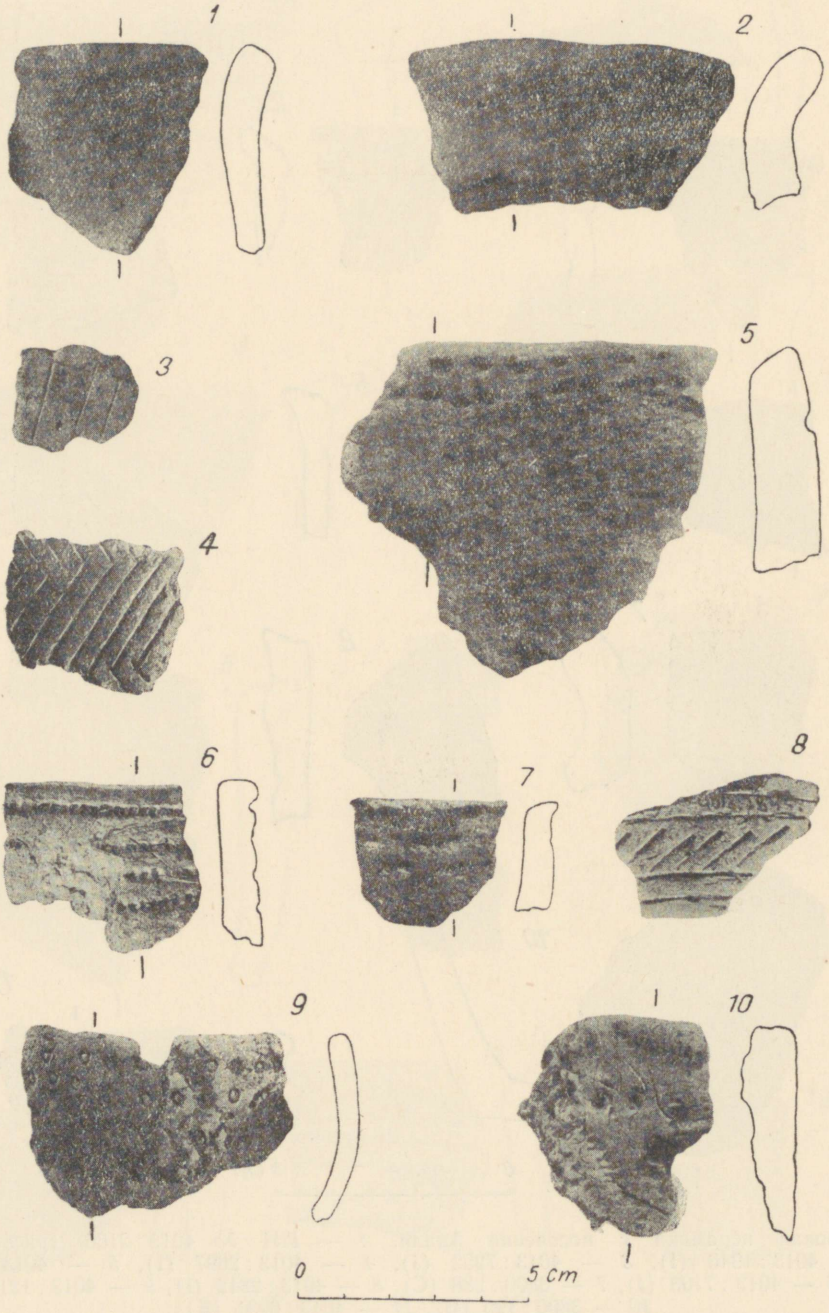
ТАБЛИЦА XXVII



Поздняя шнуровая керамика с поселений Акали (*1—11*) и Кулламяги (*12*). *1* — ИИ № 4013: 2616 (раскоп I), *2* — 4013 : 2629 (I), *3* — 4013 : 1029 (I), 4 — 4013 : 1014 (I), *5* — 4013 : 4077 (J), *6* — 4013 : 7166 (J), *7* — 4013 : 1738 (I), *8* — 4013 : 5817 (J), *9* — 4013 : 6061/6108 (J), *10* — 4013 : 52 (H), *11* — 4013 : 2588 (I), *12* — 4045 : 185 (B).



Шнуровая керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 2160 (раскоп I), *2* — 4013 : 1946 (I), *3* — 4013 : 7252 (J), *4* — 4013 : 2697 (I), *5* — 4013 : 7133 (J), *6* — 4013 : 7103 (J), *7* — 3800 : 288 (C), *8* — 4013 : 2812 (I), *9* — 4013 : 1219 (I), *10* — 3800 : 195 (B), *11* — 4013 : 6931 (K).



Разнообразная керамика с поселений Акали *(1—4, 6—10)* и Кулламяги *(5)*. *1* — ИИ № 4013 : 3160 (раскоп J), *2* — 4013 : 3039 (J), *3* — 4013 : 7316 (J), *4* — 4013 : 1237 (I), *5* — 4045 : 937 (D), *6* — 4013 : 1707 (I), *7* — 4013 : 1284 (I), *8* — 4013 : 7845 (L), *9* — 4013 : 135/326 (H), *10* — 4013 : 193 (H).

его части (табл. XXVII : 3, 11). Верхняя поверхность венчика не орнаментирована, зато самый край его, иногда довольно толстый, иногда плосковатый, как правило, украшен насечками (табл. XXVII : 1, 3—5, 11). Лишь два обломка края с линейным орнаментом принадлежат сосудам с простым прямым краем (табл. XXVII : 10).

На поверхности черепков с линейным орнаментом часто встречаются такие же процарапанные линии, как и на черепках со шнуровым орнаментом. Нижняя, неорнаментированная часть сосудов часто покрыта штриховкой, иногда сравнительно резкой (табл. XXVII : 7). Толщина черепков сосудов в среднем 0,7—1 см, а у края иногда более 2 см. В количественном отношении черепки с линейным орнаментом занимают первое место среди шнуровой керамики.

Имеется небольшая группа черепков сосудов, украшенных ямками. По форме края и характеру поверхностей эти черепки сходны с черепками, имеющими линейный орнамент. Ямки небольшие и неглубокие, угловатой формы и нанесены на поверхность сосуда при помощи несколько скошенной на конце палочки (табл. XXVIII : 1, 2, 4, 5, 7, 8). На некоторых черепках ямки расположены попарно и вдавлены двузубчатым штампом. Ямки тянутся горизонтальными рядами под краем сосудов, причем в нижнем ряду они иногда расположены значительно реже, напоминая этим встречающуюся на сосудах шнуровой керамики «бахрому» (табл. XXVIII : 2). Ямки имеются и на внешнем крае венчика. У некоторых сосудов с ямочным орнаментом несколько ниже края отмечается валик, также украшенный ямками и насечками (табл. XXVIII : 7, 8, 11).

На стоянке Кулламяги найдены два черепка с необычным для шнуровой керамики орнаментом. На одном из них, имеющем очень широкий и далеко выступающий наружу край, находится ряд глубоко вдавленных поперечных линий. Второй черепок с почти вертикальным профилем стенки имеет под краем два ряда небольших расположенных без особого порядка ямок (табл. XXIX : 5), наподобие тех, которые встречаются и на поздней ямочно-гребенчатой керамике. Еще один почти аналогичный черепок шнуровой керамики найден в Акали.

Часть сосудов, которые по составу, форме и прочим признакам должны быть причислены к шнуровой керамике, была лишена всякого орнамента. Эти сосуды имели или слегка профилированные в виде буквы S стенки, или совершенно простой, вертикальный край (табл. XXIX : 1, 2). На их поверхности наблюдаются слабые следы штриховки, а местами тонкие процарапанные линии.

Как уже отмечалось выше, орнамент шнуровой керамики ограничивается только верхней частью сосуда. Значительное количество черепков (насчитываемых сотнями) без орнамента, но характерного для шнуровой керамики состава и с более или менее резко заштрихованной поверхностью, на которой нередко заметны тонкие процарапанные линии, должно рассматриваться как фрагменты нижних частей сосудов шнуро-

вой керамики (табл. XXVIII : 3, 6, 9). Судя по условиям их залегания, бóльшая часть этих черепков происходит от сосудов с линейным орнаментом.

Из представленного материала видно, что среди шнуровой керамики стоянок района устья реки Эмайыги встречаются сосуды различной формы. Глиняные сосуды с типичным S-овидным профилем и утончающимся венчиком украшены елочным орнаментом или тонкими частыми шнуровыми отпечатками. Эти сосуды обычно имеют тонкие стенки и ровную поверхность. От них сохранилось довольно мало черепков. На глиняных сосудах с отвесными стенками и простым или заостренным краем встречаются преимущественно грубые, более редко расположенные шнуровые отпечатки. Изредка прослеживается линейный орнамент или ямки. Украшена и поверхность края. Сосуды этого типа имеют в среднем несколько более толстые стенки. Наружная поверхность у них также ровная, местами на ней встречаются тонкие процарапанные линии. На внутренней поверхности замечаются иногда следы штриховки. Черепки сосудов этого типа найдены в значительно большем количестве, чем предыдущие. Глиняные сосуды с сильно выступающим рантом края и с отвесными стенками или несколько расширяющиеся в средней части украшены преимущественно линейным орнаментом, реже ямками, а в единичных случаях грубыми шнуровыми отпечатками. Наружная часть края орнаментирована насечками, в то время как наклонная внутрь поверхность края не украшена. По сравнению с предыдущими эти сосуды имеют еще более толстые стенки. Неорнаментированные части их поверхности часто заштрихованы, нередко встречаются тонкие процарапанные линии. Черепки от сосудов этого типа преобладают над остальной шнуровой керамикой стоянок. Глиняные сосуды без всякого орнамента обработаны более грубо и не имеют столь типичной формы. По характеру венчика они приближаются отчасти к сосудам с отвесными стенками, большей же частью занимают среднее положение между последними и сосудами с S-овидным профилем.

Сосуды шнуровой керамики имеют плоские днища. Переход от стенки к днищу иногда происходит через выступающий острый карниз (табл. XXVIII : 10). Поверхность днищ сравнительно небольшая, чаще всего диаметром 7—10 см; лишь некоторые сосуды имели, по всей вероятности, днища несколько бóльших размеров. Можно установить и примерный диаметр отверстия. Видимо, сосуды с S-овидным профилем были сравнительно небольшими: диаметр их венчика не превышает 15 см. Сосуды с простыми отвесными краями имели разную величину, в общем же они были чуть побольше первых. Судя по поддающимся измерению фрагментам венчиков, диаметр отверстия колебался между 11 и 20 см, а в одном случае он достигал по меньшей мере 30 см. Сосуды с выступающим рантом края были, как правило, самыми крупными, имея диаметр горла в 17—28 см. Почти такие же размеры имеют и неорнаментированные глиняные сосуды, диаметр горла которых достигает 16—26 см. Из-

мерить высоту сосудов на основании наличного материала нет возможности. Судя по шнуровой керамике смежных территорий, можно полагать, что высота сосудов в большинстве случаев несколько превышала их максимальный диаметр. Для выяснения назначения сосудов шнуровой керамики данных нет. Можно лишь констатировать, что среди шнуровой керамики отсутствуют сосуды особенно крупных размеров, которые можно было бы сопоставить с сосудами ямочно-гребенчатой керамики, предназначенными для хранения запасов.

На стоянке Акали больше всего шнуровой керамики дали раскоп I и юго-западный конец раскопа J, начиная примерно с 28-х квадратов. В приречных квадратах упомянутого участка шнуровая керамика залегала в среднем горизонте культурного слоя, но чем дальше от реки, тем глубже она уходила в культурный слой, так что в раскопе I шнуровая керамика залегала уже в нижнем горизонте культурного слоя. В центральных и приречных квадратах раскопа J шнуровая керамика встречалась только в виде немногих фрагментов, залегавших в самом верхнем пласте культурного слоя; лишь несколько черепков было найдено глубже остальных. В раскопе H было несколько больше шнуровой керамики, но она располагалась не так густо, как в раскопе I. Шнуровая керамика находилась здесь в верхнем горизонте культурного слоя, где, по сравнению с нижними горизонтами, находки в общем встречались значительно реже. И в этом раскопе отдельные фрагменты шнуровой керамики залегали несколько глубже остальных. В расположенных еще ближе к реке раскопах A, B и C шнуровая керамика встречалась отдельными черепками, которые залегали в самом верхнем горизонте культурного слоя, выше встречающегося в этих раскопах слоя со следами горения. В верхнем горизонте культурного слоя раскопа O также найдено несколько черепков шнуровой керамики. Таким образом, стратиграфические данные говорят о том, что шнуровая керамика на стоянке — относительно позднее явление и что она отложилась здесь в течение ограниченного отрезка времени.

Всю шнуровую керамику Акали нельзя, однако, считать синхронной. Следует отметить, что черепки от сосудов с S-овидным профилем, а также от сосудов со шнуровым орнаментом и отвесным краем найдены почти все без исключения в приречных раскопах, в то время как фрагменты сосудов с линейным орнаментом, имевшие край с сильно выступающей каймой, располагались в такой же последовательности в раскопе I и на юго-западном конце раскопа J. Это обстоятельство надо объяснять хронологическим отличием. Учитывая ход возникновения культурного слоя, типы сосудов, упомянутые первыми, следует считать более ранними, а последний тип — более поздним. Форма сосудов с выступающим рантом в своем развитии явно связана с сосудами, имеющими прямые края. Об этом свидетельствуют промежуточные формы, имеющие края с острым, но не отогнутым рантом, который сравнительно часто встречается у глиняных сосудов стоянки (табл. XXVI : 8, 11). Линейный орнамент,

встречающийся на сосудах с отогнутым рантом, следует рассматривать как упрощенную форму шнуровых отпечатков: орнамент нанесен такими же параллельными кругами вокруг верхней части сосуда, с той лишь разницей, что он выполнялся другой техникой. Что касается взаимоотношений между сосудами S-овидного профиля и сосудами с прямыми краями, то кажется, что они, по крайней мере частично, отложились в культурном слое в один и тот же период. Возможно, однако, не случайно, что черепки сосудов S-овидного профиля встречаются на стоянке в очень ограниченном количестве и что некоторые из них относятся к числу тех черепков, которые в приречных раскопах залегали в культурном слое несколько глубже прочей шнуровой керамики.

Более ранняя шнуровая керамика, изредка встречающаяся в приречных раскопах, органически не связана с остальной синхронной с ней керамикой стоянки. Она резко отличается от поздней ямочно-гребенчатой керамики как по составу глины, форме и орнаменту, так и по обжигу. Следует полагать, что наиболее ранние сосуды шнуровой керамики изготовлены не в самом поселении Акали, а попали сюда в результате общения с соседними племенами. О том, какой характер могло иметь это общение, будет речь ниже. Со временем, однако, шнуровую керамику стали изготавливать и в самом поселении. Поздняя шнуровая керамика из раскопа I, несомненно, местного производства. Она встречается здесь в большом количестве и, — что еще важнее, — имеет общие черты с прочей, встречающейся в тех же слоях керамикой — текстильной и известной группой сосудов, характеризующейся пережиточными элементами ямочно-гребенчатого орнамента. Все упомянутые типы сосудов имеют одинаковый состав глиняного теста, на всех встречается одинаковым образом заштрихованная поверхность, а иногда и тонкие процарапанные линии (последние, однако, встречаются на других сосудах значительно реже, чем на шнуровой керамике). Слияние различных элементов приводит здесь к образованию нового вида керамики. Следует отметить, что это слияние еще не завершилось, так как можно еще распознать старые типы сосудов, но процесс формирования нового вида керамики ясно прослеживается.

Выше были приведены некоторые образцы черепков керамики, имеющие обычный для шнуровой керамики профиль венчика и другие признаки, но в то же время необычный для данного вида керамики орнамент. Это обстоятельство следует скорее всего объяснить влиянием ямочно-гребенчатой керамики. Одновременно надо отметить, что аналогичные явления наблюдаются также у очень поздней ямочно-гребенчатой керамики. Начинают встречаться черепки сосудов со свойственным поздней ямочно-гребенчатой керамике пористым составом, украшенные расположенным под краем сосуда поясом из горизонтальных, параллельных оттисков зубчатого или гладкого штампа (табл. XXIX : 6—8). Иногда орнамент дополняется ямками. Встречаются фрагменты, на которых под нижним рядом гребенчатых оттисков тянется «бахрома» из поперечных

коротких гребенчатых вдавлений (табл. XXX : 3). Имеются черепки, на которых узкие, глубоко вдавленные гребенчатые оттиски расположены в виде узора, напоминающего елочный (табл. XXX : 5). Некоторые черепки украшены тонкими прямыми параллельными линиями, которые опять-таки являются, возможно, имитацией елочного орнамента (табл. XXIX : 3, 4). На отдельных черепках с явно поздним зональным орнаментом, образованным гребенчатыми оттисками, встречаются тонкие беспорядочно процарапанные черточки (табл. XXIX : 10). Довольно часто наблюдается штриховка. Особого внимания заслуживает один черепок пористого состава (табл. XXX : 7), принадлежащий сосуду характерной для поздней шнуровой керамики формы, но украшенный гребенчатыми оттисками и коническими ямками. Мы имеем перед собой случай имитации ямочно-гребенчатой керамикой формы сосуда шнуровой керамики.

Вышеупомянутые явления, указывая на те пути, по которым шло слияние разных видов керамики, вместе с тем свидетельствуют и о том, что взаимные влияния, как и следует ожидать, начались еще до того, как для изготовления разных видов керамики стали употреблять глиняное тесто одного и того же состава. Более детальное выяснение ранних этапов соприкосновения разных видов керамики пока еще невозможно из-за недостатка материала. Однако и уже имеющийся немногочисленный материал указывает, что на стоянках в районе устья реки Эмайыги должны были сложиться предпосылки для последующего слияния разнородных видов керамики.

Черепки глиняных сосудов с пережиточными элементами ямочно-гребенчатого орнамента, но вылепленных из глиняного теста типичного для шнуровой керамики состава, должны быть причислены уже к следующему этапу развития керамики. Их нельзя больше называть ямочно-гребенчатой керамикой в обычном смысле этого слова. Эти сосуды, по сравнению с настоящей ямочно-гребенчатой керамикой, имеют меньшие размеры и плоское днище. Орнамент их состоит из редко и беспорядочно нанесенных гребенчатых и линейных вдавлений, насечек, ямочек, иногда небольших кружков (табл. XXIX : 9; XXX : 4, 8, 10). В некоторых случаях орнамент напоминает по своему размещению шнуровую керамику, с той лишь разницей, что вдавления сделаны гребенчатым штампом (табл. XXX : 2). Иногда гребенчатые оттиски имитированы при помощи маленьких ямочек, расположенных рядами (табл. XXX : 11). По сравнению с поздней шнуровой керамикой и одновременной с ней текстильной керамикой такие черепки встречаются в соответствующих пластах в меньшем количестве.

На стоянке Кулламяги шнуровая керамика составляет примерно такой же процент общего количества керамики, как и на стоянке Акали (учитывая более позднюю керамику Акали). Стратиграфия расположения шнуровой керамики Кулламяги также соответствует стратиграфическим условиям ее залегания на стоянке Акали. Большинство шнуровой

керамики Кулламяги получено из раскопов E, I, K и L, в меньшем количестве она обнаружена в раскопах B и C, причем в последних она залегала главным образом на участках, расположенных ближе к бугру. В раскопе O шнуровая керамика представлена лишь единичными черепками в самом глубоком горизонте культурного слоя. В раскопе D несколько черепков шнуровой керамики залегали на верхней границе культурного слоя. Таким образом, и на Кулламяги шнуровая керамика бытовала только в течение определенного отрезка времени существования стоянки. В отличие от стоянки Акали, среди шнуровой керамики Кулламяги до сих пор не найдено черепков, которые точно соответствовали бы ранней шнуровой керамике Акали. Совершенно отсутствуют сосуды с S-овидным профилем. Единственный украшенный елочным орнаментом черепок с простым отвесным краем (табл. XXVI : 4) принадлежит небольшому сосуду; орнамент этот нанесен беспорядочно, и фрагмент производит впечатление нетипичной поздней керамики. На стоянке Кулламяги шнуровая керамика почти всегда встречается вместе с текстильной и с фрагментами сосудов с пережиточными элементами ямочно-гребенчатой керамики. Состав глиняного теста у всех таких сосудов одинаковый. Исключение составляет лишь один черепок из раскопа F (табл. XXX : 1), принадлежащий сосуду, изготовленному из глиняного теста того же состава, что и древнейшая текстильная керамика в районе устья реки Эмайыги. Край этого сосуда простой, стенки отвесные, орнамент состоит из двух широких горизонтальных желобков, расположенных под краем. Такой орнамент характерен для поздней шнуровой керамики стоянок, хотя по форме сосуд соответствует скорее ранней шнуровой керамике. Можно полагать, что этот сосуд изготовлен в тот период, когда развитие шнуровой керамики находилось в стадии формирования позднего типа сосудов. За исключением упомянутого черепка, свидетельствующего о более ранних соприкосновениях текстильной и шнуровой керамики, шнуровая керамика Кулламяги соответствует поздней группе этого вида керамики из Акали.

Шнуровую керамику стоянок приустья реки Эмайыги надо рассматривать в связи со шнуровой керамикой остальных районов Восточной Прибалтики. Эта керамика входит в состав инвентаря, характерного для памятников поздненеолитической культуры боевых топоров или, что то же, культуры шнуровой керамики. Она неоднократно встречалась в могильниках, иногда вместе с ладьевидными боевыми топорами. К таким могильникам на территории Эстонской ССР относятся могильники в Арду Раплаского района, в Тутку и Тика Кингисеппского района и в Сопе вблизи Кохтла-Ярве. Из этих могильников три содержали фрагменты сосудов с S-овидным профилем, украшенные типичным елочным орнаментом.[1] Глиняный сосуд, найденный в могильнике Сопе, также имеет S-овидный профиль, но вокруг шейки у него имеется невысокий валик

[1] Янитс, Поздненеолит. могильники, стр. 55, 57, рис. 15 : 5; 16.

со вдавленными попарно небольшими ямочками.[1] Шнуровая керамика обнаружена и на территории Финляндии в могилах с боевыми топорами. Найденные в них сосуды украшены чаще шнуровыми отпечатками, чем елочным орнаментом. Нередко на дне сосуда отмечается лучеобразный орнамент, образованный черточками или насечками. Упомянутые сосуды имеют большей частью также S-овидный профиль, однако этот профиль менее ясно выражен, и сосуды имеют более сплющенную форму, т. е. сравнительно больший диаметр и меньшую высоту, чем соответствующие сосуды с территории Эстонской ССР.[2] На основании типологии боевых топоров, найденных вместе с керамикой, было высказано мнение, что сплющенность сосудов шнуровой керамики развивалась в Финляндии постепенно, являясь, таким образом, хронологическим моментом.[3]

На территории Латвии, Литвы и Калининградской области в могильниках культуры боевых топоров керамика встречается редко и обычно в виде небольших фрагментов. Местонахождение Рутениеки Латвийской ССР, в отношении которого до сих пор нет ясности, имеем ли мы перед собой могильник или стоянку, дало несколько больше черепков глиняных сосудов. По некоторым из них удалось реставрировать сосуд с елочным орнаментом и S-овидным профилем стенок.[4] Остальные фрагменты принадлежат сосудам с прямым краем, со шнуровым орнаментом, ямочными вдавлениями или насечками, а часто также с неорнаментированной заштрихованной поверхностью.[5] Далее можно отметить, что один сосуд, близкий по форме и орнаменту к сосуду из Сопе и имеющий на шейке два валика, найден еще южнее, в могильнике, расположенном в северной части Польской Народной Республики.[6]

Могильники южных районов Восточной Прибалтики дают, таким образом, довольно мало керамического материала. Несравненно больше найдено там шнуровой керамики на поселениях. На юго-восточном побережье Балтийского моря, начиная от Куршской косы и к юго-западу от нее вдоль побережья, в Литовской ССР, в Калининградской области и на

---

[1] Янитс, Позднеолит. могильники, стр. 53, рис. 15 : 1.

[2] FM XXII, 1915, стр. 11, рис. 11. FM XXIV, 1917, стр. 48, рис. 2. A. Äyräpää Kauhavan Perttulanmäen kivikautinen hauta. SM XXXVIII—XXXIX, 1931—1932, Helsinki 1932, рис. 10. E. Kivikoski, Paimion Rukkijoen vasarakirveshauta. SM XLI, 1934, Helsinki 1935, рис. 2. A. Europaeus, Polemik i nordiska stenåldersfrågor. FM XXXI, 1924, Helsingfors 1924, стр. 41, рис. 1, 2. Europaeus, Fornfynd från Kyrkslätt och Esbo socknar. SMYA XXXII : 1, Helsingfors 1922, стр. 131. AA VII, стр. 321 (Aimala).

[3] Europaeus, Kyrkslätt och Esbo, стр. 140.

[4] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 11. О могильниках на территории Литовской ССР и Калининградской области см. Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 176 и сл., стр. 324 и сл. Kilian, Haffküstenkultur, стр. 64 и сл.

[5] Latviešu kultūra senatnē, табл. IV : 2—6. МИЛ № 8365. Ср. с настоящей работой стр. 117, 118.

[6] A. Bezzenberger, Ein masurisches Steinzeitgrab. Mannus X (1918), Leipzig, Würzburg 1919, стр. 10 и сл., рис. 4, 5.

территории Польши, известны многие поздненеолитические поселения, основной материал которых составляет шнуровая керамика. Эта керамика довольно разнообразна как по форме сосудов, так и по орнаменту. В ней прослеживаются некоторые местные особенности; кроме того, следует учесть изменения, связанные с развитием керамики, в отношении чего материал этих поселений в основном еще не изучен. Несмотря на все свое многообразие, шнуровая керамика поселений юго-восточного побережья Балтийского моря образует все же самостоятельную, определенно выраженную группу. Для нее характерны сосуды с S-овидным профилем стенок. Большей частью они имеют короткую шейку, на которой изредка расположены один или два валика. На польском побережье в Ржуцево часто встречаются кубки с очень длинной горловой частью. Далее, в керамике этих прибрежных стоянок обычны выпуклые, почти шаровидные сосуды (амфоры) с очень короткой шейкой; иногда шейки по существу нет, остается только венчик вокруг суживающегося края. Встречаются плоские чаши, продолговатые блюда и объемистые сосуды для хранения запасов. В верхней части сосудов часто имеются то ушки для продевания веревки, то ручки или шишечки. Все сосуды имеют плоские днища, которые переходят в стенку острым ребром. Большей частью площадь опоры дна небольшая. В качестве орнамента широко использованы шнуровые отпечатки, притом не только в виде опоясывающих сосуды параллельных линий, а часто в виде небольших кружков или полукружков, а также в виде групп из коротких вдавлений и других комбинаций. Елочный орнамент в его простейшем виде встречается, очевидно, реже, чем образованные из вдавленных линий треугольники и группы линий переменного направления, которые также расположены горизонтальными поясами. Между последними часто тянутся вокруг сосуда горизонтальные линии. В общем же параллельные горизонтальные линии для этой керамики мало характерны и встречаются обычно вместе с другими элементами орнамента. Часто наблюдаются ямки, особенно же продолговато-четырехугольные насечки. Они размещены группами и образуют различные комбинации.[1]

Довольно много поселений со шнуровой керамикой известно и в Финляндии, где они, как и поздненеолитические могильники, и ладьевидные боевые топоры, расположены в юго-западной части страны. Но они встречаются также и на всем северном побережье Финского залива, проникая

---

[1] Gaerte, Keramik, рис. 28—30, 38, 40, 41, 43—45, 48—50, 79—102, 106—114, 116—123, 127—132, 164, 166—184, 186—222, 224—247, 250, 262. Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 171—176, табл. 45 : a—p, r; 46. B. Ehrlich, Succase. Eine Siedlung der jungsteinzeitlichen Schnurkeramiker im Kreise Elbing. Elbinger Jahrbuch 12/13, Elbing 1936, стр. 64—69, табл. IV : 2; XVIII : 2; XIX—XXI. Kostrzewski, Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste, стр. 55—66, рис. I, II. J. Żurek, Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. wejherowski i kultura rzucewska. Fontes Archaeologici Posnaniensis. Annales Musei Archaeologici Posnaniensis, vol. IV (1953), Poznań 1954, стр. 1—42. Kilian, Haffküstenkultur.

даже в окрестности Выборга. Шнуровая керамика финских поселений имеет сходство с керамикой, найденной там же в могильниках. Она значительно проще и более бедна формами, чем керамика поселений юго-восточного побережья Балтийского моря. Доминирующим типом является сосуд со слабым S-овидным профилем, относительно широкой нижней частью и плоским дном, переходящим в стенки не резко, а часто выпукло. Довольно часто на шейках сосудов имеются валики. Встречаются сосуды с почти прямым краем. Обычным мотивом в орнаменте являются горизонтальные шнуровые оттиски, нередко заканчивающиеся „бахромой", и простой елочный узор. Наблюдаются и небольшие ямочки и насечки. В большинстве случаев они расположены на валике и внешнем крае венчика. Найдены сосуды и без орнамента. Последние обычно имеют заштрихованную поверхность и несколько бо́льшие, по сравнению с другими сосудами, размеры. Валики также наблюдаются главным образом на более крупных сосудах.[1]

Пока еще имеется мало сведений о поселениях культуры шнуровой керамики в Эстонской и Латвийской ССР. В Валма определенная граница между культурными слоями, содержащими ямочно-гребенчатую и шнуровую керамику, отсутствует. В Тояти собран пока лишь подъемный материал, а поэтому вопрос о характере этого памятника окончательно еще не выяснен.

Следует, однако, отметить, что и на северном побережье озера Выртсъярв, примерно в 1,5 км к югу от могильника Кивисааре, в Сиймусаare, найдено несколько десятков очень маленьких фрагментов глиняных сосудов, с мелкозернистым песком в составе и заштрихованной поверхностью.[2] Эта керамика была разбросана по полю вместе с маленькими осколками кремня, скребками и фрагментами шлифованных каменных изделий; там же были обнаружены очаги. На одном черепке под краем имеется валик, украшенный очень маленькими двойными ямками.[3] Весьма вероятно, что мы имеем здесь дело со стоянкой культуры шнуровой керамики, культурный слой которой нарушен вспашкой. Вблизи находился, по-видимому, могильник, о чем свидетельствуют сообщения о находке при рытье картофельной ямы скелета, покрытого известняковой плитой.[4] Позднее там же при рытье другой картофельной ямы был найден ладьевидный боевой топор, который также, по-видимому, связан с могильником.[5] Но данные о местонахождениях как Тояти, так и Сиймусааре пока еще недостаточны.

---

[1] Europaeus, Kyrkslätt och Esbo, стр. 125—140, табл. VIII—XI. J. Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I. Helsingfors 1909, стр. 92—93; II, стр. 1—5, табл. I : 1—9. Äyräpää, Chronologie, стр. 190, рис. 85, 86. Ср. с указанной в данной работе на стр. 159 (сноска 2) литературой.

[2] ИИ № 2762 : 1—54; 2763 : 1—55.

[3] ИИ № 2763 : 51.

[4] Tallgren, Zur Archäologie Eestis I, стр. 49.

[5] ИИ № 2581.

Однако за последние годы на некоторых стоянках, основной материал которых составляет ямочно-гребенчатая керамика, обнаружены черепки шнуровой керамики. Такими стоянками являются Тамула и Вилла в Эстонии, Ича, Леяс-Цискас и Двиете в Латвии. На всех этих стоянках была найдена поздняя ямочно-гребенчатая керамика, которая, видимо, синхронна со встречающейся на этих же стоянках шнуровой керамикой. При этом шнуровая керамика не похожа на основную керамику стоянок, а находится с последней в таком же соотношении, как группа ранней шнуровой керамики Акали с поздней ямочно-гребенчатой керамикой этой же стоянки. Следует отметить, что в шнуровой керамике этих стоянок прослеживаются некоторые особенности. Так, в Тамула [1] и Леяс-Цискасе [2] мы имеем дело с украшенными шнуровыми отпечатками сосудами, в составе глины которых встречается дресва. Аналогичные черепки сосудов найдены в Тояти [3] и в меньшем количестве в Рутениеки.[4] В Двиете найдены черепки сосудов со шнуровыми отпечатками, содержащие в тесте значительную примесь ракушек.[5] В Вилла [6] обнаружены украшенные елочным орнаментом черепки сосудов, имеющих более тонкий состав теста, близкий к составу теста шнуровой керамики позднеолитических могильников на территории Эстонии и большинства черепков шнуровой керамики из Валма [7] и Рутениеки.[8] Аналогичный состав глиняного теста имеет и ранняя шнуровая керамика Акали. В Ича встречаются черепки как с елочным орнаментом, так и со шнуровыми отпечатками, причем последние преобладают. По орнаменту шнуровая керамика Ича обнаруживает большое сходство с более древней группой шнуровой керамики Акали. Большинство черепков шнуровой керамики из Ича имеет дресву в тесте.[9]

Хотя шнуровая керамика стоянок представлена пока лишь небольшими черепками, все же почти на всех упомянутых стоянках встречаются сосуды со слабым S-овидным профилем стенок, а в некоторых случаях с прямой краевой частью и, по крайней мере в Тамула, с плоским дном. В Вилла обнаружен черепок с украшенным насечкой валиком на шейке сосуда.[10] Есть основание полагать, что форма сосудов шнуровой керами-

---

[1] Янитс, Новые данные, стр. 183, рис. 14 : 8. ИИ № 3932 : 129, 140 и др.

[2] Sturms, Zebrus-See, стр. 416, табл. IV : 11. МИЛ № 8597 : 6; 8603 : 3.

[3] Latviešu kultūra senatnē, табл. V : 9—11, 15, 16. МИЛ № 5963, 6329 и др.

[4] МИЛ № 8363 : 28.

[5] МИЛ № 9586 : 39.

[6] Древние поселения и городища, табл. XLVII : 9, 10.

[7] ИИ № 4022 : 119, 162, 214, 2361, 2794, 2795, 2862, 2869. В Валма также найдено несколько черепков, украшенных шнуровыми отпечатками, и черепков от краев сосудов, украшенных насечками и сдвоенными ямками (ИИ № 4022 : 1660, 1635, 2791 и др.).

[8] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 11. См. также стр. 159 (сноска 5) в данной работе.

[9] МИЛ № 64138 : 84; 64141 : 1; 64169 : 1; 64205.

[10] Древние поселения и городища, табл. XLVII : 11. Черепки с аналогичным валиком и насечками найдены в р. Пярну. ÕESA 1931, Tartu 1932, стр. 298, табл. VI : 12. В Валма найдено несколько черепков с волнистым валиком, также принадлежащих к шнуровой керамике (ИИ № 4022 : 2846, 2864).

ки, найденной на стоянках Эстонской ССР, в общем сходна с формой сосудов, происходящих из могильников этой же территории. Несмотря на некоторые особенности местного характера, на которые было указано выше и которые имеют, несомненно, свое значение, шнуровую керамику с территории Эстонской (и отчасти Латвийской) ССР можно в основном рассматривать как единую группу. К ней относится и группа более древней шнуровой керамики Акали. Шнуровая керамика Эстонии, — если сравнить ее, с одной стороны, со шнуровой керамикой Куршской косы и остального юго-восточного побережья Балтийского моря, а, с другой стороны, с соответствующим материалом Финляндии, — образует как бы промежуточное звено между ними. По своему общему характеру она значительно ближе, однако, к шнуровой керамике Финляндии.

Поздняя шнуровая керамика стоянок района устья реки Эмайыги более своеобразна. Ее характерные признаки — сильно отогнутый венчик и тянущиеся вокруг сосуда параллельные линии — не являются обычными явлениями в шнуровой керамике Восточной Прибалтики. Отогнутый венчик иногда встречается на Куршской косе, особенно у сосудов шаровидной формы. Эта форма венчика представлена и на материке, на стоянках в районе Мазурских озер.[1] Но все же она не является здесь типичной. Помимо того, на этих сосудах нет линейного орнамента. Параллельные, тянущиеся вокруг сосуда линии можно проследить, однако, на юго-восточном побережье Балтийского моря на сосудах с венчиками обычной формы, притом большей частью в комбинации с другими орнаментальными мотивами.[2] Следует все же отметить одну довольно близкую параллель к изображенному на табл. XXVIII : 2 обломку сосуда — черепок с отогнутым наружу венчиком, украшенным насечками, в то время как наружная поверхность орнаментирована очень маленькими двойными ямками.[3] Еще южнее, на территории Польши и Белоруссии, поздняя шнуровая керамика часто украшалась опоясывающими сосуд линиями. Однако форма сосудов обычно иная, чем у соответствующей керамики из Акали и Кулламяги.[4]

Наиболее близка к поздней шнуровой керамике наших поселений керамика тшцинецкой культуры, распространенной по среднему течению р. Вислы. Сосуды этой культуры обычно имеют слабо S-образный профиль и выгнутый наружу венчик, напоминая и по форме соответствующую керамику из Акали. На шейке нередко имеется валик. Орнамент состоит чаще всего из опоясывающих шейку горизонтальных линий, под которыми иногда встречается «бахрома». Как показали польские исследователи,

---

[1] Gaerte, Keramik, рис. 2, 91, 180-c, 216, 217, 224.

[2] Там же, рис. 108, 110, 111, 114, 244—246, 247-a.

[3] Там же, рис. 224.

[4] Z. Szmit, Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlesiu. Wiadomości Archeologiczne X, Warszawa 1929, стр. 54 и сл., табл. VII, VIII. W. Antoniewicz, Arheologja Polski. Zarys czasów przedhistorycznych i wczesnodziejowych ziem Polski. Warszawa 1928, стр. 80 и сл., карта рис. 20.

тшцинецкая культура является поздним продолжением местной культуры шнуровой керамики.[1] Несмотря на то, что в керамике тшцинецкой культуры встречается ряд элементов, чуждых поздней шнуровой керамике низовья р. Эмайыги, все же обе эти керамические группы, несомненно, следует считать параллельными явлениями. Не исключена возможность, что тшцинецкая керамика оказала некоторое влияние на развитие поздней шнуровой керамики Эстонии.

На территории Финляндии поздний материал культуры шнуровой керамики пока мало известен. На основании сосуда с линейным орнаментом с поселения Хэйрюнмяки, расположенного в западной части теперешней Карельской АССР, было высказано предположение, что и в Финляндии поздняя шнуровая керамика была украшена идущими вокруг сосуда линиями.[2] Это мнение как будто находит себе подтверждение в том обстоятельстве, что параллельные, опоясывающие сосуд линии представлены нередко в орнаментике сосудов культуры Киукайнен, которая последовала в юго-западной Финляндии за культурой шнуровой керамики и керамика которой содержит элементы как шнуровой, так и ямочно-гребенчатой керамики.[3] По форме же сосудов керамика культуры Киукайнен отличается от поздней шнуровой керамики приустья р. Эмайыги, так же как она отличается и от южных групп керамики.

Поздняя шнуровая керамика района устья реки Эмайыги все же не стоит особняком среди керамики территории Эстонии и Латвии. Отогнутый наружу венчик можно встретить и на некоторых черепках из Тояти.[4] В Вилла, наряду с черепками с елочным орнаментом, имеется довольно много черепков, на поверхности которых встречаются тонкие, как бы образующие рисунок черточки.[5] По составу теста эти черепки обнаруживают сходство с поздней шнуровой керамикой Акали и Кулламяги. Один фрагмент венчика такого сосуда имеет сильно отогнутый край; широкая, наклоненная внутрь поверхность венчика украшена в верхней части двумя параллельными рядами шнуровых отпечатков, а наружная по-

---

[1] S. Nosek, Zagadnienie Praslowiańszczyzny w świetle prehistorii. Swiatowit XIX, Warszawa 1948, стр. 1—178, табл. XXIII—XXXIV. A. Gardawski, Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Łubna, pow. Sieradz. Wiadomości Archeologiczne XVIII : 1—2, Warszawa 1951, стр. 1—84. A. Gardawski, Wyniki prac wykopaliskowych przeprowadzonych w 1952 roku w miejscowości Trzciniec, pow. Pulawy. Wiadomości Archeologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 369—396, табл. XXXIV.

[2] Meinander, Kiukaiskultur, стр. 142 и сл., 151 и сл., рис. 90.

[3] Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland II, табл. 5 : 17—27, особенно табл. 5 : 18, 19, 24. Äyräpää, Chronologie, стр. 205 и сл., рис. 87—99, особенно рис. 89, 90, 98. Meinander, Kiukaiskultur, стр. 142 и сл., рис. 77. Отдельные черепки с линейным орнаментом найдены и в некоторых других поселениях Финляндии (A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring. SMYA LII : 1, Helsinki 1953, стр. 84, 91, рис. 7 : f; 10 : i).

[4] Latviešu kultūra senatnē, табл. V : 9, 10, особенно же МИЛ № 2223; 2225.

[5] ИИ № 4037 : 539, 665, 704, 764, 815, 837, 910, 945, 970, 994, 1068, 1100, 1227, 1451, 1462 и др.

верхность — неглубокими ямочками.[1] На некоторых других аналогичных черепках край также отогнут наружу, но не образует столь ясного ранта. Часть черепков имеет заштрихованную поверхность.[2] По-видимому, описанные черепки из Вилла также относятся к более поздней шнуровой керамике. Вполне вероятно, что и на стоянке Нарва-Рийгикюла I мы имеем дело с поздней шнуровой керамикой того же типа. И здесь на некоторых черепках встречаются тонкие, как бы образующие какой-то рисунок линии, причем внутренняя поверхность сосудов имеет характерную штриховку. Состав глиняного теста этих черепков как будто напоминает состав теста поздней шнуровой керамики района устья реки Эмайыги и Вилла.[3] Отдельные черепки поздней шнуровой керамики с типичным профилем края были найдены и на поселении Нарва-Рийгикюла II.[4]

Особенно важно наличие параллелей поздней шнуровой керамике Акали и Кулламяги в могильнике Кивисааре,[5] одном из позднейших могильников на территории Эстонской ССР, носящих еще неолитический характер. Найденная в Кивисааре керамика состоит лишь из маленьких фрагментов.[6] Черепки имеют мелкозернистый состав с примесью лишь мелкого песка. У некоторых черепков можно заметить примесь более грубого песка, а у единичных — даже незначительную примесь дресвы. Венчики этих сосудов прямые или намекают на S-овидный профиль. По меньшей мере два черепка от венчика сосуда имеют, однако, сильно отогнутый край. На одном из них край украшен насечками, а наружная поверхность — опоясывающими сосуд параллельными линиями. Промежутки между последними заполнены рядами таких же насечек, как и на краю венчика. Наружная поверхность второго черепка совершенно облупилась. На поверхности этих обоих черепков,[7] как и многих других черепков из Кивисааре, имеются тонкие процарапанные линии. Довольно часто прослеживается и штриховка поверхности. Орнаментом керамика из Кивисааре в общем бедна. Нижние части сосудов не орнаментированы. Изготавливались также совершенно неорнаментированные сосуды.

---

[1] ИИ № 4037 : 1010.

[2] ИИ № 4037 : 772, 785, 1010, 1451, 1462 и др.

[3] Черепки № 1, 1332, 3381, 3664, 3916, 4245, 5021, 5049—5051, 5153—5155, 10090 и др. Материалы из поселений Нарва-Рийгикюла хранятся в настоящее время в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР.

[4] Там же, черепки № 2322, 3875.

[5] О могильнике Кивисааре см. Bolz, Das neolithische Gräberfeld von Kiwisaare in Livland, стр. 15—32.

[6] Это, вероятнее всего, обусловлено неоднократным перемешиванием слоев этого памятника как при земляных работах, так и при раскопках, произведенных в исследовательских целях, но на низком методологическом уровне. Характерно, что керамика, за исключением нескольких черепков, была обнаружена лишь во время самых последних раскопок (ИИ № 2758 : 1—81; 2764 : 1—7). Бо́льшая часть могильника, в том числе и его центральная часть, была уже перерыта во время предыдущих работ. Следовательно, на керамику при прежних раскопках просто не обращали внимания.

[7] ИИ № 2758 : 19, 62. Первый из них является параллелью к случайной находке в реке Пярну (Europaeus, Polemik i nordiska stenåldersfrågor, рис. 5).

На нескольких черепках имеются очень маленькие двойные ямки, своим расположением напоминающие керамику Акали (табл. XXVIII : 2).[1] Встречающиеся на некоторых черепках ямки другого вида[2] также имеют параллели в поздней шнуровой керамике Акали (табл. XXVIII : 1, 5). Наряду с этими черепками в Кивисааре найден один черепок с типичным елочным орнаментом[3] и другой со шнуровыми отпечатками, причем на последнем орнаментальная зона оканчивается дугообразными шнуровыми вдавлениями.[4]

Итак, можно проследить уже целую небольшую группу местонахождений поздней шнуровой керамики. Они располагаются преимущественно на территории Эстонской ССР. Как было указано выше, эта керамика имеет мало параллелей в районах юго-восточного побережья Балтийского моря, они не отмечаются также и в шнуровой керамике Финляндии. Мы имеем, по-видимому, дело с местным развитием шнуровой керамики на ограниченной территории, с развитием, которое, возможно, восприняло некоторое влияние со стороны тшинецкой культуры и совершалось в известном контакте с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Выше были приведены примеры взаимных влияний шнуровой керамики и поздней ямочно-гребенчатой керамики в районе устья реки Эмайыги. Некоторые соответствующие признаки, например применение ямочного орнамента, прослеживаются и на поздней шнуровой керамике Вилла, и на материале Кивисааре. С другой стороны, можно констатировать проникновение элементов шнуровой керамики в ямочно-гребенчатую, которое, несомненно, началось еще до возникновения поздней шнуровой керамики. Влиянием елочного орнамента шнуровой керамики объясняется, скорее всего, и появление подобного же орнамента, составленного из мелких прямых процарапанных линий, на черепках некоторых стоянок с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, как на отдельных черепках со стоянок Пурциемс С,[5] Леяс-Цискас,[6] Акали (табл. XXIX : 3, 4) и несколько чаще на черепках из Тамула.[7] Возможно, что насечки, часто встречающиеся на керамике из Леяс-Цискаса,[8] на некоторых сосудах из Сарнате[9] и на одном черепке из Тамула,[10] следует поставить в связь с орнаментикой шнуровой керамики стоянок юго-восточного побережья Балтийского моря. Можно допустить, что известная часть черепков из Акали

---

[1] ИИ № 2758 : 59, 72-а.

[2] ИИ № 2758 : 20, 55, 76, 81.

[3] ИИ № 2758 : 60.

[4] ИИ № 2758 : 63. Дугообразные шнуровые вдавления, как уже указывалось, характерны для керамики стоянок юго-восточного побережья Балтийского моря.

[5] Sen. un M. 1937 I, рис. 6 : a, b (стр. 51); 1937 IV, рис. 4-а (стр. 87). МИЛ № 9123 : 15.

[6] Šturms, Zebrus-See, табл. IV : 12.

[7] Янитс, Новые данные, стр. 182, рис. 14 : 1, 2.

[8] Šturms, Zebrus-See, стр. 415 и сл., табл. I : 12, 14. МИЛ № 8601 : 5, 9 и др.

[9] МИЛ, материал раскопок в Сарнате 1939 г., стоянка Е, № 1.

[10] Янитс, Новые данные, рис. 15 : 8.

также относится по орнаменту к той же группе (табл. XXI : 3, 8). Влиянием шнуровой керамики объясняется, видимо, и употребление сосудов слабого S-овидного профиля на ряде стоянок, а именно в Леяс-Цискасе,[1] Пурциемсе C и D [2] и Сарнате.[3] В Леяс-Цискасе,[4] на стоянках Пурциемс C[5] и Сарнате,[6] между прочим, замечается тенденция расширять венчик сосудов в наружную сторону. При этом, правда, не получается еще такого отогнутого наружу края венчика, как у поздней шнуровой керамики на стоянках Эстонии. Среди материала Тамула имеется, однако, один черепок с сильно отогнутым венчиком, под которым на наружной поверхности вокруг сосуда проходит горизонтальная линия.[7] Этот сосуд имеет такой же состав глины, как и поздняя ямочно-гребенчатая керамика стоянки. Наконец, нельзя не упомянуть о явлении, которое наблюдается почти на всех поздних стоянках, а именно появление штриховки поверхности сосудов. Этот прием свойствен и шнуровой керамике, особенно поздней. Пока еще не ясно, следует ли объяснять возникновение нового способа обработки поверхности сосудов влиянием шнуровой керамики на ямочно-гребенчатую керамику или наоборот, но постепенно возрастающее применение этого приема, равно как и другие перечисленные здесь явления свидетельствуют о том, что развитие обоих видов керамики протекало не изолированно друг от друга.

Керамика эпохи раннего металла

Керамика эпохи раннего металла является самой поздней основной группой керамики на стоянках района устья реки Эмайыги. В глиняное тесто этой керамики вводилось много дресвы. Сосуды хорошо обожжены, черепки плотные и твердые. Только сосуды, изготовленные из массы, содержащей особенно много дресвы, были более хрупкими и поэтому в большинстве случаев распались на очень мелкие фрагменты.

Основную массу рассматриваемой керамики можно разделить на две подгруппы, которые, однако, резко не отличаются друг от друга. Разли-

---

[1] Sturms, Zebrus-See, табл. I : 14; IV : 8, 9. МИЛ № 8596 : 9; 8601 : 5 и др.

[2] МИЛ № 9123 : 15; 9158 : 4 и др. Sen. un M. 1937 I, рис. 5 (стр. 50); рис. 8 (стр. 53).

[3] Sen. un M. 1940 I, рис. 7 (стр. 48). МИЛ, материал раскопок Сарнате 1939 г., со стоянки A № 2, 3, 5, 7, 23; со стоянки F № VI : 8; со стоянки G № 2, 73.

[4] Sturms, Zebrus-See, табл. I : 7, 8, 11, 12. МИЛ № 8596 : 10; 8597 : 1, 10; 8598 : 6, 7, 12; 8599 : 9, 10; 8601 : 7, 8, 9; 8602 : 8.

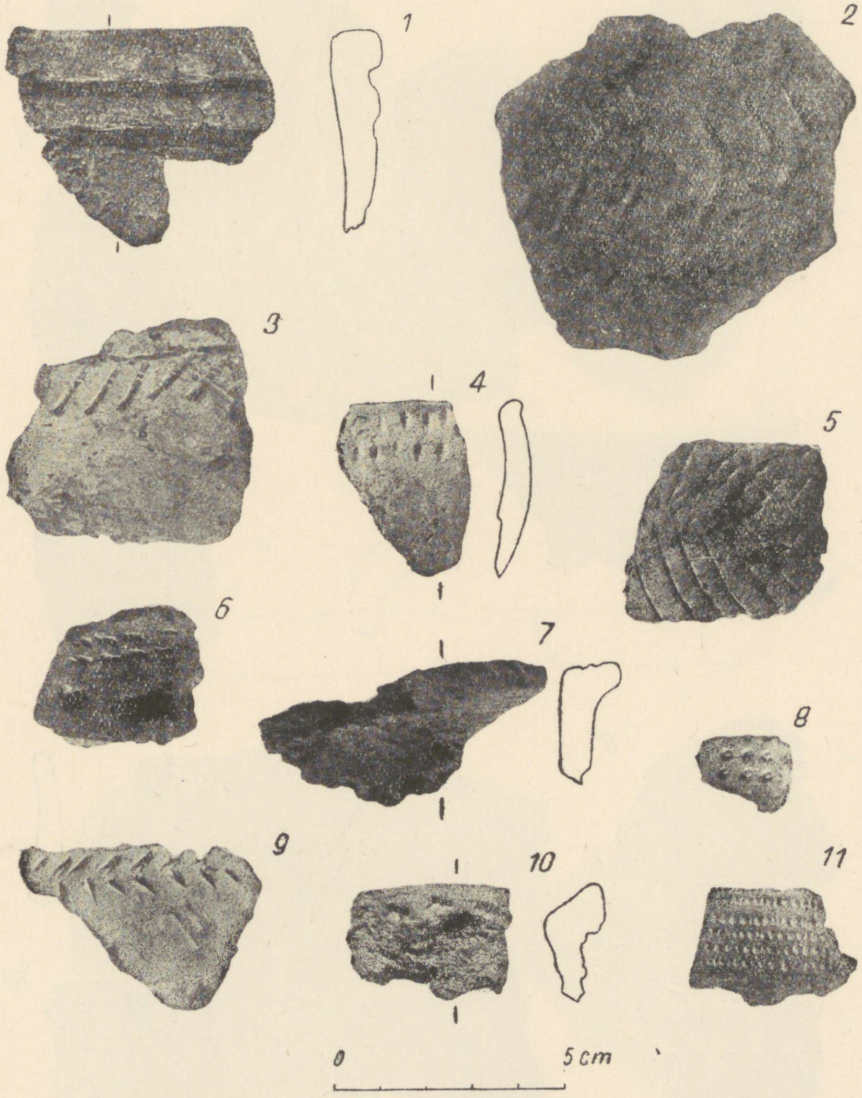
[5] МИЛ № 9123 : 15.

[6] МИЛ, материал раскопок Сарнате 1939 г., со стоянки A № 1, 7; со стоянки D № 1; со стоянки E № 1.

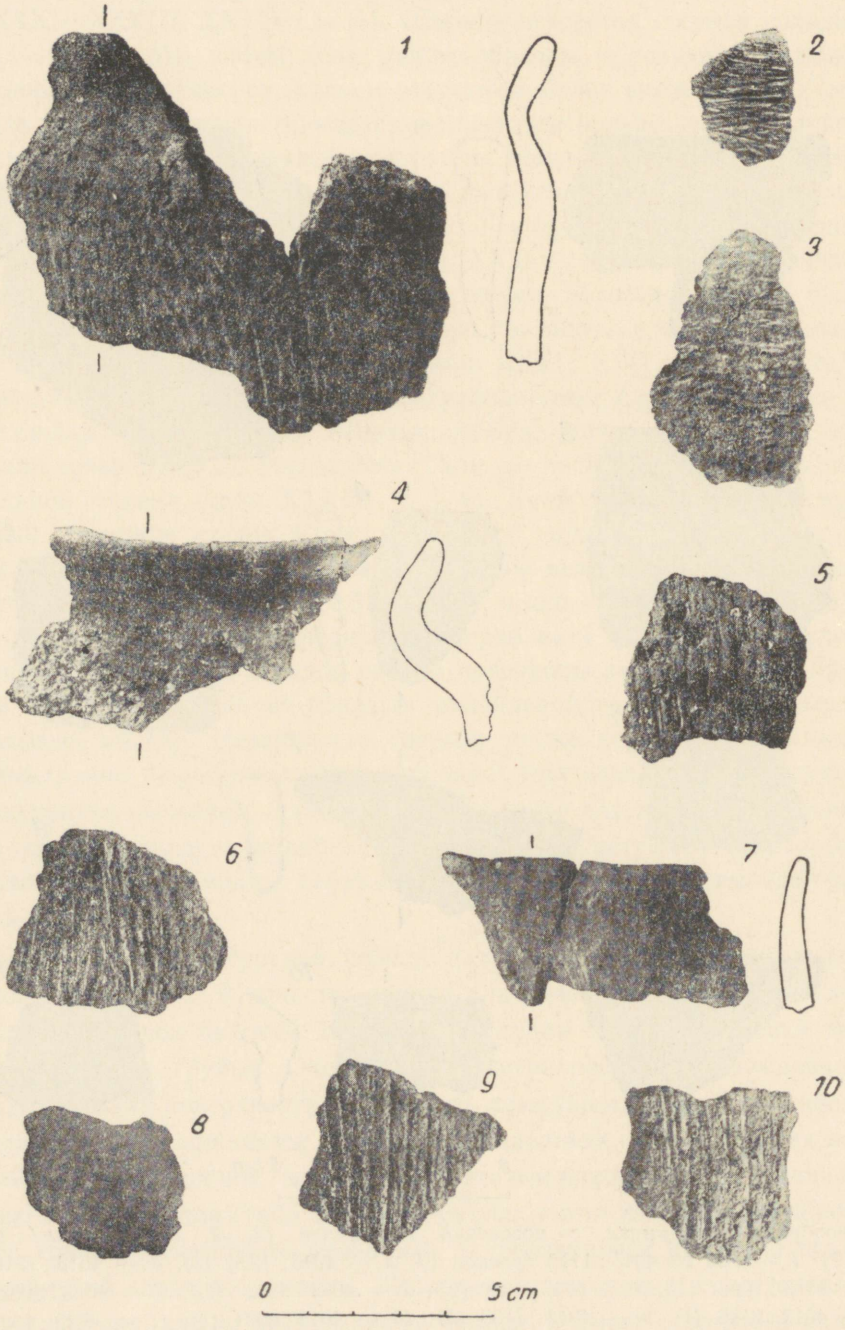
[7] Янитс, Новые данные, рис. 15 : 7. Сосуды с таким же краем венчика встречаются в поздней ямочно-гребенчатой керамике Карелии, а также восточной и северной Финляндии. См. Äyräpää, Chronologie, стр. 208, рис. 100, 101.

чия между ними выражаются в обработке формы и поверхности сосудов, в самой форме сосудов и, в некоторой степени, в орнаментике. Сосуды обеих подгрупп имели плоские днища диаметром 10—15 см; кверху от дна они слегка расширялись, а затем у короткой шейки снова суживались (табл. XXXI—XXXIII; XXXIV : 1—4). Ширина отверстия сосудов доходила до 11—20 см. Мы имеем дело, таким образом, с сосудами сравнительно одинаковых размеров, причем отсутствие более вместительных сосудов для хранения запасов бросается в глаза еще больше, чем у шнуровой керамики. У сосудов первой подгруппы днище переходит в стенку острым ребром, которое иногда образует выступающий наружу небольшой карнизик (табл. XXXII; XXXIII : 12). У сосудов второй подгруппы дно переходит к стенке округленно (табл. XXXIV : 2). Вторым отличием в форме сосудов можно считать строение шейки. У сосудов первой подгруппы шейка сильнее профилирована, так что плечики ясно обрисовываются, а венчик снова расширяется (табл. XXXI : 1, 4). Край простой, сверху выпуклый. Керамика второй подгруппы имеет слабее профилированную шейку. Плечики более покатые, шейка, хотя и суживается, но венчик или совершенно не расширяется, или же расширяется в очень незначительной степени (табл. XXXIV : 1, 3, 4). Край сверху плоский и выравненный. Толщина стенок у сосудов первой подгруппы составляет в среднем 0,8—0,9 см, причем у шейки и на краю венчика она в большинстве случаев несколько меньше (0,6—0,7 см), а дно — толще (1—1,1 см). Сосуды второй подгруппы в среднем примерно на 1 мм тоньше сосудов первой подгруппы. Лепка сосудов первой подгруппы заметно небрежная. Верхний край не отделан, не образует правильной окружности и имеет неодинаковую высоту. Поверхность сосудов также неровная. Керамика второй подгруппы выработана несколько более тщательно. Форма сосудов более аккуратно выделана, а поверхность их более или менее выровнена. Все же по тщательности выработки и эти сосуды уступают некоторым ранее рассмотренным видам керамики, например типичной ямочно-гребенчатой керамике.

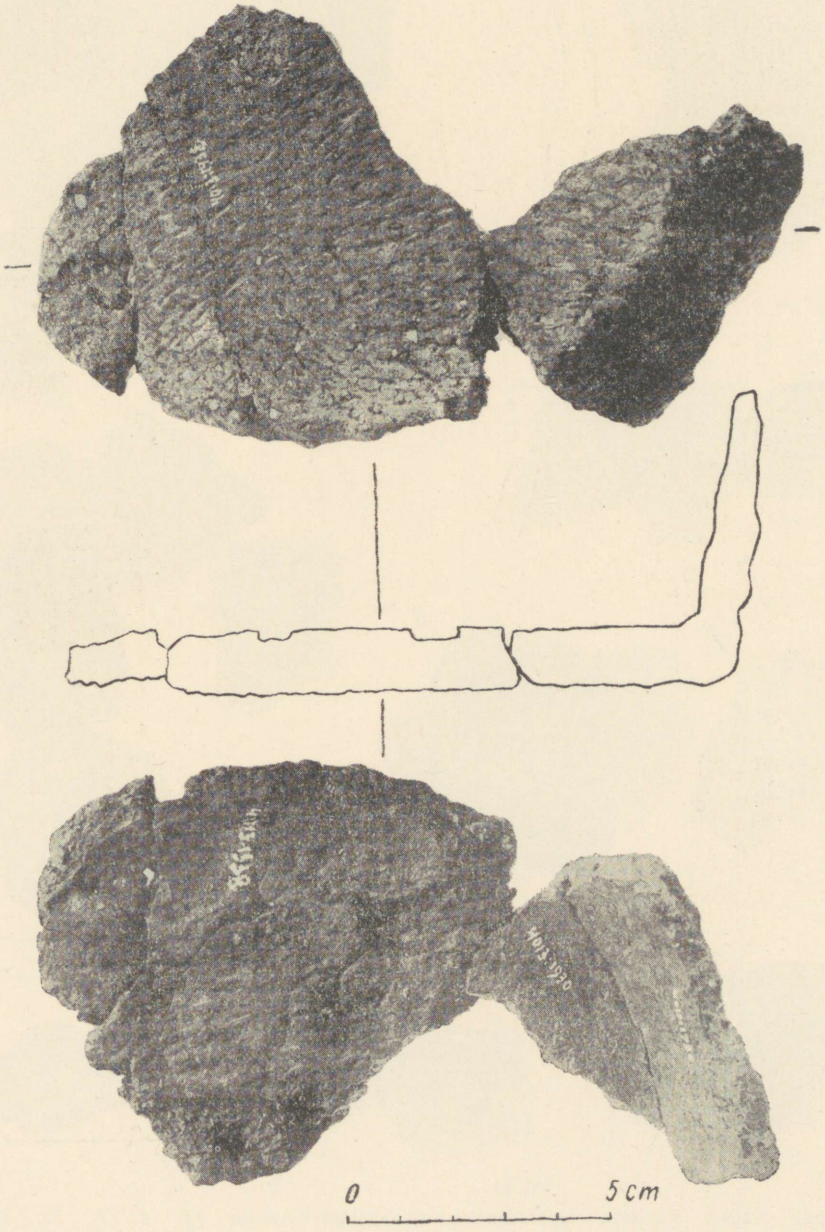
Характерной чертой сосудов первой подгруппы является штриховка наружной поверхности. В качестве орудия для нанесения штриховки служил, вероятно, пучок палочек. На многих сосудах следы штриховки довольно глубокие и грубые. Очевидно, что штриховка не преследовала цели выравнивания поверхности, а являлась известным приемом выработки сосуда. Это подтверждается и тем обстоятельством, что на шейках сосудов следов штриховки нет, зато ими покрыта вся нижняя часть, начиная от плечиков до канта дна (табл. XXXI). Эти следы штриховки напоминают, в общем, грубые текстильные вдавления, встречающиеся на самой поздней текстильной керамике стоянок. Последняя изготовлена из материала такого же состава, как и штрихованные сосуды, и имеет сходную с ними форму. Позднейшая текстильная керамика и керамика с грубо заштрихованной поверхностью залегают в культурном слое обычно вместе; поэтому их следует отнести к одной и той же подгруппе керамики эпохи



Разнообразная керамика с поселений Кулламяги *(1, 2, 5)* и Акали *(3, 4, 6—11)*. *1* — ИИ № 4045 : 1172 (раскоп F), *2* — 4045 : 1216 (I), *3* — 4013 : 7918 (L), *4* — 4013 : 7096 (J), *5* — 4045 : 518 (C), *6* — 4013 : 8062 (L), *7* — 4013 : 8082 (L), *8* — 4013 : 2195 (I), *9* — 4013 : 7108 (J), *10* — 4013 : 2074 (I), *11* — 4013 : 2523 (I).

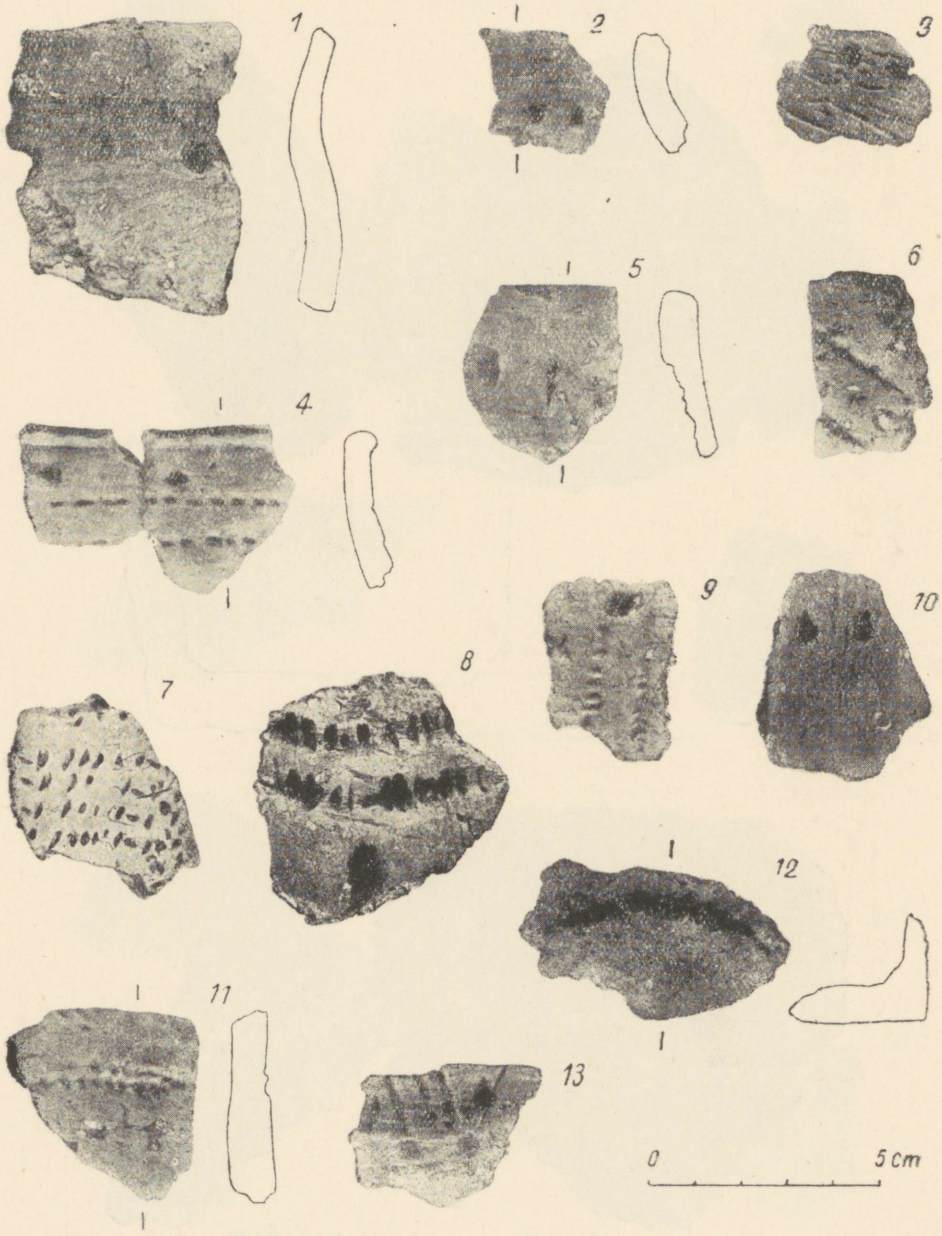


Керамика эпохи раннего металла с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 2561/2562 (раскоп I), *2* — 4013 : 2843 (I), *3* — 4013 : 1934 (I), *4* — 4013 : 907 (I), *5* — 4013 : 856 (I), *6* — 4013 : 2810 (I), *7* — 4013 : 2776/2779 (I), *8* — 4013 : 6925 (K), *9* — 4013 : 2576 (I), *10* — 4013 : 2503 (I).

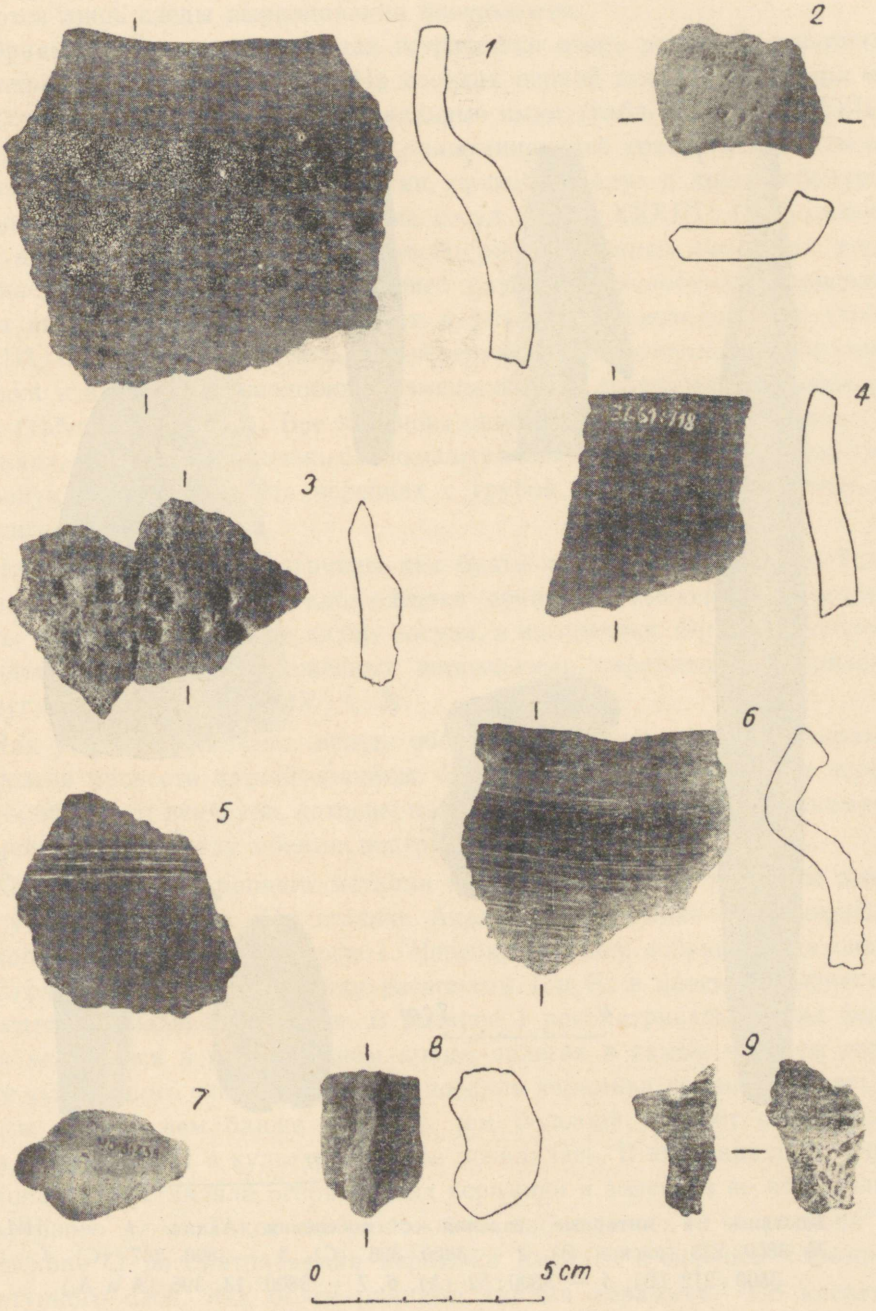


Текстильная керамика эпохи раннего металла с поселения Акали.
ИИ № 4013 : 1930/1938 (раскоп I).

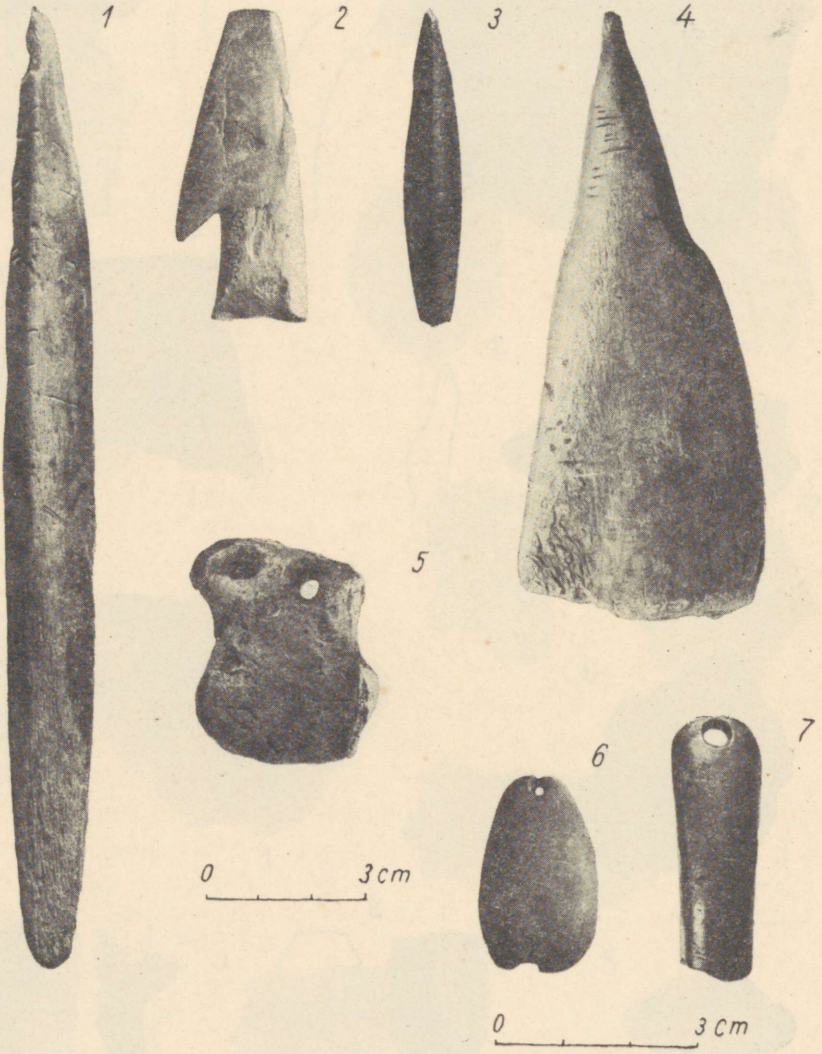
ТАБЛИЦА XXXIII



Керамика эпохи раннего металла с поселений Акали *(1, 4, 7, 12, 13)* и Кулламяги *(2, 3, 5, 6, 8—11)*. *1* — ИИ № 4013 : 2701 (раскоп I), *2* — 4045 : 893 (В), *3* — 4045 : 1380 (О), *4* — 4013 : 6914 (К), *5* — 4045 : 198 (В), *6* — 4045 : 705 (В), *7* — 4013 : 1254 (I), *8* — 4045 : 715 (В), *9* — 4045 : 645 (В), *10* — 4045 : 212 (В), *11* — 4045 : 195 (В), *12* — 4013 : 2526 (I), *13* — 4013 : 8463 (Q).



Разновременная керамика с поселения Акали. *1* — ИИ № 3661 : 116 (шурф 1), *2* — 4013 : 2913 (раскоп I), *3* — 4013 : 1965/2191 (I), 4 — 3661 : 118 (шурф 1), *5* — 4013 : 2443 (I), *6* — 4013 : 2990 (между раскопами I и K), *7* — 4013 : 238 (H), *8* — 4013 : 806 (H), *9* — 4013 : 3654 (J).



Костяные и янтарные изделия с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 228 (раскоп В), *2* — 3800 : 326 (С), *3* — 3800 : 237 (С), *4* — 3800 : 212 (В), *5* — 3800 : 52 (А), *6*, *7* — 3800 : 13, 396 (А и $А_1$).

раннего металла. Однако не на всех сосудах штриховка сделана одинаково. Встречаются черепки с мелкими, более слабыми следами штриховки и почти совершенно незаштрихованная керамика (табл. XXXI : 7; XXXIII). На керамике второй подгруппы штриховка не наблюдается, имеются лишь следы выравнивания поверхности.

Орнамент на поздних сосудах встречается очень редко. Большинство черепков не орнаментировано. На сосудах первой подгруппы можно изредка встретить небольшие неправильные ямки (табл. XXXI : 5; XXXIII) и нанесенные штампом вдавления, напоминающие гребенчатые оттиски. Горизонтальные гребенчатые оттиски, примыкая друг к другу, образуют параллельные круги, охватывающие сосуд (табл. XXXIII : 4). Большинство вдавлений состоит из ряда тесно расположенных овальных ямок, соединенных узким, несколько менее глубоким желобком. Вдавления этого вида встречаются на сосудах в различном расположении (табл. XXXIII : 6—9, 11). На отдельных черепках наблюдаются дугообразные насечки и вдавленные желобки, размещающиеся группами на шейке сосуда (табл. XXXIII : 13). Все эти виды орнамента встречаются только на черепках, имеющих или очень слабо заштрихованную или вовсе не заштрихованную поверхность. На черепках с грубой штриховкой орнамент не прослеживается.[1]

На сосудах второй подгруппы как будто почти нет орнамента. Только на отдельных сосудах наблюдается орнамент, имеющий ту особенность, что он нанесен не на шейку сосуда, а на плечики. Орнамент состоит из плоских ямок, расположенных несколькими параллельными рядами вокруг сосуда (табл. XXXIV : 1, 3).

Как уже было сказано, между обеими подгруппами поздней керамики нельзя провести четкой границы. Встречается довольно много черепков, особенно от венчиков, которые по своей форме и выработке занимают промежуточное между обеими подгруппами положение.

Керамика эпохи раннего металла найдена только на наиболее высоких участках стоянок. На стоянке Акали эта керамика обнаружена в раскопах G, I, J, K, Q и шурфе 1. Черепки сосудов, собранные на овощных грядках на участке между раскопами I и K, в своем большинстве относятся к поздней керамике. В раскопе J рассматриваемый вид керамики встречался в юго-западном конце, залегая в самом верхнем горизонте культурного слоя. В раскопе I поздняя керамика продолжала встречаться, причем чем ближе к холму, тем больший процент она составляла и тем глубже в культурном слое появлялась. В юго-западном конце раскопа она составляла основной вид керамики и залегала во всей толще культурного слоя. Такое же положение наблюдалось и в раскопе K. В раскопе Q рассматриваемая керамика имелась в верхнем горизонте культурного слоя, над более ранними типами керамики. Что касается

---

[1] Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что орнамент покрывал в первую очередь шейки сосудов, а штриховка ограничивалась нижними частями стенок.

взаимоотношений между подгруппами керамики эпохи раннего металла, то следует отметить, что черепки обеих подгрупп в значительной мере залегали в культурном слое вперемежку. Все же керамика первой подгруппы, как правило, залегала относительно глубже керамики второй подгруппы и стала встречаться несколько ближе к реке. Керамика же второй подгруппы сосредоточивалась на холме в большей степени, чем вся масса керамики эпохи раннего металла в целом. Отсюда можно сделать вывод, что на начальном этапе появления рассматриваемого вида керамики изготовлялись преимущественно сосуды типа первой подгруппы, в то время как позже постепенно стало распространяться и, наконец, преобладать изготовление сосудов второй подгруппы. Такое направление развития керамики подтверждается и встречающимися на стоянке промежуточными формами.

В Кулламяги керамика эпохи раннего металла встречается почти в таком же количестве, как и в Акали. Расположение ее в культурном слое дает аналогичную картину. Много поздней керамики найдено в раскопах B, I и O, в то время как раскопы K и L содержали только единичные черепки ее. В раскопе B эта керамика располагалась главным образом в южной части, залегая в верхнем пласте культурного слоя. В раскопе I она также находилась в верхнем горизонте. В раскопе O, расположенном непосредственно в центре бугра, керамика эпохи раннего металла составляла преобладающую часть всего инвентаря. Таким образом, в Кулламяги рассматриваемая керамика залегала только на бугре, ограничиваясь сравнительно небольшим участком. В тех раскопах, где поздняя керамика встречается вместе с другими видами керамики, она отложилась над ними.

Следует полагать, что керамика эпохи раннего металла в своем развитии органически связана с предшествовавшими ей на этих стоянках типами керамики, а именно с поздней шнуровой керамикой и с синхронной с последней текстильной керамикой. Это подтверждается тем обстоятельством, что на одной части рассматриваемой керамики наблюдается текстильный орнамент, а на другой ее части встречается штриховка поверхности, которая довольно часто отмечалась уже на поздней шнуровой керамике. Оба упомянутых способа покрытия поверхности сосудов наблюдаются на керамике эпохи раннего металла в более развитом виде. Элементы орнамента поздней керамики не выносят в общем ничего нового по сравнению с предыдущими типами керамики. И здесь мы имеем дело с ямками, гребенчатым штампом и вдавлениями других видов штампа, т. е. с мотивами, встречавшимися уже на ямочно-гребенчатой керамике и в несколько измененном виде на сосудах переходного времени между ямочно-гребенчатой керамикой и керамикой эпохи раннего металла. На поздней керамике, однако, орнамент встречается редко и не имеет такой выдержанной структуры, как у ранних типов керамики. Создается впечатление, что в орнаменте поздней керамики прослеживаются реминисценции орнаментики предшествовавших видов керамики — ямочно-

гребенчатой, шнуровой и текстильной, — которые по традиции были перенесены на позднюю керамику, но им уже не придавалось прежнего содержания. Несмотря на это, орнамент подтверждает наличие старых традиций и вместе с тем генетическую связь керамики эпохи раннего металла с предшествовавшими ей видами керамики. Форма сосудов как будто также развилась из форм более ранних видов керамики. Сосуды первой подгруппы своим S-овидным профилем стенок напоминают кубки шнуровой керамики. Однако их более круто отогнутый наружу венчик заставляет предполагать, что они не развились непосредственно из шнуровых кубков, а связаны с последними через позднюю шнуровую керамику с сильно отогнутым краем венчика. Какую роль в процессе формирования сосудов сыграла промежуточная текстильная керамика, остается пока неясным. На прямую связь с предшествовавшими видами керамики указывает, наконец, и состав глиняного теста, а также обжиг керамики эпохи раннего металла: ее тесто содержит значительную примесь дресвы и сосуды сильно обожжены. Для состава же поздней шнуровой керамики и синхронной с ней текстильной керамики характерна примесь мелкого песка. В составе некоторых фрагментов шнуровой и текстильной керамики, которые, судя по их стратиграфическому положению, относятся к наиболее поздним, можно было все же установить наличие крупнозернистого песка и даже отдельных кусочков дресвы. Такие сосуды имели особенно хороший обжиг и были сходны в этом отношении с керамикой эпохи раннего металла.

В отношении техники изготовления сосудов керамика эпохи раннего металла представляла собой шаг вперед. Изменения в составе глиняного теста и улучшение обжига, несомненно, были взаимно обусловлены, свидетельствуя об усовершенствовании техники изготовления керамики.

В некоторой связи с этим находятся, по-видимому, такие явления, как известная небрежность в изготовлении сосудов и скудная беспорядочная орнаментация. Регресс в орнаментике может быть объяснен и некоторыми переменами в родовой идеологии, тем что при изготовлении сосудов уже не придавалось больше такого значения, как прежде, связанным с этим процессом культовым церемониям: изготовители керамики научились применять лучшие практические приемы, а опыт показал, что эти приемы достаточно эффективны и нет необходимости «повышать» качество сосудов нанесением орнамента, которому приписывалась магическая сила. Внешнему оформлению керамики уже не придается особенного значения, следят лишь за тем, чтобы сосуд выполнял свое практическое назначение. Изготовление сосудов упрощается. Керамика последующих периодов уже не имеет такого орнамента, который можно было бы сравнить с богатой орнаментацией неолитических сосудов.

Выше мы уже сравнивали текстильную керамику, принадлежащую к первой подгруппе керамики эпохи раннего металла, с материалами из других местонахождений. Следует отметить, что в ряде упомянутых по

этому поводу памятников текстильная керамика встречалась вместе с грубо заштрихованной керамикой. Это имеет место в укрепленном поселении Асва,[1] в древнейшем слое городища Иру[2] и в каменном кургане с ящиком № 70 в Муукси.[3] В каменном могильнике с оградками в Паали рядом с текстильной керамикой обнаружены черепки сосудов со слабо заштрихованной поверхностью.[4] Как керамика из Акали и Кулламяги, так и керамика из упомянутых выше мест имеет в остальном очень скудный орнамент. Из мотивов, соответствующих мотивам керамики стоянок района устья реки Эмайыги, в Асва наблюдаются оттиски штампа с поперечными насечками и горизонтальные гребенчатые отпечатки;[5] аналогичные вдавления изредка отмечаются и на керамике Иру[6] и Муукси.[7] Различия имеются в форме сосудов. Если в районе устья реки Эмайыги сосуды, относящиеся к первой подгруппе керамики эпохи раннего металла, имеют суживающуюся шейку и расширяющийся венчик, то у сосудов соответствующего типа из других мест отверстие имеет более или менее одинаковый диаметр с шейкой или немного шире последней.[8] По этому признаку керамика ранних укрепленных поселений и каменных могильников с ящиками сходна со второй подгруппой керамики эпохи раннего металла из Акали и Кулламяги, которая, как указывалось выше, в общем несколько моложе первой подгруппы керамики. Второе различие прослеживается в размещении орнамента. У сосудов первой подгруппы из Акали и Кулламяги отпечатки штампов располагаются главным образом на шейках, на керамике же из каменных могильников с ящиками и укрепленных поселений орнамент покрывает чаще всего плечики,[9] аналогично тому, как это имеет место на орнаментированных черепках из Акали, относящихся ко второй подгруппе рассматриваемой керамики. Таким образом, признаки, отличающие керамику укрепленных поселений и каменных могильников с ящиками от первой подгруппы керамики эпохи раннего металла стоянок района устья реки Эмайыги, приближают ее ко второй подгруппе этой же керамики. На укрепленных поселениях, особенно в Асва, появляются одновременно сосуды иной формы, а именно горшковидные с прямыми стенками и остроребериые, которые имеют парал-

---

[1] Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, стр. 123 и сл., рис. 38. Muistse Eesti linnused, стр. 31 и сл., рис. 12 : 3—5; 15; 16.

[2] Muistse Eesti linnused, стр. 80, рис. 42.

[3] Vassar, Drei Steinkistengräber, стр. 355 и сл., рис. 16 : 4; 17 : 1; 18 : 3, 4; 19 : 1—9; 20 : 1—5.

[4] ИИ № 3235 : 168, 175, 180, 183.

[5] Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, рис. 37 : 1, 2.

[6] Muistse Eesti linnused, рис. 42 : 2.

[7] Vassar, Drei Steinkistengräber, стр. 353, рис. 17 : 4, 5; 18 : 1.

[8] Там же, рис. 14 : 5; 15 : 6—11; 17 : 3, 4; 18 : 1; 19 : 1; 20 : 1, 2. ИИ № 3994 : 511, 1353, 1355 и др. (Асва).

[9] Vassar, Drei Steinkistengräber, стр. 352 и сл., рис. 17 : 4, 5; 18 : 2, 3. ИИ № 3909 : 17 (из каменного кургана в Кыпу Хийумааского района). Muistse Eesti linnused, рис. 14; 42 : 3; 45, стр. 80.

лели в еще более поздних могильниках с оградками и на городищах.[1] Все эти обстоятельства подтверждают предположение, высказанное уже при рассмотрении текстильной керамики, о том, что первая подгруппа керамики эпохи раннего металла представляет собой промежуточную стадию между поздней шнуровой керамикой (и синхронными ей типами керамики) и керамикой укрепленных поселений и каменных могильников с ящиками. Однако вполне возможно, что с последней в некоторой степени синхронна вторая подгруппа рассматриваемой керамики.

Явление до некоторой степени параллельное керамике эпохи раннего металла в приустье реки Эмайыги как будто представляет собой керамика бронзового века в юго-западной Финляндии; последняя появляется здесь после культуры Киукайнен. Эта керамика имеет ряд общих черт с поздней керамикой Акали и Кулламяги. Такими общими чертами являются: совместное залегание сосудов с текстильным узором и с заштрихованной поверхностью; ямки, отпечатки гребенчатого штампа и желобковидные оттиски с поперечными насечками в орнаменте; плоское днище сосудов и довольно часто шейка S-овидного профиля.[2] Такая керамика обнаружена на открытых поселениях, местоположение которых носит еще неолитический характер. На этих же поселениях найдены каменные орудия. Однако финская керамика в общем более разнообразна, чем поздняя керамика стоянок района устья реки Эмайыги. Это обусловлено, повидимому, тем, что последняя существовала на ограниченной территории и более ограниченное время, в то время как первая известна нам из целого ряда местонахождений. Обе группы керамики отражают в общих чертах один и тот же этап развития, но каждая в своей области распространения.

На территории Ленинградской области соответствующий этап развития как будто представлен на обследованных недавно Н. Н. Гуриной стоянках «Под сопкой» и Изсады на р. Волхове.[3] Обе стоянки дали, помимо кремневого материала, главным образом текстильную керамику. Керамика со стоянки, носящей название «Под сопкой», которую автор считает более ранней, украшена тонким текстильным орнаментом. Этот орнамент напоминает узоры текстильной керамики, встречающейся в районе устья реки Эмайыги вместе с поздней шнуровой керамикой. На сосудах наблюдаются неправильной формы ямки, а иногда и узкие гребенчатые отпечатки; венчики сосудов профилированы. Керамика Изсады более многообразна: наряду с тонким текстильным узором на ней встречаются отпечатки более грубой ткани, весьма похожие на отпечатки на более поздней текстильной керамике из Акали; остальные элементы орнамента — тонкие гребенчатые оттиски и ямки — имеются только на верх-

---

[1] Например, на городище Пээду Эльваского района. Muistse Eesti linnused, стр. 110 и сл.

[2] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. SMYA 54, Helsinki 1954, стр. 152 и сл., табл. 22—27.

[3] Гурина, Археол. исслед. на северо-западе, стр. 71 и сл., рис. 15—17.

них частях сосудов. Между прочим, наблюдаются и желобковидные оттиски с поперечными насечками, наподобие тех, которые встречаются в первой подгруппе керамики эпохи раннего металла в районе устья реки Эмайыги. Именно с этой подгруппой керамика из Изсады имеет ряд общих черт, тогда как керамику со стоянки «Под сопкой», как справедливо отмечает исследователь этих стоянок, следует считать несколько более ранней. На основании инвентаря стоянки и их топографии Н. Н. Гурина считает обе стоянки хронологически близкими к наиболее древним укрепленным поселениям Верхнего Поволжья.

Сравнивая позднюю керамику Акали и Кулламяги с керамикой самых ранних укрепленных поселений Верхнего Поволжья и Верхнего Подвинья,[1] мы можем отметить, наряду с некоторыми сходными чертами общего характера, и ряд особенностей. Последние выражаются, прежде всего, в орнаменте. Если на укрепленных поселениях Верхнего Поволжья, особенно во второй половине I тысячелетия до н. э., текстильная керамика достигла чрезвычайно широкого распространения, то на стоянках района устья реки Эмайыги ее найдено относительно мало, а на сосудах второй подгруппы керамики эпохи раннего металла текстильный узор как будто совершенно исчезает. В укрепленных поселениях и в каменных могильниках с ящиками на территории Эстонской ССР текстильная керамика, по сравнению с прочей керамикой, также встречается в сравнительно небольшом количестве. Иначе обстоит дело со штрихованной керамикой, которая в массе поздней керамики района устья реки Эмайыги представлена в большом числе, так же как в Асва и в других местонахождениях соответствующего периода в Эстонии. Городища дьякова типа Верхнего Поволжья и Подвинья, наоборот, дали керамики со штрихованной поверхностью значительно меньше, чем текстильной. Что касается других орнаментов, то на сосудах из ранних укрепленных поселений Верхнего Поволжья они встречаются значительно чаще, чем на поздней керамике Акали и Кулламяги. Керамика из Асва, Иру и каменных могильников с ящиками значительно беднее по орнаменту. По форме глиняные сосуды укрепленных поселений Верхнего Поволжья более разнообразны, чем поздняя керамика района устья реки Эмайыги. В Верхнем Поволжье больше всего распространена баночная форма сосудов, встречаются, однако, и в довольно большом количестве, сосуды с выпуклыми плечиками и несколько суживающимся венчиком, которые как будто примыкают ко второй подгруппе керамики эпохи раннего металла из Акали и Кулламяги. Состав глиняного теста сосудов Верхнего Поволжья включает много дресвы, так же как и керамика района устья реки Эмайыги. Кажется, однако, что сосуды с примесью дресвы в тесте

---

[1] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 43 и сл. О. Н. Бадер, Древние городища на Верхней Волге. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 94 и сл., рис. 7, 8; стр. 100 и сл., рис. 14—18; стр. 125 и сл., рис. 45—50. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины, стр. 99 и сл., табл. XVIII—XXI.

появляются на укрепленных поселениях Верхнего Поволжья несколько позднее, чем в приустье р. Эмайыги, так как наиболее ранняя, судя по стратиграфическому расположению, керамика Верхнего Поволжья, которая не старше первой подгруппы керамики эпохи раннего металла из Акали и Кулламяги, имеет другой состав, а именно содержит мелкий песок. Разрешение этого вопроса зависит, однако, от того, насколько правильна наша датировка.

*

Помимо описанной керамики, на стоянках приустья реки Эмайыги найдено небольшое количество черепков, которые относятся, несомненно, к еще более поздним периодам, и не находят себе соответствия в прочем инвентаре стоянок. К их числу принадлежат отдельные тонкие черепки мелкозернистого состава с гладкой поверхностью. Единственным орнаментом на них являются параллельные линии одинаковой толщины, идущие вокруг сосуда (табл. XXXIV : 5). Орнамент позволяет сравнить эти черепки с сосудами, обнаруженными в верхнем слое городища Иру, датируемом второй половиной первого тысячелетия н. э.[1] Остальные черепки принадлежат уже сосудам, изготовленным на гончарном круге. Таких черепков найдено больше, чем первых, но и они обнаружены все же в незначительном количестве и на очень ограниченном участке. По некоторым из них можно проследить ясно профилированные шейки и выпукло расширяющиеся плечики (табл. XXXIV : 6). На плечиках некоторых сосудов нанесены слабые линии. По форме венчиков и линейному орнаменту на плечиках они похожи на гончарную керамику, бытовавшую на территории Эстонской ССР в XII—XIII столетиях.[2]

Подобные черепки найдены на стоянке Акали лишь в юго-западном конце раскопа I, где они располагались непосредственно под дерном. Гончарная керамика обнаружена и в материале, собранном на участке между раскопами I и K. В инвентаре Кулламяги имеется только один черепок гончарной керамики, найденный в раскопе O, также непосредственно под дерном. Другой упомянутый выше вид керамики в Кулламяги пока не обнаружен. Таким образом, стратиграфическое залегание этих черепков не противоречит предположению, что они попали на территорию стоянок в значительно более позднее время.

*

Наконец, остается отметить некоторые черепки со стоянки Акали, которые имеют необычные для керамики стоянок района устья реки Эмайыги детали. Один такой черепок (табл. XXXIV : 9) найден в самом нижнем горизонте культурного слоя на северо-восточном конце раскопа J. На

[1] Muistse Eesti linnused, рис. 29, 30, 57. стр. 88 и сл.

[2] Там же, стр. 169 и сл., рис. 119 : 1.

этом черепке имеется выступ примерно в 1,5 см длиной, утончающийся на конце, который находился на наружной поверхности сосуда, должно быть на каком-то ребре, возможно на плечике сосуда. На черепке прослеживаются гребенчатые оттиски, заходящие и на самый выступ. По составу глины и по орнаменту описываемый черепок примыкает к первой подгруппе ямочно-гребенчатой керамики стоянки, особенно к черепкам, имеющим в составе больше песка.

Далее привлекает внимание черепок (табл. XXXIV : 8) от ушка сосуда. Ушко довольно широкое (до 2,2 см) и на наружной стороне имело поднимающийся круто вверх гребешок. Черепок твердый, плотного состава, в котором прослеживаются отдельные крупицы дресвы. Орнамент отсутствует. По составу теста отнести этот черепок к какому-либо определенному виду керамики трудно. Он происходит из обвалившейся стенки раскопа Н, и поэтому более точные условия его залегания остались невыясненными.

Третий фрагмент керамики своеобразной формы (табл. XXXIV : 7) также найден в раскопе Н, в верхнем горизонте культурного слоя. Его состав — чистая глина без каких-либо примесей. Черепок представляет собой небольшую частицу края сосуда. Последний имеет совершенно простой, несколько утончающийся профиль. На наружной поверхности фрагмента наблюдается плосковатый выступ с тупым концом, длиной немного больше 1 см. Если этот выступ также принадлежит плечику сосуда, то мы имеем дело с сосудом, выпукло суживающимся к отверстию. Вторая возможность, что этот выступ служил ножкой крошечного сосуда или одной из его ножек. В-третьих, особенно судя по необычному составу теста черепка, возможно, что фрагмент принадлежит не глиняному сосуду, а какому-то другому предмету из глины.

Выступы и ушки совершенно чуждое для ямочно-гребенчатой керамики явление. Но как уже указывалось выше, они довольно часто наблюдаются у сосудов шнуровой керамики со стоянок юго-восточного побережья Балтийского моря. Среди шнуровой керамики Эстонской ССР до сих пор известен лишь один черепок с выступом, найденный на стоянке Тамула.[1] По всей вероятности, найденное в Акали ушко сосуда или, скорее всего, петелька для прикрепления веревки, принадлежит сосуду шнуровой керамики. Описанный же первым черепок с выступом по всем его признакам следует отнести к ямочно-гребенчатой керамике. Так как такие выступы на ямочно-гребенчатой керамике обычно не наблюдаются, то можно полагать, что и в этом случае сказывается воздействие какой-то иной керамики. Против влияния шнуровой керамики говорит, однако, то обстоятельство, что наш черепок был найден на значительной глубине, тогда как фрагменты шнуровой керамики залегали гораздо выше. Близкая к этому черепку по составу и орнаменту ямочно-гребенчатая керамика также залегала, как правило, ниже шнуровой керамики. В данном случае не исключена возможность, что мы имеем здесь дело с

[1] Янитс, Новые данные, рис. 14 : 7.

влиянием керамики восточной группы культуры воронкообразных кубков на типичную ямочно-гребенчатую керамику. Обе культуры, по-видимому, соприкасались на территории северной Польши, в районе устья р. Вислы и Калининградской области. А. Эйряпя показал, что некоторое влияние культуры воронкообразных кубков прослеживается в неолитическом материале даже далеко на севере, как, например, на Карельском перешейке и в восточной Финляндии.[1] Выступы, которые по форме можно сопоставить с черепком из Акали, на территории Польши встречаются на керамике культуры воронкообразных кубков, особенно на больших сосудах для хранения припасов.[2]

*

Таков в общих чертах керамический материал, найденный на стоянках приустья реки Эмайыги.[3] Этот материал, отложившийся в культурном слое в течение очень продолжительного времени, отражает изменения, происходившие в керамике в течение нескольких тысячелетий. Используя стратиграфический метод, можно на материалах из Акали и Кулламяги проследить не только появление на стоянках новых видов керамики, но в некоторой степени и местное развитие ее.

Керамику нарвского типа следует, по-видимому, вместе с черепками того же типа с поселений на реке Нарве, отнести к самой древней из известной на территории Эстонской ССР керамике. Эта керамика содержит как будто в зародыше некоторые элементы, которые позднее развиваются на типичной ямочно-гребенчатой керамике, но ямочно-гребенчатой керамикой в обычном смысле этого слова ее назвать нельзя. В то же время удалось установить у нее некоторые сходные черты с керамикой типа Сперрингс северных и северо-восточных районов. Вопрос о том, как возникла эта керамика и предшествовал ли ей еще какой-нибудь более ранний вид керамики, на современном этапе исследования остается пока невыясненным.

Ямочно-гребенчатая керамика составляет преобладающую часть всего инвентаря поселения Акали. В Кулламяги она также является основным видом керамики. Следуя в Акали непосредственно за керамикой нарвского типа, ямочно-гребенчатая керамика не развилась здесь, однако, непосредственно из нее. На основании приведенных выше сравнительных материалов выясняется, что ближайшие параллели ямочно-гребенчатой керамике стоянок района устья реки Эмайыги имеются на территории, расположенной к северо-западу от Ладожского озера, и что из этого

---

[1] Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi, стр. 5—11 и рис. 1—5.

[2] K. Jażdżewski, Kultura Puharów Lejkowatych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Bibljoteka Prehistoryczna 2, Poznań 1936, стр. 236—237, 355, табл. XXXIII: 595; XXXXIV: 794; XXXXVII : 871.

[3] К керамике относятся и некоторые другие изделия из глины, между прочим глиняные фигурки. Они будут рассмотрены в соответствующих разделах позднее, так как в данном месте речь идет лишь о глиняных сосудах.

района она, возможно, проникла на территорию Эстонской ССР. Появившись здесь, ямочно-гребенчатая керамика продолжала развиваться на месте, как это видно на материале стоянок приустья реки Эмайыги.

Выше можно было проследить три стадии в развитии ямочно-гребенчатой керамики. На основании стратиграфии и количества керамики, относящейся к отдельным стадиям, можно полагать, что первая стадия охватывает сравнительно небольшой отрезок времени, в течение которого ямочно-гребенчатая керамика сохраняла свой первоначальный характер, который она имела во время своего появления в районе устья реки Эмайыги и, вероятно, в других районах Эстонии. Ямочно-гребенчатая керамика второй стадии отличается бо́льшим разнообразием и бытовала более продолжительное время, чем керамика первой стадии. В нее проникают теперь некоторые элементы, не характерные для соответствующей керамики юго-западной Карелии и юго-восточной Финляндии. К этому времени относятся немногочисленные черепки сосудов из Акали, украшенные ромбическими ямками, свидетельствующими о соприкосновениях с восточной ямочно-гребенчатой керамикой. На третьей стадии своего развития, которая, по-видимому, также охватывает весьма продолжительный период времени, ямочно-гребенчатая керамика района устья реки Эмайыги приобрела еще больше новых черт. Эта керамика восприняла, очевидно, влияния с разных сторон. Между прочим, в конце этого периода начались соприкосновения и с керамикой поселений культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Балтийского моря. К этому периоду следует отнести черепки, имеющие параллели на стоянках Валдайской возвышенности.

Под конец бытования третьей группы ямочно-гребенчатой керамики на стоянках района устья реки Эмайыги появилась шнуровая керамика, похожая на керамику из могильников культуры боевых топоров. Возможно, что лишь немногим позже в культурном слое отложились первые черепки глиняных сосудов с текстильными отпечатками. Выяснилось, что более раннюю шнуровую керамику стоянок приустья реки Эмайыги нельзя, вероятно, считать местным продуктом; она скорее указывает на общение между обитателями стоянок и скотоводческими племенами культуры боевых топоров. Текстильную керамику, наоборот, начали уже довольно рано изготавливать на самих стоянках, хотя, очевидно, она была введена в употребление по восточным образцам. На связи с востоком указывает и орнамент фатьяновского характера, встречающийся на некоторых черепках поздней ямочно-гребенчатой керамики. Следует отметить, что ранняя шнуровая керамика пока найдена главным образом на стоянке Акали, а древнейшая текстильная керамика занимает большое место в материале Кулламяги.

Поздняя шнуровая керамика представляет собой, очевидно, местную работу. Внедрившись на стоянках, шнуровая керамика слилась здесь с другими местными видами керамики. Сложился новый тип керамики, в

которой главную роль играли элементы шнуровой и текстильной керамики, в то время как от ямочно-гребенчатой керамики сохранились лишь реминисценции. Этот в некоторой степени поворотный этап в развитии местной керамики привел к возникновению керамики эпохи раннего металла. Последняя уже полностью теряет черты, характерные для неолитической керамики. Ее место заступает керамика, которая на территории Эстонской ССР доминирует в памятниках конца эпохи бронзы и периода раннего железа — в укрепленных поселениях и каменных могильниках с ящиками.

Такова вкратце картина, которую дает керамика стоянок района приустья реки Эмайыги. Несмотря на неоднократное появление на стоянках новых видов керамики, рассмотренный материал все же свидетельствует о непрерывности развития керамики в течение длительного периода времени. Из этого процесса развития выпадают лишь единичные, значительно более поздние черепки сосудов, которые были описаны выше. Можно полагать, что та же последовательность в развитии керамики неолита и эпохи раннего металла и та же самая относительная хронология, поскольку удалось установить ее в районе устья р. Эмайыги, действительны, до некоторой степени, и для смежных территорий.

Б. ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Орудия охоты и рыбной ловли в инвентаре наших поселений занимают в количественном отношении довольно скромное место. Однако они имели решающее значение как орудия производства. При рассмотрении этих орудий следует особенно иметь в виду то обстоятельство, что вещественный материал, найденный в культурном слое стоянок, содержит далеко не все виды орудий охоты и рыбной ловли того времени. Последние применялись главным образом вне пределов стоянки, где и оставалась значительная часть сломанных или утерянных экземпляров. Большое количество орудий охоты и рыбной ловли было изготовлено из дерева или других материалов, которые не сохранились до нашего времени.

Единственным видом орудий охоты, который представлен на стоянках района устья реки Эмайыги в несколько большем количестве, являются наконечники стрел. Они изготовлялись из кремня и кости. Всего с обеих стоянок собрано 92 наконечника стрел, в их числе в Акали 76 кремневых и 7 костяных экземпляров и в Кулламяги 9 кремневых наконечников.[1] Многие из них в большей или меньшей степени фрагментарны.

Различия между рассматриваемыми кремневыми наконечниками стрел проявляются прежде всего в их размерах. Длина наконечников среднего

[1] Один кремневый наконечник (ИИ № 3800 : 208) и три костяных (ИИ № 3800 : 37, 91, 237) из Акали позже погибли. От наконечника № 3800 : 237 остался фотоснимок.

размера примерно 3—4 см, и таких экземпляров найдено больше всего. Наряду с ними встречается довольно много небольших наконечников стрел длиной около 2 см. Самые короткие экземпляры имеют в длину только 1,8 см. Более крупные наконечники стрел, длиной 5—6 см, встречаются в небольшом количестве. В отношении некоторых крупных наконечников возникает даже сомнение, не имеем ли мы дело с наконечниками дротиков, так как они отличаются не только крупными размерами, но также и массивностью.

По форме наконечники стрел можно подразделить на несколько типов. Следует, однако, сразу же заметить, что большинство встречающихся здесь типов очень похожи друг на друга. Кроме того, имеется довольно много наконечников промежуточных форм, которые трудно причислить к тому или другому типу.

Самое большое количество экземпляров, свыше 30, принадлежит к группе остроовальных иволистных наконечников стрел, которую, в свою очередь, можно разделить на несколько подгрупп. Первую подгруппу составляют широкие иволистные наконечники стрел. Среди них имеется пять экземпляров крупных, три — средних размеров и два маленьких. Большинство крупных наконечников изготовлено из массивных кусков кремня (рис. 16 : 1—3). У них отретуширована вся поверхность, за исключением одного более тонкого экземпляра, который отретуширован главным образом с краев (рис. 16 : 5). У других наконечников наиболее тщательно выработаны края и острия. Черешковый конец, прикреплявшийся к древку, оставлен более тупым. Один наконечник не обработан до конца (рис. 16 : 1). Длина более крупных наконечников колеблется в пределах 4,5—6,2 см, ширина в средней части достигает 2—2,6 см, а максимальная толщина 0,7—0,9 см. Экземпляры средних размеров похожи по форме и обработке на предыдущие (рис. 16 : 4, 6). Длина одного из них 3,1 см (у других, несколько более крупных, конец обломан). Их ширина достигает 1,5—1,6 см, толщина 0,5—0,6 см. Из меньших наконечников, принадлежащих к этой же подгруппе, один фрагментарен. Второй экземпляр полностью хорошо обработан, длина его 2,2 см, ширина 1,2 см и толщина 0,4 см (рис. 16 : 7).

Ко второй подгруппе иволистного типа наконечников стрел причислены наконечники относительно более узкие, чем предыдущие. По величине они более однородны. Только три наконечника можно считать крупными, остальные 13 имеют средние размеры. У самого крупного, фрагментарного экземпляра вся поверхность хорошо обработана (рис. 16 : 8). Остальные большие экземпляры имеют более грубую ретушь и тупой черешковый конец (рис. 17 : 1, 2). Длина этих наконечников 5,4—5,5 см, ширина 1,7—1,8 см, а толщина 0,7—1,0 см. Среди наконечников стрел средних размеров встречаются как более тщательно, так и более поверхностно обработанные экземпляры (рис. 16 : 9—15; 17 : 3—6). Длина их колеблется в пределах 2,8—4,4 см, ширина достигает 1—1,7 см, максимальная толщина 0,4—0,7 см.

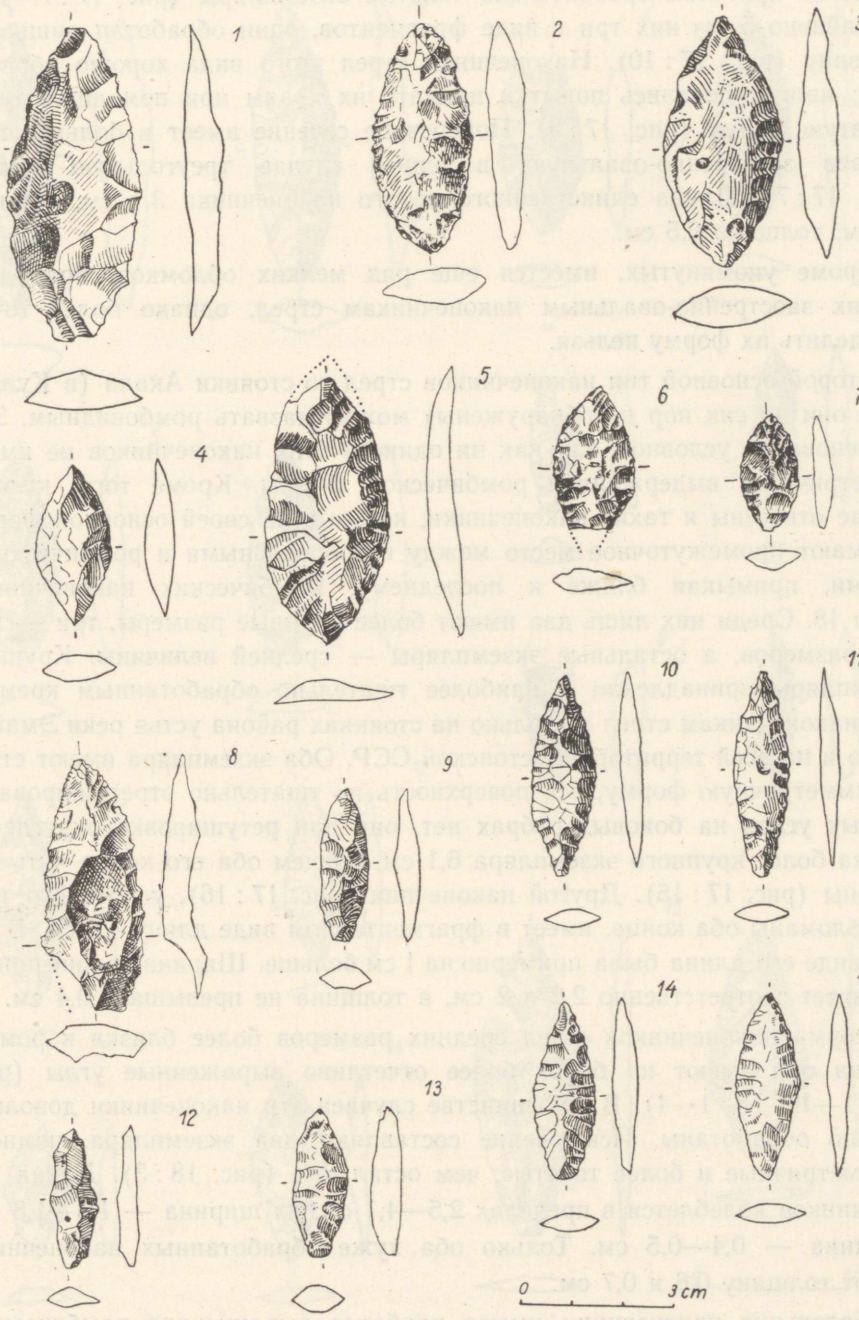


Рис. 16. Кремневые наконечники стрел с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 400 (раскоп A_1), *2* — 4013 : 5246 (J), *3* — 4013 : 5944 (J), *4* — 4013 : 4875 (J), *5* — 4013 : 6465 (J), *6* — 4013 : 7798 (L), *7* — 4013 : 4422 (J), *8* — 3800 : 395 (A_1), *9* — 3800 : 111 (A), *10* — 3800 : 330 (C), *11* — 3800 : 359 (D), *12* — 4013 : 5953 (J), *13* — 4013 : 4738 (J), *14* — 3661 : 14 (шурф 4), *15* — 4013 : 4133 (J).

Третью подгруппу иволистных наконечников стрел образуют довольно узкие, но при этом сравнительно толстые экземпляры (рис. 17 : 7—10). Их найдено 5, из них три в виде фрагментов, один обработан лишь наполовину (рис. 17 : 10). Наконечники стрел этого вида хорошо обработаны; иногда делались попытки придать их краям при помощи ретуши зубчатую форму (рис. 17 : 8). Поперечное сечение имеет в большинстве случаев заостренно-овальную, в одном случае треугольную форму (рис. 17 : 7). Длина единственного целого наконечника 3,1 см, ширина 0,9 см, толщина 0,5 см.

Кроме упомянутых, имеется еще ряд мелких обломков, принадлежащих заостренно-овальным наконечникам стрел, однако более точно определить их форму нельзя.

Второй основной тип наконечников стрел со стоянки Акали (в Кулламяги они до сих пор не обнаружены) можно назвать ромбовидным. Это наименование условное, так как ни один из этих наконечников не имеет геометрически выдержанной ромбической формы. Кроме того, к этой группе отнесены и такие наконечники, которые по своей основной форме занимают промежуточное место между остроовальными и ромбическими типами, примыкая ближе к последнему. Ромбических наконечников стрел 18. Среди них лишь два имеют более крупные размеры, три — малых размеров, а остальные экземпляры — средней величины. Крупные экземпляры принадлежат к наиболее тщательно обработанным кремневым наконечникам стрел не только на стоянках района устья реки Эмайыги, но и на всей территории Эстонской ССР. Оба экземпляра имеют строго симметричную форму, вся поверхность их тщательно отретуширована. Острых углов на боковых ребрах нет, они при ретушировке округлены. Длина более крупного экземпляра 6,1 см, причем оба его конца чуть поломаны (рис. 17 : 15). Другой наконечник (рис. 17 : 16), у которого также обломаны оба конца, имеет в фрагментарном виде длину 4,2 см. В целом виде его длина была примерно на 1 см больше. Ширина наконечников достигает соответственно 2,2 и 2 см, а толщина не превышает 0,4 см.

Форма наконечников стрел средних размеров более близка к ромбу, иногда они имеют на боках более отчетливо выраженные углы (рис. 17 : 11—14; 18 : 1—4). В большинстве случаев эти наконечники довольно хорошо обработаны. Исключение составляют два экземпляра, немного асимметричные и более толстые, чем остальные (рис. 18 : 3). Длина наконечников колеблется в пределах 2,5—4,1 см, их ширина — 1,3—1,8 см, толщина — 0,4—0,5 см. Только оба хуже обработанных наконечника имеют толщину 0,6 и 0,7 см.

Маленькие наконечники имеют наиболее выраженную ромбическую форму, но и у них наблюдается асимметричность (рис. 18 : 5, 6). Их длина 1,8—2,1 см, ширина 1—1,1 см, толщина 0,2—0,3 см.

Далее остановимся на группе наконечников стрел, которая менее однородна, чем предыдущие. Общим признаком относящихся к этой группе наконечников, отличающим их от других групп, является их черешко-

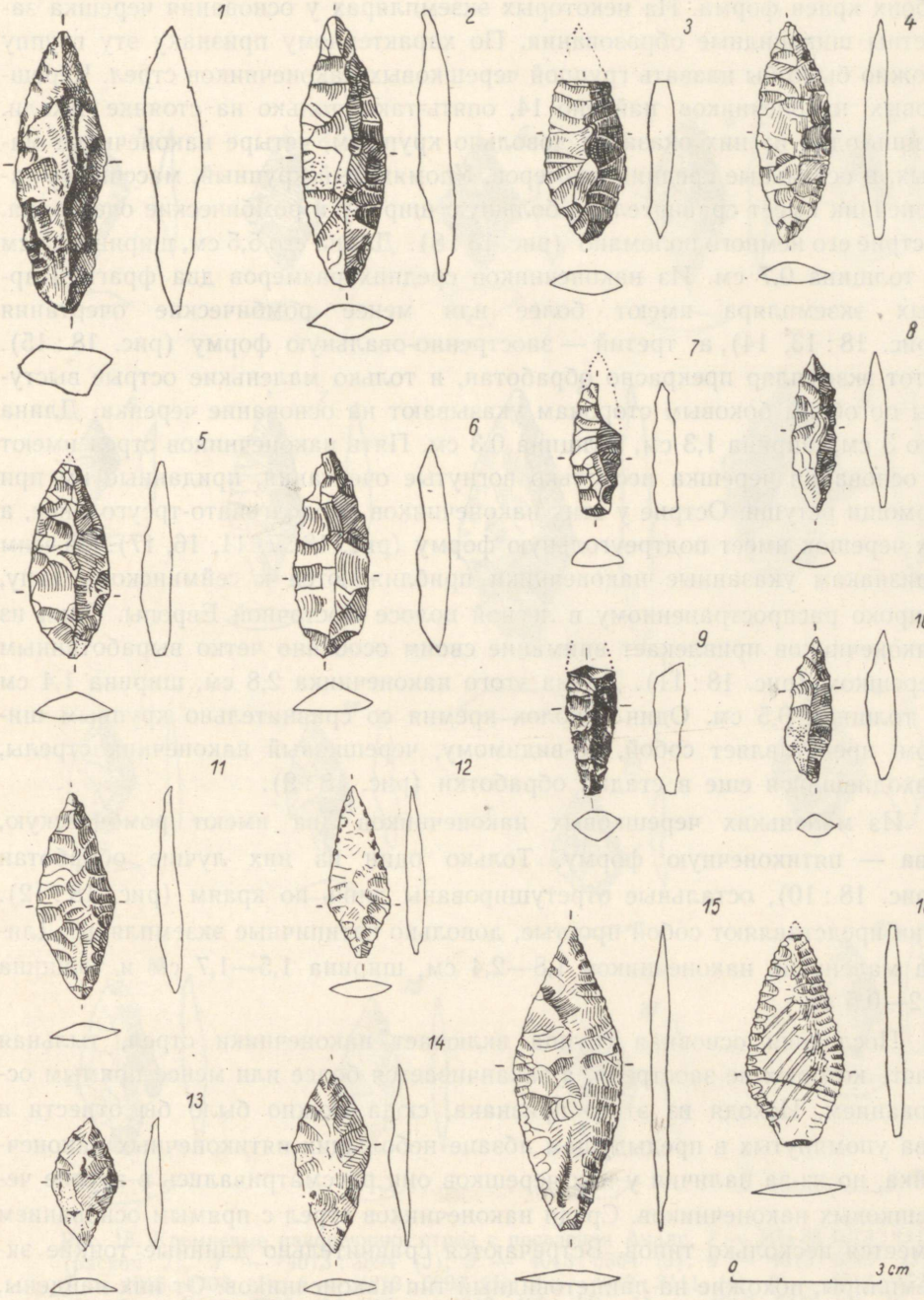


Рис. 17. Кремневые наконечники стрел с поселений Кулламяги *(1—7)* и Акали *(8—16)*. *1* — ИИ № 4045 : 987 (раскоп Е), *2* — 4045 : 194 (В), *3* — 4045 : 694 (В), *4* — 4045 : 8 (А), *5* — 4045 : 219 (В), *6* — 4045 : 191 (В), *7* — 4045 : 710 (В), *8* — 4013 : 2014 (I), *9* — 3800 : 191 (В), *10* — 4013 : 975 (I), *11* — 4013 : 971 (I), *12* — 4013 : 3726 (J), *13* — 4013 : 7468 (J), *14* — 4013 : 2459 (I), *15* — 4013 : 1457 (I), *16* — 4013 : 4468 (J).

вая часть, которой при помощи ретуши придана резко суживающаяся с обоих краев форма. На некоторых экземплярах у основания черешка заметны шиповидные образования. По характерному признаку эту группу можно было бы назвать группой черешковых наконечников стрел. Черешковых наконечников найдено 14, опять-таки только на стоянке Акали. Лишь один из них оказался довольно крупным, четыре наконечника малых, а остальные средних размеров. Упомянутый крупный, массивный наконечник имеет сравнительно большую ширину и ромбические очертания. Острие его немного поломано (рис. 18 : 8). Длина его 5,5 см, ширина 2,5 см и толщина 0,7 см. Из наконечников средних размеров два фрагментарных экземпляра имеют более или менее ромбические очертания (рис. 18 : 13, 14), а третий — заостренно-овальную форму (рис. 18 : 15). Этот экземпляр прекрасно обработан, и только маленькие острые выступы по обеим боковым сторонам указывают на основание черенка. Длина его 3 см, ширина 1,3 см, толщина 0,3 см. Пять наконечников стрел имеют у основания черешка несколько вогнутые очертания, приданные им при помощи ретуши. Острие у этих наконечников продолговато-треугольное, а их черешок имеет подтреугольную форму (рис. 18 : 7, 11, 16, 17). По этим признакам указанные наконечники приближаются к сейминскому типу, широко распространенному в лесной полосе Восточной Европы. Один из наконечников привлекает внимание своим особенно четко выработанным черешком (рис. 18 : 11). Длина этого наконечника 2,8 см, ширина 1,4 см и толщина 0,5 см. Один осколок кремня со сравнительно крупным шипом представляет собой, по-видимому, черешковый наконечник стрелы, находившийся еще в стадии обработки (рис. 18 : 9).

Из маленьких черешковых наконечников два имеют ромбическую, два — пятиконечную форму. Только один из них лучше обработан (рис. 18 : 10), остальные отретушированы лишь по краям (рис. 18 : 12). Они представляют собой простые, довольно нетипичные экземпляры. Длина маленьких наконечников 1,8—2,4 см, ширина 1,5—1,7 см и толщина 0,2—0,5 см.

Последняя основная группа включает наконечники стрел, тыльная часть которых не заострена, а заканчивается более или менее прямым основанием. Исходя из этого признака, сюда можно было бы отнести и два упомянутых в предыдущем абзаце небольших пятиконечных наконечника, но из-за наличия у них черешков они рассматривались в группе черешковых наконечников. Среди наконечников стрел с прямым основанием имеется несколько типов. Встречаются сравнительно длинные тонкие экземпляры, похожие на ланцетовидный тип наконечников. От них найдены, однако, только небольшие фрагменты (рис. 19 : 13). Полностью сохранились три коротких треугольных наконечника, один из которых в незаконченном виде (рис. 19 : 5). Треугольные наконечники не особенно хорошо обработаны, у них выравнены лишь более крупные неровности поверхности, заострены боковые края и особенно острие (рис. 19 : 1, 2). Их длина 2,3—2,6 см, ширина 1,5—1,7 см, толщина 0,5—0,7 см. Три неболь-

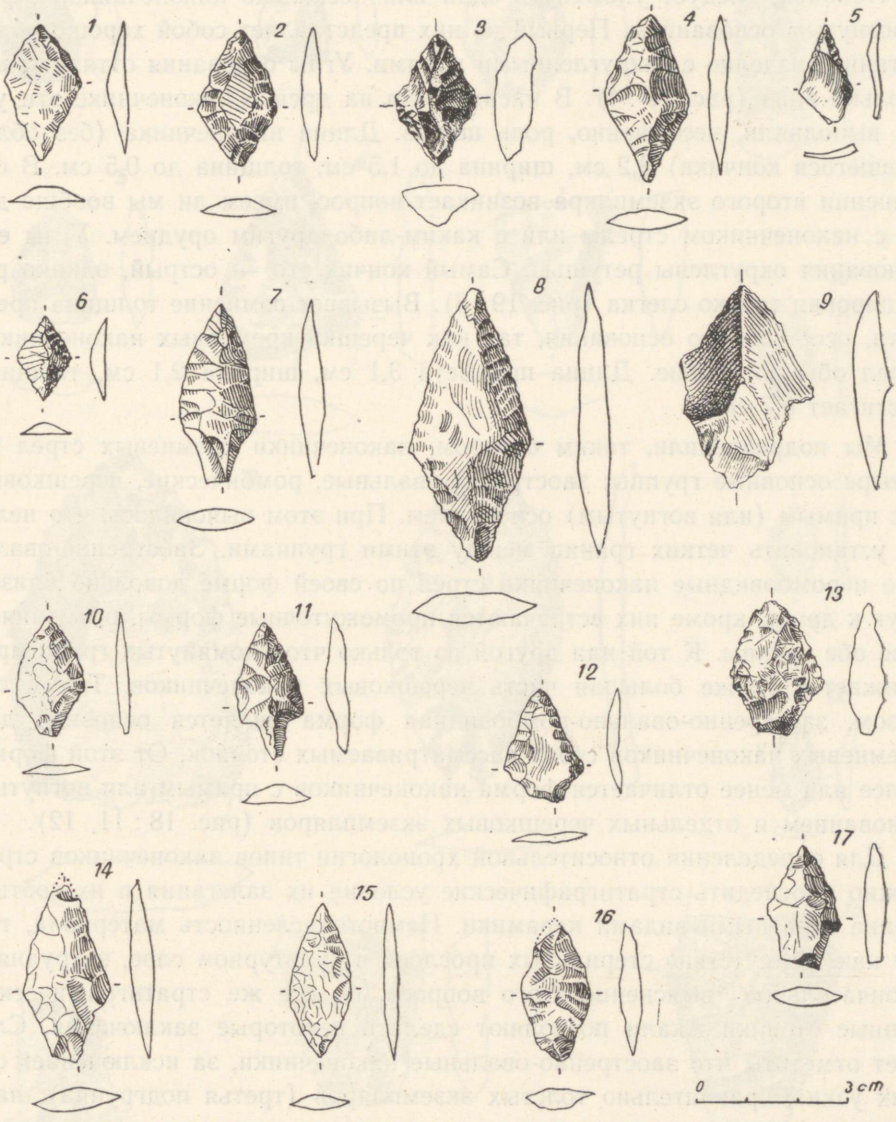


Рис. 18. Кремневые наконечники стрел с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 4118 (раскоп J), *2* — 4013 : 3594 (J), *3* — 4013 : 5304 (J), *4* — 4013 : 6187 (J), *5* — 4013 : 4706 (J), *6* — 4013 : 6290 (J), *7* — 4013 : 3111 (J), *8* — 4013 : 4725 (J), *9* — 4013 : 7789 (L), *10* — 4013 : 480 (H), *11* — 4013 : 5145 (J), *12* — 4013 : 6495 (J), *13* — 4013 : 7749 (L), *14* — 4013 : 4111 (J), *15* — 4013 : 4379 (J), *16* — 4013 : 5861 (J), *17* — 4013 : 6231 (J).

ших наконечника с округлыми боковыми краями обработаны еще более поверхностно (рис. 19 : 10—12). Местами, где края сами по себе были острыми, они оставлены без ретуши. Длина этих наконечников 1,8—2,2 см, ширина 1,1—1,2 см, толщина 0,3—0,4 см.

Наконец, следует упомянуть один или несколько наконечников стрел с вогнутым основанием. Первый из них представляет собой хорошо обработанное изделие с закругленными краями. Углы основания оттянуты несколько вниз (рис. 19 : 4). В насаженном на древко наконечнике эти углы выполняли, несомненно, роль шипов. Длина наконечника (без обломавшегося кончика) 3,2 см, ширина до 1,5 см, толщина до 0,5 см. В отношении второго экземпляра возникает вопрос, имеем ли мы вообще дело с наконечником стрелы или с каким-либо другим орудием. Углы его основания округлены ретушью. Самый кончик его — острый, однако ретуширован только слегка (рис. 19 : 3). Вызывает сомнение толщина предмета, особенно его основания, так как черешки кремневых наконечников стрел обычно тонкие. Длина предмета 3,1 см, ширина 2,1 см, толщина достигает 0,7 см.[1]

Мы подразделили, таким образом, наконечники кремневых стрел на четыре основные группы: заостренно-овальные, ромбические, черешковые и с прямым (или вогнутым) основанием. При этом выяснилось, что нельзя установить четких границ между этими группами. Заостренно-овальные и ромбовидные наконечники стрел по своей форме довольно близки друг к другу, кроме них встречаются промежуточные формы, объединяющие обе группы. К той или другой из только что упомянутых групп приближается также большая часть черешковых наконечников. Таким образом, заостренно-овально-ромбовидная форма является основной для кремневых наконечников стрел рассматриваемых стоянок. От этой формы более или менее отличается форма наконечников с прямым или вогнутым основанием и отдельных черешковых экземпляров (рис. 18 : 11, 12).

Для определения относительной хронологии типов наконечников стрел важно проследить стратиграфические условия их залегания и их соотношение с разными видами керамики. Немногочисленность материала, так же как и отсутствие стерильных прослоек в культурном слое, затрудняет окончательное выяснение этого вопроса, но все же стратиграфические данные стоянки Акали позволяют сделать некоторые заключения. Следует отметить, что заостренно-овальные наконечники, за исключением самых узких, сравнительно толстых экземпляров (третья подгруппа), найдены в таких условиях, которые не оставляют сомнения в их связи с ямочно-гребенчатой керамикой. Они залегали в раскопах A_1, C, D и J, причем большая часть их была найдена вместе с ямочно-гребенчатой керамикой ранних стадий развития. Лишь три наконечника рассматриваемого типа из раскопов A, I и L могут по условиям их залегания быть свя-

---

[1] Приблизительно такой же формы толстый наконечник стрелы (?) найден на стоянке Звейниеки (у Буртниекского озера). RK 1930, табл. 3 : 8.

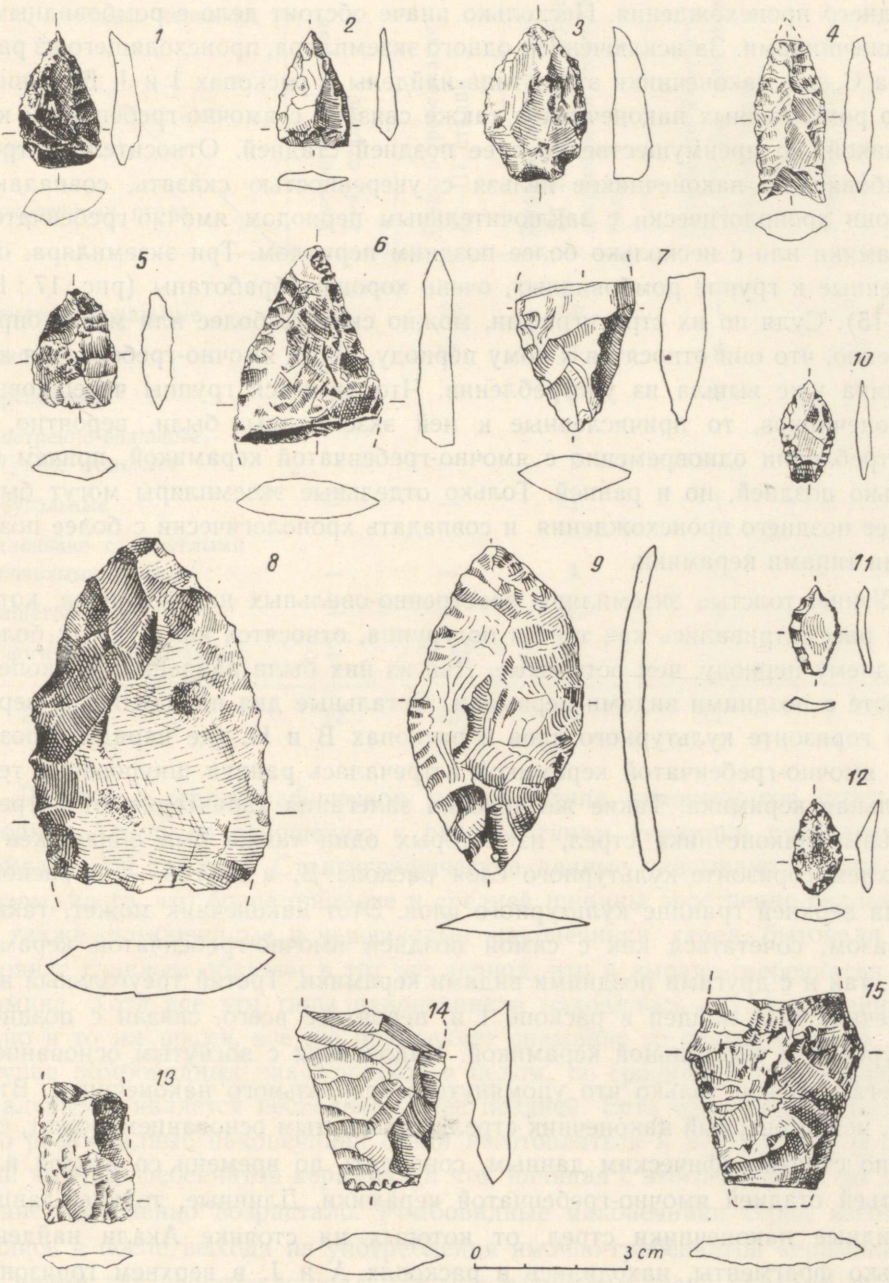


Рис. 19. Кремневые наконечники стрел и дротиков с поселений Акали (*1—7, 9—12, 14, 15*) и Кулламяги (*8, 13*). *1* — ИИ № 4013 : 4232 (раскоп J), *2* — 3800 : 156 (B), *3* — 4013 : 7665 (J), *4* — 4013 : 1985 (I), *5* — 4013 : 2125 (I), *6* — 4013 : 3812 (J), *7* — 4013 : 5242 (J), *8* — 4045 : 940 (D), *9* — 4013 : 7660 (J), *10* — 4013 : 8571 (R), *11* — 3800 : 387 (D), *12* — 4013 : 100 (H), *13* — 4045 : 116 (B), *14* — 4013 : 2450 (I), *15* — 4013 : 2258/2567 (I).

заны как с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с ранней шнуровой или текстильной керамикой; один из них, может быть, еще более позднего происхождения. Несколько иначе обстоит дело с ромбовидными наконечниками. За исключением одного экземпляра, происходящего из раскопа C, все наконечники этого типа найдены в раскопах I и J. Большинство ромбовидных наконечников также связано с ямочно-гребенчатой керамикой, но преимущественно с ее поздней стадией. Относительно трех ромбовидных наконечников нельзя с уверенностью сказать, совпадают ли они хронологически с заключительным периодом ямочно-гребенчатой керамики или с несколько более поздним периодом. Три экземпляра, отнесенные к группе ромбовидных, очень хорошо обработаны (рис. 17 : 11, 14, 15). Судя по их стратиграфии, можно сказать более или менее определенно, что они относятся к тому периоду, когда ямочно-гребенчатая керамика уже вышла из употребления. Что касается группы черешковых наконечников, то причисленные к ней экземпляры были, вероятно, в употреблении одновременно с ямочно-гребенчатой керамикой, причем не только поздней, но и ранней. Только отдельные экземпляры могут быть более позднего происхождения и совпадать хронологически с более поздними типами керамики.

Узкие, толстые экземпляры заостренно-овальных наконечников, которые рассматривались как третья подгруппа, относятся как будто к более позднему периоду, чем остальные. Два из них были найдены в раскопе I вместе с поздними видами керамики. Остальные два находились в верхнем горизонте культурного слоя в раскопах B и H, где наряду с поздней ямочно-гребенчатой керамикой встречалась ранняя шнуровая и текстильная керамика. Такие же условия залегания характеризуют и треугольные наконечники стрел, из которых один также был обнаружен в верхнем горизонте культурного слоя раскопа B, а другой — в раскопе J, на верхней границе культурного слоя. Этот наконечник может, таким образом, сочетаться как с самой поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с другими поздними видами керамики. Третий треугольный наконечник был найден в раскопе I и, вероятнее всего, связан с поздней шнуровой и текстильной керамикой. Наконечник с вогнутым основанием залегал вблизи только что упомянутого треугольного наконечника. Второй, недостоверный наконечник стрелы с вогнутым основанием может, судя по стратиграфическим данным, совпадать по времени со второй или третьей стадией ямочно-гребенчатой керамики. Длинные, тонкие, ланцетовидные наконечники стрел, от которых на стоянке Акали найдены только фрагменты, находились в раскопах A и J, в верхнем горизонте культурного слоя. Поэтому их следует отнести к конечному периоду употребления ямочно-гребенчатой керамики или даже к несколько более позднему периоду. То же самое следует сказать и о небольших наконечниках с прямым основанием и закругленными краями. Эти экземпляры находились в верхнем горизонте культурного слоя раскопов D и H и в раскопе R.

Стратиграфическое расположение кремневых наконечников стрел на поселении Акали по отношению к типам керамики

Типы керамики / Наконечники стрел	Ямочно-гребенчатая I—II стадии	Ямочно-гребенчатая II—III стадии	Ямочно-гребенчатая III стадии или ранняя шнуровая и текстильная	Ямочно-гребенчатая III стадии или более поздние типы	Поздние типы	Всего
Заостренно-овальные	6	10	2	1	—	19
Ромбические	1	10	1	3	3	18
Черешковые	5	5	1	3	—	14
Заостренно-овальные (узкие, толстые)	—	—	2	—	2	4
Треугольные	—	—	1	1	1	3
Маленькие с округлыми боковыми краями	—	—	1	2	—	3
Ланцетовидные	—	—	1	2	—	3
С вогнутым основанием	—	1?	—	—	1	2
Всего	12	26	9	12	7	66

Данные о стратиграфическом расположении наконечников стрел на стоянке Акали по отношению к разным типам керамики приведены в прилагаемой таблице. Стратиграфические данные указывают, таким образом, на то, что более широкие и средней ширины заостренно-овальные, а также ромбовидные и черешковые наконечники стрел бытовали на стоянке главным образом в тот же период, что и ямочно-гребенчатая керамика. Хотя все эти типы наконечников находились в употреблении в одно и то же время, все же привлекает внимание то обстоятельство, что группа ромбовидных наконечников в целом, по сравнению с заостренно-овальными, является несколько более поздней. Есть основание полагать, что ромбовидные наконечники стали изготовляться в период второй стадии ямочно-гребенчатой керамики и что, начиная с этого времени, их значение постепенно возрастало. Ромбовидные наконечники стрел изготовлялись и после выхода из употребления ямочно-гребенчатой керамики, в то время как заостренно-овальные наконечники в своей прежней форме к этому времени как будто перестают употребляться. Остальные же перечисленные выше типы наконечников стрел вошли в обиход, видимо, только на конечной стадии ямочно-гребенчатой керамики или еще позже. Вполне вероятно, что они продолжали бытовать одновременно с более поздними видами керамики.

Из найденных в Кулламяги наконечников стрел шесть относятся к заостренно-овальным наконечникам средней ширины, один фрагмент происходит от узкого, толстого заостренно-овального экземпляра, другой от длинного, тонкого наконечника с прямым основанием, а тип одного маленького обломка не удалось определить. Семь из упомянутых наконечников найдены в раскопе В; раскопы А и Е дали каждый по одному наконечнику. Все наконечники стрел на стоянке Кулламяги найдены, однако, в таких пластах культурного слоя, в которых наряду с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, встречались и более поздние виды керамики. Поэтому материал из Кулламяги ничего существенного не прибавляет к стратиграфическим данным стоянки Акали.

Сравнивая кремневые наконечники стрел стоянок в районе устья реки Эмайыги с наконечниками, обнаруженными на других поселениях Восточной Прибалтики, мы видим, что первые не представляют собой какого-либо исключения. Аналогичные заостренно-овальные и ромбовидные наконечники, а также близко стоящие к ним черешковые наконечники, обычно с довольно слабо выраженным черешком, найдены на большинстве стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Эстонии и Латвии. Связь этих типов наконечников стрел с ямочно-гребенчатой керамикой не вызывает никакого сомнения. Треугольные наконечники стрел с прямым основанием несколько менее известны, но все же и они встречаются довольно во многих пунктах. Они обнаружены в поселениях Вилла,[1] Тамула,[2] Ича,[3] Личагалс,[4] Звейниеки (у Буртниекского озера),[5] Риннюкалнс,[6] Леяс-Цискас[7] и Варнас-Крогс.[8] Выяснение условий залегания треугольных наконечников стрел в комплексах всех упомянутых поселений выходит за рамки настоящего исследования. Можно лишь констатировать, что почти все перечисленные местонахождения дали в числе прочего и сравнительно поздний материал. Вполне возможно, что треугольные наконечники находятся на этих стоянках в связи именно с поздней ямочно-гребенчатой керамикой или даже со шнуровой керамикой. Наконечников стрел с вогнутым основанием на рассматриваемой территории встречается меньше. Помимо одного сомнительного экземпляра из Звейниеки, они найдены еще в Валма,[9] Силиньупе,[10] Ича,[11] Леяс-Цискасе,[12]

---

[1] ИИ № 4037 : 1150, 1273.

[2] Янитс, Новые данные, рис. 8 : 9.

[3] МИЛ; в Ича треугольных наконечников стрел встречается относительно много.

[4] RK 1930, стр. 8, табл. 3 : 2.

[5] Šturms, Akmenslaikmets Latvijā I, рис. 3 : f, h, i.

[6] МИЛ.

[7] Šturms, Zebrus-See, стр. 418, табл. III : 9, 10, 12, 14.

[8] Sen. un M. 1936 III, стр. 66 и сл., рис. 2 : 4, 7; 3 : 8.

[9] Древние поселения и городища, рис. 54 : 4. В Валма этот тип связан, вероятно, со шнуровой керамикой.

[10] МИЛ № 65251 : 75.

[11] МИЛ.

[12] Šturms, Zebrus-See, стр. 418, табл. III : 6—8.

Варнас-Кроге,[1] и в Резнесском курганном могильнике.[2] В особенности наличие их в инвентаре названного могильника указывает на позднее бытование этого типа наконечника стрел. Треугольные наконечники стрел и наконечники с вогнутым основанием в довольно большом количестве найдены также в южной части территории Литвы и на Куршской косе, где они находятся как будто в связи главным образом со шнуровой керамикой.[3] В Финляндии наконечники стрел с прямым или вогнутым основанием оказываются также более поздними, чем типичная ямочно-гребенчатая керамика. Один такой экземпляр найден там в сочетании с текстильной керамикой на поселении Хаапакаллио на среднем течении р. Кокенмяэнйоки.[4] Наконечники стрел таких же типов, как на стоянках приустья реки Эмайыги, имеют широкое распространение и в других местах лесной полосы Восточной Европы, причем наблюдается, что треугольные наконечники являются более поздними, чем листовидные.[5]

Костяные наконечники стрел, как уже указывалось, найдены только на поселении Акали. Из семи обнаруженных там наконечников, три впоследствии пропали. От одного из них сохранился фотоснимок, о другом в отчете о раскопках отмечено, что он имел коническую форму, о форме же третьего нет никаких данных. Костяные наконечники стрел из Акали можно подразделить на два основных типа: иволистные и конические. Почти все они представлены фрагментами.

Наконечники стрел иволистной формы имеют заостренно-овальное поперечное сечение. Большей частью одна их сторона более выпуклая, чем другая, и на более выпуклой стороне около острия или черешка находится невысокий гребень. Края наконечников сделаны острыми, и только в черешковой, суживающейся части они более толстые. Поверхность наконечников тщательно выровнена и отшлифована.

Самый крупный из сохранившихся фрагментов костяных наконечников стрел (рис. 20 : 1) принадлежит длинному и стройному экземпляру с почти параллельными краями. Его длина равна 7,6 см, ширина — 1,5 см, толщина достигает 0,4 см. Второй фрагмент (рис. 20 : 2), с более округлыми контурами имеет в длину 5,7 см, в ширину 1,7 см и толщина его в средней части 0,5 см. Длина сравнительно стройного наконечника (табл. XXXV : 3), известного нам по фотоснимку, 5,9 см и ширина до 1,1 см. Фрагмент четвертого наконечника иволистной формы довольно

---

[1] Sen. un M. 1936 III, стр. 66 и сл., рис. 2 : 2, 3, 6.

[2] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 29 : 6.

[3] Сердцевидные и другие треугольные наконечники стрел из ряда поселений культуры шнуровой керамики хранятся в КГХМ. Относительно наконечников стрел с Куршской косы см. A. Voss, Photographisches Album der Ausstellung Praehistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands I. Berlin 1880, табл. 1 : 26—47. Kilian, Haffküstenkultur, стр. 44—45.

[4] Meinander, Kiukaiskultur, стр. 129.

[5] А. В. Арциховский, Основные вопросы археологии Москвы. МИА 7, М.—Л., 1947, стр. 10.

маленький и принадлежит черешковой половине стройного экземпляра, имеющего ширину 0,9 и толщину 0,35 см.

Из конических наконечников стрел сохранился всего лишь один экземпляр, но зато в более или менее целом состоянии (рис. 20 : 3). Он имеет почти правильное коническое острие, а в средней части слегка уплощен. Здесь же вокруг основания конуса вырезан желобок, ниже которого наконечник резко утолщается примерно на 1 мм и остается несколько сплющенным вплоть до черешка. Для наиболее удобной насадки наконечника на древко, черешку придано четырехугольное сечение. Конец черешка обломался. Общая длина предмета 3,6 см, диаметры в месте наибольшей толщины 0,9 и 0,8 см, а в черешковой части соответственно 0,3 и 0,5 см.

Бóльшая часть костяных наконечников стрел найдена в раскопе С и только два в раскопе А. Шесть наконечников залегали в нижнем горизонте культурного слоя. Судя по стратиграфическим условиям залегания, они должны совпадать во времени с первой и второй стадией ямочно-гребенчатой керамики, а возможно, даже и с керамикой нарвского типа, которая встречалась в самом нижнем отложении культурного слоя этих раскопов. Один стройный иволистный наконечник (табл. XXXV : 3) залегал в раскопе С значительно выше остальных — в верхнем горизонте культурного слоя. В этом же горизонте встречались поздняя ямочно-гребенчатая керамика и единичные черепки шнуровой керамики. Кажется вероятным, что этот наконечник хронологически связан с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Костяные наконечники стрел обоих представленных в Акали типов находились в широком употреблении в течение продолжительного времени в лесной полосе Восточной Европы. Особенно это относится к коническим наконечникам, бытование которых как территориально, так и хронологически в период от мезолита до эпохи металла проследила М. Е. Фосс.[1] В Восточной Прибалтике особенно много наконечников с конической головкой обнаружено в некоторых местонахождениях Латвии — в Лубане, Двиете, Лудзе и Ича.[2] Единичные экземпляры этого типа, по форме очень близкие к наконечнику из Акали, найдены на стоянках Риннюкалнс [3] и Звейниеки.[4]

Конические и близкие к ним костяные наконечники стрел имеются также из различных мест Литвы [5] и Калининградской области, между прочим из поселения около дер. Серово.[6] С территории Эстонской ССР

---

[1] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 44 и сл., рис. 15; 16; 17; 24 : 1—11, 15, 16.

[2] МИЛ. Краеведческий музей в Лудзе (по рисункам Р. Шноре). Sen. un M. 1938 I, стр. 71 и сл., рис. 2 : 1—8; 8 : 1.

[3] RK, табл. 1 : 26, 27. ИИ № 1368 : 82.

[4] RK 1930, табл. 3 : 9.

[5] КГХМ.

[6] Engel, Altpreuss. Stämme, табл. 37A : c, d.

наконечников с конической головкой пока известно сравнительно мало. Кроме мезолитических, по-видимому, экземпляров из Кунда, они найдены в реке Пярну,[1] и один небольшой плоский наконечник — на стоянке Вилла.[2] Два совершенно конических, очень красивых экземпляра происходят из Тамула.[3] К наконечникам с конической головкой близок по форме также несколько уплощенный наконечник со стоянки Нарва-Рийгикюла III.[4]

Костяные иволистные наконечники стрел имеют, очевидно, предшественников в позднем мезолите. Ими являются, по-видимому, продолговатые, расширяющиеся в средней части ланцетовидного типа наконечники, известные по находкам из реки Пярну.[5] В Кунда такие формы не встречаются. На стоянке Ламмасмяги найден стройный костяной наконечник заостренно-овального сечения, который примыкает по форме к неолитическим иволистным наконечникам, хотя он несколько длиннее их и имеет параллельные края.[6] Фрагмент довольно похожего на него экземпляра найден на стоянке Вилла.[7] Среди вещей из Двиете, Лубаны и Ича также встречаются костяные иволистные наконечники,[8] но они уступают здесь по числу наконечникам с конической головкой. Наоборот, в Риннюкалнсе [9] и Тамула [10] наконечники иволистного типа в количественном отношении занимают первое место среди наконечников стрел. Такие наконечники встречаются и в Нарва-Рийгикюла I.[11] На этих стоянках преобладают стройные, тонкие, но относительно короткие наконечники, довольно близкие по форме к экземплярам из Акали. Такой же формы наконечники стрел имеются и среди находок из реки Пярну; [12] по типологическим соображениям эти наконечники могут быть причислены к неолитическим. В инвентаре Риннюкалнса имеется даже один наконечник такой же формы, изготовленный из сланца.[13] Впоследствии наконечники стрел этого типа становятся еще более короткими и в то же время более толстыми. В такой форме они представлены на укрепленном поселении Асва [14] и в каменном могильнике с ящиками в Кыпу на остро-

---

[1] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 258 и сл.

[2] Древние поселения и городища, рис. 51 : 6.

[3] Jaanits, Neue Gräberfunde, рис. 4 : 1.

[4] Из раскопок Н. Н. Гуриной 1952 г., № 472.

[5] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 268 и сл., рис. 71 : 1.

[6] ИИ № 3575 : 130.

[7] ИИ № 4037 : 1486.

[8] МИЛ. Sen. un M. 1938 I, стр. 71 и сл., рис. 2 : 10—13.

[9] ИИ № 1368 : 6—8, 11, 13—16.

[10] Янитс, Новые данные, стр. 185, рис. 8 : 1. Jaanits, Neue Gräberfunde, рис. 3 : 2; 4 : 6—8.

[11] Из раскопок Н. Н. Гуриной 1951—1952 гг., № 1746, 1747, 4923, 9880.

[12] В Пярнуском краеведческом музее, № 751.

[13] RK 1930, табл. 4 : 6.

[14] ИИ № 3799 : 434; 3994 : 1386. В Иру костяной наконечник стрелы соответствующей формы найден в более позднем слое городища, который относится, по-видимому, к середине I тысячелетия н. э. (Muistse Eesti linnused, стр. 84, рис. 52 : 4).

ве Хийумаа.[1] Некоторые костяные наконечники из Риннюкалнса и Тамула [2] в типологическом отношении являются как бы связующими звеньями между неолитическими и более поздними представителями этого типа. На более восточных территориях лесной полосы Союза ССР костяные наконечники стрел в виде ивового листа и близких к ним форм встречаются как на неолитических стоянках, так и на ранних городищах.[3]

Наконечники копий и дротиков найдены на поселениях района устья реки Эмайыги в количестве 9, большей частью в виде обломков. 5 кремневых и 2 костяных наконечника найдены в Акали, в то время как в инвентаре Кулламяги имеются лишь два фрагмента.

Бóльшая часть кремневых наконечников принадлежит к широкому листовидному типу. Наиболее крупный по размерам экземпляр этого типа найден в Кулламяги (рис. 19 : 8). Экземпляр фрагментирован. По-видимому, он обломался еще при обработке, так как одна боковая сторона его полностью обработана, а вторая осталась незаконченной. Длина обломка 6,9 см, ширина 4,7 см, толщина 1,1 см.

Остальные наконечники имеют меньшие размеры и принадлежат, вероятно, дротикам. В целом виде сохранился лишь один из них. Это тонкий, в профиле несколько дугообразный экземпляр. Его очертания не совсем симметричны, так как край его с одной стороны более округлен, чем с другой (рис. 19 : 9). Наконечник полностью ретуширован, края хорошо отточены. Длина его 6,5 см, ширина 3,6 см, толщина 0,5 см.

К аналогичным листовидным наконечникам принадлежат, по-видимому, еще три обломка, один из них, вероятно, от острия (рис. 19 : 6), второй от тыльной (рис. 19 : 7), третий, совсем маленький, от средней части. Они обработаны таким же образом, как целый экземпляр, но имеют бóльшую толщину, чем последний (0,7—0,9 см).

Два кремневых наконечника дротиков имеют иную форму. Они оба сохранились в виде фрагментов, один от средней части предмета (рис. 19 : 15), второй от черешковой части (рис. 19 : 14). Этот тип дротика близок к ромбическому, имеет прямые края, которые в расширяющейся средней части наконечника образуют с обеих сторон острые углы. Черешковый конец оканчивается прямым плоским основанием. Эти наконечники тонкие, с заостренно-овальным поперечным сечением, хорошо отретушированы по всей поверхности и принадлежат к самым замечательным образцам кремневой техники среди инвентаря рассматриваемых стоянок. Их длина в целом виде достигала примерно 8 см, ширина в средней части 3,4 см, в черешковой части (у второго экземпляра) 1,5 см, толщина одного обломка доходит до 0,6 см, второго — до 0,8 см.

---

[1] Moora, Die Vorzeit Estlands, рис. 17 : 3.

[2] ИИ № 1368 : 3—5. Янитс, Новые данные, рис. 8 : 4, 5.

[3] Иностранцев, Доисторический человек, табл. X : 16, 19. Фосс, Древнейшая история Севера, рис. 24 : 17; 56 : 1—4. А. Я. Брюсов, Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК X, М.—Л., 1941, рис. 37 : и. Материалы по археологии восточных губерний России, вып. 1, М., 1893, табл. II, III.

Все кремневые наконечники дротиков из Акали были найдены в раскопах I и J. Все листовидные наконечники залегали в раскопе J, притом в горизонтах, указывающих с несомненностью на связь этих наконечников с ямочно-гребенчатой керамикой как более раннего, так и более позднего типа. Оба же наконечника с прямым основанием находились в раскопе I в довольно глубоком отложении культурного слоя. Их стратиграфическое расположение совпадает больше всего со стратиграфией поздней шнуровой керамики и синхронной с ней текстильной керамикой, с которыми они, очевидно, и связаны во времени. Обломки двух наконечников дротиков из Кулламяги найдены в раскопе B. Условия их залегания аналогичны условиям залегания найденных в этом же раскопе наконечников стрел, и их можно, по-видимому, в одинаковой степени отнести как к поздней ямочно-гребенчатой, так и к поздней текстильной и шнуровой керамике.

Кремневых наконечников копий и дротиков на неолитических стоянках Восточной Прибалтики встречается сравнительно мало. Найденные экземпляры почти все простой формы. Преобладает такой же листовидный, часто несколько асимметричный тип, который мы встречаем и в районе устья реки Эмайыги. На территории Эстонской ССР такие наконечники обнаружены на стоянках Вилла[1] и Нарва-Рийгикюла III.[2] В инвентаре поселения Нарва-Рийгикюла II имеется обломок крупного наконечника копья,[3] напоминающего фрагментарный экземпляр из Кулламяги. Происходящий со стоянки Валма наконечник того же типа несколько более стройный.[4] Кроме того, в Валма найдены еще и массивные ромбические наконечники дротиков.[5]

На территории Латвийской ССР ряд кремневых наконечников дала стоянка Звейниеки (у оз. Буртниеки),[6] несколько экземпляров встречается среди находок из Варнас-Крогса[7] и обломок одного наконечника входил в инвентарь стоянки Звейниеки (у оз. Виране).[8] Все эти наконечники принадлежат в общем к одному и тому же типу, но они обычно несколько более стройные, чем экземпляры из Акали и Кулламяги. Один экземпляр, очень близкий к наконечникам дротиков района устья реки Эмайыги, имеется среди материала из Двиете.[9] Аналогичный тип наконечников мы встречаем в Ленинградской области, где он обнаружен на стоянках Ломми[10] и Сестрорецк.[11] Наконечник дротика из Ломми прибли-

---

[1] ИИ № 4037 : 511.
[2] Из раскопок Н. Н. Гуриной 1953 г., № 743.
[3] Древние поселения и городища, табл. XXXV : 13.
[4] Янитс, Неолит. стоянки, рис. 5 : 17.
[5] Древние поселения и городища, рис. 54 : 1.
[6] RK 1930, табл. 3 : 6, 12. ИИ № 1235 : 13, 412.
[7] Sen. un M. 1936 III, стр. 66 и сл., рис. 2 : 17; 3 : 9.
[8] МИЛ № 8410 : 1.
[9] МИЛ № 9586 : 51.
[10] ИИ № 3867 : 335.
[11] Эрмитаж № 1138 : 1156.

жается по форме к ромбу и имеет с одной стороны на краю такой же выступ, какой имеется с обеих сторон на двух упомянутых выше наконечниках из Акали. Таким образом, наконечник из Ломми представляет собой, очевидно, промежуточную форму. Сестрорецкий же наконечник — широкий, листовидный. Широкий наконечник крупных размеров с треугольно суживающейся черешковой частью был случайно обнаружен в Демянском районе вблизи озера Велье.[1] Среди материала, собранного на Валдайской возвышенности, встречается довольно много наконечников копий и дротиков этого типа.[2]

К другому типу кремневых дротиков из Акали, характеризующихся острыми углами на боках и прямым основанием, среди материалов Восточной Прибалтики автору известна лишь одна близкая параллель. Этот предмет найден в Лубанском озере.[3] У остальных наконечников с прямым или почти прямым основанием нет острых углов по краям, и они более длинные и стройные.[4]

Костяные наконечники со стоянки Акали также, по-видимому, принадлежат дротикам. Они изготовлены из расколотой трубчатой кости. Один из них представляет собой короткий экземпляр с трапециевидным поперечным сечением и прямо обрезанным основанием (рис. 20 : 4). По форме он похож на костяные иволистные наконечники стрел, но значительно массивнее последних. Длина наконечника 8,3 см, ширина до 1,8 см, толщина 0,8 см. На выпуклой стороне тыльной части наконечника заметны слабые, но густо расположенные поперечные линии, представляющие собой, видимо, следы прикрепления наконечника к древку. Второй костяной наконечник впоследствии пропал, от него сохранился лишь фотоснимок (табл. XXXV : 1), по которому видно, что наконечник имел длинную, стройную форму, несколько поломанный верхний конец и утончающуюся, суживающуюся черешковую часть, которая оканчивается закругленно. Длина этого наконечника достигала 18 см, а ширина доходила до 1,75 см.

Упомянутый последним костяной наконечник найден в раскопе В, где он залегал в нижней половине культурного слоя вместе с ямочно-гребенчатой керамикой второй стадии. Другой, более короткий наконечник был извлечен из верхнего горизонта культурного слоя раскопа Н, где встречалась как более поздняя ямочно-гребенчатая керамика, так и ранняя шнуровая и текстильная керамика.

Неолитические памятники Восточной Прибалтики дали пока крайне мало костяных наконечников копий и дротиков. Один экземпляр трех-

---

[1] Музей антропологии и этнографии (в Ленинграде) № 5437.

[2] Эрмитаж № 1495 : 1—2942 (коллекция Рериха).

[3] МИЛ. Возможно, что наконечники этого же типа встречаются и на Валдайской возвышенности, так как коллекция Рериха в Эрмитаже в этом отношении не разработана.

[4] Ebert, Die baltischen Provinzen, рис. 3 : b. RK, табл. 1 : 36, 37, 40. ИИ № 2526 : 6 (с о. Сааремаа).

гранного сечения происходит из поселения Нарва-Рийгикюла I.[1] Некоторые недостоверные фрагменты имеются также среди материалов из Ича [2] и Тамула.[3] Возможно, что среди материалов, полученных в Лубане, Двиете, Лудзе и в Пярну, имеются некоторые экземпляры копий, но эти коллекции еще недостаточно разработаны. Заслуживает внимания то обстоятельство, что на неолитических стоянках полностью отсутствуют мезолитические формы наконечников копий, найденные в Кунда.[4] Это подтверждает мезолитический возраст соответствующих типов орудий в Кунда и одновременно указывает на то, что в неолите находились в употреблении иные наконечники копий. Несомненно, здесь сыграло известную роль появление кремневых наконечников, так как последние в местном мезолитическом инвентаре отсутствуют. Следует учитывать и применение деревянных копий с заостренным концом, наподобие копий из Сарнате [5] и Веретья, [6] где они сохранились вследствие особенно благоприятных условий. Конечно, деревянные копья могли быть в употреблении уже в эпоху мезолита.

От наконечников гарпунов и острог найдены лишь небольшие фрагменты на стоянке Акали. По-видимому, это главным образом наконечники гарпунов, только один обломок принадлежит скорее всего остроге. Все эти орудия изготовлены из крепких расколотых трубчатых костей. Судить же об их форме из-за фрагментарности предметов довольно трудно.

Из 12 экземпляров три позже пропали, [7] а из остальных некоторые также впоследствии поломались. Два обломка принадлежат остриям наконечников. Один из них, от которого сохранился только фотоснимок, показывает, что мы имеем дело с большим гарпуном с крупными зубцами (табл. XXXV : 2), ширина которого у первого зубца достигала 2,4 см. На втором экземпляре с такими же клювовидными, редкими, но менее крупными зубцами сохранились два первых зубца (рис. 20 : 8). Длина обломка 6,7 см, ширина у первого зубца 1,9 см, у второго 2,1 см, толщина достигает 0,8 см. Остальные сохранившиеся фрагменты принадлежат средним и черешковым частям наконечников гарпунов, также с крупными зубцами (рис. 20 : 6). Черешковая часть снабжена просверленным с двух сторон отверстием для прикрепления веревки, соединяющей наконечник с древком (рис. 20 : 5). Один экземпляр имеет даже два отверстия (рис. 20 : 7). Только у одного небольшого фрагмента на черешковой

---

[1] Из раскопок Н. Н. Гуриной 1953 г., № 163.

[2] МИЛ № 64148, 64202, 64206.

[3] Например, ИИ № 3932 : 186, 251. В Риннюкалнсе, вопреки мнению некоторых авторов (RK 1930, стр. 10), очевидно, нет костяных наконечников копий. Мы имеем там дело с кинжалами и орудиями, предназначенными для других целей.

[4] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 274 и сл.

[5] Древние поселения и городища, стр. 144, табл. XXVIII : 5, 6.

[6] М. Е. Фосс, Стоянка Веретье. Труды ГИМ XII, М., 1941, стр. 37.

[7] ИИ № 3800 : 39, 66, 326. От последнего имеется снимок (табл. XXXV : 2).

части не отверстие, а резкое утолщение, предназначенное для удержания обвязанной вокруг наконечника гарпуна веревки (рис. 20 : 10). Поскольку позволяют судить сохранившиеся обломки, мы имеем дело опять-таки с довольно крупными, крепкими наконечниками толщиной максимально в 1 см или около этого.

Упомянутый выше предполагаемый фрагмент наконечника остроги принадлежит острию предмета (рис. 20 : 9). С одной стороны он имеет небольшой зубец, с противоположной стороны край наконечника поломан. О том, что зубцы были и по другой стороне наконечника, можно судить по симметричной форме острия, имеющего, в противоположность наконечникам гарпуна, острые края с обеих сторон. Итак, очевидно, этот фрагмент относится к двусторонним наконечникам остроги.

Наконечники гарпунов найдены в раскопах A, C, H и J, а также в шурфе 3. Большинство их по своему стратиграфическому местоположению связано с ямочно-гребенчатой керамикой, а один (рис. 20 : 7), возможно, даже с керамикой нарвского типа. Только три обломка гарпунов (рис. 20 : 6, 10; ИИ № 3800 : 425) и упомянутый фрагмент остроги можно увязать во времени как с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и со шнуровой или ранней текстильной керамикой.

Костяные гарпуны и остроги составляют сравнительно небольшую часть инвентаря неолитических стоянок Восточной Прибалтики. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, если сопоставить материалы неолитических стоянок с богатым наконечниками гарпунов и острог материалом со стоянки Кунда, а также с комплексами находок из Пярну и Лубаны, в которых рассматриваемые орудия представляют собой в основном мезолитические формы. Сказанное относится, однако, в значительно большей степени к острогам, чем к гарпунам. Обломки гарпунов встречаются все же на каждой неолитической стоянке, где костяной материал сохранился, находки же острог в эпоху неолита становятся редкостью.

Среди неолитических стоянок сравнительно больше всего наконечников гарпунов содержится в инвентаре Риннюкалнса.[1] Довольно много было их также в Лоона [2] и на I и III стоянках Нарва-Рийгикюла. [3] В Тамула же, [4] Вилла, [5] Ича, [6] Леяс-Цискасе [7] и Силиньупе, [8] наоборот, их найдено немного, притом обычно в виде обломков. Поскольку этот фрагментарный материал дает представление о форме гарпунов, мы имеем здесь дело опять-таки с наконечниками, снабженными крупными, редкими зуб-

---

[1] RK, табл. 1 : 2—4. ИИ № 1234 : 3, 5—7, 12—14, 16, 19—26; 1368 : 28, 76, 77.
[2] ИИ № 4129 : 40, 114, 172, 293, 357, 362, 625, 635, 741, 809, 836, 967, 1028.
[3] Древние поселения и городища, стр. 164, 169, табл. XXXIX : 1—5.
[4] Янитс, Новые данные, стр. 186, рис. 8 : 10, 11.
[5] Древние поселения и городища, рис. 52.
[6] МИЛ № 9511 и др.
[7] Sturms, Zebrus-See, стр. 416 и сл., табл. II : 2—4.
[8] МИЛ № 65239.

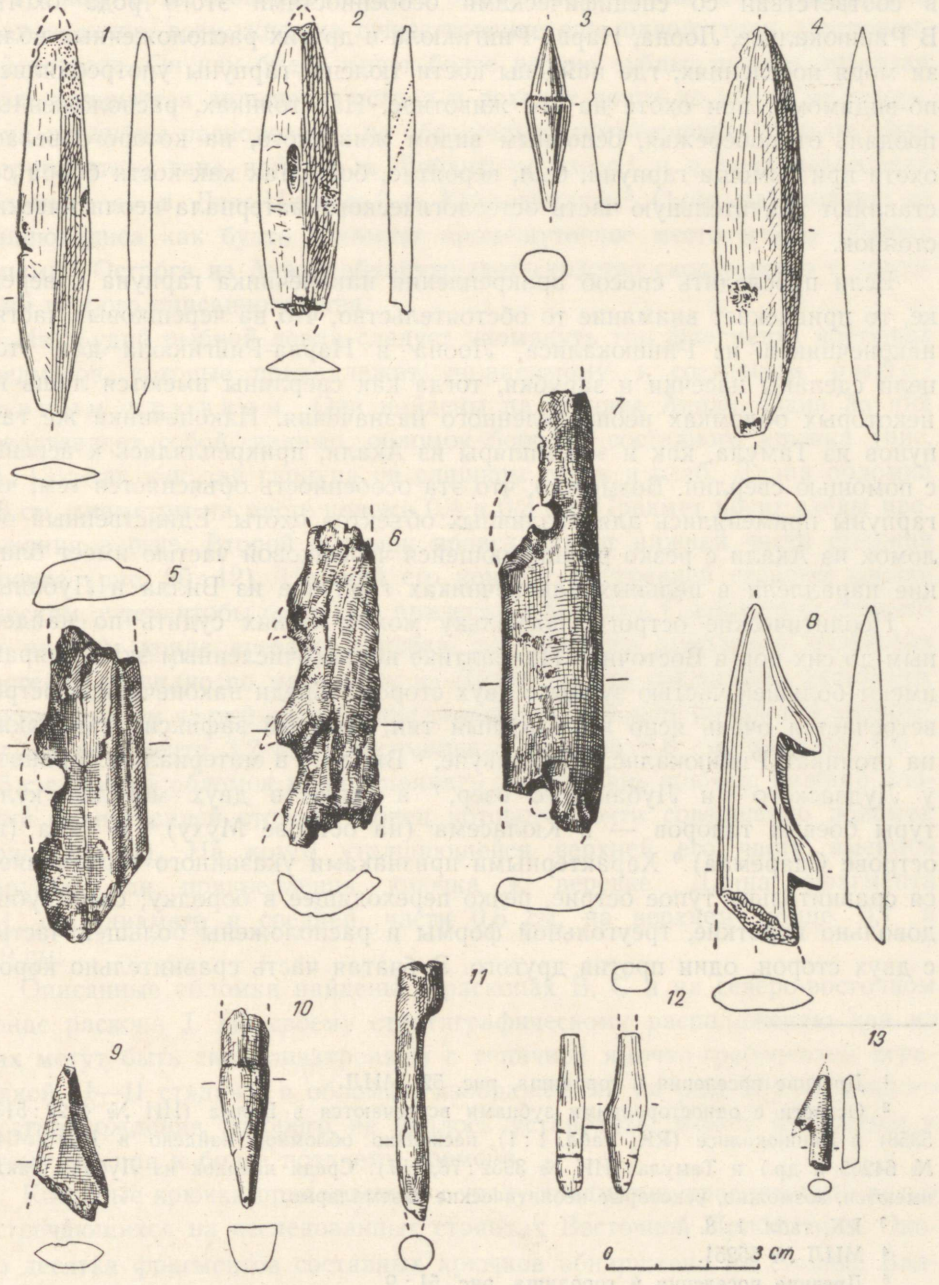


Рис. 20. Костяные наконечники стрел, дротиков, гарпун и части рыболовных крючков с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 289 (раскоп С), *2* — 3800 : 305 (С), *3* — 3800 : 294 (С), *4* — 4013 : 123 (Н), *5* — 3800 : 248 (С), *6* — 3800 : 56 (А), *7* — 3800 : 336 (С), *8* — 4013 : 4069 (J), *9* — 4013 : 7138 (J), *10* — 4013 : 6033 (J), *11* — 3800 : 447 (С), *12* — 4013 : 3680 (J), *13* — 3800 : 205 (В).

цами. Такой гарпун следует считать орудием охоты. Можно полагать, что он применялся в первую очередь для охоты на водяных животных, в соответствии со специфическими особенностями этого рода охоты. В Риннюкалнсе, Лоона, Нарва-Рийгикюла и других расположенных вблизи моря поселениях, где найдены кости тюленя, гарпуны употреблялись, по-видимому, при охоте на это животное. На стоянках, расположенных поодаль от побережья, основным видом животного, на которого велась охота при помощи гарпуна, был, вероятно, бобр, так как кости бобра составляют значительную часть остеологического материала неолитических стоянок.

Если проследить способ прикрепления наконечника гарпуна к веревке, то привлекает внимание то обстоятельство, что на черешковых частях наконечников из Риннюкалнса, Лоона и Нарва-Рийгикюла для этой цели сделаны насечки и зарубки, тогда как сверлины имеются лишь на некоторых обломках неопределенного назначения. Наконечники же гарпунов из Тамула, как и экземпляры из Акали, прикреплялись к веревке с помощью сверлин. Возможно, что эта особенность объясняется тем, что гарпуны применялись для различных объектов охоты. Единственный обломок из Акали с резко расширяющейся черешковой частью имеет близкие параллели в цельных наконечниках гарпунов из Вилла и Лубаны.[1]

Неолитические остроги, поскольку можно о них судить по найденным до сих пор в Восточной Прибалтике немногочисленным экземплярам, имеют большей частью зубцы с двух сторон.[2] Среди наконечников острог встречается очень ясно выраженный тип, который зафиксирован также на стоянках Риннюкалнс,[3] Силиньупе,[4] Вилла,[5] в материале, собранном у Лудзаского[6] и Лубанского озер,[7] а также в двух могилах культуры боевых топоров — в Кюласема (на острове Муху)[8] и Тика (на острове Сааремаа).[9] Характерными признаками указанного типа является сравнительно тупое острие, резко переходящее в бородку; сами зубцы довольно короткие, треугольной формы и расположены большей частью с двух сторон, один против другого. Зубчатая часть сравнительно корот-

---

[1] Древние поселения и городища, рис. 52. МИЛ.

[2] Остроги с односторонними зубцами встречаются в Вялма (ИИ № 4022 : 5130, 5358) и Риннюкалнсе (RK, табл. 1 : 1), несколько обломков найдено в Ича (МИЛ № 64205 и др.) и Тамула (ИИ № 3932 : 78, 187). Среди находок из Лубаны также имеются, возможно, некоторые неолитические экземпляры.

[3] RK, табл. 1 : 8.

[4] МИЛ № 65251.

[5] Древние поселения и городища, рис. 51 : 9.

[6] Сохраняется в краеведческом музее в Лудзе. По данным Э. Шноре.

[7] МИЛ.

[8] OESA 1876, Dorpat 1877, стр. 184 и сл., рис. на стр. 186 (рисунок неточный).

[9] Янитс, Позднеолит. могильники, стр. 57, рис. 15 : 4. Кроме перечисленных мест, этот тип остроги встречается на о. Готланд, на стоянке Висби (J. Nihlén, Gotlands stenåldersboplatser. KVHAA Handlingar, del. 36 : 3, Stockholm 1927, рис. 104: 2). В других местах автору неизвестны соответствия для них.

кая, черешковая же широкая, плоская и небрежно обработанная. Наконечники этого рода имеют всегда довольно малые размеры.

На некоторых стоянках найдены отдельные обломки костяных орудий, указывающие, возможно, на существование еще одного типа двусторонней остроги. Он как будто имеет более редкие зубцы, причем зубчатая часть начинается дальше от острия и доходит почти до конца предмета, сами же зубцы расположены не обязательно симметрично. В целом виде острога этого типа найдена в Лубанском озере,[1] и в виде небольших обломков — в Леяс-Цискасе[2] и Кауленкалнсе.[3] Один наконечник из Риннюкалнса как будто занимает промежуточное место между обоими типами.[4] Острога из Акали обнаруживает сходство скорее всего с острогами второго описанного типа.

Из орудий рыбной ловли следует упомянуть три фрагмента костяных предметов, которые принадлежат, по-видимому, к составным рыболовным крючкам. Они найдены на стоянке Акали. Один из них представляет собой, видимо, обломок бородки составного крючка (рис. 20 : 13), так как для гарпуна он слишком тонок и слаб. Длина обломка 1,8 см, диаметры на месте полома 0,4 и 0,3 см. Предмет носит следы пребывания в огне. Второй обломок происходит от нижней части стержня крючка (рис. 20 : 12). Нижний его конец с внутренней стороны сделан плоским, с тем чтобы он лучше прилегал к бородке. С наружной стороны на нижнем конце врезаны зарубки для лучшего крепления составных частей. Как видно по материалу из Двиете, места соединения связанных таким образом частей крючка иногда покрывались еще смолистой массой.[5] Длина фрагмента 3,2 см, максимальная ширина 0,8 см, толщина 0,4—0,5 см. Третий обломок можно принять за стержень крючка, нижний плоский с внутренней стороны конец которого почти совершенно поломан (рис. 20 : 11). На круто утолщающейся верхней его части имеются зарубки для прикрепления крючка к веревке. Длина фрагмента 5,1 см, диаметр в средней части 0,6 см, на верхнем конце 0,7 и 0,9 см.

Описанные обломки найдены в раскопах B, C и на северо-восточном конце раскопа J. По своему стратиграфическому расположению два из них могут быть синхронизированы с типичной ямочно-гребенчатой керамикой (I—II стадии), а обломок, изображенный на рис. 20 : 12, точного местонахождения которого не удалось установить, может относиться к этому же или к более позднему времени.

Костяные крючки принадлежат к числу предметов, сравнительно редко встречающихся на исследованных стоянках Восточной Прибалтики. Около десятка фрагментов составных крючков обнаружено на стоянке Вал-

---

[1] МИЛ.
[2] Sturms, Zebrus-See, стр. 416, табл. II : 1.
[3] МИЛ.
[4] RK 1930, табл. 4 : 3.
[5] МИЛ № 9586 : 44.

ма.[1] Некоторые крючки известны из поселений Нарва-Рийгикюла I,[2] Тамула,[3] Риннюкалнс[4] и Ича.[5] В большом количестве костяные крючки представлены среди находок из озера Лудза[6] и реки Пярну,[7] довольно много их и в материале, собранном в Лубане и Двиете.[8] Среди составных крючков, происходящих с обоих последних мест, имеются, по-видимому, самые близкие параллели к экземплярам из Акали. Среди неолитических рыболовных крючков встречается довольно много разновидностей, но для их классификации имеющийся материал еще не разработан.

О ловле рыбы при помощи сетей свидетельствует найденный в раскопе D обломок поплавка из сосновой коры.[9] К сожалению, этот предмет впоследствии полностью погиб, поэтому нельзя проверить достоверность имеющихся о нем данных. Наличие поплавка все же вполне вероятно, если учесть, что, с одной стороны, на прилегающих к берегу участках поселения Акали сохранилась сосновая кора, а с другой стороны, если принять во внимание, что имеются значительно более ранние находки остатков сетей, среди них и поплавков, например из Сийвертси[10] на территории города Нарвы и из Антреа[11] в Ленинградской области. Упомянутый выше поплавок из Акали, залегавший в верхнем горизонте культурного слоя, явно попал туда в то время, когда центральная часть стоянки в некоторой степени уже отодвинулась дальше от берега. Таким образом, его нужно считать синхронным с поздней ямочно-гребенчатой керамикой или даже еще более молодым. Естественно, что рыболовные сети хранились на территории, расположенной между стоянкой и берегом. В связи с этим возникает вопрос, не употреблялись ли найденные в примыкающих к реке раскопах (A, P) свитки бересты в качестве поплавков? Поплавки как из сосновой коры, так и из бересты найдены в значительном количестве на поселении Сарнате.[12]

К орудиям рыбной ловли следует, по-видимому, причислить еще один предмет, извлеченный в Кулламяги из раскопа B. Это обломок палочки из песчаника (рис. 21 : 3), имеющей небрежно граненные поверхности. Длина его 2,1 см, диаметр 1,3 и 1,5 см. На сохранившемся в неповреж-

---

[1] Древние поселения и городища, стр. 190, рис. 54 : 10.

[2] Там же, стр. 165.

[3] Янитс, Новые данные, стр. 188, рис. 16 : 1, 2.

[4] RK 1930, табл. 4 : 17, 18. ИИ № 1234 : 9; 1368 : 90.

[5] МИЛ № 64148; 64206.

[6] Краеведческий музей в Лудзе (по рисункам P. Шноре).

[7] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 315 и сл., рис. 78 : 1, 2, 4, 5.

[8] МИЛ.

[9] ИИ № 3800 : 492.

[10] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 325 и сл., рис. 79 : 1.

[11] S. Pälsi, Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg. SMYA XXVIII : 2, Helsinki 1920, табл. VI : 22. H. Lindberg, Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplatz bei Korpilahti, Kirchspiel Antrea, Län Viborg. SMYA XXVIII : 3, Helsinki 1920.

[12] Древние поселения и городища, стр. 144, табл. XXIX : 2—11.

денном виде конце палочки имеется зарубка, которая продолжается, но менее отчетливо, по обе стороны вдоль противолежащих боков палочки. Зарубка предназначалась, видимо, для прикрепления предмета к веревке. Возможно, что мы имеем в данном случае дело с грузилом для небольшой сети. Такие продолговатые грузила с зарубками на концах известны с неолитических стоянок юго-западной Карелии и Финляндии.[1] Один небольшой экземпляр с зарубкой только на одном конце имеется в инвентаре стоянки Вилла.[2] Такими же зарубками снабжены на обоих концах небольшие поплавки из сосновой коры, найденные в Сарнате.[3] Обломок из Кулламяги залегал в средней части культурного слоя и может быть синхронизирован в одинаковой степени как с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с поздней шнуровой или текстильной керамикой.

В. ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ СЫРЬЯ И ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

В противоположность орудиям охоты и рыбной ловли, орудия, употребляемые для обработки сырья, найдены в поселениях района устья реки Эмайыги в большом количестве, так что наряду с керамикой эта категория предметов составляет преобладающую часть инвентаря стоянок. Эти предметы дают некоторое представление о проводившихся в поселениях работах. Они, конечно, не могут дать полной картины, так как орудия и части орудий, изготовлявшиеся из дерева, растительного волокна, кожи и других органических веществ, не сохранились. Только на приречном участке стоянки Акали сохранилось некоторое количество костяных изделий.

Больше всего инвентарь наших стоянок содержит орудий, предназначенных для обработки дерева и шкур животных. В первую очередь для обработки дерева применялись, несомненно, каменные несверленные топоры и долота, из которых особенно последние имеют разную, частично специализированную для различных работ форму. Для изготовления предметов домашнего обихода из древесной коры и бересты, а также из тростника и других пригодных для этого растений употреблялись, по-видимому, костяные долота и кочедыки. Для некоторых видов обработки дерева, между прочим для отделки деревянных изделий, применялись кремневые ножи, сверла и некоторые виды скребков (например, скребки с вогнутым лезвием для обтачивания древка стрел и других орудий). В еще большей мере кремневые скребки, ножи и другие мелкие орудия

---

[1] Pälsi, Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa, стр. 136 и сл., табл. XI : 7. Meinander, Kiukaiskultur, рис. 95 : a.

[2] ИИ № 4037 : 927.

[3] Древние поселения и городища, табл. XXIX : 2, 4—6.

применялись, вероятно, для обработки шкур. Сюда можно добавить еще костяные проколы и иглы, которые надо также рассматривать главным образом как орудия для обработки кожи.

Специальные орудия для обработки кости и рога — резцы известны на рассматриваемых стоянках, по сравнению с другими неолитическими стоянками Восточной Прибалтики, в довольно большом количестве, но по числу они все же значительно уступают другим кремневым изделиям (например, скребкам и ножам). Можно, однако, с полной уверенностью сказать, что для обработки кости и рога употреблялись не только резцы, но и еще ряд других орудий, которыми обрабатывалось также дерево или камень. Что касается изготовления каменных изделий, то важнейшими орудиями обработки кристаллических каменных пород являлись шлифовальные камни, обломки которых найдены на стоянках в довольно большом количестве. О других орудиях обработки камня имеется мало данных. Встречаются единичные отбойники, которые применялись, вероятно, для того, чтобы придать предмету первичную форму; один кусок тонкой пластинки песчаника можно принять за обломок пилы. Таков весь материал, который может быть связан с изготовлением предметов из камня. Особенно слабо представлены орудия для обработки кремня, хотя найденные на стоянках осколки этой породы, некоторые нуклеусы и полуготовые кремневые изделия свидетельствуют о том, что обработка кремня имела здесь место.

Из других орудий труда и домашнего обихода обитателей стоянок найдены лишь единичные экземпляры. Многие обломки изделий настолько мелки, что нет возможности определить их принадлежность.

Прежде всего следует упомянуть два обломка *проушных топоров*. Один из них сохранился в значительной своей части, полностью обломалось лишь лезвие (рис. 21 : 1). Очевидно, предмет представляет собой простой рабочий топор. По форме он сравнительно толстый, с округлыми боковыми контурами и суживающимся обухом. Широкие стороны отшлифованы плоскими, бока же имеют в поперечном сечении несколько выпуклую форму, причем между плоскостями и боками иногда слегка обрисовываются ребра. Проушина расположена асимметрично, несколько ближе к одному боку и проходит через топор немного наискось. Сверление проушины производилось с обеих сторон, притом настолько точно, что шов едва заметен. Частичное повреждение обуха топора указывает на то, что и обух применялся для ударов. Длина топора достигает 8,8 см, ширина в месте проушины до 6 см, толщина везде одинаковая — 4,5 см. Диаметр проушины равен на поверхности предмета 2 см, а в средней части 1,8 см.

От второго топора мы имеем только небольшой фрагмент. На одном краю этого фрагмента сохранилась часть поверхности проушины, а противоположный край составляет частицу отшлифованной боковой поверхности (рис. 21 : 2). Широкие стороны не сохранились. Из-за малых размеров обломка нельзя точно установить форму топора, но можно полагать,

что он был похож по типу на предыдущий экземпляр. Диаметр проушины доходил до 2,4 см. Судя по этому диаметру, а также по расстоянию между проушиной и боковым краем, можно заключить, что топор имел несколько бóльшие размеры, чем ранее описанный, и что его ширина достигала, возможно, 6,5 см.

Оба обломка проушных топоров найдены в Кулламяги. Первый происходит из северного конца раскопа B, где он лежал в верхнем горизонте культурного слоя вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой и с перемешанными с ней черепками поздней шнуровой и текстильной керамики. Второй обломок топора обнаружен в раскопе F, также в верхнем горизонте культурного слоя, и его можно синхронизировать, вероятно, с ранней текстильной керамикой.

На территории Эстонской ССР Кулламяги является первой стоянкой неолитического характера, на которой найдены проушные топоры.[1] Эти топоры представляют собой простые экземпляры, при обработке которых не преследовалось особенной точности и не обращалось внимания на украшающие детали, наблюдаемые на некоторых типах боевых топоров. Аналогичные топоры довольно часто встречались в пределах нашей республики, но пока лишь в виде случайных находок.[2] Между прочим, целых три топора найдены в г. Тарту или в ближайшей его окрестности,[3] т. е. на территории, смежной с районом устья реки Эмайыги, с которым имелась прямая связь по реке Эмайыги. На территории Латвийской ССР простые проушные топоры обнаружены не только в виде случайных находок, но и в нескольких могильниках. Так, например, один небольшой экземпляр найден вместе с человеческими костями, кремневым долотом и дугообразным костяным острием в Айзупе, Кандавского района.[4] Этот топор имеет некоторые признаки, позволяющие считать его поздним ладьевидным топором крайне упрощенной формы. Другой топор простого типа, который как будто имеет довольно большое сходство с топором из Кулламяги, происходит из курганного могильника в Резнесе.[5] Этот топор имеет только более широкий обух. Один обломок простого проушного топора (в общем той же формы) найден на территории стоянки Ича.[6]

Большинство каменных топоров и долот со стоянок в районе устья реки Эмайыги принадлежит к несверленным экземплярам.

---

[1] Половина ладьевидного топора, найденная в Валма, происходит, по-видимому, из инвентаря поселения культуры боевых топоров.

[2] Например, ИИ № 2490 : 6 (Хяэдемээсте), 26 (Тарвасту), 28 (Вигала), 55 (окрестность Пярну); 2643 : 23 (Мартна), 24 (Пилиствере), 26 (Тюри) и др.

[3] ИИ № 586; 1271; 3817.

[4] Grewingk, Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche, стр. 7 (№ 14). Šturms, Akmenslaikmets Latvijā II, стр. 23, рис. 13.

[5] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 29 : 9.

[6] МИЛ № 64205.

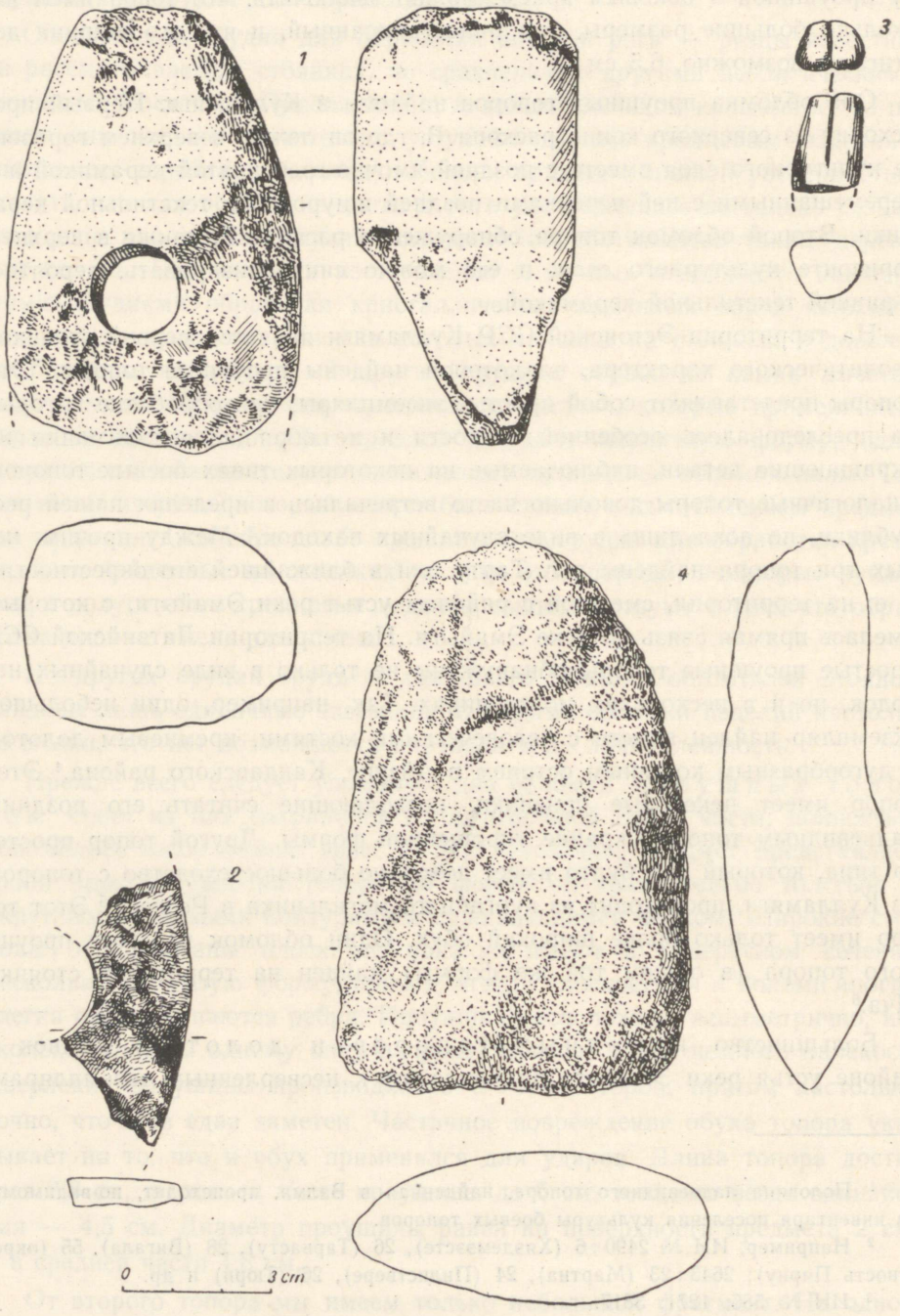


Рис. 21. Каменные топоры и грузило с поселений Кулламяги *(1—3)* и Акали *(4)*. *1* — ИИ № 4045 : 257 (раскоп В), *2* — 4045 : 1107 (F), *3* — 4045 : 752 (В), *4* — 4013 : 5167 (J).

Все они изготовлены из кристаллических пород. Они также найдены в большинстве случаев в поломанном виде, и только единичные долота сохранились более или менее целыми. Если учесть все, даже самые маленькие обломки каменных топоров и долот, то общее число их в инвентаре обеих стоянок доходит до 118, из них 101 из Акали и 17 из Кулламяги. Примерно половину этого количества составляют, однако, такие обломки, по которым нельзя установить ни форму, ни тип соответствующих предметов.

Экземпляров, которые, судя по их размерам, следует считать топорами без сверлин, найдено четыре. Все они характеризуются округлыми формами и отсутствием острых ребер. Поперечное сечение овальное, широкие стороны уплощены, но не совсем плоские, переход от них к бокам закругленный. Топоры имеют значительную толщину, причем максимальная толщина у них располагается в средней части. По направлению к лезвию они постепенно расширяются. Лезвие было, очевидно, несколько округленным. Судя по симметрическому расположению лезвия, топорище располагалось параллельно последнему. Общее представление о форме этих топоров дает топор, изображенный на рис. 21 : 4. Но его поверхность под воздействием гумусовых кислот совершенно разъедена. Длина топора 11,2 см, ширина лезвия 7,1 см, толщина 3,7 см. У топора, изображенного на рис. 22 : 2, поверхность менее повреждена, но лезвие совершенно обломалось. Длина сохранившейся части 12,8 см, ширина у обуха 4,5 см, около лезвия 7,1 см, толщина до 4,2 см. От третьего экземпляра (рис. 22 : 1), сломавшегося продольно, найдена примерно половина. Поверхность его лучше сохранилась, чем у предыдущих, и свидетельствует о тщательной шлифовке, особенно у лезвия. Длина топора 13,5 см, толщина 4,5 см. От четвертого крупного топора найден лишь небольшой обломок, принадлежащий средней части предмета.[1] На нем сохранилась небольшая часть обоих боков и одной плоскости. Ширина топора в средней части составляет 6,6 см, следовательно размеры его были примерно такие же, как у предыдущих экземпляров.

Из описанных топоров первые два были найдены в раскопе J стоянки Акали, где они залегали на глубине, соответствующей третьей стадии ямочно-гребенчатой керамики. Третий экземпляр был найден в раскопе B этой же стоянки, в верхнем горизонте культурного слоя, где наряду с поздней ямочно-гребенчатой керамикой в небольшом количестве встречается и ранняя шнуровая керамика. Четвертый обломок происходит из Кулламяги. Он найден в раскопе F, в верхней части культурного слоя, вместе с ранней текстильной керамикой.

Каменные долота относятся к нескольким типам. Некоторые экземпляры имеют особенно ясно выраженные типовые признаки, но встречаются и такие, отнесение которых к какому-либо определенному типу

---

[1] ИИ № 4045 : 1066.

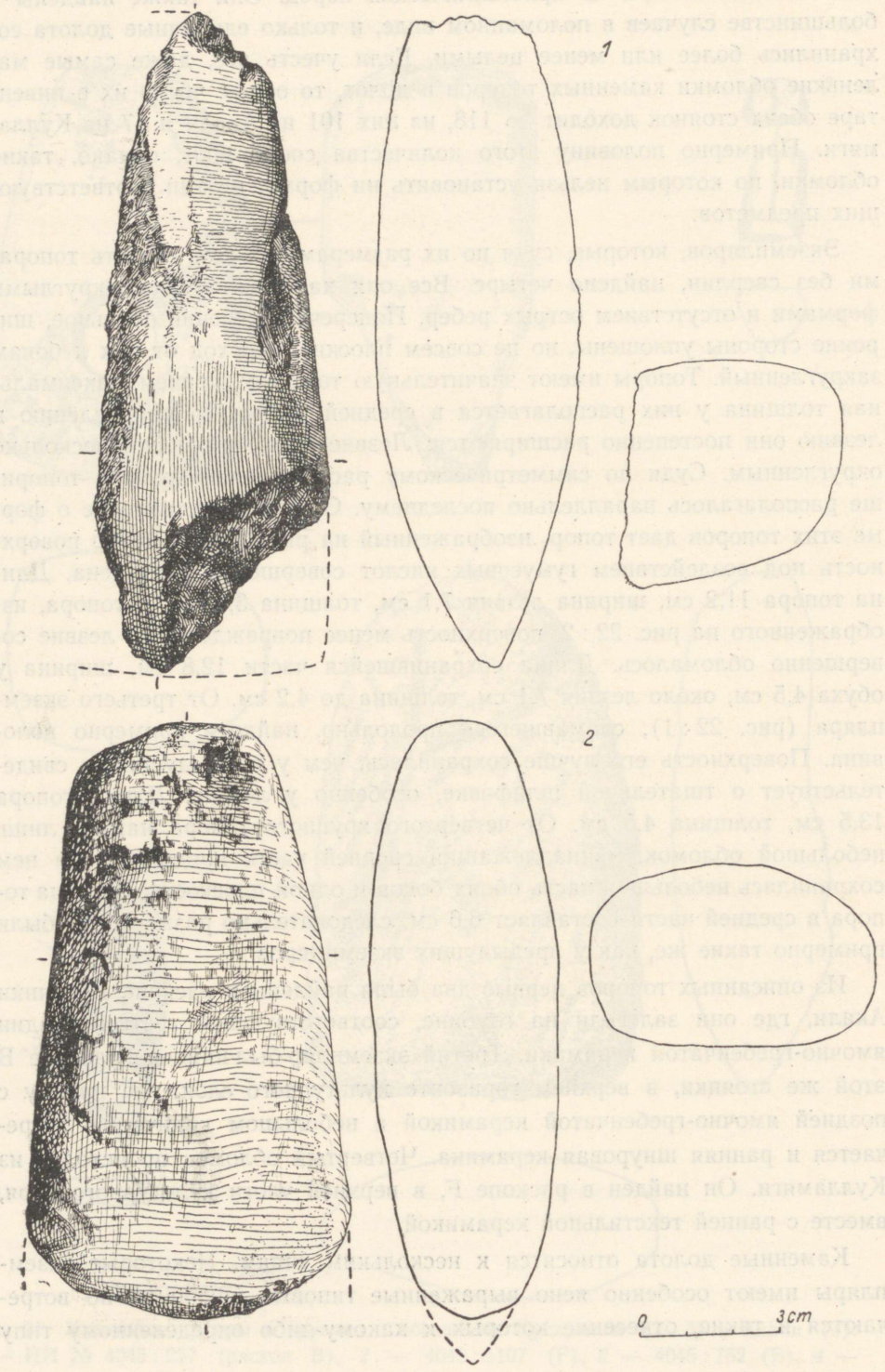


Рис. 22. Каменные топоры с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 202 (раскоп В), *2* — 4013 : 3906 (J).

затруднительно. Наряду с другими видами долот встречаются долота желобчатые и когтевидные (с желобком вдоль лезвия).

Прежде всего остановимся на долотах, по своей форме близких к описанным выше топорам без проушин. Найдено шесть таких долот, среди них четыре в Акали (рис. 23 : 2, 4; 24 : 1, 2), два в Кулламяги (рис. 23 : 1, 3). Все долота имеют значительную толщину, несколько суживающийся обух и расширяются к лезвию. Лезвие слегка округлено. Поперечное сечение долот приближается к четырехугольнику, несколько закругленному. Широкие стороны и бока слегка выпуклые, острых ребер между ними нет. Острые ребра встречаются лишь на прилегающих к лезвию частях, так как долота заострялись довольно круто. Само лезвие большей частью не вполне симметрично и наклонено несколько ближе к одной стороне. Все же отклонение не сильно выражено, и скорее всего мы имеем дело только с небрежной обработкой. Только у одного, самого толстого экземпляра (рис. 23 : 1) лезвие заострено лишь с одной стороны. Долота по всей поверхности отшлифованы, но тщательнее всего у лезвия. Заслуживает внимания тот факт, что у всех долот отломаны или повреждены обухи. Это обстоятельство указывает, что рабочей частью долот служили также и обухи. Остается неясным, употреблялись ли долота в качестве молотков, как это имеет место у современных топоров, или же просто ударяли по самому обуху, как это делают, например, при расколке стволов дерева. Длина более или менее сохранившихся экземпляров колеблется между 7,1 и 8,4 см, ширина у лезвия 4,2—5 см, толщина 2,3—2,9 см. Исключение составляет долото, изображенное на рис. 23 : 2, которое значительно у́же других (у лезвия 3 см), и долото на рис. 23 : 1, которое имеет бо́льшую толщину, чем остальные экземпляры этой группы (до 3,6 см).

Из рассматриваемых долот, найденных в Акали, одно (рис. 23 : 2) обнаружено в верхнем горизонте раскопа С, где оно залегало рядом с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии и с черепками ранней шнуровой керамики. Второе долото (рис. 23 : 4) извлечено из раскопа М, из залегавшего над культурным слоем коричневого торфа. Оно должно быть более позднего происхождения, чем вещи, обнаруженные в культурном слое этого раскопа, и соответствовать хронологически второй или даже третьей стадии ямочно-гребенчатой керамики. Остальные два обломка долот из Акали залегали в средних квадратах раскопа J, один (рис. 24 : 2) в самом глубоком горизонте культурного слоя вместе с ямочно-гребенчатой керамикой первой и второй стадии, а второй (рис. 24 : 1) в средней части культурного слоя на той же глубине, что и ямочно-гребенчатая керамика второй и третьей стадии. Из долот со стоянки Кулламяги толстый с поперечным лезвием экземпляр (рис. 23 : 1) найден в раскопе К вместе с поздней шнуровой и соответствующей ей текстильной керамикой. Второе долото (рис. 23 : 3) находилось в верхнем горизонте культурного слоя раскопа F, где встречалась преимущественно ранняя текстильная керамика.

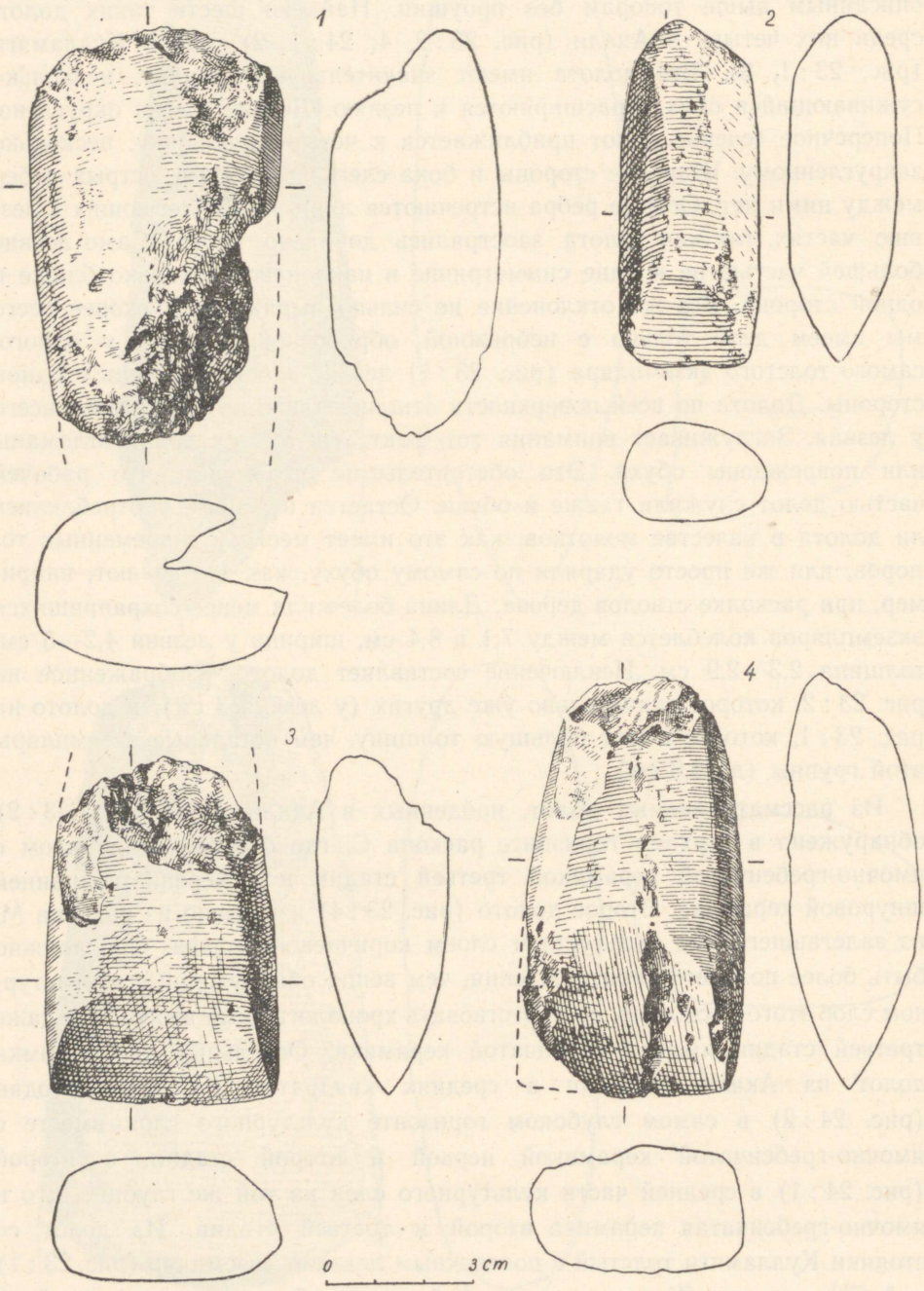


Рис. 23. Каменные долота с поселений Кулламяги *(1, 3)* и Акали *(2, 4)*. *1* — ИИ № 4045 : 1250 (раскоп К), *2* — 3800 : 240 (С), *3* — 4045 : 1098 (F), *4* — 4013 : 8222 (М).

Долота, причисляемые к следующей группе, более плоские и тонкие, чем предыдущие. По сравнению с обушком, их лезвие значительно расширяется, вследствие чего эти долота имеют подтреугольную форму (рис. 24 : 3, 4; 25; 26 : 1). Широкие плоскости всегда ровные, часто ровные и бока, которые отделены от плоскостей острыми ребрами. У типичных экземпляров поперечное сечение продолговато-четырехугольное. Некоторые же экземпляры показывают, что отделке боков не уделялось особого внимания. Лезвие у большинства долот расположено довольно симметрично посередине предмета и имеет прямую или несколько округлую форму. Обушек оканчивается на некоторых экземплярах почти остро, а на других закругленно. Шлифовка охватывает всю поверхность. Всего к этой группе отнесено 11 долот. Они имеют весьма различную величину, которую из-за фрагментарности большинства экземпляров невозможно точно установить. Самое крупное долото (рис. 24 : 3) раскололось уже в полузаконченном состоянии. Окончательная форма придана ему шлифовкой. Сохранившаяся сторона и одна боковая грань более или менее закончены. Другая боковая грань обработана лишь наполовину, а обух еще совершенно не отделан. Лезвию придана основная форма, но оно еще не заточено. Описанный экземпляр по своей длине в 12,5 см и ширине лезвия в 6,7 см соответствует несверленным топорам. По типу же он отличается от описанных выше топоров. Следующие по размерам экземпляры (рис. 25 : 5, 6) настолько фрагментарны, что можно измерить лишь их толщину, достигающую 2,5 и 2,2 см. Два долота имеют средние размеры (рис. 24 : 4; 25 : 4). Одно из них длиной 7,4 см, шириной 4,1 см [1] и толщиной до 1,5 см. Пять долот (рис. 25 : 1, 2, 7; 26 : 1) относятся к числу небольших и имеют длину от 4,3 до 6 см, ширину 2,4—3,7 см и толщину 1,1—1,6 см. Наконец, следует упомянуть фрагмент одного долота еще меньших размеров, чем остальные (рис. 25 : 3), ширина лезвия которого равна 2,4 см, а толщина всего 0,6 см.

Все описанные долота найдены на стоянке Акали. Пять из них обнаружены в раскопе J, в то время как из раскопов A, C, H, I, Q и из шурфа 3 извлечено по одному экземпляру. Большинство рассматриваемых долот, судя по их стратиграфическому положению, можно синхронизировать как с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии, так и с ранней шнуровой и текстильной керамикой, а некоторые также с поздней шнуровой и соответствующей ей текстильной керамикой. Только два долота, найденные в раскопе J (рис. 25 : 1, 7), можно определенно отнести ко времени не позже бытования ямочно-гребенчатой керамики третьей стадии. Два же других долота следует синхронизировать с более поздней керамикой, а именно долото из раскопа Q [2] — с ранней текстильной керамикой и экземпляр с четко выраженным четырехугольным поперечным сечением из раскопа I (рис. 26 : 1) — с керамикой эпохи раннего металла.

---

[1] Лезвие было шире, но из-за фрагментарности одного края его нельзя измерить.

[2] ИИ № 4013 : 8568. Долото распалось на мелкие куски.

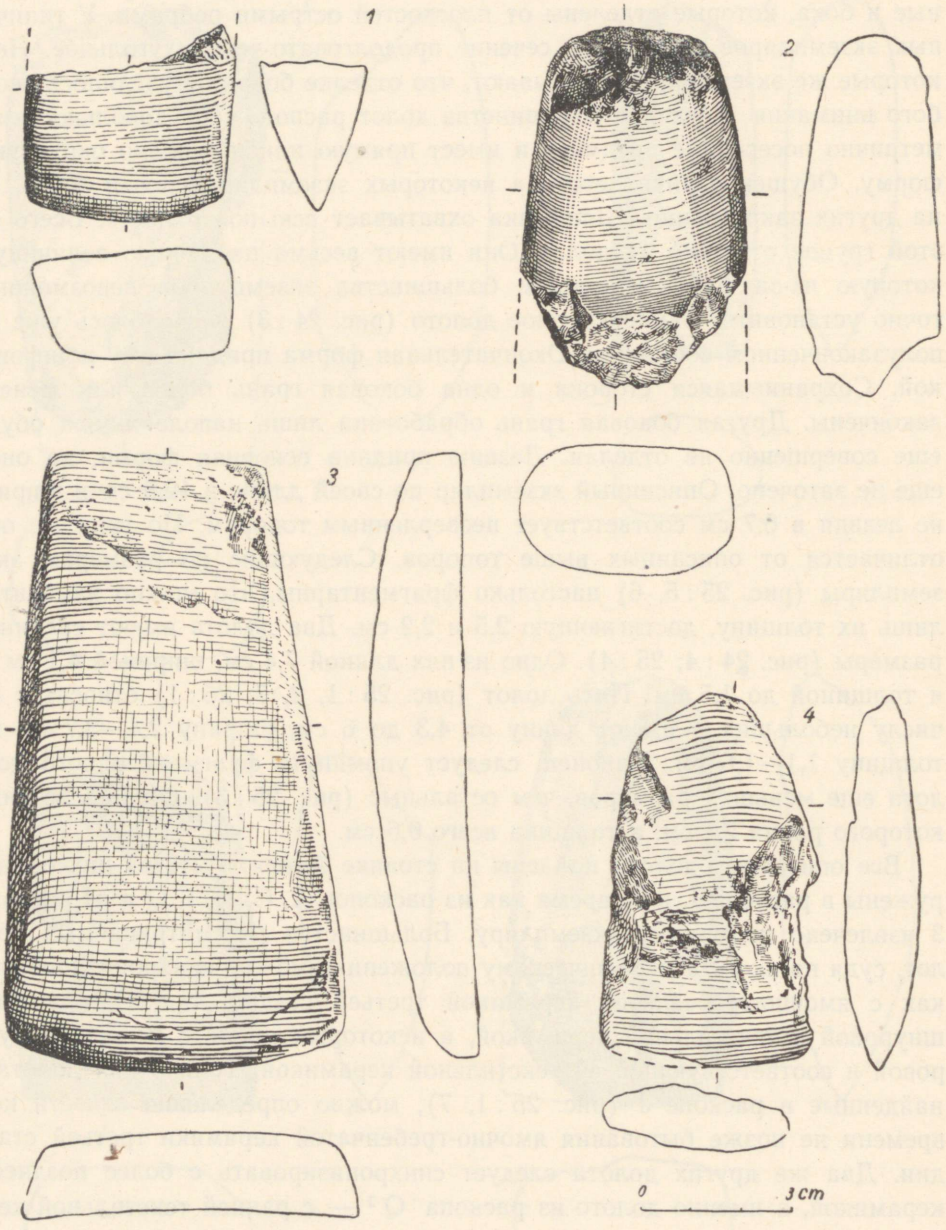


Рис. 24. Каменные долота с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 5338 (раскоп J), *2* — 4013 : 6638 (J), *3* — 4013 : 378 (H), *4* — 3661 : 90 (шурф 3).

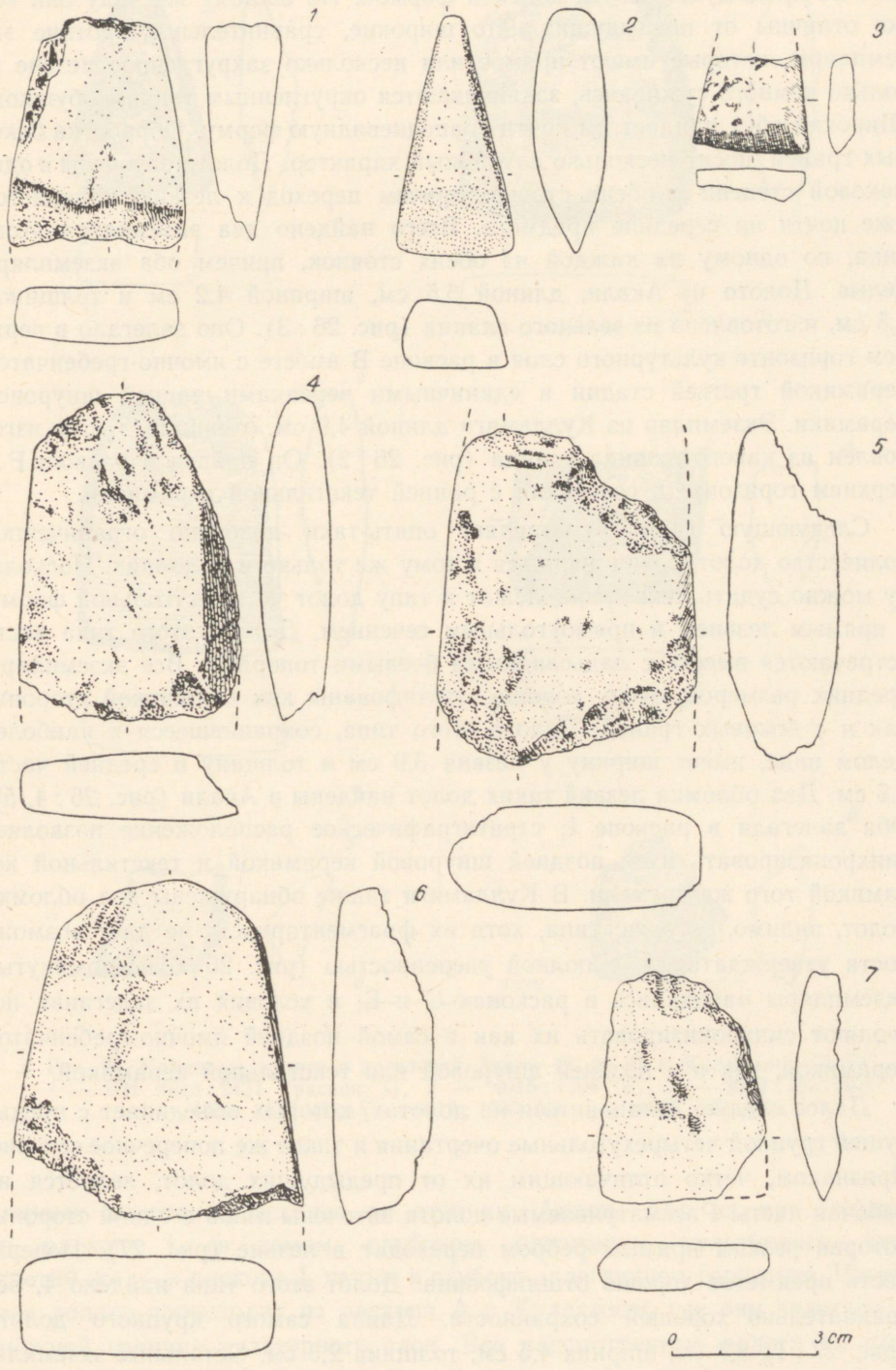


Рис. 25. Каменные долота с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 4808 (раскоп J), *2* — 3800 : 2 (A), *3* — 3800 : 309 (C), *4* — 4013 : 4182 (J), *5* — 4013 : 5087 (J), *6* — 4013 : 5085 (J), *7* — 4013 : 4103 (J).

Немногочисленную группу составляют долота (рис. 26 : 2, 3), похожие на предыдущие своей плоской формой. По общему же виду они все же отличны от предыдущих. Это широкие, сравнительно короткие экземпляры, которые имеют прямое или несколько закругленное лезвие и, только немного суживаясь, заканчиваются округленным тонким обушком. Широкий обух придает им почти трапециевидную форму. Обработка боковых граней носит несколько случайный характер. Долота заточены в одинаковой степени с обеих сторон, причем переход к лезвию начинается уже почти на середине предмета. Всего найдено два экземпляра этого типа, по одному на каждой из обеих стоянок, причем оба экземпляра целые. Долото из Акали, длиной 5,5 см, шириной 4,2 см и толщиной 1,5 см, изготовлено из зеленого сланца (рис. 26 : 3). Оно залегало в верхнем горизонте культурного слоя в раскопе В вместе с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии и единичными черепками ранней шнуровой керамики. Экземпляр из Кулламяги длиной 4,9 см, очевидно, также изготовлен из какого-то вида сланца (рис. 26 : 2). Он найден в раскопе F в верхнем горизонте в сочетании с ранней текстильной керамикой.

Следующую группу составляет опять-таки довольно ограниченное количество долот, сохранившихся к тому же только в обломках. Поскольку можно судить, они принадлежат к типу долот четырехугольной формы с прямым лезвием и прямоугольным сечением. Долота этого типа часто встречаются вместе с ладьевидными боевыми топорами. Все экземпляры средних размеров, очень хорошо отшлифованы как с широкой стороны, так и с боковых граней. Долото этого типа, сохранившееся в наиболее целом виде, имеет ширину у лезвия 3,9 см и толщину в средней части 1,5 см. Два обломка лезвий таких долот найдены в Акали (рис. 26 : 4, 5). Оба залегали в раскопе I; стратиграфическое расположение позволяет синхронизировать их с поздней шнуровой керамикой и текстильной керамикой того же времени. В Кулламяги также обнаружены два обломка долот, видимо, того же типа, хотя их фрагментарность не дает возможности утверждать это с полной уверенностью (рис. 26 : 6). Упомянутые экземпляры находились в раскопах С и Е, и условия их залегания позволяют синхронизировать их как с самой поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с поздней шнуровой или текстильной керамикой.

Далее следует остановиться на долотах, которых объединяет с предыдущей группой четырехугольные очертания и такое же поперечное сечение. Признаком, четко отличающим их от предыдущих долот, является их рабочая часть. Рассматриваемые долота заточены лишь с одной стороны, которая резким прямым ребром переходит в лезвие (рис. 27). Поверхность предметов хорошо отшлифована. Долот этого типа найдено 4, все сравнительно хорошей сохранности. Длина самого крупного долота (рис. 27 : 1) 8,7 см, ширина 4,5 см, толщина 2,3 см. Остальные экземпляры изготовлены из сланца. Соответствующие из размеры, в той же последовательности, составляют $5{,}7 \times 3{,}6 \times 1{,}4$ см (рис. 27 : 4); $3{,}5 \times 2{,}5 \times 1$ см (рис. 27 : 3) и $5{,}4 \times 3{,}1 \times 1$ см (рис. 27 : 2). Три

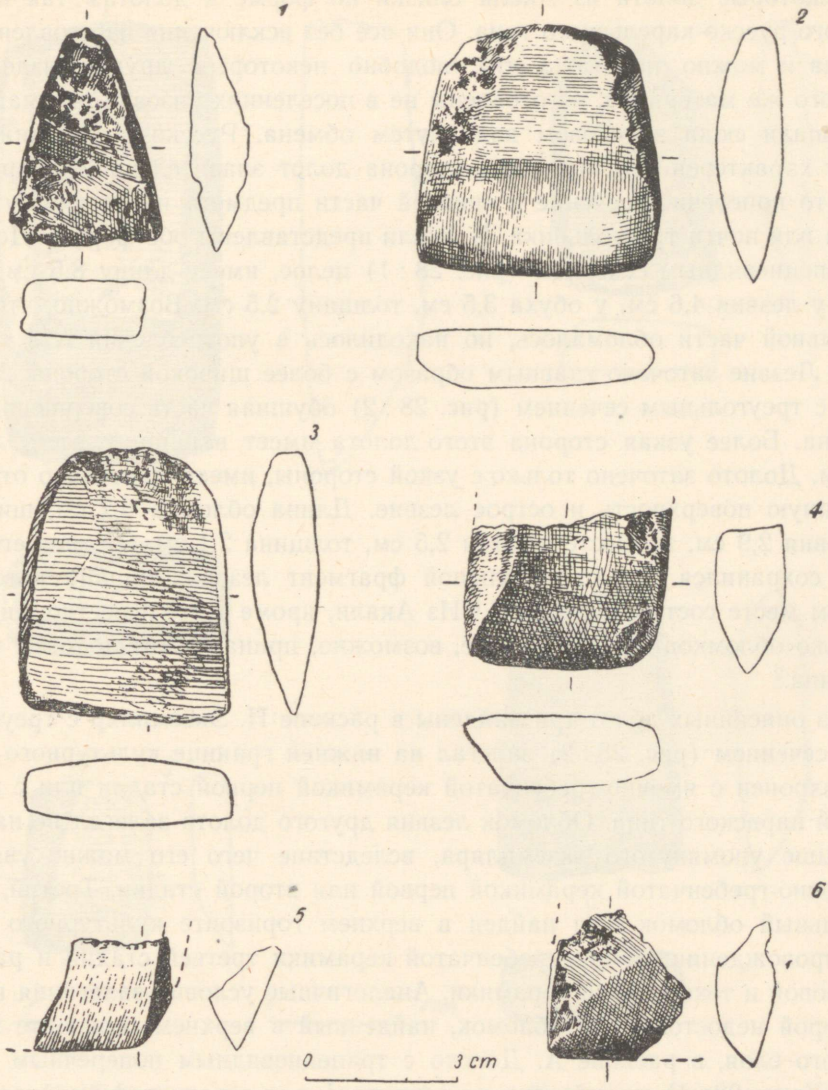


Рис. 26. Каменные долота с поселений Акали (*1*, *3—5*) и Кулламяги (*2*, *6*).
1 — ИИ 4013 : 2431 (раскоп I), *2* — 4045 : 1104 (F), *3* — 3800 : 151 (B), *4* — 4013 : 1615 (I), *5* — 4013 : 1560 (I), *6* — 4045 : 571 (C).

первых долота происходят со стоянки Акали. Два из них найдены в раскопе L, в самом глубоком отложении культурного слоя, третий же — в раскопе J, также в глубоко залегающем горизонте. Четвертое долото происходит из раскопа A в Кулламяги, где оно залегало на нижней границе культурного слоя. Все рассмотренные долота по стратиграфическим условиям их залегания могут быть синхронизированы с ямочно-гребенчатой керамикой второй стадии, а самый маленький экземпляр (рис. 27 : 3), возможно, даже первой стадии.

Некоторые долота из Акали близки по форме к долотам так называемого русско-карельского типа. Они все без исключения изготовлены из сланца и можно полагать, что, подобно некоторым другим изделиям из этого же материала, изготовлены не в поселениях низовья р. Эмайыги, но попали сюда в готовом виде путем обмена. Русско-карельский тип долот характерен тем, что одна сторона долот значительно уже другой, так что поперечное сечение в средней части предмета имеет форму трапеции или почти треугольника. В Акали представлены обе формы. Долото с трапециевидным сечением (рис. 28 : 1) целое, имеет длину 8,5 см, ширину у лезвия 4,6 см, у обуха 3,5 см, толщину 2,5 см. Возможно, что оно в тыльной части обломалось, но находилось в употреблении и в таком виде. Лезвие заточено главным образом с более широкой стороны. У долота с треугольным сечением (рис. 28 : 2) обушная часть совершенно обломана. Более узкая сторона этого долота имеет в ширину всего лишь 0,3 см. Долото заточено только с узкой стороны, имеет тщательно отшлифованную поверхность и острое лезвие. Длина обломка 6,2 см, ширина у лезвия 2,9 см, на месте полома 2,5 см, толщина 2,1 см. От третьего долота сохранился только небольшой фрагмент лезвия, ширина которого в этом месте составляет 3,8 см.[1] Из Акали, кроме того, известно еще несколько обломков долот, которые, возможно, принадлежат долотам этого же типа.[2]

Из описанных долот три найдены в раскопе Н. Экземпляр с треугольным сечением (рис. 28 : 2) залегал на нижней границе культурного слоя и синхронен с ямочно-гребенчатой керамикой первой стадии или с керамикой нарвского типа. Обломок лезвия другого долота залегал не намного выше упомянутого экземпляра, вследствие чего его можно увязать с ямочно-гребенчатой керамикой первой или второй стадии. Третий, сомнительный обломок был найден в верхнем горизонте культурного слоя в сопровождении ямочно-гребенчатой керамики третьей стадии и ранней шнуровой и текстильной керамики. Аналогичные условия залегания имеет и второй недостоверный обломок, найденный в верхнем горизонте культурного слоя, в раскопе А. Долото с трапециевидным поперечным сечением (рис. 28 : 1) происходит из раскопа J, где стратиграфические условия его залегания позволяют синхронизировать его с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии.

Далее мы встречаем на стоянке Акали немногочисленную группу плоских долот четырехугольного сечения и в основном четырехугольной формы. У обушка они несколько суживаются, причем обух часто несколько скошен в одну сторону. Наиболее характерным признаком этой группы долот является их рабочая часть, которая заточена лишь с одной стороны. Лопасть переходит в рабочую часть постепенно, без ясной границы между той и другой. Соответствующие долота изготовлены из разных по-

---

[1] ИИ № 4013 : 663.

[2] ИИ № 3800 : 55; 4013 : 152.

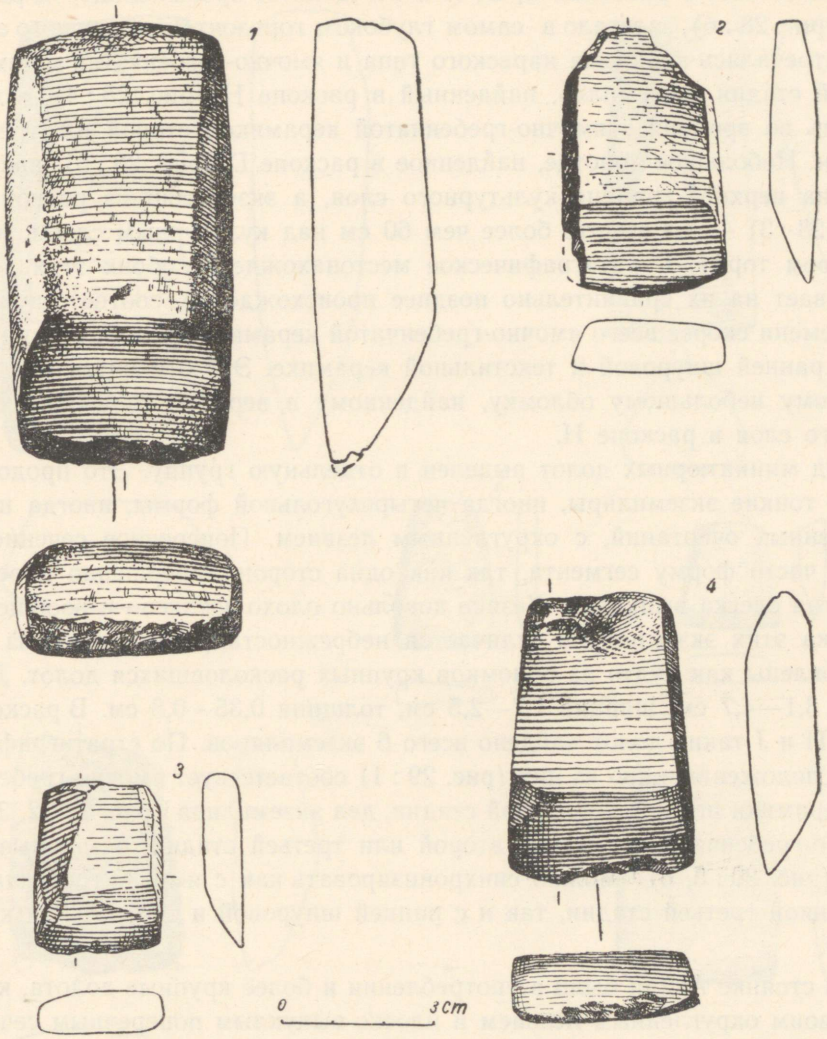


Рис. 27. Каменные долота с поселений Акали *(1, 3, 4)* и Кулламяги *(2)*. *1* — ИИ № 4013 : 8072 (раскоп L), *2* — 4045 : 910 (A), *3* — 4013 : 4404 (J), *4* — 4013 : 8045 (L).

род камня, между прочим и из сланца, а один экземпляр даже из мелкозернистого песчаника. Размер их небольшой. Самый крупный экземпляр (рис. 28 : 3) имеет длину 4,5 см, ширину у лезвия 3,5 см, у обушка 2,7 см и толщину до 1,6 см. Размеры остальных трех долот, приводимые в той же последовательности (в скобках дана ширина обушка), следующие: 4 × 3,2 (2,5) × 1,7 см (рис. 28 : 6); 2,9 × 2 (1,2) × 0,5 см (рис. 28 : 4); 2 × 1,9 (1,4) × 0,7 см (рис. 28 : 5). Кроме указанных экземпляров, имеется еще небольшой обломок, который принадлежит, очевидно, долоту того же типа.[1] Как уже сказано, все рассматриваемые долота найдены на

[1] ИИ № 4013 : 20.

стоянке Акали, в раскопах C, D, H и M. Долото, происходящее из раскопа C (рис. 28 : 6), залегало в самом глубоком горизонте культурного слоя, где встречалась керамика нарвского типа и ямочно-гребенчатая керамика первой стадии. Экземпляр, найденный в раскопе H (рис. 28 : 4), можно увязать во времени с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии. Небольшое долотце, найденное в раскопе D (рис. 28 : 5), находилось на верхней границе культурного слоя, а экземпляр из раскопа M (рис. 28 : 3) — на высоте более чем 60 см над культурным слоем, в коричневом торфе. Стратиграфическое местонахождение обоих этих долот указывает на их сравнительно позднее происхождение, соответствующее по времени скорее всего ямочно-гребенчатой керамике третьей стадии или даже ранней шнуровой и текстильной керамике. Это относится и к упомянутому небольшому обломку, найденному в верхнем горизонте культурного слоя в раскопе H.

Ряд миниатюрных долот выделен в отдельную группу. Это продолговатые тонкие экземпляры, иногда четырехугольной формы, иногда неопределенных очертаний, с округленным лезвием. Поперечное сечение их имеет часто форму сегмента, так как одна сторона совершенно плоская, а другая слегка выпуклая. Лезвие довольно плохо заточено и вообще обработка этих экземпляров отличается небрежностью. Некоторые из них изготовлены как будто из обломков крупных расколовшихся долот. Длина их 3,1—4,7 см, ширина 1,7—2,5 см, толщина 0,35—0,8 см. В раскопах A, B, H и J таких долот найдено всего 6 экземпляров. По стратиграфическому положению одно из них (рис. 29 : 1) соответствует ямочно-гребенчатой керамики первой или второй стадии, два экземпляра (рис. 29 : 2, 3) — ямочно-гребенчатой керамике второй или третьей стадии, остальные долота (рис. 29 : 5, 6) [1] можно синхронизировать как с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии, так и с ранней шнуровой и текстильной керамикой.

На стоянке Акали были в употреблении и более крупные долота, которые своим округленным лезвием и плоско-выпуклым поперечным сечением приближаются к только что описанной группе. Их более точную форму все же невозможно установить. Найдено несколько обломков таких долот, из них один в раскопе A (рис. 29 : 7), один в раскопе J.[2] Стратиграфические условия их залегания такие же, как и самых поздних экземпляров упомянутых маленьких долот.

Одним экземпляром представлена в Акали миниатюрная узколезвийная стамеска из сланца (рис. 29 : 4). Она имеет длину всего лишь 3,3 см, ширину 1 см и такую же толщину. Поверхности хорошо отшлифованы, за исключением обуха, который не обработан. Стамеска найдена в раскопе A на глубине, соответствующей залеганию ямочно-гребенчатой керамики второй стадии.

---

[1] В дополнение к приведенным на рисунках, к ним принадлежит и самое маленькое долото этой группы — ИИ № 4013 : 4093.

[2] ИИ № 4013 : 3024.

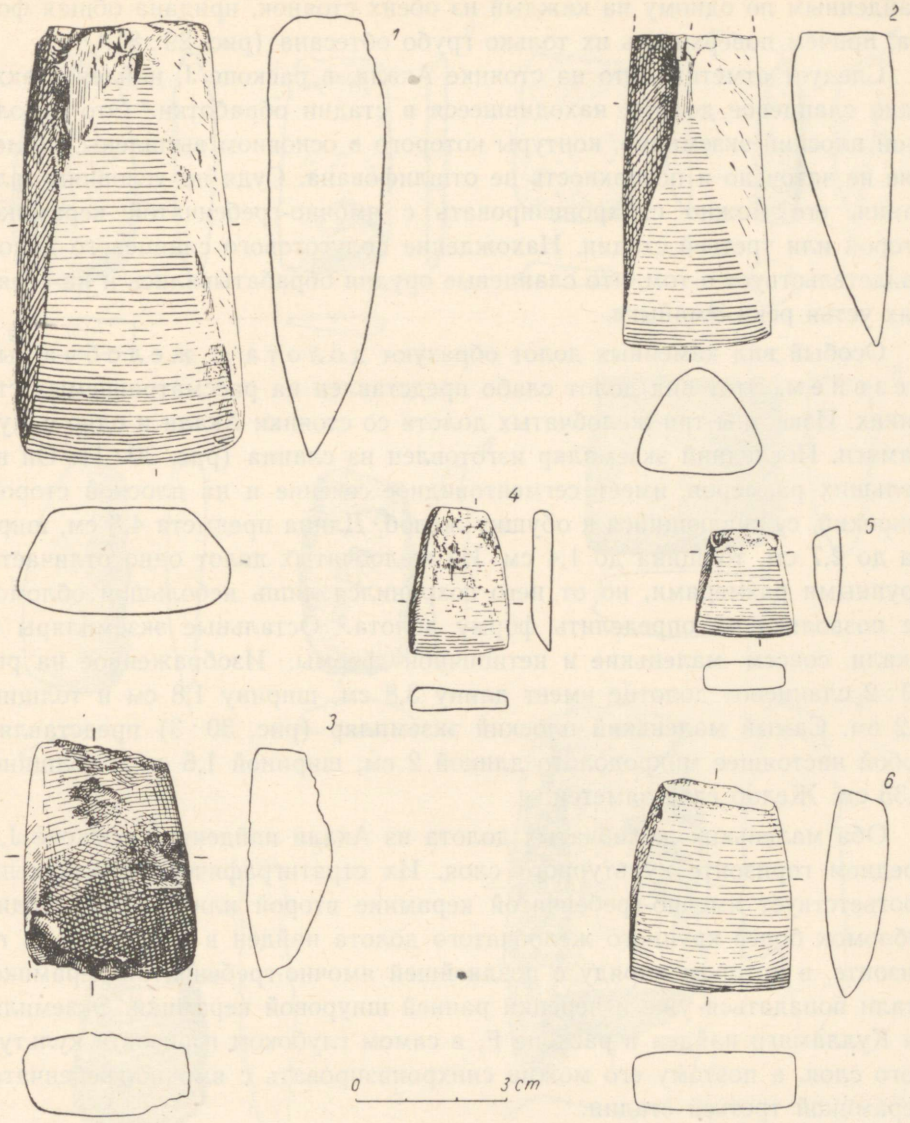


Рис. 28. Каменные долота с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 4716 (раскоп J), *2* — 4013 : 737 (H), *3* — 4013 : 8221 (M), *4* — 4013 : 239 (H), *5* — 3800 : 382 (D), *6* — 3800 : 265 (C).

Наконец, следует упомянуть несколько незаконченных долот. Одно из них (рис. 29 : 9) с поломанной рабочей частью найдено в Акали в раскопе А. Рабочая часть отшлифована, обушковая же имеет довольно поверхностную шлифовку и поперечное сечение неправильной формы. Возможно, однако, что это орудие уже было в таком виде в употреблении. Остальные полуготовые долота не отшлифованы. Двум экземплярам,

найденным по одному на каждый из обеих стоянок, придана общая форма, причем поверхность их только грубо обтесана (рис. 29 : 8).[1]

Следует отметить, что на стоянке Акали, в раскопе J, найдено также одно сланцевое долото, находившееся в стадии обработки.[2] Это небольшой плоский экземпляр, контуры которого в основном выпилены, но лезвие не заточено и поверхность не отшлифована. Судя по условиям залегания, его можно синхронизировать с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии. Нахождение полуготового сланцевого долота свидетельствует о том, что сланцевые орудия обрабатывались и на стоянках устья реки Эмайыги.

Особый вид каменных долот образуют долота с желобчатым лезвием. Этот вид долот слабо представлен на рассматриваемых стоянках. Известны три желобчатых долота со стоянки Акали и одно с Кулламяги. Последний экземпляр изготовлен из сланца (рис. 30 : 1). Он небольших размеров, имеет сегментовидное сечение и на плоской стороне широкий, суживающийся к обушку желоб. Длина предмета 4,8 см, ширина до 2,7 см, толщина до 1,4 см. Из желобчатых долот одно отличается крупными размерами, но от него сохранился лишь небольшой обломок, не позволяющий определить форму долота.[3] Остальные экземпляры из Акали совсем маленькие и нетипичной формы. Изображенное на рис. 30 : 2 сланцевое долотце имеет длину 3,8 см, ширину 1,8 см и толщину 1,2 см. Самый маленький плоский экземпляр (рис. 30 : 3) представляет собой настоящее микродолото длиной 2 см, шириной 1,6 см и толщиной 0,35 см. Желоб едва заметен.

Оба маленьких желобчатых долота из Акали найдены в раскопе J, в среднем горизонте культурного слоя. Их стратиграфическое положение соответствует ямочно-гребенчатой керамике второй или третьей стадии. Обломок более крупного желобчатого долота найден в раскопе H, в горизонте, в котором наряду с позднейшей ямочно-гребенчатой керамикой стали попадаться уже и черепки ранней шнуровой керамики. Экземпляр из Кулламяги найден в раскопе F, в самом глубоком горизонте культурного слоя, а поэтому его можно синхронизировать с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии.

Вторым особым видом каменных долот являются так называемые когтевидные долота, получившие свое название от когтеобразно вогнутой рабочей части, расположенной перпендикулярно длине долота. Такие долота обнаружены только на стоянке Акали, притом всего в количестве 6 экземпляров. Все они изготовлены из сланцевидного материала. Все когтевидные долота из Акали имеют небольшие размеры, так же как и все остальные долота этого типа, найденные на территории Эстон-

---

[1] Второе долото в такой же стадии обработки найдено в Кулламяги — ИИ № 4045 : 971.

[2] ИИ № 4013 : 5748.

[3] ИИ № 4013 : 384.

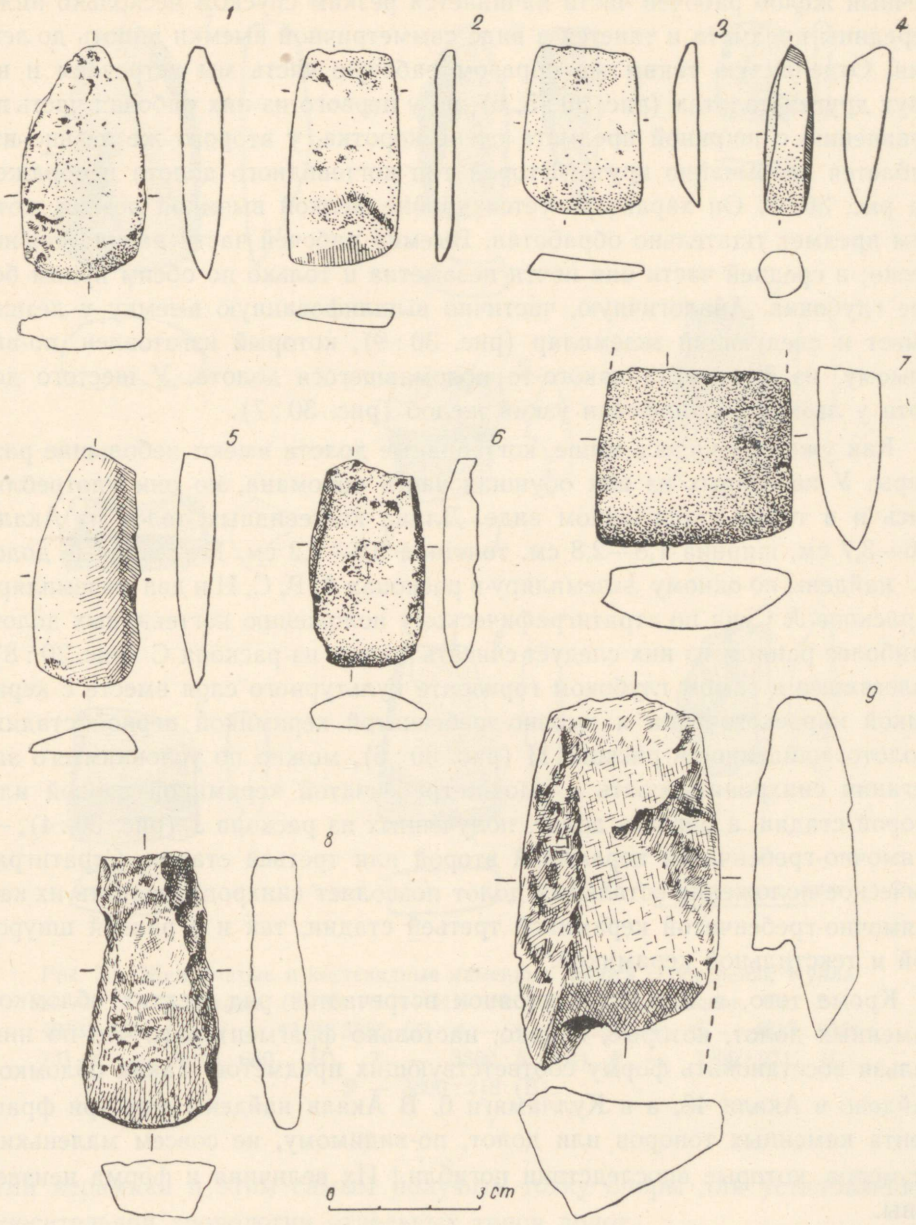


Рис. 29. Каменные долота с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 87 (раскоп А), *2* — 4013 : 379 (Н), *3* — 4013 : 213 (Н), *4* — 3800 : 210 (В), *5* — 3800 : 10 (А), *6* — 3800 : 160 (В), *7* — 3800 : 9 (А), *8* — 4013 : 2438 (I), *9* — 3800 : 114 (А).

ской и Латвийской ССР. Общими их чертами являются плоская форма, острые грани на боках и четырехугольное поперечное сечение. Форма же лезвия и приемы ее обработки не одинаковы.

Наиболее «типичное» когтевидное долото среди экземпляров из Акали изображено на рис. 30 : 4. Оно несколько суживается к обуху. Попе-

речный желоб рабочей части начинается резким спуском несколько ниже середины предмета и тянется в виде симметричной выемки вплоть до лезвия. Отделанную таким же образом рабочую часть мы встречаем и на двух других долотах (рис. 30 : 5, 6), но у первого из них рабочая часть по сравнению с шириной предмета очень коротка, у второго же лезвие изгибается необычайно круто. Второй тип когтевидного долота изображен на рис. 30 : 8. Он характеризуется крайне мелкой выемкой лезвия, хотя сам предмет тщательно обработан. Выемка рабочей части начинается нерезко; в средней части она почти незаметна и только по обеим краям более глубокая. Аналогичную, частично вышлифованную выемку у лезвия имеет и следующий экземпляр (рис. 30 : 9), который изготовлен, по-видимому, из фрагмента какого-то поломавшегося долота. У шестого долота у лезвия вышлифован узкий желоб (рис. 30 : 7).

Как уже отмечалось выше, когтевидные долота имеют небольшие размеры. У некоторых из них обушная часть поломана, но они употреблялись и в таком укороченном виде. Длина когтевидных долот из Акали 1,6—3,7 см, ширина 1,8—2,8 см, толщина 0,8—1,2 см. Когтевидные долота найдены по одному экземпляру в раскопах A, B, C, H и два экземпляра в раскопе J. Судя по стратиграфическому положению когтевидных долот, наиболее ранним из них следует считать долото из раскопа C (рис. 30 : 8), залегавшее в самом глубоком горизонте культурного слоя вместе с керамикой нарвского типа и ямочно-гребенчатой керамикой первой стадии. Долото, найденное в раскопе H (рис. 30 : 6), можно по условиям его залегания синхронизировать с ямочно-гребенчатой керамикой первой или второй стадии, а одно из долот, полученных из раскопа J (рис. 30 : 4), — с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии. Стратиграфическое положение остальных долот позволяет синхронизировать их как с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии, так и с ранней шнуровой и текстильной керамикой.

Кроме того, в инвентаре стоянок встречается ряд мелких обломков каменных долот, которые, однако, настолько фрагментарны, что по ним нельзя восстановить форму соответствующих предметов. Таких обломков найдено в Акали 43, а в Кулламяги 6. В Акали найдены еще три фрагмента каменных топоров или долот, по-видимому, не совсем маленьких размеров, которые впоследствии погибли.[1] Их величина и форма неизвестны.

Как видно из вышеприведенного, инвентарь стоянок Акали и Кулламяги содержит довольно мало каменных топоров, долот же в нем встречаются значительно больше. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что эти долота распадаются на ряд различных типов. Это дает возможность сопоставить между собой стратиграфические условия залегания долот разных типов и выяснить их соотношение с различными ви-

[1] ИИ № 3800 : 118, 155, 192.

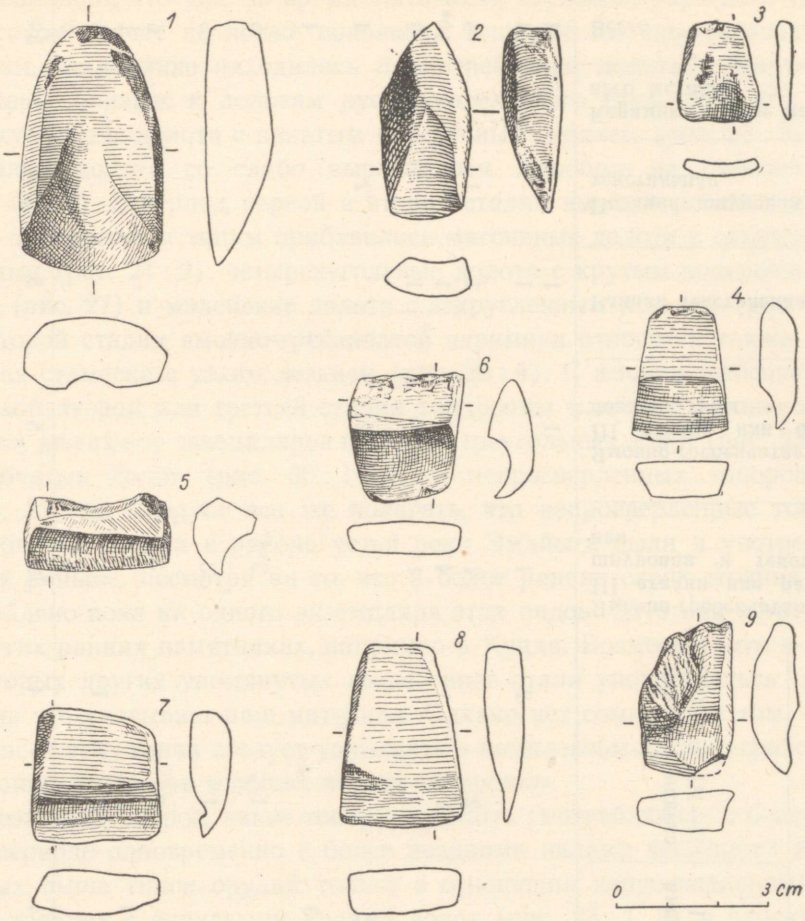


Рис. 30. Желобчатые и когтевидные каменные долота с поселений Кулламяги *(1)* и Акали *(2—9)*. *1* — ИИ № 4045 : 1174 (раскоп F), *2* — 4013 : 3324 (J), *3* — 4013 : 3583 (J), *4* — 4013 : 3528 (J), *5* — 4013 : 6381 (J), *6* — 4013 : 680 (H), *7* — 3800 : 5 (A), *8* — 3800 : 271 (C), *9* — 3800 : 218 (B).

дами керамики и этим самым получить точку опоры для установления относительной хронологии отдельных типов долот.

При рассмотрении отдельных типов долот уже отмечались стратиграфические условия их залегания и их соотношение с определенными видами керамики. Эти данные обобщены в приведенной ниже таблице. Данные показывают, что разные типы долот имеют хронологические различия. Наличный материал, конечно, недостаточен для более широких обобщений. Весьма возможно, что материалы дальнейших раскопок внесут в решение этого вопроса некоторые изменения. Все же имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении данные дают некоторое представление о времени употребления разных типов долот.

Стратиграфическое расположение каменных топоров и долот на поселениях Акали и Кулламяги по отношению к типам керамики

Каменные предметы \ Типы керамики	Нарвский тип или ямочно-гребенчатая I стадии	Ямочно-гребенчатая				Ямочно-гребенчатая III стадии или ранняя шнуровая и текстильная	Ямочно-гребенчатая III стадии или более поздние типы	Ранняя текстильная	Поздняя шнуровая и текстильная	Керамика эпохи раннего металла	Всего
		I—II стадии	II стадии	II—III стадии	III стадии						
Проушные топоры							1	1			2
Несверленные топоры					2	1		1			4
Толстые долота с округленными гранями		1		2		1		1	1		6
Плоские треугольные долота				1	1	4	2	1		1	10*
Широкие долота с округлым обушком						1		1			2
Четырехугольные долота с прямым лезвием							2		2		4
Четырехугольные долота с круто скошенным поперечным лезвием		1	3								4
Долота, близкие к русско-карельскому типу	1	1		1		2**					5
Четырехугольные долота с отлого скошенным поперечным лезвием	1			1		3					5
Маленькие долота с округлым лезвием ***		1		2		3					6
Стамеска с узким лезвием			1								1
Желобчатые долота				2	1	1					4
Когтевидные долота	1	1		1		3					6
Всего	3	5	4	10	4	19	5	5	3	1	59

* Стратиграфическое положение одного долота этой группы (рис. 24 : 4, шурф 3) осталось неизвестным.
** Фрагменты, принадлежность которых к долотам этого типа недостоверна.
*** Из более крупных долот найдено лишь несколько неопределенных фрагментов, недостаточных для характеристики типа.

Возможно, что уже во время бытования керамики нарвского типа, но во всяком случае не позже появления типичной ямочно-гребенчатой керамики, на стоянке находились в употреблении долота с треугольным сечением, близкие к долотам русско-карельского типа (рис. 28 : 2), четырехугольные долота с покатым поперечным лезвием (рис. 28 : 6) и когтевидные долота со слабо выраженным желобом на рабочей части (рис. 30 : 8). В период первой и второй стадии ямочно-гребенчатой керамики к указанным типам прибавились массивные долота с округленными гранями (рис. 24 : 2), четырехугольные долота с крутым поперечным лезвием (рис. 27) и маленькие долота с закругленным лезвием (рис. 29 : 1). Ко второй стадии ямочно-гребенчатой керамики относится также миниатюрная стамеска с узким лезвием (рис. 29 : 4). С ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии синхронны наиболее ранние из найденных до сих пор экземпляров плоских треугольных долот (рис. 25 : 1, 7), желобчатых долот (рис. 30 : 1—3) и непросверленных топоров (рис. 21 : 4; 22 : 2). Следует все же полагать, что непросверленные топоры и желобчатые долота в районе устья реки Эмайыги были в употреблении уже и раньше, несмотря на то, что в более ранних слоях стоянки Акали не найдено пока ни одного экземпляра этих видов. Зато они встречаются в других ранних памятниках, например в Кунда. Возможно, что и долота некоторых других упомянутых выше типов стали употребляться раньше, чем на это указывает наш материал. Однако нет сомнения в том, что долота всех этих типов следует увязывать с комплексом ямочно-гребенчатой керамики, и что они в общих чертах синхронны.

Возникает вопрос, какие топоры и долота употреблялись в более позднем периоде одновременно с более поздними видами керамики? Из указанных выше типов орудий только в отношении непросверленных топоров,[1] толстых с округлыми краями долот (рис. 23 : 1, 3) и плоских треугольных долот (рис. 26 : 1) можно с полной уверенностью сказать, что эти типы долот бытовали и позже, после того, как ямочно-гребенчатая керамика вышла из употребления. Долота тех типов, которые сопровождаются ямочно-гребенчатой керамикой, представлены обычно несколькими экземплярами также в таких слоях, где наряду с поздней ямочно-гребенчатой керамикой попадались и черепки ранней шнуровой и текстильной керамики. Учитывая, однако, доминирующую роль ямочно-гребенчатой керамики в этих горизонтах, а также то обстоятельство, что в более поздних отложениях культурного слоя долота этих типов больше не встречались, нет основания утверждать, что соответствующие типы долот продолжали бытовать и после того, как ямочно-гребенчатая керамика вышла из употребления. Вполне возможно, конечно, что долота некоторых типов все-таки продолжали употребляться. Вместе с поздними видами керамики на стоянках появились и новые типы каменных орудий. К ним относятся, вероятно, проушные топоры (рис. 21 : 1, 2) и четырехугольные

---

[1] ИИ № 4045 : 1066.

долота с прямым лезвием (рис. 26 : 4, 5) — две формы орудий, появившиеся в Восточной Прибалтике в связи с культурой боевых топоров. Что касается широких долот с округлым обушком (рис. 26 : 2, 3), то они найдены пока в слишком незначительном количестве, чтобы можно было точно установить их хронологию. По-видимому, долота этого типа были в употреблении одновременно с поздней ямочно-гребенчатой и ранней текстильной керамикой.

На других неолитических стоянках Эстонии и Латвии в общем найдено мало каменных топоров и долот. Одной из главных причин этого является, несомненно, ограниченная площадь раскопанных до сих пор участков. При раскопках найдены преимущественно долота небольших размеров, в то время как топоры и более крупные долота довольно редко попадали в культурный слой, да и то главным образом в виде обломков. В количественном отношении больше всего каменных долот обнаружено в Тамула. Там найдено и несколько более крупных долот, из которых одно напоминает долота позднего русско-карельского типа, но имеет сильно округленные края,[1] а другое представляет собой четырехугольное долото с прямым лезвием.[2] Особенно много в инвентаре этой стоянки встречается маленьких сланцевых долот. Это сравнительно широкие экземпляры с четырехугольным сечением. Некоторые из них очень похожи на долото с округленным обушком из Кулламяги (рис. 26 : 2).[3] Среди малых по размеру экземпляров из Тамула имеются желобчатые долота, из которых одно близко по форме соответствующему долоту из Кулламяги (рис. 30 : 1);[4] кроме того из Тамула известно еще большое число когтевидных долот. У последних поперечный желоб начинается круто,[5] и только один экземпляр, относящийся к погребению, обнаруживает сходство с долотом с покатой выемкой у лезвия, происходящим из Акали (рис. 30 : 8).[6]

В Вилла в целом виде найдены лишь мелкие долота.[7] И здесь найдено три сланцевых когтевидных долота, которые имеют круто начинающийся поперечный желоб,[8] и одно миниатюрное плоское желобчатое долото, напоминающее самый маленький экземпляр из Акали (рис. 30 : 3).[9] Ряд долот обнаружен в инвентаре стоянки Валма. Они по размерам небольшие, с круто или покато заточенным с лицевой стороны лезвием. Некоторые из них явно принадлежат к изображенному на рис. 27

---

[1] Янитс, Новые данные, рис. 19 : 4.
[2] Там же, рис. 19 : 1.
[3] Там же, рис. 20 : 1, 2.
[4] Там же, рис. 20 : 8.
[5] Там же, стр. 193, рис. 20 : 4—6.
[6] Там же, стр. 174, рис. 13 : 17.
[7] Древние поселения и городища, рис. 51 : 3.
[8] Там же, рис. 51 : 7. ИИ № 4037 : 1091, 1466.
[9] Древние поселения и городища, рис. 51 : 10.

типу.[1] В инвентаре представлено и когтевидное долото.[2] На стоянке Нарва-Рийгикюла I найдены три простых непросверленных топора, отшлифованных в основном только у лезвия, которое заточено преимущественно с одной стороны.[3] Мелкие долота этой стоянки, из которых несколько экземпляров изготовлено из сланца, имеют обычно плоскую форму и четырехугольные очертания. Эти долота часто также заточены с одной стороны, приближаясь к долотам из Акали, изображенным на рис. 27. На стоянке найдено и одно когтевидное долото.[4] В Ломми найдены три маленьких сланцевых долотца. Два из них плоские, с четырехугольным сечением, с лицевой стороны покато заточены.[5] Третье же представляет собой миниатюрную стамеску с узким лезвием, которая по своим размерам соответствует стамеске из Акали (рис. 29 : 4).[6] Четыре более крупных долота входят в состав инвентаря стоянки Ундва. Среди них имеется плоское долото треугольной формы с четырехугольным сечением и покато заточенным поперечным лезвием, которое в некотором отношении похоже на долота соответствующего типа из Акали (например, рис. 25 : 6),[7] два более массивных долота [8] и одно желобчатое.[9]

На неолитических стоянках Латвийской ССР найдено еще меньше каменных долот. Так, на стоянке Ича найдено всего лишь 6 долот, а в Риннюкалнсе — 4 экземпляра, несмотря на то, что с обеих стоянок собран довольно обширный материал. Среди долот Риннюкалнса находится один более крупный экземпляр с четырехугольным сечением и прямым лезвием, похожий на тип долота, характерный для культуры ладьевидных топоров.[10] Далее, отсюда известно одно небольшое сланцевое долото, близкое по форме к долотам позднего русско-карельского типа.[11] Третье долото — простой овальной формы,[12] в то время как четвертое имеет тупое лезвие и, очевидно, применялось как клин.[13] Среди долот из Ича имеется также фрагмент желобчатого долота и небольшое когтевидное долото с очень слабо выраженным поперечным желобом.[14] Из Леяс-Цискаса [15] и со стоянки Пурциемс Е [16] известны лишь единичные об-

---

[1] Древние поселения и городища, рис. 54 : 3.
[2] Там же, рис. 54 : 8.
[3] Там же, стр. 162, табл. XXXV : 15.
[4] Там же, стр. 162, табл. XXXV : 16—21.
[5] ИИ № 3867 : 260, 513.
[6] ИИ № 3867 : 292.
[7] Янитс, Неолит. стоянки, рис. 4 : 1.
[8] Там же, рис. 4 : 2. ИИ № 3822 : 8.
[9] Там же, рис. 4 : 3.
[10] ИИ № 1368 : 207.
[11] RK, табл. 1 : 11.
[12] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 6 : 8.
[13] ИИ № 1368 : 218.
[14] МИЛ № 64142 : 39; 64141 : 88.
[15] Šturms, Zebrus-See, стр. 418, табл. III : 22—24.
[16] МИЛ № 9125 : 28.

ломки каменных долот, среди которых есть и желобчатые. В Силиньупе найдена лезвийная часть простого несверленного топора.[1] В инвентаре стоянки Лиезере имеется обломок более крупного граненого долота и маленькое когтевидное долото.[2] Небольшое долото найдено и на стоянке Звейниеки (у озера Виране).[3]

В могильниках с ладьевидными топорами, расположенных на территории Эстонской и Латвийской ССР, встречаются преимущественно четырехугольные долота прямоугольного сечения, нередко изготовленные из кремня. Такие долота найдены в Арду,[4] Кунила,[5] Айзупе[6] и Рутениеки.[7] В Арду найдено и крупное долото из кристаллической каменной породы, которое скорее представляет собой несверленный топор. Это довольно массивный экземпляр с закругленным лезвием и сильно округленными краями, так что его сечение имеет почти овальную форму.[8] Кроме того, в Кунила найдено плоское долото с поперечным лезвием, средних размеров, с округлым обушком.[9] Это долото изготовлено, очевидно, из сланца и по своей форме напоминает в некоторой степени изображенное на рис. 26 : 3 долото из Акали. Три каменных долота найдены в могильнике Кивисааре.[10] Они представляют собой плоские экземпляры средних размеров, суживающиеся к обушку, и имеют поперечное лезвие. Эти долота частично похожи на только что упомянутое долото из Акали, а частично на долота плоского треугольного типа с той же стоянки Акали. Одно из них изготовлено из глинистого сланца.

Как видно, материал с остальных стоянок содержит в итоге довольно много долот различных типов, среди которых имеются аналогии как более ранним, так и более поздним типам долот со стоянок в районе устья реки Эмайыги. Это вполне естественно, так как не все стоянки синхронны.

На более ранних стоянках, как Нарва-Рийгикюла I, Ломми и Валма, представлены главным образом четырехугольные долота с поперечным лезвием, близкие долотам, находимым в Акали и Кулламяги в сопровождении ямочно-гребенчатой керамики первой и второй стадии. Следует отметить, что в Финляндии долота этого типа обнаружены уже на стоянках докерамического периода.[11] На поздних же стоянках, как, например, в Тамула, обычны короткие широкие долотца, которые и в районе устья р. Эмайыги синхронны с поздней ямочно-гребенчатой керамикой и ранней текстильной керамикой. В могильниках встречаются параллели глав-

---

[1] МИЛ № 65251.
[2] RK 1930, табл. 3 : 31, 32.
[3] МИЛ.
[4] Indreko, Ein Hockergrab in Ardu, Ksp. Kose, рис. 3 : 2.
[5] ИИ № 3989 : 15.
[6] Šturms, Akmenslaikmets Latvijā II, рис. 13.
[7] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 12.
[8] ИИ № 2745 : 1.
[9] ИИ № 3989 : 14.
[10] Moora, Die Vorzeit Estlands, рис. 14 : 11. ИИ № 2758 : 15, 48.
[11] Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde, стр. 17, рис. 16.

ным образом сравнительно поздним типам долот со стоянок Акали и Кулламяги, употребление которых началось или продолжалось в более поздние периоды существования этих стоянок. Кроме того, долота всех рассмотренных типов встречаются и в виде случайных находок. Довольно многочисленный материал каменных орудий, собранный в виде случайных находок в Восточной Прибалтике, в частности их хронология, в основном еще не разработан. Для этой работы, нуждающейся в специальном исследовании, несомненно, будет иметь некоторое значение сравнительно многочисленная коллекция каменных долот с устья р. Эмайыги, снабженная точными стратиграфическими данными.

Сравнивая каменные долота различных типов с территории Эстонии и Латвии с материалами смежных территорий, следует отметить, что один из этих типов, а именно четырехгранное долото, свойственное культуре ладьевидных топоров, имеет параллели особенно на юге. Оно встречается на обширных территориях в связи с ладьевидными боевыми топорами различных форм.[1] Тип этот появился и в Восточной Прибалтике вместе с культурой ладьевидных топоров. Здесь долота этого типа имеют в общем большое распространение, особенно же многочисленны они на территории Литовской ССР, где долота этого типа имеют значительный перевес среди находок случайного характера.[2] Зато долот северных типов в Литве найдено сравнительно мало.

Для большинства же типов долот с неолитических стоянок Эстонии и Латвии можно найти параллели на смежных северных и северо-восточных, а частично и восточных территориях. В общем аналогичные типы каменных долот встречаются в большом количестве особенно в Карелии и Финляндии, где многие из них нередко изготовлены из сланца.[3] В Эстонии и, в меньшей степени, в Латвии, встречается также довольно много долот из сланца, хотя употреблявшиеся для их изготовления породы сланца здесь в природе не встречаются.[4] Среди сланцевых долот здесь имеются и такие виды (например, русско-карельский тип, когтевидные долота), область распространения которых в общем довольно ограничена. Эти факты свидетельствуют о том, что изготовление каменных орудий на территории Эстонии и Латвии испытало сильные влияния с территорий Карелии и Финляндии. Некоторая часть сланцевых орудий поступила сюда, несомненно, в готовом виде, в результате обмена, но и обработка камня на месте в значительной степени проводилась по образцу указанных территорий. Характерные же для Валдайской возвышенности крупные крем-

---

[1] Europaeus, Kyrkslätt och Esbo, стр. 89.

[2] В фондах КГХМ и Института истории АН Литовской ССР в Вильнюсе.

[3] Брюсов, История древней Карелии. Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I, II. Pälsi, Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa, стр. 111 и сл., табл. I—IV, VII, X. Europaeus, Kyrkslätt och Esbo, стр. 94 и сл., табл. IV.

[4] Некоторые из этих пород сланца могут встречаться в Эстонии и Латвии только в виде валунов.

невые орудия[1] на территории Эстонии и Латвии почти не встречаются, хотя материал мелких кремневых орудий со здешних стоянок имеет частично, по-видимому, восточное происхождение. В районе Валдайской возвышенности и новгородских озер встречаются в некотором количестве и сланцевые долота, причем отчасти таких же типов, как и в Восточной Прибалтике.[2] Объяснение этому сходству следует искать, по-видимому, прежде всего в непосредственных связях района Валдая с Карелией, где сложились эти формы сланцевых предметов и откуда они распространились как на Валдайскую возвышенность, так и в Восточную Прибалтику.

Наряду с каменными долотами на стоянке Акали встречаются и долотовидные орудия из кости и рога. Среди них отметим прежде всего группу роговых долот, имеющих довольно ярко выраженные типовые признаки. Появлению последних в сильной степени содействовала естественная форма сырого материала. Для изготовления этих предметов использовались более толстые ветви лосиных рогов, а поэтому они имеют более или менее одинаковое округлое поперечное сечение. Но и в тех случаях, когда долота делались из более широкой роговой лопатки, от края последней отрезался кусок необходимой толщины и края округлялись. Лезвия долот заточены всегда только с одной стороны. На прочих участках поверхности выравнены только наиболее выступающие неровности. Эти орудия, вероятно, не употреблялись для обработки дерева. Их отполированная до блеска рабочая часть указывает скорее всего на постоянное соприкосновение с каким-то мягким материалом, вроде кожи. При каких именно работах с кожей они применялись, пока остается невыясненным.

Найдено пять таких долот. Одно из них сохранилось почти целым, у него лишь несколько обломана рабочая часть (рис. 31 : 1). Длина предмета 11 см, диаметр достигает 3,2 см. Второй экземпляр был найден в двух кусках, носящих следы пребывания в огне (рис. 31 : 2). Длина его 9,8 см, диаметр 3,5 см. Третье долото при раскопке распалось на многочисленные фрагменты. Если судить по большему из них, длина долота составляла 7 см.[3] Остальные экземпляры представлены в виде единичных обломков.[4]

Упомянутые предметы найдены в раскопах A (два экземпляра), C, J и P. Все они залегали в самом нижнем горизонте культурного слоя, вместе с керамикой нарвского типа и ямочно-гребенчатой керамикой первой стадии.[5] Роговые орудия рассматриваемого типа следует, таким образом, синхронизировать в первую очередь с древнейшими периодами существо-

---

[1] Гурина, Валдайская неолитическая культура, стр. 38 и сл., рис. 3.

[2] Довольно много сланцевых долот находится в коллекции Рериха в Эрмитаже (напр., № 1484 : 371—396, 406; 1486 : 752—770; 1487 : 589—611; 1501 : 1—52, 94).

[3] ИИ № 3800 : 340.

[4] ИИ № 3800 : 46; 4013 : 3794. Первое из них позже пропало.

[5] Отсутствуют лишь более точные данные об условиях нахождения обломка одного долотовидного орудия из раскопа J.

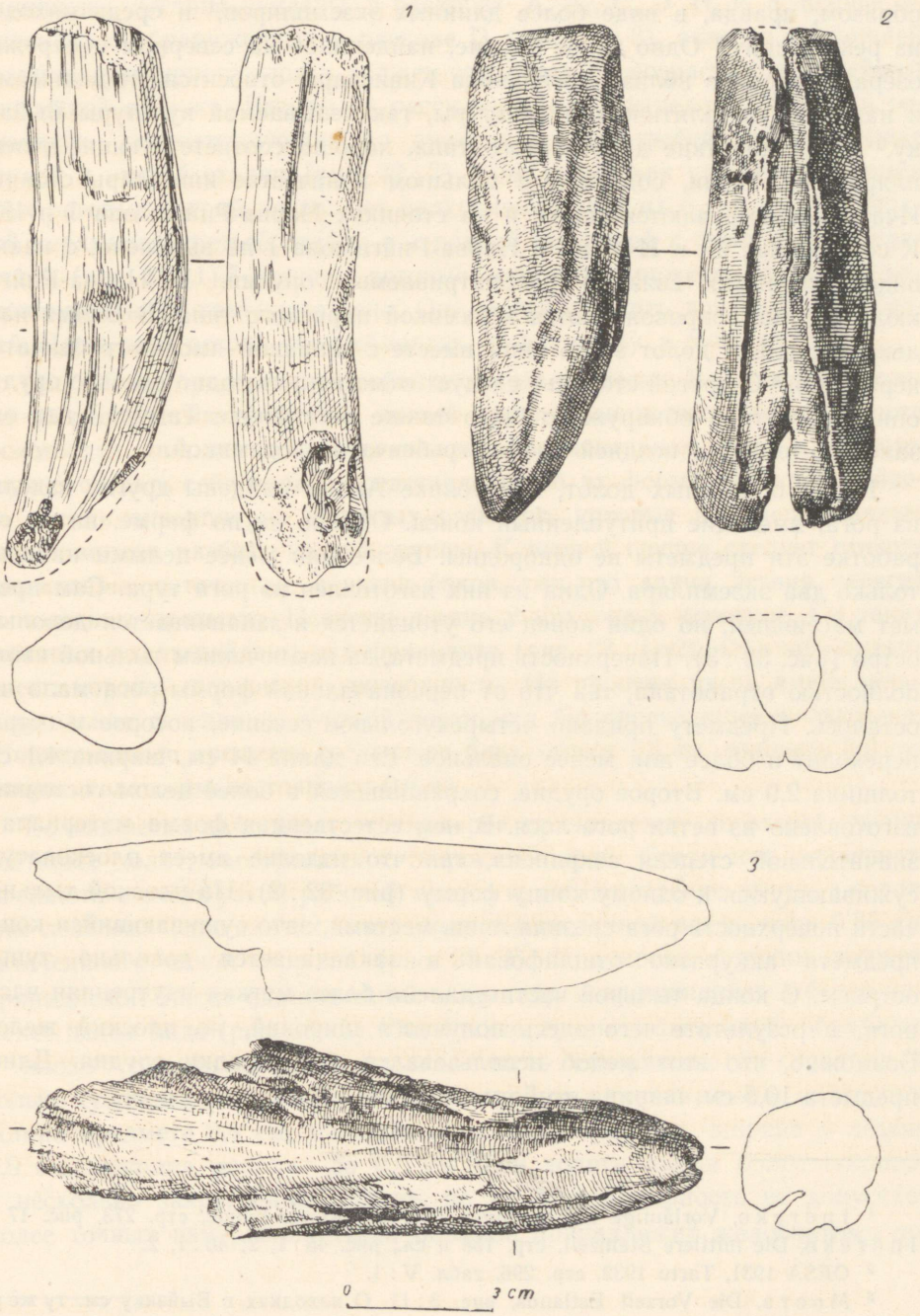


Рис. 31. Долотовидные орудия и тупое острие из рога с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 102 (раскоп А), *2* — 4013 : 8442 (Р), *3* — 3800 : 362 (D).

вания стоянки. Хотя отсутствие таких долот в верхних горизонтах стоянки и может в данном случае быть случайным, все же этот тип в основном является, несомненно, очень древним. Он встречается в Кунда, главным образом, правда, в виде более длинных экземпляров,[1] и среди находок из реки Пярну.[2] Одно такое орудие, найденнное на северном побережье озера Выртсъярв вблизи могильника Кивисааре, относится, по-видимому, к находкам мезолитической культуры, так называемой культуры Выйзику.[3] Более короткие долота этого типа, хорошо соответствующие экземплярам из Акали, содержит в большом количестве инвентарь стоянки Ича.[4] Они встречаются также и на стоянках Нарва-Рийгикюла I и III.[5] К сожалению, ни в Ича, ни в Нарва-Рийгикюла I не выяснено, с каким видом керамики связаны рассматриваемые орудия. В Нарва-Рийгикюла III они сопровождаются керамикой нарвского типа. В Валма найдено несколько долот этого типа вместе с типичной ямочно-гребенчатой керамикой.[6] С другой стороны, следует отметить, что одно роговое орудие описанного типа обнаружено было также на стоянке Тамула,[7] где оно залегало вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Кроме описанных долот, на стоянке Акали найдены другие изделия из рога, имеющие притупленный конец. Однако ни по форме, ни по обработке эти предметы не однородны. Более или менее целыми найдены только два экземпляра. Один из них изготовлен из рога тура. Сам предмет массивный, но один конец его утончается и заканчивается довольно остро (рис. 32 : 3). Поверхность предмета, за исключением тыльной части, полностью отработана, так что от первоначальной формы рога мало что осталось. Предмету придано четырехугольное сечение, которое у острия переходит в более или менее овальное. Его длина 14 см, ширина 4,1 см, толщина 2,9 см. Второе орудие, сохранившееся в более целом состоянии, изготовлено из ветви рога лося. В нем естественная форма материала в значительной степени сохранена, так что изделие имеет плосковатую, суживающуюся к одному концу форму (рис. 32 : 2). На плоской тыльной части поверхность рога срезана лишь местами, зато суживающийся конец предмета аккуратно отшлифован и заканчивается довольно тупым острием. С конца тыльной части удалена более мягкая внутренняя часть рога, в результате чего здесь получился широкий, но плоский желоб. Возможно, что этот желоб использовался для насадки орудия. Длина предмета 10,5 см, ширина до 5 см, толщина 2,3 см.

---

[1] Indreko, Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde, стр. 273, рис. 17 : 3. Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 158 и сл., рис. 45 : 1, 2; 46 : 1, 2.

[2] ÕESA 1931, Tartu 1932, стр. 296, табл. V : 1.

[3] Moora, Die Vorzeit Estlands, рис. 3 : 11. О находках в Выйзику см. ту же работу, стр. 12—13.

[4] МИЛ № 64196; 64205.

[5] Древние поселения и городища, стр. 163, 164, 169, табл. XXXVIII : 3, 7, 8.

[6] ИИ № 4022 : 2995 и др.

[7] ИИ № 4118 : 1832.

Всего найдено восемь экземпляров таких тупых крепких роговых острий; кроме двух экземпляров, все они, однако, найдены в виде фрагментов.[1] Как их внешний вид, так и стратиграфическое положение не одинаковы. Острия найдены в раскопах A, A_1, C, D, H и в шурфе 4. Экземпляр, обнаруженный в раскопе D (рис. 31 : 3), залегал на нижней границе культурного слоя и должен совпадать по возрасту с древнейшей керамикой стоянки. Четыре из рассматриваемых изделий найдены в горизонтах, соответствующих во времени ямочно-гребенчатой керамике первой и второй стадии (рис. 32 : 2), в то время как условия залегания двух роговых острий позволяют синхронизировать их с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии и с ранней шнуровой и текстильной керамикой (рис. 32 : 1).[2] Крепкие роговые острия обнаружены во многих местонахождениях каменного века. Они могли служить для различных целей. Часть этих острий употреблялась, по-видимому, в рукоятках.

Особый вид представляют собой костяные стамески. Все они изготовлены из расколотых трубчатых костей крупных животных. Кроме одного экземпляра, они все дошли до нас во фрагментарном виде, а поэтому трудно создать себе полное представление об их форме. В Акали найдено восемь экземпляров костяных стамесок, которые по расположению лезвия можно разбить на две группы. К первой группе следует отнести экземпляры, заточенные с узких боков, так что длина лезвия зависит от толщины предмета. Поэтому лезвие у них очень короткое. От таких костяных долот найдены два фрагмента (рис. 33 : 1, 2). Оба экземпляра имеют хорошо сглаженную поверхность. Их рабочая часть имеет четырехугольное сечение, в верхней части как бы переходящее в овальное. Ширина одного предмета составляет близ лезвия 1,5 см, толщина 0,6 см. Второе долото имело толщину 0,8 см.

Большинство найденных экземпляров принадлежит ко второй группе костяных долот, заостренных с широких сторон. Среди них встречаются долота с очень узкой рабочей частью и, соответственно этому, с коротким лезвием. Одно из этих долот имеет лезвие длиной всего лишь 0,55 см, заточенное с одной стороны (рис. 33 : 4). К долотам с узким лезвием принадлежит также единственный экземпляр, сохранившийся в более или менее целом виде (рис. 33 : 5). Он, однако, сравнительно слабо обработан и плохо сохранился. Его тыльная часть совершенно не отделана, и только суживающаяся рабочая часть выровнена с краев и конец ее заточен. Длина предмета 9,4 см, максимальная ширина 3,2 см, ширина у лезвия 0,9 см, толщина доходит до 0,6 см. Три долота имели более широкое и несколько закругленное лезвие, но их фрагментарность не допускает более точных измерений.[3] Один обломок принадлежит желобчатому до-

---

[1] ИИ № 3661 : 5; 3800 : 71, 243, 362, 401, 466; 4013 : 70, 616.

[2] Более точные условия нахождения экземпляра, изображенного на рис. 32 : 3, неизвестны. Одно такое же изделие найдено в Риннюкалнсе (ИИ № 1392 : 119).

[3] ИИ № 4013 : 31, 4183, 4471.

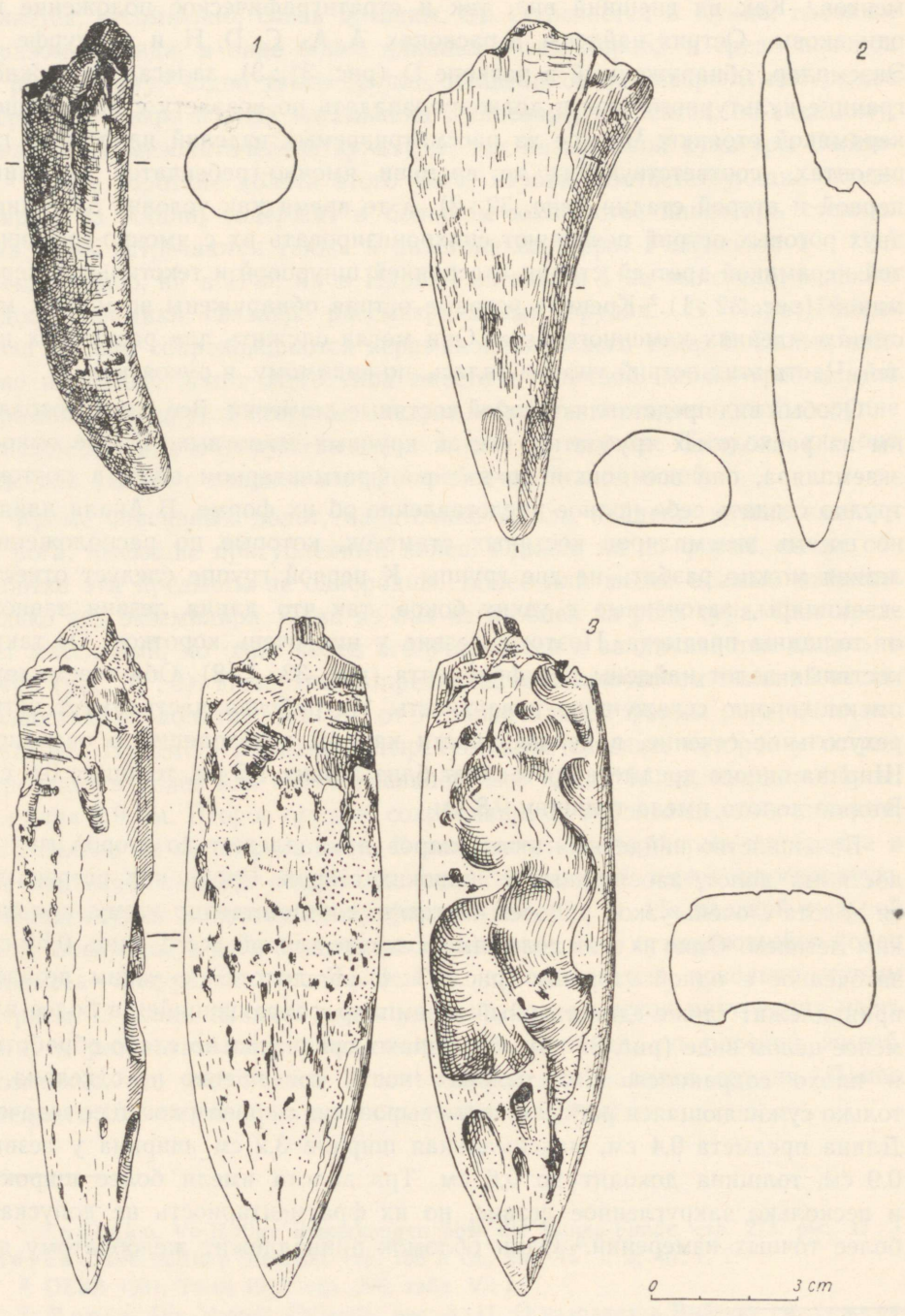


Рис. 32. Роговые острия с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 401 (раскоп A_1), *2* — 4013 : 616 (Н), *3* — 3661 : 5 (шурф 4).

лоту, причем в качестве желоба служит естественная вогнутость трубчатой кости.[1] Длина лезвия этого экземпляра достигала по меньшей мере 3,5 см. Описанные долота имеют в общем слишком слабую конструкцию, для того чтобы их можно было употреблять при обработке дерева. Лучше всего они годятся для сдирания и разрубки коры. В частности, их можно поставить в связь с обработкой сосновой коры (поплавки!).

Костяные долота были найдены в раскопах H, J и в шурфе 3. Только в отношении пяти экземпляров удалось более точно выяснить их стратиграфию, из которой явствует, что три из них, в их числе экземпляр, изображенный на рис. 33 : 1, находились в употреблении одновременно с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии, в то время как два обломка могут быть синхронизированы как с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с ранней шнуровой и текстильной керамикой.

Узкие костяные долота, по расположению лезвия похожие на долота второй группы из Акали, характерны для двух стоянок Восточной Прибалтики — Риннюкалнс [2] и Тамула.[3] На каждой из этих стоянок найдено по десятку экземпляров этого типа. На этих же стоянках встречаются и единичные костяные долота с желобчатым лезвием. [4] Костяные долота с широким лезвием характерны для стоянок Нарва-Рийгикюла. Особенно много найдено их на стоянке Нарва-Рийгикюла I.[5] Узколезвийных долот в инвентаре этих стоянок значительно меньше.[6] Отдельные узкие костяные долота получены еще со стоянок Ича,[7] Валма [8] и Ундва,[9] а также из могильника Сопе.[10] Экземпляр из Сопе имеет, однако, более толстое лезвие, чем долота, обычно встречающиеся на стоянках. Костяные долота первой группы из Акали, заточенные с узких боков, принадлежат, очевидно, к редко встречающемуся на территориях Эстонии и Латвии типу. Аналогичные долота найдены в Кубенине.[11]

В связи с костяными долотами следует упомянуть и некоторые другие крупные орудия, изготовленные из расколотых трубчатых костей. Изображенный на рис. 33 : 7 фрагмент принадлежит орудию, боковые грани которого тщательно сглажены (один из них поломан), а лезвие образовано путем крутого скошенного среза кости. Тыльная часть совершенно обломалась. Поперек выпуклой стороны предмета довольно густо расположены тонкие, едва заметные параллельные линии, являющиеся,

---

[1] ИИ № 4013 : 5640.
[2] RK 1930, табл. 4 : 25. ИИ № 1234 : 52, 57, 59, 60, 64; 1392 : 81, 82.
[3] Янитс, Новые данные, стр. 193, рис. 18 : 1, 2.
[4] RK 1930, табл. 4 : 24. ИИ № 3960 : 152, 165.
[5] Древние поселения и городища, стр. 164, табл. XL : 9—14.
[6] Там же, стр. 169, табл. XL : 1, 2.
[7] МИЛ № 64162; 64205.
[8] ИИ № 4022 : 2988.
[9] Янитс, Неолит. стоянки, рис. 4 : 4.
[10] ИИ № 2671 : 43.
[11] Фосс, Стоянка Кубенино, стр. 45, табл. VI : 5, 8.

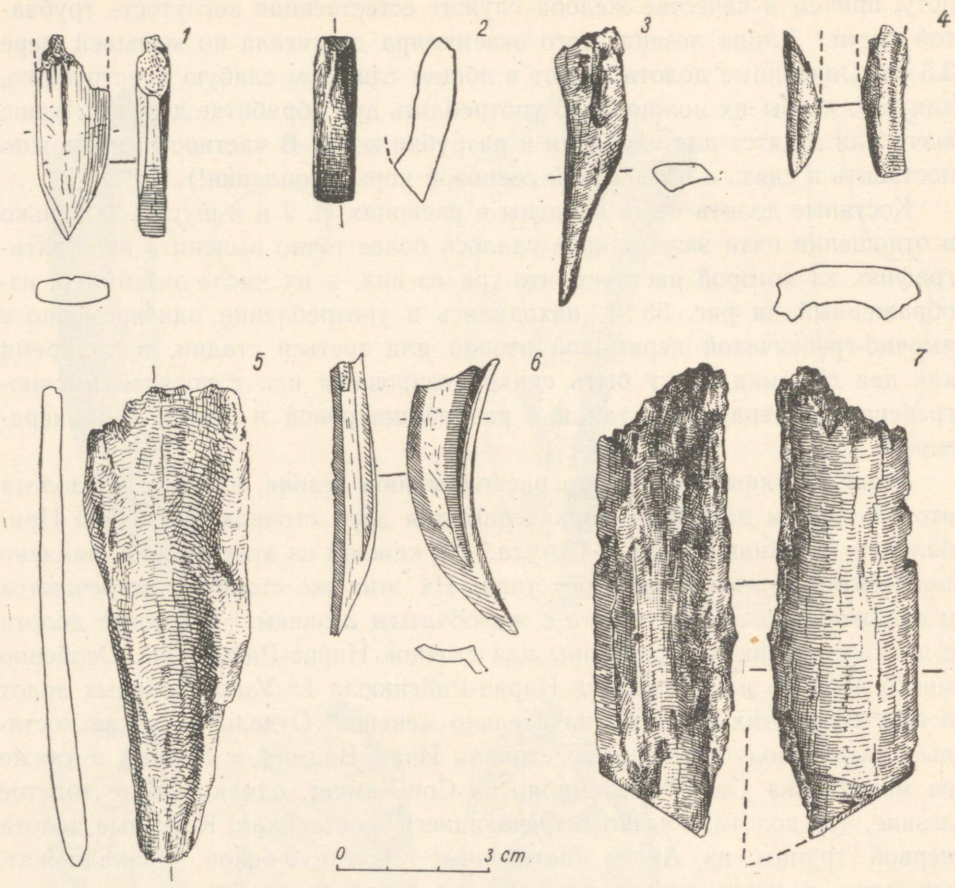


Рис. 33. Узкие костяные долота, шилья из клыков кабана и обломок пешни с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 3923 (раскоп J), *2* — 3661 : 105 (шурф 3), *3* — 4013 : 3708 (J), *4* — 4013 : 253 (H), *5* — 4013 : 3269 (J), *6* — 4013 : 678 (H), *7* — 4013 : 3282 (J).

возможно, следами обмотки, при помощи которой предмет был прикреплен к рукоятке. Здесь мы имеем, очевидно, дело с орудием, которое встречается среди находок южного Приладожья и которое названо А. А. Иностранцевым орудием с «заострением под углом около 45°».[1] Костяные орудия с таким лезвием встречаются в большом количестве и на стоянке Нарва-Рийгикюла I,[2] в то время как из Ича, так же как и из Акали, известны лишь единичные обломки.[3] Часто они встречаются в мезолитических памятниках: Кунда, Пярну, Лубана, Двиете и др. Судя по материалам из Кунда, вполне вероятно, что указанные орудия применялись в качестве пешней для прорубки льда на замерзших водоемах. Так, например, рабочие части этих орудий в преобладающем большинстве

[1] Иностранцев, Доисторический человек, стр. 145, табл. VII : 1—3; XII : 16.
[2] Древние поселения и городища, стр. 164, табл. XXXIX : 7, 8.
[3] МИЛ № 64141; 64205.

найдены в грунтовых отложениях бывшего Кундаского озера, куда они могли попасть лишь в результате поломки этих орудий во время работы на озере. Тыльные же части поломанных пешен найдены в большинстве случаев на островной стоянке Ламмасмяги, куда они были принесены, по-видимому, с озера и где они снимались с рукояток, с тем чтобы прикрепить к последним новые пешни.[1] Конечно, вполне возможно, что эти же орудия употреблялись и для других работ, например для разрыхления замерзшей почвы и пр. В Акали обломок пешни найден в раскопе J, где он залегал на глубине, соответствующей глубине залегания ямочно-гребенчатой керамики первой и второй стадии.

Некоторые другие крепкие орудия из трубчатой кости имеют такие же сглаженные грани, но рабочая часть у них обломалась (рис. 34 : 2).[2] По меньшей мере один из этих предметов носит несколько иной характер (рис. 34 : 1). Отшлифованные края заходят на этом предмете относительно далеко вверх, так что между ними остается довольно глубокий плоскодонный желоб, который тянется вдоль всего предмета. Только на рабочей части края несколько понижаются, и предмет делается более тонким. Хотя сам конец обломан, можно полагать, что он не заканчивался скошенным срезом. Возможно, что это орудие употреблялось в качестве желобчатого долота. Длина предмета 27 см, ширина в тыльной части 4,5 см, в середине 3,1 см, толщина в тех же местах 2,4 см и 1,5 см.

Самый многочисленный вид костяных предметов образуют разного рода острия, большинство которых можно считать шильями. Как известно, эти орудия встречаются почти в каждом поселении каменного века, где сохранилась кость. Шилья из Акали по характеру их острия можно разбить на несколько групп. Основная часть шильев имеет острый конец, который по направлению к средней части изделия постепенно утолщается, а затем плавно или несколько более резким уступом переходит в тыльную часть (рис. 35 : 1—3; табл. XXXV : 4). Тыльная часть, которая иногда совершенно неотделана, имеет случайную форму. Наоборот, острый конец тщательно сглажен и отполирован от употребления. Шилья большей частью изготовлены из кусков расколотых трубчатых костей. Встречаются также шилья, изготовленные из грифельных костей крупных животных и лишь несколько заточенные на конце (рис. 35 : 7). Шильев этой группы найдено в Акали свыше двадцати экземпляров, большинство из них, правда, в виде обломков. Можно считать, что многие мелкие фрагменты костяных предметов происходят от таких шильев.[3]

Ко второй группе шильев отнесены экземпляры, изготовленные из клыков кабана. Найдено по меньшей мере шесть таких шильев, все опять-таки во фрагментарном состоянии. В соответствии с естественной фор-

---

[1] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 297 и сл.

[2] Два крупных орудия из трубчатой кости впоследствии погибли (ИИ № 3800 : 67, 484).

[3] Четыре шила, принадлежащие, по-видимому, к этому типу, в 1944 г. погибли (ИИ № 3800 : 126, 133, 134, 266).

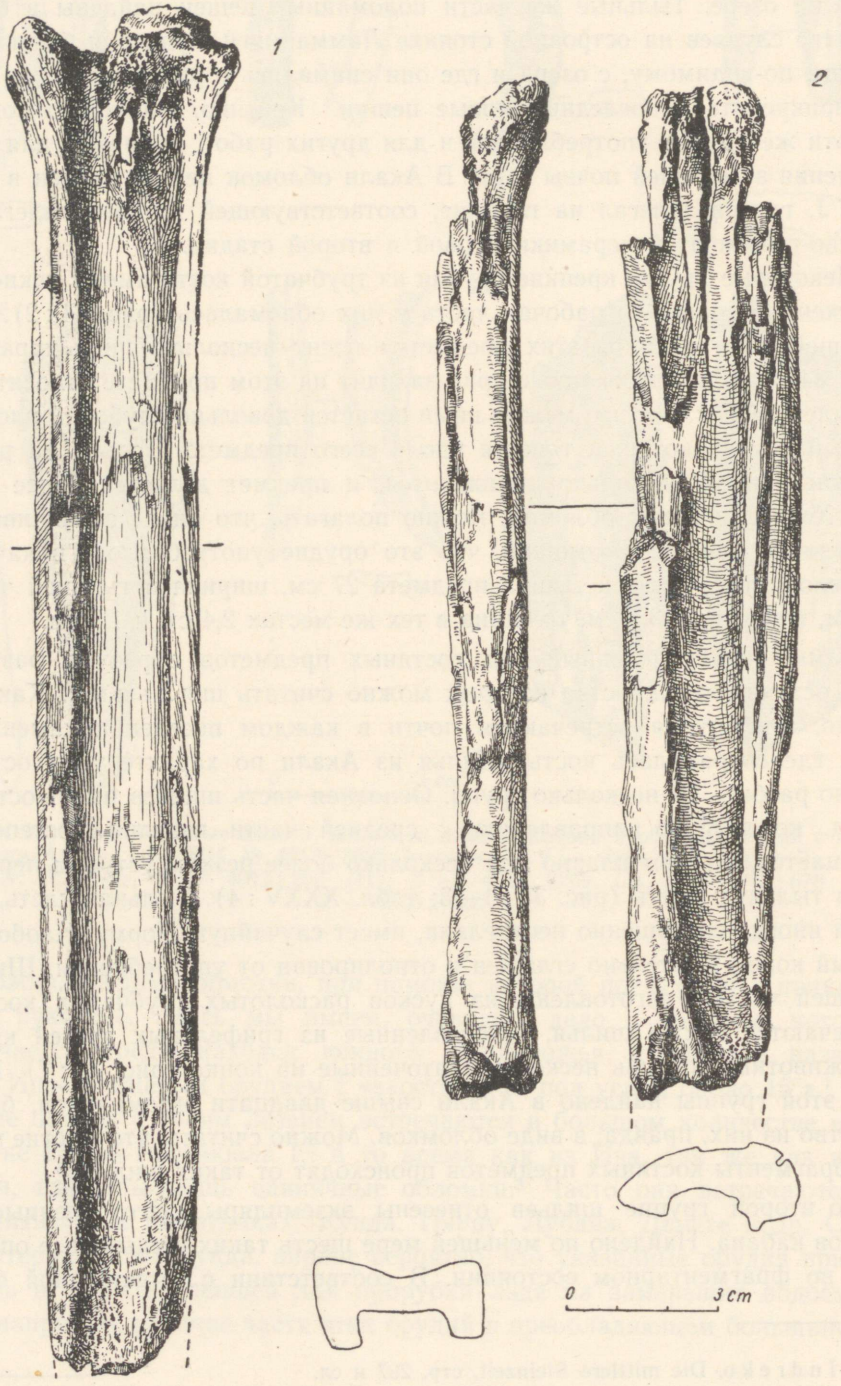


Рис. 34. Орудия из трубчатой кости с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 431 (раскоп A_1), *2* — 3800 : 403 (A_1).

мой сырьевого материала, шилья эти кривые. Для изготовления шила клык раскалывался в длину на две части. У некоторых экземпляров конец клыка заострялся и имел вид длинного тонкого острия (рис. 33 : 3), у других затачивался дугообразный край клыка около острия (рис. 33 : 6). Орудия этого типа употреблялись также в качестве ножей.

Шилья третьей группы отличаются от предыдущих своим значительно более толстым, притупленным концом. Если шилья ранее описанных типов служили для протыкания отверстия в обрабатываемой коже, то шилья последней группы применялись, очевидно, для расширения уже проткнутых отверстий, а может быть, и для других целей. Некоторые отнесенные к этой группе шилья изготовлены из рога (рис. 35 : 6, 8) и поэтому своей формой напоминают упомянутые выше тупоконечные роговые острия. Возможно даже, что они частично выполняли те же функции. Другие толстоконечные шилья изготовлены из расколотых трубчатых костей (рис. 35 : 5). Всего найдено с десяток таких предметов.

Орудиями, близкими по форме к остроконечным шильям, являются кочедыки, которые употреблялись для сдирания коры с деревьев и для плетения изделий из бересты и прутьев. Материалом для изготовления кочедыка также служили трубчатые кости. Кочедыки характеризуются плоской формой, причем их конец не так сильно заострен, как у шильев (рис. 36 : 1—3). Однако провести четкую границу между обоими видами орудий не всегда легко. Кочедыки встречаются довольно часто на неолитических стоянках, но обычно в небольшом количестве. В Акали их найдено всего 5—6 штук.

Далее, на стоянках в районе устья реки Эмайыги встречаются фрагменты плоских костяных изделий с закругленным тонким концом, края которых, однако, начиная почти с самого кончика предмета, несколько утолщаются. Сохранившиеся обломки имеют малые размеры и происходят именно от таких кончиков. Их поверхность очень хорошо отшлифована и имеет жирный блеск (рис. 35 : 4). Два таких обломка найдены на стоянке Акали, а один (обгорелый) — в Кулламяги. В целом виде предметы, имеющие такой конец, найдены в Риннюкалнсе.[1] Эти орудия изготовлены из ключицы какого-то крупного животного, причем более толстый конец кости оставлен необработанным в качестве рукояти, а из более тонкой части кости сделано острие. Судя по тонкому блеску поверхности рабочей части этих предметов, они применялись, очевидно, при обработке кожи. По своей форме они могли годиться для сдирания шкуры с убитых животных.

От плоских костяных предметов происходят и три очень тонких обломка, толщиной 0,15—0,35 см, найденные в Акали. У всех их, однако, обломаны оба конца, поэтому нельзя получить представления о форме предметов. Можно предполагать, что мы имеем дело с продолговатыми ножевидными изделиями, которые по направлению к одному концу пос-

---

[1] Ebert, Reallexicon XI, табл. 25 : i. ИИ № 1368 : 21—29; 1392 : 388, 389.

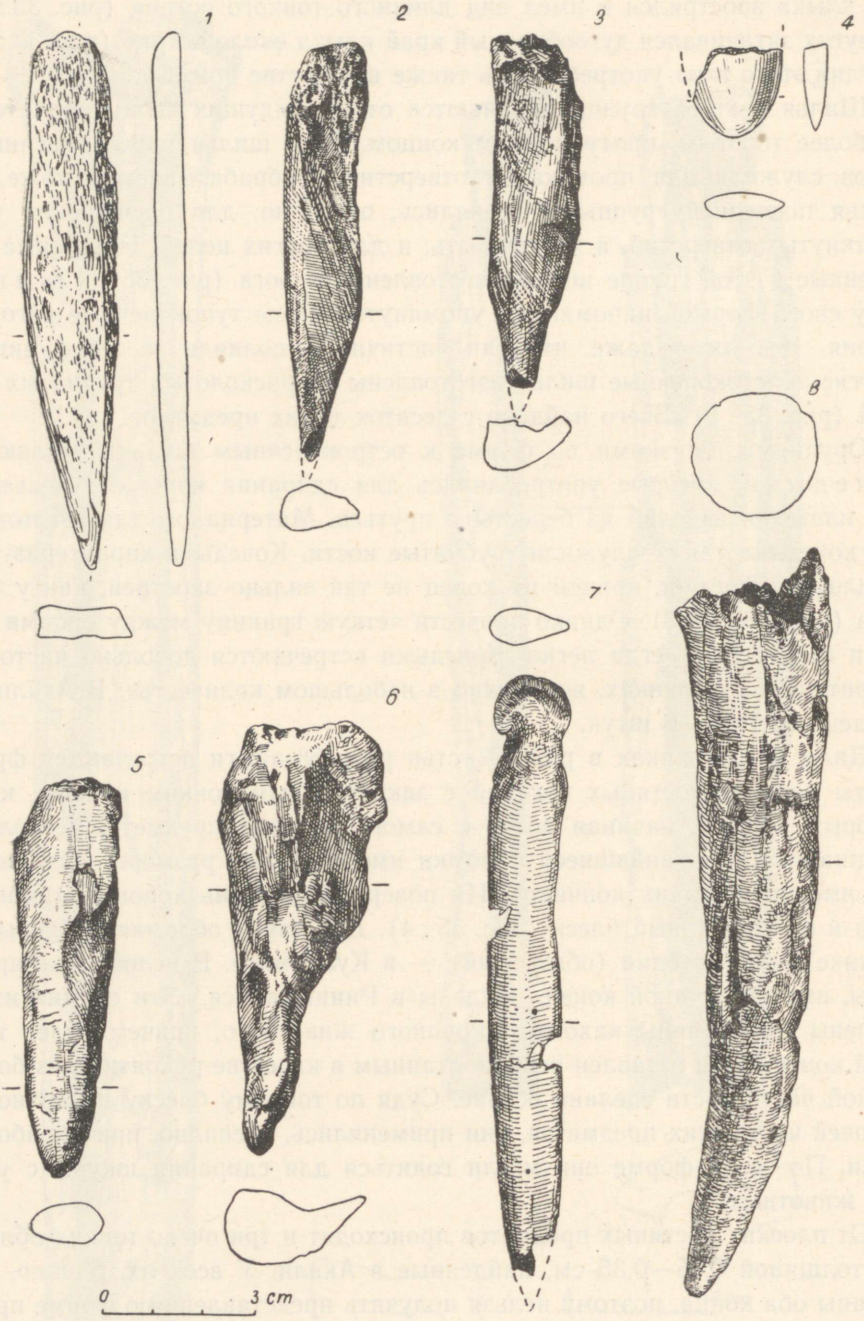


Рис. 35. Костяные и роговые шилья и фрагмент плоского костяного орудия с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 251 (раскоп С), *2* — 3800 : 369 (D), *3* — 3800 : 380 (D), *4* — 4013 : 3243 (J), *5* — 3661 : 6 (шурф 4), *6* — 3800 : 381 (D), *7* — 4013 : 3068 (J), *8* — 3800 : 318 (С).

тепенно суживаются (рис. 36 : 4). Возможно, что эти предметы имели какое-то практическое назначение. С другой стороны, однако, их можно сравнить с найденными в Риннюкалнсе [1] и в Лубанском озере [2] ножами (или булавками) с изображением птицы на конце, имевшими, по-видимому, магическое значение. Фрагмент аналогичного костяного ножичка найден в могильнике на стоянке Тамула, где он лежал вместе с янтарными украшениями у изголовья детского костяка.[3]

Одна ключица крупного животного, без сомнения, употреблялась для резки, причем естественный острый край ее был, по-видимому, заострен еще и искусственно. Параллельно лезвию тянутся мелкие царапины, образовавшиеся при пользовании предметов. К сожалению, и этот предмет дошел до нас в поломанном виде (рис. 36 : 9).

Крайне редко встречаются на стоянках района устья реки Эмайыги костяные иглы. Известны лишь единичные обломки принадлежащие, возможно, иглам, предназначенным для сшивания шкур. Один такой фрагмент найден в Акали. Он представляет собой тонкое плоское острие шириной до 0,8 см и толщиной не более 0,3 см (рис. 36 : 8). Головка обломана. Второй фрагмент, принадлежащий, по-видимому, игле, найден в Кулламяги, где он сохранился в обгорелом виде. Обломок является куском тыльной части иглы. Он имеет овальное сечение, ширину 0,5 см и толщину 0,4 см и оканчивается небольшой головкой, которая на 1—2 мм толще поломанного конца предмета (рис. 36 : 5). Оба обломка имеют отшлифованную поверхность. Непросверленные костяные иглы с расширяющейся головкой известны и с других неолитических стоянок, между прочим из Тамула [4] и Риннюкалнса.[5]

Некоторые найденные в Акали костяные изделия можно счесть за орудия для вязания и починки сетей. В наиболее цельном виде сохранился изображенный на рис. 37 : 2 экземпляр. Это длинное, гладкое костяное острие, с несколько обломанным концом; в средней части оно немного расширяется, а в тыльной части суживается и утончается. Оно заканчивается небольшим выступом на одном краю.[6] Поперечное сечение подтреугольное. На всей поверхности предмета видна образовавшаяся от употребления шлифовка. В то же время поверхность покрыта небольшими насечками, большинство которых образовалось как будто от трения тонкой веревки, окручивавшей предмет. Вполне вероятно, что этот предмет представляет собой челнок для плетения сетей, причем выступ на его конце предназначен для удержания намотанной на него нитки. Длина предмета 15,4 см, ширина до 1,6 см, толщина до 0,9 см. У

---

[1] Ebert, Reallexicon XI, табл. 25 : k, l.

[2] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 4, рис. 19 : 3.

[3] Янитс, Новые данные, стр. 170 и сл., рис. 11 : 3; 12 : 9.

[4] Там же, стр. 189, рис. 16 : 6.

[5] ИИ № 1392 : 187, 203 и др.

[6] Первоначально такое же расширение имелось и на другом краю, но оно обломалось. Несмотря на это, инструментом продолжали пользоваться.

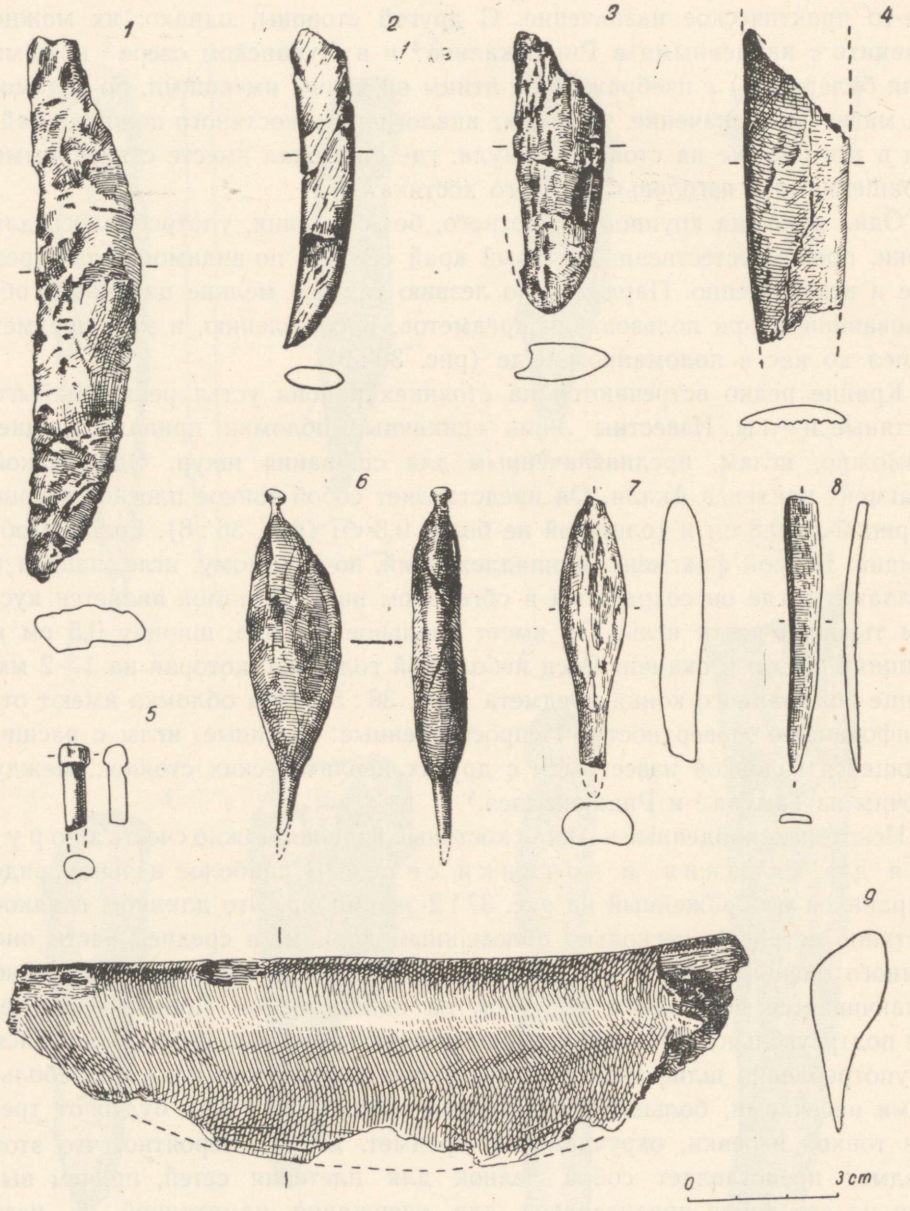


Рис. 36. Обломки костяных кочедыков, игол и ножей с поселений Акали (*1—4, 6—9*) и Кулламяги (*5*). *1* — ИИ № 4013 : 3126 (раскоп J), *2* — 3800 : 331 (C), *3* — 3800 : 90 (A), *4* — 3800 : 185 (B), *5* — 4045 : 234 (B), *6* — 4013 : 3093 (J), *7* — 3800 : 213 (B), *8* — 4013 : 5806 (J), *9* — 4013 : 3186 (J).

другого отнесенного к той же группе орудия обломан конец (рис. 37 : 1). Оно также стройное и несколько расширяется в средней части. На другом его конце в стенке трубчатой кости расположено естественное отверстие, использовавшееся, видимо, для прикрепления нитки. На поверхности видны частые поперечные линии, нанесенные на нее, может быть, в ка-

честве орнамента, а может быть и для того, чтобы намотанная на это орудие нитка крепче держалась. Последнее предположение подтверждает обломок третьего предмета (рис. 37 : 5), несколько более толстого, чем предыдущие, на выпуклой стороне которого при помощи кремневого острия нанесены многочисленные глубокие насечки, расположенные в беспорядке, но в основном в поперечном направлении. Кроме них, на поверхности предмета сохранились слабые следы обмотанной веревки. Далее, среди находок имеется плоская тыльная часть какого-то орудия, несколько более широкая, чем предыдущие (рис. 37 : 3). На обоих краях ее нанесены довольно правильные отлогие надрезы. Они напоминают по своей форме слабо выраженные зубцы гарпуна, но имеют противоположное направление. На выпуклой стороне предмета опять-таки имеются поперечные надрезы. Эти боковые насечки и надрезы явно предназначались для поддерживания обмотанной веревки при насадке орудия на какую-нибудь рукоятку или для какой-либо другой цели. На насечках местами заметны следы веревки. Наконец, следует упомянуть еще обломок костяного предмета, который своими правильными пропорциями и треугольным сечением похож на упомянутое первым орудие для плетения сетей. Этот фрагмент принадлежит конечной части орудия и имеет по одной насечке с противоположных сторон (рис. 37 : 4).

Такие же костяные предметы, какие Н. Н. Гурина считает иглами для плетения сетей, найдены и на стоянке Нарва-Рийгикюла I. Они снабжены также желобками на конце, а один из них имеет сверлину.[1]

Два костяных предмета отличаются по форме от других. Один из них найден почти целым (рис. 36 : 6). В средней части он сильно расширяется и имеет овальное поперечное сечение. Один конец его образует длинное тонкое острие, кончик которого обломался. Другой, также утонченный конец заканчивается небольшой головкой. Поверхность предмета хорошо отполирована. Второй предмет хуже обработан и сохранился в фрагментарном виде (рис. 36 : 7). По общему характеру он несколько похож на предыдущий, но так как оба конца у него обломались, то нельзя установить, заканчивался ли один из них также головкой. По сравнению с предыдущим предметом, у него переходящий в острие конец толще, расширяющаяся же средняя часть у́же. Возможно, что и рассматриваемые предметы применялись при изготовлении сетей. Имеющаяся на более целом экземпляре головка говорит о том, что к ней могла прикрепляться нитка. Для игл эти предметы слишком толсты. Интересно отметить, что в нижнем слое стоянки Веретье найдено короткое костяное острие с такой же расширяющейся средней частью, которое М. Е. Фосс считает иглой для плетения сетей.[2] Разница в форме этих предметов и вышеупомянутых пред-

[1] Древние поселения и городища, стр. 165, табл. XXXIX : 6, 9, 10. Возможно, что с изготовлением сетей связаны еще некоторые другие костяные изделия из Нарва-Рийгикюла I, имеющие надрезы по бокам или поверхность, покрытую штрихами. Там же, табл. XLI : 1, 10.

[2] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 60, рис. 22 : 7.

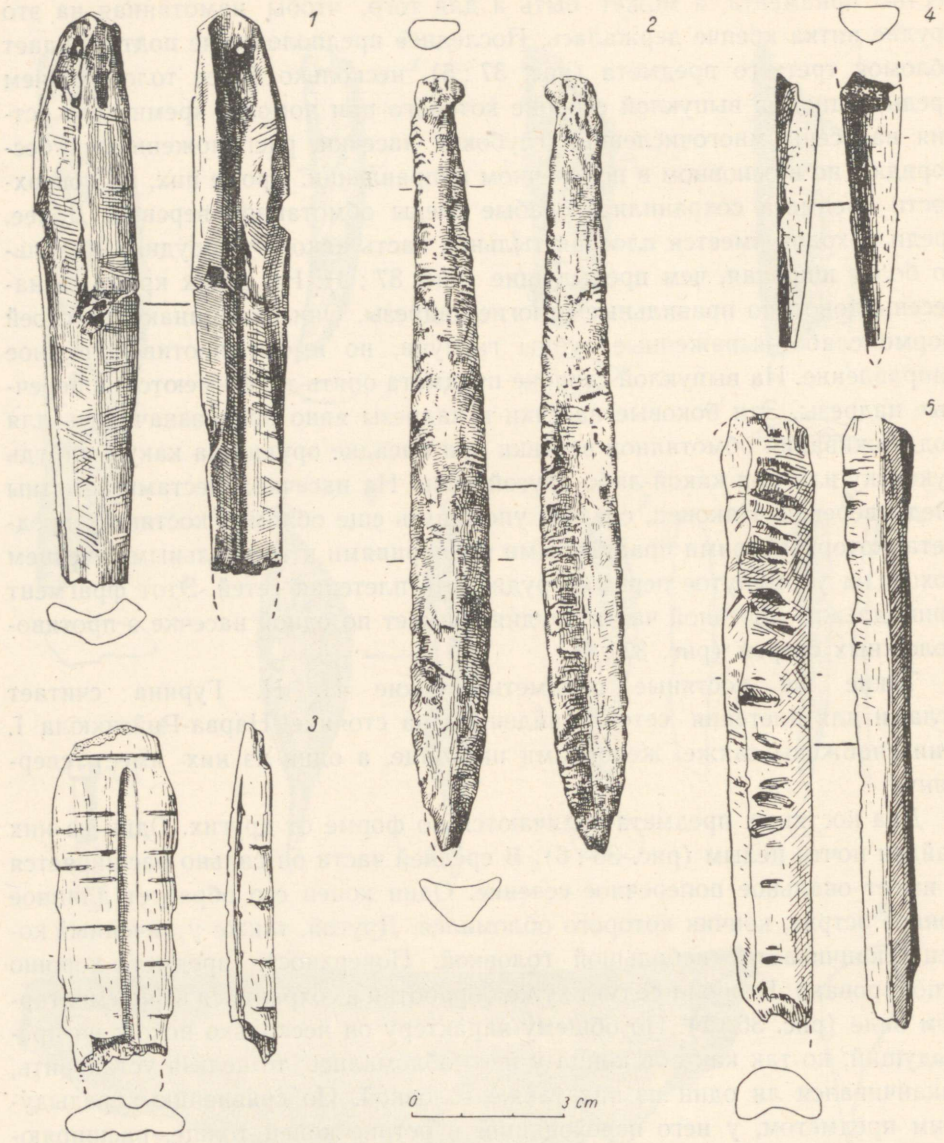


Рис. 37. Костяные иглы для вязания сетей (?) с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 89 (раскоп А), *2* — 3800 : 269 (С), *3* — 4013 : 237 (Н), *4* — 4013 : 3014 (J), *5* — 4013 : 137 (Н).

положительных челноков обусловлена, вероятно, тем, что они применялись для изготовления разного рода сетей, а, может быть, также разными приемами изготовления отдельных частей сети.

Рассмотренные нами разнообразные костяные предметы, начиная от шильев и кончая орудиями для плетения сетей, обнаружены в приречных раскопах стоянки Акали. Там же найдено примерно полтораста мелких фрагментов костяных предметов и обработанных кусков кости, которые не позволяют восстановить форму соответствующих предметов. В Кулла-

мяги, как уже упоминалось, найдено всего два обломка костяных изделий, которые сохранились лишь благодаря тому, что они обожжены. По своему стратиграфическому положению упомянутые костяные предметы в основном связаны с ямочно-гребенчатой керамикой, хотя позднейшие из них обнаружены и в горизонтах, где встречались уже черепки ранней шнуровой и текстильной керамики. Условия залегания костяных предметов указывают, таким образом, на то, что они были в употреблении одновременно с ямочно-гребенчатой керамикой. Можно, однако, с полной уверенностью сказать, что большинство упомянутых видов орудий бытовало на стоянках и позже, хотя из-за плохой сохранности костного материала они до сих пор не обнаружены в сочетании с позднейшими видами керамики.

Самую многочисленную группу находок, кроме керамики, на поселениях Акали и Кулламяги составляют мелкие кремневые предметы. По форме и способу употребления они делятся на четыре основных вида: скребки, ножи, острия и резцы.

Скребков, включая и фрагментарные экземпляры, найдено всего свыше пятисот, из них примерно 450 в Акали и 65 в Кулламяги. Среди скребков встречаются весьма отличные друг от друга по качеству обработки экземпляры. Наряду с экземплярами, у которых вся поверхность тщательно отретуширована, встречаются и такие, у которых хорошо обработан лишь рабочий край. Можно встретить довольно много и таких орудий, у которых только следы употребления по краям указывают на то, что они применялись в качестве скребков. Скребки обычно изготовлялись из более толстых кремневых отщепов, плоская поверхность которых оставлялась необработанной, а выпуклая поверхность частично или полностью покрывалась ретушью. Из тонких ножевидных пластин скребки изготовлялись редко. В этих случаях ретушь ограничивается лишь краями предмета. Некоторые скребки сделаны из кварца, но из-за свойств этого материала они сравнительно плохо обработаны.

Типичной формой на стоянках приустья реки Эмайыги являются концевые скребки. Это орудия разной величины, большей частью несколько продолговатые, у которых рабочий конец почти всегда шире тыльной части. Вследствие этого они часто имеют трапециевидную форму (рис. 38 : 1—6), а иногда и треугольную (рис. 38 : 7—12). Изредка встречаются овальные (рис. 39 : 4) или прямоугольные (рис. 39 : 1, 2) концевые скребки. Помимо лезвия, у них нередко отретуширован также один из боковых краев, значительно реже — оба боковых края, обушек же всегда без ретуши. Рабочий край слегка закруглен. Углы между лезвием и боковыми краями довольно часто острые. У некоторых из этих скребков боковые края применялись в качестве ножей (рис. 39 : 3). У единичных экземпляров боковой край образует вогнутое лезвие (рис. 39 : 5, 6). Длина скребков этого типа колеблется в пределах 1,4—3,9 см, ширина их 1,2—3,7 см, толщина 0,3—1,2 см.

Следующий вид скребков можно назвать боковыми скребками. Они отличаются от предыдущих в первую очередь рабочим краем, которым

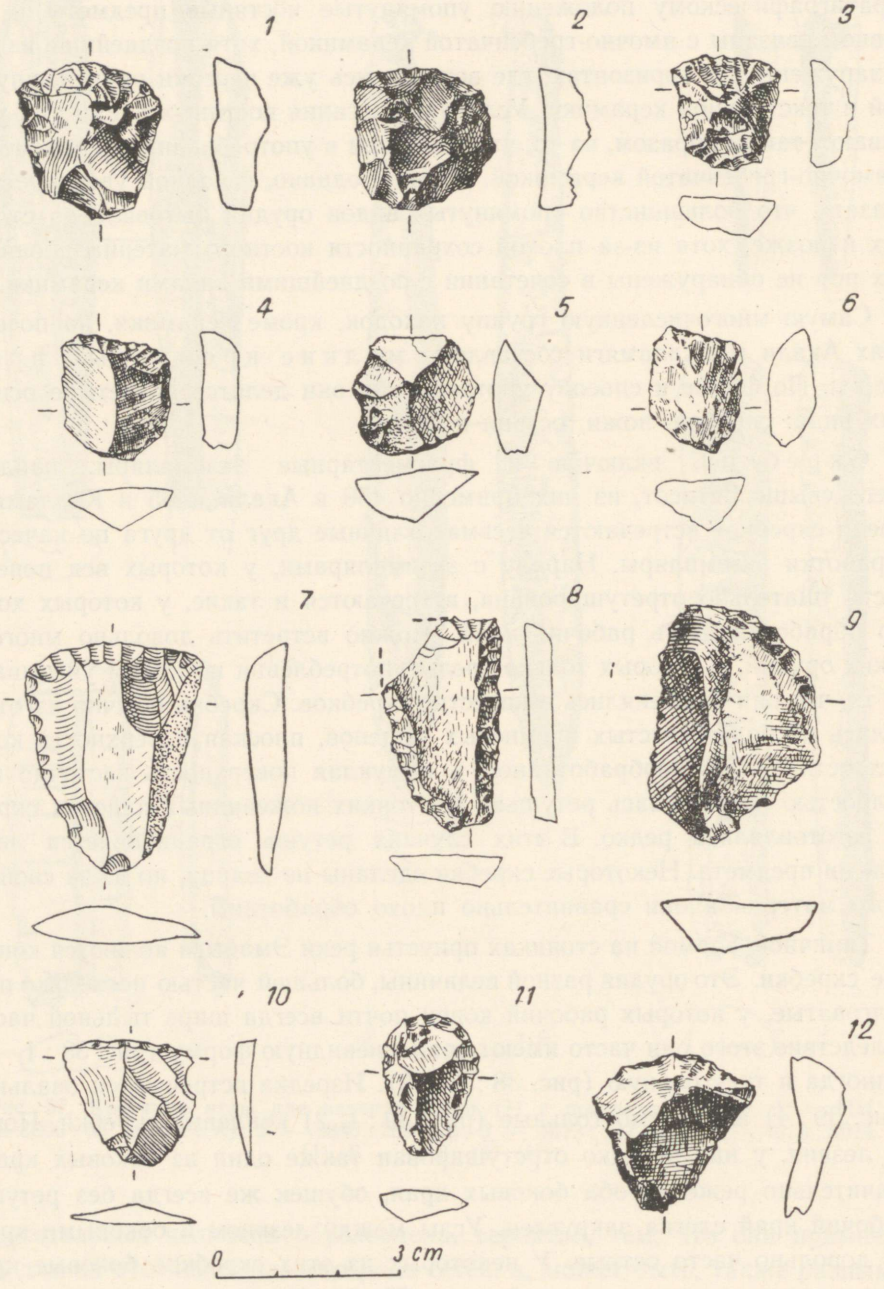


Рис. 38. Кремневые скребки с поселений Акали (*1—6, 8, 9, 11, 12*) и Кулламяги (*7, 10*). *1* — ИИ № 4013 : 2198 (раскоп J), *2* — 4013 : 7766 (L), *3* — 4013 : 4864 (J), *4* — 4013 : 4172 (J), *5* — 3800 : 420 (A), *6* — 4013 : 818 (H), *7* — 4045 : 507 (C), *8* — 4013 : 4121 (J), *9* — 4013 : 6537 (J), *10* — 4045 : 59 (B), *11* — 4013 : 6521 (J), *12* — 4013 : 6002 (J).

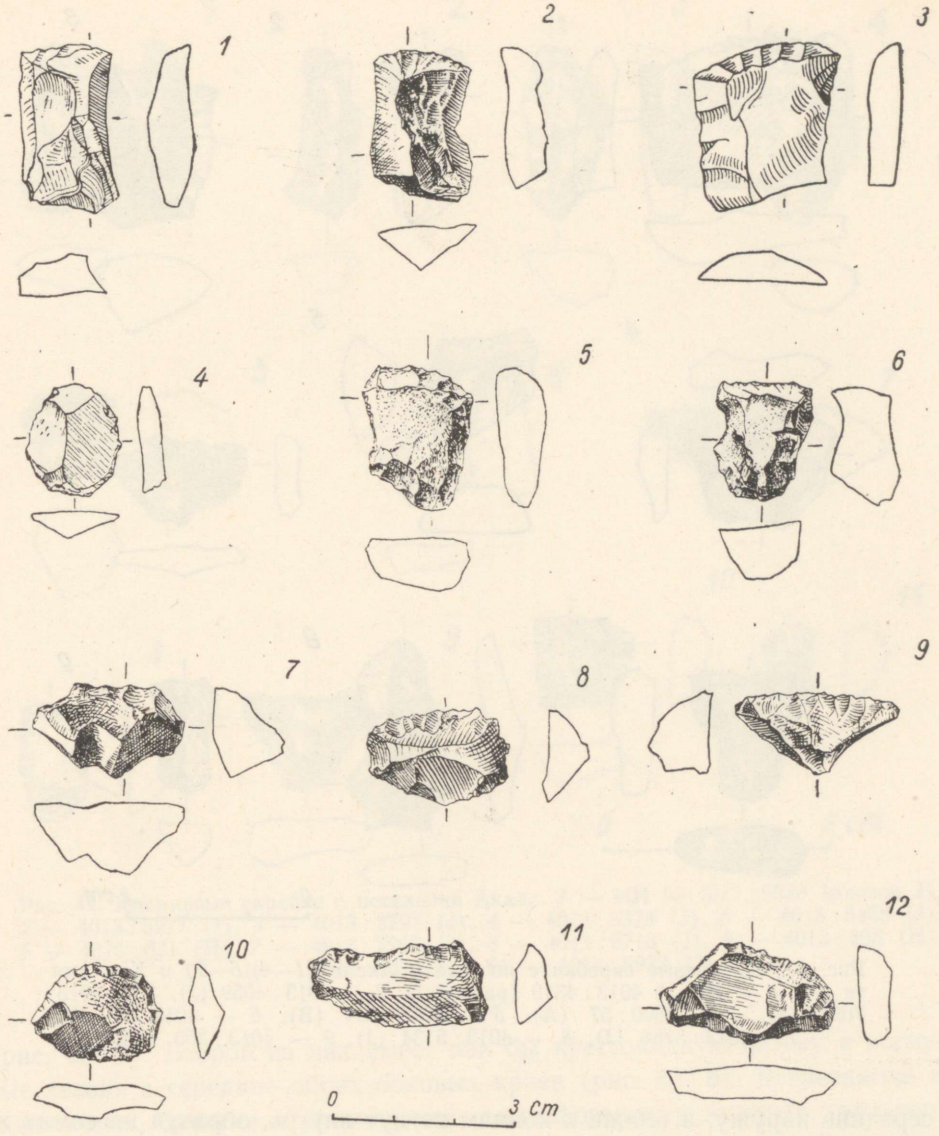


Рис. 39. Кремневые скребки с поселений Кулламяги (*1*, *3*) и Акали (*2*, *4—12*). *1* — ИИ № 4045 : 62 (раскоп В), *2* — 4013: 4778 (J), *3* — 4045 : 750 (В), *4* — 3800 : 496 (D), *5* — 4013 : 4246 (J), *6* — 3800 : 436 (В), *7* — 4013 : 4556 (J), *8* — 4013 : 2269 (I), *9* — 4013 : 7004 (J), *10* — 4013 : 5017 (J), *11* — 4013 : 6835 (J), *12* — 4013 : 5231 (J).

служит один из длинных краев предмета, тогда как остальные края обычно не обработаны. Край, противолежащий лезвию, часто толстый (рис. 39 : 7—12). Боковые скребки имеют различную, нередко неправильную форму и не образуют такой однородной группы, как концевые скребки. Рабочий край у них прямой или же закругленный. Немногочисленную подгруппу боковых скребков, найденную пока только в Акали, образуют экземпляры с волнистым рабочим краем. Край таких скребков выгнут в

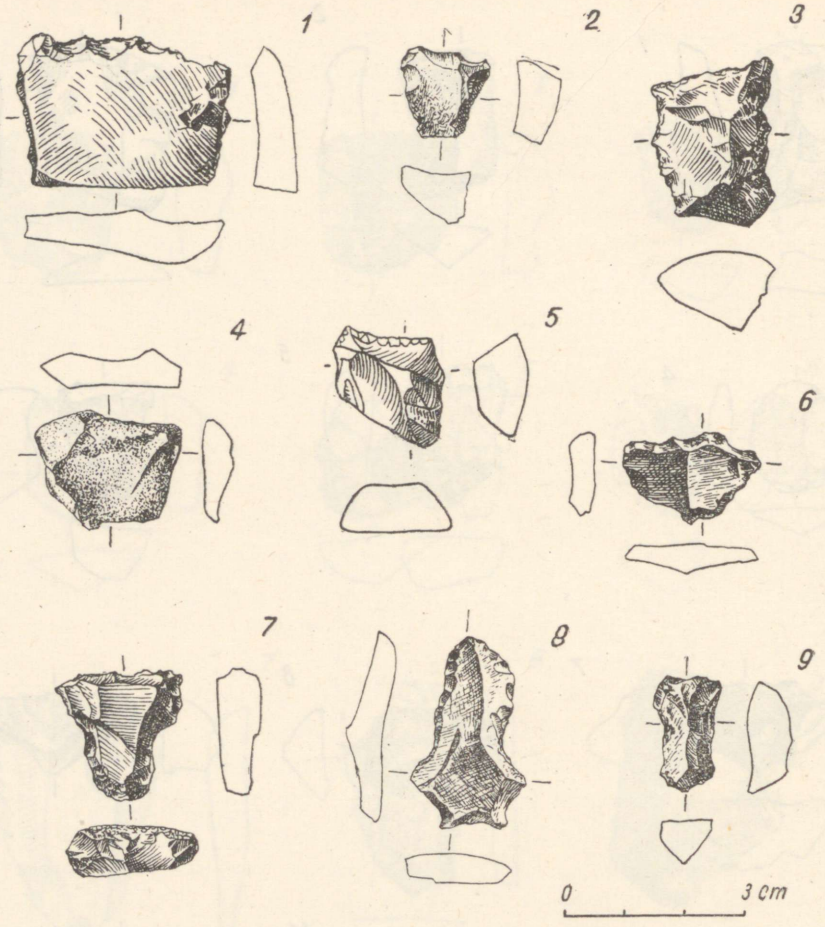


Рис. 40. Кремневые скребки с поселений Акали *(1—4, 6—9)* и Кулламяги *(5)*. *1* — ИИ № 4013 : 4319 (раскоп J), *2* — 4013 : 4059 (J), *3* — 4013 : 7091 (J), *4* — 3800 : 57 (A), *5* — 4045 : 884 (B), *6* — 4013 : 15 (H), *7* — 4013 : 5788 (J), *8* — 4013 : 5134 (J), *9* — 4013 : 353 (H).

середине наружу, а ближе к концам вогнут внутрь, образуя на самих же концах по небольшому выступу (рис. 40 : 1—3). Следы употребления видны на всем протяжении края. Скребки с таким рабочим краем употреблялись, видимо, при изготовлении деревянных предметов, причем по мере необходимости использовались отдельные части края. Боковые скребки в общем такой же величины, как и концевые, с той лишь разницей, что у них ширина превышает длину.

Найдены также специальные скребки с вогнутым лезвием. Они средних или более мелких размеров. Наряду с просто обработанными экземплярами (рис. 40 : 4, 5) встречаются и скребки с несколькими впадинами (рис. 40 : 6), а также отдельные предметы своеобразной формы. Один из них напоминает по форме букву «Т», причем вогнутое лезвие у него наблюдается как на широком конце, так и на обоих боковых краях

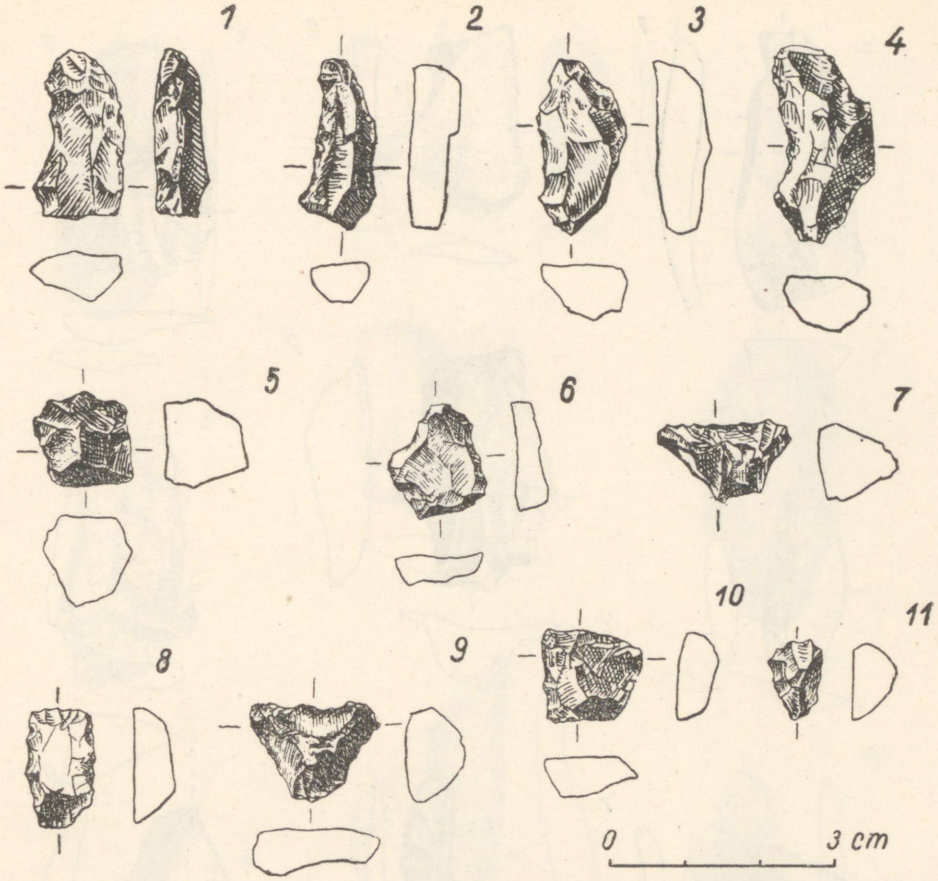


Рис. 41. Кремневые скребки с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 5538 (раскоп J), *2* — 4013 : 5277 (J), *3* — 4013 : 3797 (J), *4* — 4013 : 6374 (J), *5* — 4013 : 5158 (J), *6* — 4013 : 671 (H), *7* — 4013 : 7266 (J), *8* — 4013 : 6716 (J), *9* — 4013 : 356 (H), *10* — 4013 : 347 (H), *11* — 4013 : 5933 (J).

(рис. 40 : 7). Второй из них имеет как бы крестовидную форму и вогнутые лезвия в середине обоих боковых краев (рис. 40 : 8). Встречаются и экземпляры, близкие к упомянутым выше формам, у которых характерные для них черты, однако, не так четко выражены (рис. 40 : 9).

Ряд скребков имеет несколько различных лезвий. Это продолговатые, небольших размеров и сравнительно хорошо обработанные предметы. Лезвие расположено у них по обоим длинным краям, причем одно из них выпуклое, а другое вогнутое. Типичные представители этой группы имеют поэтому несколько кривую форму (рис. 41 : 1—4). Длина таких скребков не превышает 2,6 см, ширина 1,4 см.

Наконец, следует упомянуть одну довольно многочисленную группу микроскребков. Максимальный диаметр их не превышает 1,7 см, встречаются также экземпляры, имеющие в длину 1 см и в ширину 0,6 см (рис. 41 : 11). При этом они сравнительно толстые, по-видимому для того, чтобы было удобнее ими пользоваться. Микроскребки имеют большей частью подтре-

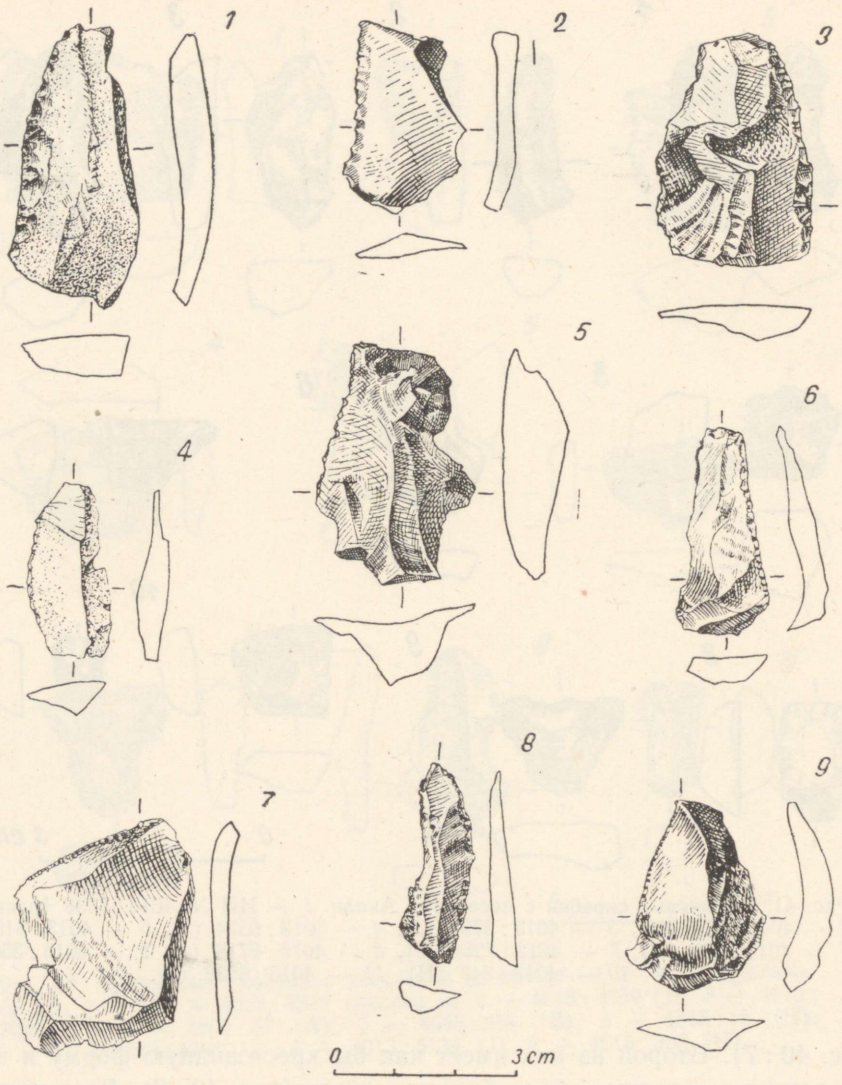


Рис. 42. Кремневые ножи с поселений Акали *(1, 2, 4—9)* и Кулламяги *(3)*. *1* — ИИ № 3800 : 321 (раскоп С), *2* — 4013 : 5390 (J), *3* — 4045 : 1253 (К), *4* — 3800 : 45 (А), *5* — 4013 : 3415 (J), *6* — 4013 : 2845 (I), *7* — 4013 : 7590 (J), *8* — 4013 : 4638 (J), *9* — 4013 : 4412 (J).

угольную или четырехугольную форму и обыкновенно отретушированы со всех краев. Они показывают сильные следы употребления (рис. 41 : 5—11).

Ножей на наших стоянках найдено около 285 экземпляров, из них круглым счетом 250 — в Акали и 35 — в Кулламяги. Среди ножей тщательно обработанных экземпляров меньше, чем среди скребков. В противоположность скребкам, ножи обычно изготовлены из длинных тонких кремневых пластинок, имеющих острый край. Общая форма пластинки более или менее случайная, так как ретушь нанесена обычно только на лезвие и лишь в редких случаях на спинку. Последняя притуплена, по-

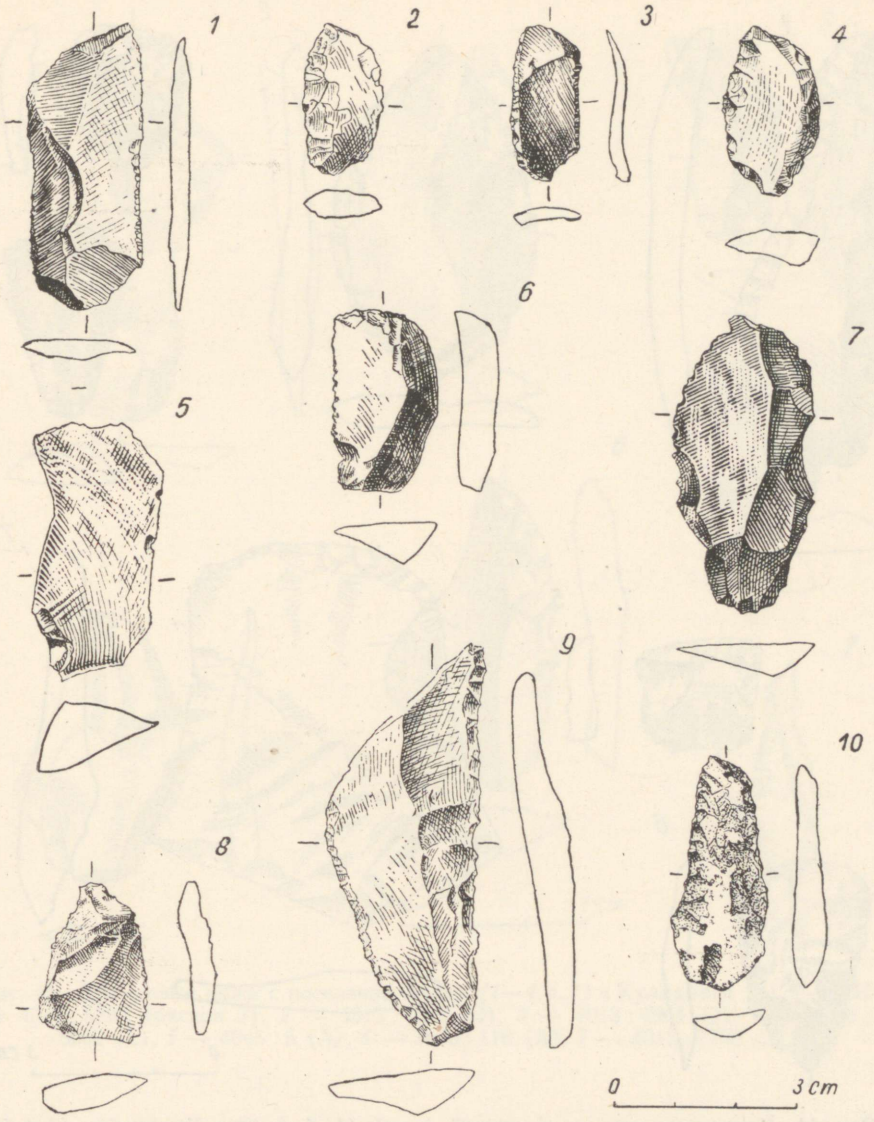


Рис. 43. Кремневые ножи с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 6324 (раскоп J), *2* — 4013 : 5790 (J), *3* — 4013 : 4618 (J), *4* — 4013 : 8361 (O), *5* — 4013 : 6361 (J), *6* — 4013 : 3646 (J), *7* — 4013 : 937 (I), *8* — 4013 : 4713 (J), *9* — 4013 : 552 (H), *10* — 3800 : 222 (B).

видимому для того, чтобы на нее при употреблении мог опираться палец. Ножи в среднем крупнее скребков и имеют длину до 7,2 см и ширину до 5,9 см. Для ножей выбирались обычно сравнительно тонкие кремневые пластинки толщиной 0,3—0,7 см (хотя попадаются и значительно более толстые экземпляры).

По форме лезвия ножи можно разбить на две основные группы. К первой группе можно отнести ножи с прямым или слегка закругленным лезвием. Эта группа в количественном отношении значительно больше

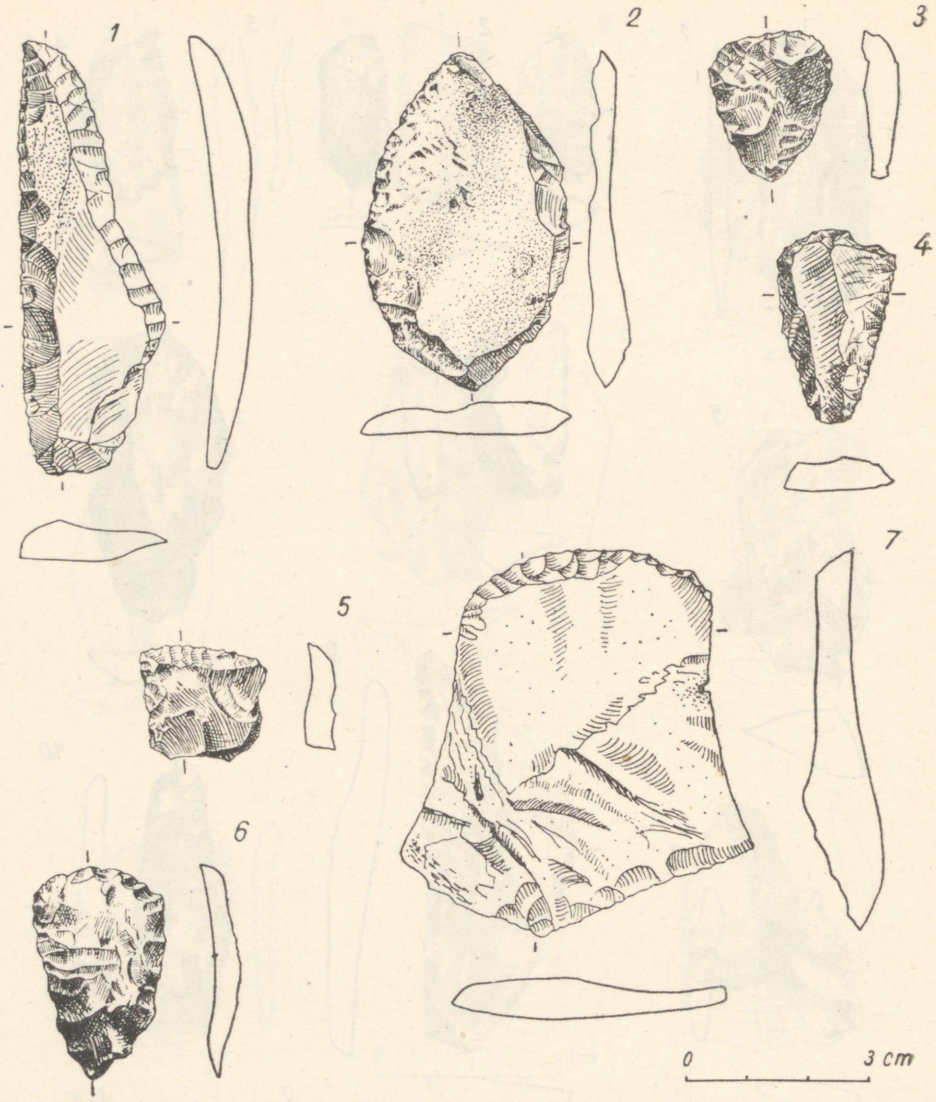


Рис. 44. Кремневые ножи с поселений Акали *(1, 2, 5, 7)* и Кулламяги *(3, 4, 6)*. *1* — ИИ № 3800 : 393 (раскоп A_1), *2* — 3800 : 402 (A_1), *3* — 4045 : 1060 (F), *4* — 4045 : 944 (D), *5* — 4013 : 831 (I), *6* — 4045 : 1168 (F), *7* — 3800 : 254 (C).

второй, к которой отнесены ножи с вогнутым лезвием. У ножей первой группы при помощи тонкой отжимной ретуши заточен только узкий край лезвия, обычно с одной стороны. На других местах нет специальных следов обработки (рис. 42). Редко встречаются экземпляры, у которых заточены оба продольных края (рис. 43 : 1—3). У немногих ножей притуплена также спинка (рис. 43 : 4). Довольно часто можно встретить пластинки с естественным острым краем, от которого откололись крошечные осколки, свидетельствующие о том, что эти предметы использовались как ножи (рис. 43 : 5). Даже на таких незаточенных ножах спинка иногда притуп-

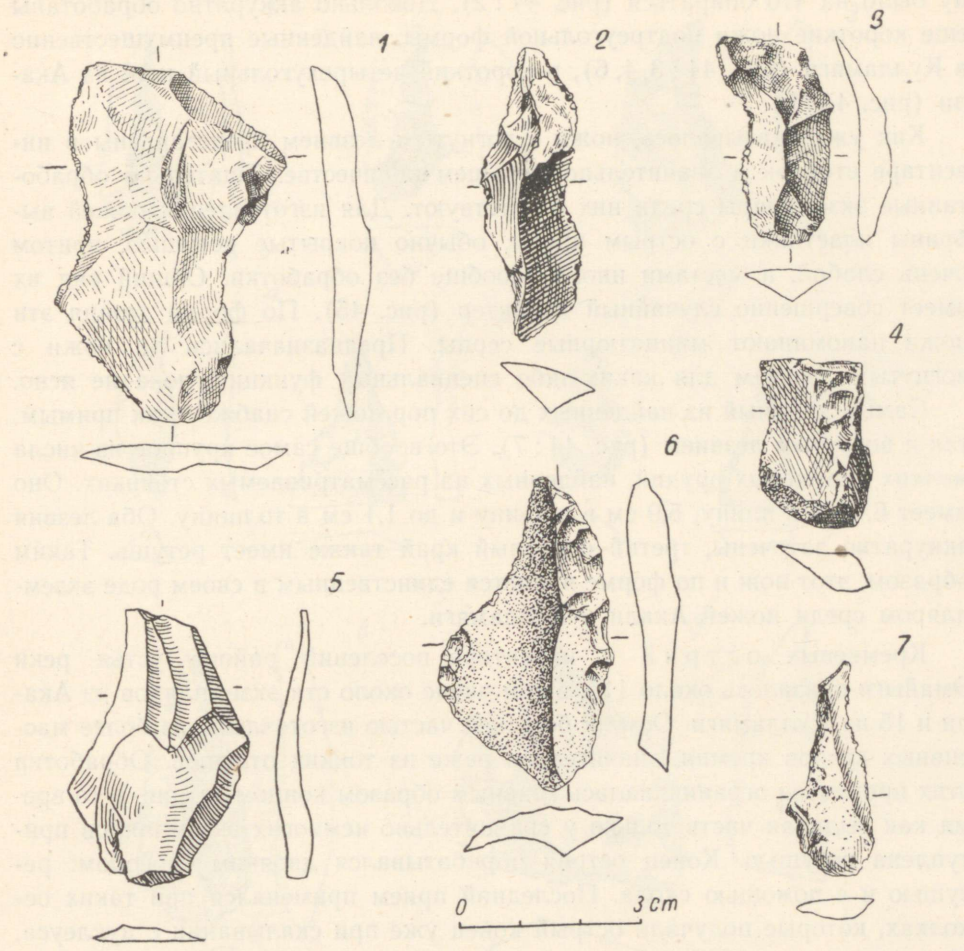


Рис. 45. Кремневые ножи с поселений Акали *(1—4, 6, 7)* и Кулламяги *(5)*. *1* — ИИ № 4013 : 5323 (раскоп J), *2* — 4013 : 7387 (J), *3* — 4013 : 4964 (J), *4* — 4013 : 8002 (L), *5* — 4045 : 5 (A), *6* — 3800 : 116 (A), *7* — 4013 : 7700 (J).

лена (рис. 43 : 6, 8). Один нож (рис. 43 : 7) с очень слабо ретушированным рабочим краем изготовлен, по-видимому, из обломка какого-то отшлифованного кремневого предмета (долота?).

К этой же группе следует отнести некоторые значительно лучше других обработанные экземпляры. Это, прежде всего, нож длиной 3,8 см, у которого отретушированы не только продольные края, но с верхней стороны и поверхность (рис. 43 : 10). Изделие оканчивается расширяющейся тыльной частью, приспособленной для прикрепления к рукоятке. Со всех краев отретушированы два более крупных ножа, рабочей частью у которых служил, однако, только прямой, самый длинный край (рис. 43 : 9; 44 : 1). Хорошо обработан и один красивый экземпляр заостренно-овальной формы, длиной 5,5 см и шириной 3,4 см, у которого от передней части спинки, по-видимому, специально отбит осколок для того, чтобы паль-

цу было на что опираться (рис. 44 : 2). Довольно аккуратно обработаны еще короткие ножи подтреугольной формы, найденные преимущественно в Кулламяги (рис. 44 : 3, 4, 6), и короткий четырехугольный нож из Акали (рис. 44 : 5).

Как уже указывалось, ножи с вогнутым лезвием представлены в инвентаре стоянок в значительно меньшем количестве. Тщательно обработанные экземпляры среди них отсутствуют. Для изготовления ножей выбраны пластинки с острым краем, обычно покрытые ретушью, притом очень слабой, а местами иногда вообще без обработки. Общий вид их имеет совершенно случайный характер (рис. 45). По форме лезвия эти ножи напоминают миниатюрные серпы. Предназначались ли ножи с вогнутым лезвием для каких-либо специальных функций, пока не ясно.

Самый крупный из найденных до сих пор ножей снабжен как прямым, так и вогнутым лезвием (рис. 44 : 7). Это вообще самое крупное из числа мелких кремневых орудий, найденных на рассматриваемых стоянках. Оно имеет 6,4 см в длину, 5,9 см в ширину и до 1,1 см в толщину. Оба лезвия аккуратно заточены, третий округлый край также имеет ретушь. Таким образом, этот нож и по форме является единственным в своем роде экземпляром среди ножей Акали и Кулламяги.

Кремневых о с т р и й в инвентаре поселений района устья реки Эмайыги оказалось около 115, в том числе около ста экземпляров из Акали и 15 из Кулламяги. Острия большей частью изготовлены из более массивных кусков кремня, значительно реже из тонких отщепов. Обработка этих предметов ограничивалась главным образом концом острия, в то время как тыльная часть только у сравнительно немногих экземпляров притуплена ретушью. Конец острия обрабатывался двояким способом: ретушью и с помощью скола. Последний прием применялся при таких осколках, которые получали острый конец уже при скалывании с нуклеуса. Можно полагать, что подходящие остроконечные осколки употреблялись и без дополнительной обработки. Ретушированные проколки почти полностью отсутствуют в инвентаре Кулламяги.

Среди острий можно различить некоторые группы, которые применялись, видимо, для различных целей. Одну такую группу составляют проколки со сравнительно длинным и довольно острым концом (рис. 46 : 1—7). Отдельные из них имеют несколько кривую форму. Такие проколки употреблялись, по-видимому, для прокалывания отверстий. Ко второй группе относятся острия с более толстым, крепким, большей частью коротким рабочим концом (рис. 46 : 8, 9; 47 : 1—3), которые применялись, очевидно, в качестве сверл для просверливания костяных и деревянных изделий, а в случае надобности, и мелких каменных предметов. К третьей группе причислены экземпляры с очень тонким и острым и, следовательно, коротким концом (рис. 47 : 4—7, 11). Последние употреблялись, видимо, для тонких сверлильных работ, как, например, для просверливания привесок из янтаря и зубов животных, а также для прочих подобных работ. Имеющиеся на привесках отверстия просверлены с двух сторон. Это вполь-

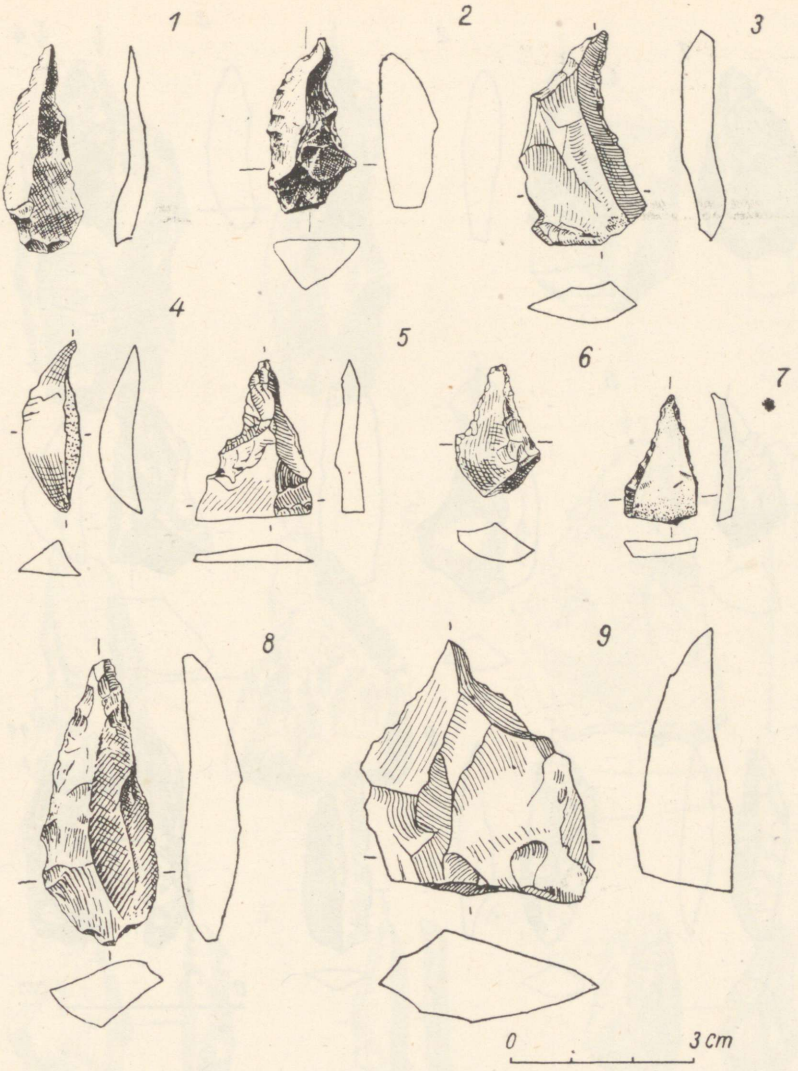


Рис. 46. Кремневые острия с поселений Кулламяги *(1, 4, 9)* и Акали *(2, 3, 5—8)*. *1* — ИИ № 4045 : 1138 (раскоп F), *2* — 4013 : 5539 (J), *3* — 3800 : 16 (A), *4* — 4045 : 386 (C), *5* — 3800 : 92 (A), *6* — 4013 : 7122 (J), *7* — 3800 : 397 (D), *8* — 4013 : 4969 (J), *9*— 4045 : 215 (B).

не естественно, если принять во внимание короткий рабочий конец этих тонких сверл. Четвертая группа, представленная пока лишь в Акали, отличается от предыдущих. К ней принадлежат некоторые продолговатые остроконечные кремневые орудия, наиболее длинный прямой край которых употреблялся также в качестве ножа (рис. 47 : 8—10). Некоторые из них сравнительно хорошо отретушированы. Своим острым концом, сочетающимся с режущим лезвием, они напоминают вышеописанные шилья-ножи из клыков кабана.

Кремневые острия, как правило, небольших размеров и в среднем по своей величине уступают ножам и в некоторой степени даже скребкам.

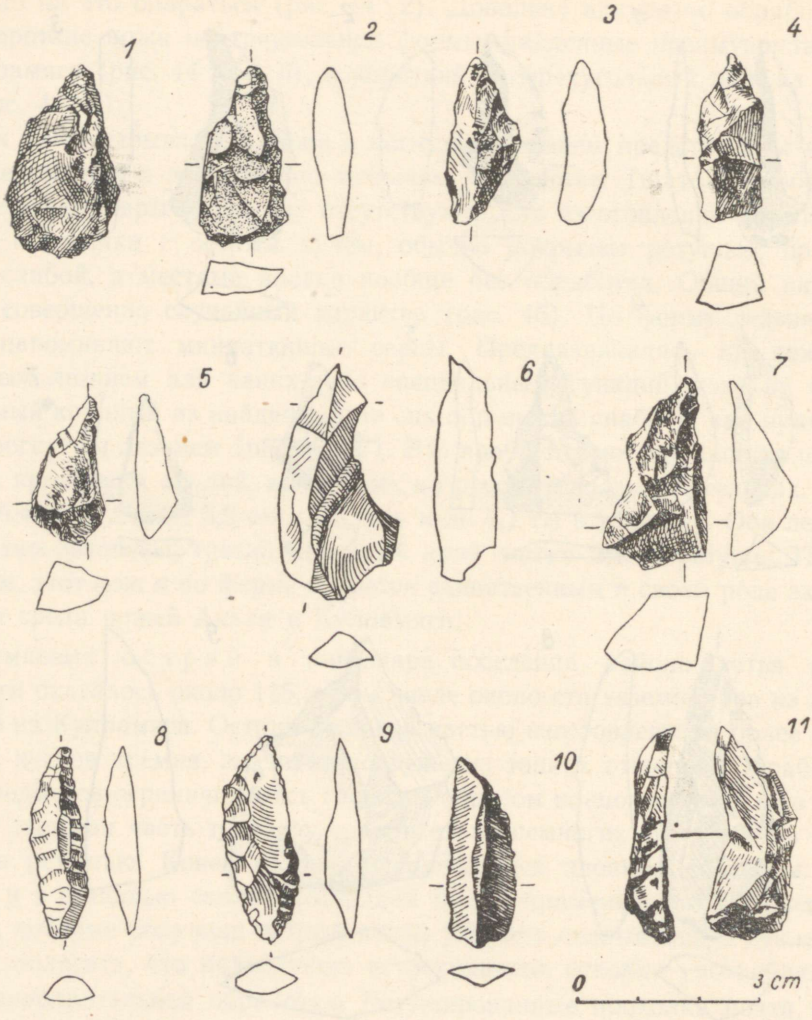


Рис. 47. Кремневые острия с поселений Акали *(1—5, 7—10)* и Кулламяги *(6, 11)*. *1* — ИИ № 4013 : 7779 (раскоп L), *2* — 3800 : 49 (A), *3* — 4013 : 8010 (L), *4* — 4013 : 7658 (J), *5* — 3800 : 412 (A—D), *6* — 4045 : 450 (C), *7* — 4013 : 4274 (J), *8* — 4013 : 5408 (J), *9* — 4013 : 5407 (J), *10* — 4013 : 7705 (J), *11* — 4045 : 1118 (F).

Надо полагать, что большая часть их употреблялась с рукоятками, как, вероятно, и многие другие маленькие кремневые орудия. Тыльные части большинства остриев довольно хорошо приспособлены для насадки.

Резцов рассматриваемые стоянки дали примерно 65, из которых около 50 происходят из Акали и не меньше 15 — из Кулламяги. Резцы изготовлены большей частью из массивных кусков кремня и лишь изредка среди них встречаются экземпляры из более тонких отщепов. Единичные резцы (4—5 экземпляров) сделаны из кварца. Будучи сравнительно массивными, резцы все же имеют довольно незначительные размеры. Наи-

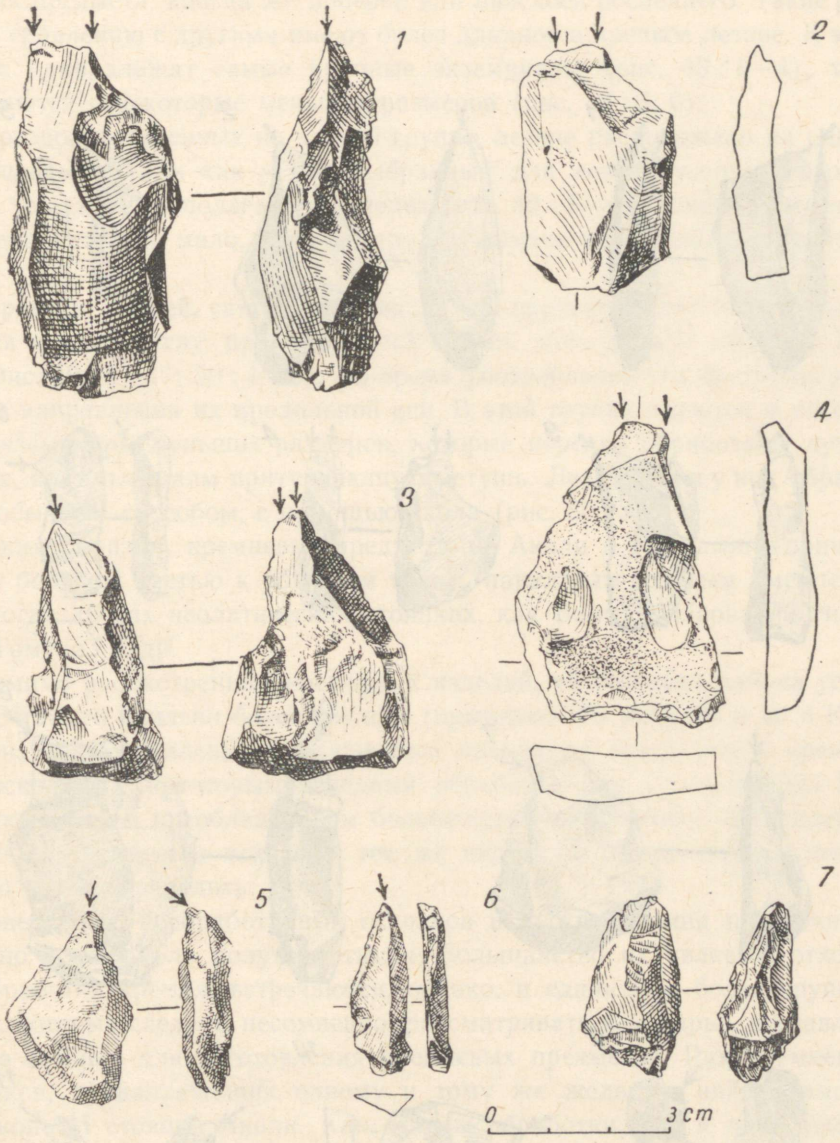


Рис. 48. Кремневые резцы и нуклеус с поселений Акали *(1, 3—7)* и Кулламяги *(2)*. *1* — ИИ № 4013 : 1609 (раскоп I), *2* — 4045 : 206 (В), *3* — 4013 : 6020 (J), *4* — 3800 : 206 (В), *5* — 4013 : 8379 (О), *6* — 4013 : 5713 (J), *7* — 3800 : 47 (А).

более крупный экземпляр из них имеет длину 5,7 см, ширину 2,8 см, толщину 1,7 см. Резцы средней величины имеют длину 3—4 см. Резцы обработаны только у рабочего конца.

По форме рабочей части и ее расположению резцы можно разделить на три группы. К первой группе относятся такие экземпляры, у которых лезвие располагается на одном конце в середине и заострено с обеих сторон при помощи скола. Лезвие большей частью расположено вдоль узко-

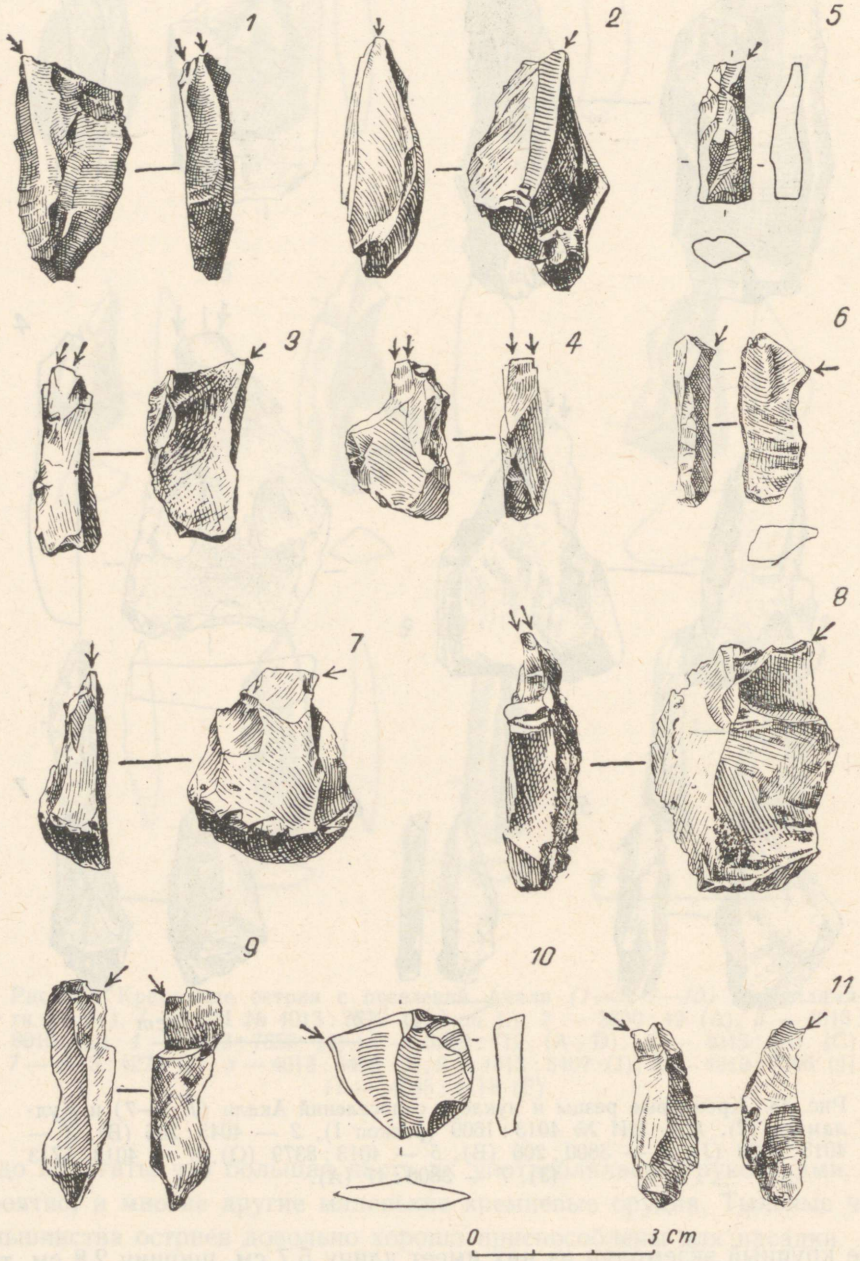


Рис. 49. Кремневые резцы с поселений Акали *(1—4, 6—9, 11)* и Кулламяги *(5, 10)*. *1* — ИИ № 4013 : 7736 (раскоп L), *2* — 4013 : 1513 (I), *3* — 4013 : 5919 (J), *4* — 4013 : 7120 (J), *5* — 4045 : 437 (C), *6* — 4013 : 626 (H), *7* — 4013 : 2782 (I), *8* — 4013 : 2768 (I), *9* — 4013 : 7471 (J), *10* — 4045 : 689 (B), *11* — 4013 : 6993 (J).

го края предмета, иногда же поперек или наискось последнего. Такие резцы по сравнению с другими имеют более длинное и крепкое лезвие. К этой группе принадлежат самые крупные экземпляры (рис. 48 : 1—4), хотя попадаются и некоторые меньших размеров (рис. 48 : 5, 6).

У резцов, отнесенных ко второй группе, лезвие расположено на одном углу предмета. Так как у них выбранный для лезвия угол достаточно толст, то лезвие располагается поперек (рис. 49 : 1—4). Таких резцов найдено сравнительно мало. В инвентаре Кулламяги они полностью отсутствуют.

У резцов третьей, самой многочисленной группы лезвие также размещается в одном углу, причем острый кончик этого угла и образует лезвие (рис. 49 : 5—11; 50 : 1—5). Во время употребления эти предметы двигали в направлении их продольной оси. В этой группе имеются и некоторые экземпляры меньших размеров, которые нередко обработаны лучше других, имея по краям притупляющую ретушь. Лезвие же и у них образовано обычным способом, с помощью скола (рис. 50 : 8).

Таким образом, кремневые предметы из Акали и Кулламяги принадлежат большей частью к обычным типам, параллели которым имеются и на многих других неолитических стоянках, как Валма [1], Нарва-Рийгикюла [2], Тамула [3] и др.

Помимо рассмотренных кремневых изделий, на стоянках района устья реки Эмайыги найдено более двухсот (примерно 170 в Акали и 40 в Кулламяги) совсем маленьких фрагментов кремневых предметов и кремневых осколков с некоторыми следами обработки или употребления. Эти обломки в своем преобладающем большинстве, несомненно, принадлежат к мелким кремневым изделиям тех же видов, но назначение их невозможно точно определить.

Совершенно необработанных осколков и кусков кремня на стоянках найдено всего около полутора тысяч. Большинство их является отходами обработки кремня, встречаются, однако, и единичные более крупные куски, которые следует, несомненно, рассматривать как сырье, доставленное на стоянку для изготовления кремневых предметов. Ряд кремневых обломков, принадлежащих одному и тому же желваку, найден вместе в раскопе М стоянки Акали. Как отходы обработки, так и полуготовые предметы, а также куски сырья свидетельствуют о том, что обработка кремня производилась на самих этих стоянках. Это подтверждается и тем фактом, что среди кусков кремня найдены нуклеусы. Всего обнаружено около 65 нуклеусов, из них 60 в Акали и 5 в Кулламяги. Они использовались до последней возможности, так как все найденные нуклеусы очень маленькие (рис. 48 : 7; 50 : 6, 7, 9). Форма их неправильная, от их боков отколоты как осколки, так и отщепы. Типичные призматические экземпляры в Акали и Кулламяги не представлены.

---

[1] Древние поселения и городища, рис. 53.
[2] Там же, стр. 157, 162 и сл.
[3] Янитс, Новые данные, стр. 189, рис. 17.

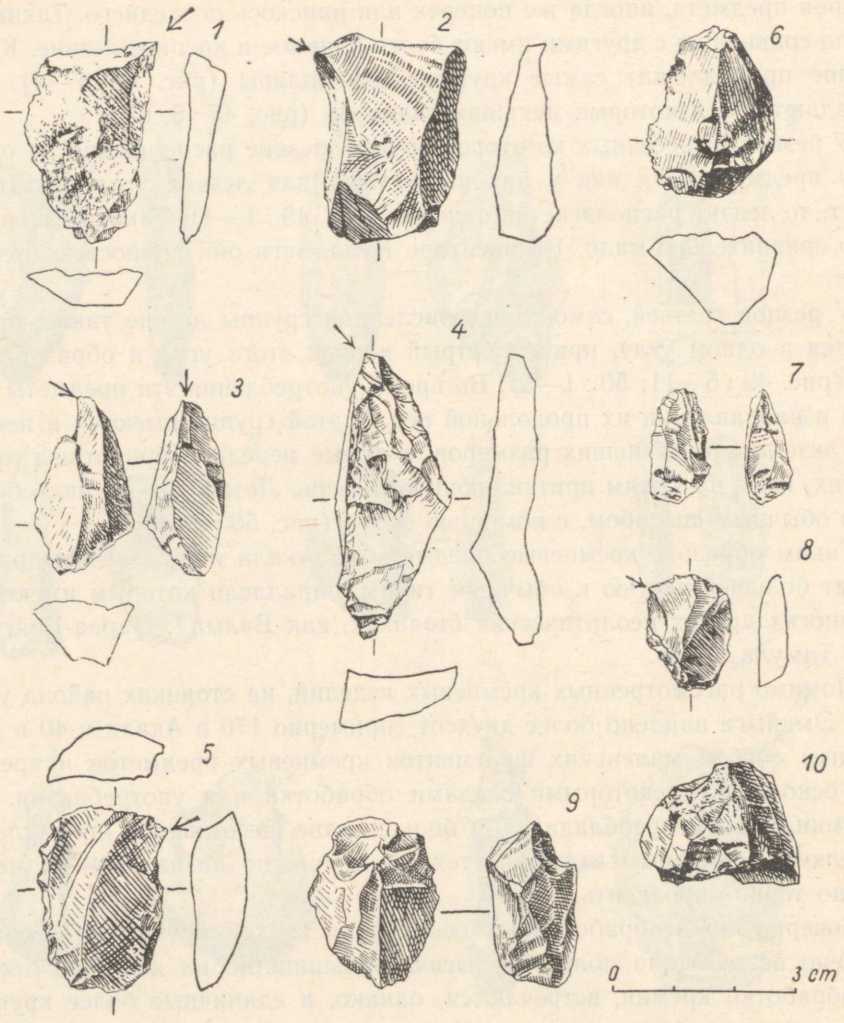


Рис. 50. Кремневые резцы, отжимник и нуклеусы с поселений Акали *(1—5, 7—10)* и Кулламяги *(6)*. *1* — ИИ № 3800 : 379 (раскоп A_1), *2* — 4013 : 8484 (Q), *3* — 4013 : 29 (H), *4* — 3800 : 273 (C), *5* — 4013 : 4242 (J), *6* — 4045 : 819 (B), *7* — 3800 : 298 (C), *8* — 4013 : 6345 (J), *9* — 3800 : 270 (C), *10* — 4013 : 7216 (J).

Хотя мы таким образом имеем явные свидетельства того, что обработка кремня производилась на рассматриваемых стоянках, все же среди обнаруженного до сих пор инвентаря стоянок встречается очень мало орудий, которые были бы связаны с обработкой кремня. В качестве специальных орудий следует иметь в виду о т ж и м н и к и. Среди костяных предметов этот вид орудия совершенно отсутствует. На стоянке Акали также найдено лишь два-три кремневых предмета, которые, судя по характерной сработанности края, можно принять за отжимники (рис. 50 : 10). Отсутствие специальных отжимников позволяет предполагать, что для ретушировки кремня частично применялись изношенные нуклеусы, из которых

отдельные имеют подходящий для этой цели и соответственно сработанный конец (рис. 50 : 9).

Мелкие кремневые предметы и осколки обнаружены во всех раскопах поселений Акали и Кулламяги, где только имелся культурный слой. Они встречались во всех горизонтах культурного слоя. Имеющийся в настоящее время материал не дает возможности выделить среди мелких кремневых предметов более ранние и более поздние типы, ибо предметы, одинаковые по характеру и технике обработки, найдены в сочетании с керамикой разновременных типов. Следует все же отметить, что кремневые изделия, которые можно было бы синхронизировать, с одной стороны, с керамикой нарвского типа, а с другой стороны, с керамикой эпохи раннего металла, известны нам пока в очень небольшом количестве. Возможно, что дальнейшие раскопки дадут новые материалы, при обстоятельном исследовании которых удастся найти точки опоры и для прослеживания изменений в форме и технике обработки кремневых изделий. Во всяком случае кажется, что на более поздних этапах существования поселений техника обработки кремня не упала. Хорошо обработанные кремневые изделия обнаружены также вместе с поздней шнуровой и текстильной керамикой; вместе с этими же видами керамики найден и нож, изготовленный из обломка отшлифованного кремневого предмета. Как уже раньше отмечалось, наиболее тщательно изготовленные экземпляры кремневых наконечников стрел и дротиков можно синхронизировать именно с более поздней керамикой. Эти факты подтверждают, что техника обработки кремня в позднейших периодах существования стоянок района устья реки Эмайыги стояла на высоком уровне.

С другой стороны, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в сочетании с позднейшими видами керамики найдено относительно меньше кремневых изделий и осколков кремня, чем с ямочно-гребенчатой керамикой. То же самое следует сказать и о каменных изделиях вообще. Это явление резко бросается в глаза, если сравнить материалы из раскопов I и J в Акали (табл. на стр. 57). Раскоп J имеет площадь, почти на половину бо́льшую, чем раскоп I. В раскопе J найдено керамики примерно в пять раз, каменных изделий в 9—10 раз и кремневых осколков в 7—8 раз больше, чем в раскопе I. Таким образом, по сравнению с количеством керамики, в раскопе I каменных изделий найдено относительно меньше, чем в раскопе J. То же явление можно наблюдать при сравнении материалов раскопа I с инвентарем раскопов H или L. На постепенное уменьшение количества предметов из кремня и других каменных пород указывает, хотя и не в такой ясной форме, материал самого раскопа J. Если его площадь разбить на равные участки, как это показано в таблице, то окажется, что чем дальше от реки и чем ближе к бугру, тем меньше, как правило, встречается каменных орудий и кремневых осколков. Культурный же слой, как мы видели выше, по мере приближения к бугру, относится ко все более и более позднему времени.

Материал из Кулламяги также не противоречит сделанному заключению об уменьшении количества каменных предметов в позднейших зонах поселения Акали. И в Кулламяги в раскопах с более поздним культурным слоем, как, например, в раскопах I, K и L, особенно же в раскопе O, найдено сравнительно мало каменных орудий. Итак, следует отметить, что хотя каменные изделия находились в употреблении в качестве повседневных орудий труда вплоть до конца существования этих поселений, все же их употребление на более поздних этапах хоть и медленно, но постепенно снижается. Является ли причиной этого появление в употреблении металла, а вместе с тем увеличившееся изготовление предметов из кости и рога, этот вопрос из-за недостаточности соответствующего материала остается пока нерешенным.

При изготовлении каменных изделий из кристаллических пород употреблялись шлифовальные камни. Последние найдены на обеих стоянках в довольно большом количестве, но в основном в виде обломков. Количество фрагментов шлифовальных камней достигает в инвентаре Акали двухсот, а в Кулламяги полусотни. Большинство из них принадлежит крупным экземплярам, которые при употреблении лежали на земле. В качестве таких шлифовальных камней употреблялись часто крупные плиты песчаника, а также плоские камни твердых пород.

Среди последних имеются два целых шлифовальных камня, найденных на стоянке Акали. Один из них имеет продолговатую подтреугольную форму; длина его 24 см, ширина 19 см и высота 9,5 см. На его верхней поверхности виден образовавшийся от употребления след овальной формы.[1] Второй камень, если смотреть на него сверху, почти круглый, диаметром 22 см и высотой 12 см. В соответствии с формой камня, на его верхней поверхности образовался округлый след шлифовки (рис. 51). Среди крупных шлифовальных камней имеются и такие, на которых обрабатываемый предмет двигался не по кругу или овалу, а вперед и назад (рис. 52 : 1). Шлифовальные камни иногда очень сильно сработаны. Некоторые более тонкие шлифовальные плиты протерты почти насквозь.

Второй вид шлифовальных камней составляют ручные бруски, в качестве которых применялись исключительно песчаники. Бруски длиной в среднем 5—10 см было удобно держать в руках. Для шлифовки употреблялись обыкновенно их более узкие грани, которые от этого стали несколько вогнутыми (рис. 52 : 2, 3; 53 : 1).

К третьей группе принадлежат шлифовальные камни, также песчаниковые, похожие по величине и форме на бруски, на поверхности которых от употребления образовалась бороздка. Последняя довольно узкая — всего 0,5—1 см в ширину и тянется обычно вдоль одной из более широких граней (рис. 53 : 3). На одном экземпляре из Кулламяги на обоих боках имеется даже по несколько бороздок (рис. 53 : 4). Вероятно, шлифовальные камни этого типа употреблялись для обработки древков.

---

[1] ИИ № 3800 : 163.

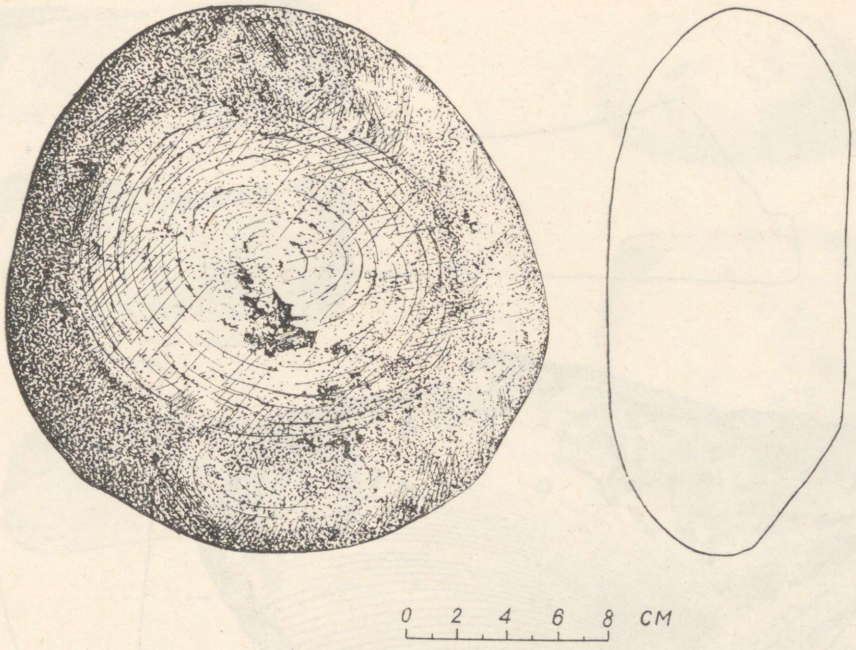


Рис. 51. Шлифовальный камень с поселения Акали. ИИ № 4013 : 5045 (раскоп J).

Условия нахождения крупных шлифовальных камней указывают, что они были в употреблении в течение всего времени существования стоянок. Бруски и шлифовальные камни с бороздками, хотя их значительно меньше, также найдены вместе как с ямочно-гребенчатой керамикой, так и с позднейшими видами керамики. Обломки больших шлифовальных камней встречаются часто и на других неолитических стоянках. В 1954 г. при раскопках на стоянке Валма был обнаружен большой шлифовальный камень, сохранившийся целиком и имеющий с обеих сторон по овальной выемки от употребления.[1] Точильные бруски на неолитических поселениях Эстонской и Латвийской ССР попадаются довольно редко. Единичные бруски представлены в инвентаре стоянок Нарва-Рийгикюла I, II, III,[2] Валма,[3] Вилла [4] и Ича,[5] а также на поселении эпохи раннего железа Ведгас.[6] Два бруска найдены в могильнике культуры боевых топоров в Кунила.[7] Некоторые из этих брусков имеют бороздку (в поселениях Нарва-Рийгикюла II, Валма, Ича и в могильнике Кунила).

---

[1] ИИ № 4022 : 3435.

[2] Из раскопок Н. Н. Гуриной. Большинство маленьких шлифовальных камней в инвентаре Нарва-Рийгикюла I округлены и не имеют граней.

[3] Древние поселения и городища, рис. 54 : 9. ИИ № 4022: 1275, 3003.

[4] ИИ № 4037 : 512.

[5] МИЛ № 64144; 64193 : 3.

[6] МИЛ № 60844.

[7] Янитс, Поздненеолит. могильники, стр. 57.

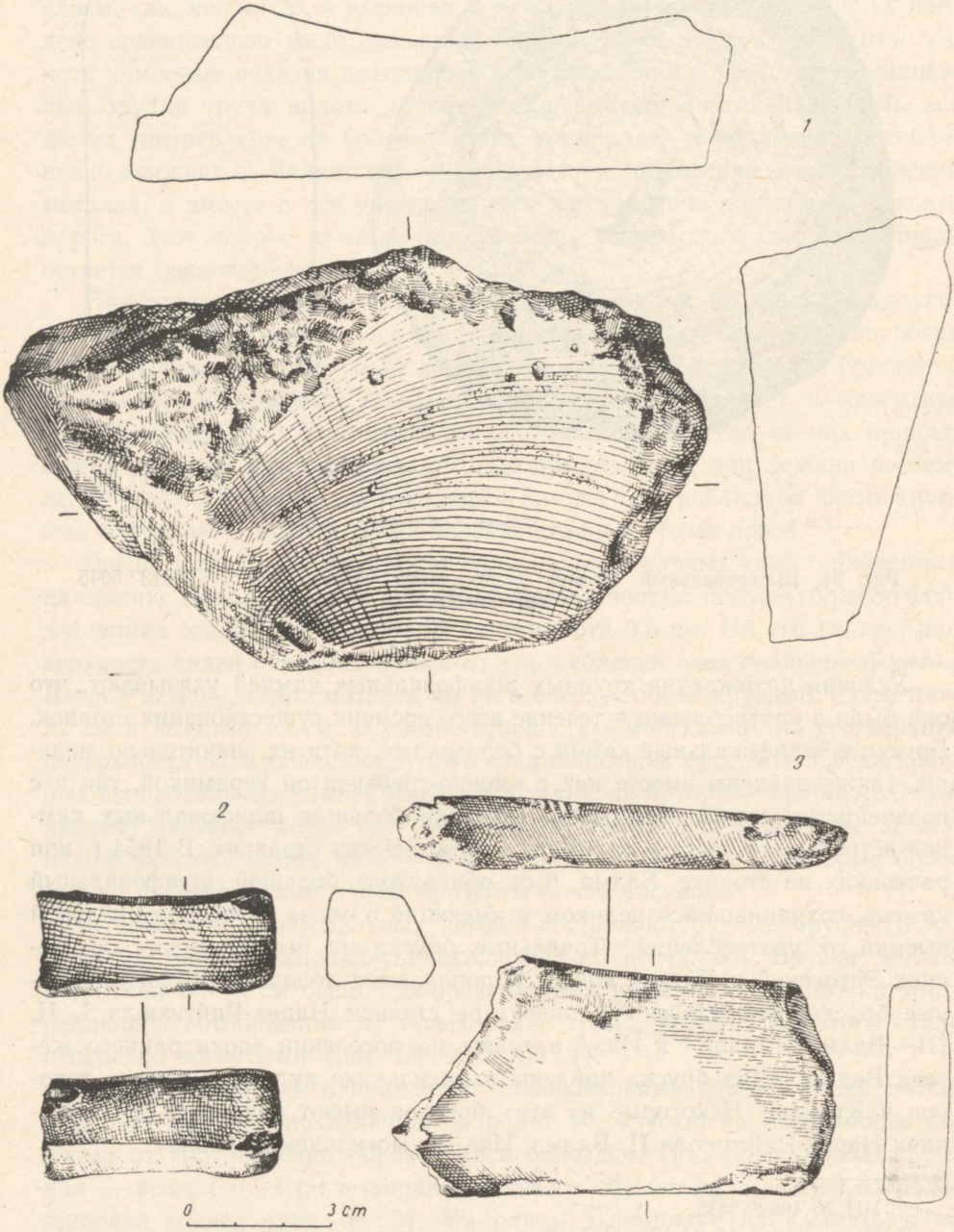


Рис. 52. Обломки шлифовальных камней с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 8457 (раскоп Q), *2* — 4013 : 7985 (L), *3* — 3800 : 137 (A).

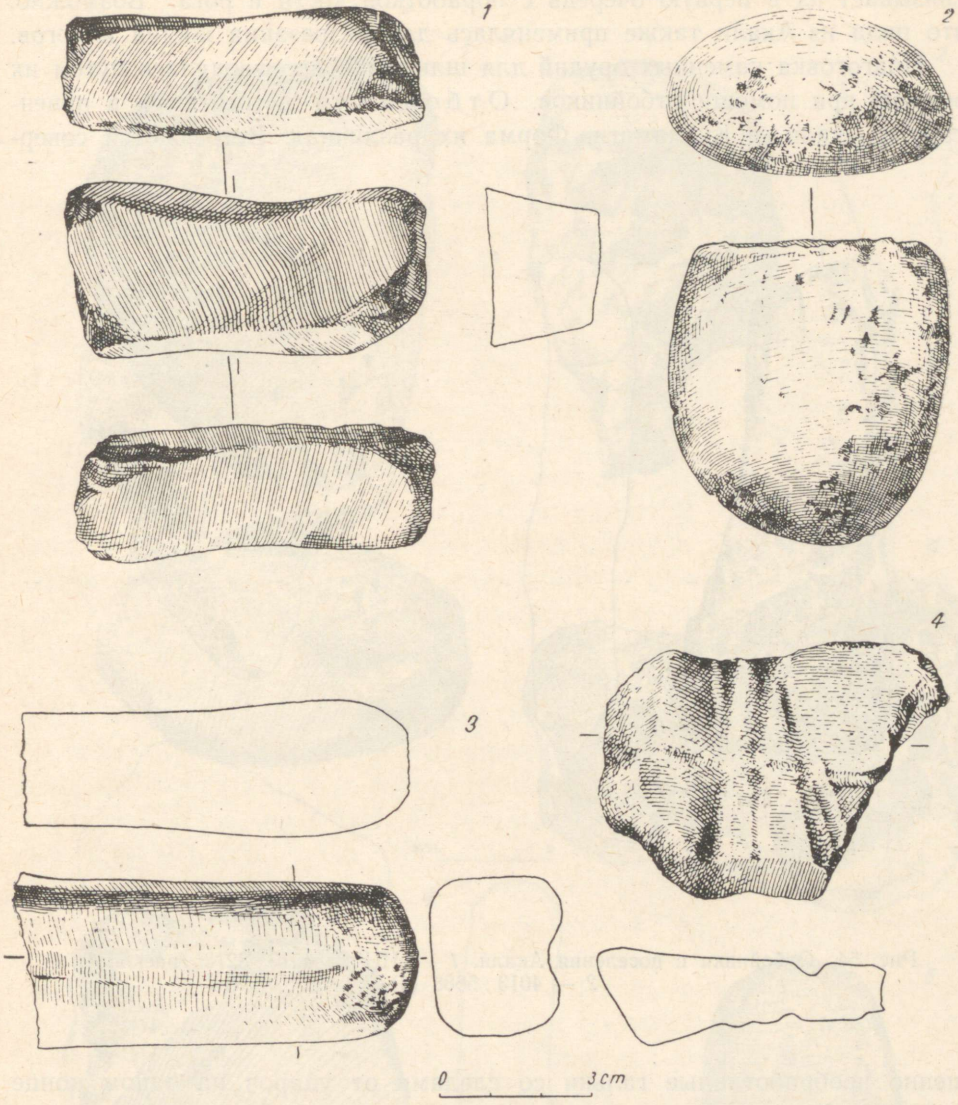


Рис. 53. Шлифовальные камни и отбойник с поселений Акали *(1—3)* и Кулламяги *(4)*. *1* — ИИ № 4013 : 1407 (раскоп I), *2* — 4013 : 1381 (I), *3* — 3800 : 1 (A), *4* — 4045 : 979 (E).

При обработке каменных орудий, очевидно, редко применялась техника распила, прямых следов которого на найденных кусках каменного материала не обнаружено. Сами пилы также представлены только одним фрагментом. Он представляет собой плитку из песчаника, толщиной 0,3 см, один край которой отшлифовался от употребления.[1] Каменные пилы найдены на поселениях в Нарва-Рийгикюла. Н. Н. Гурина

[1] ИИ № 4013 : 6388.

связывает их в первую очередь с обработкой кости и рога.[1] Возможно, что пила из Акали также применялась для разрезания костей и рогов.

Подготовка каменных орудий для шлифовки производилась путем их обтески при помощи отбойников. Отбойники встречаются в инвентаре и Акали, и Кулламяги. Форма их различная. Встречаются совер-

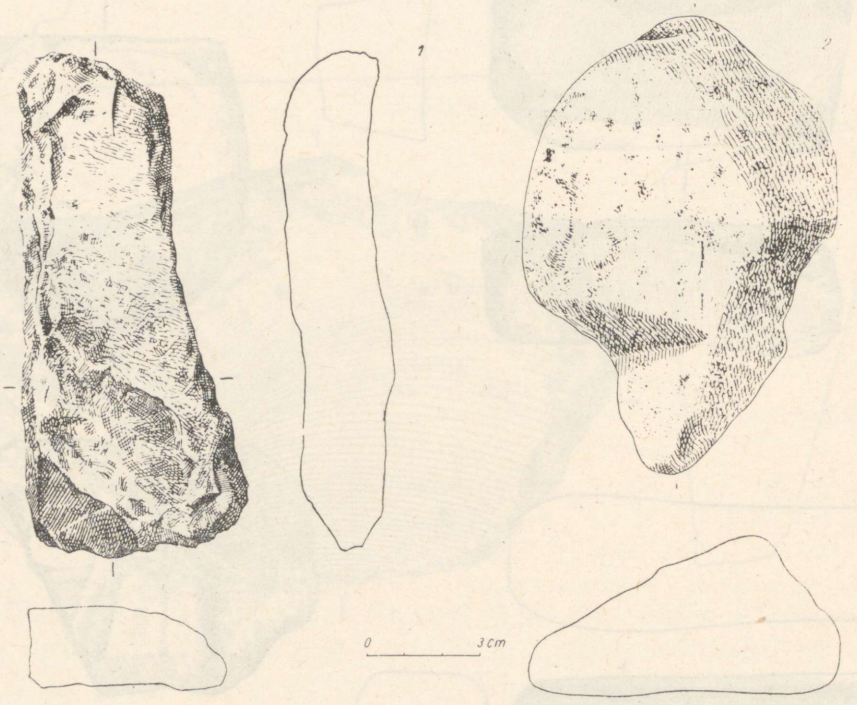


Рис. 54. Отбойники с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 8218 (раскоп L), *2* — 4013 : 5688 (J).

шенно необработанные гальки со следами от ударов на одном конце (рис. 53 : 2), попадаются и такие, у которых тыльная часть сглажена шлифовкой (рис. 55 : 1), а у некоторых ударный конец грубо заточен (рис. 54; 55 : 2). Некоторые отбойники из кварца сильно сработаны у рабочего конца (рис. 55 : 3). В качестве оснований при обработке предметов употреблялись каменные наковальни разной величины. Обтеска производилась на более крупных булыжниках с плоской поверхностью, на которой видны зарубки и следы ударов.[2] При ретушировке кремневых изделий и при других тонких работах применялись меньшие основания, в том числе фрагменты шлифовальных камней, которые мастер, по-видимому, держал на коленях (рис. 55 : 4, 5).

---

[1] Древние поселения и городища, стр. 157, 163, табл. XXXVIII : 1, 2, 4.

[2] Половина крупной наковальни найдена в Кулламяги (ИИ № 4045 : 200).

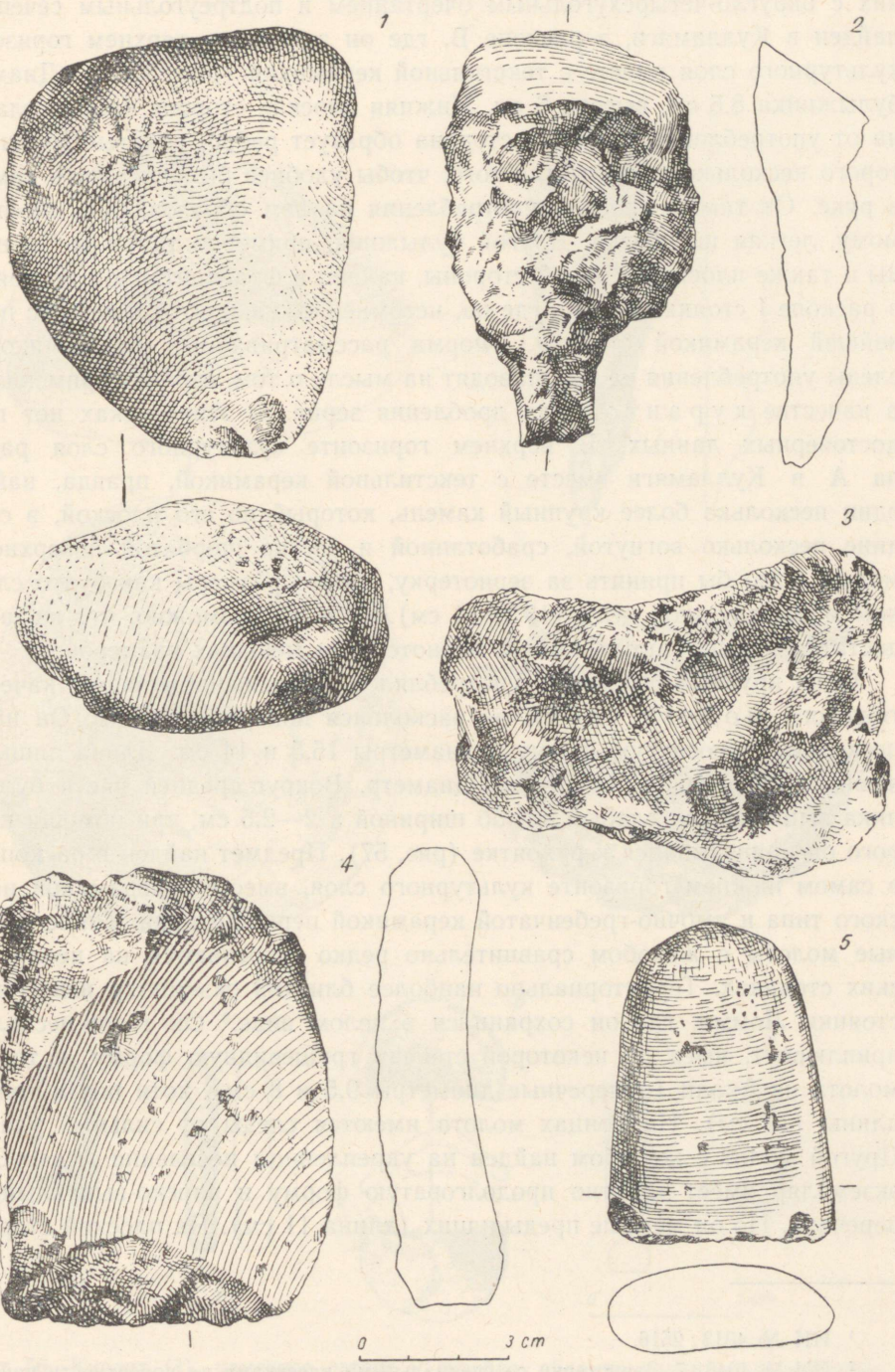


Рис. 55. Отбойники и каменные наковальни с поселений Акали *(1, 2, 4, 5)* и Кулламяги *(3)*. *1* — ИИ № 4013 : 7947 (раскоп L), *2* — 3800 : 386 (A_1), *3* — 4045 : 115 (B), *4* — 4013 : 8526 (Q), *5* — 3661 : 58 (шурф 4).

Среди камней привлекают внимание некоторые булыжники. Один из них с округло-четырехугольным очертанием и подтреугольным сечением найден в Кулламяги, в раскопе В, где он залегал в верхнем горизонте культурного слоя вместе с текстильной керамикой (рис. 56 : 1). Диаметр булыжника 8,5 см, высота 6 см. Нижняя плоская сторона камня сглажена от употребления. Верхняя сторона образует ребро, покатые грани которого несколько вогнуты для того, чтобы удобнее было держать камень в руке. От такого способа употребления на нем образовалась, по-видимому, легкая шлифовка. Другой булыжник, примерно такой же величины и также плоский с одной стороны, найден в фрагментарном состоянии в раскопе I стоянки Акали, где он, несомненно, находится в связи с позднейшей керамикой стоянки.[1] Форма рассматриваемых булыжников и следы употребления на них наводят на мысль о том, что они применялись в качестве к у р а н т о в для дробления зерна. О зернотерках нет пока достоверных данных. В верхнем горизонте культурного слоя раскопа А в Кулламяги вместе с текстильной керамикой, правда, найден один несколько более крупный камень, который по его плоской, в середине несколько вогнутой, сработанной и слегка щербатой поверхности можно было бы принять за зернотерку, но его размеры как будто слишком малы для этой цели (17 × 14 см).[2] Все же возможно, что из-за недостатка камней употреблялись зернотерки и меньших размеров.

Один крупный булыжник употреблялся в насаженном виде в качестве тяжелого м о л о т а, причем он раскололся поперек пополам. Он имеет несколько сплюснутую форму и диаметры 15,5 и 14 см. Длина лишь ненамного превышает поперечный диаметр. Вокруг средней части булыжника вышлифован слабый желоб шириной в 2—2,5 см, при помощи которого он привязывался к рукоятке (рис. 57). Предмет найден в раскопе С, в самом нижнем горизонте культурного слоя, вместе с керамикой нарвского типа и ямочно-гребенчатой керамикой первой стадии. Такие каменные молоты с желобом сравнительно редко встречаются на неолитических стоянках. Территориально наиболее близкий экземпляр известен со стоянки Ломми, где он сохранился в целом виде.[3] Он тоже несколько приплюснут, имея до некоторой степени грушевидную форму, и тоньше молота из Акали (поперечные диаметры 9,5 и 8 см), хотя почти той же длины (15 см). На концах молота имеются следы от сильных ударов. Другой молот с желобом найден на укрепленном поселении Асва.[4] Этот экземпляр имеет заметно продолговатую форму и плоско-выпуклый поперечник. Но он меньше предыдущих (длина 11 см). На плоской стороне,

---

[1] ИИ № 4013 : 2516.

[2] ИИ № 4045 : 7. Зернотерки со специальными насечками на поверхности найдены в древнейших укрепленных поселениях территории Эстонской ССР. См. Muistse Eesti linnused, стр. 26, рис. 9 : 3.

[3] ИИ № 3867 : 527.

[4] Древние поселения и городища, табл. XXIII : 6. А. Вассар, исследовавший поселение Асва, называет упомянутый предмет грузилом мотни (там же, стр. 118).

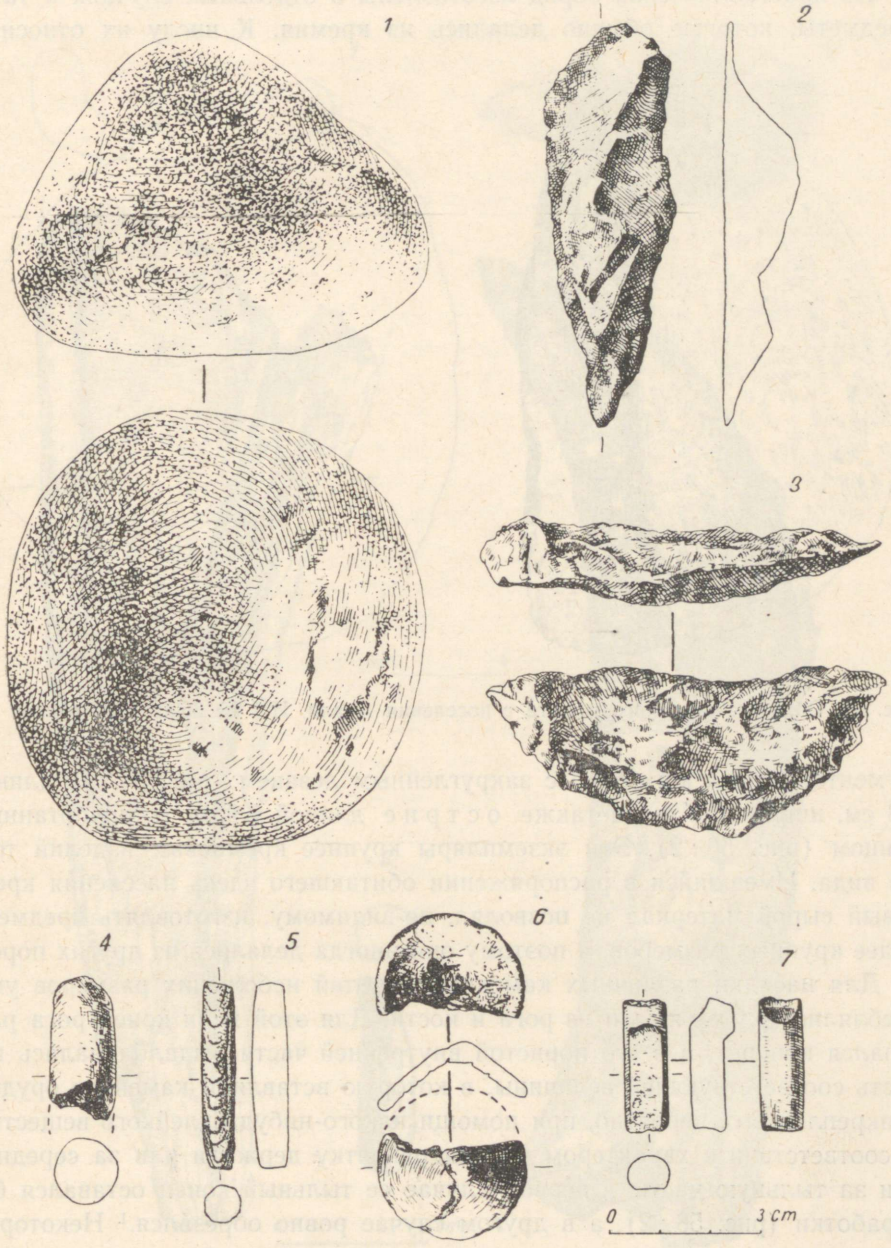


Рис. 56. Курант (?), каменное острие и скребло, обломки каменных и глиняных палочек и глиняного конуса с поселений Кулламяги *(1)* и Акали *(2—7)*. *1* — ИИ № 4045 : 193 (раскоп В), *2* — 3800 : 371 (Е), *3* — 3661 : 87 (шурф 3), *4* — 4013 : 3796 (J), *5* — 3800 : 413 (А), *6* — 4013 : 7648 (J), *7* — 4013 : 6135 (J).

к которой была прилажена рукоятка, желоба нет. Такие тяжелые молоты употреблялись, по-видимому, для забивки столбов и других подобных работ.

Из кристаллических пород изготовлены в отдельных случаях и такие предметы, которые обычно делались из кремня. К числу их относится

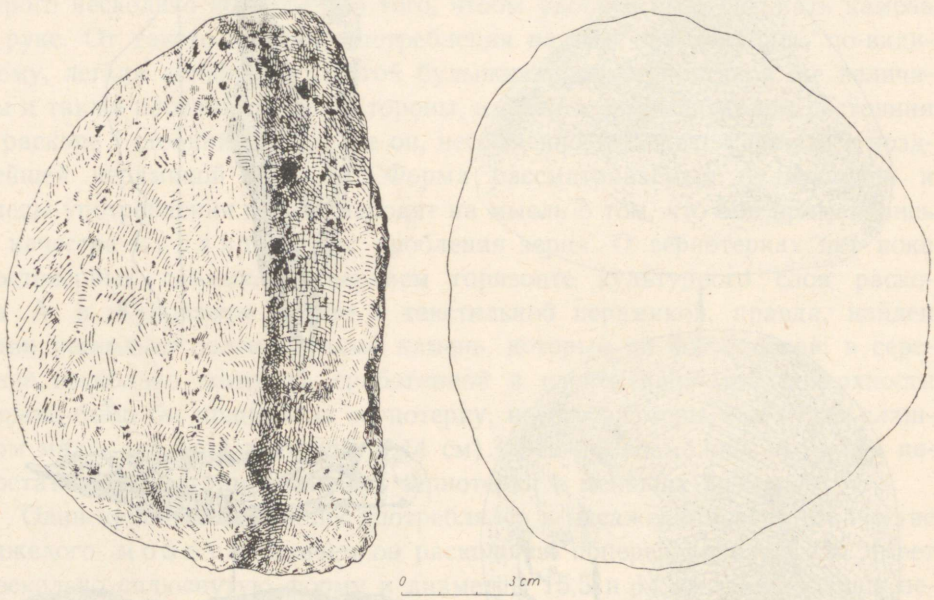


Рис. 57. Обломок каменного молота с поселения Акали. ИИ № 3800 : 277 (раскоп С).

сегментовидное скребло с закругленным лезвием (рис. 56 : 3) длиной 7,8 см, шириной 3 см, а также острие длиной 7,9 см со сработанным концом (рис. 56 : 2). Эти экземпляры крупнее кремневых изделий того же вида. Имевшийся в распоряжении обитавшего здесь населения кремневый сырой материал не позволял, по-видимому, изготовлять предметы более крупных размеров, а поэтому они иногда делались из других пород.

Для насадки различных каменных изделий небольших размеров употреблялись рукоятки из рога и кости. Для этой цели конец рога разрезался поперек, а в его пористой внутренней части выдалбливалась полость соответствующей величины, в которую вставляли каменное орудие, прикрепляя его, вероятно, при помощи какого-нибудь клейкого вещества. В соответствии с характером орудия рукоятку держали или за середину или за тыльную часть, в первом случае ее тыльный конец оставался без обработки (рис. 58 : 2), а в другом случае ровно обреза́лся.[1] Некоторые предполагаемые роговые рукоятки на протяжении всей длины выдолблены внутри.[2] Рукояткой следует, видимо, считать и небольшую роговую отделанную палочку, изображенную на рис. 58 : 3.

---

[1] ИИ № 3800 : 345.

[2] ИИ № 4013 : 4227.

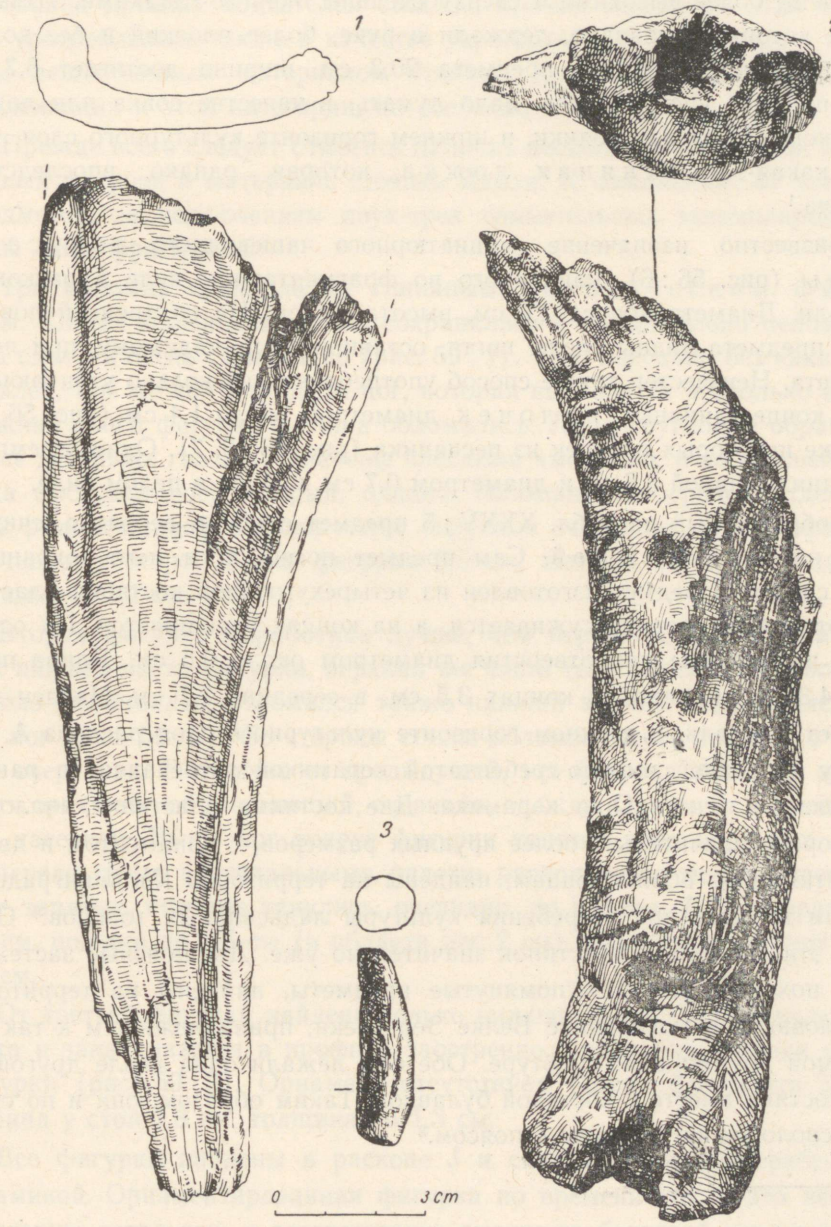


Рис. 58. Совковидный костяной предмет и роговые рукоятки с поселения Акали. *1* — ИИ № 3800 : 406 (раскоп A_1), *2* — 4013 : 4785 (J), *3* — 3800 : 175 (B).

Наконец, следует упомянуть некоторые своеобразные предметы неизвестного назначения. Среди них найденный в раскопе A_1 в Акали и изготовленный из крупной трубчатой кости совковидный предмет (рис. 58 : 1). На более широком конце предмета края трубчатой кости оставлены более высокими и сверху сделаны округло-гладкими. Тыльный конец, который, очевидно, держали в руке, более плоский и без возвышающихся краев. Длина предмета 20,3 см, ширина достигает 6,7 см. Этот предмет употреблялся, надо думать, в качестве совка или ложки. В раскопе С той же стоянки, в нижнем горизонте культурного слоя, найдена какая-то глиняная ложка, которая, однако, впоследствии погибла.[1]

Неизвестно назначение миниатюрного чашевидного конуса из глины (рис. 56 : 6), найденного во фрагментарном виде в раскопе J в Акали. Диаметр конуса 2,9 см, высота 1,4 см. На внутренней поверхности предмета видны следы ногтя, оставшиеся, по-видимому, при лепке предмета. Неизвестен также способ употребления несколько утончающихся на конце глиняных палочек диаметром около 1,4 см (рис. 56 : 4), а также некоторых палочек из песчаника (рис. 56 : 5, 7). Один экземпляр последних, длиной 3,6 см и диаметром 0,7 см, найден в целом виде.

Изображенный на табл. XXXV : 5 предмет следует, вероятно, считать поясной застежкой. Сам предмет погиб, и от него сохранился лишь снимок. Предмет изготовлен из четырехугольной костяной пластинки, которая в середине суживается, а на концах расширяется. На одном конце высверлены два отверстия диаметром около 0,5 см. Длина предмета 4,3 см, ширина на концах 3,5 см, в середине 2,7 см. Найден этот предмет в Акали, в верхнем горизонте культурного слоя раскопа А, где наряду с поздней ямочно-гребенчатой керамикой встречалась и ранняя шнуровая, и текстильная керамика. Две костяные пластинки аналогичной формы, значительно более крупных размеров, с орнаментом и двумя отверстиями по обоим концам, найдены на территории Калининградской области в инвентаре погребения культуры ладьевидных топоров.[2] Один конец этих костяных пластинок значительно у́же. Две поясные застежки, очень похожие на вышеупомянутые предметы, найдены на территории Чехословакии в могильнике Велке Зерносеки, принадлежащем к так называемой доунетицкой культуре. Обе они лежали одна возле другой на тазу костяка вместе с костяной булавкой. Таким образом, они и по своему расположению связаны с поясом.[3]

---

[1] ИИ № 3800 : 325.

[2] Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 178 и сл., табл. 49B : e, g.

[3] J. Schránil, Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens. Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Berlin, Leipzig 1928, стр. 88, табл. XVII : 17—19. В Богемии поясные застежки этого типа найдены в ряде погребений. См. V. Moucha, Příspěvek k časovému zařazení eneolitických pasových zápon. Archeologické Rozhledy X, Praha 1958, стр. 40—44, 62—78.

Г. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И УКРАШЕНИЯ

Из инвентаря поселений района устья реки Эмайыги осталось еще рассмотреть предметы, связанные с культом. В них отражаются различные верования древних обитателей стоянок, причем многие из этих предметов употреблялись также в качестве украшений. По сравнению с остальным вещественным материалом стоянок, количество предметов, принадлежащих к этой категории, не особенно велико.

Прежде всего следует отметить наличие нескольких маленьких скульптурных фигурок в материале стоянки Акали. К сожалению, от всех этих предметов, за исключением двух-трех сомнительных экземпляров, найдены лишь фрагменты.

Три обломка принадлежат глиняным человеческим фигуркам. Самая маленькая из них сохранилась в сравнительно целом виде. Она сделана очень схематично (рис. 59 : 1). Тело передано без каких-либо деталей, так же как и область ног, которая выгибается несколько вперед. Нижний конец фигурки и спина обломались. Лицо круглое и обработано более детально: глаза обозначены плоскими ямочками, и на нижней части лица выступал нос, который, однако, обломан; подбородок отделен от тела резкой линией. Голова имеет округлые очертания, а в профиле заканчивается остро. Длина фигурки 3,5 см, ширина 1,8 см, толщина не превышает 1,1 см.

Вторая фигурка выработана лучше, чем первая. Обломок принадлежит нижней части фигурки, верхняя же часть тела вместе с головой полностью обломалась; отломился также нижний кончик выдающихся вперед ног (рис. 59 : 2). Со стороны спины обломок имеет несколько округлые очертания. В отличие от предыдущей, эта фигурка имеет на поверхности орнамент, обозначающий, очевидно, одежду. Орнамент нанесен мелкой насечкой. Выше ног вокруг фигурки тянется пояс нарезных линий, а спереди тремя вертикальными рядами расположены мелкие насечки в виде запятых, которые тянулись, очевидно, до головы. Длина фрагмента 3,6 см, ширина до 2,5 см (в области ног 2 см), толщина в средней части 1,5 см.

От третьей фигурки найдена только нижняя часть. Она несколько загнута и заканчивается в профиле заостренно, наподобие головки первой фигурки (рис. 59 : 3). Орнамент отсутствует. Длина фрагмента 2,4 см, ширина у стоп 1,8 см, толщина до 1,3 см.

Все фигурки найдены в раскопе J и связаны с ямочно-гребенчатой керамикой. Орнаментированная фигурка по времени как будто несколько старше остальных и соответствует ямочно-гребенчатой керамике первой или второй стадии. Обе неорнаментированные фигурки можно увязать во времени с ямочно-гребенчатой керамикой второй или третьей стадии.

Кроме упомянутых фрагментов, в раскопах J и H найдены еще три обожженных куска глины, которые в общих чертах несколько напоми-

нают описанные выше фигурки. Они имеют, однако, слишком неопределенную форму и неровные поверхности; поэтому остается под вопросом, были ли они вообще преднамеренно вылеплены, т. е. имеем ли мы здесь перед собой какие-то крайне схематически сделанные человеческие фигурки или просто куски глины (рис. 59 : 4).[1]

Глиняные фигурки из Акали принадлежат к широко распространенному на неолитических стоянках Северо-Восточной Европы типу глиняных человеческих фигурок, которые найдены, например, в Кубенино,[2] в модлонском свайном поселении,[3] на ряде стоянок Финляндии и Карелии,[4] на Аландских островах[5] и в других местах. В Восточной Прибалтике известны глиняные человеческие фигурки со стоянок Пурциемс С[6] и Тамула.[7] Экземпляры из Пурциемса и с Аландских островов следует отнести к позднейшим и наиболее тщательно обработанным представителям этой группы. Самую большую глиняную фигурку из Акали сближает с пурциемскими экземплярами форма ног и тела, а также орнамент, нанесенный в виде насечек. Меньшая фигурка из Акали, по сравнению с пурциемскими, значительно более схематична, приближаясь больше к некоторым экземплярам из Финляндии и Кубенино.[8]

Остальные скульптурки из Акали изображают животного и птицу. В противоположность человеческим фигуркам, они вполне реалистичны.

Из янтаря изготовлена фигурка какой-то птицы, очевидно утки, от которой сохранилась лишь головка с широким, плоским клювом (рис. 59 : 5). Фигурка очень хорошо отшлифована, но без деталей. Длина фрагмента 2,5 см, ширина головки 0,9 см, ширина клюва 0,65 см. Фрагмент найден в раскопе С, в нижнем горизонте культурного слоя. Эту фигурку можно синхронизировать с ямочно-гребенчатой керамикой первой или второй стадии.

Изображения птиц являются одним из наиболее распространенных мотивов у неолитических племен Северной Европы, добывавших себе средст-

---

[1] ИИ № 4013 : 6900 a, b, c. На них стали обращать внимание лишь после того, как были обнаружены явно выраженные человеческие фигурки, после чего они были выделены из остального материала, собранного без указания точных условий нахождения.

[2] Фосс, Стоянка Кубенино, стр. 51, табл. I : 7, 10, 11, 13.

[3] А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Черноозерском районе Вологодской области. МИА 20, М.—Л., 1951, стр. 43, рис. 13 : 3.

[4] A. Äyräpää, Kampakeramisen kulttuurin savikuviot. SM XLVIII 1941, Helsinki 1942, стр. 82—123.

[5] R. Cederhvarf, Neolitiska lerfigurer från Åland. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 307 и сл.

[6] Sen. un M. 1937 IV, стр. 83 и сл., рис. 1, 2.

[7] Янитс, Новые данные, стр. 196, рис. 22 : 1. Фигурка из Тамула имеет своеобразный вид, объединяя в себе антропоморфные и зооморфные черты.

[8] Ср. Äyräpää, Kampakeramisen kulttuurin savikuviot, рис. 22, 36. Фосс, Стоянка Кубенино, табл. I : 11.

ва к существованию охотой и рыбной ловлей. Этот мотив встречается на обширной территории от Урала до Норвегии в виде ручек различных культовых предметов, орнамента на глиняных сосудах, наскальных изображений, а также отдельных фигурок. Последние изготовлены из различного материала, однако, по имеющимся пока данным, не из янтаря. Экземпляр из Акали является поэтому, по крайней мере в Восточной Прибалтике, единственной известной до сих пор янтарной неолитической фигуркой птицы.

Костяная фигурка изображала какое-то животное. От нее сохранился, однако, лишь маленький фрагмент — ухо вместе с небольшой частью головы (рис. 59 : 7). Ухо имеет овальную форму и расположено почти вертикально. Фигурка очень тщательно вырезана и от длительного употребления потерта до блеска. Длина фрагмента 2 см, ширина уха 0,9 см, толщина 0,4 см. Он найден в верхнем горизонте культурного слоя раскопа A_1 вместе с ямочно-гребенчатой керамикой третьей стадии. На основании сохранившегося небольшого фрагмента трудно сказать, какое животное изображала фигурка. Судя по уху, речь может идти о лосе или медведе. Оба эти вида животных довольно часто в виде скульптур изображались неолитическими охотниками Северной Европы, между прочим на обушном конце некоторых проушных каменных топоров. Пластические изображения лося на территории Эстонии и Латвии пока неизвестны. Маленькая глиняная фигурка, должно быть медведя в сидячем положении, найдена на поселении Валма.[1] На стоянке Ломми найдена глиняная медвежья головка, очевидно фрагмент целой фигурки.[2] Обе эти глиняные фигурки обработаны более поверхностно, чем костяная скульптура из Акали. То же самое следует сказать и в отношении янтарной фигурки медведя из поселения Тамула, которая лежала возле детского костяка.[3] Возможно, что и в Риннюкалнсе мы имеем дело с изображением медведя, так как фигурка изготовлена из медвежьей кости.[4]

Изображенный на рис. 59 : 6 костяной предмет следует, возможно, также рассматривать как фрагмент скульптуры. Он изготовлен из тонкой костяной пластинки и в этом отношении напоминает найденные в Тамула тонкие костяные подвески в виде фигурок животных и птиц.[5] Фрагмент принадлежит средней части предмета и с обоих концов обломан на том месте, где по краям его выступают зубчики. Последние могли изображать

---

[1] Известия АН ЭССР, том IV, 1955, № 1, стр. 39, рис. 1 : 4.

[2] ИИ № 3867 : 255.

[3] Jaanits, Neue Gräberfunde, стр. 85, рис. 4 : 19.

[4] RK 1930, табл. 4 : 23.

[5] Янитс, Новые данные, стр. 197 и сл., рис. 12 : 6; 13 : 2; 22 : 2. При раскопках 1955 и 1956 гг. в Тамула обнаружены новые фигурки такого вида, между прочим изображение кабана (см. Известия АН ЭССР, том V, серия общественных наук, 1956, № 4, стр. 309, рис. 1 : 1. Jaanits, Neue Gräberfunde, рис. 3 : 14; 4 : 16, 17).

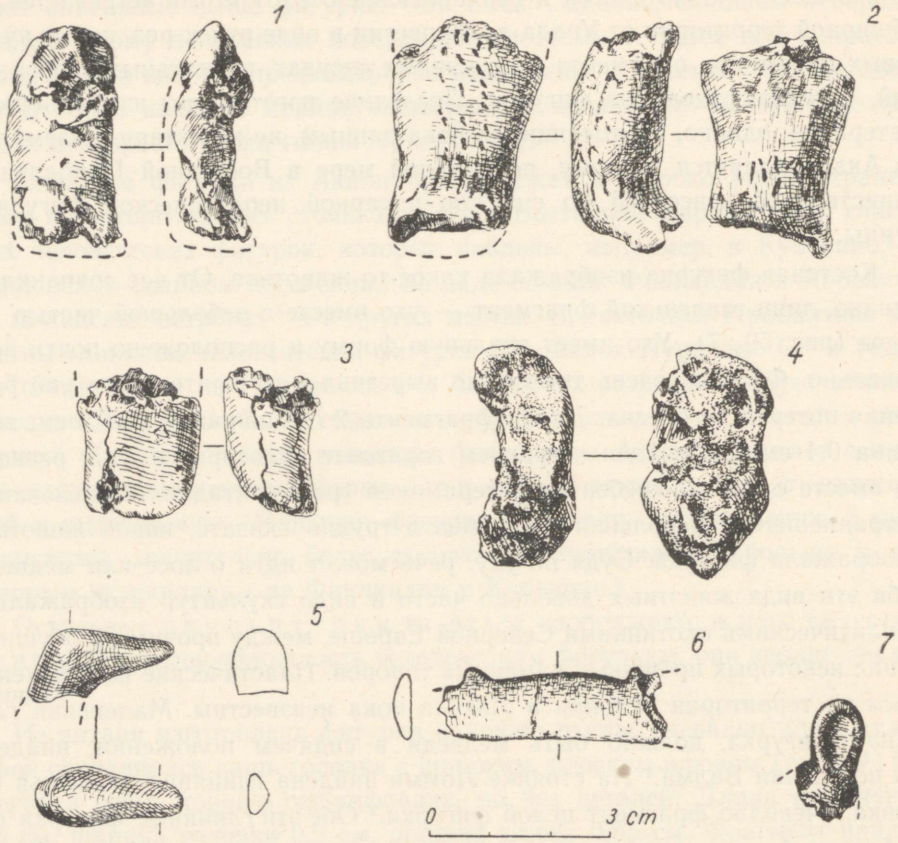


Рис. 59. Фигурки из глины, янтаря и кости с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 6809 (раскоп J), *2* — 4013 : 3709 (J), *3* — 4013 : 7653 (J), *4* — 4013 : 6900-b (J), *5* — 3800 : 282 (C), *6* — 3800 : 407 (A—D), *7* — 3800 : 404 (A_1).

уши животного, в этом случае мы имели бы дело со скульптурой животного, снабженной на обоих концах головой.[1]

Все описанные фигурки являлись, несомненно, предметами культа. Трудно, конечно, сказать, с какими представлениями они связаны, для какой цели они изготовлены и как употреблялись. В сложных вопросах, касающихся древних верований, есть еще много неясного, и их нельзя разрешить на основании приведенных здесь материалов. Все же можно, по-видимому, определенно сказать, что различие в способе воспроизведения человеческих фигурок и скульптурок животного и птицы обусловлено их разным значением и указывает на различия в способе их употребления. Характерные особенности как животного, так и птицы подмечены реалистично, опытным глазом охотника, который хорошо знает животных и птиц; они выработаны с большой тщательностью и от длительного упот-

[1] Фрагмент найден в 1939 г. в земле, выброшенной из раскопов, вследствие чего мы не имеем точных сведений об условиях его залегания в культурном слое.

ребления отполировались. Можно предполагать, что охотник носил эти фигурки при себе в виде привесок или каким-либо другим образом, и что они должны были приносить ему удачу, а может быть, и защищать его на охоте.

Человеческие фигурки обработаны значительно более поверхностно и крайне схематичны. Если при изготовлении предыдущих скульптур преследовалось достижение возможно большего сходства с существующими животными или птицами, то по отношению к человеческим фигуркам это не считалось необходимым, и они изготовлялись по схематическому шаблону, сложившемуся на протяжении существования многих поколений. Эти фигурки фактически являются лишь условными знаками, которые должны были обозначать человека. Необходимо обратить внимание и на материал этих фигурок — глину, вещество мало прочное, но легко поддающееся формовке. Создается впечатление, что эти фигурки не предназначались для длительного употребления.[1] Возможно, что они были приурочены к определенным датам или особым происшествиям (например, смерти, рождения, болезни) и по истечении известного срока с соблюдением определенных церемоний разбивались на куски или приносились в жертву.

Самую многочисленную группу среди предметов рассматриваемой категории составляют различные привески и среди них, в свою очередь, янтарные.

Янтаря найдено на поселениях района устья реки Эмайыги довольно много. Если считать и мельчайшие фрагменты янтарных изделий, а также необработанные куски этого материала, то на обеих стоянках найдено всего 58 единиц янтаря. Преобладающая часть их падает на Акали, в то время как в Кулламяги найдены всего лишь три необработанных куска. Кроме того, одна янтарная привеска найдена на берегу озера Пейпси, между устьями рек Эмайыги и Каэванду.[2]

Необработанных кусков янтаря стоянка Акали дала немного. Их надо рассматривать как сырье для изготовления янтарных изделий. Самый крупный из этих кусков имеет длину 4,6 см, ширину 2,1 см и толщину 1,2 см (рис. 61 : 13). Он составляет часть более крупного куска, о чем свидетельствует сохранившаяся на его более широкой поверхности и на одном краю корка, тогда как остальные части поверхности свежие и пока-

---

[1] Как уже отмечалось выше, фигурки медведя из глины, найденные в Валма и Ломми, сделаны более поверхностно, чем неолитические изображения животных, изготовленные из более устойчивых материалов. То же самое надо сказать и о двух глиняных фигурках птиц со стоянки Ломми, от которых сохранились опять-таки лишь головки (ИИ № 3867 : 247, 321). Фигурки из глины предназначались, по-видимому, для более кратковременного употребления, так как их можно было очень быстро изготовить. Высказывались предположения, что и трипольские глиняные фигурки предназначались для кратковременного пользования в связи с культом плодородия. С. Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА 38, М.—Л., 1953, стр. 255 и сл.

[2] ИИ № 4025. Подвеска найдена в 1950 г. среди выброшенных волной ракушек.

зывают следы откола. Большинству янтарных изделий придана форма привесок. В целом виде или в виде более крупных фрагментов найдена 21 подвеска;[1] кроме того, еще около двух десятков небольших обломков показывают следы просверлин, и поэтому надо думать, что и эти обломки принадлежат преимущественно подвескам.

Чаще всего встречаются тонкие пластинчатые подвески. Все они имеют по просверленному с обеих сторон отверстию, которое расположено в большинстве случаев на более узком конце предмета. Некоторые поломавшиеся экземпляры просверлены заново (рис. 60 : 10). По размерам эти подвески, как и другие янтарные изделия из Акали, сравнительно небольшие. Среди пластинчатых подвесок можно выделить некоторые разновидности. Одной из них являются подвески продолговато-четырехугольной формы, расширяющиеся книзу и напоминающие неолитические каменные долота (рис. 60 : 1—3). В средней части они несколько утолщаются, получая овальное поперечное сечение. Таких подвесок найдено три. Из них одна, сохранившаяся почти в целом виде, имеет длину 2 см, ширину 1,2 см и толщину 0,4 см. Остальные фрагменты принадлежат несколько более крупным пластинкам.

Близко к предыдущим стоят пластинчатые привески, имеющие также расширяющуюся книзу форму, но у которых нижний край вогнут, иногда двухконечный (рис. 60 : 5—7). Таких подвесок найдено также три экземпляра в виде фрагментов. По величине они равны предыдущим, но более плоски.

В третью группу пластинчатых подвесок входят длинные узкие экземпляры, найденные в количестве двух (рис. 60 : 4, табл. XXXV : 7). На одном конце они несколько суживаются. Ни одна из этих подвесок не сохранилась в полную свою длину, фрагменты же их достигают длины 3,8 и 2,9 см; их максимальная ширина 1,3 см.

Остальные пластинчатые привески настолько фрагментарны, что нельзя определить точную форму предметов (рис. 60 : 9—15). Все они хорошо отполированы по всей поверхности. Исключение представляет одна подвеска, имеющая сверлину, но в остальном ее поверхность необработана и на ней в одном месте сохранилась естественная корка (рис. 60 : 8).

Вторую группу подвесок образуют массивные экземпляры, найденные в количестве всего 3—4 штук. Эти подвески имеют различную форму. В целом виде сохранилась лишь одна овальная подвеска, которая в нижней части значительно утолщается (рис. 61 : 1). Длина ее 2,1 см, ширина 1,4 см, толщина 0,8 см. Аналогичную форму имеет подвеска, изображенная на табл. XXXV : 6, толщину которой нельзя измерить, так как подвеска не сохранилась. Она была крупнее предыдущей, достигая в длину 2,8 см и в ширину 1,7 см. Следующий экземпляр (рис. 61 : 3), причислен-

---

[1] Из них три впоследствии погибли (ИИ № 3800 : 13, 51, 396), причем от двух из них сохранились снимки (табл. XXXV : 6, 7).

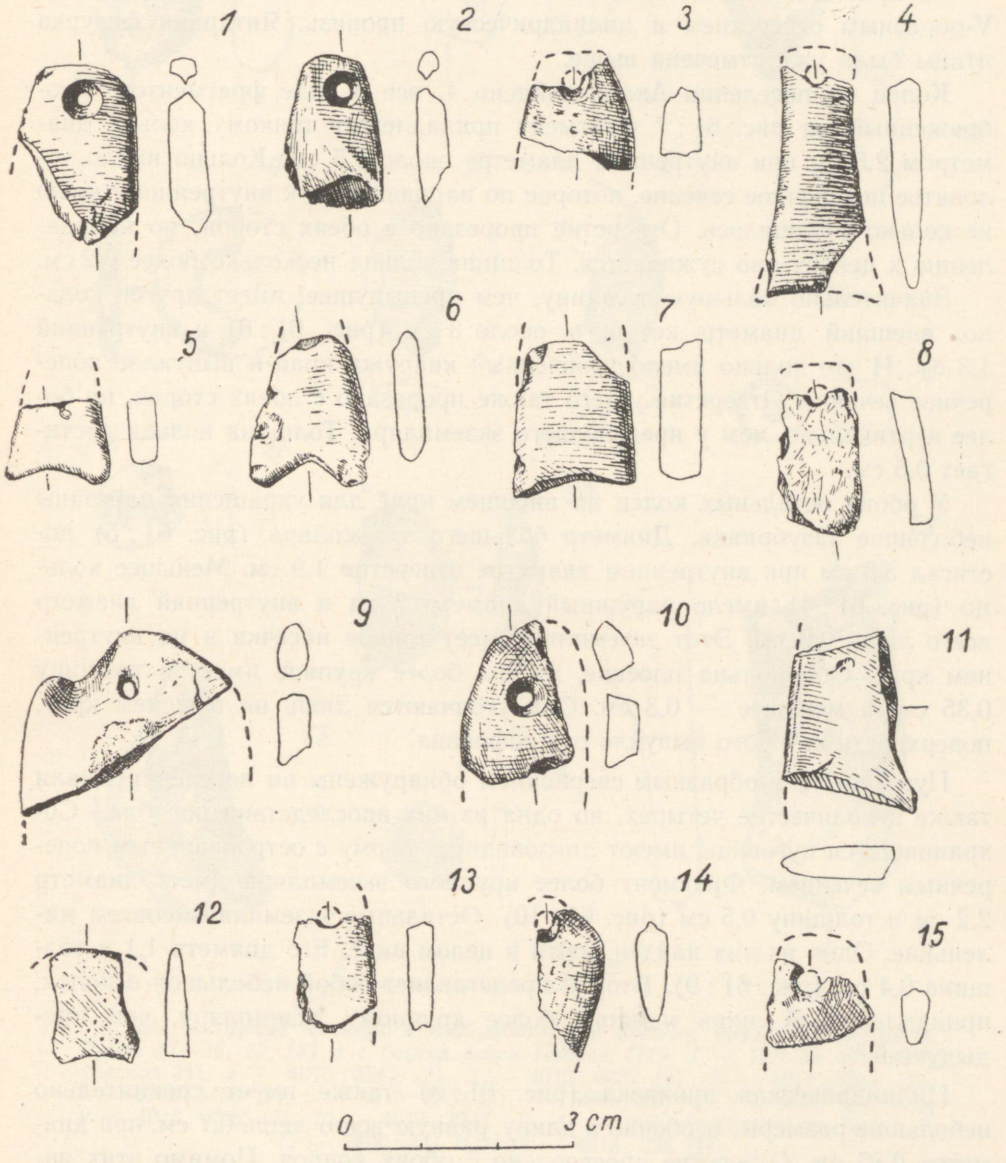


Рис. 60. Янтарные подвески с поселения Акали. *1* — ИИ № 4013 : 7002 (раскоп J), *2* — 4013 : 7574 (J), *3* — 4013 : 4809 (J), *4* — 4013 : 5591 (J), *5* — 3800 : 360 (D), *6* — 4013 : 3442 (J), *7* — 4013 : 7421 (J), *8* — 4013 : 4224 (J), *9* — 4013 : 376 (H), *10* — 4013 : 4518 (J), *11* — 4013 : 3114 (J), *12* —4013 : 7196 (J), *13* — 3800 : 61 (A), *14* — 4013 : 4480 (J), *15* — 4013 : 4611 (J).

ный к массивным привескам, имел, по-видимому, форму ромба, в то время как последний фрагмент (рис. 61 : 2) принадлежит подвескам неопределенной формы с небрежно обработанной поверхностью. На узком конце она имеет поперечную сверлину.

Из прочих янтарных предметов следует отметить кольца, пуговицы с V-образным отверстием и цилиндрическую пронизь. Янтарная фигурка птицы была уже отмечена выше.

Колец на поселении Акали найдено 4, все в виде фрагментов. Изображенный на рис. 61 : 7 фрагмент принадлежит тонкому кольцу диаметром 2,5 см при внутреннем диаметре около 1,5 см. Кольцо имело угловатое поперечное сечение, которое по направлению к внутреннему краю несколько утолщалось. Отверстие прорезано с обеих сторон; по направлению к центру оно суживается. Толщина кольца несколько более 0,2 см.

Значительно бóльшую толщину, чем предыдущее, имеет другое кольцо, внешний диаметр которого около 3 см (рис. 61 : 6) и внутренний 1,3 см. И это кольцо имело утонченный кнаружи край и выпуклое поперечное сечение. Отверстие у него также прорезано с обеих сторон, но более вертикально, чем у предыдущего экземпляра. Толщина кольца достигает 0,6 см.

У обоих остальных колец на внешнем крае для украшения нарезаны небольшие зазубринки. Диаметр большего экземпляра (рис. 61 : 5) достигал 3,9 см при внутреннем диаметре отверстия 1,9 см. Меньшее кольцо (рис. 61 : 4) имело наружный диаметр 2 см и внутренний диаметр всего лишь 0,9 см. Этот экземпляр имеет тонкие насечки и на внутреннем крае. Оба кольца плоские, из них более крупное имеет в толщину 0,35 см, а меньшее — 0,3 см. Они утончаются лишь на внешнем крае, поверхность которого выпукло отшлифована.

Пуговицы с V-образным сверлением обнаружены на поселении Акали также в количестве четырех, но одна из них впоследствии погибла.[1] Сохранившиеся пуговицы имеют линзовидную форму с остроовальным поперечным сечением. Фрагмент более крупного экземпляра имеет диаметр 2,2 см и толщину 0,5 см (рис. 61 : 10). Остальные экземпляры совсем маленькие. Один из них найден почти в целом виде. Его диаметр 1,1 и толщина 0,4 см (рис. 61 : 9). Второй представляет собой небольшой осколок, прниадлежащий лишь немного более крупному экземпляру, чем предыдущий.[2]

Цилиндрическая пронизка (рис. 61 : 8) также имеет сравнительно небольшие размеры, особенно в длину, равную всего лишь 0,7 см, при диаметре 0,85 см. Отверстие просверлено с обоих концов. Помимо этих янтарных предметов, в Акали найдена тонкая овальная янтарная пластинка ровной толщины, тщательно отшлифованная с обеих сторон (рис. 61 : 12). Длина предмета 1,1 см, ширина 0,95 см и толщина 0,2 см. Эта плас-

---

[1] ИИ № 3800 : 42.

[2] ИИ № 3800 : 405.

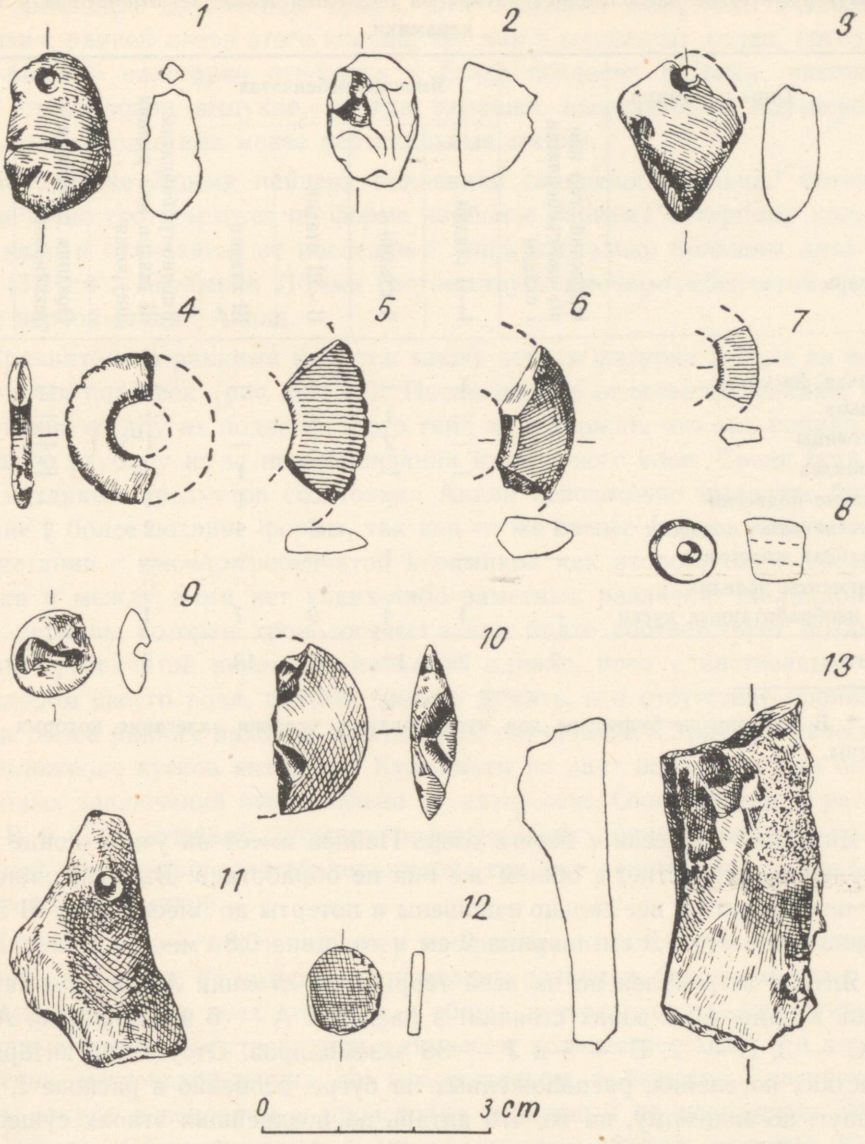


Рис. 61. Янтарные изделия и необработанный кусочек янтаря с поселения Акали *(1—10, 12, 13)* и с берега озера Пейпси *(11)*. *1* — ИИ № 4013 : 380 (раскоп Н), *2* — 4013 : 5542 (J), *3* — 4013 : 6632 (J), *4* — 4013 : 5680 (J), *5* — 4013 : 6450 (J), *6* — 4013 : 4823 (J), *7* — 3800 : 290 (С), *8* — 3800 : 378 (A_1), *9* — 4013 : 4022 (J), *10* — 4013 : 7641 (J), *11* — 4025 (с берега оз. Пейпси), *12* — 3800 : 341 (С), *13* — 4013 : 226 (Н).

тинка не использовалась в виде подвески, а хранилась, очевидно, в каком-то мешочке или коробочке.

В Кулламяги, как уже отмечалось выше, готовые янтарные предметы не обнаружены. Там найдено лишь три необработанных кусочка янтаря.[1]

[1] ИИ № 4045 : 475, 712, 791.

Стратиграфическое расположение янтаря на поселении Акали по отношению к типам керамики

Типы керамики / Янтарь	Нарвский тип или ямочно-гребенчатая I стадии	Ямочно-гребенчатая				Ямочно-гребенчатая III стадии или ранняя шнуровая	Поздняя шнуровая и текстильная	Всего
		I–II стадии	II стадии	II – III стадии	III стадии			
Птичья фигурка	—	1	—	—	—	—	—	1
Кольца	1	—	1	2	—	—	—	4
Пуговицы	—	—	2	1	—	1	—	4
Пронизка	—	—	—	—	1	—	—	1
Толстые подвески	—	—	2	—	1	1	—	4
Пластинчатые подвески	1	—	—	8	4	2	1	16
Овальная пластинка	—	—	1	—	—	—	—	1
Фрагменты изделий и необработанные куски	—	1	4	9	7	1	—	22
Всего	2	2	10	20	13	5	1	53*

* В таблицу не включены два куска янтаря, условия залегания которых неизвестны.

Янтарная подвеска с берега озера Пейпси имеет на узком конце просверленное отверстие, в общем же она не обработана. Выступающие части поверхности у нее сильно изношены и потерты до блеска (рис. 61 : 11). Длина предмета 3,3 см, ширина 2 см и толщина 0,8 см.

Янтарь встречался не на всей территории стоянки Акали. Он найден лишь в приречных зонах стоянки: в раскопах A — 6 экземпляров, A_1 — 3, C — 3, D — 2, E — 5 и J — 36 экземпляров. Отсутствие янтаря на участках поселения, расположенных на бугре, особенно в раскопе I, указывает, по-видимому, на то, что янтарь на позднейших этапах существования поселения уже не применялся. Это подтверждается и стратиграфическим расположением янтарных предметов по отношению к представленным в соответствующих пластах видам керамики (см. таблицу).

Как видно из этой таблицы, преобладающее большинство янтаря из Акали следует синхронизировать с ямочно-гребенчатой керамикой второй и третьей стадии. Только 2—4 янтарных предмета могут быть более раннего происхождения, а один — более позднего. Что касается последнего (рис. 60 : 1), то он, возможно, попал в верхний горизонт культурного слоя случайно. По условиям залегания наиболее ранним янтарным предметом в найденном пока материале является фрагмент небольшого кольца (рис. 61 : 7). Это кольцо отличается от остальных экземпляров из Акали примитивностью своей обработки, угловатым внешним краем и

косо срезанным внутренним краем. Эти признаки находятся, очевидно, в связи с ранней датой этого кольца, так как у остальных колец, которые по условиям залегания относятся к более позднему периоду, внешний край отшлифован выпукло, иногда украшен насечками, а внутренний край имеет более или менее вертикальные стенки.

На стоянке Ломми найдена половинка сланцевого кольца,[1] которое почти точно соответствует по форме наиболее раннему янтарному кольцу из Акали и отличается от последнего лишь несколько бóльшим диаметром (3,2 см). Керамика Ломми соответствует ямочно-гребенчатой керамике первой стадии Акали.

Сравнительно ранними кажутся также птичья фигурка и одна из пластинчатых подвесок (рис. 60 : 14). Последняя не отличается, однако, существенно от других подвесок этого типа и, возможно, что она попала на бóльшую глубину из-за перемешивания культурного слоя. Среди остальных янтарных предметов со стоянки Акали невозможно выделить более ранние и более поздние формы, так как те же самые формы встречаются в сочетании с ямочно-гребенчатой керамикой как второй, так и третьей стадии и между ними нет каких-либо заметных различий. Цилиндрическая пронизь, которая хронологически как будто соответствует поздней ямочно-гребенчатой керамике, является, однако, пока единственным экземпляром своего рода, поэтому можно думать, что отсутствие пронизок среди более ранних находок может быть случайным. Стратиграфическое расположение кусков янтаря из Кулламяги не дает основания для определенных заключений относительно их датировки. Они найдены в раскопах B и C в условиях, дающих основание синхронизировать их как с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, так и с текстильной и поздней шнуровой керамикой.

Янтарь найден почти на всех неолитических стоянках территории Эстонии и Латвии, на которых произведены раскопки. Основные типы янтарных изделий на всех стоянках в общих чертах сходны. Аналогичные янтарные предметы встречаются в большом количестве также и в неолитических местонахождениях на юго-восточном побережье Балтийского моря, откуда в основном и происходит найденный на поселениях Эстонии янтарь. Общеизвестным местонахождением янтаря является Юодкранте (бывш. Шварцорт) в северной части Куршской косы на территории Литовской ССР. Среди этого материала можно найти и параллели всем обнаруженным в Акали формам янтарных предметов.[2] Янтарные изделия таких же типов представлены и в большом кладе янтаря, обнаруженном на побережье Литвы близ Паланги.[3] Естественный янтарь встречается и на побережье Латвии и в небольшом количестве даже на

---

[1] ИИ № 3867 : 88.

[2] Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens, табл. I—XII.

[3] КГХМ № 1591.

западном побережье о. Сааремаа. О том, что янтарь собирали в этой северной части побережья еще в эпоху неолита, свидетельствует наличие большого количества необработанных кусков янтаря на прибрежных стоянках Латвии, как Сарнате,[1] Пурциемс [2] и Силиньупе,[3] а также в Варнас-Кроргсе.[4] На местную обработку янтаря на побережье Латвии указывает обнаруженная в поселении Сарнате «мастерская», где найдено много полуготовых янтарных предметов, а также и отходов от обработки.[5] Нет основания сомневаться в том, что часть янтаря поступала с побережья Латвии в обмен в виде готовых предметов или в сыром виде. Вопрос о том, в какой мере янтарь, полученный путем обмена, обрабатывался на самих материковых стоянках, пока еще не вполне выяснен. Наличие сравнительно большого количества сырого янтаря на стоянке Ича,[6] а также обнаруженный в Акали кусок янтаря, отколотый от более крупного куска, и некоторые мелкие осколки, которые могли появиться в результате обработки янтаря, позволяют ожидать положительный ответ на этот вопрос. Технические навыки в обработке янтаря, по-видимому, имелись. Можно полагать, что по крайней мере в Восточной Прибалтике, где в известный период неолита янтарь в результате обмена получил значительное распространение, это сырье обрабатывалось и на материковых стоянках. Нет сомнения, что мелкие работы, как вторичная сверловка отверстий в обломавшихся привесках и просверливание кусков янтаря естественной формы, выполнялись на самих стоянках.

Как уже выяснилось, употребление янтаря на стоянке Акали полностью прекратилось, по-видимому, одновременно с прекращением бытования ямочно-гребенчатой керамикой, так как в позднейших отложениях культурного слоя янтарь больше не встречался, за исключением одного только предмета, который мог попасть туда в результате перемешивания культурного слоя. Аналогичное явление наблюдается и на стоянке Тамула. И здесь янтарь в большом количестве встречался в нижнем горизонте культурного слоя вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, а в верхнем горизонте, где начала встречаться шнуровая керамика, янтаря почти не было.[7] Это обстоятельство нельзя, по-видимому, объяснить иначе, как сравнительно резким прекращением обмена янтаря, очевидно, на довольно обширных территориях, расположенных к востоку и северу от естественных мест находок янтаря на юго-восточном побережье Балтийского моря. Нахождение янтаря только в сочетании с типичной или поздней ямочно-гребенчатой керамикой наблюдается и на неолитических

---

[1] Древние поселения и городища, стр. 147—149, рис. 45.

[2] МИЛ № 9123—9126 (поселения C, D, E и F).

[3] МИЛ № 65239; 65251.

[4] МИЛ № 6221; 9180 : 1.

[5] Древние поселения и городища, стр. 149.

[6] В Ича наряду с 48 обработанными предметами найдено еще 76 необработанных кусков (МИЛ).

[7] Янитс, Новые данные, стр. 178, 199, рис. 5.

стоянках на территории Финляндии.[1] Что касается смежных с Прибалтикой восточных областей, то исследования А. Я. Брюсова показали, что на расположенных там стоянках встречаются лишь ранние типы янтарных предметов, характерные для юго-восточного побережья Балтийского моря. Позднейшие же типы отсутствуют, несмотря на то, что они имеют распространение на южных и юго-западных территориях.[2]

Подвески и прочие предметы украшения изготавливались в поселениях района устья реки Эмайыги также из камня и кости. Найденный на стоянке Акали фрагмент сланцевого кольца привлекает внимание своей величиной. Он принадлежит экземпляру, диаметр которого составляет по меньшей мере 12,5 см. Кольцо плоское, оба края отшлифованы выпуклыми (рис. 62 : 4). Ширина обруча 1,1 см, толщина 0,5 см. Фрагмент найден в раскопе J вместе с ямочно-гребенчатой керамикой второй и третьей стадии. Фрагмент сланцевого кольца, примерно такой же величины, переделанный в подвеску, найден в Риннюкалнсе.[3] Известен также фрагмент довольно крупного (диаметр 9—9,5 см) сланцевого кольца из Вилла, но он отличается от экземпляра из Акали своей большей толщиной, угловатым поперечным сечением и неправильной формой.[4] Остальные сланцевые кольца, найденные на территории Эстонской ССР, число которых пока невелико, имеют значительно меньшие размеры. Можно указать на семь тонких плоских колец, обнаруженных в могильнике Кыльяла на острове Сааремаа, где они лежали на груди костяка.[5]

Несколько небольших подвесок изготовлено из тонких каменных пластинок (песчаник и сланец) и имеют сверлины (рис. 62 : 2, 3). По форме и величине они близки янтарным пластинчатым привескам. К этому же типу принадлежит, возможно, и подвеска из тонкой костяной пластинки (рис. 62 : 6), найденная в виде фрагмента. На ее более длинном крае нарезаны тонкие зазубринки, аналогично тому, как это имеет место на некоторых янтарных кольцах. Подвески такого же типа из зеленого сланца найдены и на стоянках Нарва-Рийгикюла I и II.[6] Такие же костяные подвески представлены в Ича,[7] Лоона,[8] Нарва-Рийгикюла I[9] и др.

Своеобразному предмету принадлежит фрагмент пластинки из песчаника, который также носили, очевидно, в виде подвески, так как на нем имеется отверстие. С одной стороны на поверхности пластинки нанесены знаки — параллельные желобки с поперечно расположенными продолго-

---

[1] A. Äyräpää, Die Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischem Gebiet. Strena archaeologica professori A. M. Tallgren 8. 2. 1945 sexagenario dedicata. SMYA XLV, Helsinki 1945, стр. 10 и сл.

[2] Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне, стр. 27 и сл.

[3] RK 1930, табл. 4 : 8.

[4] Древние поселения и городища, рис. 51 : 11.

[5] Янитс, Позднеолит. могильники, стр. 57, рис. 15 : 3.

[6] Древние поселения и городища, стр. 157.

[7] МИЛ № 64170; 64199; 64205.

[8] ИИ № 4129 : 918.

[9] Древние поселения и городища, стр. 165.

ватыми насечками (рис. 62 : 5). Эти знаки напоминают ожерелья. Следует отметить, что аналогичные вдавления встречаются и в орнаментике поздней ямочно-гребенчатой керамики. Украшенные таким образом черепки найдены в небольшом количестве и в Акали.

Упомянутые подвески происходят из раскопов A, H и J в Акали. По своему стратиграфическому положению они все связаны с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

Особую форму имеет подвеска в виде плоской каменной палочки (рис. 62 : 1). По материалу она также отличается от других каменных изделий, найденных в приустье реки Эмайыги. Очевидно, мы имеем здесь дело с какой-то разновидностью шифера. Палочка имеет на одном конце просверленное с двух сторон отверстие. Поверхность со всех сторон отшлифована, но особенно сильно по обеим более широким сторонам, которые в середине от употребления как бы несколько вогнулись. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что предмет, несмотря на его малые размеры, употреблялся в виде точила. Длина его 7 см, ширина 1 см, толщина 0,5—0,8 см. Эта палочка найдена в Акали в юго-западном конце раскопа I вместе с керамикой эпохи раннего металла.

На стоянке Акали по сравнению с янтарными предметами найдено все же мало подвесок из камня и кости. Даже подвески из зубов животных, довольно обычные на неолитических стоянках, представлены в инвентаре Акали всего лишь в количестве десятка экземпляров. Они все снабжены сверлиной.

Возможно, что в качестве подвесок употреблялись еще цветные камешки, найденные в Кулламяги в нескольких экземплярах. Поверхность их отшлифована до блеска. На одном из них имеется по две зазубринки на обоих краях, которые, возможно, нарезаны искусственно. Следы нарезки, однако, совершенно стерты шлифовкой (рис. 62 : 10). Края второго, более тонкого камешка местами также как будто обработаны (рис. 62 : 7). Привлекает внимание некоторое сходство этих камешков со схематическими фигурками животных.

По-видимому, и два кремневых осколка, найденных в Акали, также не употреблялись для практических целей. Оба имеют форму тонкой пластинки и отличаются особо красивым тоном окраски. Светло-коричневый осколок (рис. 62 : 8) отретуширован с краев как скребок, но не обнаруживает никаких следов сработанности. Вся поверхность предмета отполирована до блеска. Возможно, что его носили в каком-то кожаном мешочке в виде амулета или для какой-либо другой цели. Второй кремневый осколок розоватой окраски с беловатыми и коричневатыми полосками, имеет трапециевидную форму (рис. 62 : 9). Края местами слегка ретушированы, но лезвия не образуют. Создается впечатление, что правильная форма придана предмету умышленно. Надо думать, что и этот предмет употреблялся в качестве амулета или украшения.

Наконец, на рассматриваемых стоянках, особенно в Акали, найден ряд простых небольших плоских камней с ровной, очевидно сглаженной во-

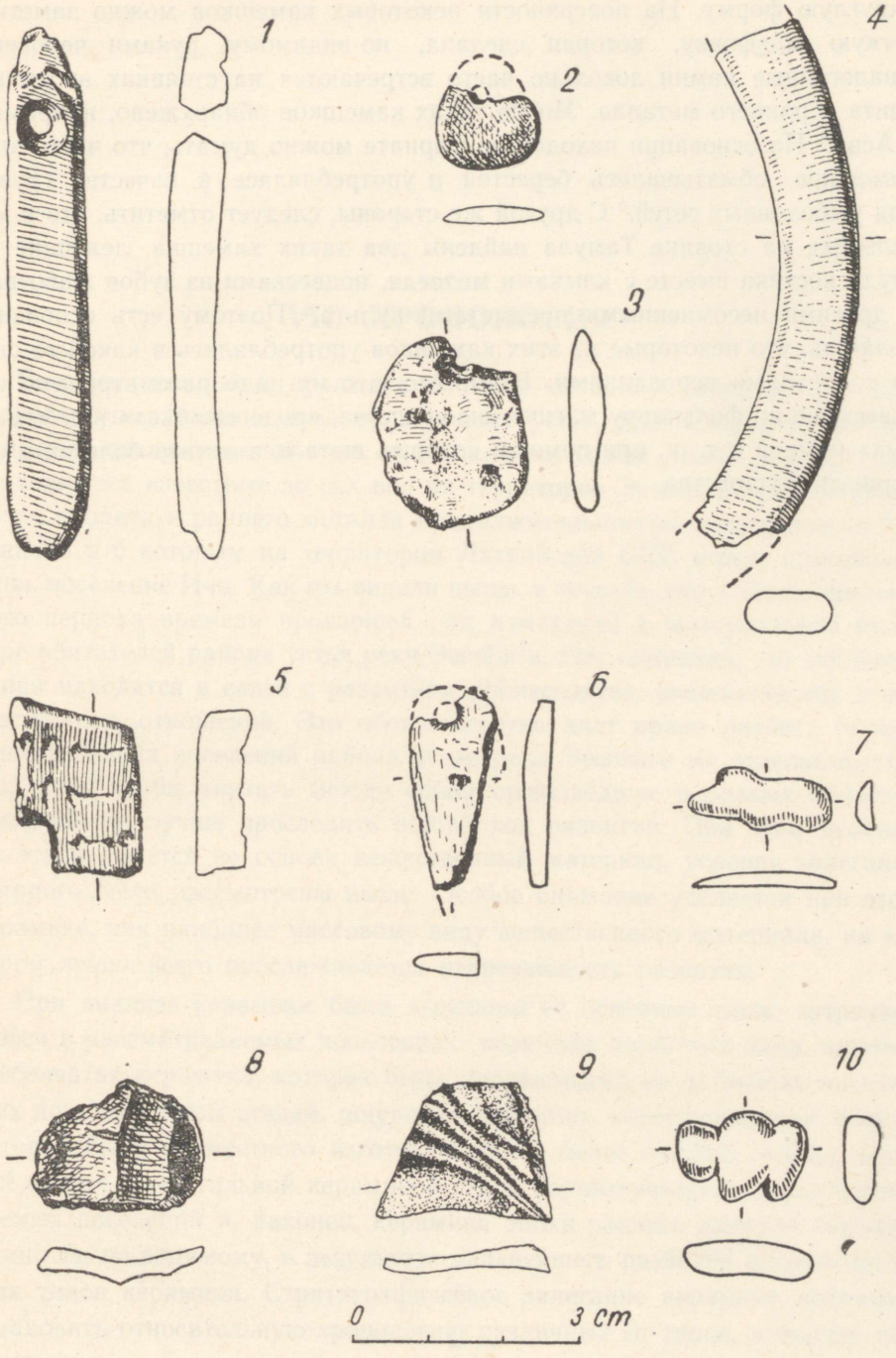


Рис. 62. Каменные и костяные подвески, обломок сланцевого кольца и цветные камешки с поселений Акали (*1—6, 8, 9*) и Кулламяги (*7, 10*). *1* — ИИ № 4013 : 2127 (раскоп I), *2* — 4013 : 5306 (J), *3* — 3800 : 112 (A), *4* — 4013 : 5825 (J), *5* — 4013 : 62 (H), *6* — 4013 : 55 (H), *7* — 4045 : 890 (B), *8* — 3800 : 255 (C), *9* — 3800 : 69 (A), *10* — 4045 : 347 (C).

дой, поверхностью. Многие из них имеют правильную овальную или округлую форму. На поверхности некоторых камешков можно заметить легкую шлифовку, которая сделана, по-видимому, руками человека. Аналогичные камни довольно часто встречаются на стоянках эпохи неолита и раннего металла. Много таких камешков обнаружено, например, в Асва.[1] На основании находок из Сарнате можно думать, что часть этих камешков обматывалась берестой и употреблялась в качестве грузил для рыболовных сетей.[2] С другой же стороны, следует отметить, что в могильнике на стоянке Тамула найдены два таких камешка, лежащие на груди костяка вместе с клыками медведя, подвесками из зубов животных и другими несомненными предметами культа.[3] Поэтому есть основание полагать, что некоторые из этих камешков употреблялись в какой-то связи с древними верованиями. Возможно, что их надо рассматривать как известные по фольклору магические средства, вроде «жабьих» или «змеиных» камней и т. п., при помощи которых пытались лечить болезни и совершать колдовства.

---

[1] Muistse Eesti linnused, стр. 47, рис. 9 : 1.

[2] Древние поселения и городища, стр. 144, табл. XXX : 1—3.

[3] Я н и т с, Новые данные, стр. 174, 200, рис. 11; 12 : 15, 16.

VII. ХРОНОЛОГИЯ

Весь изложенный в предыдущей главе материал указывает на длительное существование стоянок в районе устья реки Эмайыги. Особого внимания заслуживает в этом отношении поселение Акали, которое превосходит все известные до сих пор на территории Эстонской ССР стоянки эпохи неолита и раннего металла продолжительностью непрерывного бытования и с которым на территории Латвийской ССР может сравниться лишь поселение Ича. Как мы видели выше, в течение этого продолжительного периода времени произошел ряд изменений в материальной культуре обитателей района устья реки Эмайыги. Нет сомнения, что эти изменения находятся в связи с развитием производства, экономических и общественных отношений. Это обстоятельство дает право разбить период существования поселений района устья реки Эмайыги на отдельные этапы, с тем чтобы увязать между собой происшедшие в разных областях изменения и лучше проследить общий ход развития. При этом делении на этапы берется за основу вещественный материал, условия залегания которого были рассмотрены выше. Особое внимание уделяется при этом керамике, как наиболее массовому виду вещественного материала, на котором лучше всего прослеживается непрерывность развития.

При анализе керамики были выяснены ее основные типы, встречающиеся в рассматриваемых поселениях: керамика нарвского типа, ямочно-гребенчатая керамика, которая была подразделена на несколько следующих друг за другом стадий, шнуровая керамика, наиболее ранние сосуды которой были не местного изготовления, но более поздние формы которой вместе с текстильной керамикой стали характерными для рассматриваемых поселений и, наконец, керамика эпохи раннего металла, которая возникла, по-видимому, в результате дальнейшего развития предшествующих типов керамики. Стратиграфическое залегание керамики позволяет установить относительную хронологию различных ее типов, которую, как выяснилось, подтверждают сравнения с материалами других стоянок и иных памятников. Таким образом, керамика составляет довольно устойчивую основу для периодизации поселений. Исходя из этих положений, мы можем установить следующие этапы существования поселений в приустье реки Эмайыги.

I этап соответствует наиболее древнему периоду существования стоянки Акали и представлен керамикой нарвского типа. Как показывают находки этой керамики, жизнь на поселении в тот период сосредоточивалась у подножия холма и на его склонах, не достигая расположенных выше участков. Так как нам неизвестны те изменения, которые произошли, возможно, с руслом реки Акали, мы не можем сказать, на каком расстоянии от древней стоянки протекала река. Можно полагать, что расстояние стоянки от реки было не больше, чем в настоящее время, т. е. несколько десятков метров. Самый берег реки по-видимому, уже покрывался торфом; поэтому люди предпочитали селиться несколько поодаль от него. На этом этапе Кулламяги не была заселена.

Увязка остального вещественного материала с древнейшей керамикой представляет некоторые затруднения, так как нижний горизонт культурного слоя, содержащий керамику нарвского типа, имеет незначительную мощность и повсюду в значительной степени перемешан с отложениями, содержащими ямочно-гребенчатую керамику. Помимо самых обычных, известных уже в мезолите форм предметов, как, например, костяных шильев, мелких кремневых предметов и прочих простых орудий, с этим этапом можно увязать, по всей вероятности, роговые долота (рис. 31 : 1, 2), тупые роговые острия (рис. 31 : 3), конические и широкие иволистные костяные наконечники стрел (рис. 20 : 1—3) и наконечники гарпунов (рис. 20 : 7). Эти типы орудий встречаются и в других местах в сравнительно ранних комплексах; поэтому их нахождение в Акали вместе с древнейшей керамикой кажется не случайным. Возможно, что сюда же относятся тяжелый каменный молот и древнейшие янтарные украшения (рис. 60 : 14; 61 : 7); но эти предметы могут быть также отнесены и к следующему этапу. Вопрос о том, какие каменные долота следует увязать с древнейшим периодом, из-за недостатка материала остается невыясненным. Судя по стратиграфическим условиям, древнейшие долота, т. е. долото треугольного сечения, близкое к долотам русско-карельского типа (рис. 28 : 2), четырехугольное долото с покатым поперечным лезвием (рис. 28 : 6) и когтевидное долото со слабой выемкой у лезвия (рис. 30 : 8), принадлежат к типам, которые обычно встречаются вместе с ямочно-гребенчатой керамикой. Поэтому представляется более правильным синхронизировать эти типы со следующим этапом существования стоянки.[1]

Начало II этапа датируется появлением на стоянке ямочно-гребенчатой керамики, причем, по-видимому, керамика нарвского типа исчезает. Выше в развитии ямочно-гребенчатой керамики были выделены три стадии. Так как первая из них охватывала сравнительно короткий

[1] Все же следует заметить, что древнейшие формы долот русско-карельского типа имеют часто и в Карелии треугольное поперечное сечение, и что некоторые представители этого типа долот найдены на стоянке Суна I, где наряду с ямочно-гребенчатой керамикой встречалась также керамика типа Сперрингс. Брюсов, История древней Карелии, табл. I : 3; VIII : 5; стр. 285 и сл.; табл. VI : 31.

промежуток времени и притом существенно не отличается от второй, то нет основания рассматривать первую стадию развития ямочно-гребенчатой керамики как признак особого этапа существования стоянки: обе стадии характеризуются типичной ямочно-гребенчатой керамикой. В начале этого этапа территория стоянки располагалась примерно на прежнем месте. В течение всего этапа территория стоянки только немного передвинулась по направлению к холму: ямочно-гребенчатой керамики второй стадии почти не найдено в раскопах M и P, а в раскопах N и Q, не содержавших ямочно-гребенчатой керамики первой стадии, керамика второй стадии еще встречалась и в раскопе I она попадалась немного ближе к холму, чем область распространения ямочно-гребенчатой керамики первой стадии (см. план рис. 3).

Заселение Кулламяги началось, по-видимому, на втором этапе. Этот этап сравнительно слабо представлен вещественным материалом. Ограниченность территории распространения ямочно-гребенчатой керамики второй стадии (раскопы A, B, C, D, F) и то обстоятельство, что она в некоторых раскопах залегает значительно глубже вещей более позднего времени (в раскопе A она даже отделена от последних тонкой прослойкой, почти не имеющей находок), позволяют заключить, что на втором этапе Кулламяги была заселена лишь временно и не занималась непрерывно вплоть до третьего этапа, как это, без сомнения, имело место в Акали.

Прочий вещественный материал, сопровождающий ямочно-гребенчатую керамику, отличается бóльшим разнообразием, чем материал, сочетающийся с другими типами керамики. Особенно многообразную картину, начиная со второго этапа, представляет собой инвентарь из Акали. В дополнение к роговым долотам и остриям, а также костяным наконечникам стрел и гарпунов, которые увязаны уже с предыдущим этапом, на данном этапе вошли в употребление остроовальные кремневые наконечники стрел, иногда со слабо выраженной черешковой частью (рис. 16 : 3, 4, 7, 10, 11; 18 : 2, 10, 15, 16), широкие листовидные кремневые наконечники дротиков (рис. 19 : 6, 9), а также стройные костяные наконечники дротиков (табл. XXXV : 1), составные рыболовные крючки (рис. 20 : 11, 13), узкие костяные долота (рис. 33 : 1). Особенно многообразны формы каменных долот. Со вторым этапом можно, несомненно, связывать такие типы, как массивные долота с округленными гранями (рис. 24 : 2), четырехугольные долота с крутым или отлогим поперечным лезвием (рис. 27; 28 : 4), долота, близкие к русско-карельскому типу (рис. 28 : 1), долота небольших размеров с округлым лезвием (рис. 29 : 1), стамески с узким лезвием (рис. 29 : 4), когтевидные (рис. 30 : 6) и желобчатые долота (рис. 30 : 2, 3). Перечень следует дополнить еще скульптурами (рис. 59 : 2, 5) и янтарными украшениями, количество которых увеличивается на более позднем отрезке второго этапа (ср. табл. на стр. 282).

III этап совпадает с третьей стадией ямочно-гребенчатой керамики. Он характеризуется поздней ямочно-гребенчатой керамикой. Горизон-

ты, содержащие эту керамику в Акали, имеют такую же мощность, как и отложения предыдущего этапа. Территория стоянки продолжает оставаться на том же месте. Перемещение по направлению к холму происходит медленно и больше за счет расширения района стоянки, чем за счет ее удаления от реки. В конце этапа в районе устья реки Эмайыги появилась ранняя шнуровая керамика, а вскоре после этого — ранняя текстильная керамика.

На третьем этапе, но, очевидно, не в самом его начале, стоянка Кулламяги была снова заселена. На этой стоянке особенно хорошо представлена ранняя текстильная керамика, которая в большой степени перемешана с поздней ямочно-гребенчатой. Стоянка Кулламяги занимает теперь значительно бóльшую территорию, чем на втором этапе. Центр стоянки по-прежнему располагался на обращенном к реке склоне холма, но отдельные находки этого периода встречаются и на верхушке холма, и на противоположном склоне, т. е. на периферии стоянки.

Формы предметов большей частью прежние. Среди кремневых наконечников стрел начинают встречаться в значительно большем количестве наконечники ромбической формы (рис. 16 : 2, 9; 17 : 9, 12, 16; 18 : 1, 3—6, 11, 12, 17), а в конце этапа, очевидно, и типы с прямым основанием (рис. 19 : 2, 11, 13). Среди каменных долот третьего этапа нет четырехугольных экземпляров с крутым поперечным лезвием (рис. 27), но зато начинают встречаться плоские треугольные экземпляры (рис. 25 : 1—4, 7). Отсутствие этих форм на том или ином этапе может, однако, быть случайным. К конечной стадии этапа относятся оба широких долотца с округлым обушком (рис. 26 : 2, 3). С третьим этапом следует увязать и простые несверленные топоры (рис. 21 : 4; 22), которые были, несомненно, известны уже на предыдущем этапе. Количество янтарных предметов несколько увеличилось по сравнению со вторым этапом.

Характерным признаком IV этапа является исчезновение ямочно-гребенчатой керамики и ее замена керамикой других более поздних типов. Таковыми являются поздняя шнуровая керамика и встречающаяся в сочетании с ней текстильная керамика. Оба эти типа керамики, которые появились на поселениях приустья реки Эмайыги на позднем отрезке предыдущего этапа в виде своих ранних, можно сказать позднеэнеолитических, форм, на данном этапе находятся в стадии слияния и превращения в керамику эпохи раннего металла.

На этом этапе жизнь существовала как в Акали, так и в Кулламяги. В Акали в этот период наблюдается довольно резкое перемещение территории поселения по направлению к холму. Центр стоянки передвинулся по обращенному к реке склону холма вверх, однако еще не достиг его верхушки. Раскоп I находится теперь в центре стоянки, но раскоп К все еще расположен на отдаленной периферии. Участки, входившие в центральную часть стоянки на предыдущем этапе, теперь частично остались на окраине, частично же вовсе вне района стоянки. Поселение в Кулламяги также передвинулось несколько вверх. Центральную его

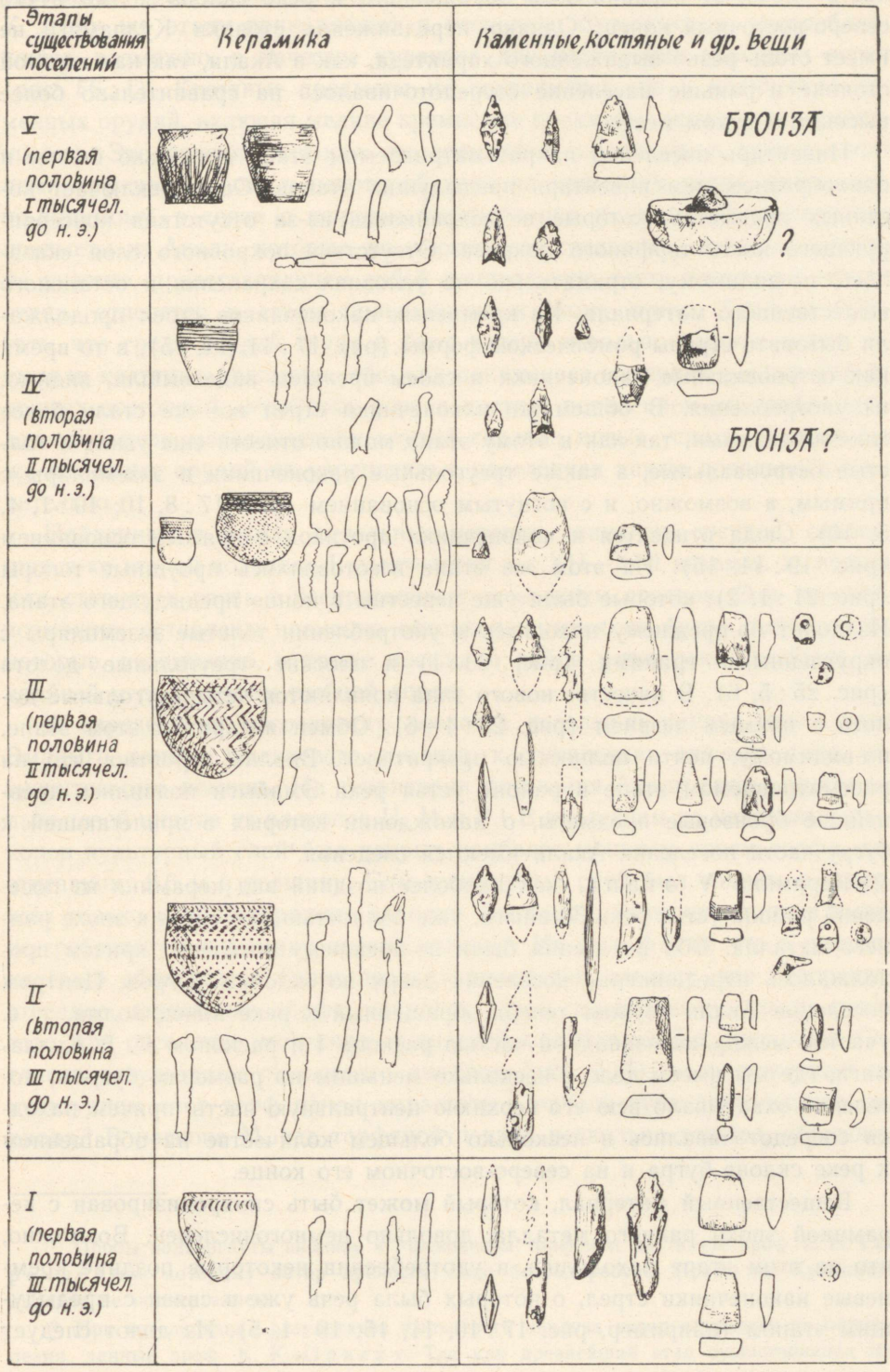


Рис. 63. Схематическая таблица развития материальной культуры в поселениях приустья р. Эмайыги.

часть образуют верхняя зона обращенного к реке склона холма и его северо-восточный конец. Однако передвижение стоянки Кулламяги не имеет столь резко выраженного характера, как в Акали, так как на этой стоянке и раньше население сосредоточивалось на сравнительно более высоком и сухом месте.

Инвентарь поселений на рассматриваемом этапе несколько беднее и однообразнее, чем инвентарь предыдущих этапов. Он не включает костяных предметов, которые не сохранились из-за отсутствия консервирующего кость торфяного покрова. Отсутствие покровного слоя сказалось, по-видимому, отрицательно на условиях сохранения и остального вещественного материала. Из кремневых наконечников стрел продолжали бытовать стрелы ромбической формы (рис. 17 : 11, 14, 15), в то время как остроовальные наконечники в своем прежнем виде вышли, видимо, из употребления. В общем же наконечники стрел все же стали более многообразными, так как к этому этапу можно отнести еще узкие и толстые остроовальные, а также треугольные наконечники и экземпляры с прямым, а возможно, и с вогнутым основанием (рис. 17 : 8, 10; 19 : 1, 4, 5, 10). Сюда относятся и наконечники дротиков с прямым основанием (рис. 19 : 14, 15). На этом же этапе изготовлялись проушные топоры (рис. 21 : 1, 2), которые были уже известны в конце предыдущего этапа. Из долот по-прежнему находятся в употреблении толстые экземпляры с округленными гранями (рис. 23 : 1) и плоские треугольные долота (рис. 25 : 5, 6). В качестве нового типа появляются четырехугольные долота с прямым лезвием (рис. 26 : 4—6). Обмен янтаря на этом этапе, по-видимому, почти полностью прекратился. Вполне вероятно, что на рассматриваемом этапе в районе устья реки Эмайыги появились древнейшие бронзовые предметы, о нахождении которых в прилегающей к бугру части поселения Акали имеются сведения.[1]

Керамика V этапа, как наиболее поздний вид керамики из поселений района устья реки Эмайыги, уже полностью относится к эпохе раннего металла. Оба поселения были по-прежнему заселены, причем продолжалось передвижение поселений вверх по склонам бугров. Центром поселения Акали служил теперь обращенный к реке конец холма, т. е. участок между юго-западной частью раскопа I и раскопом К. В Кулламяги, где мы имеем дело с несколько меньшим по размерам бугром, поселение охватывало всю его верхнюю центральную часть, причем находки сосредоточивались в несколько большем количестве на обращенном к реке склоне бугра и на северо-восточном его конце.

Вещественный материал, который может быть синхронизирован с керамикой эпохи раннего металла, довольно немногочисленен. Возможно, что на этом этапе находились в употреблении некоторые поздние кремневые наконечники стрел, о которых была речь уже в связи с предыдущим этапом (например, рис. 17 : 10, 11, 15; 19 : 4, 5). Из долот следует

---

[1] Как уже отмечалось, сами предметы не сохранились.

упомянуть треугольное долотцо четырехугольного сечения (рис. 26 : 1). К этому же этапу принадлежат и несколько булыжников, употреблявшихся, возможно, в качестве курантов для растирания злаковых зерен (рис. 56 : 1). Костяные предметы не сохранились, но и количество каменных орудий, включая мелкие кремневые предметы, значительно уменьшилось. Это явление, которое, по сравнению со вторым и третьим этапами, отмечалось уже в некоторой мере на четвертом этапе, находится, по-видимому, в связи с началом употребления металла. Металлические предметы из Акали, которые, по имеющимся сведениям, найдены именно на участке, представляющем собой центральную часть поселения пятого этапа, относятся в своем большинстве к этому этапу. Следует полагать, что среди орудий труда и быта теперь довольно важное место занимали костяные предметы, ибо, как показывает материал ранних укрепленных поселений, обработка рога и кости с появлением употребляемых для этой цели металлических орудий сделала новые успехи. Количество же каменных орудий на укрепленных поселениях также довольно незначительно.

Найденные в Акали отдельные черепки глиняных сосудов, относящихся ко второй половине I тысячелетия и к XII—XIII векам н. э., нельзя уже ставить в связь с беспрерывным заселением стоянок. Эти черепки, возможно, оставлены временно обосновавшимися на бугре рыболовами, которые, несомненно, и позже посещали район устья реки Эмайыги, по крайней мере в сезоны рыбной ловли.

В определении абсолютного возраста поселений района устья реки Эмайыги данные пыльцевого анализа, к сожалению, оказали лишь незначительную помощь. На территории поселения Акали взяты пробы на пыльцевой анализ из раскопов Н, М и Р.[1] В последнем из названных раскопов культурный слой был покрыт наиболее мощным слоем торфа, достигавшим 2,6 м в толщину. Сам культурный слой был тонким и содержал только наиболее ранние находки (керамику нарвского типа и ямочно-гребенчатую керамику первой стадии). Из того факта, что в раскопе не было обнаружено более поздних предметов, следует, что беспрепятственное нарастание торфа началось здесь, по-видимому, сразу после того, как поселение отступило от краевой, прилегающей к реке зоны. Согласно результатам пыльцевого анализа (рис. 2 : I), расположенный на культурном слое торф начал нарастать в начале субатлантического периода.[2] В раскопе М, где торфяной покров несколько тоньше, образова-

---

[1] Пробы подвергнуты анализу в Московском торфяном институте проф. С. Н. Тюремновым, которому автор приносит свою благодарность. Пробы из Кулламяги анализу не подвергались.

[2] При истолковании результатов пыльцевого анализа автор опирается на определения, данные проф. К. К. Орвику. Так как древнейший этап существования поселения, судя по археологическому материалу, является значительно более древним, чем начало субатлантического климатического периода, то приходится констатировать противоречие между археологической и палинологической датировками.

ление торфа также началось несколько позднее (рис. 2 : II). В раскопе Н мы имеем дело с мощным культурным слоем. На этом месте в течение продолжительного времени был расположен центр поселения, вследствие чего здесь в культурном слое пыльца не сохранилась, хотя она имелась в расположенном над культурным слоем торфяном покрове.[1] Последний был намного тоньше (толщиной примерно в 80 см), чем в двух предыдущих раскопах. Как показывает пыльцевой анализ, расположенный на этой высоте торф образовался в субатлантический период (рис. 2 : III).

Пыльцевые анализы указывают, таким образом, на то, что поселения в районе устья реки Эмайыги прекратили свое существование лишь в начале субатлантического климатического периода. Можно предполагать, что существование этих поселений совпадает в основном с суббореальным периодом. Кажется, что имеющиеся геологические данные не дают пока возможности датировать начало заселения. К тому же ясно, что палинологические данные позволяют производить датировку лишь в общих чертах, так как в эпоху неолита, не говоря уже об эпохе раннего металла, изменения в материальной культуре общества протекали значительно быстрее, чем изменения, происходившие в окружающей естественной среде. Поэтому при выяснении абсолютной хронологии следует в первую очередь опираться непосредственно на археологический материал.

Анализ керамики показал, что ямочно-гребенчатая керамика первой стадии имеет точные параллели на стоянках западного побережья Ладожского озера и юго-восточной Финляндии. Относительная хронология неолитической керамики на территории Финляндии основывается на изучении расположения стоянок на прежних береговых линиях в отношении к уровню береговой линии в период максимальной трансгрессии литоринового моря. Так как неолитические стоянки, благодаря рыболовческому характеру хозяйства своих обитателей, следовали за изменением береговой линии, то учет горизонталей прибрежных стоянок дает достаточно твердую основу для определения их относительной хронологии. Абсолютная же хронология остается при этом менее определенной, так как она зависит от того, насколько принимается во внимание быстрота повышения земной поверхности в послеледниковый период (причем в каменном веке это повышение происходило быстрее, чем в настоящее время).

Наиболее подробно хронологию неолита в Восточной Прибалтике разработал А. Эйряпя. Опираясь на исследования М. Саурамо и других геологов, он исходил из предположения, что повышение земной поверхности происходило в каменном веке в общем в три раза быстрее, чем в настоящее время. В соответствии с этим он датировал поселения с ямочно-гребенчатой керамикой (включая керамику типа Сперрингс, предшествовавшую типичной ямочно-гребенчатой керамике) периодом 2750—2000 гг.

---

[1] Отсутствие пыльцевых зерен в культурном слое отмечено и на других неолитических стоянках на территории Эстонской ССР, например в Тамула. См. Янитс, Новые данные, стр. 201, рис. 4, наверху.

до н. э., а следовавшую за ней культуру ладьевидных топоров — 200—1600 гг. до н. э., поселения же конца каменного века с керамикой типа Киукайнен — периодом 1600—1200 гг. до н. э. При этом А. Эйряпя отмечал, что, хотя эти цифры не претендуют на абсолютную точность, повышение земной поверхности в течение каменного века нельзя уложить в более короткий отрезок времени.[1]

В своей более поздней работе А. Эйряпя, опираясь на новые данные геологии, датирует начало появления ранней ямочно-гребенчатой керамики (типа Сперрингс) более ранним временем, а именно около 3000 лет до н. э.[2] Он пытается также уточнить время бытования типичной ямочно-гребенчатой керамики. Исходя из того, что на территории нынешней Калининградской области типичная ямочно-гребенчатая керамика встречается вместе с керамикой культуры воронкообразных кубков, А. Эйряпя считает возможным, что керамика обоих этих типов бытовала там примерно в период 2200—2000 гг. до н. э. Этой датировке как будто не противоречит также датировка финляндских стоянок с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, полученная на основании геологических данных.[3]

Все же некоторые соображения заставляют отнести возникновение типичной ямочно-гребенчатой керамики ко времени раньше 2200 лет до н. э. Следует иметь в виду, что типичная ямочно-гребенчатая керамика, так же как и поздняя ямочно-гребенчатая керамика, была в употреблении в течение весьма продолжительного времени, как об этом свидетельствует многочисленность стоянок с этой керамикой и мощность их культурного слоя. Кажется, что типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала довольно долго и в Финляндии. Согласно приведенным А. Эйряпя в 1930 г. данным,[4] стоянки с ранней ямочно-гребенчатой керамикой располагаются в Финляндии на береговых линиях, высота которых составляет 76—87% максимального уровня литоринового моря, тогда как стоянкам с типичной ямочно-гребенчатой керамикой соответствуют береговые линии на высоте 68—75%, а стоянкам с поздней ямочно-гребенчатой керамикой[5] — на высоте 64—68% максимального уровня литоринового моря. Таким образом, эпейрогеническое поднятие, имевшее место в период бытования ранней ямочно-гребенчатой керамики (типа Сперрингс), равно поднятию,

---

[1] Äyräpää, Chronologie, стр. 220.

[2] Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi, стр. 27.

[3] Там же, стр. 11. В своем последнем популярном обозрении каменного и бронзового веков Финляндии А. Эйряпя представил следующую хронологическую схему: ранняя ямочно-гребенчатая керамика (типа Сперрингс) — 3000—2250 до н. э., типичная ямочно-гребенчатая керамика — 2250—2000 до н. э., поздняя ямочно-гребенчатая керамика — 2000—1800 до н. э., культура ладьевидных топоров — 1800—1600 до н. э., культура Киукайнен — 1600—1200 до н. э. См. A. Äyräpää, Suomen varhaisin esihistoria, kivi- ja pronssikausi. Отдельный оттиск из сборника «Oma Maa», Porvoo 1958, стр. 23—28.

[4] Äyräpää, Chronologie, стр. 171, 179, 183.

[5] Во внимание приняты такие стоянки, которые, по всей вероятности, относятся к более раннему времени, чем памятники культуры боевых топоров в Финляндии.

которое совершилось в течение бытования типичной и поздней ямочно-гребенчатой керамики вместе взятых. Следовательно, в Финляндии ранняя ямочно-гребенчатая керамика могла быть в употреблении в течение примерно такого же промежутка времени, как типичная и поздняя ямочно-гребенчатая керамика вместе взятые.

Если допустить, что ранняя ямочно-гребенчатая керамика бытовала в период 3000—2200 гг. до н. э., т. е. в течение 800 лет, то типичная и поздняя ямочно-гребенчатая керамика должны были бы быть в употреблении также в продолжение около 800 лет, т. е. примерно в период 2200—1400 гг. до н. э. Но такая датировка не согласуется с установленной хронологией, особенно если принять во внимание, что взятые на учет стоянки с поздней ямочно-гребенчатой керамикой существовали еще до проникновения в Финляндию культуры боевых топоров.

Приведенные соображения заставляют нас полагать, что возникновение и распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики имело место несколько раньше, чем около 2200 г., очевидно уже в третьей четверти или даже в середине III тысячелетия. Возможно, что на окраины ареала своего распространения эта керамика проникла несколько позднее. Так, например, типичная ямочно-гребенчатая керамика могла позднее попасть на Аландские острова, где соответственно с этим ранняя ямочно-гребенчатая керамика могла просуществовать дольше.[1] Нет сомнения в том, что типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала в течение нескольких сот лет. Поэтому вполне допустимо, что типичная ямочно-гребенчатая керамика около 2200 г. была в употреблении в Восточной Прибалтике, в том числе и на территории Калининградской области, где она встречается на стоянках вместе с керамикой культуры воронкообразных кубков.

Датировка типичной ямочно-гребенчатой керамики имеет значение и для датировки керамики нарвского типа. Стратиграфические данные показывают, что как на поселении Акали, так и на поселении в самом городе Нарве керамика нарвского типа была в употреблении еще до появления типичной ямочно-гребенчатой керамики. То же самое можно предполагать и относительно поселений Нарва-Рийгикюла, если иметь в виду их высотные соотношения, хотя в этих поселениях стратиграфия залегания типов керамики не была прослежена. На основании приведенной выше датировки типичной ямочно-гребенчатой керамики можно полагать, что керамика нарвского типа была в употреблении примерно в середине III тысячелетия, а возможно уже и в первой половине этого тысячелетия. Такая датировка находит себе, может быть, некоторое подтверждение и в том обстоятельстве, что в керамике нарвского типа наблюдаются некоторые черты, связывающие ее с сосудами наиболее поздней фазы развития ранней ямочно-гребенчатой керамики Финляндии (Эйряпя, стиль I : 2).

---

[1] Ср. Äyräpää, Chronologie, стр. 171, 179, 183. Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi, стр. 11—18, 26—28.

Переход от типичной ямочно-гребенчатой керамики к поздней совершился не сразу, но путем постепенного местного развития в течение продолжительного времени. Вследствие этого на территории распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики образовался ряд отдельных, территориально ограниченных групп керамики с определенными местными особенностями. Так как эти керамические группы явно существовали еще до появления в Прибалтике культуры боевых топоров, то следует полагать, что эти группы сложились в основном в конце III и в начале II тысячелетия до н. э.

Относительно времени появления в Прибалтике и в Финляндии культуры боевых топоров мнения расходятся. Как уже указывалось, по А. Эйряпя носители культуры боевых топоров появились в Финляндии около 2000 г. до н. э.[1] К. Ф. Мейнандер в своей недавно опубликованной работе датирует начало этой культуры в Финляндии временем на сто лет позднее.[2] Х. А. Моора высказал предположение, что племена культуры боевых топоров проникли в Восточную Прибалтику примерно в XVIII в. до н. э.[3] В противоположность этому, А. Ольдеберг датирует начало культуры боевых топоров в Швеции, куда племена этой культуры проникли примерно в то же самое время, как и в Финляндию, и, по его же мнению, отчасти через Финляндию, временем до 2000 г. до н. э.[4] Однако для Восточной Прибалтики эта датировка кажется слишком ранней и не согласуется с принятой здесь датировкой. На основании абсолютной хронологии, данной А. Ольдебергом, получилось бы, что в Финляндии и в Восточной Прибалтике культура боевых топоров существовала одновременно с типичной ямочно-гребенчатой керамикой. Но этому противоречат все имеющиеся налицо находки. В настоящее время можно не сомневаться в том, что культура боевых топоров появилась в Прибалтике во время бытования здесь поздней ямочно-гребенчатой керамики и что памятники культуры боевых топоров в значительной мере синхронны с поздней ступенью развития поздней ямочно-гребенчатой керамики. На территории Финляндии культура боевых топоров существовала одновременно с ямочно-гребенчатой керамикой поздних ступеней развития, в частности с керамикой так называемого типа Пюхээнсилта.[5] Таким образом, создается впечатление, что культура боевых топоров появилась в Восточной Прибалтике и в Финляндии в начале II тысячелетия, хотя точно определить столетие еще пока невозможно. Мне лично кажется наиболее вероятной датировка К. Ф. Мейнандера, согласно которой племена куль-

---

[1] Позже А. Эйряпя датировал культуру ладьевидных топоров в Финляндии периодом 1800—1600 гг. до н. э. См. сноску 3 на стр. 297.

[2] Meinander, Kiukaiskultur, табл. на рис. 99.

[3] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 5.

[4] A. Oldeberg, Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm 1952, стр. 210—211.

[5] Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi, стр. 21—25. Meinander, Kiukaiskultur, стр. 156—160, рис. 92, 93.

туры боевых топоров достигли Восточной Прибалтики около 1900 г. до н. э.

Как уже отмечалось, в Восточной Прибалтике поздняя ямочно-гребенчатая керамика в течение довольно продолжительного времени бытовала параллельно со шнуровой керамикой. По-видимому, керамика каждого из этих типов изготовлялась особыми племенами, о характере взаимоотношений которых в начальном периоде их соприкосновения имеется очень мало данных. Можно полагать, что меновые сношения между племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики и племенами культуры шнуровой керамики сложились не сразу после появления здесь последних, а только спустя некоторое время. В соответствии с этим кажется возможным, что наиболее ранние черепки шнуровой керамики попали в культурный слой поселения Акали начиная примерно с XVIII в. Отдельные сосуды шнуровой керамики время от времени заносились сюда в течение довольно продолжительного времени, должно быть нескольких веков, тогда как в качестве местной керамики продолжали употреблять сосуды поздней ямочно-гребенчатой керамики. В конце периода бытования последней, возможно в XVII—XVI вв., на поселении появилась и ранняя текстильная керамика.

Около середины II тысячелетия население стоянок Акали и Кулламяги перешло к изготовлению шнуровой и одновременной с ней текстильной керамики. Близость поздней шнуровой керамики, находимой на территории Эстонской ССР, к керамике тшцинецкой культуры в Польше, датируемой 1500—1300 гг. до н. э.,[1] позволяет отнести позднюю шнуровую керамику приустья р. Эмайыги примерно к этому же времени. Связь поздней шнуровой керамики с текстильной керамикой имеет в некотором отношении аналогию и в керамике культуры Киукайнен в Финляндии, на которой часто встречаются следы отпечатков тканей. Как уже указывалось, керамика типа Киукайнен датируется временем 1600—1200 гг. до н. э., т. е. приблизительно тем же временем, что и поздняя шнуровая керамика в Эстонии. Для датировки этой керамики имеет некоторое значение нахождение ее в могильнике Кивисааре, где также был найден бронзовый серп. Такие серпы обычно датируются XIII—XII вв. до н. э.,[2] но возможно, что наш серп относится к несколько более раннему времени. Высказывалось мнение, что серпы этого типа возникли в украинских степях, где они представлены в штетковском кладе на р. Буг.[3] Этот клад на основании входящих в него бронзовых двулезвийных секир был

---

[1] S. Nosek, Zagadnienie Prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii. Światowit XIX, Warszawa 1948, стр. 1 — 178, карта II. A. Gardawski, Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Łubna, pow. Sieradz. Wiadomości Archeologiczne XVIII : 1—2, Warszawa 1951, стр. 1—84.

[2] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 12. OESA 1932, Tartu 1935, стр. 255 и сл.

[3] A. M. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Eurasia Septentrionalis Antiqua II, Helsinki 1926, стр. 162, 173, 190—193.

отнесен к периоду Трои VI, т. е. ко времени 1500—1300 гг. до н. э.[1] В связи с Кивисаареским могильником можно упомянуть, что там найдено также несколько фрагментов глиняных сосудов, — например черепок с елочным орнаментом, — которые могут относиться к ранней шнуровой керамике. Поэтому надо думать, что этот могильник существовал в течение нескольких столетий, причем серп относится к инвентарю более поздних погребений.

Смена поздней шнуровой керамики керамикой эпохи раннего металла произошла, очевидно, на поселениях в конце II тысячелетия до н. э. Более точную дату в настоящее время определить невозможно, так же как и невозможно точно установить конец существования поселений. Последний приходится, по-видимому, примерно на середину или вторую четверть I тысячелетия до н. э., если предполагать, что жизнь на этих поселениях прекратилась в связи с возникновением поселений нового типа. Это предположение подтверждается в некоторой степени позднейшей керамикой, которая в своей основной массе является как будто несколько более ранней, чем керамика наиболее древних укрепленных поселений и каменных могильников с ящиками. Найденная на поселении Акали бронзовая булавка, данные о которой, правда, нельзя больше проверить, тоже могла относиться примерно к середине I тысячелетия до н. э.[2] Не исключена, однако, возможность, что последний этап существования поселения заходил немного еще и во вторую половину тысячелетия.

Сопоставляя приведенные выше данные и соображения относительно абсолютной хронологии поселений приустья р. Эмайыги с этапами развития их материальной культуры, мы получаем следующую схему:

I этап — первая половина или середина III тысячелетия до н. э.

II этап — вторая половина III тысячелетия до н. э.

III этап — первая половина II тысячелетия до н. э.

Шнуровая керамика появилась начиная примерно с XVIII века до н. э., текстильная керамика — примерно с XVII—XVI вв. до н. э.

IV этап — вторая половина II тысячелетия до н. э.

V этап — первая половина I тысячелетия до н. э.

Приведенная схема, конечно, весьма приблизительна и представляет собой лишь первую попытку установить абсолютную хронологию памятников эпохи неолита и раннего металла на территории Эстонской ССР. Действительные границы между отдельными этапами, несомненно, несколько отличаются от вышеуказанных округленных дат, однако трудно сказать, до какой степени. В настоящее время нет достаточно полного

---

[1] V. G. Childe, The Dawn of European Civilization. Third Edition. London 1939, стр. 35.

[2] Упомянутая бронзовая булавка, как указывалось выше, найдена на участке между раскопами I и K, т. е. в самой высокой и наиболее поздно заселенной зоне поселения. По сообщению нашедшего ее лица, она была похожа на булавку, изображенную у Moora, Die Vorzeit Estlands, рис. 14 : 9. О датировке этих булавок см. OESA 1932, Tartu 1935, стр. 266 и сл.

материала для уточнения хронологии. Надо надеяться, что последующие исследования откроют для этого новые возможности.

Материал поселений района устья реки Эмайыги имеет много параллелей в материале других стоянок того же времени на смежных территориях, в первую очередь на территории Эстонской и Латвийской ССР. Это свидетельствует о том, что развитие материальной культуры протекало на этих территориях в общем в аналогичных условиях и по одинаковым путям. Хотя и отмечаются локальные различия, особенно на позднейших этапах рассматриваемого периода, но это не мешает установить путем сравнений общий уровень развития культуры. Поэтому результаты исследования поселений Акали и Кулламяги могут быть использованы для датировки и других поселений эпохи неолита и раннего металла. В основу опять же кладется керамика, как материал, более всего поддающийся изменениям и притом наиболее массовый и потому наиболее достоверный. Выше керамика поселений района устья реки Эмайыги уже сопоставлялась с материалами соседних стоянок. Поэтому нет необходимости вдаваться здесь в детали.

Параллели древней керамике нарвского типа из Акали известны в Восточной Прибалтике пока лишь с поселений Нарва-Рийгикюла I и III, а также со стоянки в городе Нарве.[1] На стоянках Нарва-Рийгикюла I и в городе Нарве обнаружена в большом количестве и более поздняя керамика. Стоянка же Нарва-Рийгикюла III дала пока почти только керамику нарвского типа. Возможно поэтому, что эта стоянка является несколько более ранней, чем Акали, восходя к первой половине III тысячелетия до н. э.

Типичная ямочно-гребенчатая керамика встречается на многих стоянках на территории Эстонии и Латвии. К ним относятся Нарва-Рийгикюла I и II, Нарва и расположенная по соседству с ними, на территории Ленинградской области, стоянка Ломми. Далее, керамика этого типа найдена в южном раскопе стоянки Ягала, на стоянках Валма, Вилла, Звейниеки (на берегу Буртниекского озера), Ича, Личагалс, Звейниеки (на берегу озера Вирапе), Рамслава, Адамова, Пурциемс Е и в меньшем количестве в Леяс-Цискасе и Сарнате. Все эти стоянки должны, таким образом, по крайней мере частично, относиться к тому же периоду, что и II этап поселений приустья реки Эмайыги.

В отношении поздней ямочно-гребенчатой керамики сравнение несколько затруднено тем, что в керамике стоянок начинают выступать некоторые местные особенности, которые в типичной ямочно-гребенчатой керамике еще ясно не обнаруживаются. Ямочно-гребенчатая керамика, которая непосредственно или по уровню своего развития как будто соответствует поздней ямочно-гребенчатой керамике из Акали и Кулламяги, найдена в северном раскопе стоянки Ягала, в Валма (в меньшем коли-

---

[1] Как выше уже отмечалось, не исключена возможность, что соответствующая керамика будет обнаружена и в материалах поселений Ича и Крооди.

честве), Наакамяэ, Ундва, Лоона, Вилла, Тамула, в небольшом количестве в Звейниеки (оз. Буртниеки), на стоянках Риннюкалнс, Кауленкалнс, Ича, Лиезере, Рамслава, Звейниеки (оз. Виране), Личагалс, Силиньупе, Пурциемс C и D, Леяс-Цискас и Сарнате. Возможно, что к поздней ямочно-гребенчатой керамике следует причислить и немногочисленные черепки глиняных сосудов из Кунда, но они слишком малы для того, чтобы можно было сделать на основании их какие-либо определенные заключения. Перечисленные стоянки должны, таким образом, хронологически более или менее соответствовать III этапу поселений в районе устья реки Эмайыги или части этого этапа. На некоторых из этих стоянок обнаружена и шнуровая керамика, что подтверждает вышеуказанную датировку. С концом III этапа или, возможно, еще с началом следующего этапа связаны, по-видимому, такие памятники, как Тояти и Двиете.

Поздняя шнуровая керамика известна только на немногих памятниках. Помимо могильника в Кивисааре, она встречается, очевидно, на поселениях Нарва-Рийгикюла I, Нарва и Вилла. Материал из Тамула также указывает на соприкосновения с поздней шнуровой керамикой. На острове Сааремаа к указанному периоду восходит поселение Лоона. Из материалов стоянок Латвии ко времени IV этапа можно отнести часть керамики, между прочим текстильную керамику, из Ича, а также с ряда стоянок в западной Латвии. Вполне вероятно, что стоянка Леяс-Цискас, где найдено много неорнаментированных черепков, восходит к этому периоду, так же как Сарнате и Силиньупе. Позднейшие стоянки в Пурциемсе (A, B, F) также как будто относятся к этому периоду, хотя их керамика несколько отличается от поздней шнуровой керамики поселений Акали и Кулламяги, а текстильная керамика там вовсе отсутствует, так же как, между прочим, и на других стоянках западной Латвии.[1]

Керамика эпохи раннего металла на поселениях района устья реки Эмайыги кажется на первых порах еще более обособленной, так как о памятниках конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Восточной Прибалтике имеются пока очень скудные данные. К этому этапу относится, повидимому, известная часть материала из Ича, а в некоторой степени, возможно, и наиболее поздние находки из Вилла и Пурциемса.[2] Следующими по времени памятниками являются, таким образом, уже укрепленные поселения.

Хронологическая схема, установленная для Акали и Кулламяги, может быть, следовательно, применена в общих чертах и в отношении других поселений эпохи неолита и раннего металла на территории Эстонии и Лат-

---

[1] Согласно сообщению Л. В. Ванкиной, в 1955 г. в Сарнате все же был найден черепок текстильной керамики.

[2] Возможно, что к V этапу относятся по возрасту некоторые поселения южной Латвии, как, например, Кристапени, материал которого содержит и текстильную керамику. RK 1930, стр. 34 и сл., 40 и сл., табл. 10 : 1—8.

Хронологическая схема поселений эпохи неолита и раннего металла на территории Эстонской и Латвийской ССР на основании дат, установленных для поселений приустья р. Эмайыги

Наименование поселений	I этап	II этап	III этап	IV этап	V этап
Нарва-Рийгикюла III	+				
Нарва-Рийгикюла I	+	+	?	+	
Нарва-Рийгикюла II		+			
Нарва	+	+		+	
Ломми		+			
Кунда			?		
Ягала		+	+		
Крооди	?				
Наакамяэ			+		
Ундва			+		
Лоона			+	+	
Валма		+	+ +		
Акали	+	+	+	+	+
Кулламяги		+	+	+	+
Вилла		+	+	+	?
Тамула			+	+	
Звейниеки (Буртниеки)		+	+		
Кауленкалнс			+		
Риннюкалнс			+		
Ича	?	+	+	+	+
Личагалс		+	+		
Звейниеки (Виране)		+	+		
Рамслава		+	+		
Адамова		+			
Лиезере			+		
Двиете			+	?	
Пурциемс E		+			
Пурциемс C, D			+		
Пурциемс A, B, F			+	+	?
Силиньупе			+	+	
Леяс-Цискас		+	+	+	
Сарнате		+	+	+	
Тояти			+	?	

Примечание. 1. Знаки, поставленные ближе к краям графы, означают принадлежность данного поселения к началу или концу этапа.
2. Поселение Ломми находится на территории Ленинградской области.

вии. На основании этих данных составлена для наглядности таблица.[1] Следует, однако, отметить, что датировку большинства стоянок пока еще нельзя считать окончательно установленной. На многих стоянках детальные раскопки еще не проведены. Поэтому может случиться, что в будущем на них будут обнаружены новые материалы, которые укажут на бо-

[1] За неимением у автора точных данных, в таблицу не включены открытые за последние годы латышскими археологами стоянки в окрестности озера Лудза, где в ряде мест найдена как ямочно-гребенчатая, так и текстильная керамика.

лее длительное их существование, чем это можно полагать на основании имеющихся в настоящее время данных. Передвижения с течением времени территории поселений могли происходить и в других местах, как это было установлено на поселениях в районе устья реки Эмайыги и в Вилла; и в этом случае раскопки ограниченных участков стоянок не дают представления о продолжительности их существования. Совершенно недостаточным для установления предельных дат существования поселений является собранный в некоторых местах подъемный материал (как, например, на поселениях Крооди, Адамова, Тояти и др.). Для некоторых местонахождений из-за отсутствия или малочисленности керамики невозможно пока установить приблизительных дат их существования (например, Лубана). Поэтому, несомненно, что датировку стоянок, как и всю хронологию эпохи неолита и раннего металла надо будет в дальнейшем уточнить. При этом нужно иметь в виду, что если имеющийся в нашем распоряжении материал и позволяет уже сделать некоторые обобщения относительно стоянок культуры ямочно-гребенчатой керамики, которых нам известно довольно много, то поселений, относящихся к более ранним и более поздним периодам, открыто пока еще крайне мало. Последнее обстоятельство ставит перед археологами задачу обнаружить и изучить памятники этих периодов.

VIII. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Расположение поселения Акали типично для неолитических стоянок лесной полосы. Оно находится у небольшой реки, что, очевидно, определялось необходимостью иметь вблизи воду. Место для стоянки выбрано явно с учетом интересов рыболовства. В устье реки Эмайыги, соединенном с различными водными бассейнами, как уже указывалось выше, существовали весьма благоприятные условия для рыбной ловли. Здесь имелись мелкие речки, небольшие озера, более крупная река (Эмайыги) и, наконец, крупное озеро — Пейпси, где рыбная ловля производилась главным образом у устья рек. Такое сочетание озер и рек, повышая их богатство рыбой, создавало одновременно возможности для ловли рыбы различными орудиями и, по-видимому, в течение всего года. Следует полагать, что преимущества этого места, с точки зрения рыболовства, являлись решающим фактором, благодаря которому это поселение существовало в течение весьма продолжительного периода времени.

Рыбная ловля, несомненно, являлась одним из главнейших средств существования местного населения. В тех частях культурного слоя, где сохранились кости, встречается много остатков рыб, употреблявшихся в пищу. Важное место среди них занимают крупные рыбы — щука и сом. Ловилась, конечно, и более мелкая рыба, но кости ее сохранились только в виде мелких крошек и потому не поддаются определению.

О способах рыбной ловли свидетельствуют найденные на стоянке орудия: костяные наконечники острог, части составных рыболовных крючков, предполагаемые иглы для сетей и, очевидно, остатки самих сетей (поплавки из сосновой коры и бересты, маленькие грузила). Таким образом, непосредственно связанных с рыбной ловлей орудий в инвентаре поселений приустья р. Эмайыги не особенно много, но, учитывая материалы других стоянок, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего привлекает внимание то обстоятельство, что на стоянках найдено мало орудий для индивидуальной рыбной ловли — острог и крючков. Хотя ограниченное число находок частей удочек на неолитических стоянках еще не свидетельствует непременно о том, что их мало применяли, все же кажется, что ужение на этих стоянках никогда не имело большого хозяйственного значения. Улов, полученный при помощи крючков, по сравнению с уловом, полученным с помощью других орудий, был относи-

тельно скудным. Возможно, что индивидуальной рыбной ловлей занимались главным образом зимой, когда применение других орудий было ограничено.[1]

Остроги, несомненно, служили в качестве орудий рыбной ловли. Можно полагать, что они применялись особенно во время весеннего половодья, когда обширная пойма устья реки Эмайыги открывала для этого широкие возможности. Тем не менее, как уже отмечалось выше, количество орудий для индивидуальной рыбной ловли было довольно незначительным, и это наблюдается не только в Акали, но и на других неолитических стоянках нашей республики. И там остроги найдены лишь в виде единичных экземпляров. Если сравнить инвентарь неолитических стоянок с материалом из Кунда, то можно заметить значительное различие, так как в Кунда найдена масса наконечников острог. Много наконечников острог известно и из других мезолитических местонахождений (Лубана, Двиете и др.). В эпоху неолита битье рыбы с помощью острог, очевидно, в значительной степени утратило то значение, которое оно имело в качестве основного вида лова на мезолитических стоянках. Вместо битья рыбы острогами теперь стали применяться новые способы лова с помощью сетей, верш и заколов. Эти снасти требовали коллективного труда и приносили значительно бóльшую добычу.

Как свидетельствуют древнейшие находки сетей в Ленинградской области (Антреа) [2] и на территории Эстонской ССР (Сийвертси у города Нарвы),[3] сети появились в употреблении еще в эпоху мезолита. Древнейшие сети были небольших размеров и, несомненно, очень простой конструкции. Следует полагать, что в неолитическую эпоху изготовлялись уже более крупные сети лучшей конструкции. От таких сетей происходят, по-видимому, грузила, найденные в Крооди и на некоторых Онежских прибрежных стоянках.[4] Лов при помощи сетей и заколов в неолитическую эпоху был наиболее выгодным на малых реках и озерах и, очевидно, поэтому неолитические стоянки располагаются часто на берегах небольших водоемов. Это явление было отмечено в Верхнем Поволжье,[5] в известной степени оно наблюдается и в Восточной Прибалтике. При рыбной ловле, несомненно, употреблялись лодки, о наличии которых свидетельствуют находки на южном берегу Ладожского озера [6] и в Сарнате.[7]

---

[1] Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья, стр. 120.

[2] Pälsi, Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg. Lindberg, Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplatz bei Korpilahti, Kirchspiel Antrea, Län Viborg.

[3] Indreko, Die mittlere Steinzeit, стр. 325 и сл., рис. 79 : 1, 6. Грузила найдены также в Кунда-Ламмасмяги, но часть их снабжена отверстием, что ставит под вопрос их мезолитическое происхождение.

[4] Гурина, Поселения на Онежском оз., стр. 82, 105—107, 119, рис. 6 : 1; 19 : 9, 10.

[5] Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья, стр. 102 и сл. Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 14.

[6] Иностранцев, Доисторический человек, стр. 171 и сл., рис. 88.

[7] Древние поселения и городища, стр. 142 и сл., табл. XXV; XXVII : 2.

Вторым основным способом добывания средств к существованию была, несомненно, охота. Как показывает остеологический материал, чаще всего велась охота на лося, кабана, тура и бобра, остальные же животные имели значительно меньшее хозяйственное значение. Следует полагать, что мясо всех упомянутых животных употреблялось в пищу, включая и мясо бобра, кости которого на стоянке перемешаны с костями других животных, частично в расколотом виде.[1] Из костей и рогов животных изготовлялись орудия труда и предметы домашнего обихода, шкуры шли на одежду, на обстановку жилища и, возможно, на покрытие жилищ; из жил делали шнуры для привязывания и шитья. Охотились, несомненно, и за птицей, особенно водоплавающей, которой район устья реки Эмайыги и в настоящее время очень богат, хотя кости этих птиц, за редким исключением, не сохранились в культурном слое.

Орудия охоты встречаются в инвентаре поселений в несколько большем количестве, чем орудия рыбной ловли. К ним надо отнести наконечники стрел, как кремневые, так и костяные. Наконечники стрел имеют различную форму и величину и изготовлены, по-видимому, для охоты на разного вида животных. Среди этих орудий встречаются наконечники дротиков и гарпунов, хотя и в небольшом количестве; что касается гарпунов, то они, возможно, применялись в первую очередь для охоты на таких животных, как бобры. Охоту на бобра при помощи орудий, похожих на гарпуны, которые выпускались из крепкого лука, описывает у хантов в XVIII веке русский этнограф Зуев.[2] Все же количество найденных орудий охоты также не очень велико. Можно думать, что при охоте применялись также западни и капканы. Охота носила коллективный характер.

Наряду с рыбной ловлей и охотой значительную роль играло, очевидно, собирательство. Под последним следует понимать не только сбор всевозможной встречающейся в природе растительной пищи, но и улиток, птичьих яиц, меда диких пчел и т. д. На поселении Акали попадается много разбитых ракушек. В свете материалов, найденных в Риннюкалнсе, Нарва-Рийгикюла I и на некоторых других восточных стоянках, где встречаются большие скопления ракушек,[3] наличие ракушек в Акали нельзя объяснить иначе, как употреблением в пищу улиток.

Таким образом, стоянка Акали, по крайней мере на первых этапах своего существования, носит вполне неолитический характер, который выражается как в расположении стоянки, так и в основных видах занятий ее обитателей. К этим признакам следует добавить общий уровень материальной культуры — изготовление предметов на основе неолити-

---

[1] Ср. М. Е. Фосс, Древние поселения в Веретье. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 118.

[2] В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.—Л., 1947, стр. 75.

[3] Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья, стр. 121.

ческой техники из камня, кости и, несомненно, из дерева, а также примитивную неолитическую керамику.

Если проследить отдельно последние этапы существования стоянок, то следует констатировать, что материал последних двух этапов пока еще слишком незначителен для того, чтобы непосредственно на основании его можно было сделать выводы. Отсутствуют кости животных, орудия труда также найдены в меньшем количестве, чем от предыдущих этапов. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что раскопанная площадь охватывает более поздние зоны поселений в значительно меньшем объеме, чем более ранние, особенно в Акали. Но так как поселения в основном расположены в тех же местах, что и прежде, то население, должно быть, сохранило прежние способы добывания средств к жизни. Некоторые найденные в Акали и Кулламяги булыжники, о которых выше было высказано предположение, что они употреблялись как куранты для растирания зерна, еще не являются достаточным доказательством наличия примитивного земледелия, так как назначение этих камней еще не вполне достоверно. Обнаруженный в Акали, в раскопе В, зуб овцы, относящийся к III или IV этапу существования поселения, не обязательно связан с местным скотоводством. Единичные домашние животные могли попасть на поселение и путем обмена. Все же следует учесть некоторые моменты, которые освещают факты в несколько ином свете.

Во-первых, следует учесть то обстоятельство, что существование поселений в приустье реки Эмайыги прекратилось сравнительно поздно, лишь в I тысячелетии до н. э. В это время животноводство и первобытное земледелие в общем уже были известны в Восточной Прибалтике, причем по крайней мере первое имело здесь за собой почти тысячелетнюю давность. Не позднее середины I тысячелетия до н. э. животноводство стало ведущей отраслью производства, о чем свидетельствуют наши ранние укрепленные поселения. В остеологическом материале укрепленных поселений кости домашних животных составляют до 80%.[1] О значении животноводства свидетельствуют и относящиеся к этому периоду каменные курганы с ящиками, которые сосредоточены на участках, благоприятных для занятия животноводством. При таком широком распространении животноводства в данный период трудно поверить, чтобы эта отрасль производства осталась неизвестной обитателям района устья реки Эмайыги, тем более, что последние уже довольно рано вступили в общение с проживавшими по соседству племенами, основой экономики которых было животноводство.

Во-вторых, нельзя пройти мимо того факта, что на позднейших этапах в материальной культуре поселений приустья реки Эмайыги наблюдаются общие черты с такими памятниками, которые дали непосредственные доказательства о занятии животноводством. Одним из них является могильник в Кивисааре, керамика которого близка к поздней шнуровой

---

[1] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 20 и сл.

керамике четвертого этапа существования стоянок Акали и Кулламяги. Вместе с этой керамикой на могильнике Кивисааре найдены кости всех важнейших домашних животных лесной полосы.[1] Далее следует отметить, что единичные кости домашних животных были обнаружены и среди материалов раскопок 1955 и 1956 гг. в Тамула.[2] Уже раньше отмечалось наличие незначительного количества костей домашних животных в материале из Леяс-Цискаса и со стоянки близ Серова (Цедмар А).[3] Заключительный этап существования упомянутых выше поселений, судя по керамике, очевидно, протекал более или менее параллельно с четвертым хронологическим этапом поселений приустья реки Эмайыги. Таким образом, следы наличия домашних животных в некоторых случаях прослеживаются в связи с керамикой, близкой к поздней шнуровой керамике и даже к самой поздней ямочно-гребенчатой керамике поселений в районе устья реки Эмайыги, притом не только в могильниках, но и на стоянках, имеющих неолитический характер.[4] Керамика пятого этапа развития этих стоянок уже примыкает к керамике каменных курганов с ящиками и укрепленных поселений. Последние же, как уже указывалось выше, представляют собой в основном памятники скотоводческих общин.

Знакомство обитателей укрепленных поселений с примитивным земледелием находится вне всякого сомнения. Об этом свидетельствуют такие находки, как зернотерки, железные серпы и другие связанные с земледелием орудия. На одном черепке глиняного сосуда из Асва сохранился даже след пшеничного зерна.[5] О земледелии в еще более раннее время, а именно во второй половине II тысячелетия до н. э., свидетельствуют бронзовые серпы, один из которых найден в могильнике Кивисааре,[6] деревянные мотыги из Сарнате[7] и целый ряд случайно найденных каменных мотыг, происходящих главным образом из южных районов Восточной Прибалтики.[8] Таким образом, примитивное земледелие было, очевидно,

---

[1] Bolz, Das neolithische Gärberfeld von Kiwisaare in Livland, стр. 29 и сл. Янитс, Поздненеолит. могильники, стр. 59.

[2] Определены кандидатом биологических наук К. Паавером в Институте зоологии и ботаники АН ЭССР. По предварительному сообщению, этот материал содержит отдельные кости домашнего крупного рогатого скота и домашней свиньи.

[3] Engel, Altpreuss. Stämme, стр. 162. Из Леяс-Цискаса известны единичные кости, по-видимому, домашнего крупного рогатого скота, из Серова — кости крупного рогатого скота и овцы.

[4] Кости домашних животных были обнаружены и при раскопках поселений Нарва-Рийгикюла I и III и Валма. Но так как на месте расположения всех этих стоянок позднее имелись поселения культуры ладьевидных топоров или еще более поздние и так как раскопки не дали указаний на то, чтобы эти кости относились к самым ранним горизонтам культурного слоя, то мне представляется, что они связаны с более поздними поселениями. Ср. Древние поселения и городища, стр. 168, 174.

[5] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 20 и сл. Древние поселения и городища, стр. 120 и сл. Muistse Eesti linnused, стр. 26 и сл., рис. 10.

[6] Янитс, Поздненеолит. могильники, стр. 59, рис. 15 : 6.

[7] Древние поселения и городища, стр. 145, табл. XXXI : 5, 6.

[8] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 10, рис. 4 : 3.

довольно распространено уже в период, соответствующий четвертому этапу поселений приустья реки Эмайыги. В свете этих материалов становится довольно вероятным предположение, что найденные в Акали и Кулламяги растиральные камни предназначались для растирания злаковых зерен.

Наконец, нельзя не учитывать общий уровень материальной культуры и технических навыков населения стоянок. Именно на последних этапах обитатели наших поселений достигли уровня, превосходившего в некоторой степени обычный уровень развития в неолите. Вошли в употребление новые типы каменных орудий, например проушные топоры, четырехгранные долота с прямым лезвием, наконечники стрел и дротиков нового типа и повысилась техника их обработки. Развилось и поднялось на высокую ступень изготовление глиняных сосудов. Имелись навыки в ткацком деле. Появился в употреблении металл. На самих поселениях пока еще не обнаружено следов обработки металла, но возможно, что здесь уже производилась переплавка поломанных бронзовых предметов — явление, обычное для укрепленных поселений.[1] В археологическом материале отражается, конечно, только часть этих новых явлений, но и на основании их можно судить о том, что общий уровень развития культуры достиг ступени, достаточной для появления зачатков примитивного животноводства и земледелия.

Приведенные соображения позволяют заключить, что общественно-экономические предпосылки для занятия первобытным животноводством и земледелием на поселениях в районе устья реки Эмайыги сложились уже на четвертом этапе их существования. Для этого имелись соответствующие природные условия. Возможности для животноводства в этом районе были, по-видимому, не хуже, чем в других речных поймах, где часто располагаются могильники древнейших животноводов. Мощность торфа еще не достигла современного уровня, и имелось довольно много участков земли, лишенных торфяного покрова. Но и заболоченные участки могли, очевидно, в период сухого суббореального климата с успехом использоваться в качестве пастбищ.

Для земледелия условия были, несомненно, значительно менее благоприятными, так как в окрестности имелся лишь торф различной мощности или малоплодородная песчаная почва. Все же возможно, что в виде небольших клочков земли, наподобие огородов, использовались «болотные островки», как это имеет место здесь и в настоящее время. Так как речь может идти только о зачатках земледелия, то и не было надобности в более крупных участках земли.

В связи с вопросом о появлении новых способов добывания средств к жизни, нам придется здесь еще раз остановиться на передвижении поселений Акали и Кулламяги вверх по бугру. По сравнению с Акали, месторасположение стоянки Кулламяги обладает некоторыми особенностя-

---

[1] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 20. Древние поселения и городища, стр. 126 и сл., рис. 40.

ми. Она расположена относительно далеко от реки, — явление, необычное для неолитической стоянки. Аналогичное расположение на территории Эстонской ССР имеет лишь неолитическая стоянка Кунда-Ламмасмяги, которая также находится примерно на расстоянии нескольких сот метров от реки. Так как оба упомянутые поселения были окружены болотом, то можно предполагать, что берег реки был слишком топким для стоянок и что поэтому для устройства стоянки были избраны более отдаленные от реки холмы. Действительная причина этого явления, конечно, пока остается проблематичной. В связи с Кулламяги приобретает интерес еще одно обстоятельство. А именно, в Кулламяги, как и в Акали, центральная часть поселения постепенно перемещалась вверх по склону холма. Если в отношении Акали это обусловлено в общем наступлением торфа, то в Кулламяги, как мы видели, эта причина отпадает. Культурный слой поселения Кулламяги целиком лежит в песке, а торф нарос на более низких местах лишь после того, как эти участки поселения были уже оставлены людьми. Таким образом, перемещение поселения Кулламяги следует, по-видимому, объяснять другими причинами.

В связи с этим подмеченным в отношении Кулламяги явлением следует отметить, что в Акали именно в период четвертого этапа можно также наблюдать сравнительно резкое перемещение центральной части поселения вверх по склону холма. Перемещение центра поселения Кулламяги совпадает с тем же этапом. Встает вопрос, не следует ли объяснять эти явления в обоих поселениях не столько изменением природных условий, сколько возникновением в некоторой степени новых общественно-экономических условий?

Подводя итог приведенным выше соображениям, можно сказать, что хотя основными способами добывания средств к существованию у обитателей наших поселений являлись в течение всего существования последних рыболовство и охота, на более поздних этапах начинают появляться некоторые новые черты, присущие эпохе раннего металла. Они находят свое выражение в материальной культуре населения и в характере поселений. Факт занятия животноводством и земледелием на поселениях в районе устья реки Эмайыги нельзя еще считать доказанным, но все косвенные признаки говорят за то, что на более поздних этапах эти новые отрасли хозяйства пробивали себе путь и здесь. В районе устья реки Эмайыги начали складываться элементы нового уклада жизни, которые, постепенно развиваясь, приобретают под конец, по-видимому, такое существенное значение, что обитатели поселений оставляют прежние места и переселяются в другие, предоставляющие более благоприятные возможности для животноводства и земледелия.

Образ жизни обитателей поселений в районе устья реки Эмайыги носил в основном оседлый характер. Поселение Акали, культурный слой которого дал находки, относящиеся к отрезку времени примерно в две тысячи лет, существовало все время на одном и том же месте. Поселение Кулламяги, если не считать его начальный этап, носивший, по-видимому,

кратковременный характер, позднее непрерывно существовало длительное время. Судя по обследованным памятникам, и другие неолитические поселения на территории Эстонии и Латвии в большинстве случаев представляют собой места оседлого обитания. Такую же непрерывность имеют многие поселения эпохи неолита и раннего металла и в других районах лесной полосы Союза ССР.[1] Все это заставляет полагать, что неолитическое население в Восточной Прибалтике вело в основном оседлый образ жизни, используя веками свои родовые земли для охоты и во́ды для ловли рыбы. В этих границах протекали все внешние работы родовых общин. Домашнее же хозяйство сосредоточивалось вокруг постоянного поселения.

Поселения не имели крупных размеров. Хотя площадь поселений Акали и Кулламяги занимала довольно обширное пространство — Акали примерно 17 000 м², и Кулламяги около 10 000 м², но не вся эта территория была заселена одновременно. Особенно на ранних этапах площадь стоянок была значительно более ограниченной — в Акали, по-видимому, около 5000—7000 м², а в Кулламяги — еще меньше. На более поздних этапах площадь поселений, правда, постепенно увеличивалась, достигнув в Акали круглым счетом 10 000 м², а в Кулламяги 7000—8000 м². При этом в площадь поселений включены также и их окраины, хотя жилища, очевидно, располагались главным образом в центральной части, где культурный слой имеет наибольшую мощность. По размерам площадь поселений в районе устья реки Эмайыги совпадает, таким образом, в общих чертах с площадью других неолитических поселений лесной полосы Союза ССР, причем Акали и Кулламяги не принадлежат к числу наименьших среди них.[2] Ясно, что в таких поселениях обитали сравнительно небольшие коллективы. К сожалению, нельзя более точно установить число их членов, так как у нас нет никаких данных о величине и количестве их жилищ.[3]

Можно наблюдать, что обычно неолитические стоянки группировались по несколько недалеко друг от друга. Такие группы стоянок прослеживаются на территории Эстонии, а также Латвии (ср. рис. 13). Группы были небольшие и располагались далеко друг от друга, нередко в районе разных водных бассейнов. С одной такой группой мы встречаемся в районе устья реки Эмайыги. Некоторые данные позволяют полагать, что Акали и Кулламяги не являлись единственными стоянками в этой окрестно-

---

[1] Брюсов, Очерки по истории племен, стр. 74 и сл. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 81.

[2] Ср., например, Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья, стр. 103. Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 14. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 182.

[3] Полагают, что на поселениях Верхнего Поволжья имелось в среднем около десятка жилищ, в которых жило около 50 взрослых человек (см. Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья, стр. 112, 136). Это число, конечно, приближенное и могло сильно колебаться.

сти. Хотя сведения о том, что на берегу озера Пейпси к северу от устья реки Эмайыги попадались каменные орудия, могут быть и ошибочными, а смытое озером поселение в устье реки Каэванду (рис. 1) относится, по-видимому, к значительно более позднему времени, все же выброшенная водами Пейпси на берег янтарная подвеска чисто неолитического типа (рис. 61 : 11) говорит за то, что поблизости имеется какой-то неолитический культурный слой, покрытый водами озера. Следовательно, в приустье реки Эмайыги в тот же период, к которому относятся Акали и Кулламяги, существовала, вероятно, по меньшей мере еще одна стоянка.

Считают, что группировавшиеся по соседству стоянки принадлежали обычно одному роду.[1] Поселения в районе устья реки Эмайыги подтверждают это мнение. Из стоянок, входивших в эту группу, известны две — Акали и Кулламяги. Как свидетельствует инвентарь обеих стоянок, из них Акали является более древней. Это поселение было заложено раньше и существовало несколько веков, очевидно, одно. В Кулламяги поселение появилось позже. Создается впечатление, что вначале стоянка Кулламяги использовалась недолго и что через сравнительно короткое время жизнь там прекратилась. Причина этого пока неизвестна. Еще позднее, на третьем этапе существования стоянок, в Кулламяги опять появились люди, и теперь уже поселение приняло постоянный характер, существуя продолжительное время параллельно с Акали. Возникновение новой стоянки следует, несомненно, объяснить ростом населения, который был, видимо, обусловлен благоприятными условиями для рыбной ловли и охоты. Сходство материалов из Акали и Кулламяги (за исключением некоторого различия в количестве отдельных видов керамики, которое может быть случайным, в зависимости от раскопанной площади) наводит на мысль, что основание новой стоянки было вызвано ростом населения именно в Акали. Можно предположить, что число членов общины в поселении Акали возросло настолько, что уже было нецелесообразно действовать одним коллективом, и вследствие этого часть общины основала новую стоянку в Кулламяги. По всей вероятности, эта новая община, по крайней мере вначале, принадлежала к тому же роду. Превратилась ли эта новая община позднее, в связи с длительным раздельным обитанием и отдельным хозяйством, в самостоятельную дочернюю общину или нет, об этом наличный археологический материал, к сожалению, судить не позволяет. Так или иначе мы имеем здесь дело, по-видимому, с некоторым явлением сегментации. Возможно, что аналогичным путем образовалась и предполагаемая третья стоянка (или стоянки ?).

Поселения в приустье реки Эмайыги, образуя связанную между собой группу, в то же время находились в сношениях с соседними территориями. Об этом свидетельствует наличие на поселениях таких материалов и изготовленных из них предметов, сырье для которых отсут-

[1] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 15.

ствует в ближайших окрестностях. Такими материалами являются кремень, сланец, янтарь и бронза.

Кремневые предметы из Акали и Кулламяги имеют различную окраску и зачастую изготовлены из материала разного качества. Аналогичные различия наблюдаются и среди кремневых осколков. Чаще всего встречается сероватый и коричневатый, вообще более светлых оттенков кремень, но, как уже указывалось, встречается кремень и многих других цветов, начиная от белого и кончая черноватым. Этот материал явно происходит из разных мест. На территории Эстонской ССР установлено наличие природного кремня в отдельных местах, расположенных к северу и северо-западу от озера Выртсъярв, но в общем кремень встречается здесь в небольшом количестве и только мелкими кусками. Все же возможно, что часть использованного на поселениях района устья реки Эмайыги кремня происходит из пределов теперешней Эстонской ССР. Большинство же кремневого материала поступило, видимо, из более отдаленных районов. Кремень встречается в большом количестве на соседних территориях, расположенных к востоку от Эстонской ССР. Кремнем богаты неолитические стоянки Валдайской возвышенности; там из кремня изготовлялись и крупные орудия. Особенно примечательны мастерские для обработки кремня, обнаруженные в Верхнем Поволжье в окрестностях городов Ржева, Старицы и Зубцово.[1] В этих местах залежи кремня обнажаются прямо на поверхности земли и, таким образом, легко доступны. Добывавшийся там в большом количестве кремень был распространен, по-видимому, и на окрестных территориях. Учитывая, что на неолитических стоянках Валдайской возвышенности встречаются мелкие кремневые предметы тех же типов, что и в наших поселениях, можно полагать, что известная часть кремня и кремневых изделий, найденных в Акали и Кулламяги, происходит из восточных областей. Некоторое количество кремня поступало сюда, возможно, и с юга, где он встречается в естественном виде на территории Литовской ССР. Кремень поступал главным образом в необработанном виде, о чем свидетельствуют обнаруженные на стоянках Эстонии и Латвии явные следы обработки его на местах. Однако количество полученного путем обмена кремня все же было ограниченным, и поэтому из этого сырья здесь изготовлялись только предметы небольших размеров. На стоянках Эстонии и Латвии отсутствуют крупные кремневые предметы, которые встречаются в большом количестве в богатых кремнем районах.

Пригодные для изготовления предметов породы сланца ни на территории Эстонской ССР, ни на расположенных к югу смежных территориях почти не встречаются в природе. Они наблюдаются здесь лишь в виде отдельных занесенных сюда льдом валунов. Зато этими породами сланца богата Карельская АССР; встречается он также и в Финляндии. Не-

---

[1] Л. Я. Крижевская, Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 55 и сл.

смотря на отсутствие местного сырья в районе устья реки Эмайыги, сланец часто использовался как материал для изготовления каменных долот и предметов украшения. Особенно ясно это видно в Акали, где примерно третья часть каменных долот, включая и мелкие обломки, изготовлена из сланца. В Кулламяги количество сланцевых изделий меньше. Происхождение сланца следует, таким образом, связывать с территориями Карелии и Финляндии, откуда его получали путем обмена. На это указывают и некоторые найденные в Акали типы сланцевых предметов, как, например, долота, близкие к русско-карельскому типу, когтевидные долота и некоторые другие типы орудий, аналогии которым имеются в Карелии и Финляндии.

Сланцевые предметы, обнаруженные на поселениях в районе устья реки Эмайыги, изготовлены как будто из различных пород сланца, большинство которых, правда, к сожалению, не определено. По-видимому, это следует объяснять происхождением сланца из разных мест. Особенно примечательно, что одно из широких долот с круглым обушком (рис. 26 : 3), найденное в Акали, изготовлено из особого зеленого сланца. Эта порода сланца имеет очень ограниченную область распространения. Она встречается лишь на северо-западном побережье Онежского озера, откуда отдельные глыбы могли быть занесены материковым льдом только в юго-восточном направлении.[1] Нахождение долот из зеленого сланца в Акали, как и в виде случайных находок в других местах территории Эстонской ССР, указывает на явные связи с Карелией. Большинство сланцевых изделий попало сюда, очевидно, через современную Ленинградскую область и Карельский перешеек. На упомянутый путь, наиболее прямой и естественный, указывает также сравнительно широкое употребление на стоянках Эстонской ССР когтевидных долот, особенно свойственных расположенным к северо-западу от Ладожского озера районам. Долота русско-карельского типа, которые характерны для центральных и восточных районов Карельской АССР и принадлежат к ведущим предметам так называемой карельской неолитической культуры, встречаются сравнительно редко в пределах Эстонской ССР. Следует полагать, что сланец попадал на территорию Эстонии главным образом в виде готовых изделий, так как на местных стоянках сланец в сыром виде почти совершенно не встречается. Поломанные же сланцевые изделия, несомненно, перерабатывались заново и из их обломков изготовлялись новые, меньшие предметы. Куски поломанных предметов использовались и в качестве материалов для изготовления долот, о чем свидетельствует один такой экземпляр из Акали (рис. 30 : 9). В Тамула и Вилла также имеются доказательства переработки сланца, опять-таки на примерах когтевидных долот.[2] Сланцевые орудия, встречающиеся на местных стоянках,

---

[1] A. Äyräpää, Suomen kivikauden kulttuurimuodot. Suomalaisen Tiedeakatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat 1937, Helsinki 1939, стр. 112, рис. 11.

[2] Янитс, Новые данные, рис. 20 : 6. Древние поселения и городища, рис. 51 : 7. ИИ № 4037 : 1466.

как правило, небольших размеров, хотя в Карелии и Финляндии из сланца часто изготовлялись и крупные орудия. Причина, очевидно, та же, что и в отношении кремня, а именно — ограниченность обмена. Крупные топоры и долота изготовлялись из местных пород камня, сланец же употреблялся в первую очередь для желобчатых и когтевидных долот, для изготовления которых этот материал благодаря своей легкой обрабатываемости и мелкой структуре был особенно пригоден.

Янтарь указывает на связи населения стоянок в районе устья реки Эмайыги с южными и юго-западными областями. О природном нахождении янтаря речь шла уже выше, при рассмотрении предметов, изготовленных из этого материала. Исходным районом добычи янтаря следует считать юго-восточное побережье Балтийского моря, от Калининградской области до Латвийской ССР. Янтарь, как свидетельствуют янтарные находки на многих неолитических стоянках Восточной Прибалтики, широко применялся в этих прибрежных и ближайших соседних с ними внутренних районах. Он поступал в обмен как в виде готовых изделий, так и в сыром виде.

О том, откуда жители района устья реки Эмайыги получали бронзу, пока, к сожалению, ничего определенного сказать нельзя, так как не сохранилось ни одного найденного здесь бронзового предмета. Можно, однако, высказать предположение, что металл поступал сюда главным образом с юга, откуда, вероятно, происходит большинство найденных на территории Эстонской ССР металлических предметов эпохи бронзы. С другой стороны, возможно, что некоторое количество металла поступало сюда и с восточных территорий. Как показала М. Е. Фосс, на стоянках лесной полосы бронза начала распространяться уже начиная со II тысячелетия до н. э., хотя сами стоянки сохраняли еще полностью неолитический облик.[1] Довольно много бронзовых предметов найдено в могильниках фатьяновской культуры. Металл поступал в поселения в районе реки Эмайыги, несомненно, главным образом в виде готовых изделий. Вопрос о том, перерабатывались ли поломавшиеся предметы на месте и в какой именно мере, остается пока, как уже отмечалось выше, за недостатком данных открытым.

На связи с соседними территориями указывают, наконец, и некоторые найденные на наших поселениях черепки глиняных сосудов, чуждых местным типам керамики. Если наличие на стоянках изделий из привозного материала определенно указывает на меновые связи, то в отношении керамики связи могли носить и иной характер. Более чем вероятно, что сами глиняные сосуды не являлись предметом обмена, а обменивалось их содержимое. С некоторой осторожностью можно полагать, что с обменом связаны черепки таких сосудов, которые являются чуждыми среди местной керамики, встречаются на поселениях лишь в единичных экземплярах и не оказали влияния на развитие местной керамики.

---

[1] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 10 и сл., рис. 2.

Рассматриваемые фрагменты керамики свидетельствуют в общем о связях в тех же направлениях, на которые указывали приведенные выше факты. При описании ямочно-гребенчатой керамики были упомянуты отдельные черепки, украшенные ромбическими ямочками (табл. XVIII : 1, 2). Керамика с такими ямочками встречается и на некоторых других неолитических стоянках Эстонской ССР, но опять-таки лишь в виде единичных черепков (например, в Ягала и Вилла). Эта керамика имеет, однако, широкое распространение на востоке — от р. Оки до области каргопольской культуры и Карелии.[1]

Наличие таких черепков в Эстонской ССР указывает, таким образом, на связи с востоком. На это же указывают и найденные на поселении Акали черепки с так называемым рамчатым орнаментом, которые отличаются от местной ямочно-гребенчатой керамики своеобразно вогнутым внутрь краем (табл. X : 8, 9). Аналогичные черепки глиняных сосудов изредка встречаются в Восточной Прибалтике.[2] В значительно большем количестве они найдены на стоянках Валдайской возвышенности, например в Бологом и Кончанском, где они имеют иногда аналогичной формы край и одинаковый состав глиняного теста.[3] Большое же количество янтаря, обнаруженное в Кончанском,[4] в свою очередь свидетельствует о связях с Восточной Прибалтикой. Поэтому представляется возможным, что вышеуказанные сосуды, черепки которых обнаружены на наших стоянках, связаны с обменом янтаря на востоке.

На другое направление, а именно на южное, указывает, по-видимому, черепок глиняного сосуда, украшенный плоскими точечками, которые, как бы в подражание оттиску гребенчатого штампа, расположены в ряд (табл. XXX : 11). Аналогичная керамика найдена на Куршской косе и еще дальше к югу, в северных областях Польши.[5] Возможно, что найденный в Акали обломок ушка глиняного сосуда (табл. XXXIV : 8) также свидетельствует о связях в этом направлении. Такие ушки, как уже отмечалось, не свойственны неолитической керамике Эстонии, однако они встречаются в большом количестве на сосудах шнуровой керамики в поселениях юго-восточного побережья Балтийского моря.

О связях с ближайшими соседними племенами говорит наличие на поселениях в районе устья реки Эмайыги характерной для культуры ладьевидных топоров ранней шнуровой керамики. Последняя встречается здесь, особенно в Акали, в значительно большем количестве, чем вы-

---

[1] Керамика с ромбически-ямочным орнаментом на территории Верхнего Поволжья все же не встречается. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 161 и сл.

[2] RK 1930, табл. 2 : 11 (Звейниеки).

[3] Эрмитаж № 119 : 202, 268; 120 : 2, 4, 61, 68, 72, 82 и др.; 1486 : 780—848; 1517 : 1—632.

[4] Н. К. Рерих, Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, том. V, вып. 1, СПб., 1903, табл. I. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне, стр. 27.

[5] Engel, Altpreuss. Stämme, табл. 47 : d, e.

шеуказанные единичные черепки глиняных сосудов, но при этом эта керамика не связана с местной керамикой. Это обстоятельство свидетельствует о том, что ранняя шнуровая керамика изготовлена вне пределов рассматриваемых стоянок. Наличие сравнительно большого количества черепков шнуровой керамики намекает на продолжительные связи. Примечательно, что ранняя шнуровая керамика попадается и на некоторых других стоянках с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, где она находится в таком же соотношении с местной ямочно-гребенчатой керамикой, как и в Акали. На территории Эстонской ССР такими стоянками являются Тамула и Вилла, а в пределах Латвийской ССР — Леяс-Цискас и Ича.[1] Эта шнуровая керамика имеет сходство с керамикой, обнаруженной на территории Эстонии в могильниках культуры ладьевидных топоров, а в Латвии — в Тояти и Рутениеки. Следует полагать, что у обитателей неолитических стоянок возникли довольно постоянные связи с животноводами культуры ладьевидных топоров. Эти сношения развились, по-видимому, в связи с обменом, причем обмениваемые животноводами продукты, о которых, к сожалению, нет сведений, содержались в глиняных сосудах. Как подчеркивает Ф. Энгельс, возникновение первого крупного общественного разделения труда создало возможности для регулярного обмена между племенами.[2] Это находит себе подтверждение и на территории Эстонской ССР.

Конечно, мы не знаем всех объектов обмена, так как, несомненно, большинство из них не сохранилось. Все же и те свидетельства, которые имеются, дают некоторые представления о характере обмена. Особенно на более ранних этапах существования стоянок обмен в значительной мере носил лишь случайный характер. При этом предметами обмена служили преимущественно материалы, которые в окрестностях наших поселений в природе не встречались. Местонахождение соответствующих материалов в природе обусловливало и общее направление обмена. Кремень в первую очередь поступал с востока и с юга и, очевидно, передавался дальше в обмен общинам, расположенным на севере и северо-западе. Сланец поступал на территорию Эстонии с севера и северо-востока и отсюда, в свою очередь, по-видимому, распространялся на юг и на запад. Янтарь, получаемый с юга и юго-запада, поступал дальше в порядке обмена на север и восток. Как показывает инвентарь поселений, обмен янтаря по какой-то причине прекратился одновременно с концом третьего этапа существования стоянок; обмен кремня и сланца также постепенно сокращался на последних этапах. Это явление находилось, видимо, в связи с уменьшением спроса на эти материалы. Вместо них стал приобретать значение металл. На более поздних этапах бытования стоянок, начиная с конца третьего этапа, общественное разделение труда внесло,

---

[1] К сожалению, стратиграфические условия залегания шнуровой керамики в Ича и Леяс-Цискасе неизвестны.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. Госполитиздат, 1953, стр. 165.

очевидно, новые черты в характер обмена: обмен в некоторой степени, по-видимому, стал теперь распространяться и на различные продукты человеческого труда, на что указывают как будто черепки ранней шнуровой керамики, встречающиеся на стоянках.

С другого рода явлением, чем меновые отношения, мы имеем, очевидно, дело тогда, когда на поселениях стала появляться керамика нового типа, изготавливаемая на месте. На стоянках в районе устья реки Эмайыги можно отметить несколько таких моментов: появление типичной ямочно-гребенчатой керамики, текстильной керамики и поздней шнуровой керамики. При анализе керамики делалась попытка проследить, в пределах возможности, местное ее развитие, а также генетические связи между отдельными типами керамики. При этом выяснилось, что типичная ямочно-гребенчатая керамика как будто не развилась из местной более древней керамики Акали. Она появилась на стоянке внезапно и вместе с тем здесь прекратилось изготовление керамики нарвского типа. В отношении стоянки Акали это явление можно истолковать двояким образом: 1) на стоянке появились новые жители; 2) прежние обитатели стоянки переняли от соседних общин новую, более совершенную технику изготовления глиняных сосудов и вследствие этого прекратили изготовление керамики старого типа. Принимая во внимание то обстоятельство, что типичная ямочно-гребенчатая керамика в Восточной Прибалтике, как правило, вошла в употребление внезапно, без предварительного местного развития, можно считать вероятным, что появление в обиходе этой керамики связано с приходом нового этнического элемента. В Восточной Прибалтике, однако, уже до этого имелось население, которое, по крайней мере на территории Эстонской ССР, изготовляло глиняные сосуды нарвского типа. Нет никаких данных о том, чтобы это население отсюда ушло. Поэтому можно предполагать, что вновь прибывшее население расселилось рядом с прежним чересполосно на одной и той же территории, а позднее, очевидно, слилось с ним. Пришельцы принесли с собой свою культуру, в том числе новые приемы изготовления глиняных сосудов и свою родовую орнаментику. Кажется естественным, что благодаря территориальной близости новая техника сравнительно быстро распространилась среди коренного населения, тем более, что его прежняя керамика была очень примитивной. Так как на стоянке Акали в начальный период ее существования мы имеем дело явно с коренными жителями, то остается открытым вопрос о том, произошло ли смешение населения на самой стоянке или местные жители переняли искусство изготовления типичной ямочно-гребенчатой керамики у соседей.

Дальнейшее развитие ямочно-гребенчатой керамики в Акали, а затем и в Кулламяги шло уже своим собственным путем. Оно происходило в контакте со стоянками ближайших территорий, с которыми у них были те или иные связи. Развитие это носило непрерывный характер, и его основные черты можно проследить на самих стоянках.

Следующим новым видом керамики, появление которого также вызвано, по-видимому, влиянием извне, является текстильная керамика. К новым чертам в ранней текстильной керамике относится не только покрытие поверхности сосудов отпечатками текстиля, но и форма сосуда, и расположение гребенчатого орнамента в его верхней части. При рассмотрении текстильной керамики уже указывалось, что в Восточной Прибалтике она представляет собой явление восточного происхождения. Судя по имеющемуся материалу, она встречается во II тысячелетии до н. э. почти только в восточных районах Восточной Прибалтики и лишь позднее приобретает большее распространение на западе. Вполне вероятно, что текстильную керамику также можно увязать с проникновением нового населения на территорию Эстонии и Латвии, причем смешение населения началось именно с востока. Возможно, что некоторое смешение населения в то время имело место и на стоянках в приустье реки Эмайыги, особенно в Кулламяги, где ранняя текстильная керамика встречается в сравнительно большем количестве.

Вскоре после появления текстильной керамики на поселениях в районе устья реки Эмайыги здесь стали изготовлять и позднюю шнуровую керамику. Выше была выявлена ее генетическая связь с ранней шнуровой керамикой, но на самих поселениях возникновение поздней шнуровой керамики не прослеживается. Здесь опять-таки можно предполагать наличие влияний извне. Но теперь их нужно искать в непосредственной близости. Поздняя шнуровая керамика такого же характера, как в Акали и Кулламяги, свойственна главным образом поселениям территории Эстонской ССР. Следовательно, нет основания предполагать появления новых этнических элементов издалека, — в данном случае мы имеем, по-видимому, дело с явлениями ассимиляции группы населения, проживавшего уже раньше по соседству. Судя по наличию ранней шнуровой керамики на стоянках, отношения жителей района устья реки Эмайыги со скотоводческими племенами культуры ладьевидных топоров продолжались в течение длительного времени. Развитие этих отношений привело, по-видимому, к возникновению более тесных связей между разными племенами. Этому, несомненно, содействовало дальнейшее развитие производительных сил и общественно-экономических отношений у населения стоянок. Можно полагать, что новые взаимоотношения нашли себе выражение, между прочим, и во взаимных браках, приведших к смешению этнических групп. Эти явления нашли отражение и в керамике. Произошло смешение элементов шнуровой, текстильной и ямочно-гребенчатой керамики, причем ведущую роль стали играть элементы первых двух видов керамики, более прогрессивных и более способных к развитию, чем ямочно-гребенчатая керамика неолитического облика.

Позднейшая керамика (эпохи раннего металла) поселений в районе устья реки Эмайыги сложилась, видимо, главным образом в результате местного развития. Если на нее и оказали влияние некоторые внешние

факторы, то они не имели решающего значения. Археологический материал не дает возможности их проследить.

Конечно, трудно с уверенностью сказать, соответствуют ли приведенные выше предположения действительности. Во всяком случае археологический материал показывает, что, помимо меновых связей, жители района устья реки Эмайыги приходили и в иного рода соприкосновения с населением соседних территорий. Эти соприкосновения время от времени вызывали, по-видимому, новые явления в хозяйстве и быте, а иногда и смешения в составе населения. Кажется, что явления такого рода нельзя объяснить перерывами в существовании стоянок, так как культурный слой, по крайней мере в Акали, не прерывается и этим самым указывает на непрерывность их бытования.

Об изменениях, происшедших в течение существования поселений в общественно-экономических отношениях жителей района устья реки Эмайыги, археологический материал дает довольно мало непосредственных сведений. При рассмотрении этих изменений, необходимо руководствоваться известным законом, согласно которому производственные отношения должны обязательно соответствовать характеру производительных сил.

На начальных этапах существования поселений производительные силы населения в районе устья реки Эмайыги находились еще на относительно низком уровне развития. Средства к существованию добывались охотой, рыбной ловлей и собирательством, причем орудия производства имели в полной мере неолитический облик. Такому характеру производительных сил соответствуют производственные отношения, свойственные, очевидно, матриархальному родовому строю. Следует полагать, что обитатели района устья реки Эмайыги были организованы в тот период в матриархальный род, как и население остальных неолитических стоянок лесной полосы Союза ССР.

На более поздних этапах существования поселений можно констатировать заметное развитие производительных сил. Как указывалось выше, в этот период вошли в употребление новые типы производственных орудий, включая предметы из металла. Повысилась техника их изготовления, и в соответствии с этим должны были развиться навыки их применения. Хотя основные виды занятий остались прежними, можно с большой степенью вероятности предполагать, что наряду с ними зарождались новые, приобретавшие со временем все большее значение отрасли производства в виде животноводства и первобытного земледелия.

Согласно закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, производственные отношения жителей района устья реки Эмайыги не могли оставаться прежними. Развитие производительных сил должно было обязательно вызвать соответствующие изменения и в общественно-экономических отношениях. Археологический материал как будто дает некоторые указания на то, в каком направлении эти изменения совершались. Кажется, что одним из

признаков изменений, происшедших в социально-экономических отношениях, является развитие сношений между жителями Акали и Кулламяги и их соседями — животноводами. Эти отношения, как свидетельствует встречающаяся на поселениях ранняя шнуровая керамика, возникли сначала, очевидно, в виде меновых связей. На основе общественного разделения труда обмен может происходить и между племенами, стоящими на различном общественно-экономическом уровне развития, как в данном случае между неолитическими рыболовами, с одной стороны, и животноводами — с другой. Позднее, во второй половине II тысячелетия, характер этих отношений изменился. Явления смешения в керамике, изготовление поздней шнуровой керамики на самих поселениях, а также появление на поселениях некоторых других элементов материальной культуры (проушные топоры, четырехгранные долота с прямым лезвием), присущей животноводам, позволяют сделать вывод о том, что произошло и некоторое слияние этнических элементов. Следует полагать, что предпосылкой для этого явилось сближение уровня общественно-экономического развития обеих групп населения. Уже в то время, когда происходило это смешение, оно в свою очередь, несомненно, оказало влияние на дальнейшее развитие общественно-экономических отношений у жителей поселений в районе устья реки Эмайыги. Животноводческие племена культуры ладьевидных топоров, как явствует из характера их производительных сил, жили уже патриархальными родами. Поэтому можно заключить, что общественно-экономические отношения на поселениях приустья реки Эмайыги также развивались в направлении перехода к патриархальному родовому строю. Одним из доказательств этого является, очевидно, появление в употреблении поздней шнуровой керамики на поселениях. Как показывают этнографические данные, в условиях первобытно-общинного строя изготовление глиняных сосудов являлось занятием женщин. Если верно предположение, что этническое слияние протекало в значительной степени на основе смешанных браков, — а иначе, очевидно, и нельзя объяснить факт превращения поздней шнуровой керамики в основную керамику поселений, — то эти браки должны были иметь патрилокальный характер.

Переход к патриархату, несомненно, произошел не сразу, а путем постепенного накопления элементов патриархального родового строя и вытеснения элементов матриархата. Этот переход представляет собой целый исторический период.[1] У жителей поселений в районе устья реки Эмайыги, производительные силы которых развивались сравнительно медленно, этот переход к патриархату продолжался, возможно, вплоть до конца существования этих поселений. Это обстоятельство было, по-видимому, обусловлено длительным существованием прежних основных

---

[1] М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату. Сборник «Родовое общество». Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, том XIV, М., 1951, стр. 92 и сл.

видов занятий. Базирующиеся на них старые, присущие матриархальному родовому строю производственные отношения, старый базис и его надстройки, несомненно, оказывали сопротивление внедрению элементов патриархата. Этим самым старые производственные отношения в той степени, в какой они еще сохранились, тормозили дальнейшее развитие производительных сил. Можно полагать, что только к концу существования стоянок, когда в результате развития производительных сил произошел переход к животноводству, как основному роду занятий, патриархальные производственные отношения полностью одержали верх в районе устья реки Эмайыги, и в новые места обитания отсюда направились уже патриархальные общины животноводов.

IX. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Проведенные за последние годы планомерные раскопки памятников неолита на территории Эстонской ССР значительно пополнили археологический материал и пролили новый свет на этот мало изученный еще период. Особое значение приобретает то обстоятельство, что исследования различных памятников, в частности поселений в приустье реки Эмайыги, дали возможность проследить непрерывность развития материальной культуры от неолита до эпохи раннего металла; таким образом, наблюдавшаяся прежде брешь между этими периодами начинает заполняться. В связи с этим не лишне будет, опираясь на исследования поселений Акали, Кулламяги и других памятников рассматриваемого периода, коснуться здесь также вопроса этнической принадлежности населения территории Эстонии в эпоху неолита и раннего металла.

Тема эта довольно подробно освещена в ряде недавно опубликованных статей,[1] а поэтому ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями.

Древнейшими известными нам в настоящее время следами существования человеческого общества на территории Эстонской ССР являются находки мезолитической культуры Кунда. Они датируются периодом примерно от VIII—VII до V—IV тысячелетия до н. э. Это говорит о том, что культура Кунда существовала сравнительно долго. Кроме территории Эстонии, она была распространена также в Латвийской и Литовской ССР, Калининградской области и северной Польше. Некоторые находки аналогичного типа известны в Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях, а также в Карельской АССР. Локальный вариант этой же мезолитической культуры в Финляндии известен под названием культуры Суомусъярви.[2] Таким образом, в эпоху мезолита во всей западной части лесной полосы Восточной Европы господствовала в основном одно-

---

[1] См. статьи Х. А. Моора, П. А. Аристэ, К. Ю. Марк и Л. Ю. Янитса в сборнике «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

[2] Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde.

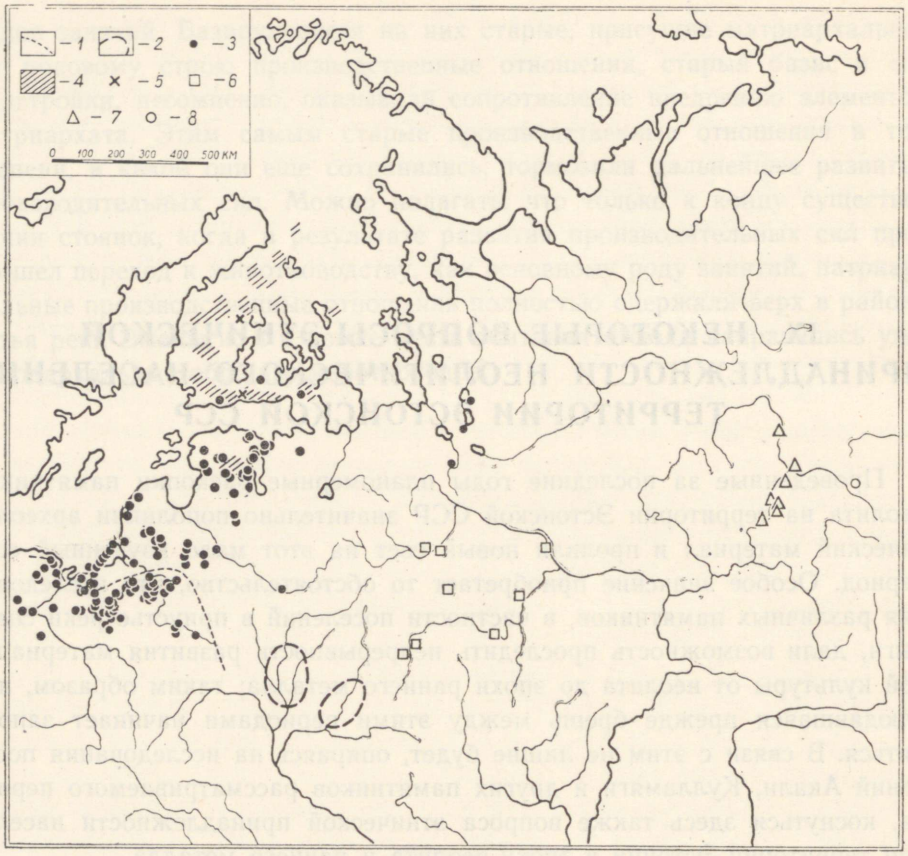


Рис. 64. Мезолитические памятники в лесной полосе Восточной Европы. *1* — северная граница распространения свидерских памятников; *2* — днепровские и деснинские поселения; *3* — памятники культуры Кунда; *4* — памятники типа Суомусъярви и Выйзику; *5* — поселения культуры Аскола; *6* — поселения в бассейне Оки и Верхней Волги; *7* — камские поселения; *8* — шигирский торфяник.

родная материальная культура первобытных охотников-рыболовов (рис. 64).

Археологический материал культуры Кунда в количественном отношении довольно многочислен,[1] однако характер его таков, что установить по нему этническую принадлежность носителей этой культуры трудно. Как известно, керамики в этот период еще не было. Каменные же и костяные орудия охоты и рыбной ловли отражают обычно не этнические особенности, а практическое назначение этих орудий и природные условия, в которых они применялись. Поэтому типы этих орудий могли быть одинаковыми у этнически различных племен и, наоборот, могли отличаться друг от друга даже у этнически родственных племен, если последние жили в различной природной среде. Таким образом, вопрос об этни-

[1] О культуре Кунда см. Indreko, Die mittlere Steinzeit.

ческой принадлежности носителей культуры Кунда остается пока открытым.

Современное состояние исследования не дает даже возможности установить, от какой более ранней культуры ведет свое происхождение культура Кунда. В этом отношении следует отметить, что в Финляндии за последние годы открыт ряд стоянок культуры Аскола, оказавшейся более древней, чем местная культура Суомусъярви. Как показал исследователь этих стоянок В. Лухо, между культурами Аскола и Суомусъярви существовала генетическая связь.[1] Учитывая сходство между располагавшимися по обеим сторонам Финского залива группами культуры Кунда—Суомусъярви, можно полагать, что и на территории Эстонской ССР в дальнейшем будут открыты памятники типа Аскола, которые, возможно, послужили основой для развития местной группы культуры Кунда. Но если это даже так, то все же кажется, что в возникновении культуры Кунда известную роль сыграли и новые, пришлые этнические элементы. Наиболее правдоподобным является, по-видимому, предположение, что они появились с юга, так как инвентарь памятников этой культуры в более южных районах — в северной Польше, Калининградской области и в Литовской ССР — содержит предметы более ранних типов, чем наиболее древние из известных нам находок в Эстонии и других более северных районах. Кроме того, вполне естественно полагать, что по мере потепления климата на территориях, лежавших ранее под ледяным покровом, группы первобытного населения постепенно продвигались в северном направлении. Тем не менее говорить с уверенностью о южном происхождении носителей культуры Кунда пока нельзя, так как не выяснены еще связи этой культуры с другими, более ранними культурами, бытовавшими на соседних южных территориях — в Польше, Белоруссии, на Днепре, Десне, Оке и в Верхнем Поволжье.[2] Это обусловлено тем, что инвентарь мезолитических поселений этих районов состоит главным образом из кремневых предметов; костяные предметы, как правило, там не сохранились. На поселениях же культуры Кунда, наоборот, кремня встречается мало; характерные каменные предметы изготовлены здесь из кристаллических пород, поэтому сопоставить материалы этих культур довольно трудно.

С другой стороны, материал, близкий по типу к костяным предметам культуры Кунда, обнаружен довольно далеко на востоке, на восточном склоне Среднего Урала, особенно в Шигирском торфянике.[3] На основа-

---

[1] V. Luho, Die Askola-Kultur. Die frühmesolithische Steinzeit in Finnland. SMYA 57 : 1, Helsinki 1956.

[2] См. А. А. Формозов, Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА XXI, М.—Л., 1954, стр. 38 и сл. А. А. Формозов, Древние историко-этнографические области Европейской части СССР. Советская этнография, 1958, № 5, стр. 17 и сл.

[3] П. А. Дмитриев, Шигирская культура на восточном склоне Урала. (Из архива П. А. Дмитриева). МИА 21, М., 1951, стр. 28—93. В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ 29, М., 1956.

нии этого было высказано мнение (особенно А. Я. Брюсовым), что в район культуры Кунда уже очень рано проникли также восточные элементы.[1] К сожалению, на промежуточном пространстве между Уралом и Вологодской областью до сих пор аналогичных находок не обнаружено. Тем не менее вполне вероятно, что уже в эпоху мезолита обитатели восточных и западных районов лесной полосы в какой-то степени общались между собой. Имело место передвижение племен в обоих направлениях и их этническое смешение. Очевидно, что с племенами, продвигавшимися с востока на запад, уже очень рано проник в западную часть лесной полосы монголоидный или лапоноидный антропологический элемент. Так, например, в центральных районах Польши обнаружен костяк с лапоноидными признаками, который, как полагают, относится ко времени средней стадии анцилового моря. Костяк найден на стоянке, археологический инвентарь которой носит тарденуазский характер и, таким образом, никак не может быть связан с культурой Кунда.[2] Единственные известные до сих пор костяки, которые могут быть увязаны, да и то не совсем достоверно, с культурой Кунда, найдены на территории Литвы и принадлежат представителям европеоидной расы.[3]

Таким образом, кажется вероятным, что носители культуры Кунда сложились из этнически разнородных элементов, которые, по-видимому, в некоторой степени смешались и слились, по крайней мере в культурном отношении. К сожалению, археологический материал этой культуры еще слишком скуден для того, чтобы можно было проследить в нем компоненты разного происхождения. Культура Кунда бытовала на восточном побережье Балтийского моря очень долго; со временем в ней возникли свои локальные группы. Довольно отчетливо местные особенности выступают в Финляндии, в культуре Суомусъярви, представленной бóльшим количеством памятников, чем культура Кунда в Эстонии.[4] Местные группы культуры Суомусъярви удерживались до конца мезолита, и дальнейшее существование этих групп прослеживается в известной мере и на неолитическом материале. Это свидетельствует о том, что потомки носителей культуры Кунда—Суомусъярви к началу неолита не исчезли, а продолжали обитать в основном на своей прежней территории. Следует отметить, что в неолитическом материале восточного побережья Балтийского моря имеются многие черты, которые по всем признакам могут

---

[1] Брюсов, Очерки по истории племен, стр. 25 и сл. Брюсов, К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 8 и сл.

[2] M. Chmielewska, Grób kultury tardenoaskiej w Janislawicach, pow. Skierniewice. Wiadomości Archeologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 23—48. W. Steślicka-Mydlarska, Szczatki ludzkie znalezione w grobie tardenoaskim w Janislawicach, pow. Skierniewice. Wiadomości Archeologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 49—66.

[3] К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 222.

[4] Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde, стр. 10 и сл.

быть сочтены за рудименты местной мезолитической культуры. Не приходится, однако, сомневаться в том, что в эпоху неолита на прежней территории культуры Кунда появились новые пришельцы, которые постепенно слились с коренным населением. Одна из важнейших задач, с точки зрения этнической истории местных племен, состоит в том, чтобы выяснить, удалось ли новым этническим элементам ассимилировать местное население или же они сами подверглись ассимиляции, а если так, то в какой степени.

По сравнению с мезолитическими памятниками, археологический материал неолита предоставляет значительно больше возможностей для исследования этнических отношений, особенно благодаря появлению в нем керамики. Судя по известным нам древнейшим типам керамики эпохи раннего неолита, прежняя область распространения культуры Кунда—Суомусъярви к этому времени уже не представляла собой такой сравнительно единой культурной области, как это наблюдается в эпоху мезолита. К сожалению, древнейшие типы керамики изучены пока еще очень слабо и, следовательно, вопрос об их происхождении далеко еще не ясен.

В юго-западной части ареала распространения культуры Кунда — в Калининградской области и в северной Польше — керамика появилась, как видно, уже очень рано. Возможно, что ее возникновение совпадает во времени даже с конечным этапом существования культуры Кунда.[1] Наблюдается известное сходство этой керамики с керамикой культуры Эртебёлле в Дании, но возможные ее связи в южном направлении еще не прослежены. Сведения, имеющиеся по керамике этого типа, пока очень отрывочны, и трудно сказать, местного ли она происхождения или же ее следует связывать с появлением в южной части ареала распространения культуры Кунда новых племен.

На севере — в Финляндии, Карелии и в северной части Ленинградской области — наиболее ранней считается пока керамика типа Сперрингс (по А. Эйряпя — ямочно-гребенчатая, стиль I : 1), которая, по новейшим геологическим данным, возникла, по-видимому, около 3000 лет до н. э. (рис. 65). А. Эйряпя полагает, что появление керамики типа Сперрингс следует объяснять южными связями, однако доводы, приведенные им в пользу этой гипотезы, мало убедительны.[2] У нас нет намерения вообще отрицать существование южных связей у керамики типа Сперрингс, но современное состояние археологического материала, который к тому же еще очень мало опубликован, не позволяет более определенно осветить этот вопрос. Тем не менее уже сейчас ясно, что керамика типа Сперрингс имеет известные параллели и на востоке. На Урале и в Западной Сибири обнаружена керамика, датируемая примерно тем же периодом и имеющая сходные черты с соответствующей керамикой Финлян-

---

[1] Gaerte, Keramik, стр. 45—46. Kilian, Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen, стр. 85—87. Gross, Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch, стр. 100—168.

[2] Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi, стр. 28—47.

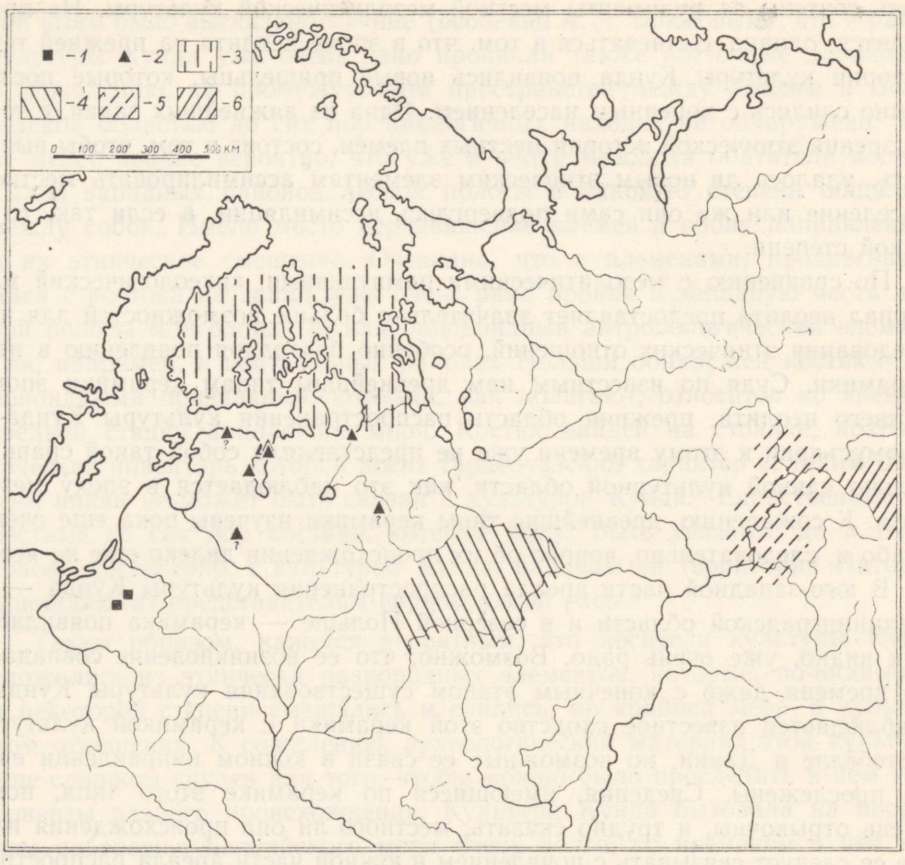


Рис. 65. Распространение ранненеолитических типов керамики в лесной полосе Восточной Европы. *1* — поселения с керамикой серовского типа, *2* — поселения с керамикой нарвского типа, *3* — керамика типа Сперрингс, *4* — волго-окская группа, *5* — камская группа, *6* — уральская и западносибирская группа.

дии и Карелии.[1] Не следует забывать и то, что в Финляндии найдены изготовленные из кедровой сосны полоз от саней и другие неолитические предметы,[2] свидетельствующие о связях местного населения с Уралом или Западной Сибирью. Хотя изделия из кедровой сосны не сопровождаются керамикой и более точно эти предметы не датированы, можно все же полагать, что они синхроничны с керамикой типа Сперрингс, так как в позднейшем неолитическом материале Финляндии явных признаков связей с упомянутыми восточными областями больше не прослеживается.

---

[1] В. М. Раушенбах, Керамика шигирской культуры. КСИИМК XLIII, стр. 55 и сл., рис. 18. В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья. МИА 35, стр. 7 и сл., табл. IX.

[2] U. T. Sirelius, Über die Art und Zeit der Zähmung des Renntiers. Отдельный оттиск из «Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja», Helsinki 1916, стр. 15 и сл., рис. 3. J. Ailio, Zwei Tierskulpturen. SMYA XXVI : 19, Helsinki 1912, стр. 262 и сл., рис. 6. A. Europaeus, Uusia kivikauden taidelöytöjä. SM XXXVI, 1929, Helsinki 1930, стр. 83 и сл., рис. 2.

Вышесказанное позволяет заключить, что появление керамики типа Сперрингс связано с переселением в Финляндию и Карелию новых племен из отдаленных восточных областей. Такими племенами могли быть протолопари, которые, выделившись из прочих самодийских племен, уже очень рано проникли в район Балтийского моря.[1] В пользу предположения о принадлежности керамики типа Сперрингс протолопарским племенам, говорит, между прочим, и то, что ареал ее распространения в общих чертах совпадает с распространением древней лопарской топонимики.[2] К югу от Финского залива лопарские топонимы не встречаются, не обнаружено там и керамики типа Сперрингс. Вполне возможно, конечно, что лапоноидные элементы встречались в Прибалтике уже и раньше, будучи связаны с восточным этническим компонентом культуры Кунда.

Керамика типа Сперрингс бытовала сравнительно долго и прошла в своем развитии ряд стадий. В южной и юго-западной Финляндии ее сменила ранняя ямочно-гребенчатая керамика поздней стадии (по А. Эйряпя — стиль I : 2). Характерной чертой последней является преобладание в орнаменте оттисков гребенчатого штампа; другие же элементы встречаются в орнаменте очень редко.[3] Некоторые приемы орнаментировки, широко применявшиеся в керамике типа Сперрингс, исчезают. Оттиски становятся более слабыми, меняется в некоторой степени состав глиняного теста: он становится более тонким. По мнению А. Эйряпя, этот вид керамики развился непосредственно из керамики типа Сперрингс. Сохранение в орнаменте некоторых мотивов, характерных для керамики типа Сперрингс, дает, конечно, основание полагать, что последняя сыграла известную роль в возникновении этого вида керамики. Однако в целом заметные отличия в орнаменте позволяют все же считать, что она восприняла и новые влияния извне. Как уже указывалось, поздняя стадия ранней ямочно-гребенчатой керамики охватывает не весь прежний ареал распространения керамики типа Сперрингс, а преимущественно прибрежные районы южной и юго-западной Финляндии, а также северо-запад Ленинградской области. Севернее же, а также в Карелии эта керамика не прослеживается. Поэтому можно полагать, что возникновение поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики обусловлено появлением на северном побережье Финского залива среди племен, изготовлявших керамику типа Сперрингс, новой группы населения. Откуда

---

[1] О предполагаемой территории обитания самодийских и угорских племен см. А. П. Окладников, Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. (К вопросу о происхождении самодийских племен). Советская археология, 1957, № 1, стр. 26—55. Языковеды отмечают ранние соприкосновения между протолопарями и угорскими племенами, а поэтому связь протолопарских племен с керамикой типа Сперрингс и через нее с урало-западносибирской культурной областью кажется вполне допустимой.

[2] Сведения о распространении лопарской топонимики, как и прочие лингвистические данные, получены от академика АН ЭССР П. А. Аристэ, которому автор выражает искреннюю признательность.

[3] Äyräpää, Chronologie, рис. 26—35, стр. 177—179.

она пришла, сказать трудно. Отметим лишь, что неолитическая керамика Прикамья также отличается обилием оттисков гребенчатого штампа[1] и в этом отношении сходна с поздней стадией ранней ямочно-гребенчатой керамики Финляндии.

Наиболее ранней известной нам на территории Эстонской ССР керамикой является керамика нарвского типа. Она обнаружена лишь на небольшом числе поселений — в Акали, на р. Нарве и, по-видимому, также в Южном Приладожье. Таким образом, ареал распространения керамики нарвского типа еще полностью не определен. Очевидно, он охватывает район между Южным Приладожьем, оз. Пейпси и р. Нарвой. Вряд ли, однако, ареал распространения этого типа керамики доходил до Валдая (Бологое). Его южная и западная границы (Ича, Крооди) также еще не определены. На севере и северо-западе, начиная от Карельского перешейка, была распространена поздняя стадия ранней ямочно-гребенчатой керамики, с которой керамика нарвского типа, по-видимому, синхронна.

В керамике нарвского типа также прослеживаются известные связи с востоком, но с каким именно конкретным районом, пока еще неясно. Наиболее характерным элементом, свидетельствующим о непосредственных связях этой керамики с востоком, является встречающийся в ее орнаменте мотив так называемой шагающей гребенки. Последний наблюдается на глиняных сосудах как урало-западносибирского района, так и Прикамья. Скорее всего керамика нарвского типа связана, по-видимому, с прикамской группой. На неолитической керамике этой группы, как и на керамике нарвского типа, мотив «шагающей гребенки» встречается сравнительно редко.[2] Не исключена, конечно, возможность, что в дальнейшем для керамики нарвского типа будут найдены параллели в территориально более близких восточных или юго-восточных районах, где ранненеолитическая керамика пока еще очень слабо представлена. Таким образом, вопрос происхождения керамики нарвского типа далеко еще не ясен. Поэтому нельзя еще определенно сказать, связана ли эта керамика в какой-то степени с появлением новой группы населения на бывшей территории культуры Кунда, или она возникла в результате проникновения сюда лишь некоторых восточных культурных влияний.

Племена, для которых характерна керамика нарвского типа, и племена, изготовлявшие распространенную на северном побережье Финского залива керамику стиля I : 2, находились, по-видимому, между собой в известных сношениях. Дальнейшие исследования должны будут выяснить, были ли они этнически родственными, а если да, — то в какой степени.

---

[1] См., например, О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА 22, М., 1951, стр. 14—32.

[2] По данным О. Н. Бадера, который при посещении в 1957 году Таллина ознакомился с керамикой нарвского типа. См. также O. Bahder, Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA 59 : 1, Helsinki 1957, стр. 7—15.

Наличие некоторых сходных черт в керамике [1] позволяет ожидать скорее положительного, чем отрицательного ответа на этот вопрос.

Типичная ямочно-гребенчатая керамика появилась на территории Эстонии сразу же после керамики нарвского типа. В культурных слоях поселений Акали и города Нарвы типичная ямочно-гребенчатая керамика залегает непосредственно над керамикой нарвского типа. Промежуточного стерильного слоя между ними нет, а поэтому черепки обоего вида большей частью перемешались. Можно полагать, что аналогичные отношения между обоими видами керамики существовали и на поселении Нарва-Рийгикюла I. Таким образом, можно считать, что, хотя в характере керамики наблюдаются довольно сильные изменения, поселения в течение этого времени продолжали существовать непрерывно. Резкие изменения в керамике создают, однако, впечатление, что типичная ямочно-гребенчатая керамика возникла не в результате последовательного местного развития, а была принесена извне.

Типичная ямочно-гребенчатая керамика распространилась сравнительно быстро на восточном и юго-восточном побережье Балтийского моря — от современной Финляндии до северной Польши (рис. 66). В восточном направлении область распространения керамики этого типа достигла по меньшей мере побережья Онежского озера и восточных районов теперешней Новгородской области, причем, по имеющимся данным, наиболее восточным из известных нам поселений с этой керамикой является Городно (между Тихвином и Боровичами).[2] Для неолитических поселений Валдайской возвышенности характерен другой, местный тип керамики, обнаруженный уже в сравнительно многих местах, хотя пока этот материал еще мало опубликован.[3] Бытовала ли когда-то типичная ямочно-гребенчатая керамика и в этом районе, пока сказать трудно. Определенных доказательств наличия типичной ямочно-гребенчатой керамики в районах, расположенных еще дальше на юго-восток, а именно в Белоруссии и Верхнем Приднепровье, пока нет. Следует отметить, что неолитические памятники этого района также еще мало изучены.

В Восточной Прибалтике, а также в большей части остальной территории своего распространения типичная ямочно-гребенчатая керамика настолько однородна, что по крайней мере в настоящее время нет воз-

---

[1] При посещении Таллина осенью 1956 года К. Ф. Мейнандер отметил, что на орнаменте поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики (по А. Эйряпя — стиль I : 2) в Финляндии изредка встречается и мотив «шагающей гребенки».

[2] Государственный исторический музей (в Москве) № 82740. Возможно, что в определенный период типичная ямочно-гребенчатая керамика употреблялась даже еще восточнее, в районе озер Лача и Воже. В поселениях этой местности, однако, найдены лишь единичные черепки типичной ямочно-гребенчатой керамики среди массы прочей керамики. См. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 116—118, рис. 67 : 5, 7—9.

[3] Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 165. Л. Я. Крижевская, Неолитические памятники Валдайского Приозерья. Автореферат диссертации. Л., 1949. Гурина, Валдайская неолитическая культура, стр. 39 и сл., рис. 5.

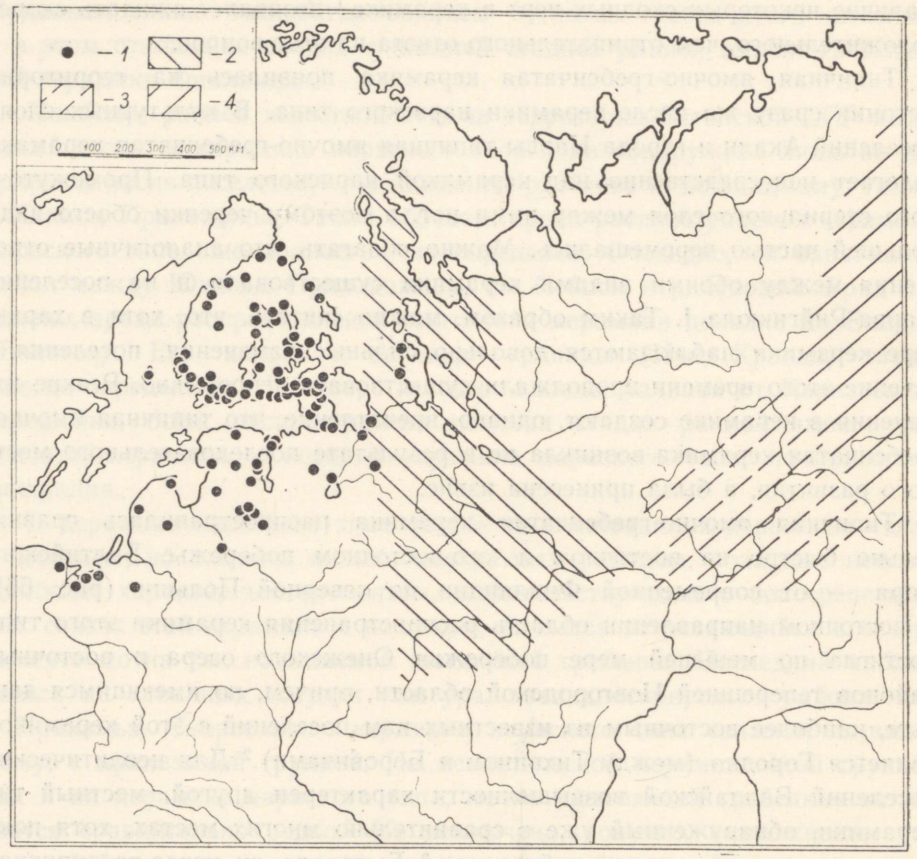


Рис. 66. Распространение основных типов неолитической керамики в лесной полосе Восточной Европы. *1* — прибалтийская типичная ямочно-гребенчатая керамика, *2* — керамика волго-окского типа, *3* — керамика камского типа, *4* — керамика уральского и западносибирского типа.

можности выделить в ней более ограниченные группы. Довольно однороден и прочий инвентарь поселений с керамикой этого типа: кремневые остроовальные или ромбические наконечники стрел, скребки, ножи, острия, каменные долота, костяные наконечники стрел конической или иволистной формы, долота из кости и рога, шлифовальные камни с овальным следом употребления, янтарные и сланцевые украшения. Во всей области распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики встречается янтарь, происходящий с юго-восточного побережья Балтийского моря, олонецкий сланец и валдайский кремень. Предметы, изготовленные из этих материалов, можно часто встретить даже на поселениях, сравнительно отдаленных от районов распространения в природе соответствующего сырья. На этой же территории возник и развился своеобразный вид каменных долот — когтевидное долото, — который за пределами области распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики встречается редко и только в виде единичных экземпляров. Таким образом, между племенами типичной ямочно-гребенчатой керамики существо-

вали сравнительно тесные для того времени связи. Эти связи, в свою очередь, подтверждают сравнительно близкое родство указанных племен, проявляющееся в относительной однородности их материальной культуры.

Примечательно, что культура типичной ямочно-гребенчатой керамики в общих чертах охватывает ту же территорию, что и мезолитическая культура Кунда—Суомусъярви (ср. рис. 64 и 66). Как уже отмечалось, нет основания полагать, что потомки носителей культуры Кунда к рассматриваемому периоду исчезли с этой территории. Наоборот, ряд местонахождений, на которых представлен археологический материал от мезолита до эпохи раннего металла, позволяет заключить, что эти места были заселены уже в период мезолита. Это подтверждается и прочим археологическим материалом, сопровождающим типичную ямочно-гребенчатую керамику. В этом материале прослеживается дальнейшее развитие характерных для культуры Кунда орудий труда и техники их изготовления, хотя в нем наблюдаются, конечно, и новые элементы. Носители культуры Кунда заложили основу, которая явилась, очевидно, одним из важнейших компонентов культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики во всей обширной области ее распространения.

Все же культуру типичной ямочно-гребенчатой керамики нельзя, как видно, считать непосредственным преемником культуры Кунда. Выше уже указывалось, что племена культуры Кунда ко времени появления типичной ямочно-гребенчатой керамики уже в значительной степени дифференцировались. Позднее на этой территории стали складываться местные группы своеобразной керамики, появились различия и в каменных орудиях. В дальнейшем это развитие привело бы ко все большему углублению дифференциации местных групп. Поэтому нельзя себе представить, чтобы типичная ямочно-гребенчатая керамика, которая по всей территории своего распространения поразительно однородна, могла повсюду возникать самостоятельно, на основе разнородных по своему характеру местных предпосылок. Следует, напротив, полагать, что керамика этого типа сложилась где-то на ограниченной территории, а затем сравнительно быстро распространилась в пределах всего указанного ареала.

Где именно возникла типичная ямочно-гребенчатая керамика, пока еще не ясно. На большей части ареала ее распространения нет возможности проследить непрерывной преемственности развития керамики вплоть до формирования типичной ямочно-гребенчатой керамики. По отношению к Финляндии центр распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики располагался на востоке. В Приладожье и к западу от него, на северо-западе теперешней Ленинградской области и в юго-восточной Финляндии, типичная ямочно-гребенчатая керамика появилась сравнительно рано. Там обнаружено значительное количество поселений с керамикой этого типа. Наоборот, в западной Финляндии типичная ямочно-гребенчатая керамика появилась несколько позднее; более ранняя керамика (по Эйряпя — стиль I) удерживалась там дольше. Как видно из настоящей работы, ранняя типичная ямочно-гребенчатая кера-

мика с поселений Эстонии и Латвии сходна вплоть до деталей с соответствующей керамикой Приладожья. Местный материал не дает основания считать типичную ямочно-гребенчатую керамику продуктом локального развития, а поэтому вполне допустимо, что она появилась в Эстонии и Латвии с востока — либо из Приладожья, либо с территорий, примыкающих к нему с юга. Дальше на юго-запад — в Литве, Калининградской области и в северной Польше — ареал распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики более ограничен; она встречается там преимущественно в прибрежной полосе. На этой территории, представляющей собой крайнюю часть ареала распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики, до сих пор не найдено местной более ранней керамики, с которой можно было бы генетически связать типичную ямочно-гребенчатую. Исходя из этого, можно допустить, что рассматриваемый тип керамики проник сюда с северо-востока вдоль побережья Балтийского моря.

Таким образом, судя по распространению типичной ямочно-гребенчатой керамики, наиболее вероятным центром ее возникновения является Приладожье и территории, примыкающие к нему с запада. Отсюда она стала распространяться в соседние районы. Возможно, что центр, в котором возникла типичная ямочно-гребенчатая керамика, занимал несколько более обширное пространство, заходя и южнее Ладоги, где известны такие крупные и, по-видимому, ранние поселения, как Коломцы на побережье Ильменского озера. На одинаковых географических широтах с этим районом находится и наиболее восточная граница типичной ямочно-гребенчатой керамики, доходящая до Тихвина, района между Ладогой и Онежским озером и даже до оз. Лача, хотя здесь эта керамика встречается в меньшем количестве. Из первоначального своего центра типичная ямочно-гребенчатая керамика распространялась преимущественно в западном направлении, к Балтийскому морю.

Пока еще не вполне ясно, какие более ранние элементы легли в основу формирования типичной ямочно-гребенчатой керамики. Вероятнее всего, она развилась на основе поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики юго-восточной Финляндии и Приладожья (по А. Эйряпя — стиль I : 2). Именно в этих местах могло произойти ее дальнейшее развитие и перерастание в типичную ямочно-гребенчатую керамику. Для орнаментики поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики характерна строгая горизонтальная зональность и преобладание в узоре оттисков зубчатого штампа. Это довольно сильно сближает ее с типичной ямочно-гребенчатой керамикой. Наблюдающиеся же в орнаменте последней ямки являются, видимо, результатом влияния керамики волго-окского типа, главный ареал распространения которой находился, как полагают, между Волгой и Окой. Керамика волго-окского типа уже сравнительно рано стала распространяться в северном направлении, в том числе и в Приладожье и Обонежье. В 1953 году к югу от Ладоги, на р. Паше, Н. Н. Гурина раскопала поселение Усть-Рыбежное I, в инвентаре которого среди керамики волго-окского типа найдено и несколько черепков

керамики типа Сперрингс.[1] Таким образом, племена, изготовлявшие керамику волго-окского типа, уже довольно рано проникли в Приладожье, и их соприкосновение, а также смешение с племенами ранней ямочно-гребенчатой керамики поздней стадии развития является вполне возможным. То, что наличие ямок в орнаменте ямочно-гребенчатой керамики Финляндии есть результат влияния керамики волго-окского типа, давно уже отмечал А. Эйряпя.[2]

Третьей группой керамики, бытовавшей на территории, где, как полагают, возникла типичная ямочно-гребенчатая керамика, является керамика нарвского типа. Однако ее роль в формировании типичной ямочно-гребенчатой керамики пока меньше всего изучена.

Характерные для орнамента типичной ямочно-гребенчатой керамики геометрические фигуры из гребенчатых вдавлений представляют собой новое явление, не встречающееся ни у одной из трех вышеупомянутых групп керамики и ни у керамики соседних территорий. Эта специфическая черта типичной ямочно-гребенчатой керамики имеет, по-видимому, местное происхождение.

Таким образом, типичная ямочно-гребенчатая керамика сложилась, видимо, в результате взаимного воздействия и слияния нескольких более ранних групп керамики, однако детали этого процесса пока еще не ясны. Не вполне ясен и вопрос, какая из групп ранней керамики сыграла наиболее существенную роль в этом процессе или, другими словами, какая из групп явилась основой и какие — вспомогательными компонентами в формировании типичной ямочно-гребенчатой керамики. Наиболее вероятно, что основой ее является поздняя стадия ранней ямочно-гребенчатой керамики Финляндии и Приладожья, орнамент которой ближе всего подходит к орнаменту типичной ямочно-гребенчатой керамики. В пользу этого предположения говорит и то, что типичная ямочно-гребенчатая керамика из предполагаемого центра своего возникновения распространилась главным образом на запад, где бытовали поздняя стадия ранней ямочно-гребенчатой керамики и близкая к ней керамика нарвского типа. В восточном же направлении, где на обширной территории бытовала керамика волго-окского типа, распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики носило довольно ограниченный характер. Это позволяет заключить, что основу племен-носителей культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики образовали потомки тех племен, у которых бытовали ранняя ямочно-гребенчатая керамика поздней стадии развития и керамика нарвского типа, тогда как племена волго-окской керамики были им в этническом

---

[1] Материал раскопок Н. Н. Гуриной хранится в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР.

[2] Äyräpää, Chronologie, стр. 189—190. Э. Штурмс в одной из своих последних работ рассматривает возникновение типичной ямочно-гребенчатой керамики как результат влияния субстрата ранней ямочно-гребенчатой керамики на керамику волго-окского типа (E. Sturms, Der Ursprung der kamm- und grübchenkeramischen Kulturen Osteuropas. Commentationes Balticae III, 7, Bonn 1957, 243—244).

отношении более далеки.[1] Быстрое распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики без какого-либо изменения ее облика дает основание полагать, что эта керамика принесена сюда племенами, которые переселились на побережье Балтийского моря и смешались с обитавшими там родственными племенами, передав им керамику нового типа.

Нет сомнения в том, что, начиная со времени появления типичной ямочно-гребенчатой керамики, территории Эстонской и Латвийской ССР были непрерывно заселены. Более того, на некоторых неолитических поселениях можно проследить непрерывность заселения и преемственность развития материальной культуры вплоть до возникновения древнейших укрепленных поселений в I тысячелетии до н. э. Такими неолитическими поселениями являются, например, Акали и Кулламяги в районе устья р. Эмайыги, Вилла на берегу р. Выханду в юго-восточной Эстонии и Ича в восточной Латвии, хотя в материале последнего имеются еще значительные пробелы. Во всех названных поселениях бытовала типичная ямочно-гребенчатая керамика, из которой затем развилась поздняя ямочно-гребенчатая керамика. Выше мы видели, как в поселениях района устья р. Эмайыги в результате слияния элементов поздней ямочно-гребенчатой керамики с элементами проникшей в этот район шнуровой и текстильной керамики развилась керамика, характерная для эпохи раннего металла. Эта керамика очень близка глиняным сосудам укрепленных поселений последнего тысячелетия до н. э. Сосуды этого вида найдены на укрепленном поселении Асва, в древнейших горизонтах городищ Иру и Отепя, а также в синхронных с ними каменных могильниках с ящиками. Аналогичный процесс развития керамики можно проследить, как нам кажется, на стоянке Вилла, а в восточной Латвии — в Ича.

Таким образом, несомненно, что в формировании культуры ранних укрепленных поселений на территориях Эстонии и Латвии значительную роль сыграли потомки племен, обитавших здесь уже в эпоху неолита, в тот период, когда появилась типичная ямочно-гребенчатая керамика. Как увидим ниже, за это время сюда проникли извне и иные элементы. Судя по тому, что на протяжении всего рассматриваемого периода развитие культуры не прерывалось, можно полагать, что новые пришельцы не вытеснили прежнее население, а, наоборот, постепенно сами растворились в нем.

---

[1] Э. Штурмс в своей вышеуказанной работе генетически связывает типичную ямочно-гребенчатую керамику с ямочной керамикой волго-окского типа, исходя из того, что ареалы распространения обеих групп керамики частично перекрывают друг друга и что в керамике Обонежья наблюдается переход от ямочного орнамента к гребенчатому. В этой связи уместно отметить, что, как это видно из опубликованных Н. Н. Гуриной материалов (Гурина, Поселения на Онежском оз.), найденную в поселениях на Онежском озере ямочно-гребенчатую керамику с геометрическим орнаментом следует считать относительно поздним явлением и ее нельзя поэтому увязывать с формированием типичной ямочно-гребенчатой керамики. Скорее всего в этом явлении сказывается позднейшее влияние типичной ямочно-гребенчатой керамики на ямочную керамику поселений Обонежья.

Как свидетельствуют исследования последних лет, особенно работы К. Ф. Мейнандера,[1] в Финляндии также наблюдается непрерывность развития материальной культуры, начиная от культуры ямочно-гребенчатой керамики. В Финляндию также проникали новые этнические элементы, однако старая культурная основа продолжала удерживаться еще в эпоху металла. Продолжали существовать, несомненно, и потомки племен неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики, сохранявшие и развивавшие дальше свою самобытную культуру.

Таким образом, на территории Эстонской ССР и на некоторых соседних территориях мы можем проследить непрерывность заселения и преемственность развития материальной культуры, начиная от культуры ямочно-гребенчатой керамики вплоть до того времени, когда социально-экономическое развитие местных племен достигло такого уровня, при котором возникли укрепленные поселения и монументальные могильники. Эти памятники, в свою очередь, дают возможность проследить непрерывность существования местных племен и дальнейшее развитие их культуры вплоть до появления первых письменных источников.[2] По свидетельству древнейших письменных источников, в первых веках II тысячелетия н. э. прибалтийско-финские племена обитали на теперешних территориях Эстонии и северной Латвии, Финляндии и Карельской АССР, в Приладожье, Обонежье и на Белом озере, а также на пространстве между ними и Чудским озером. Область распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики охватывала, таким образом, преобладающую часть тех территорий, на которых позже обитали прибалтийско-финские племена. Так как нет оснований сомневаться в том, что потомки племен культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики продолжали обитать на указанных территориях, и так как, с другой стороны, пока не обнаружено ни одной позднейшей археологической культуры, которая охватывала бы всю область, заселенную впоследствии прибалтийскими финнами или, по крайней мере, преобладающую ее часть, то можно полагать, что именно типичная ямочно-гребенчатая керамика была уже связана с предшественниками прибалтийско-финских племен.

Племена культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики при расселении с их прежней ограниченной территории говорили, очевидно, на общем языке или, вернее, на близких друг к другу диалектах. Если

---

[1] Meinander, Kiukaiskultur. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. C. F. Meinander, Var bodde urfinnarna? Nordenskiöld-samfundets tidskrift 1954, стр. 79—87.

[2] Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР XII, М., 1950, стр. 29—37. Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 49—141.

верно, что эти племена являлись предшественниками прибалтийских финнов, то есть основание полагать, что именно их диалекты и образовали ту языковую общность, которую лингвисты условно называют прибалтийско-финским языком-основой.

Расселяясь на обширной территории, племена культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики совершенно безлюдных пространств все же не находили. Повсюду обитало, хотя и редкое, население. Пришельцы входили в соприкосновение с местными племенами: в Финляндии этими племенами были носители культуры керамики типа Сперрингс и поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики, к югу от Финского залива — племена, у которых бытовала керамика нарвского типа, а на юго-восточном побережье Балтийского моря — другие местные племена. Местное население сложилось в свое время отчасти на основе потомков племен культуры Кунда—Суомусъярви, отчасти потомков населения, появившегося здесь в эпоху раннего неолита, которые к рассматриваемому периоду, несомненно, уже сильно смешались между собой. Эти жившие в разных местах ареала распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики группы населения были, очевидно, дифференцированы в культурном отношении и не говорили на едином языке. Однако, судя по археологическому материалу, их материальная культура сохранила все же сильный субстрат культуры Кунда—Суомусъярви, который в совокупности с одинаковыми природными и социально-экономическими условиями не давал этим различиях слишком усилиться. Расселение племен культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики среди ранее обитавших здесь племен способствовало тому, что на протяжении всей рассматриваемой территории материальная культура приобрела более или менее однородный характер. Археологический материал показывает, что оживился и обмен, прежде всего в пределах ареала распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики. Возросшее общение между отдельными племенами способствовало и их языковому сближению. Существенную роль в этом отношении сыграли, очевидно, прибалтийско-финские диалекты, которые из всех местных диалектов того времени имели наиболее широкое распространение. Среди населения было широко распространено, видимо, двуязычие — явление, считающееся у языковедов важным фактором в процессе ассимилирования одного языка другим. Совместное проживание в течение продолжительного времени привело под конец и к этнической ассимиляции, причем в большей части ареала культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики прибалтийско-финский элемент растворил в себе потомков ранее обитавшего здесь населения. Таким же примерно путем перешли на прибалтийско-финскую речь и обитавшие на территории теперешней Финляндии протолопари. Последние в период распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики, а возможно уже в период бытования поздней стадии ранней ямочно-гребенчатой керамики вошли в соприкосновение с ранними прибалтийско-финскими племенами

и, в конце концов, были ими в языковом отношении ассимилированы.[1]

В самой южной части своего ареала — в современной северной Польше — типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала сравнительно недолго. Там господствовали несколько отличные природные условия. Кроме того, удалившиеся на большое расстояние от основного племенного массива группы прибалтийско-финского населения были немногочисленны и поэтому растворились среди племен, обитавших там ранее или проникших туда позднее извне.

В пределах основного же ареала своего распространения типичная ямочно-гребенчатая керамика продолжала бытовать в течение нескольких веков, а затем в результате внутреннего развития преобразовалась в позднюю ямочно-гребенчатую керамику. В последней начинают прослеживаться уже, хотя на первых порах слабо, более ограниченные группы с местными особенностями (рис. 67). Группы эти возникли в результате местного развития керамики. Связи между отдельными частями обширного ареала типичной ямочно-гребенчатой керамики были слабы, поэтому развитие керамики в разных местах шло несколько по-иному. В некоторой степени сказалось, очевидно, и влияние разнородного субстрата, растворившегося в свое время в культуре типичной ямочно-гребенчатой керамики. Надо учитывать и новые влияния, от поры до времени проникавшие на рассматриваемую территорию извне. Особой силой эти внешние влияния, однако, не отличались и не были в состоянии повлиять в значительной степени на общий облик материальной культуры в период ранней фазы поздней ямочно-гребенчатой керамики. Население для того времени было уже сравнительно многочисленным и достаточно консолидировалось, по-видимому, в этническом отношении, так что прибывшие извне новые этнические элементы растворялись среди местных племен.

Рассматривая памятники территории теперешних Эстонии и Латвии, можно заметить известные различия между восточными и западными поселениями. Восточные поселения образуют довольно многочисленную группу, в которую входят Акали и Кулламяги в районе устья реки Эмайыги, Вилла и Тамула в Выруском районе и группа поселений в восточной Латвии. К восточной группе можно отнести и поселение Валма на берегу оз. Выртсъярв и Звейниеки на берегу Буртниекского озера, хотя оба эти поселения прекратили, как видно, свое существование в самом начале периода поздней ямочно-гребенчатой керамики, когда различия между местными группами керамики еще отчетливо не выступали. Из западных поселений наиболее компактна группа поселений в юго-западной Латвии (Курземе), а именно: Пурциемс С и D, Силиньупе, Леяс-Цискас и Сарнате. Поселение Риннюкалнс в северо-западной Лат-

---

[1] П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 14.

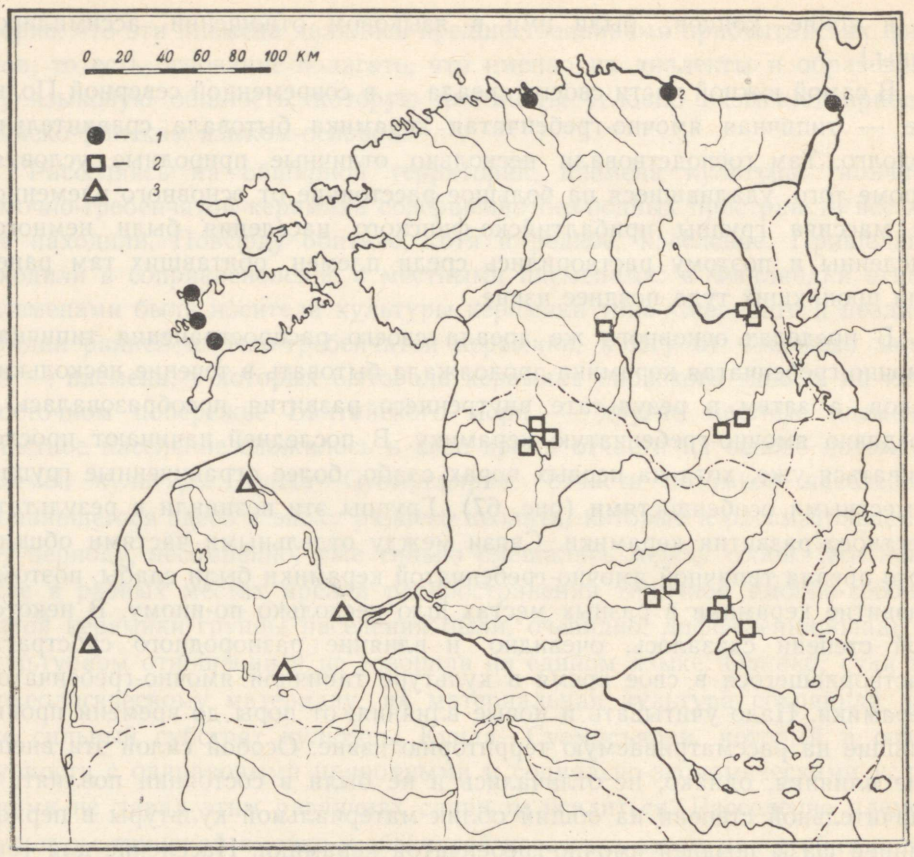


Рис. 67. Размещение поселений с поздней ямочно-гребенчатой керамикой на территории Эстонской и Латвийской ССР. *1* — поселения севера и запада Эстонии (не образующие однородной группы), *2* — поселения юго-восточной Эстонии и восточной Латвии, *3* — поселения западной Латвии.

вии, на берегу Буртниекского озера, по характеру своей керамики скорее всего относится к восточной группе, где встречаются довольно близкие к этой керамике параллели в инвентаре Тамула и Ича. На некоторых поселениях юго-западной Латвии также обнаружены черепки глиняных сосудов, аналогичных керамике Риннюкалнса, но в значительно меньшем количестве.

Значительным своеобразием отличается инвентарь поселений на острове Сааремаа. Керамика этих поселений имеет параллели на о. Готланд и в западной Финляндии, с населением которых обитатели о. Сааремаа находились, по-видимому, в сношениях. Связь же с материком была довольно слабой. Об этом свидетельствуют различия в керамике и почти полное отсутствие кремня на стоянках Сааремаа. К сожалению, до сих пор на о. Сааремаа не открыто ни одного более раннего поселения, а поэтому нет возможности проследить, доходила ли культура типичной ямочно-гребенчатой керамики до Сааремаа или нет.

Из поселений северной Эстонии можно отметить поселение Ягала, в керамике которого имеются некоторые элементы, также свидетельствующие о связях с северным побережьем Финского залива. Инвентарь остальных известных нам поселений северной Эстонии еще слишком скуден и мало характерен для того, чтобы делать на его основе какие-либо заключения.

Вырисовывающиеся по типам керамики группы поздненеолитических поселений можно, видимо, увязать в некоторой степени с племенными группами. Если это так, то не исключена возможность, что в языке прибалтийско-финских племен, который после их первоначального расселения, был, вероятно, довольно однородным, в этот период начали усиливаться диалектные различия.

Упомянутые выше местные культуры продолжали, как видно, существовать и в последующие периоды, хотя имеющийся по ним археологический материал еще очень немногочислен. Поэтому вполне возможно, что начавшаяся еще в эпоху позднего неолита первоначальная дифференциация ранних прибалтийско-финских племен послужила в известной мере основой для формирования позднейших племенных групп и языков. Это предположение находит подтверждение в том, что в территориальном отношении группы поздненеолитических поселений и позднейшие племенные территории в общем совпадают. Если это предположение верно, то обитатели поселений западной Латвии являются далекими предками ливских племен, насельники стоянок восточной Латвии и восточной Эстонии — предшественниками южноэстонских племен, а обитатели поселений северной и западной Эстонии образовали основу, на которой позднее сложились североэстонские племена.[1]

По всей вероятности, еще до того как различия между прибалтийско-финскими диалектами успели углубиться, в Восточную Прибалтику проник новый, чуждый местному населению этнический элемент, оставивший после себя памятники культуры шнуровой керамики, или ладьевидных топоров. Памятники этого типа представляют собой в Прибалтике совершенно новое явление, которое, вероятнее всего, следует увязать с проникновением с юга ранних балтийских (литовско-латышских) племен.[2] Из Эстонии племена культуры ладьевидных топоров продвинулись дальше, в Финляндию, где они осели преимущественно на юго-западе страны, а из Финляндии — даже в среднюю Швецию. В течение продолжительного времени культура ладьевидных топоров существовала рядом с культурой ямочно-гребенчатой керамики, почти не смешиваясь с ней (рис. 68). Помимо этнического различия, этому, несомненно, содействовало и различие в экономике пришлого и местного населения. Основным

---

[1] О древних прибалтийско-финских племенных языках см. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития.

[2] Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 3 и сл. Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен. Советская археология 1958, № 2, М., 1958, стр. 9—33. Kilian, Haffküstenkultur.

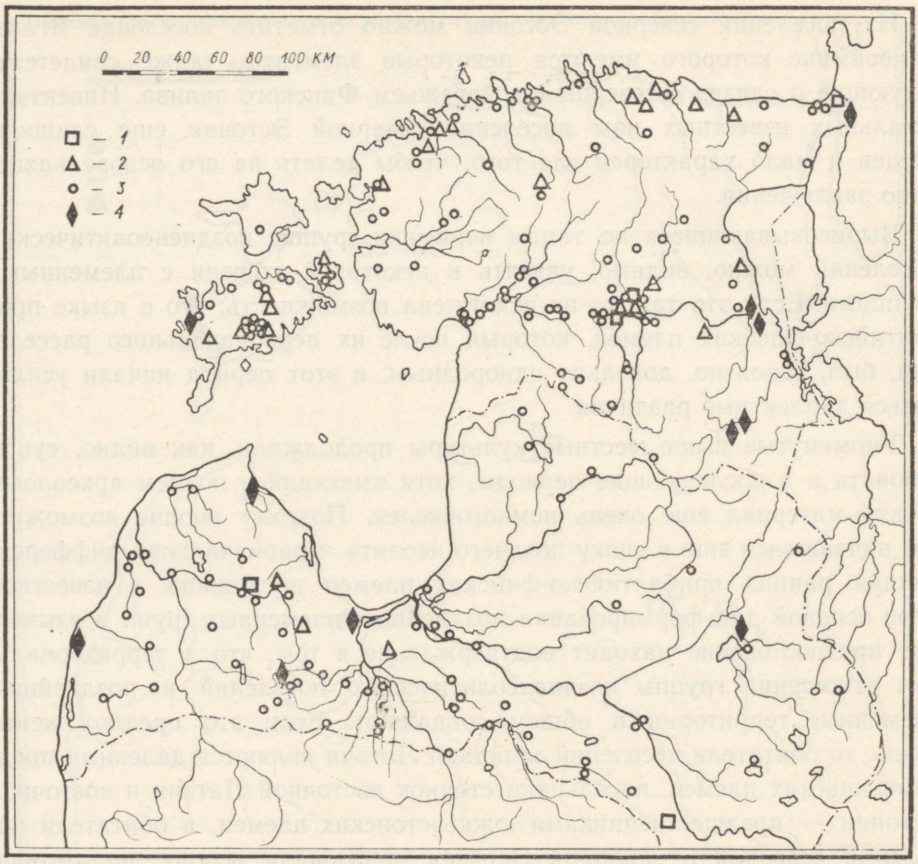


Рис. 68. Распространение памятников культуры ладьевидных топоров и современных им поселений с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Эстонии и Латвии. *1* — поселения культуры ладьевидных топоров, *2* — погребения культуры ладьевидных топоров, *3* — случайные находки ладьевидных топоров, *4* — поселения с поздней ямочно-гребенчатой керамикой.

занятием племен культуры ладьевидных топоров были скотоводство и, в меньшей степени, земледелие. Наоборот, племена культуры ямочно-гребенчатой керамики занимались главным образом рыболовством, охотой и собирательством. Не исключена возможность, что и у них существовали некоторые зачатки земледелия и скотоводства, как это полагают языковеды,[1] но археологический материал неопровержимых доказательств этому пока не дал.

Из памятников культуры ладьевидных топоров нам известны в основном могильники и случайные находки. Следов поселений пока обнаружено мало. Первобытные скотоводческие племена время от времени в поисках новых пастбищ меняли места своего обитания. Поэтому их поселения не оставили такого мощного культурного слоя, как поселения с

[1] P. Ariste, Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik nr. 38, Tallinn 1955, стр. 193—203.

ямочно-гребенчатой керамикой, существовавшие в течение веков на одном и том же месте. Из могильного инвентаря следует отметить характерные для культуры ладьевидных топоров каменные проушные боевые топоры, которые отличаются очень хорошей обработкой. Встречаются также четырехгранные каменные долота, нередко изготовленные из кремня. Материал, из которого сделаны долота и прочие встречающиеся в могильниках кремневые предметы, большей частью южного происхождения. Они поступили, по-видимому, с территории Литвы, Белоруссии или Польши и указывают, таким образом, на южные связи племен культуры ладьевидных топоров. В могилах найдены и костяные предметы, отдельные из которых изготовлены из кости домашней козы или овцы. Найдены также кости других домашних животных, в частности свиньи. В некоторых могилах обнаружена шнуровая керамика, по составу глины, форме сосудов и орнаменту резко отличающаяся от ямочно-гребенчатой керамики.

Изучение костяков, найденных в могильниках культуры ладьевидных топоров, с одной стороны, и обнаруженных на некоторых поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой — с другой, показывает, что обе эти этнические группы отличались и в антропологическом отношении.[1]

Скотоводческие племена культуры ладьевидных топоров выбирали для поселения места, где имелось достаточно естественных пастбищ. На территории Эстонской ССР их памятники — могильники и ладьевидные топоры — в наибольшем количестве обнаружены на островах, на морском побережье и в районе речных пойм центральной части Эстонии. В Латвийской ССР они встречаются преимущественно в южных и западных районах республики. Судя по тому, что в северной Латвии и юго-восточной Эстонии найдены лишь единичные экземпляры ладьевидных топоров, скотоводческие общины располагались там, по-видимому, реже.

Из последнего обстоятельства можно заключить, что проникшие на территории Эстонии и Латвии скотоводческие племена разделились на две основные группы, из которых одна расселилась на территории Эстонии, тогда как вторая осела в теперешних южной и западной Латвии, частично, видимо, и на территории Литвы. У каждой из этих групп позднее развились особые типы боевых топоров, которые за малыми исключениями, были распространены только в пределах соответствующей группы. Южнее, в центральной и юго-западной Литве, на территориях теперешних Калининградской области, Белоруссии и Польши, имелись свои местные группы этой культуры. Особая группа, занимавшая сравнительно обширное пространство на юго-западе Финляндии, продвинулась вдоль побережья Финского и Ботнического заливов далеко на восток и север.[2]

Основная масса племен культуры ладьевидных топоров появилась в Восточной Прибалтике, по-видимому, одной волной или несколькими,

---

[1] М а р к, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, стр. 223—232.

[2] H. M o o r a, Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. SMYA 59 : 3, Helsinki 1958, стр. 17 и сл., рис. 3.

быстро следовавшими одна за другой волнами, хотя имеющийся в нашем распоряжении археологический материал не дает достаточно точных указаний о том, пришли ли все племена в одно время или нет. Так или иначе, очень большого промежутка между появлением здесь отдельных племен быть не могло, так как у всех групп более ранний материал, поскольку он вообще поддается датировке, относится к одному и тому же ограниченному отрезку времени. Особенно характерны в этом отношении ранние боевые топоры, которые у всех групп принадлежат к так называемому общеевропейскому типу, или, по местному эстонскому названию, к типу Кюласема. В керамике отдельных групп, правда, наблюдаются некоторые незначительные различия, но эти особенности объясняются, очевидно, не разным возрастом, а местной спецификой керамики отдельных племен. В целом же археологический материал всех групп этой культуры довольно однороден и свидетельствует об очень близком этническом родстве соответствующих племен.

С течением времени материальная культура различных групп стала приобретать все больше локальных черт. Как уже отмечалось выше, сложились и местные типы боевых топоров. Характерные для территории Эстонии топоры типа Карлова сравнительно близки к финскому типу, тогда как топоры западной Латвии сходны с топорами юго-восточного побережья Балтийского моря. Между группами племен Эстонии и Финляндии продолжали, как видно, существовать довольно близкие отношения. Об этом свидетельствует, между прочим, и то, что в Финляндии найдены топоры эстонского типа и наоборот.[1] О довольно близком родстве и продолжавшихся связях говорит также большое сходство керамики, хотя в Эстонии она известна пока лишь в небольшом количестве. Как эстонские, так и финские топоры местных типов имеют известные восточноевропейские черты, а поэтому есть основание полагать, что в формировании этих типов некоторую роль сыграли юго-восточные влияния, проникшие сюда из Белоруссии или Верхнего Поволжья. Эти влияния, однако, не были связаны с каким-либо значительным притоком нового населения, так как существенных изменений в керамике они не вызвали.[2]

Еще позднее в Эстонии и Финляндии вошел в употребление так называемый острообушный топор, очевидно последний своеобразный местный тип топоров культуры ладьевидных топоров. Острообушные топоры изготовлялись нередко из уралит-порфирита — материала, который в Эстонии часто, а в Финляндии сравнительно редко употреблялся для из-

---

[1] A. Äyräpää, Estnische Bootäxte. AA XXIII, København 1952, стр. 81—96.

[2] На связи между племенами ладьевидных топоров в Финляндии и Эстонии, с одной стороны, и Литвы и Белоруссии — с другой, указывают некоторые найденные в Литве и Белоруссии топоры финского и эстонского типов. См. A. Europaeus, Eine in Weissrussland gefundene finnische Bootaxt. Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza. Bibljoteka Prehistoryczna I, Poznań 1930, стр. 101—106. КГХМ № 1227.

готовления проушных топоров.[1] Возможно, что этот тип топора сложился именно в Эстонии. Трудно предполагать, что все найденные в Финляндии остроообушные топоры (а их довольно много) были получены путем обмена. Скорее всего они привезены сюда переселившейся в то время из Эстонии некоторой новой группой населения.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что в процессе формирования местных особенностей племен культуры ладьевидных топоров эстонская и финская группы поддерживали между собой довольно тесный контакт, тогда как западно-латвийская группа, на которой мы здесь подробно не останавливаемся, была связана больше с группой, обитавшей южнее, на юго-восточном побережье Балтийского моря (так наз. Haffküstenkultur). Несмотря на возникновение местных особенностей, локальные группы культуры ладьевидных топоров Восточной Прибалтики и Финляндии долго сохраняли много общих черт, которые резко отличали их от бытовавшей по соседству, а частично и чересполосно с ними групп культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Скотоводческие племена расселились на территориях, которые были уже до них заселены. Мы не знаем пока, какой характер носили их первые соприкосновения с коренным охотничье-рыболовческим населением. Нужно думать, что не обошлось и без вооруженных столкновений, так как дело касалось захвата исконных охотничьих угодий коренного населения. Но, очевидно, отношения между обеими группами населения быстро стабилизировались и создался мирный контакт, прежде всего, по-видимому, на основе общественного разделения труда и обмена. Так, например, на ряде охотничье-рыболовческих поселений (Акали, Кулламяги, Вилла, Тамула, Ича, Леяс-Цискас) вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой найдены и черепки шнуровой керамики, которые по составу глиняного теста совершенно отличны от обычной керамики этих поселений. Таким образом, между скотоводами культуры ладьевидных топоров, с одной стороны, и охотниками-рыболовами культуры ямочно-гребенчатой керамики — с другой, сложились в общем мирные отношения.

Со временем произошло также сближение экономики и общественного строя обеих этнических групп. Помимо взаимного общения, этому способствовали и одинаковые природные условия. Скотоводы, попав в новую среду, отличную от той, в которой сложилась их экономическая база, по-видимому, были вынуждены заниматься больше охотой и рыбной ловлей. На это указывают обнаруженные уже в сравнительно ранних могильниках культуры ладьевидных топоров (на о. Муху в Кюласема и на о. Сааремаа в Тика) костяные остроги того же типа, что и в поздних по-

---

[1] K. Soikkeli, Suippokantaiset kohoteräiset kivikirveemme. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 283—305. A. Laitakari, Die Schaftlochäxte der Steinzeit von geologisch-petrographischem Standpunkt. SMYA XXXVII : 1, Helsinki 1928, стр. 17 и сл. Äyräpää, Estnische Bootäxte, стр. 95.

селениях культуры ямочно-гребенчатой керамики. О приспособлении хозяйства скотоводов к местным природным условиям свидетельствуют и некоторые более поздние поселения культуры ладьевидных топоров, обнаруженные на Куршской косе и на побережье Калининградской области, на юго-западном побережье Финляндии,[1] а также в Эстонии (поселение Валма на северо-западном берегу оз. Выртсъярв). Эти поселения, как и поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики, располагаются в непосредственной близости к водным бассейнам. В Валма поселение скотоводов располагалось непосредственно на месте прежнего поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики. В культурных слоях поселений скотоводов начинает встречаться много костей рыб и диких животных, а в приморских поселениях также и кости тюленя. Это свидетельствует о том, что обитатели этих поселений в значительной мере занимались охотой и рыбной ловлей. Население культуры ладьевидных топоров продолжало, конечно, по-прежнему заниматься скотоводством и земледелием, но местные, более суровые природные условия заставляли, по-видимому, уделять больше внимания и другим способам добывания средств существования.

Общение их с племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики в этот период стало еще более тесным и привело к этническому смешению населения. На это указывают главным образом поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые изучены пока лучше, чем поселения культуры ладьевидных топоров. Смешение населения, как можно полагать, сопровождалось взаимными браками. Это видно по тому, что в некоторых охотничье-рыболовческих поселениях (Акали, Кулламяги, Вилла) во второй половине II тысячелетия до н. э. начинает встречаться значительное количество характерной для скотоводов поздней шнуровой керамики. По составу глиняного теста она похожа на прочую керамику поселений и изготовлена, видимо, на месте. Многие этнографические параллели показывают, что изготовлением керамики в условиях первобытнообщинного строя занимались преимущественно женщины, а поэтому можно полагать, что найденная на охотничье-рыболовческих поселениях шнуровая керамика изготовлена женщинами, происходившими из скотоводческих общин. Попав в результате брака в поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики, они продолжали изготовлять керамику прежним, знакомым им способом.

Надо полагать, что смешение с обитателями культуры ладьевидных топоров и влияние последних способствовали тому, что и у племен культуры ямочно-гребенчатой керамики стали развиваться скотоводство и примитивное земледелие. О последнем свидетельствуют найденные на Курземском побережье, в поселении Сарнате, деревянные мотыги, датируемые серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э.[2] Под-

---

[1] Äyräpää, Estnische Bootäxte, стр. 92. Meinander, Kiukaiskultur, стр. 149 и сл.

[2] Древние поселения и городища, табл. XXXI : 5, 6 (Л. В. Ванкина).

тверждений тому, что племена культуры ямочно-гребенчатой керамики занимались и скотоводством, добыть очень трудно, так как в культурных слоях поселений этого периода кости животных, как правило, не сохранились. О наличии первобытного скотоводства до некоторой степени свидетельствуют те единичные кости домашних животных, которые обнаружены в поселениях Тамула, Леяс-Цискас и Серово (см. предыдущие главы), если только эти кости не принадлежат животным, попавшим в эти поселения путем обмена.

В период слияния племен культур ямочно-гребенчатой керамики и ладьевидных топоров в Восточную Прибалтику пришли, может быть, еще новые этнические группы, которые также слились с местным населением. Судя по археологическому материалу, роль этих групп в этногенезе племен Восточной Прибалтики была, однако, незначительной. Одним из признаков появления новых элементов служат найденные на некоторых поселениях обломки глиняных сосудов бомбовидной формы, покрытые оттисками грубой ткани. Керамика этого типа характерна для Верхнего Поволжья во II тысячелетии до н. э. Возникновение этого типа керамики некоторые авторы объясняют как результат взаимодействий керамики культуры скотоводческих племен (фатьяновской культуры) и местной ямочно-гребенчатой керамики.[1] Аналогичные сосуды найдены также в Новгородской области, в поселениях на побережье реки Мсты, впадающей в Ильменское озеро.[2] На территории Эстонской ССР фрагменты таких сосудов обнаружены в поселениях Акали и Кулламяги, где они залегали вместе с позднейшей ямочно-гребенчатой керамикой, появляясь несколько позднее ранней шнуровой керамики. Эти фрагменты представляют, по-видимому, древнейшую текстильную керамику на территории Эстонской ССР.

Текстильной керамики, датируемой II тысячелетием до н. э., в Восточной Прибалтике найдено все же мало, и можно полагать, что ее здесь в этот период мало и бытовало. Кроме поселений района устья реки Эмайыги, некоторые черепки ранней текстильной керамики найдены в г. Нарве, несколько черепков обнаружено в поселении Ича и в поселении у дер. Серово. Отдельные черепки ранней текстильной керамики найдены и на Куршской косе, где они залегали вместе с поздней шнуровой керамикой,[3] а также в Лоона [4] и Сарнате [5] вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой. Как видно, вначале текстильная керамика распространялась преимущественно в восточных районах Восточной Прибалтики, что, в свою очередь, подтверждает предположение о ее восточном

---

[1] Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья, стр. 15. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер, стр. 51. Фосс, Древнейшая история Севера, стр. 190 и сл.

[2] Гурина, Результ. археол. обсл. р. Мсты, стр. 297 и сл.

[3] Engel, Altpreuss. Stämme, табл. 47 : g.

[4] ИИ № 4210 : 649.

[5] По сведениям, полученным от Л. В. Ванкиной.

происхождении. Текстильная керамика, возможно, была принесена сюда новыми поселенцами, численность которых, однако, была невелика. В тот же примерно период текстильная керамика распространилась и в южной Финляндии.

Очевидно, как наследие прежних южных связей племен культуры ладьевидных топоров, продолжали и в этот период существовать какие-то связи с населением южных культур. Об этом свидетельствует, между прочим, возникновение характерной для территории Эстонии поздней шнуровой керамики. Последняя имеет, правда, ясную связь с местной ранней шнуровой керамикой, однако некоторые особенности ее орнаментики и формы сосудов говорят о том, что в возникновении этого типа керамики сказалось известное влияние керамики южных культур, особенно керамики тшцинецкой культуры, распространенной в среднем Повисленье. К сожалению, из Эстонии поздняя шнуровая керамика известна пока в небольшом количестве. Кроме поселений Акали и Кулламяги, керамика этого типа найдена еще в нескольких местах, но также в незначительном количестве. Известны некоторые находки поздней шнуровой керамики и в Финляндии, указывающие, возможно, на наличие там керамики этого типа.[1] Как отметил К. Ф. Мейнандер, в керамике культуры Киукайнен, которая последовала в юго-западной Финляндии за культурой ладьевидных топоров, сказывается, по-видимому, влияние керамики этого типа.[2]

В качестве третьего нового явления во II тысячелетии до н. э. следует отметить каменные боевые топоры с плоской спинкой, датируемые несколько более поздним периодом, чем ранние ладьевидные топоры. Топоры этого типа распространены в Среднем и Верхнем Приднепровье, в Восточной Прибалтике и в Финляндии.[3] В бассейне Верхней Волги топоры с плоской спинкой встречаются сравнительно редко, зато большое количество их найдено еще дальше на востоке, на Средней Волге.[4] В Восточной Прибалтике и Финляндии топоры этого типа обнаружены пока лишь в виде случайных находок, а поэтому нет возможности увязать их с каким-либо известным нам типом керамики. Неясно также, являются ли эти топоры свидетельством появления новых племен или указывают только на обычный обмен и культурные связи.

Во второй половине II тысячелетия в Восточной Прибалтике произошло смешение различных этнических групп. К сожалению, археологический материал этого периода еще очень скуден. Как свидетельствуют немногие имеющиеся в нашем распоряжении данные, в рассматриваемый

---

[1] Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 84, 91, рис. 7 : f; 10 : i.

[2] Meinander, Kiukaiskultur, стр. 137, 142, рис. 77, 90.

[3] A. Äyräpää, Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII, Helsinki 1933, стр. 36 и сл., карта на рис. 35.

[4] О. Н. Бадер связывает топоры упомянутого типа с балановской культурой. См. Bahder, Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, стр. 27 и сл., рис. 8 : 3.

период получают всеобщее распространение скотоводство и первобытное земледелие. В некоторых поселениях, как Сарнате, Пурциемс, Силиньупе, Вилла, наблюдается слияние элементов ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики, между тем как в других, более восточных поселениях, как Акали и Кулламяги, с ними сочетаются и элементы текстильной керамики.

Поздняя ямочно-гребенчатая керамика оказала сильное влияние и на керамику, встречающуюся в немногочисленных известных нам могильниках этого периода, которые являются позднейшими погребальными памятниками культуры ладьевидных топоров. Керамика могильника в Кивисааре, на северном побережье оз. Выртсъярв, близко сходна с керамикой поселений того же периода. И в поселениях, и в могильниках, помимо одинаковой формы и орнамента, сосуды нередко имеют заштрихованную поверхность. Керамика этого типа продолжала развиваться и в I тысячелетии до н. э., когда, как показывает позднейшая керамика поселений Акали и Кулламяги, а также очень близкая к ней керамика ранних укрепленных поселений, появились глиняные сосуды с еще более резкой штриховкой. В I тысячелетии продолжает бытовать и все больше распространяться позднейшая текстильная керамика, которая по форме сосудов совершенно аналогична заштрихованной керамике того же периода.

Судя по археологическому материалу, к концу II и началу I тысячелетия до н. э. смешение поздненеолитических этнических групп в основном завершилось. В результате этого балтийские элементы на территории Эстонии и в северной Латвии, примерно к северу от рек Даугавы и Абавы, были ассимилированы финно-угорскими племенами, а финно-угорские племена, обитавшие к югу от упомянутых рек, растворились среди балтийских племен. Не позднее, чем к середине I тысячелетия до н. э. в Восточной Прибалтике сложились новые этнические группировки, которые уже довольно четко прослеживаются на археологическом материале, в первую очередь на разных по своему типу могильниках. На территории Эстонии и северной Латвии для этого периода характерны каменные курганы с ящиками, в то время как в южной Латвии и Литве — земляные курганы и грунтовые могилы. Так как дальнейшее развитие материальной культуры упомянутых этнических групп прослеживается вплоть до появления письменных источников, то северную группу можно увязать с эстонско-ливскими, а южную — с литовско-латышскими племенами.[1]

Прослеживаемые с середины I тысячелетия до н. э. границы племенных групп, по-видимому, сложились на основе предпосылок, возникших уже задолго до этого периода. Последние не могут быть прослежены еще с достаточной четкостью, но некоторые указания в этом отношении как

---

[1] Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, стр. 29 и сл. Моора, Памятники поздн. неолита в Приб., стр. 14 и сл.

будто дает группировка поселений с поздней ямочно-гребенчатой керамикой и памятников культуры ладьевидных топоров.

Как указывалось выше, культура поздней ямочно-гребенчатой керамики на территориях Эстонии и Латвии распадалась на несколько локальных групп, в археологическом материале которых отмечаются известные местные особенности. На поселениях восточной Эстонии и восточной Латвии обнаружен также довольно многочисленный материал позднейших периодов. Некоторые поселения, как Акали, Кулламяги, Вилла и Ича, существовали очень долго, и так как их инвентарь свидетельствует о непрерывности развития материальной культуры начиная со времени бытования ямочно-гребенчатой керамики, то нет сомнения в том, что обитатели этих поселений также непрерывно населяли их. Правда, в течение веков в местное население, несомненно, вливались чужие элементы. Судя по тому, что памятники культуры ладьевидных топоров на территории восточной Эстонии и восточной Латвии довольно редки, носители культуры ладьевидных топоров внесли в формирование населения этих районов значительно меньший вклад, чем в формирование населения других групп культуры ямочно-гребенчатой керамики в Восточной Прибалтике. Этнические же элементы, проникшие с востока, влились в население восточноэстонской и восточнолатвийской групп в большем количестве, чем в группы, расположенные дальше на запад. Возможно, что в некоторой степени эти сложившиеся еще в глубокой древности этнические отношения отражаются в антропологическом составе населения Эстонской ССР и по настоящее время. Как известно, современное население юго-восточной Эстонии по своим антропологическим признакам наиболее отлично от древних представителей культуры ладьевидных топоров, в то же время оно близко примыкает в этом отношении к населению соседних восточных территорий.

Наоборот, в процессе формирования населения западной и северной Эстонии племена культуры ладьевидных топоров сыграли, по-видимому, значительную роль, так как именно на островах и морском побережье найдено относительно много памятников этой культуры. Возможно, что носители культуры ладьевидных топоров там даже количественно преобладали над племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики. И позднейшее население этого района по своим антропологическим признакам довольно близко примыкает к представителям культуры ладьевидных топоров, что, по мнению К. Ю. Марк, свидетельствует о непосредственной преемственной связи его с последними.[1] Если племенам культуры ямочно-гребенчатой керамики удалось в этих условиях сохранить свою этническую самобытность и, как можно полагать, даже ассимилировать превосхо-

[1] Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, стр. 241—242. К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР. Балтийский этнографический сборник. Труды института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXXII, М., 1956, стр. 199—200.

дящие их по численности и стоящие на несколько более высоком уровне развития племена культуры ладьевидных топоров, то это объясняется, видимо, тем, что первые были лучше приспособлены к местным природным условиям, чем носители культуры ладьевидных топоров, прибывшие из других мест.

Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал, к сожалению, еще очень немногочислен и содержит к тому же слишком много пробелов, для того чтобы можно было на его основе осветить ход развития культуры племен западной и северной Эстонии, в особенности непрерывность этого развития в интересующие нас периоды. Тем не менее уже сейчас можно заметить, что историческое развитие племен западной и северной Эстонии шло в общих чертах параллельно и, как видно, в связи с развитием племен юго-западной Финляндии. Как уже отмечалось, некоторые сходные черты прослеживаются уже в поздней ямочно-гребенчатой керамике. Расселившиеся по обоим берегам Финского залива группы населения культуры ладьевидных топоров также состояли в близком родстве и продолжали общаться между собой; возможно, что позднее имело место даже переселение некоторых групп населения с территории Эстонии по ту сторону залива. К сожалению, памятники, последовавшие хронологически непосредственно за культурой ладьевидных топоров, представлены в северной и западной Эстонии очень слабо. Единственным пока известным поселением, относящимся, по-видимому, отчасти к этому периоду, является Лоона на о. Сааремаа. Керамика этого поселения имеет черты, сближающие ее с керамикой культуры Киукайнен на юго-западе Финляндии. Однако керамика из Лоона имеет одну примечательную особенность, а именно почти полное отсутствие отпечатков текстиля, тогда как в керамике культуры Киукайнен нижние части сосудов обычно имеют следы текстиля.[1] Вместо этого наружная поверхность глиняных сосудов с поселения Лоона покрыта штриховкой. Последнее обстоятельство сближает их с керамикой поселений материковой части Эстонии. Общим у поселения Лоона и поселений культуры Киукайнен является также широкое применение кварца и редкое употребление кремня в качестве сырья для мелких орудий труда. Инвентарь поселения Лоона, без сомнения, указывает на то, что материальная культура племен юго-западной Финляндии и, по крайней мере, обитателей о. Сааремаа оставались близкими друг другу и в период, последовавший за периодом бытования культуры ладьевидных топоров. В северной Эстонии поселений соответствующего периода пока не обнаружено.

На культурную и, по всей вероятности, также этническую близость населения прибрежных районов Финляндии и Эстонии указывает также широкое распространение аналогичного типа могильников, а именно

---

[1] Meinander, Kiukaiskultur, стр. 138—140. В Лоона обнаружен лишь один фрагмент неорнаментированного сосуда, покрытого от края до днища оттисками текстиля. См. стр. 148, сноску 1 в настоящей работе.

каменных курганов с ящиками. По имеющимся данным, погребения этого типа появились раньше в Финляндии; наиболее древние среди них датируются еще поздним этапом культуры Киукайнен.[1] Древнейшие могильники этого типа в Эстонии относятся примерно к середине или первой половине I тысячелетия. Возможно, что этот тип погребений проник в Эстонию из Финляндии. Как в Эстонии, так и в Финляндии каменные курганы с ящиками бытовали в I тысячелетии до н. э. и еще в самом начале нашей эры. Примечательно, что каменные курганы с ящиками не получили широкого распространения на территории группы ямочно-гребенчатой керамики в восточной Эстонии и восточной Латвии. Они известны лишь на северных и западных окраинах ареала распространения этой группы керамики.[2]

Близость культур и постоянный контакт между населением прибрежных районов Финляндии и Эстонии позволяют заключить, что и в Финляндии прибалтийско-финские племена обитали уже в очень ранний период, — очевидно еще до появления в Восточной Прибалтике племен культуры ладьевидных топоров. Этим, в свою очередь, подтверждается предположение, что культура типичной ямочно-гребенчатой керамики принадлежала ранним прибалтийско-финским племенам.

Дальнейшая судьба культуры поселений западной Латвии также слабо отражена в имеющемся археологическом материале. Судя по большому количеству найденных в западной Латвии ладьевидных топоров, носители этой культуры довольно густо заселяли этот район. Население принадлежало, по-видимому, к одной из южных групп культуры ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике, область распространения которой заходила в южном направлении на территорию Литвы. Обитатели поселений культуры ямочно-гребенчатой керамики в западной Латвии и соответствующая часть племен культуры ладьевидных топоров на протяжении веков жили, очевидно, чересполосно, одни среди других. В самой поздней ямочно-гребенчатой керамике этих поселений прослеживается влияние шнуровой керамики. Поздней же шнуровой керамики с этой территории пока не известно, хотя наиболее поздние поселения в Пурциемсе, а возможно, и некоторые другие датируются периодом, когда на территории Эстонии поздняя шнуровая керамика уже бытовала. Археологических материалов конца второго и начала первого тысячелетия до н. э., которые могли бы пролить свет на этнические отношения западной Латвии, известно очень мало. Судя по наличию в северной части Курземе каменных могильников в первых веках I тысячелетия н. э., прибалтийско-финский элемент в то время еще там удерживался. В южной части западной Латвии, для которой характерны трупоположения в курганах балтийского типа и в грунтовых могилах, большинство финно-угорского на-

---

[1] Meinander, Kiukaiskultur, стр. 184—186.

[2] См. карту на рис. 7 в сборнике «Вопросы этнической истории эстонского народа».

селения, за исключением, возможно, некоторой его части, не отражающейся в археологическом материале, было к тому времени уже ассимилировано балтийскими племенами. Таким образом, если не считать северную часть Курземе, в западных районах Латвии и Литвы балтийской племенной группе удалось со временем растворить в себе остатки обитавших среди них прибалтийско-финских племен, тогда как в западной и северной Эстонии и в юго-западной Финляндии балтийские элементы, наоборот, сами растворились среди прибалтийских финнов.

В данной работе мы сделали попытку показать, что материальная культура эпохи раннего металла в Эстонии и на некоторых соседних территориях в значительной степени развилась на основе местных позднеонеолитических культур. Более того, хотя промежуточный период (вторая половина II и первая половина I тысячелетия) пока слабо отражен в археологическом материале этих территорий, можно полагать, что там в общих чертах сохранились и древние племенные территории. Все это говорит о том, что предки как прибалтийско-финских, так и балтийских племен обитали в Восточной Прибалтике (а также в Финляндии) уже в эпоху неолита.

Наиболее раннее заселение Восточной Прибалтики восходит к эпохе мезолита. В течение длительного периода здесь бытовала культура Кунда—Суомусъярви. Вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры пока еще остается открытым и навряд ли имеющийся в нашем распоряжении материал позволит сделать какие-либо определенные выводы. Во всяком случае, потомки племен культуры Кунда—Суомусъярви продолжали обитать на этих же территориях еще на заре неолита и, несомненно, сыграли определенную роль в формировании здешних ранненеолитических культур.

Прослеживая этнические условия в эпоху неолита, надо иметь в виду, что здесь появлялись новые группы населения, в первую очередь, по-видимому, с востока. Создается впечатление, что новые группы населения проникли в Прибалтику несколькими волнами, которые частично друг друга перекрывали. Одна такая, наиболее ранняя, видимо, волна принесла с собой новых насельников на территории теперешней Карельской АССР, северной части Ленинградской области и Финляндии, где они оказали влияние на формирование керамики типа Сперрингс. Возможно, что эти племена были протолопарями, предки которых происходили с Урала или из Западной Сибири.

Следующие волны пришельцев следовали одна за другой сравнительно быстро. Одна из них направилась, по-видимому, в район Приладожья и на северное побережье Финского залива (поздняя стадия ранней ямочно-гребенчатой керамики — по А. Эйряпя стиль I : 2), а вторая — на юг от Ладоги и Финского залива (керамика нарвского типа). Хотя материала по этому вопросу еще очень мало, можно полагать, что эти волны означают проникновение племен, родственных неолитическому населению бассейна р. Камы. Поскольку связанные с обеими волнами типы

керамики сыграли известную роль в формировании типичной ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике, можно допустить, что это были финно-угорские племена и притом той их ветви, на основе которой сложились ранние прибалтийско-финские племена.

Культура типичной ямочно-гребенчатой керамики, распространяясь вдоль восточного побережья Балтийского моря, растворила в себе все предыдущие местные культуры. Хотя некоторые из местных культурных групп после этого снова ожили, они не имели уже к тому времени своей прежней самобытности и выступали в качестве локальных вариантов культуры ямочно-гребенчатой керамики. При этом типичная ямочно-гребенчатая керамика распространилась именно на тех территориях, на которых, согласно позднейшим источникам, когда-то обитали прибалтийско-финские племена. Ни одна из предшествовавших и последующих культур, за исключением, возможно, культуры Кунда—Суомусъярви, не имела такого широкого ареала распространения, как культура типичной ямочно-гребенчатой керамики. Считать же, что культура Кунда—Суомусъярви принадлежала непосредственно предкам прибалтийско-финских племен, очевидно, нельзя. Во-первых, она бытовала в слишком отдаленном прошлом, а во-вторых, ее ареал был позднее перекрыт культурой типичной ямочно-гребенчатой керамики, которая явно растворила в себе элементы культуры Кунда—Суомусъярви как субстрат. Увязывание культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики с финно-угорскими племенами подкрепляется, естественно, и тем обстоятельством, что эта культура была по своему происхождению восточной и родственной другим культурам ямочно-гребенчатой керамики, которые соответствовали другим финно-угорским группам. Так как местные группы культуры поздней ямочно-гребенчатой керамики послужили основой, на которой в северных районах Восточной Прибалтики и в Финляндии в значительной степени развилась культура эпохи раннего металла, то вполне вероятно, что типичная ямочно-гребенчатая керамика принадлежала ранним прибалтийско-финским племенам.

Вторым очень важным компонентом в развитии культуры эпохи раннего металла в Восточной Прибалтике явилась поздненеолитическая культура ладьевидных топоров. Происхождение и связи этой культуры совершенно иные, чем культуры ямочно-гребенчатой керамики; они ведут нас в южном и юго-западном направлениях. Таким образом, культура ладьевидных топоров ни в коем случае не могла принадлежать финно-уграм. В пользу того, что носителями этой культуры были ранние балтийские племена, говорят многие весьма убедительные аргументы. Наиболее многочисленные памятники культуры ладьевидных топоров сосредоточены в южной части Восточной Прибалтики, где памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики были, как видно, распространены несколько реже. Но и в Эстонии, и в Финляндии культура ладьевидных топоров была довольно жизнеспособной. Если носители этой культуры в конце концов все же потеряли здесь свою этническую самобытность, то лишь потому, что в северных, более суровых природных условиях преимущества более раз-

витой экономики племен этой культуры не могли проявить себя в достаточной степени. Чтобы обеспечить себя средствами к существованию, племена культуры ладьевидных топоров были вынуждены изменить в некоторой степени характер своей экономики, приблизив ее к экономике местных племен культуры ямочно-гребенчатой керамики. Нет сомнения, что последние, поскольку позволял их уровень общественно-экономического развития, со временем также переняли от носителей культуры ладьевидных топоров много нового, особенно в области земледелия и скотоводства, приспособив эти заимствования к местным условиям. Так постепенно происходило экономическое и культурное сближение этих этнически разнородных групп, приведшее, в конце концов, к их слиянию. Следует, конечно, иметь в виду, что финно-угорский элемент от поры до времени получал пополнение с востока в виде новых, хотя относительно более слабых уже волн переселенцев, которые его постепенно укрепляли.

SIEDLUNGSPLÄTZE DES NEOLITHIKUMS UND DER FRÜHEN METALLZEIT IM MÜNDUNGSGEBIET DES EMAJÕGI

Zusammenfassung

Die Jungsteinzeit und die frühe Metallzeit (3.—1. Jahrtausend v. u. Z.) sind die am wenigsten erforschten Perioden der Urgeschichte Estlands und der benachbarten Gebiete. Die vorliegende Arbeit stellt die erste monographische Untersuchung der Altertümer dieser Zeiträume dar. Das unserer Untersuchung zugrunde liegende Material wurde vom Archäologischen Museum der Universität Tartu in den Jahren 1938—1939 sowie von der Sektion für Archäologie des Instituts für Geschichtsforschung der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR von 1949—1952 bei Grabungen auf Siedlungsplätzen im Mündungsgebiet des Flusses Emajõgi geborgen.

I. Zur Geschichte der Erforschung des Neolithikums in Estland

Vor der Oktoberrevolution waren es baltisch-deutsche Forscher, die sich mit der Archäologie des Baltikums beschäftigten (C. Grewingk, R. Hausmann, C. v. Sievers, M. Bolz u. a.). Da keiner von ihnen über eine spezielle Ausbildung auf diesem Gebiet verfügte, trug ihre Arbeit in grösserem oder geringerem Masse dilettantisches Gepräge. Im Brennpunkt des Interesses standen bei den baltisch-deutschen Forschern jüngere archäologische Denkmäler. Hinsichtlich der Steinzeit blieb ihre Tätigkeit (ausser der von C. Grewingk) hauptsächlich auf das Zusammentragen von Material beschränkt.

In den Jahren der bürgerlichen Diktatur stand die Archäologie wie alle übrigen Wissenschaftszweige im Dienste der Klasseninteressen der Bourgeoisie. Das äusserte sich unter anderem darin, dass westliche Kultureinflüsse hervorgehoben, solche aus dem Osten dagegen herabgemindert oder gar in Abrede gestellt wurden. In ihren allgemeinen Auffassungen waren die Archäologen des bürgerlichen Estlands an die sogenannte Kulturkreislehre gebunden. Trotzalldem lassen sich für die estnische Archäologie in der erwähnten Periode gewisse Fortschritte nicht leugnen. Der Grund zu archäologischen Forschungen wurde hier durch den bekannten finnischen Archäologen A. M. Tallgren gelegt, der von 1920—1923 an der Universität Tartu die Professur für Urgeschichte innehatte. Die Archäologen des bürgerlichen Estlands setzten die von Tallgren eingeschlagene Richtung fort. Bei der Erforschung der Steinzeit sind hauptsächlich für das Mesolithikum gewisse Erfolge zu verzeichnen, während die Untersuchung jungsteinzeitlicher Fundgruppen infolge beschränkter

Geldmittel ganz in den Hintergrund trat. Nur auf einzelnen jungsteinzeitlichen Bestattungs- und Siedlungsplätzen fanden in geringerem Ausmasse Ausgrabungen statt.

Die Wiederherstellung der Sowjetmacht in Estland im Jahre 1940 bezeichnete den Beginn eines völligen Umschwungs in der estnischen Geschichtsforschung, darunter auch in der Urgeschichte. Von besonderer Bedeutung ist in dieser Hinsicht die Gründung der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR im Jahre 1946, zu der auch ein Institut für Geschichtsforschung mit einer Sektion für Archäologie gehört. Die Erforschung des Neolithikums und der frühen Metallzeit wurde von Anfang an in die Arbeit der Sektion eingeplant. Seit 1946 werden systematische archäologische Grabungen von Denkmälern der genannten Perioden ausgeführt. Ausserdem sind vom Institut für die Geschichte der materiellen Kultur der Akademie der Wissenschaften der UdSSR unter der Leitung von N. Gurina drei jungsteinzeitliche Siedlungsplätze am Narva-Fluss untersucht worden. Die Ergebnisse sind in einer Reihe von Artikeln niedergelegt.

II. Die Naturverhältnisse

Der Emajõgi, der im Võrtsjärv entspringt, den mittleren Teil des östlichen Estlands durchfliesst und in den Peipsi-See mündet, ist einer der grössten Flüsse Estlands. Gegenwärtig ist das Mündungsgebiet des Emajõgi eine versumpfte ebene Niederung (Abb. 1). Geologischen Daten zufolge war um die Zeit der Entstehung der jungsteinzeitlichen Siedlungen ein grosser Teil dieses Gebietes noch nicht versumpft. Das Bodenrelief war damals merklich vielfältiger, die sandigen Bodenerhebungen mit Gehölz bestanden. Die Flüsse und Seen boten ausgezeichnete Möglichkeiten für den Fischfang, die umliegenden Wälder, Gebüsch und natürliches Grasland zur Jagd. So waren die Lebensbedingungen für die urzeitlichen Jäger und Fischer im Mündungsgebiet des Emajõgi damals weit günstiger als heute. Wie das in der Siedlung Akali gefundene osteologische Material beweist, jagten die Bewohner der Siedlungen hauptsächlich den Elch, das Wildschwein, den Ur und den Biber; Fischgrätenfunde liegen vom Wels und Hecht vor.

III. Der Siedlungsplatz Akali

Der Siedlungsplatz Akali liegt am Ufer eines kleinen rechten Zuflusses des Emajõgi (s. Plan Abb. 3). Das Areal der Siedlung ist verhältnismässig gross und umfasst 17 000 m². Davon sind bisher insgesamt 515 m², also nur 3% durch wissenschaftliche Ausgrabungen freigelegt. Da die verschiedenen Grabungsstellen (A—R) aber in verschiedenen Teilen der Siedlung angelegt worden sind, ergeben sie doch eine gewisse Vorstellung von dem Charakter der gesamten Kulturschicht.

Wie aus dem archäologischen Befund hervorgeht, ist nie das ganze Gebiet, wo sich die Kulturschicht findet, gleichzeitig bewohnt gewesen. Anfänglich lag die Siedlung in dem dem Flusse am nächsten liegenden Teil, wo die Kulturschicht heute unter einer mehr als 2 m mächtigen Torfdecke liegt, z. B. in den Stellen E, P (Abb. 4), D. Später, als der Wasserspiegel sich hob und der Boden sumpfiger wurde, ist die Siedlung mehr und mehr landeinwärts gerückt, wo der Boden in einer klei-

nen Anhöhe ansteigt. Mit dem Ansteigen des Bodens verringert sich die Mächtigkeit des die Kulturschicht bedeckenden Torfes (Taf. I) und das Alter des in der Kulturschicht enthaltenen Fundmaterials. Der Gipfel der Anhöhe ist auch noch gegenwärtig frei von Torf, sodass die Kulturschicht dort bis dicht unter die Grasnarbe reicht, wo sie beim Anlegen von Gemüsebeeten umgegraben worden ist. Dabei sollen einige bronzenen Gegenstände zum Vorschein gekommen sein, die später leider abhanden kamen. Die auf dem Gipfel der Anhöhe (Stelle K) geborgene Keramik gehört zum zeitlich jüngsten Fundmaterial der Siedlung. Da der Wohnplatz Akali sehr lange (rund 2000 Jahre) besiedelt gewesen ist, ergibt sich aus der allmählichen Verlagerung der Siedlung eine gute Übersicht über Veränderungen in der materiellen Kultur.

Die Kulturschicht ist verhältnismässig dick und erreicht in den zentralen Teilen eine Mächtigkeit von 70 cm, stellenweise sogar bis zu 1 m. Sie wird hauptsächlich von dem ehemaligen versumpfenden Sandboden gebildet, in dem an einigen Stellen auch pflanzliche Überreste enthalten sind. Kohle und aus der höher liegenden Torfschicht nach unten sickerndes Wasser haben der Kulturschicht eine schwärzliche Färbung verliehen. Die Kulturschicht enthält reichlich Fundmaterial: Keramik, Stein- und Knochengeräte, Tierknochen und Fischgräten. Nur in dem auf der Anhöhe befindlichen Teil der Siedlung hat sich kein Knochenmaterial erhalten, offenbar fehlten dort die dazu erforderlichen Bedingungen. Unter der Kulturschicht tritt überall reiner Sand auf.

Bei den Grabungen ist man bisher auf keine eindeutigen Überreste von Wohnbauten gestossen. Es bleibt zu erwägen, ob die an manchen Grabungsstellen vorkommenden zugespitzten Pfahlenden und die in den Sand eingetieften sich nach unten verjüngenden Gruben (Abb. 5—7; Taf. I) mit oberirdischen Wohnbauten in Zusammenhang zu bringen sind. Diese Gruben sind von verschiedener Grösse und Form und haben augenscheinlich verschiedenen Zwecken (zur Aufbewahrung von Vorräten und von Tongefässen mit rundem Boden usw.) gedient. Oft sind diese Gruben gruppenweise angeordnet und bilden einen zusammenhängenden Komplex.

Von Herden ist nur einer unversehrt angetroffen worden und zwar im nordöstlichen Teil der Grabungsstelle J. Dieser Herd ist von ovaler Form, 85 × 60 cm und besteht aus etwa faustgrossen Steinen (Taf. II : 1). In der Kulturschicht häufig anzutreffende Kohlenteilchen, Aschenflecke und Brandreste lassen die Vermutung aufkommen, dass die meisten Herdstellen keine Steine enthielten und sich auf blosser Erde befanden, wo sie später vernichtet wurden. In dem in der Nähe des Flusses gelegenen Teil der Siedlung, in den Stellen A, A_1, B, C, D, H und im nordöstlichen Teil der Stelle J, wurde im oberen Horizont der Kulturschicht eine ausgedehnte Schicht von Brandüberresten gefunden, die eine Fläche von 20 × 30 m umfasste und eine Mächtigkeit von mehreren cm aufwies. Es handelt sich hier offensichtlich um die Spuren eines diesen Teil der Siedlung betroffenen Brandes. Nach dem Brande hat eine Verlagerung des Zentrums der Siedlung weiter landeinwärts stattgefunden.

An einigen Stellen fanden sich in der Kulturschicht Bruchstücke von menschlichen Schädeln, die aller Wahrscheinlichkeit nach aus bereits während des Bestehens der Siedlungen vernichteten Gräbern stammen und auf Bestattungen auf dem Siedlungsplatz hinweisen.

IV. Der Siedlungsplatz Kullamägi

Der Siedlungsplatz Kullamägi liegt auf dem rechten Ufer des Emajõgi, ungefähr 2 km westlich von Akali (Abb. 1). Hier ist in kleineren Grabungsstellen eine Fläche von 224 m² untersucht worden. Der gesamte Siedlungsplatz umfasst rund 10 000 m² (s. Plan Abb. 8). Seine Lage gleicht der von Akali. Auch hier haben wir es mit einer aus dem umliegenden Moor schwach emporsteigenden Bodenerhebung zu tun, wobei die Siedlung allmählich den Hang hinaufgerückt ist und schliesslich den Gipfel erreicht hat. Für Kullamägi ist es eigentümlich, dass diese Siedlung nie hart am Wasser gelegen hat, sondern sich mindestens 120 m vom Fluss entfernt befand.

Die Kulturschicht liegt ebenfalls auf einer Sandschicht. Auf dem dem Fluss zugekehrten Hang hat sich die Kulturschicht später mit Torf bedeckt (Abb. 9—12), während die Überreste der Siedlung im höherliegenden Teil der Anhöhe, wo sich kein Torf gebildet hat, unmittelbar unter der Grasnarbe auftreten. Die Kulturschicht ist nirgends mächtiger als 50—60 cm und weit spärlicher mit Funden (vorzugsweise Keramik und Steingeräten) sowie Brandüberresten durchsetzt als in Akali. Ausser einigen verkohlten Splittern hat sich von Knochen nichts erhalten. Von Wohnbauten und Herdstellen sind bisher keine Spuren entdeckt worden, wenn man von einzelnen Pfahlenden und einigen kleinen in den Sand ausgehöhlten Gruben (Abb. 11, 12), die denen in Akali ähneln, absieht.

In Kullamägi hat die Besiedlung um ein geringes später eingesetzt als in Akali und ist in gewissen Zeiträumen anscheinend auf einige Zeit unterbrochen gewesen. Beide Siedlungen haben jedoch während eines recht langen Zeitraumes nebeneinander bestanden. Da das Inventar, insbesondere die Keramik, in Akali und Kullamägi eine unverkennbare Ähnlichkeit aufweist, so ergibt sich die Möglichkeit, die stratigraphischen Verhältnisse des Materials aus beiden Siedlungen miteinander zu vergleichen, um auf diese Weise eine festere Handhabe für die relative Chronologie zu erhalten.

Es ist zu vermuten, dass im Mündungsgebiet des Emajõgi noch andere Siedlungen gelegen haben (Abb. 1). Ihre Kulturschicht ist jedoch von den Wassern des Peipsi fortgespült, und ausser unbestimmten Andeutungen seitens der örtlichen Bewohner liegen keinerlei Angaben darüber vor.

V. Übersicht über die übrigen Siedlungen der Jungsteinzeit und der frühen Metallzeit in Estland und den benachbarten Gebieten

Im Gebiet der Estnischen SSR sind bisher 15 aus dem Neolithikum oder aus der frühen Metallzeit stammende Siedlungen bekannt (s. Karte Abb. 13). Eine hierhergehörige Gruppe bilden die Siedlungen im Mündungsgebiet des Emajõgi. Eine grössere Gruppe bilden 4 Siedlungen am Unterlauf des Narva-Flusses, an die sich als fünfte die Siedlung Lommi an einem Zufluss der Luuga im Leningrader Gebiet anschliesst. An der nordestnischen Küste östlich von Tallinn befinden sich die Siedlungen Kroodi und Jägala, in Südostestland in der Nähe der Stadt Võru sind die Siedlungen Tamula und Villa gelegen, auf der Insel Saaremaa die Siedlungen Naakamäe, Undva und Loona. In der nächsten Umgebung zweier Siedlungen, nämlich der von Kunda (neolithische Schicht) in Nordestland und derjenigen von Valma in Mittelestland am

Ufer des Sees Võrtsjärv sind bisher keine anderen Siedlungen entdeckt. Zweifelsohne hat es auch am Unterlauf des Pärnu-Flusses Siedlungen gegeben, da dort eine grosse Anzahl von Zufallsfunden geborgen worden ist, doch ist es bisher nicht gelungen, die genaue Lage dieser Siedlungsplätze festzustellen.

Eine ähnliche gruppenweise Anordnung von Siedlungen lässt sich auch in Lettland beobachten. Eine Gruppe von Siedlungen findet sich in Nordlettland im Becken des Burtnieki-Sees, nämlich die Siedlungen Riņņukalns, Zvejnieki und Kaulēnkalns. Einer aus zahlreichen Siedlungen bestehenden Gruppe begegnen wir in Ostlettland im Becken des Sees Lubana und des Flusses Aiviekste, wo die Siedlungen Zvejnieki (am Virāne-See), Liezere, Ličagals, Ramslava und Iča bekannt sind. In Südostlettland wurden im Becken des Ludza-Sees eine Reihe von Siedlungen entdeckt, auch an den Ufern der Daugava und ihres linken Zuflusses, der Dviete, hat es Siedlungen gegeben. In Westlettland an der Westküste des Rigaischen Meerbusens ist in Purciems eine Gruppe von Siedlungen z. T. erforscht. Die übrigen westlettischen Siedlungen, Sārnate unweit der Stadt Liepāja, Lejas-Cīskas am Zebrus-See und Siliņupe unweit Rigas liegen bisher noch vereinzelt.

Die Hinterlassenschaften der zur Diskussion stehenden Perioden in der Litauischen SSR sind bisher noch sehr wenig erforscht. Dasselbe gilt auch von den der Estnischen SSR im Osten benachbarten Landstrichen, die zur Russischen SFSR gehören. Aus diesen Gebieten sind nur die Überreste einzelner neolithischer Siedlungen bekannt, es sind dort bisher auch noch keine umfassenden Grabungen durchgeführt worden.

In der Estnischen SSR sind die erhaltenen Teile der Siedlungen von Narva-Riigiküla I und II, Valma und Loona mehr oder minder vollständig freigelegt worden. In Lettland sind umfassendere Ausgrabungen nur auf dem Siedlungsplatz Sārnate ausgeführt worden, von den übrigen Wohnplätzen wurden bisher nur kleine Teile freigelegt. Trotzalldem lässt das vorhandene Material einige vorläufige Verallgemeinerungen über die erwähnten Siedlungen zu.

Wie aus dem bei den Ausgrabungen zu Tage gekommenen Fundstoff (vornehmlich Keramik) zu ersehen ist, haben die meisten Siedlungen während eines langen Zeitraumes bestanden. Einige von ihnen, z. B. Iča und Villa, können hinsichtlich der Dauer ihrer Existenz sogar mit den Wohnplätzen im Mündungsgebiet des Emajõgi wetteifern. Durch diesen Umstand wird der ständige und im wesentlichen sesshafte Charakter der jungsteinzeitlichen Besiedlung im estnischen und lettischen Gebiet bewiesen.

VI. Der Fundstoff

Das Fundinventar der Siedlungsplätze im Mündungsgebiet des Emajõgi besteht vornehmlich aus Keramik. In Akali sind ca 27 000 und in Kullamägi über 5 000 Scherben zutage gefördert worden. Steingeräte oder Bruchstücke davon gibt es über 1500 bzw. ca 300 Stück. Fast drei Viertel der Gesamtzahl der Steingeräte ist aus Feuerstein. Reichlich finden sich auf den Siedlungsplätzen auch die beim Bearbeiten des Feuersteins abgefallenen kleinen Splitter, während etwas grössere Stücke dieses Rohmaterials sehr selten sind. Folglich hat der Feuerstein den Bewohnern unserer Siedlungen nur in kleineren Stücken zur Verfügung gestanden und ist nur zur Anfertigung von Kleingeräten, wie Pfeil- und

Wurfspeerspitzen, Kratzern, Messern usw. verwendet worden. Grössere Geräte, darunter Beile und Meissel sind aus Schiefer verfertigt worden. Die Zahl der knöchernen und hörnernen Geräte beträgt 280, die aber meist nur in Bruchstücken erhalten sind. Die geringe Anzahl der Knochengeräte ist durch die schlechtere Haltbarkeit dieses Materials bedingt, weshalb alle knöchernen Gegenstände in Kullamägi und dem vom Fluss entfernten Teil von Akali fast völlig vergangen sind. Zweifellos hat es auch Arbeits- und Gebrauchsgeräte aus Holz gegeben, aber ausser einigen Pfahlenden, Flotten aus Kiefernborke und Röllchen von Birkenrinde hat sich von Holz nichts erhalten.

Die Keramik in Akali und Kullamägi ist von einer recht grossen Vielfalt und lässt sich in fünf deutlich voneinander unterscheidbare Gruppen einteilen: 1) die Narvakeramik, 2) die Kammkeramik, 3) die Textilkeramik, 4) die Schnurkeramik und 5) die Keramik der frühen Metallzeit. Die stratigraphische Lage dieser Gruppen ermöglicht es auch sie chronologisch voneinander zu unterscheiden und sowohl die örtliche Entwicklung der Keramik als auch das Aufkommen neuer Keramikstile in den Siedlungen während zweier Jahrtausende zu verfolgen.

Die Narvakeramik ist als älteste bisher bekannte Keramikart in Estland anzusprechen. Im Mündungsgebiet des Emajõgi findet sie sich nur auf dem Siedlungsplatz Akali. Diese Keramik ist primitiv (Taf. III : 9—11; IV; V), der Ton enthält zerstossene Muscheln und ist nur schwach gebrannt. Die Gefässe sind von einfacher, meist kesselähnlicher Form, haben einen runden oder spitzen Boden und einen Mündungsdurchmesser von 15—45 cm. Es finden sich auch Scherben von ovalen Schüsseln (Taf. V : 1). Die Verzierung ist spärlich, wie unausgebildet. Sie wird von in die Aussenfläche der Gefässe eingedrückten kleinen ungleichmässigen Grübchen, Kerben und Rillen gebildet, seltener finden sich Spuren eines kammartigen Stempels. Ein grosser Teil der Tongefässe ist gänzlich unverziert.

In Estland liegt ähnliche Tonware nur noch von den Siedlungsplätzen Narva-Riigiküla I und III und von der Siedlung in der Stadt Narva vor (Abb. 14, 15; Taf. III : 1—8). Es ist möglich, dass dieser Keramiktyp auch auf den Siedlungsplätzen Kroodi und Iča vorhanden ist. Gewisse übereinstimmende Züge lassen sich zwischen dieser Keramikart und einer späteren Stufe der auf den jungsteinzeitlichen Siedlungsplätzen des Leningrader Gebiets und Finnland vorkommenden sog. Sperringskeramik (nach A. Äyräpää Stil I : 2) nachweisen. Die Frage, wie die Narvakeramik entstanden ist und ob ihr ein noch älterer örtlicher Keramikstil voranging, ist noch nicht geklärt.

Den überwiegenden Teil der Tonware von Akali bildet die Kammkeramik. Reichlich kommt dieser Typ auch in Kullamägi vor. Auf Grund stratigraphischer Daten lassen sich in der Entwicklung der Kammkeramik an der Mündung des Emajõgi zwei Etappen unterscheiden, die Entsprechungen in vielen anderen jungsteinzeitlichen Siedlungen auf estnischem und lettischem Gebiet haben.

Auf der Frühstufe der Entwicklung der örtlichen Kammkeramik haben wir es mit der typischen Kammkeramik zu tun (Taf. VI—XVIII). Die Gefässe sind aus Ton verfertigt, dem zerstossener Steingrus beigemengt ist, und verhältnismässig hart gebrannt. Alle Gefässe sind von kesselförmiger Gestalt, aber von unterschiedlicher Grösse. Der Mündungsdurchmesser beträgt bei den grösseren Gefässen bis zu einem halben Meter. Die Verzierung ist in Kammstempeltechnik ausgeführt, daneben finden sich Grübchen. Die Verzierungen sind sehr genau und

sorgfältig eingedrückt. Für diesen Stil ist eine zonale Anordnung des Ornaments kennzeichnend, das oft geometrische Motive zeigt: aus Kammstempeleindrücken gebildete Rhomben, Dreiecke und Zickzacklinien. Die Verzierungen bedecken als horizontale Bänder die ganze Aussenseite eines Tongefässes.

Auf dem Siedlungsplatz Akali ist die typische Kammkeramik unmittelbar auf die Narvakeramik gefolgt, sie ist jedoch nicht aus der letzteren hervorgegangen, denn die Unterschiede zwischen den beiden Stilarten sind zu gross. Für die typische Kammkeramik aus Akali, besonders für ihre früheste Entwicklungsstufe finden sich die nächsten Parallelen im Ladogagebiet im südwestlichen Teil der Karelischen ASSR, auf den Siedlungsplätzen im Nordwesten des Leningrader Gebietes und in Südostfinnland, wo diese Keramik sehr reichlich vertreten ist. Die Vermutung liegt nahe, dass die typische Kammkeramik sich aus der Umgegend des Ladogasees oder den südlich davon gelegenen Gegenden in das estnische und lettische Gebiet ausgebreitet hat, wo sie sich an Ort und Stelle weiterentwickelte.

Als Ergebnis dieser Weiterentwicklung ist die späte Kammkeramik (Taf. XIX—XXII) anzusehen. Der Übergang von der typischen zur späten Kammkeramik hat sich allmählich vollzogen und lässt sich am Material der Siedlungsplätze an der Emajõgi-Mündung gut verfolgen. Form und Grösse der Gefässe sind im allgemeinen dieselben geblieben, Änderungen sind vornehmlich in der Zusammensetzung des Tones und in der Ornamentik festzustellen. Das Material der späten Kammkeramik ist zumeist von feinkörnigerer Beschaffenheit. In einigen Fällen ist der Ton aller Wahrscheinlichkeit nach mit irgendwelchen organischen Stoffen durchsetzt gewesen, die beim Brennen vergangen sind, was den Scherben eine porösere Beschaffenheit verliehen hat. Die zonale Struktur der Verzierung ist in Auflösung begriffen. Das Ornament ist nachlässig aufgetragen, seine Ausführung ermangelt der früheren Sorgfalt und Genauigkeit. Die Verzierung besteht nächst Eindrücken des Kammstempels in zunehmendem Masse in Grübchen, daneben auch in rillenförmigen und anderen Eindrücken. Der untere Teil der Gefässe ist häufig unverziert geblieben. Auf der späteren Entwicklungsstufe der Kammkeramik tritt die Strichelung der Oberflächen auf. Es kommen auch vereinzelt Gefässe mit flachem Boden vor.

Die Schnurkeramik tritt auf den Siedlungsplätzen der Emajõgi-Mündung im Endstadium der späten Kammkeramik in Erscheinung. Die frühe Schnurkeramik besteht aus mit feinem Sande vermischtem Ton; die Gefässe sind hartgebrannt, haben schmale, flache Böden und eine am Halse schwach nach innen geschweifte Wandung. Von Verzierungen finden sich auf dem Halse entweder Bänder aus schrägstehenden Rillen (sog. Tannenzweigornament) oder Schnureindrücke (Taf. XXVI). Somit unterscheidet sich die Schnurkeramik wesentlich von der Kammkeramik. Da sich in den Siedlungen unter den Funden der späten Kammkeramik nur wenige Scherben der frühen Schnurkeramik finden, kann es sich bei der letzteren nicht um lokale Erzeugnisse handeln. Schnurkeramik von demselben Typ ist aber in Gräbern der ostbaltischen Bootaxtkultur gefunden worden. Die in unseren Siedlungen gefundenen Schnurkeramik-Scherben sind daher ein Beweis für das Bestehen von Beziehungen zwischen den Bewohnern der genannten Siedlungen und den Stämmen der Bootaxtkultur.

Ungefähr um dieselbe Zeit, in der die Schnurkeramik in die Siedlungen an der Mündung des Emajõgi ihren Einzug hielt oder nur wenig später,

trat hier auch die Textilkeramik auf (Taf. XXIII—XXV). Die Gefässe haben gewöhnlich eine nach aussen gebauchte Wandung, einen abgeflachten Boden und einen niedrigen, ein wenig nach aussen vorstehenden Mündungsrand. Die Aussenfläche der Gefässe ist mit Eindrücken grober Textilgewebe bedeckt, während der Mündungsrand Eindrücke eines feinen Kammstempels zeigt. Ein ähnlicher Gefässtyp war in dieser Periode in den östlich von Estland gelegenen Teilen der Waldzone, so z. B. am Oberlauf der Wolga und in der Umgebung des Msta-Flusses recht verbreitet. Obgleich es sich bei der Textilkeramik in Akali und Kullamägi wesentlich um örtliche Erzeugnisse handelt, ist das Aufkommen dieses Keramiktyps durch östliche Beziehungen zu erklären.

Im Laufe der Zeit kam die Kammkeramik ausser Gebrauch. In den Siedlungen breitete sich jetzt massenweise die späte Schnurkeramik aus, neben der sich auch die Textilkeramik behauptete. Beiden Keramikgruppen ist dieselbe Zusammensetzung des Tones gemeinsam, auch sind die Gefässe einander in der Form ähnlich geworden. Für die späte Schnurkeramik (Taf. XXVII, XXVIII) ist ein flacher Boden und ein breiter, stark nach aussen vorkragender Rand charakteristisch, dessen Aussenkante häufig durch kleine Kerben verziert ist. Der Oberteil des Gefässes ist manchmal durch Schnureindrücke, häufiger aber durch horizontale, um das Gefäss verlaufende Rillen verziert. Statt der letzteren treten an manchen Gefässen winzige Grübchen auf. Der untere Teil der Gefässe ist mit Strichelung bedeckt. Häufig sind auf den Scherben der späten Schnurkeramik feine, scharf eingeritzte krumme Linien (Taf. XXVIII : 9, 10) zu finden, die auch bei Tongefässen mit Textileindrücken vorkommen.

So war in den erwähnten Siedlungen ein neuer Keramiktyp entstanden, bei dem Elemente der Schnur- und Textilkeramik vorherrschten, während sich von der Kammkeramik im Ornament einiger Gefässe nur mehr gewisse Reminiszenzen (Taf. XXIX, XXX) erhalten hatten. Die Weiterentwicklung dieser Keramik hat zur Herausbildung der Keramik der frühen Metallzeit geführt. Bei diesem Typ schwinden allmählich die den jungsteinzeitlichen Tongefässen eigentümlichen Züge. Die Keramik der frühen Metallzeit (Taf. XXXI—XXXIII, XXXIV : 1—4) besteht aus Ton, der mit grobem Steingrus durchsetzt ist. Die Gefässe sind bereits recht hart gebrannt. Für diese Keramik ist ein Topf mit flachem Boden und geradem oder leicht nach aussen geschweiftem Randteil charakteristisch. Der untere Teil der Gefässe ist an der Aussenfläche oft stark gestrichelt oder mit Eindrücken eines groben Textilgewebes bedeckt. Als Verzierung finden sich bisweilen Grübchen und Stempeleindrücke, die an den Kammstempel erinnern. Dieser Typ ist der auf estnischem Gebiet in befestigten Siedlungen und Steinkistengräbern angetroffenen Keramik sehr ähnlich. Für Akali und Kullamägi ist diese Keramikgruppe die jüngste und gehört in die Ausgangsperiode des Bestehens dieser Siedlungen.[1]

Die Jagd- und Fischereigeräte bilden im Inventar der Siedlungsplätze einen zahlenmässig recht unerheblichen Teil. Der Grund dafür ist darin zu suchen, dass ihr Verwendungsbereich meist ausserhalb der Siedlungen

---

[1] In beiden Siedlungen sind vereinzelt noch jüngere Tongefässscherben gefunden worden, die der zweiten Hälfte des 1. und dem Anfang des 2. Jahrtausends u. Z. entstammen, die aber nicht mehr von einer stetigen Besiedlung zeugen (Taf. XXXIV : 5, 6).

lag, weshalb ein grosser Teil der zerbrochenen oder verlorengegangenen Stücke nicht in die Kulturschicht geriet.

Von Pfeilspitzen liegen 92 Exemplare vor. Davon sind die meisten aus Feuerstein angefertigt und nur 7 aus Knochen. Unter den ersteren dominiert ein spitz-ovaler bis rhombischer Typ, der bei einigen mit einem sich jäh verjüngenden Stiel versehen ist (Abb. 16—18; 19 : 10—12); es kommen auch kleine dreieckige Pfeilspitzen mit gerader oder konkaver Basis vor (Abb. 19 : 1—5, 13). Unter den Pfeilspitzen aus Knochen treten weidenblattförmige und konische Formen auf (Abb. 20 : 1—3; Taf. XXXV : 3).

Von Speerspitzen liegt aus Kullamägi nur das Bruchstück eines breiten weidenblattförmigen Stückes aus Feuerstein vor (Abb. 19 : 8). Von derselben Form, nur bedeutend kleiner als das vorige Stück, sind vier Wurfspeerspitzen (Abb. 19 : 6, 7, 9). Eine andere Form weisen die Bruchstücke zweier Wurfspeerspitzen auf, die an beiden Seiten eine spitze Zinke besitzen und unten in einer geraden Basis enden (Abb. 19 : 14, 15). Wurfspeerspitzen aus Knochen gibt es zwei (Abb. 20 : 4; Taf. XXXV : 1). Ihrer Form nach ähneln sie den weidenblattförmigen Pfeilspitzen.

Von Harpunen- und Fischspeerspitzen haben sich nur Bruchstücke erhalten (Abb. 20 : 5—10; Taf. XXXV : 2). Die Harpunenspitzen sind ziemlich gross und stark, nur an einer Seite mit Widerhaken versehen und haben ein durchlochtes Stielende zum Befestigen der Leine. Von dieser Art gibt es 12 Exemplare. Die einzige bisher gefundene Fischspeerspitze hat kleine beiderseitige Widerhaken.

Von Angelgeräten sind drei Bruchstücke von Angelhaken aus Knochen erhalten, die aus je zwei zusammengebundenen Teilen bestanden haben (Abb. 20 : 11—13). Die Anwendung von Netzfanggeräten wird durch das Bruchstück einer Flotte aus Kieferrinde bewiesen, das in der Siedlung Akali zum Vorschein kam. Möglicherweise sind auch mehrere in der Kulturschicht desselben Siedlungsplatzes gefundene Röllchen von Birkenrinde mit Fischnetzen in Verbindung zu bringen.

In grosser Anzahl sind auf unseren Siedlungsplätzen verschiedene Werkzeuge zur Bearbeitung von Rohstoffen zum Vorschein gekommen; die Mehrzahl hat bei der Bearbeitung von Holz und Tierfellen Verwendung gefunden, während andere Werkzeuge, wie z. B. Geräte zum Bearbeiten von Knochen oder Stein, spärlich vertreten sind.

Die Steinbeile sind ihrer Form nach einfach, mit abgerundeten Kanten. Die meisten, vier an der Zahl, haben kein Schaftloch (Abb. 21 : 4; 22; 24 : 3). Aus Kullamägi stammen zwei Bruchstücke von Schaftlochäxten (Abb. 21 : 1, 2). Steinmeissel gibt es insgesamt über ein halbes Hundert. Es sind im allgemeinen kleine, z. T. sogar winzige Stücke der verschiedensten Formen (Abb. 23—29). Ein grosser Teil der Meissel ist aus Schiefer angefertigt. Als Sonderformen seien 4 Hohlmeissel (Abb. 30 : 1—3) und 6 Krummeissel (Abb. 30 : 4—9) erwähnt.

Neben Steinmeisseln finden sich unter dem Fundinventar auch Meissel aus Horn (5 Exemplare, Abb. 31 : 1, 2) und Knochen (8 Exemplare, Abb. 33 : 1—5, 7; 34). Es ist anzunehmen, dass diese Geräte nicht nur zur Bearbeitung des Holzes als vielmehr zum Abschälen der Baumrinde und zur Anfertigung von Gegenständen aus Borke angewandt wurden. Die Hornmeissel mögen auch beim Abziehen des Fells der erbeuteten Tiere sowie bei manchen anderen Arbeiten Dienste geleistet haben.

Von Knochenpfriemen sind ungefähr 40 Stück gefunden (Abb. 31 :3; 32; 35; Taf. XXXV : 4), während von Knochennadeln sich nur einige Bruchstücke erhalten haben (Abb. 36 : 5, 8). Ein Teil der Knochengeräte scheint

bei verschiedenen Flechtarbeiten Verwendung gefunden zu haben, so z B. beim Flechten von Bedarfsgegenständen aus Bast und Ruten (Abb. 36 : 1—4), ein anderer wiederum bei der Herstellung von Fischnetzen (Abb. 36 : 6, 7; 37).

Verhältnismässig häufig sind auf den Siedlungsplätzen Akali und Kullamägi kleine Feuersteingeräte anzutreffen: Kratzer (mehr als 500 Exemplare, Abb. 38—41), Messer (ca 285 Stück, Abb. 42—45), Bohrer (ca 115 Stück, Abb. 46, 47) und Stichel (ca 65 Stück, Abb. 48, 49, 50 : 1—5, 8). Das Vorkommen von Feuersteinknollen und -splittern zeugt von der Verarbeitung dieses Rohmaterials an Ort und Stelle, obwohl es von weitem eingeführt wurde.

Die anfängliche Bearbeitung des kristallinen Gesteins bestand im Behauen mittels Schlagsteinen (Abb. 53 : 2; 54; 55 : 1—3) mit Hilfe von Ambosssteinen (Abb. 55 : 4, 5). Ihre endgültige Form erhielten diese Geräte durch Schleifen. Auf den Siedlungsplätzen sind insgesamt wohl einige hundert Bruchstücke von Schleifsteinen gefunden worden (Abb. 51—53). Die überwiegende Zahl dieser Bruchstücke stammt von grossen auf dem Erdboden gelegenen Schleifsteinen. Ein anderer Teil der Schleifsteine gehört zu kleinen, viereckigen Wetzsteinen (Abb. 52 : 2, 3; 53 : 1, 3).

Ausser den genannten Geräten sind in den Siedlungen noch verschiedene andere Werkzeuge und Gebrauchsgegenstände zum Vorschein gekommen: Griffe aus Horn und Knochen für kleinere Geräte (Abb. 58 : 2, 3), die Hälfte eines schweren Steinhammers (Abb. 57), eine aus einer Knochenplatte geschnitzte Gürtelschnalle (Taf. XXXV : 5) usw. Bei einigen Rundsteinen erhebt sich die Frage, ob sie nicht als Mahlsteine zum Zerkleinern von Getreidekörnern gedient haben (Abb. 56 : 1).

Zu den Kultgegenständen gehört eine kleine Anzahl von Bruchstücken winziger Skulpturen und eine Menge verschiedenartigster Anhänger. Die Tonfiguren sind Darstellungen von stehenden Menschen und von äusserst schematischer Art (Abb. 59 : 1—4). Da die Skulpturen nur schwach gebrannt sind, ist anzunehmen, dass sie nicht zu längerem Gebrauch bestimmt waren. Dagegen sind ein Vogelkopf aus Bernstein (Abb. 59 : 5) und das Bruchstück eines knöchernen Tierkopfes (Abb. 59 : 7) realistisch dargestellt und mit grossem Sachverständnis gearbeitet. Ihre feingeschliffene Oberfläche lässt auf einen längeren Gebrauch dieser kleinen Figur schliessen.

Unter den Anhängern finden sich in grosser Anzahl aus Bernstein gefertigte Gegenstände (Abb. 59 : 5; 60; 61; Taf. XXXV : 6, 7). Von 58 gefundenen Bernsteinstücken sind viele plattenförmig und mit einem Bohrloch versehen. Auch Bernsteinringe und -Knöpfe mit einem V-förmigen Bohrloch und Röhrenperlen (Abb. 61 : 4—10) aus demselben Material kommen vor. Einige Bernsteinstücke sind unbearbeitet.

Anhänger sind auch aus dünnen Stein- und Knochenplättchen (Abb. 62), besonders häufig aber aus Tierzähnen hergestellt worden. Durch seine Grösse (Durchmesser 12,5 cm, Abb. 62 : 4) fällt das Bruchstück eines Schieferringes auf.

VII. Chronologie

Auf Grund der Entwicklung der materiellen Kultur, insbesondere der Keramik, kann man die Besiedlung des Mündungsgebiets des Emajõgi in 5 aufeinanderfolgende Stufen einteilen. Die relative Aufeinanderfolge dieser Stufen ist an Hand der stratigraphischen Fundverhältnisse des

Materials zu verfolgen. Ihr absolutes Alter lässt sich vorerst jedoch nur in grossen Zügen festlegen, wobei Parallelen auf angrenzenden Gebieten heranzuziehen sind. (Abb. 63).

Die erste Stufe (erste Hälfte oder Mitte des 3. Jahrtausends v.u.Z.) ist in der Siedlung Akali durch die Narvakeramik vertreten. In dieselbe Stufe lassen sich auch die Hornmeissel, die konischen und die blattförmigen Pfeilspitzen aus Knochen, einige Harpunenspitzen, die Knochenpfrieme, die Hornspitzen und die Kleingeräte aus Feuerstein einordnen. Damals war erst die dem Fluss am nächsten liegende Zone des Siedlungsplatzes Akali bewohnt. Der Kullamägi war noch unbesiedelt.

Den Beginn der 2. Stufe (zweite Hälfte des 3. Jahrtausends v. u. Z.) bezeichnet das Aufkommen der Kammkeramik auf der Siedlung Akali. Nächst den vorstehend erwähnten Gerätetypen kamen jetzt Pfeilspitzen aus Feuerstein von spitzovaler Form, blattförmige Speerspitzen aus Feuerstein, schlanke knöcherne Speerspitzen, Angelhaken, schmale Knochenmeissel und verschiedene Arten von Steinmeisseln in Gebrauch. Zu dieser Stufe gehört auch ein Teil der Schmuckstücke aus Bernstein und der Kleinfiguren. Das Gebiet des Siedlungsplatzes Akali ist während dieser Stufe fast das gleiche geblieben, es ist nur um ein geringes den Hang der Anhöhe hinaufgerückt. Der Kullamägi wurde zu Ende des in Rede stehenden Zeitabschnittes besiedelt, doch anfangs anscheinend nur vorübergehend.

Die dritte Stufe (erste Hälfte des 2. Jahrstausends v. u. Z.) fällt mit der jüngeren Entwicklungsphase der Kammkeramik zusammen. Am Ende dieser Stufe finden wir die frühe Schnurkeramik im Mündungsgebiet des Emajõgi und nur wenig später die frühe Textilkeramik. Die Geräte besitzen im allgemeinen die selben Formen, die ihnen auf der vorigen Stufe eigen waren. Unter den Pfeilspitzen aus Feuerstein finden sich nun verhältnismässig öfter solche von rhombischer Form. Auch die einfachen Beile, die zweifellos wohl schon früher bekannt waren, sind der dritten Stufe zuzurechnen. Die Zahl der Bernsteingegenstände hat sich noch etwas vergrössert. Das Gebiet der Siedlung Akali ist fast das gleiche geblieben, doch zeigt es eine gewisse Tendenz zur Ausbreitung. Während der dritten Stufe ist der Kullamägi aufs neue besiedelt worden, wobei das Areal der dortigen Siedlung nun erheblich grösser ist als in der vorigen Stufe.

Kennzeichnend für die vierte Stufe (zweite Hälfte des 2. Jahrtausends v. u. Z.) ist das Verschwinden der Kammkeramik, an deren Stelle jüngere Keramikarten — die späte Schnurkeramik und die mit ihr parallel auftretende Textilkeramik treten. Beide Keramiktypen sind im Begriff, miteinander zu verschmelzen und in die Keramik der frühen Metallzeit überzugehen. Knochengeräte haben sich aus dieser Stufe nicht erhalten. Die Pfeilspitzen aus Feuerstein zeigen zum Teil noch die rhombische Form, daneben finden sich auch dreieckige und lanzettförmige Spitzen und solche mit konkaver Basis. Es kommen Wurfspeerspitzen mit gerader Basis und seitlichen Zinken auf. Unter den Steinbeilen finden sich nun auch solche mit Schaftloch, unter den Steinmeisseln vierkantige mit gerader Schneide. Die Vermutung liegt nahe, dass auf dieser Stufe auch die ersten Bronzegeräte im Mündungsgebiet des Emajõgi ihren Einzug hielten. Die Einfuhr von Bernstein dagegen scheint nun beinahe vollständig aufgehört zu haben. Das Gebiet der Siedlung Akali ist während dieser Stufe plötzlich ziemlich weit vom Fluss verlagert worden. Auch die Siedlung Kullamägi hat sich um ein weniges dem Gipfel der Anhöhe genähert.

Die Keramik der fünften Stufe (erste Hälfte des 1. Jahrtausends v. u. Z.) entspricht schon völlig derjenigen der frühen Metallzeit; das

übrige Sachmaterial dieser Stufe ist aber noch unzulänglich bekannt. Es sind einige Pfeilspitzen aus Feuerstein in Gebrauch gewesen, ferner Kratzer, Messer und anderes Kleingerät sowie ein kleiner Steinmeissel mit viereckigem Querschnitt. Dieser Stufe gehören auch einige Rundsteine an, die vielleicht zur Zerkleinerung von Getreidekörnern gedient haben. Die Abnahme von Steingeräten, eine Erscheinung, die sich in geringerem Umfang schon in der vorhergehenden Stufe bemerkbar macht, steht aller Wahrscheinlichkeit nach in Verbindung mit dem Aufkommen von Metallgeräten. Beide Siedlungsplätze, sowohl der von Akali als auch der von Kullamägi, sind den Hang der Anhöhe weiter hinaufgerückt.

Der Fundstoff der Siedlungsplätze in der Emajõgi-Mündung besitzt in grosser Zahl Entsprechungen in Siedlungen aus denselben Zeitabschnitten auf benachbartem Gebiet, hauptsächlich in der Estnischen und Lettischen SSR. Dieser Umstand beweist, dass die Entwicklung der materiellen Kultur sich auf diesen Gebieten allgemein unter denselben Bedingungen und in derselben Richtung vollzogen hat. Obwohl sich auch einige örtliche Sonderzüge nicht verleugnen lassen, die vornehmlich auf den späteren Stufen in Erscheinung treten, ist das chronologische Schema der Besiedlung des Mündungsgebietes des Emajõgi in grossen Zügen auch auf die der Siedlungen der Jungsteinzeit und frühen Metallzeit im übrigen Estland und in Lettland anwendbar. Die Tabelle S. 304 stellt einen Versuch der Anwendung des Schemas dar.

VIII. Wirtschaft und Gesellschaft

Die materielle Kultur der beschriebenen Siedlungen ist charakteristisch für Gemeinschaften, die sich von Jagd und Fischfang (sowie dem Sammeln pflanzlicher Nahrung) ernährten. Der Fischfang wurde damals ohne Zweifel vornehmlich mit Sperren, Netzen und anderen eine kollektive Arbeitsteilung voraussetzenden Fanggeräten betrieben, während die individuellen Fangweisen mittels Fischspeeren und Angeln offenbar eine sekundäre Bedeutung besassen. Bei der Jagd spielten neben Speeren, Harpunen, Bogen und Pfeilen wahrscheinlich auch verschiedene Fallen und Schlingen eine wichtige Rolle. In den früheren Perioden des Bestehens der Siedlungen scheint es ausser dem Hunde keine anderen Haustiere gegeben zu haben.

Während der beiden letzten Zeitstufen wird die materielle Kultur der genannten Siedlungen um einige Züge bereichert, die für die frühe Metallzeit kennzeichnend sind. Das Neue äusserte sich in einem neuen Keramiktypus, in der Abnahme von Steingeräten und dem Aufkommen vermutlich von Bronzegegenständen. Seit der 4. Stufe ist eine verhältnismässig schnelle Verlagerung der Siedlungsplätze vom Fluss landeinwärts zu verfolgen. Es ist möglich, dass diese Veränderungen mit den ersten Ansätzen der Viehzucht und des Ackerbaues in den erwähnten Siedlungen in Verbindung stehen, besonders, wenn man berücksichtigt, dass diese Erwerbszweige sich während der genannten Periode auch in den übrigen Teilen des Ostbaltikums auszubreiten begannen. Eine gewisse Bestätigung findet diese Vermutung durch Knochenfunde des Hausschafes in der Kulturschicht von Akali in der 4. Stufe, möglicherweise aber schon am Ende der 3. Stufe; vielleicht zeugen davon auch die Mahlsteine in den jüngeren Teilen der Kulturschicht.

Es besteht kein Zweifel darüber, dass die Bewohner der beiden behandelten Siedlungen in Gentilverbänden lebten. Wenn man ihre territoriale

Nähe und die Ähnlichkeit ihres Fundinventars in Betracht zieht, scheint es wahrscheinlich, dass beide Siedlungen von derselben Gens bewohnt wurden, wobei die Bewohnerschaft der Siedlung Kullamägi aus Akali zugewandert sein dürfte, wo die Bevölkerung bereits so stark angewachsen war, dass sie als Produktionseinheit nicht mehr fortzubestehen vermochte.

Die Bewohner der Siedlungen im Mündungsgebiet des Emajõgi haben mit den Nachbargemeinschaften in Verkehr gestanden. Auf Tauschbeziehungen weisen solche Rohstoffe hin, die es in der näheren Umgebung nicht gab, wie z. B. Feuerstein, der wahrscheinlich als Einfuhrgut von den Waldaihöhen anzusehen ist, z. T. vielleicht auch aus litauischem Gebiet stammt, Schiefer, der aus Finnland oder Karelien importiert sein könnte, und Bernstein, der auf Verbindungen mit südwestlich gelegenen Gebieten hinweist. Während der letzten Zeitstufen sind auch Bronzegeräte auf dem Tauschwege hierher gelangt. Dass die Bewohner der erwähnten Siedlungen auch zu den viehzuchttreibenden Stämmen der Bootaxtkultur Beziehungen unterhielten, wird durch das Vorhandensein von Schnurkeramik bewiesen. Aller Wahrscheinlichkeit nach ist es während der vierten Stufe auch zu einer Verschmelzung zwischen den Stämmen der kammkeramischen Kultur mit denen der Bootaxtkultur gekommen, denn aus dieser Zeit stammen die ersten Ansätze der Anfertigung der späten Schnurkeramik an Ort und Stelle.

IX. Zur Frage nach der ethnischen Zugehörigkeit der Bevölkerung

Beim gegenwärtigen Stande der Forschung ist man in der Frage nach der völkischen Zugehörigkeit der jungsteinzeitlichen Bevölkerung in Estland über blosse Vermutungen nicht hinausgekommen.

Im Mesolithikum ist das Ostbaltikum augenscheinlich aus zwei Richtungen, von Süden und von Osten aus besiedelt worden. Obgleich das archäologische Material der dieser Periode angehörigen Kundakultur (Abb. 64) von der Südostküste der Ostsee bis Finnland ziemlich gleichartig ist, ist es durchaus nicht sicher, inwiefern man bei den Stämmen dieser Kultur eine völkische Einheitlichkeit voraussetzen darf.

Seit dem Neolithikum ermöglicht das Aufkommen der Keramik mehr oder minder sichere Schlüsse über die ethnischen Zusammenhänge. Im frühen Neolithikum war in Südfinnland und im Ladogagebiet die Sperringskeramik verbreitet, südlich des Finnischen Meerbusens jedoch die Narvakeramik (Abb. 65). Die erwähnten Keramiktypen scheinen auf Beziehungen zur jungsteinzeitlichen Keramik des Kama-Beckens und Urals hinzuweisen.

Die typische Kammkeramik, die sich im Ostbaltikum, in Finnland und in den benachbarten östlichen Gebieten verbreitete, ist recht gleichartig (Abb. 66). Es ist wahrscheinlich, dass die Verbreitung dieser Keramik mit einer Ausbreitung einander völkisch nahestehenden verwandter Stämme von einem enger begrenzten Gebiet aus zusammenhängt. Auf Grund der für dieses Gebiet seit der Kultur der typischen Kammkeramik feststellbaren Siedlungsstetigkeit und der relativ ununterbrochenen Entwicklung der materiellen Kultur bis zum Erscheinen der ersten schriftlichen Quellen ist anzunehmen, dass die örtliche kammkeramische Kultur ursprünglich eine Kultur früher ostseefinnischer Stämme gewesen ist. Die Entstehung gewisser lokal begrenzter Eigentümlichkeiten in der späte-

ren Kammkeramik dürfte die allmähliche Aufspaltung der ostseefinnischen Stammesgemeinschaft in kleinere Gruppen widerspiegeln (Abb. 67).

Die zu Beginn des 2. Jahrtausends ins Ostbaltikum eingedrungene Bootaxtkultur steht mit Bevölkerungselementen in Verbindung, die sich von den Stämmen der kammkeramischen Kultur in ethnischer Hinsicht zweifellos unterschieden. Als Träger der ersteren Kultur sind wahrscheinlich frühe baltische Stämme anzunehmen. Beide Kulturen haben im Laufe mehrerer Jahrhunderte nebeneinander bestanden (Abb. 68), bis es endlich zu einer Verschmelzung gekommen ist. Eine Vermischung hat aller Wahrscheinlichkeit nach auch in den Siedlungen im Mündungsgebiet des Emajõgi stattgefunden. In Estland und im nordlettischen Gebiet (auch in Südwestfinnland) sind die baltischen Stämme in den Ostseefinnen aufgegangen, während letztere im Süden Lettlands und in Litauen von den baltischen Stämmen assimiliert wurden.

Das Erscheinen der frühen Textilkeramik im Ostbaltikum weist auf anhaltende Beziehungen zu den Stämmen der östlichen Gebiete hin. Die Frage, ob eine Zuwanderung von Osten in unser Gebiet erfolgt ist und wieweit die Entwicklung der hiesigen ethnischen Verhältnisse dadurch beeinflusst worden ist, ist aber noch nicht geklärt.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. Госполитиздат, 1953.

Аристэ П. А., Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 5—27.

Арциховский А. В., Основные вопросы археологии Москвы. МИА 7, М.—Л., 1947, стр. 7—22.

Бадер О. Н., Древние городища на Верхней Волге. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 90—132.

Бадер О. Н., Неолитические поселения Петровских озер. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 26—54.

Бадер О. Н., Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА 22, М., 1951, стр. 14—32.

Бадер О. Н., Фатьяновские могильники Северного Подмосковья. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 70—89.

Бибиков С. Н., Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА 38, М.—Л., 1953.

Брюсов А. Я., Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК X, М.—Л., 1941, стр. 99—108.

Брюсов А. Я., История древней Карелии. Труды ГИМ IX, М., 1940.

Брюсов А. Я., К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. КСИИМК XLIX, М., 1953, стр. 8—12.

Брюсов, Очерки по истории племен = Брюсов А. Я., Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне = Брюсов А. Я., Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чернозерском районе Вологодской области. МИА 20, М.—Л., 1951, стр. 7—76.

Брюсов А. Я., «Сетчатая» керамика. СА XIV, М.—Л., 1950, стр. 287—305.

Ванкина Л. В., Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 138—152.

Вассар А. К., Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 113—137.

Веллесте Л., Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 135—140.

Воеводский М. В., К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА I, М.—Л., 1936, стр. 51—77.

Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей под редакцией Х. А. Моора. Таллин, 1956.

Гуревич Ф. Д., Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 13—23.

Гурина, Археол. исслед. на северо-западе = Гурина Н. Н., Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР. КСИИМК XLIX, М., 1953, стр. 65—77.

Гурина Н. Н., Валдайская неолитическая культура. Советская археология, 1958, № 3, М., 1958, стр. 31—45.

Гурина, Новые неолит. памятники в Вост. Эстонии = Гурина Н. Н., Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 153—175.

Гурина, Поселения на Онежском оз. = Гурина Н. Н., Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА 20, М.—Л., 1951, стр. 77—142.

Гурина, Результ. археол. обсл. р. Мсты = Гурина Н. Н., Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. СА XIII, М.—Л., 1950, стр. 292—310.

Десять лет Академии наук Эстонской ССР (1946—1956). Таллин, 1956.

Дмитриев П. А., Шигирская культура на восточном склоне Урала. (Из архива П. А. Дмитриева). МИА 21, М., 1951, стр. 28—93.

Древние поселения и городища = Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik I. Древние поселения и городища. Археологический сборник I. Таллин, 1955.

ЗОРСА = Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, том V, вып. 1, СПб., 1903.

Зуев В. Ф., Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.—Л., 1947.

Зутис Я., Очерки по историографии Латвии. Часть I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

Известия АН ЭССР = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин, 1952 —.

Иностранцев, Доисторический человек = Иностранцев А. А., Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Кириков С. В., Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX веках. Известия Академии наук СССР, серия географическая, 1952, № 6, стр. 31—48.

Косвен М. О., Переход от матриархата к патриархату. Сборник «Родовое общество». Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, том XIV, М., 1951, стр. 67—94.

Крижевская Л. Я., Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 55—69.

Крижевская Л. Я., Неолитические памятники Валдайского Приозерья. Автореферат диссертации. Л., 1949.

КСИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.—Л., 1939—.

Куликаускас П. З., Изучение археологических памятников Литовской ССР в 1948—1950 годах. Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики 1951 год. М., 1951.

Лисицына Г. Н., К вопросу об аллероде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда. Советская археология, 1958, № 3, М., 1958, стр. 90—96.

Марк К. Ю., Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 219—242.

Марк К. Ю., Палеоантропология Эстонской ССР. Балтийский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, том XXXII, М., 1956, стр. 170—228.

Материалы по археологии восточных губерний России, вып. 1, М., 1893.

МИА = Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1940—.

Моора Г., Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК X, М., 1941, стр. 89—94.

Моора Х. А., Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 49—141.

Моора Х. А., Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР XII, М., 1950, стр. 29—37.

Моора Х. А., Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 24—39.

Моора Х. А., О древней территории расселения балтийских племен. Советская археология, 1958, № 2, М., 1958, стр. 9—33.

Моора, Памятники поздн. неолита в Приб. = Моора Х. А., Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК XLVIII, М., 1952, стр. 3—24.

Окладников А. П., Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. (К вопросу о происхождении самодийских племен). Советская археология, 1957, № 1, стр. 26—55.

Палікарповіч К. М., Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. (Па досьледах 1926 г.). Інстытут Беларускае Культуры. Запіскі Аддзелу Гуманітарных Навук, кніга 5. Працы Катэдры Археолёгіі, том I, Менск, 1928, стр. 123—252.

Палікарповіч К. М., Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледаваньня 1927 г. Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі Аддзелу Гуманітарных Навук, кніга II. Працы Археолёгічнай Камісіі, том II, Менск, 1930, стр. 383—478.

Раушенбах В. М., Керамика шигирской культуры. КСИИМК XLIII, М., 1952, стр. 55—68.

Раушенбах В. М., Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ 29, М., 1956.

Рерих Н. К., Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, том V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 22—26.

СА = Советская археология. М.—Л., 1936—.

Смирнов В. И., Говядиновский могильник. СА IX, М.—Л., 1947, стр. 213—220.

Спицын А., Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, том V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 239—277.

Спицын А. А., Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, том V, вып. 1, СПб, 1903, стр. 77—93.

Станкевич Я. В., Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 95—112.

Тараканова С. А., Изучение этнической истории народов Прибалтики. Вестник Академии наук СССР, 1955, № 8, стр. 99—101.

Третьяков П. Н., Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА IX, М.—Л., 1947, стр. 61—78.

Третьяков, К истории докл. общ. Верхн. Поволжья = Третьяков П. Н., К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Сборник «Из истории родового общества на территории СССР». Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 97—180.

Третьяков, К истории племен Верхн. Поволжья = Третьяков П. Н., К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА 5, М.—Л., 1941.

Труды ГИМ = Труды Государственного исторического музея. М., 1926—.

Федоров Г., За передовую советскую археологию Прибалтики. Вестник древней истории, 1950, № 1, стр. 221—226.

Федоров Г. Б., Сессия Института истории материальной культуры АН СССР, посвященная археологии Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 3—12.

Формозов А. А., Древние историко-этнографические области Европейской части СССР. Советская этнография, 1958, № 5, М., 1958, стр. 17—30.

Формозов А. А., Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА XXI, М.—Л., 1954, стр. 38—51.

Фосс М. Е., Древние поселения в Веретье. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 115—135.

Фосс, Древнейшая история Севера = Фосс М. Е., Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА 29, М., 1952.

Фосс М. Е., Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК XVII, М.—Л., 1947, стр. 63—69.

Фосс М. Е., Погребения на стоянке Кубенино. Труды ГИМ VIII, М., 1938, стр. 73—91.

Фосс М. Е., Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК XX, М.—Л., 1948, стр. 58—66.

Фосс М. Е., Стоянка Веретье. Труды ГИМ XII, М., 1941, стр. 21—70.

Фосс М. Е., Стоянка Кубенино. СА V, М.—Л., 1940, стр. 31—64.

Харузин Н., Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. Временник Эстляндской губернии. Труды Эстляндского губернского статистического комитета, том IX, книга I, Ревель, 1894, стр. 86—236.

Чернецов В. Н., Древняя история Нижнего Приобья. МИА 35, М., 1953, стр. 7—71.

Шмидехельм М. Х., Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955.

Янитс, Неолит. стоянки = Янитс Л. Ю., Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК 54, М., 1954, стр. 3—23.

Янитс, Новые данные = Янитс Л. И., Новые данные по неолиту Прибалтики. СА XIX, М., 1954, стр. 159—204.

Янитс, Поздненеолит. могильники = Янитс Л., Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 53—65.

AA = Acta Archaeologica. København 1930 —.

Ailio, J., Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I, II. Helsingfors 1909.

Ailio, J., Zwei Tierskulpturen. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 257—281.

Antoniewicz, W., Archeologja Polski. Zarys czasów przedhistorycznych i wczesnodziejowych ziem Polski. Warszawa 1928.

Ariste, P., Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik nr. 38, Tallinn 1955, стр. 193—203.

Bahder, O., Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA 59 : 1, Helsinki 1957.

Bernotaitė, A., Versminio upelio I (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovykla. Iš lietovių kultūros istorijos I. Vilnius 1958, стр. 5—19, 289—290.

Bezzenberger, A., Ein masurisches Steinzeitgrab. Mannus X (1918), Leipzig, Würzburg 1919, стр. 10—14.

Bolz, M., Das neolithische Gräberfeld von Kiwisaare in Livland. Балтийский сборник исследований по археологии и истории. Труды Балтийского Предварительного комитета по устройству XVI Археологического съезда в Пскове 1914 г., Рига, 1914, стр. 15—32.

Bolz, M., Neolithische Steingeräte aus dem Pernau-Fellinschen Kreise und dessen Umgebung. Sb. Pernau VII, Pernau 1914, стр. I—CXVI.

Cederhvarf, B., Neolitiska lerfigurer från Åland. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 307—323.

Childe, V. G., The Dawn of European Civilization. Third Edition. London 1939.

Chmielewska, M., Grób kultury tardenoaskiej w Janisławicach, pow. Skierniewice. Wiadomości Archeologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 23—48.

Congressus Secundus = Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Acta Universitatis Latviensis. Philologorum et Philosophorum ordinis series, tomus I, supplementum I, Rigae 1931.

Ebert, Die baltischen Provinzen = Ebert, M., Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland 1913. Praehistorische Zeitschrift V, Leipzig 1913, стр. 498—559.
Ebert, Reallexicon = Ebert, M., Reallexicon der Vorgeschichte I—XV. Berlin 1924—1932.
Eesti ajalugu I. Tegevtoimetaja H. Moora. Peatoimetaja H. Kruus. Tartu 1935.
Ehrlich, B., Succase. Eine Siedlung der jungsteinzeitlichen Schnurkeramiker im Kreise Elbing. Elbinger Jahrbuch 12/13, Elbing 1936, стр. 41—98.
Engel, Altpreuss. Stämme = Engel, C., Vorgeschichte der altpreussischen Stämme I. Königsberg Pr. 1935.
Europaeus, A. — см. Äyräpää, A.
FM = Finskt Museum. Helsingfors 1894 —.
Gaerte, Keramik = Gaerte, W., Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg Pr. 1927.
Gardawski, A., Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Łubna, pow. Sieradz. Wiadomości Archeologiczne XVIII : 1—2, Warszawa 1951, стр. 1—84.
Gardawski, A., Wyniki prac wykopaliskowych przeprowadzonych w 1952 roku w miejscowości Trzciniec, pow. Pulawy. Wiadomości Arheologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 369—396.
Ginters, V., Die Steinkistenhügelgräber von Bu]]u muiža. Congressus Secundus. Rigae 1931, стр. 423—436.
Glück, E., Ueber neolithische Funde in der Pernau und die Urbewohner der Pernau-Gegend. Sb. Pernau IV, Pernau 1906, стр. 259—318.
Grewingk, C., Archäologische Ausflüge in Liv- und Estland. Sb. GEG 1886, Dorpat 1887, стр. 153—177.
Grewingk, C., Archaeologische Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Erläuterungen zur Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Verh. GEG XII, Dorpat 1884, стр. 89—133.
Grewingk, C., Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften GEG № 4, Dorpat 1865.
Grewingk, C., Die neolithischen Bewohner von Kunda in Estland und deren Nachbarn. Verh. GEG XII, Dorpat 1884, стр. 1—88.
Grewingk, C., Geologie und Archaeologie des Mergellagers von Kunda in Estland. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, I Serie IX : 1, Dorpat 1882.
Grewingk, C., Zur Archäologie des Balticum und Russlands I, II. Archiv für Anthropologie VII, X, Braunschweig 1874, 1877.
Grewingk, C., Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Verh. GEG VII : 1, Dorpat 1871, стр. 1—56.
Gross, H., Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. Prussia, Bd. 33., H. 1—2, Königsberg i. Pr. 1939, стр. 100—168.
Hausmann, R., Das Steinzeitgrab von Karlowa bei Dorpat. Sb. GEG 1911, Jurjew-Dorpat 1912, стр. 60—66.
Hausmann, R., Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland. Dorpat 1910.
Hausmann, R., Ueber Gräber aus der Steinzeit im Ostbaltikum: Grabfunde in Woisek und Kölljal. Sb. GEG 1903, Jurjew 1904, стр. 71—81.
Hausmann, R., Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908, Riga 1909, стр. 1—52.
Indreko, R., Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused. Tartu 1939, стр. 17—52.
Indreko, Die mittlere Steinzeit = Indreko, R., Die mittlere Steinzeit in Estland. KVHAA Handlingar, del 66, Stockholm 1948.

Indreko, R., Ein Hockergrab in Ardu, Ksp. Kose. Litterarum Societas Esthonica 1838—1938 Liber Saecularis. ÕES Toimetused XXX, Tartu 1938, стр. 185—200.
Indreko, R., Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. ÕESA 1934, Tartu 1936, стр. 225—298.
Jaanits, L., Neoliitilised asulad Eesti NSV territooriumil. Сборник «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 176—201.
Jaanits, Neue Gräberfunde = Jaanits, L., Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää 21. 10. 1957. SMYA 58, Helsinki 1957, стр. 80—100.
Jażdżewski, K., Kultura Puharów Lejkowatych w Polsce Zahodniej i Środkowej. Bibljoteka Prehistoryczna 2, Poznań 1936.
Jung, J., Muinasaja teadus Eestlaste maalt. I. Üleüldine muinasaja kirjeldus. Jurjew 1899. II. Kohalised muinasaja kirjeldused Liivimaalt, Pernu ja Viljandi maakonnast. Jurjew 1898. III. Kohalised muinasaja kirjeldused Tallinnamaalt. Tallinn 1910.
Kilian, Haffküstenkultur = Kilian, L., Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn 1955.
Kilian, L., Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen. Alt-Preussen, 3. Jg., Königsberg Pr. 1938, стр. 85—87.
Kivikoski, E., Paimion Rukkijoen vasarakirveshauta. SM XLI, 1934, Helsinki 1935, стр. 34—40.
Klebs, R., Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Beiträge zur Naturkunde Preussens 5, Königsberg 1882.
Kostrzewski, J., Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste. Congressus Secundus. Rigae 1931, стр. 55—64.
KVHAA Handlingar = Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 36 : 3; 66, Stockholm 1927, 1948.
Laitakari, A., Die Schaftlochäxte der Steinzeit von geologisch-petrographischem Standpunkt. SMYA XXXVII : 1, Helsinki 1928.
Latviešu kultūra senatnē. Rīgā 1937.
Lindberg, H., Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplatz bei Korpilahti, Kirchspiel Antrea, Län Viborg. SMYA XXVIII : 3, Helsinki 1920.
Luho, V., Die Askola-Kultur. Die frühmesolithische Steinzeit in Finnland. SMYA 57 : 1, Helsinki 1956.
Meinander, C. F., Die Bronzezeit in Finnland. SMYA 54, Helsinki 1954.
Meinander, Kiukaiskultur = Meinander, C. F., Die Kiukaiskultur. SMYA 53, Helsinki 1954.
Meinander, C. F., Var bodde urfinnarna? Nordenskiöld-samfundets tidskrift, 1954, стр. 79—87.
Moora, H., Die Vorzeit Estlands. Tartu 1932.
Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta = Moora, H., Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952.
Moora, H., Saaremaa muinasaeg. Tartu 1933.
Moora, H., Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. SMYA 59 : 3, Helsinki 1958.
Moucha, V., Příspěvek k časovému zařazení eneolitických pasových zápon. Archeologické Rozhledy X, Praha 1958, стр. 40—44, 62—78.
Muistse Eesti linnused = Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused. Toimetanud H. Moora. Tartu 1939.
Nihlén, J., Gotlands stenåldersboplatser. KVHAA Handlingar, del 36 : 3, Stockholm 1927.
Nosek, S., Zagadnienie Prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii. Światowit XIX, Warszawa 1948, стр. 1—178.

Oldeberg, A., Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm 1952.
Puzinas, J., Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys (1918—1938 metų Lietuvos proistorinių tyrinėjimų apžvalga). Kaunas 1938.
Pälsi, S., Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg. SMYA XXVIII : 2, Helsinki 1920.
Pälsi, S., Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. SMYA XXVIII : 1, Helsinki 1915.
Ramsay, W., Niveauverschiebungen, eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Estland. Fennia 52, № 2, Helsinki 1929.
RK = Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896.
RK 1930 = Katalog der Ausstellung zur Konferenz Baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga 1930.
Sb. GEG — см. ÖESA.
Sb. Pernau = Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau. Pernau 1897—1939.
Schránil, J., Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens. Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin, Leipzig 1928.
Sen. un M. = Senatne un Māksla. Rīgā 1936—1940.
Sirelius, U. T., Über die Art und Zeit der Zähmung des Renntiers. Отдельный оттиск из «Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja». Helsinki 1916.
Sirgo, V., Emajõe alamjooksul Peipsi-äärsel madalikul asuvaist taimeühinguist. Acta Instituti et Horti Botanici Universitatis Tartuensis V: 1—2, Tartu 1936.
SM = Suomen Museo. Helsinki 1894 —.
SMYA = Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki 1877 —.
Soikkeli, K., Suippokantaiset kohoteräiset kivikirveemme. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 283—305.
Sommer, A., Der Rinne-Kalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands. Separatabdruck aus dem Archiv für die Naturkunde Liv-, Ehst- und Kurlands, Serie II, Band IX, Lief. 5, Dorpat 1884.
Spreckelsen, Der Burgberg in Jaggowal = Spreckelsen, A., Der Burgberg in Jaggowal, Ksp. Jeglecht, Estland. Beiträge zur Kunde Estlands X : 1, 1924/1925, стр. 16—32.
Szmit, Z., Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadomości Archeologiczne X, Warszawa 1929, стр. 36—117.
Stadie, K., Die Steinzeitdörfer der Zedmar. Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14. April 1921 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen 1921, стр. 148—160.
Steślicka-Mydlarska, W., Szczatki ludzkie znalezione w grobie tardenoaskim w Janislawicach, pow. Skierniewice. Wiadomości Archeologiczne XX, Warszawa 1954, стр. 49—66.
Šturms, Akmenslaikmets Latvijā I, II = Šturms, E., Akmenslaikmets Latvijā I. Dzīvesvietas. II. Savrupatradumi un kultūras raksturojums. Latvijas Vēstures Pirmavoti V, VI, Rīgā 1927.
Šturms, E., Der Ursprung der kamm- und grübchenkeramischen Kulturen Osteuropas. Commentationes Balticae III, 7, Bonn 1957, стр. 231—257.
Šturms, Zebrus-See = Šturms, E., Ein steinzeitlicher Wohnplatz am Zebrus-See in Kurzeme. Congressus Secundus. Rigae 1931, стр. 411—422.
Żurek, J., Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie pow. wejherowski i kultura rzucewska. Fontes Archaeologici Posnaniensis. Annales Musei Archaeologici Posnaniensis, vol. IV, (1953), Poznań 1954, стр. 1—42.
Tallgren, A. M., La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Eurasia Septentrionalis Antiqua II, Helsinki 1926.

Tallgren, A. M., Zur Archäologie Eestis. I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B III : 6, VIII : 1, Dorpat 1922, 1925.

Thomson, P. W., Die regionale Entwickelungsgeschichte der Wälder Estlands. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis A XVII : 2, Tartu 1929.

Thomson, P. W., Moorstratigraphische Notizen aus Estland. Beiträge zur Kunde Estlands XVIII : 3, Reval 1933, стр. 173—175.

Thomson, P. W., Ülevaade Eesti soodest. Eesti Loodus 1939, № 2/3, Tartu 1939, стр. 90—98.

Vassar, Drei Steinkistengräber = Vassar, A., Drei Steinkistengräber aus Nordestland. ÕESA 1937 I, Tartu 1938, стр. 304—364.

Vassar, A., Iru Linnapära. Muistse Eesti linnused. Tartu 1939, стр. 53—100.

Wellner, A., Peipsi pinna alandamise tööde hüdroloogilised alused. Eesti Loodus 1936, № 1, Tartu 1936, стр. 1—5.

Verh. GEG — см. ÕES Toimetused.

Voss, A., Photographisches Album der Ausstellung Praehistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands I. Berlin 1880.

ÕESA = Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1924—1938. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1861—1923. Tartu (Dorpat) 1861—1940.

ÕES Toimetused = Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXIV—XXXIV. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—XXIII. Tartu (Dorpat) 1840—1943.

Äyräpää, Chronologie = Europaeus-Äyräpää, A., Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I, II. AA I, København 1930, стр. 165—190, 205—220.

Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi = Äyräpää, A., Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. FM LXII, 1955, Helsingfors 1956, стр. 5—52.

Äyräpää, A., Die Verbreitung des Brensteins in kammkeramischem Gebiet. Strena archaeologica professori A. M. Tallgren 8. 2. 1945 sexagenario dedicata. SMYA XLV, Helsinki 1945, стр. 10—25.

Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde = Äyräpää, A., Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. AA XXI, København 1950, стр. 1—43.

[Äyräpää] Europaeus, A., Eine in Weissrussland gefundene finnische Bootaxt. Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza. Bibljoteka Prehistoryczna I, Poznań 1930, стр. 101—106.

Äyräpää, A., Estnische Bootäxte. AA XXIII, København 1952, стр. 81—96.

Äyräpää, A., Kampakeramiikan linnunkuvat. SM LX, 1953, Helsinki 1953, стр. 34—44.

Äyräpää, A., Kampakeramisen kulttuurin savikuviot. SM XLVIII, 1941, Helsinki 1942, стр. 82—123.

Äyräpää, A., Kauhavan Perttulanmäen kivikautinen hauta. SM XXXVIII—XXXIX, 1931—1932, Helsinki 1932, стр. 1—15.

Äyräpää, A., Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring. SMYA LII : 1, Helsinki 1953, стр. 77—98.

[Äyräpää] Europaeus, Kyrkslätt och Esbo = Europaeus, A., Fornfynd från Kyrkslätt och Esbo socknar. SMYA XXXII : 1, Helsingfors 1922.

[Äyräpää] Europaeus, A., Polemik i nordiska stenåldersfrågor. FM XXXI, 1924, Helsingfors 1924, стр. 31—64.

Äyräpää, A., Suomen kivikauden kulttuurimuodot. Suomalaisen Tiedeakatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat 1937, Helsinki 1939, стр. 101—126.

Äyräpää, A., Suomen varhaisin esihistoria, kivi- ja pronssikausi. Отдельный оттиск из сборника «Oma Maa». Porvoo 1958, стр. 16—36.

[Äyräpää] Europaeus, A., Uusia kivikauden taidelöytöjä. SM XXXVI, 1929, Helsinki 1930, стр. 82—88.

Äyräpää, A., Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII, Helsinki 1933, стр. 1—160.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЙ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ

ИИ — Институт истории Академии наук Эстонской ССР (сектор археологии) в Таллине.

КГХМ —Каунасский Государственный художественный музей им. М. К. Чюрлиониса.

МИЛ — Музей истории Латвийской ССР в Риге.

Эрмитаж — Государственный Эрмитаж в Ленинграде.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

I. Вступление 5

Хронологические границы работы (5). Историографический обзор: исследования до Великой Октябрьской революции (5), в буржуазной Эстонии (12), в Советской Эстонии (14).

II. Природная среда 18

Природные условия приустья р. Эмайыги в настоящее время (18), в эпоху неолита (21).

III. Поселение Акали 26

Внешний вид (26). Первые находки и ход раскопок (26). Методика раскопок (28). Раскопы в приречной (29), в центральной (36), в примыкающей к бугру (48) части поселения. Границы поселения и характеристика культурного слоя (56).

IV. Поселение Кулламяги 66

Внешний вид поселения и ход раскопок (66). Раскопы на северо-западном склоне (68), на северо-восточном конце (73), на юго-восточном склоне (76), на гребне (79) бугра. Границы поселения и характеристика культурного слоя (79). Другие местонахождения в приустье р. Эмайыги (83).

V. Обзор остальных поселений III—II тысячелетия до н. э. на территории Эстонской ССР и на смежных территориях 85

Размещение неолитических памятников (85). Поселения на территории Эстонии: Кроoди (88), Ягала (88), Кунда (89), Нарва-Рийгикюла I, II, III (91), Нарва (94), Ломми (Ленинградская обл.) (98), Вилла (99), Тамула (101), Валма (103), Ундва (106), Лоона (107), Наакамяэ (108). Поселения на территории Латвии: на берегу Буртниекского озера (109), в восточной Латвии (111), в западной Латвии (113); местонахождения неопределенного характера (117). Некоторые замечания относительно неолитических памятников на южных и восточных смежных территориях (119).

VI. Вещественный материал 121

Общие замечания (121).

А. Керамика 122

Керамика нарвского типа 122

Ямочно-гребенчатая керамика 127

Текстильная керамика 143

Шнуровая керамика 151

Керамика эпохи раннего металла 167
Керамика I—II тысячелетия н. э. (175). Некоторые необычные детали (175). Обзор развития керамики (177).

Б. Орудия охоты и рыбной ловли 179
Кремневые (179) и костяные (191) наконечники стрел. Наконечники копий и дротиков (194), гарпунов и острог (197). Рыболовные крючки (201). Поплавок (202). Грузило (203).

В. Орудия для обработки сырья и другие предметы домашнего обихода 203
Общие замечания (203). Проушные топоры (204). Каменные топоры и долота (205). Долотовидные орудия из кости и рога (230). Шилья (237). Кочедыки (239). Иглы (241). Орудия для вязания сетей (241). Кремневые скребки (245), ножи (250), острия (254), резцы (256). Обработка кремня и распределение каменных предметов (259). Шлифовальные камни и другие предметы для обработки камня (262). Куранты (?) (268). Каменный молот (268). Прочие предметы (270).

Г. Культовые предметы и украшения 273
Скульптурные фигурки (273). Янтарь (277). Сланцевое кольцо, подвески и пр. (285).

VII. Хронология 289
Хронологические этапы развития материальной культуры (289). Абсолютная хронология (295). Вопрос о датировке других поселений (302).

VIII. Хозяйство и общественные отношения 306
Рыбная ловля и охота (306). Характер хозяйства на последних хронологических этапах существования поселений (309). Некоторые замечания об общественных отношениях (312). Сношения с соседними территориями (314).

IX. Некоторые вопросы этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР 325
Культура Кунда (325). Об этнических группах раннего неолита (329). Культура типичной ямочно-гребенчатой керамики (333). Появление местных особенностей в поздней ямочно-гребенчатой керамике (341). Культура ладьевидных топоров (343). Другие новые явления во II тысячелетии до н. э. (349). Вопрос о смешении различных этнических групп (350). Заключение (355).

Siedlungsplätze des Neolithikums und der frühen Metallzeit im Mündungsgebiet des Emajõgi (*Zusammenfassung*) 358

Библиография и сокращения 372

Список принятых в книге сокращений музейных фондов 380

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
21	7 снизу	Fennina	Fennia
Табл. I, между стр. 34 и 35	2 снизу	профили *J*	профили раскопов *J*
	1 снизу	шурфа. *1*	шурфа 1
148	26 сверху	за ним	за ними
170	10 снизу	не выносят	не вносят
218	25 сверху	керамики	керамике
220	1 сверху	на каждый	на каждой
242	текст к рис. 36		
	1 строка сверху	игол	игл

Teil. 3637

Керамика эпохи раннего металла 167
Керамика I—II тысячелетия н. э. (175). Некоторые необычные детали (175). Обзор развития керамики (177).

Б. Орудия охоты и рыбной ловли 179
Кремневые (179) и костяные (191) наконечники стрел. Наконечники копий и дротиков (194), гарпунов и острог (197). Рыболовные крючки (201). Поплавок (202). Грузило (203).

В. Орудия для обработки сырья и другие предметы домашнего обихода 203
Общие замечания (203). Проушные топоры (204). Каменные топоры и долота (205). Долотовидные орудия из кости и рога (230). Шилья (237). Кочедыки (239). Иглы (241). Орудия для вязания сетей (241). Кремневые скребки (245), ножи (250), острия (254), резцы (256). Обработка кремня и распределение каменных предметов (259). Шлифовальные камни и другие предметы для обработки камня (262). Куранты (?) (268). Каменный молот (268). Прочие предметы (270).

Siedlungsplätze des Neolithikums und der frühen Metallzeit im Mündungsgebiet des Emajõgi (*Zusammenfassung*) 358

Библиография и сокращения 372

Список принятых в книге сокращений музейных фондов 380

Л. Ю. Янитс
ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА В ПРИУСТЬЕ р. ЭМАЙЫГИ (ЭСТОНСКАЯ ССР)

На русском и немецком языках
Редакционно-издательский совет
Академии наук Эстонской ССР
Таллин, ул. Кохту, 6

*

Редактор РИСО А. Скворцова
Технический редактор Э. Тоомсалу
Корректор Х. Кивила

Сдано внабор 11/XII 1958. Подписано к печати 10/III 1959. Бумага 70×108,1/16. Печатных листов 24+18 вклеек. По формату 60×92 печатных листов 32,88. Учетно-издательских листов 31,71. Тираж 1700. МВ-02248. Заказ 3637.
Типография имени Ханса Хейдеманна,
г. Тарту, ул. Валликраави, 4.

Цена 22 руб. 80 коп.

22 р. 80 к.

XIII
B-216
III

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00278935 4